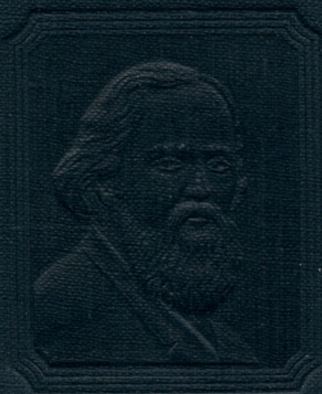

Н. П. ОГАРЕВ

Н. П. ОГАРЕВ

ИЗБРАННЫЕ
СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И ФИЛОСОФСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ИЗБРАННЫЕ
СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И
ФИЛОСОФСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

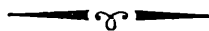
II

ГОСПОЛИТИЗДАТ

1 9 5 6

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

Н. П. ОГАРЕВ

ИЗБРАННЫЕ
СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И
ФИЛОСОФСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Под общей редакцией
М. Т. ИОВЧУКА и Н. Г. ТАРАКАНОВА

ТОМ ВТОРОЙ

1 9 5 6

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА

ИЗДАНИЕ В ДВУХ ТОМАХ

ПОДБОР, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА К ПЕЧАТИ И ПРИМЕЧАНИЯ

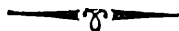
Я. З. ЧЕРНЯКА

Р А З Д Е Л

I

ВОЗЗВАНИЯ,
НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ
СТАТЬИ
И
ЗАМЕТКИ

e x e

⟨НАРОДНАЯ ПОЛИТЕХНИЧЕСКАЯ ШКОЛА⟩
ÉCOLE POLYTECHNIQUE POPULAIRE ¹

1

Прежде всякого плана школы нам надо согласиться в основаниях (principes) народного образования. Для этого я предложу один вопрос: что мы называем невежеством? Если мы согласны в определении невежества, то мы не можем разойтись в определении образования. Невежество — двух родов: или простое незнание истины и действительности (réalité) или искаженное понятие истины и действительности, что составляет заблуждение (eggeur) и предрассудок (superstition). В этом, я думаю, спорить нельзя. Теперь посмотрим, в какой форме и тот и другой род невежества является в нашем народе. Станем отвечать на 1-й вопрос: чего наш народ не знает? — Он не знает:

1) Личного достоинства человека. Отсюда отсутствие понятий чести, права и гражданства. Однако в народе существует некоторый кредит, однако существует некоторого рода законность, однако каждый мужик — член общины. На это я стану отвечать в отделе невежества par eggeur et superstition *. Из непонятия личного достоинства отчасти происходит отсутствие деятельности. Говорю отчасти, потому что это только одна из причин косности нашего народа; о других я скажу после. Косность, непосредственная косность, лень ума и рук, если она не есть апатия после огромных несчастий или идиотизм, необходимо заставляет предполагать отсутствие понятия о личном достоинстве. Человек самостоятельный не может не действовать.

* Из-за заблуждений и предрассудков (фр.). — *Ред.*

2) Народ не знает никакого научного объяснения естественных явлений и приложения науки к промышленности. Его труд основан на неподвижной рутине, и все его понятия в механике и земледелии тотчас перебрасывают в невежество *par erreur et superstition*.

Теперь разберем же его заблуждения и предрассудки.

1) Он привык думать, что он рожден рабом и что на это воля господня. В привычке к рабству и в вере в фатализм божьего произвола — корень всех его заблуждений и предрассудков.

а) Он верит, что жизнь его, его достояние, удача и неудача в предприятиях до такой степени в руках провидения, что он даже не заботится сознательно о сохранении жизни и здоровья. Если у него дом неудобен, одежда нехороша, двор грязный, он ничего не спешит поправить или изменить, потому что жизни-то не спасут никакие человеческие пособия и все будет только, как богу угодно. Он скверно пашет и молится о дожде или ведре. Эта вера снимает с него обязанность сколько-нибудь мыслить, даже запрещает ему мыслить, и попы спешат ему сказать, что изменить *status quo* *, на который была воля господня, значит идти против воли господней. Если вы откровенно подумаете, то, может быть, и возразите мне, что попы говорят не тем языком; но, без сомнения, согласитесь, что они при всяком удобном случае говорят именно то своим языком. Заметьте по статистическому опыту в наших деревнях, что не более как 5% крестьян богатеет. Мы сами невольно привыкли считать их исключительными людьми. Если остальные, т. е. масса (не исключительные люди), работают и кормятся, то это потому, что они по невольному и бессознательному опыту чувствуют, что провидение не положит им печеного хлеба в рот и не спасет их от замерзания, если бы они голые вышли на мороз. Но даже и исключительные люди в поступках идут на *авось* — слово, которое опять выражает фатализм воли господней. Заметьте, что ни в одном языке не существует этого слова, кроме нашего. Французское *peut être* ** (а другие языки не выразили ничего лишнего против смысла этого французского слова) выражает сомнение и надежду; оно редко приходит в голову француза. А наше *авось* выражает положительное вероятие и употребляется беспрестанно, особенно с присовокупле-

* Существующее положение вещей (лат.). — *Ред.*

** Быть может (фр.). — *Ред.*

нием: бог поможет. *Авось бог поможет* даже на языке наших воров весьма обычная поговорка. Что же такое эта вера в фатализм провидения, которому, заметьте, верят без всяких нравственных оснований за или против какого-нибудь дела. Это — ужаснейший формализм веры, признающий деспотизм бога помимо всякого разумного и нравственного содержания. Это начало лежит в нашей церкви, которая не столько выезжает на христианской морали и Моисеевых заповедях, сколько на формальном богослужении обрядов, постов, земных поклонов, вообще всяких кривляний, которые мы согласны делать перед существом, безусловную власть которого мы признали и которого боимся, как черта. Наша народная вера в фатализм божьего произвола есть рабский страх перед властью, признанной формально, без всякого нравственного содержания; это какой-то обрусившийся иудаизм, который поддерживает косность, рабскую робость, уничтожает самостоятельность человека, мешает пользоваться изучением сил природы, а все нравственные понятия сводит на жалкий формализм церковных постановлений.

2) Как вера в фатализм божьего произвола дает нам формальную религиозность помимо всякого нравственного содержания, так привычка к рабству, признанному законодательством, дает нам формальную законность помимо всякого права, формальное судопроизводство помимо правосудия и общинный быт, который есть формальное равенство. Я не знаю, как иначе назвать равенство подати при неравенстве сил, равенство земель при неравенстве трудов и капиталов. Наша община есть равенство рабства. Мир (мирское управление) есть сборище, на котором каждый является палачом и жертвой, завистником и боящимся зависти; мир есть выражение зависти всех против одного, общины против лица. Если на Западе идея равенства требует, чтоб всем было равно хорошо, то на миру равенство требует, чтоб всем было равно дурно. Результат всего общинного, административного и судебного устройства тот, что мужик (лучше скажу, русский человек вообще) не в состоянии понять, чтоб человек мог не принадлежать чему-нибудь, что он может быть сам по себе. Все, что здравый смысл должен вносить в общественную жизнь, у нас пробивается по секрету, обходя обманом закон и общинное устройство. Все это опять приводит к отсутствию деятельности и честности, к вечному испугу и нехотению

постоять за свое право открыто. Гражданственный формализм делает то, что для народа идеал грамотного человека есть делатель фальшивых бумаг, т. е. человек, который может писать фальшивые виды и кляузные просьбы и ответы; а между тем кляуза есть — хотя воровским путем — восстановление общечеловеческого права, потому что обманывает формализм гражданственности, отличающейся отсутствием права. Странное совпадение плутовства с правосудием!

3) Предрассудков в земледелии и обыденной жизни не оберешься. Сюда относится и привычка к трехпольному хозяйству, и привычка к известной стройке жилищ, способствующей грязи и болезням, и смесь поверий языческих и христианских, которые столько же смешны, сколько отвратительны. В отношении гигиены они уже становятся смертоносными.

Итак, три рода предрассудков: религия, гражданственное устройство (разумея под этим общинный быт как коренное основание) и хозяйственное устройство. Общий результат их — опять косность в нравственном и индустриальном отношении. И вот против чего должно действовать воспитание. Очевидно, что невежество заблуждений и предрассудков составляет для воспитателя действительную борьбу; между тем как простое незнание непосредственно устраняется учением. В борьбе с предрассудками посредством воспитания мало одного учения, весь образ жизни учеников должен быть устроен ежеминутным противодействием предрассудкам, привитым с первого детства. Эта задача весьма не легка, особенно при иных препятствиях, которых задняя мысль должна преследовать воспитателя. Но какие бы ни были препятствия, единство метода необходимо в воспитании. Этот метод, очевидно, должен быть противоположен всякому предрассудку. К счастью, этот метод есть существенная человеческая сторона в каждом человеке: это — рассудок, здравый смысл. Воспитывать здравый смысл значит истреблять предрассудки.

2

После этого введения перехожу прямо к плану моей школы сельского хозяйства.

А. Образ жизни учеников.

1) Ученики не будут принуждаемы исполнять какие бы то ни было обычаи, от которых пахнет обрядом и формализмом.

2) Ложь и обман будут преследоваться учителем следующим способом: показывая, что ложь из боязни напрасна, потому что отношения ученика и учителя отнюдь не будут основаны на страхе, а на уважении и соревновании. Обязанность учителя — всегда выказывать, во-первых, бесполезность и ненужность обмана и потом его подлость. Это единственный путь приучить к честности.

3) Ученики встают в одно и то же время. Вставши, убирают комнату, умываются, расчесывают волосы и тогда идут к своим занятиям.

4) Постная пища уничтожается. Кушанья должны быть разнообразны; кроме мяса — приготовляемы из всяких овощей, легко добываемых мужиком. Развитие вкуса должно уничтожить лень. Уже Фурье заметил, что хороший обед — главная цель индустрии.

5) Ученик не входит в школу с грязными ногами.

6) Ученик, раз поклонившись на улице учителю, помещику или кому из старших, обязан надевать шляпу.

7) Ученик, прося прощения за проступок, не смеет становиться на колени. Он предупрежден, что это считается подлостью.

8) Матери, отцы и родственники могут навещать учеников, но ученики домой не отпускаются.

9) Время труда, завтрака, обеда и сна определено. Труд разнообразен. Урок и телесная работа сменяются 2 раза в день.

10) Ученики спят на кроватях. Сменяют белье 2 раза в неделю. Никогда не спят ночь одетые. Кафтан должен быть вычищен и платье не валяться где попало.

11) В комнатах воздух чист и зимой определенная температура.

12) Телесных наказаний не существует. Maximum наказания — отдельный арест.

14)* Ученики должны знать наперед, что по окончании курса, в награду за успех, они получают освобождение от крепостного состояния с условием пробыть 4 года в своем крае**.

В. Наука.

Курс разделен на 4 года. Главное положение в течение 3-х первых лет: ученику ничего не говорится о фантастических

* Описка Огарева. — *Ред.*

** Ученики из моей деревни, может, уже и прежде будут свободны, но обязаны остаться в школе и в нашем крае означенное число лет.

предметах и исторических предрассудках. Учитель самыми уроками и обращением должен пробуждать соображение так, чтоб оно противуречило закоренелой нелепости.

Вот самые уроки:

1-й год. 2 первые месяца грамота по методе Жакото ². Ученик учится считать по пальцам и по счетам и писать цифры. Читать он учится печатное по гражданским буквам. Книгу избрать довольно трудно и надо подумать. Церковной печати он вовсе не учится. Читать ему придется больше писаное, чем печатное, потому что писаных материалов мы предоставим больше. Выучившись писать, ученики продолжают писать под диктовку, которой содержание зависит от нас. Учатся арифметике. Утренний класс занимается арифметикой и объяснением атмосферических явлений (метеорологией и физикой) опытами, легко понятными и не требующими математических расчетов. Вечерние классы составляют диктовку предметов, которые должны быть опытом объяснены на другое утро. К концу зимы (а наша школа не может иначе начаться, как осенью) даются понятия о химии. Делаются аналитические опыты над телами, которыми мы наиболее окружены. С весны знания учеников в физике и химии прилагаются к почве и растительности; но все химические сведения относятся только к качественному разложению, а не к количественному.

2-й год. Преподается геометрия. Уже с лета ученику даются геодезические понятия, и переход к геометрии будет не труден. Физика переходит к механике, т. е. к объяснению законов движения, и дается теоретическое понятие о машинах. Химия переходит в количественный анализ, и объясняется теория пропорций. Анализы не производятся над телами редкими, а вертятся около почв и употребительнейших веществ.

3-й год. Физика и механика преподаются подробнее. Присовокупляется популярное изложение астрономии. Химия, не прекращая приложений к земледелию и физиологии растений, переходит в физиологию животных и прилагается к скотоводству. Дается понятие о геологии и ботанике, преподаются лесоводство, технология и сельское хозяйство.

4-й год. Продолжаются естественные науки со включением анатомии и краткой зоологии. Преподается сельская и техническая архитектура. Это в утренние часы. Вечерние часы посвящены: а) Грамматике, которая до сих пор ограничивалась правописанием по рутине, а теперь должна логи-

чески разобрать состав речи. б) География с приложением к производительности и торговле разных стран. с) Политическая экономия. d) Кое-что об истории, и отсюда е) понятие права, нравственности и прямое нападение на пред-рассудки (в известных границах). Entre autre *, f) критический обзор наших постановлений.

Мне скажут, что это почти университетский курс. Если б и так, что же за беда? Но размер науки и практическая цель покажут, что это не университетский курс, а именно тот, который должен образовать селянина. Нам предстоит или просто выучить грамоте 50 школьников, из которых, разумеется, ничего не выйдет, кроме людей, которые забудут читать и писать за неимением книг и времени, или образовать человек 10—15 сельских учителей и начальников и пустить их как ферменты в наши общины. Я думаю, последнее разумнее, кроме того, что для малого числа учеников мы выберем лучших субъектов, что мужикам не в тягость отдать в школу по 1 мальчику со 100 душ и, след[ственно], не будет недовольных, которые бы приходили смущать учеников, или дать повод к иным неприятностям. О школе для женщин я ничего не говорю; да мне кажется, что для нее и час не пробил, да и нам нельзя растрачивать внимание на слишком много предметов. Еще замечу, что в продолжение всего времени мы с учителем обязаны составить народно-учебную книгу.

С. Телесная работа.

1-й год. Зимой: столярное, кузнечное, слесарное и медное ремесло. Летом — огород.

2-й год. Зимой: в мастерских ученики делают усовершенствованные полевые орудия и модели самых несложных машин.

3-й год. Ученики строят модели мельниц, молотилен etc. Летом: огород.

4-й год. Зимой продолжают устройство моделей. Летом: строят какой-нибудь завод, который сами пускают в ход на 5-ю зиму.

Возделывание огорода соединено с изучением систем сельского хозяйства. Ферму ученики посещают при объяснении возможных улучшений. Завод, строимый учениками, должен быть рассчитан на выделку знакомых ученикам плантаций.

* Между прочим (фр.). — *Ред.*

Д. Гигиена.

Порядок в жизни, чистота жилища и мастерских, чистота воздуха в них и здоровая пища — к этому ученики приучаются бессознательно, а впоследствии им объясняется, почему что здорово или нет. Медицинские сведения ограничиваются гигиеническими понятиями и наставлением, как поступать с внезапно заболевшими и в несчастных случаях. Ученики должны уметь пускать кровь из руки.

Порядок в жизни влечет за собой:

Е. Распределение труда.

Встают в 4 часа. От 5 до 8^{1/2} класс. От 8^{1/2} до 9 завтрак. От 9 до 1 мастерская или огород. В час обед, до 3 отдых. От 3 до 6 класс. От 6 до 8 мастерская (при свечах) или огород. В 8 ужин, потом сон. Выходит: час на чистку комнат и себя, 6^{1/2} часов класса, 6 часов телесной работы, 4 часа на еду и отдых и 8 часов сна³.

Воскресенье зимой: отдых, состоящий в гимнастических упражнениях в зале, занятиях на скотном дворе, беседах с учителем, чтении не научных книг.

Воскресенье летом: прогулки по лесам, полям, оврагам, приуроченные к лесоводству, ботаническим и геологическим сведениям и съемке планов.

Можно учредить воскресный класс, в котором ученики будут учить детей просто грамоте.

Данные все говорят в пользу моего плана. Наука выведет из незнания. Предрассудки не будут иметь пищи, а, напротив того, наука нечувствительно перебросит из них совсем в другую сферу. Воспитаем мы людей практических, к делу прилагаемых, здоровых умом и телом; добросовестных, потому что им не будет ни примера, ни поощрения к обману; мужественных духом, потому что их отучат от испуга и приучат к чувству самостоятельности; трудолюбивых — это уже обязанность учителя и моя пристрастие к труду. Они выйдут свободными людьми, хотя и обязуются остаться четыре года в нашем крае, чтобы успеть иметь влияние и обучать других. Во всяком случае, мы образуем человек 10 отличных мужиков-пропагандистов, и воскресными классами мы обучим большое количество детей грамоте. Чего же более? А между тем приготовится к печати курс популярной энциклопедии.

Лета учеников для поступления в школу entre 12 et 14*.

* Между 12 и 14 годами (фр.). — *Ред.*

Из сего видно, что требуется от учителя и насколько он должен быть близок мне, единомыслен и единомушен. Плата от 1 500 до 2 000 в год и хорошее содержание.

Вот мое поручение: сыскать учителя. Он будет называться моим лаборантом, и когда будешь писать о нем, так и называй. Если он не сведущ в сельском хозяйстве—выучится здесь; но математику должен знать хорошо, а естественные науки отлично и иметь привычку производить опыты. Умственные способности, само собой разумеется, какие. Хорошее поведение необходимо. Когда найдешь, напиши тотчас, мне хотелось бы в сентябре открыть школу. Если к тому времени не найдется, то нельзя иначе открыть, как после Нового года, ибо я от половины октября до половины декабря буду в Москве.

Введение этой программы есть оглавление большой статьи, которая будет писаться года три и больше.

ПИСЬМА ДЕРЕВЕНСКОГО ЖИТЕЛЯ¹

(Посвящено *Искандеру*)

ПИСЬМО 1-е

Мая..... Я рад, что уехал из города. Мне надоедали и тревожное движение на улицах, и внутренняя тревога мысли. Не думай, чтобы я сентиментально желал уединения, как то делалось в блаженной памяти риторические времена Усладов, бедных Лиз и Тидгевой «Урании»². Мне самому было бы смешно видеть себя, уединенно расположенного на берегу журчащего ручья, плетущего венки из незабудок, вспоминая блаженные дни, тоскуя о тщете мирской и стремясь туда, туда — и в голубое пространство небес, где при естественном устройстве легких дышать нельзя, и в дальний туман, в котором было бы просто сыро и который только потому и хорош, что далек и по отдаленности производит эффект в пейзаже. Нет! друг мой, эти времена давно утратились. Фразистая грусть о чем-то, натянутая слезливость, искание высоких чувств (как будто их можно искать, когда их нет?) — вся эта болезненная неясность головы осталась в памяти как пошлая сказка, которая нравилась в детстве и воспоминание о которой неразрывно связано с мыслью: вот это как глуп бывает ребенок! Итак, когда я говорю, что рад был уехать из города, не воображай меня юношей, которому чудо должно указать дорогу в край чудес. Вдобавок чудо, которое меня уносило по дороге, был весьма обыкновенный тарантас, и край чудес, к которому я стремился, — весьма обыкновенное поместье; оно издревле не отличалось ни особенно хорошим местоположением, ни особенно хорошим климатом. Но в нем можно было жить спокойно — и вот чего

я хотел. «Но разве тебя что беспокоило?» — спросишь ты с полным правом на такой вопрос. — Да! беспокоило. Это слово пошло и не выражает того, что я хочу сказать. Я находился не в состоянии беспокойства, но в состоянии действительной тревоги и скорби. Я не думал вырваться из него отъездом, но, оставаясь наедине сам с собою, я хотел привести в сознание и порядок все движения моей собственной мысли, все впечатления фактов, большею частью неутешительных, тем более, что они непреложны и неодолимы; я хотел уяснить себе многие задачи, которые навязывали мне чувство безвыходности. И вот я простился с тобою. Полосатый * шлагбаум лег между мною и городом, и мой тарантас пошел выплясывать по грязной дороге, усердно награждая меня самыми разнообразными толчками. Наконец, после нескольких дней и ночей он решительно остановился в последний раз, и я был дома, и тело мое могло отдохнуть от сухопутной болезни, в которую вгоняет езда по нашим дорогам и которая нисколько не изящнее морской болезни; если нет тошноты, то она щедро вознаграждается измятием боков, беспрестанным подталкиваньем, так что дух дрожит, и отвратительным запахом пыли, грязи, навоза и пр. и пр.

И вот я уже несколько дней живу в деревне. Жизнь моя — как и вообще жизнь людей в тех летах, когда вещи начинают являться в свойственных им размерах, — не отличается ни особенным блаженством, ни особенным несчастьем. Но отчего же не только в настоящую минуту, но уже давно через всю жизнь проводится давящее чувство скорби и безвыходности? Уж не продолжение ли это той неопределенной изнеженной грусти и жажды какого-то исключительного блаженства «в сфере душ», чем мы все, вероятно, упивались во время оно весьма бесплодно? Тело мое здорово; несчастными страстями я не измучен. Голова моя не утомлена и может понимать и работать ясно. Чувство наслаждения окружающим я не утратил: напротив того, я как-то с каждым днем более понимаю все изящное не только в природе и в искусстве, но во всякой деятельности человеческой; я понимаю изящное даже в мире промышленном, так давно признанном за неизящное идеалистами и мыслителями, для которых материальная бесполезность составляет принадлежность изящного. Я с каждым

* Вписано над зачеркнутым: «трехцветный». — Ред.

днем более понимаю возможность наслаждаться жизнью. Но только возможность. Действительно я страдаю. Чем же? Где же эта рана, к которой я приступаю как Фома Неверный, которую мне надо ощупать перстом, чтоб удостовериться, что она не призрак? Может быть, она призрак? Может быть, я нервически расстроен и мне кажется, что я страдаю? Однако не один же я страдаю. Той же безвыходностью отзываются и твои письма, друг мой³. Я гляжу на мою библиотеку: раскрываю книгу за книгой, и каждая страница преисполнена великой скорби. Возьму ли людей XVIII века, на каждом лежит печать страдания. Желчная сказка Вольтера представляет мне скорбь в форме насмешки и негодования. Если я вспоминаю где виденный мною портрет Вольтера, я не могу иначе оживить его, этого человека, в моем воображении, как с морщинистым лицом и саркастической улыбкой, и мне ясны следы страсти и страдания. Вот и вечный мученик Руссо; вот и энциклопедисты, которых я не могу себе представить иначе, среди их твердо и ровно выдержанной борьбы с предрассудками и неправосудием, как мучениками во имя здравого смысла. Положим, что им не удалось сложить головы на плаху, но легко ли им было жить между ханжеством, с одной стороны, и развратом, с другой, жить в атмосфере, которая представляла смесь этих двух элементов, им, ясным служителям рассудка?

Зачем Гете перевел «Племянника Рамо»?⁴ Гете, самая полная и спокойная натура, которая когда-либо жила на свете? Гете, который устранился от общественных движений, от участия к несчастьям социальных положений, от всего, что носило след противуречий в человеческом обществе? Перевел ли он «Племянника Рамо» как художник, увлеченный истинно художественным произведением Дидерота, или отсутствие страдания в Гете есть вымысел критиков, Менцеля и consorte*? Я думаю, друг мой, что это вымысел рецензентов. Вспомни, что самый Шиллер, которого *per contrarium*** выставляют человеком, принимавшим жаркое участие в делах человеческих, самый Шиллер, как и Гете, не находил «повода к радостным песнопениям» в весьма важных исторических происшествиях. Это только от того, что, несмотря на всю гениальную энергичность,

* Сотоварищей (лат.). — *Ред.*

** В противоположность (лат.). — *Ред.*

они оба были немцы того времени, когда писатель считал за великую честь, почти за событие, играть в бостон с каким-нибудь графом Гох-Пфифпфальц-гауз-рицкрейцбургзондербрюген. Но загляни в «Фауста» и ты найдешь все общечеловеческое страдание сильной личности. «Сродства по выбору» («Wahlverwandschaften») доказывают, что вопрос семейный представлялся Гете с * его действительно скорбной стороны. Что ни говори об олимпийском спокойствии Гете, оно не представляет холодности к миру человеческому, это есть ширь понимания и только, следственно, далеко не эгоистическое чувство **. Но давай дальше рассматривать мою библиотеку.

Что это за мрачную поэму страдания представляет Байрон? Нет! Этой гениальной скорби нельзя пройти мимо с усмешкою. Если нам кажется жалок и смешон так называемый байронизм, который когда-то был в моде в обществе, то нам нельзя ставить на одну доску солганные страдания модных рифмоплетов и салонных витязей с могучей скорбью, которою проникнут сам Байрон ***.

Близорукие критики видели в нем сухость, основанную на высокомерии. А между тем, как этот человек далек от сухости! В его измученном сердце неисчерпаемое богатство нежности. В одних стансах к его сестре более любви, чем в иных томах романтической школы, к которой напрасно многие его относят. Романтизм поклонялся старым формам феодализма и западной церкви, любил избранную женщину

* Далее зачеркнуто: «самой». — *Ред.*

** Далее зачеркнуто: «Но я боюсь слишком много наговорить о Гете, и не успею показать тебе (другой части) до конца моей библиотеки». — *Ред.*

*** Далее зачеркнуто карандашом: «Что бы взять в пример? Да возьмем хоть «Каина». Каин до пафоса возведенная борьба энциклопедистов во имя здравого смысла. Я очень рад, что выбрал для примера «Каина». Кроме того, что вопрос, в нем поставленный (и страдание в нем выраженное), ясно доказывает, что байронизм мелкой литературы никогда не заключал в себе содержания страдания самого Байрона; кроме этого «Каин» состоит в связи с некоторыми последующими произведениями, о которых я намерен тебе говорить. В «Каине» является защита демона, защита начала критики и рассудка. Эту защиту (менее поэтически) повторила Жорж Санд в «Консуэло». Я не сравниваю лирическую драму Байрона с романом Санда ни в художественном отношении, ни в силе, с которою тут и там проведена одна и та же задача, но дело в том, что задача одна и та же. Вот что меня поражает. Эта задача, как бы она ни была поставлена, как бы она ни была темно проведена, все же есть задача борьбы разума...». Далее в рукописи пробел. — *Ред.*

до гробовой доски, плакал и молился: Байрон несколько не романтичен, он только субъективен, т. е. выше всего для него поставлена его личность; но с тем вместе эта личность у него возведена до всеобщности, т. е. личность, его собственная личность, потому для него так важна, что для него важна вообще личность человеческая и ее права на жизнь и счастье, права, которые он везде находит стесненными и оскорбленными. От этого его гордость, это чувство, которое не позволяет дотрагиваться до своей личности и везде хочет провести свою волю, не терпя противуречия, его гордость переходит в любовь к роду, к человеку, и эта любовь является в форме ненависти к тому, что люди делают, и кажется мизантропией. Англичанин и тори — он язвит желчной насмешкой Англию и торизм, формализм душит его в семейных отношениях, и чувство независимости заставляет его разорвать брачные узы, а между тем в этом человеке все элементы для счастья с женщиной, а между тем все воспоминания его о дочери дышат трогательной любовью; он выставляет в мрачной фантазии, как гибнет род человеческий и последнее вспыхнувшее пламя на пожарище всеобщего разрушения освещает двух заклятых врагов — и едет умирать за дело Греции. Чем же он страдает, этот человек? С чем и во имя чего он борется? Неужели все это только ради самого себя? Нет! Его счастье разрушено, молодость, свежесть чувства в нем погибли: но дело в том, что он везде видит счастье человека разрушенным, в каждом человеке молодость и свежесть чувства погибшими. Такой факт выдумать трудно, да если б он и был только выдуман Байроном, то верно бы никто так нарасхват не читал Байрона и голос его не отозвался бы ни в ком. А между тем впечатление, им произведенное, было невероятно. С чем он боролся? Не со своими же личными врагами. Он боролся с предрассудками и неразумием во имя разума, как все реформаторы, но только в другой форме. Поэтическое слово точно так же казнит и клеймит позором неразумие, как и книга философа, как и решение законодателя; иначе ни книга, ни изменение в общественных постановлениях не нашли бы отголоска в людях. Если поэт и не созидает новых * условий жизни, тем не менее слово его сильно колеблет неправду ⁵.

* Далее вачеркнуто: «общественных». — *Ред.*

⟨ОТРЫВОК ИЗ АВТОБИОГРАФИИ⟩¹

руг неизменный,
Ты подарил мне эту книгу для вписывания стихов, а я пишу в ней прозу, хотя ты моей прозы и не любишь. Как быть! Вопросы, которые теперь накопились в уме, просятся наружу, а высказать их в стихах невозможно. Ну! проза — так проза! Не сердись и слушай! Это моя исповедь, мои *записки*²; но задача их не та, которую ты так искренно высказал в твоих записках. Я не могу писать исповедь сердца, жизни, поступков. Не могу, — у меня на это не хватает храбрости. Я слишком уверен, что человек состоит из трех данных: он, во-первых, — злодей, во-вторых, — смешон, а в-третьих, — приличен, т. е. прикрывает оба предыдущие данные боязнью общественного мнения и самооправданием. От этого я не могу писать сердечно-искренних записок и беру иную задачу, которая меня сильно тревожит. Это — умственное, теоретическое развитие, это история личного пути, по которому я искал верований, убеждений, истины, и, наконец, я хочу высказать результаты, к которым я пришел, общность, целое убеждений, которых я достигнул долгой работой мысли и жизни, понимания и опыта и которые мне теперь хочется привести в порядок. На эту исповедь у меня болезненная потребность, и писать ее — для меня самоудовлетворение. Весьма уважая системы, где философ, перестав быть человеком и сделавшись абстрактом, садится за письменный стол и схематизирует, я все же не имею к ним сочувствия, и невольно первое, что меня в них поражает, — это прореки, ошибки, отклонения от действительности. Я с

ненавистью вижу, что в них мысль не выстрадана, а только человек с самодовольствием, взяв точку отправления, закусывает удила и решает все на свете, плюя на препятствия, и с пренебрежением отвергает факт, если он ему противуречит. Так же мало имею я сочувствия к людям, которые ни с того, ни с сего наблюдают факты и не требуют от них никакого теоретического понятия или довольствуются фактами с одной стороны, а с другой стороны берегут для собственного удовольствия самые нелепые теоретические верования, не имея потребности замкнуть бездну, разделяющую обе стороны. Мне кажется, что трансцендентальная философия и точные науки именно потому и не могут до сих пор популяризироваться, что ни то, ни другое не схвачено из жизни; и то, и другое носится или в неверных и неприлагаемых отвлеченностях, или в плоских наблюдениях, не касающихся теоретических вопросов, и то, и другое не только не удовлетворяет, но и не затрагивает живого человека, страждущего жаждой теории, потсму что эта жажда — неотъемлемая функция человеческого мозга. Поэтому, мне кажется, рассказ о том, как развивалась умственная жизнь человека, принимавшего это развитие к сердцу, не может быть бесполезен. А если бы и был бесполезен, то говорить об этом с тобою, с которым я всегда шел рука сб руку, — для меня самоудовлетворение, огромное, хотя и мучительное наслаждение. Итак, вот тебе моя исповедь. Лгать я не стану, из моего теоретического развития ничего не утаю; но подноготной сердечных движений и поступков — не скажу. Страшно!

Начать воспоминания с детских или отроческих лет мудрено: тут все так сбивчиво и смутно. Но не могу не остановиться на некоторых выдающихся чертах, потому что и в отроческом мышлении помню минуты высокого наслаждения, которые имели влияние на все мое остальное развитие. Таким образом, я не могу забыть первые впечатления, которые сильно затронули меня (и soit dit en parenthèse * и тебя), — это чтение Шиллера и Руссо и 14-е декабря. Под этими тремя влияниями, очень родственными между собою, совершился наш переход из детства в отрочество. Может быть, тебе покажется странным, если я скажу, что в этом влиянии лежал зародыш реализма, который впоследствии развился в нас, без пощады к какому

* В скобках будь сказано (фр.). — *Ред.*

бы то ни было идеальному миру. Идеальный Шиллер, идеальный Руссо, юношеское движение 14-го декабря — все это кажется так далеко от реализма!.. А между тем я прав; тут был зародыш реализма.

Что нам дал идеальный Шиллер? Благородство стремлений. Но это благородство стремлений наполнялось сомнением, отрицанием разумности и справедливости современного общества. В героях Шиллера и в его философских письмах важным для нас становилась не идеализация, не духовность понятий; это было преходящее; важным было то, что для оправдания идеализации и духовности мы должны были пальцем дотронуться до действительного общества и указать ложь, указать рану, указать страдание. Руссо — сколько он ни фразер — дал еще более положительную точку зрения: *l'homme est né libre et partout il est dans les fers* *. Главное, что в этом поразило отроков, — не то, что *l'homme est né libre* **, — это принималось на веру, — а то, что *partout il est dans les fers* ***, — это был факт, который мы осязали. Протест 14-го декабря подтвердил этот факт. Эти три влияния разом произвели то, что первый шаг наш в области мышления был не исканием абстракта, не начинанием с абсолюта, а был столкновением с действительным обществом и пробудил жажду анализа и критики. Таким образом, в 14, 15 и 16 лет, состоя под влиянием Шиллера, Руссо и 14-го декабря, мы занимаемся математикой и естественными науками, мы хотим чего-то положительного, хотя оно для нас еще совершенно неясно. Тут важно не то, что именно мы тогда делали, умно или глупо работали; тут важна точка отправления, к которой после долгих шагов мы должны были возвратиться при совершеннолетию. Эта точка отправления — реализм. Каким образом мы тогда мирили наш реализм с самыми крайними идеализациями и априорными построениями, это — другой вопрос, к которому я сейчас возвращусь; но я только хочу тебе показать теперь, что точка отправления нашего отрочества была реализм и что он лежал в нас так глубоко, что после многих уклонений не мог не возвратиться в наше сознание, как скоро мозг наш совершенно сложился.

* Человек рожден свободным и всюду он в оковах (фр.). — *Ред.*

** Человек рожден свободным (фр.). — *Ред.*

*** Всюду он в оковах (фр.). — *Ред.*

ЧТО БЫ СДЕЛАЛ ПЕТР ВЕЛИКИЙ? ¹

История не идет ни по плану Боссюэта, ни по плану Гегеля ². Если б человечество развивалось по предначертанному плану, нам можно бы скрестить руки в приятной праздности: что ни делай — все пошло бы, как по-писанному. Но в действительности история представляет отсутствие плана; происшествия могут случиться, могут и не случиться, смотря по тому, какие для чего есть данные; такое или иное общественное условие, явление такого-то или иного лица меняет факты, меняет жизнь. От того именно, что вещи могут быть и не быть, всякий порядочный человек страстно принимает участие в деле общественном и по мере сил старается, чтобы вышло то, что он считает полезным, справедливым, нравственным. От этого бывает так больно, когда что идет наыворот. От этого — при известных данных, когда государство ждет какой-то новой будущности, когда люди жаждут преобразования, — так мучительно хотелось бы появления человека такого, какого мы встречаем великим деятелем в прежнем веке, но при подобных же * условиях — потребности и необходимости государственной перемены. Пусть условия нашего века иные, но хотелось бы, чтобы в эти новые условия опять вошла могучая личность с ясным умом и неуклонным преследованием своей цели. Хотелось бы для России опять Петра Великого!

* Далее зачеркнуто: «Животрепещущих». — *Ред.*

Живо воскресает в воображении исполненное благородной силы лицо великого царя - революционера *. Застает он Россию в смутном положении — нечто вроде христианской Азии, где московский хан, разогнав мелких узденей, сосредоточил власть, но посредством и под влиянием холопей, называвшихся боярами. Они окружают царя и сводят государственные вопросы на низкую степень холопских интересов — на местничество и грабеж. Россия (разделенная на воеводства, то же, что пашалыки) отдана им на разграбление. Войско не устроено **. Церковь хотя имеет власть, но, несмотря на недавние нововведения патриарха Никона, ни сама она, ни расколы, возникшие как противуречие ее нововведениям, не вносят в народную жизнь никакого живого начала. Народ переходит с места на место, без всякой выгоды для себя, без настоящей промышленной деятельности, без всякого понятия правосудия, вечно бродящий и везде притесненный и ограбленный царскими пашами. Россия велика, но в ней нет порядка; власть московского царя сосредоточена, а государство не сильно и перед другими народами не имеет ни голоса, ни значения; русская торговля ничтожна.

Однако Петр Великий гениальным чутьем понимает, что Россия — не Азия, что формы азиатского царедворства и полутатарские нравы не составляют ее конечной цели, что русский ум ясен и боек, что русский человек ловок и предприимчив, что надо государство поставить на иную ногу. Что же делать? Надо противопоставить азиатской косности — европейское образование, празднотанию — порядок, бессудию — правильный суд, местничеству — понятие государственной службы; надо вызвать промышленность и торговлю, надо войти в соприкосновение с другими образованными государствами, надо правильное войско, надо создать сильное государство, которое бы стало наряду с другими европейскими народами и имело бы с ними сношения как сильный с сильным, равный с равным. Цель ясно понята; он всем для нее жертвует. Долой китайский халат царя, взлелеянного холопами; он является царем-

* Слова «исполненное благородной силы» вписаны над строкой, слово «революционера» — над зачеркнутым «бунтовщика». Против этого места Герцен написал карандашом: «гениальной», очевидно, взамен эпитета «благородной». — *Ред.*

** Фраза переделана из: «Армия не организована». — *Ред.*

диктатором в одежде образованного человека *, ищет окружить себя умными людьми, какого бы звания и происхождения они ни были, и не хочет праздных бояр-холопей; от бояр-холопей он хочет, чтобы они переоделись, перессоздались сообразно с его требованиями, чтобы они делали дело, если хотят быть чем-нибудь, или оставались бы ничем. Он гонит татарское направление, он бреет боярам бороду во имя просвещения, чтобы сбрить долой азиатское невежество, гуртовое невежество целого класса, владычествующего в народе. Это не то бритье бород, которое было в прошлое царствование и происходило из противоположного направления, из трусости перед просвещением, из трусости, подозревавшей либерализм в самой невинной бородке, из направления, которое встретить в ком-либо из современных наших правителей было бы для нас так прискорбно, что вот так бы, кажется, и схватил его за руку и сказал бы: «Что вы делаете? срамитесь и отрекаетесь от живой струи русского развития ради какой-то тупой привычки к капральству. Это вас недостойно».

Петр Великий занят исключительно русским развитием; он не имеет династического интереса; казнь сына была, конечно, для него не наслаждением, а жертвою, принесенной великим диктатором народному развитию.

Для достижения своей цели, т. е. умственного и материального развития России, он делает все и делает неутомимо. Для этого он учится за границей и переносит в Россию все, что находит полезного в Европе. Он возбуждает дух промышленности и ради торговли и европейских сношений берет берег Балтики и строит новый город. Он заставляет народ быть оседлым, потому что без этого не было бы ни промышленности, ни государства. Он создает правильное войско. Он учреждает сенат и правильные суды. Он учреждает синод, т. е. подчиняет самую церковь живому началу государства. Он окончательно рушит холопское управление бояр и вводит правильную администрацию. Он учреждает академию и полагает основание науке в России.

Россия уже не азиатское племя, а государство. Петр перестает быть ханом-царем и делается императором — в первоначальном, доблестном значении слова, т. е. вождем.

* Против этих слов Герцен написал карандашом: «(простого офицера?)». — *Ред.*

Полтора века прошло с тех пор, и Россия опять в смутном состоянии и при такой же напряженности вопросов, когда государственная перемена становится необходимостью. В продолжение этого времени движение в России было большое; но движение никогда не совершается прямо, по направлению одного толчка и одной силы; оно идет по диагонали — путем, по которому толкает совокупность сил. Государство хотя и создано, но не шло прямо по направлению, данному Петром Великим; не шло сообразно с действительным значением его мысли. Его учреждения уклонились от стези, им предполагаемой.., — стези развития образованности.

Что же бы он застал в России теперь и что бы он стал делать?

Он вводил в народ оседлость и дух промышленности. Промышленность и начала развиваться, но, с другой стороны, оседлость развила до уродливости крепостное право, помещичье и государственное, которое душил промышленность. Народ задавлен или ограблен, или и то и другое разом.

Правильное войско, которое должно было стать благородным оплотом государства, чтобы всякий знал, что государство сильно, — войско имеет только наружный вид силы, а в самом деле пришло в уныние под влиянием капральства и военно-чиновничьего грабежа. Рекрутство только бесплодно истощило народ и, при жеребьевой системе, дало новый повод чиновничеству грабить его безнаказанно.

Правильные суды под влиянием общей организации чиновничества стали формальными присутственными местами, где продается правосудие. Сенат сделался ссыльным местом для превосходительных неспособностей и превосходительного лихоимства.

Администрация образовалась в правильную систему грабежа, которая давит все классы народа и грозит правительству финансовым разорением.

Наука склонила голову под ярмом многочисленных цензур, штатских и жандармских.

Всюду татарское местничество преобразилось в немецкую чиновничью пошлость.

Торговля страдает от бессудия, административной продажности и административного нахальства.

Синод и духовенство с своими консисториями преследуют мирных раскольников, то подводя их под наказания

и ссылки, то отбирая у них книги, для них священные, с тем чтобы потом опять продавать им эти книги за невероятные цены, и воспитывают в своих семинариях то невежественных попов, которые полагают, что их мнимая ученость для того создана, чтобы дать им право увеличивать плату за церковные требы до крайнего притеснения народу, то подготавливают в семинариях людей, идущих умножать собою и без того многочисленное чиновничество — с целью нажиться всеми неправдами.

И все это страдает безгласно, потому что правительство, вместо того чтобы сделаться вождем России, сделалось главой немецкой бюрократии, давящей Россию, и боится гласности, и, не слыша голоса действительных потребностей государства, само мчится бессознательно и влечет его за собою к гибели.

Вот как бы застал Россию теперь Петр Великий.

Но опять он бы не усомнился ни на минуту, что, несмотря на это положение, жизненные силы России велики, что от его первого толчка она сделала огромные успехи в образовании, не потому чтобы ей помогали на пути развития, а вопреки всем препятствиям, которыми ей заграждали этот путь. Он орлиным взором увидел бы, что теперь крепостное право, местничество и грабеж в форме немецкой бюрократии и безгласный хаос, над которым носится дух жандармский, составляют язвы государства. Как во время оно он вырвался из азиатских объятий холопского боярства, так и теперь он снова почувствовал бы себя вождем-императором России, а не главой холопского, немецко-татарского чиновничества и снова со всей силой ясного ума и неуклонной воли стал бы всем жертвовать для блага отечества.

Он уничтожил бы крепостное право, посредством ли общей финансовой меры или бы заставил помещиков и крестьян выбрать между собою посредников для освобождения крепостных людей с частью земли на полюбовных условиях, но положил бы срок для окончания этого полюбовного освобождения, строго наблюдая, чтобы в назначенный срок его воля была исполнена. Так или иначе, но он не отдохнул бы, пока бы не сделал этот первый необходимый шаг русского развития.

Он увидел бы, что равно судебную и административную власть пора преобразовать, но не посредством случайного уменьшения штатов и частного мнимого преследования мелких грабителей (я говорю: мнимого, потому что пресле-

дование своего своим не может быть немнимое), а посредством коренного изменения всего состава чиновничества. Он бы уничтожил чин, который во время оно ему казался нужным и который теперь только мешал бы ему вызвать порядочных людей к государственной деятельности. Как гениальный человек он был бы чужд мелкого самолюбия и легко бы сознавался в своих ошибках для того, чтобы исправить их. Он понял бы, что немецкая бюрократия так же вредна, как и азиатское местничество, и ясно увидел бы, что кроме правительственных контор, т. е. министерств и губернаторств, естественное и действительно разумное влечение русских людей — от крестьянской общины до благородного дворянства — иметь судей и администрацию выборную, которая давала бы избирателям отчет в своих действиях на миру, т. е. гласно. Раз увидав и убедившись в этом, переход от убеждения к исполнению у него шел бы быстро, со всей быстротой любви к отечеству, не терпящей неправды *. Петр Великий скорбел от неправды, от этого-то он так неутомимо быстро и действовал. Он не смотрел на свой престол, как на кресло, в котором ловко отдохнуть, и не смотрел на Россию, как дитя на учебную книгу, которую ему хочется не читать, а изрезать на игрушки. Он был одушевлен своим неутомимым умом и любовью к народу. От этого он и был великий человек.

Уничтожив чин, учредив суд и администрацию на иных основаниях, он окружил бы себя людьми достойными, к какому бы сословию они ни принадлежали. Так он делал и во время оно, когда возле него стоял Меньшиков (не тот, который был морским министром); табель о рангах — его почти предсмертная ошибка. Он умел бы выбрать людей. Дозволив всем говорить гласно, т. е., сняв с печати тяжело-весную цензуру, он избрал бы тех людей, которые всего более напечатали бы правды и всего яснее бы ее высказали; Петр Великий был бы ловец людей в смысле евангелия, а не в смысле жандармского полковника.

Он перестал бы гнести народ ненужным рекрутством и, держа войска не более, как сколько необходимо, возвысил бы его нравственное значение, избавив его от военных игрушек, театральных костюмов, а также и от начальников невежественных и грабящих.

* Далее в рукописи зачеркнуто слово «Да!». — *Ред.*

Он перестал бы гнать раскольников, видя и в них таких же русских людей, как и прочие, да еще и очень полезных промышленников. Он обратил бы внимание и на семинарии — эти школы, существующие вне министерства народного просвещения и выпускающие законоучителей, неспособных поучать народ никакой, не только евангельской истине.

В духовенстве и войске, в администрации и суде, в народе и дворянстве — везде он преимущество дал бы науке. Он стал бы не теснить, а увеличивать университеты и давал ход их воспитанникам во всякой государственной деятельности, втолкнул бы науку в практику, приложил бы знание к делу.

Для достижения своей цели он необходимым условием поставил бы гласность, потому что ему самому нужны бы были и уши, и язык; он очень бы хорошо понял, что если он себе зажмет уши, а людям зажмет рот, — то Россия погибнет.

Да! в наше время Петр Великий с неутомимой деятельностью и гениальной быстротою уничтожил бы крепостное право, преобразовал бы чиновничество и возвысил бы значение науки.

Тогда бы Россия отдохнула и ожила к новой, великой умственной и промышленной деятельности, и правительство блистательно стало бы в уровень с современной задачей русского развития ³.

❧

(ЗАПИСКА О ТАЙНОМ ОБЩЕСТВЕ)¹

Может ли в наше время тайное общество быть полезно и, если может, какая должна быть его цель и организация? Это приводит к еще более общему вопросу: что значит полезное в общественном смысле? Я смело отвечаю: все, что клонится к свободе личности и к равному распределению ее в общественном устройстве, словом, все, что может — хотя приблизительно — примирить неслгнетаемую независимость лица и его действий с необходимостью рода людского, лежащую *in naturae regim* *, жить стадом. Я думаю, это самое общее выражение смысла *полезного*. Но теперь спрашивается: что же делает личность внутренне свободною? — Ясность мысли и адекватность поступка с мыслью. Что делает личность независимою? — Немешание окружающей средою ясно мыслить и действовать. Итак, полезное в общественном смысле — это знание **, т. е. наука, и отстранение препятствий, мешающих человеку ясно мыслить и *** действовать. Или скажем определеннее — полезных **** элементов два: популяризация науки ***** и гражданская реформа *****.

* В природе вещей (лат.). — *Ред.*

** После слова «знание» вписано карандашом «окружающего», а слова «т. е. наука» зачеркнуты. — *Ред.*

*** После «и» вписано карандашом «последовательно». — *Ред.*

**** Перед словом «полезных» вписано карандашом «желательных истинно». — *Ред.*

***** Слово «наука» зачеркнуто; надписано карандашом: «знаний». — *Ред.*

***** Слово «гражданская» заменено карандашом словом «общественная». — *Ред.*

Было ли когда-нибудь и может ли быть теперь тайное общество, которое бы имело в своей власти * эти два средства общественной пользы? — Без сомнения, было. Христианство было такое тайное общество; реформация имела свое такое же тайное общество; революция имела свои тайные общества, сделавшиеся впоследствии *явными* клубами, потому что все же цель тайного общества:

Was im Kämmerlein
Still und fein gesponnen —
Muß doch endlich auch einmal
Kommen an die Sonnen ** 2.

Положимте, что христианство распространяло не науку***, а только мнение, но это мнение в глазах тогдашнего человека равнялось знанию, а распространение этого мнения было совершено посредством тайных обществ. Гражданские реформы, т. е. приобретение права гражданства христианскому мнению, совершились все под тем же влиянием тайных обществ, действовавших равно на народы и на правительства, пока мы, наконец, видим, что христианский епископ коронует франкского короля — и тайное общество переходит в явную церковь, т. е. в явную власть. Я не говорю теперь о пользе или вреде христианства и церкви; но вот метод, достигший цели. Кто же нам мешает употребить тот же метод для распространения положительной науки**** и приобретения гражданских***** реформ, сообразных с нашими понятиями?

Да! тайное общество полезно, возможно и необходимо*****.

Должно ли быть это общество исключительно русское или повсеместное? Последнее увлекательно широкостью своей задачи, но чем более думаю, тем более вижу, что

Ред. * Над словом «власти» надписано карандашом: «цели». —

** То, что в горенке тайком
От людей прядется,
Рано ль, поздно ль, напоказ
Выносить придется. (Перевод М. И. Михайлова.)

*** Над словом «науку» надписано карандашом «знание». —

Ред. **** Слова «положительной науки» переделаны карандашом в: «положительных знаний». — *Ред.*

***** Слово «гражданских» переделано карандашом в «общественных». — *Ред.*

***** Следующий абзац зачеркнут карандашом. — *Ред.*

«Jérôme Paturot à la recherche d'une position sociale» * 3 до такой степени сидит во всяком европейском деятеле, что искреннего центра общества с европейцами не составишь в настоящее время. Искренни, может быть, только итальянцы в вопросе национальной независимости. В остальном общее служит людям только как средство к достижению частных, корыстных или тщеславных целей. Вдобавок исключительно русское общество для нас возможнее и потому начать надо с него.

Но как начать?

Центр, зерно общества не имеет нужды в многолюдстве; он нуждается только в искренности и понимании своих членов. Центр должен быть искренен, как бы одно лицо, а его понимание вещей должно быть энциклопедическое; это *conditio sine qua non* **, когда дело идет о положительной науке *** и о практических гражданских **** реформах. Центр должен иметь свой орган в печати, где бы его понятия высказывались как можно более цельно. Центральное издание должно высказывать направление, теорию, гипотезу применений, исполнение которых падет на периферию общества. Чем далее в периферию, тем более потребуются специальностей, как бы мелки они ни были, так чтоб всякий человек мог найти свое дело и общество имело бы, наконец, бессознательных агентов, т. е. агентов, действующих в смысле общества, не имея нужды знать о его существовании. Периферия должна иметь в печати свои специальные органы *****. Конечно, общество не может ограничиться одним способом действия — книгопечатанием — и, чтобы не терять ни одного интереса из виду, должно иметь своих агентов и в государственной деятельности, и в промышленной деятельности; от этого-то тем паче лежит на центре обязанность быть энциклопедистом и составиться из членов, которые бы совокупно выражали энциклопедизм научного понимания.

О власти центра над обществом и организации этой власти я не стану говорить.

* «Жером Патуро в поисках общественного положения» (фр.). — *Ред.*

** Непременное условие (лат.). — *Ред.*

*** Слова «положительной науке» заменены карандашом: «положительных знаниях». — *Ред.*

**** Слово «гражданских» заменено карандашом: «общественных». — *Ред.*

***** Эта фраза зачеркнута карандашом. — *Ред.*

Порядок подчинения иезуитского общества для нас слишком ненавистен, чтобы мы могли создать нечто подобное. К тому же такой порядок годится только для отстаивания падающего начала *. Наш центр ** должен быть нравственной силой без всяких quasi *** правительственных форм. Центробежная сила убеждения и центростремительная сила доверия должны зависеть от искренности, понимания и деятельности центральных членов, без всякой формальной иерархии ****. Повиновение агента ***** должно иметь основание в его внутреннем согласии с поручением, и только; от этого две выгоды *****: во-первых, члены общества будут действовать согласно с собственным ясным убеждением и, следственно, будут нравственные люди; а бессознательные агенты, работающие под их влиянием, будут также действовать согласно со своим убеждением, следственно, охотно и не лениво. Правило одно *****: чем специальное дело, тем менее агент должен знать о существовании общества (это единственное условие, которого требует самосохранение общества). При этом, кажется, порядок очень прост и ясен: добровольное соглашение члена или агента действовать в известном деле и известным образом *****.

Для нецентральных членов, — если нужно заглавие, — общество может начинаться под названием — общество научных приложений и гражданских улучшений. Для центра девиз его, без сомнения, останется: социальная реформа. Я думаю, что в этом с виду анархическом устройстве будет не менее порядка, чем в монашеском или масонском ордене. Там нужны были формальности, потому что они были религиозные

* Весь текст от начала абзаца до слов «падающего начала» включительно зачеркнут карандашом. Несколько ниже этого зачеркнутого места, на обороте предшествующей страницы, написано карандашом: «порядок подчинения иезуитского ордена». — *Ред.*

** Перед словами «наш центр» вписано карандашом: «конечно, прежде всего». — *Ред.*

*** Якобы (лат.). — *Ред.*

**** Последние четыре слова зачеркнуты карандашом. — *Ред.*

***** После «агента» вписано карандашом «прежде всего». — *Ред.*

***** Последние шесть слов зачеркнуты карандашом. — *Ред.*

***** Слова «Правило одно» заменены карандашом: «Но». — *Ред.*

***** Следующие три абзаца до слов «частью и в целом» включительно зачеркнуты карандашом. — *Ред.*

общества; а мы не должны забывать, что работаем в пользу положительного здравого смысла, враждебного формальностям. Даже и заглавие: общество людей здравого смысла, было бы не дурно.

Но довольно о схеме. Надо более уяснить самые понятия, которые мы хотим популяризировать, реформы, на которые метим, и, наконец, самый ход наших действий.

Положим, что центр общества составлен. Члены его должны выражать три отрасли знания: естествознание (от математики до медицины и техники), экономическую науку и юриспруденцию. Это нужно как для того, чтобы знать, что мы хотим популяризировать, так и для того, чтобы знать, против чего мы станем бороться и какие средства для борьбы мы можем употреблять, имея всегда за себя положительное основание в государственном законодательстве. Англия доказывает, что последнее условие для постепенной реформы необходимо; а Франция доказывает, что непостепенная реформа невозможна. Центр же общества должен содержать все реформы в возможности. С реформами необходимо связывается популяризация науки; следовательно, центр должен иметь теорию науки, т. е. свой взгляд на предметы, и усвоить себе метод, как и кому сделать науку доступною частью и в целом.

Без сомнения, для нас теперь главная задача реформы — это уничтожение крепостного сословия *. Следственно, центр предлагает задачу и группирует около нее членов общества. Задача уничтожения крепостного сословия ** имеет свои соприкосновенные задачи; следственно, центр обязан вызвать членов общества на специальную разработку их *** и дать цельности этого труда место в центральном издании, между тем как каждые специальности должны быть печатаны во всех существующих повременных и новых изданиях.

Задача эта ставится таким образом:

А) Финансовый оборот для выкупа крепостных людей с землею.

* Эта фраза переделана карандашом: «...теперь главная задача — общественная реформа», далее четыре слова зачеркнуты. — *Ред.*

** Перед «Задача» вписано карандашом «Главная»; последние три слова зачеркнуты карандашом. — *Ред.*

*** Далее все зачеркнуто карандашом до пункта С включительно, а в печати опущена и дальнейшая часть рукописи — до конца. — *Ред.*

1) Настоящее положение крепостных людей, оценка крепостного труда, крестьянское и помещичье землевладение в статистическом и экономическом смысле.

2) Разбор государственных кредитных учреждений исторически.

3) Возможность основать на них выкуп.

4) Современное значение, назначение и состав дворянства и его возможная будущность.

5) Современное состояние, значение и будущность крестьянской общины.

Это приводит к задаче о крестьянах вообще и, следовательно, к вопросу о государственных крестьянах.

В) Государственные крестьяне.

1) Статистика земель государственных крестьян и государственных пустопорожных земель.

2) Народонаселение, его местные способы существования, т. е. промышленность, его общинное юридическое и административное устройство.

3) Налоги; принятая в России теория оных, способы взимания, недоимки и причины оных.

4) Возможная новая метода податей и взимания оных.

Тут мы переходим к чиновничеству и к промышленности.

С) Чиновничество.

1) Его современная организация, подробная статистика числа чиновников, их жалований, дел, производимых ими, по количеству и по содержанию, образование чиновников и влияние их.

2) Как изменить чиновничество?

Д) Промышленность.

1) Статистика земледелия и торговли земледельческими произведениями.

2) Статистика заводской и фабричной промышленности и ее торговля.

3) Современные и предполагаемые пути сообщения.

4) Промышленное отношение разных частей России между собою и к иностранному миру.

Это наталкивает нас на вопрос народного образования и на торговое, т. е. среднее, сословие государства.

Е) Народное образование.

1) Его современное положение.

2) Какие сведения прежде всего надо сделать народными?

3) Устройство школ и издание книг.

4) Приготовление учителей.

5) Технические примерные орудия и препараты при школах.

6) Средства к их содержанию.

С вопросом народного образования связан вопрос о

F) Духовенстве.

1) Его современное образование, положение, нравственность и число.

2) Изменение или, лучше, уничтожение семинарий или присоединение оных к общей системе университетского преподавания.

3) Отношение народа к духовенству, количество духовных лиц на число душ и на какие средства содержат их.

G) Среднее сословие.

1) Его численность (т. е. купцов и мещан), нравы, занятия.

2) Средства к образованию.

3) Его отношение к народу и к администрации.

4) Средства не дать ему консолидироваться в касту.

Тут мы переходим в общие экономические и государственные вопросы:

H) Значение капиталов в России, их количество, ценность, оборот. Отношение к массам потребителей и производителей. Будущность капитала и труда в России при освобождении крепостных людей, преобразовании чиновничества и системы налогов. Отношение земельной собственности к капиталу. Отношение денежного капитала к иным движимым и недвижимым имуществам.

J) Юридическое состояние государства и изменение его.

K) Племенное, физиологическое и патологическое состояние народонаселения.

L) Геолого-метеорологическое состояние государства и его отношение к растительности.

Частные вопросы:

M) Винные откупа и соляные сборы и их реформа.

N) Рекрутство.

O) Удельные имения.

P) Посессионные имения.

Q) Казенные оброчные статьи.

R) Организация армии.

S) Тарифы.

Конечно, это далеко не все, но вот вопросы, которые центральное общество должно:

- 1) уяснить себе;
- 2) сделать популярными для большинства посредством печати и представить в более серьезном виде для воспитанников высших учебных заведений, сохраняя везде свою теоретическую точку зрения;
- 3) проводить по всем вопросам решение по государственным постановлениям через влияние членов общества и бессознательных агентов.

Центральное общество должно работать, чтобы в периферии готовились для печати и издавались — с нашей точки зрения и без всякой точки зрения (социальной) — специальные сочинения, наивозможно популярнее, а именно:

- 1) учебники,
- 2) отчеты по трудам академий всех стран,
- 3) отчеты технических и других открытий,
- 4) отчеты и разбор экономических сочинений,
- 5) отчеты и разбор исторических сочинений,
- 6) как можно более собственно литературных произведений с нашей точки зрения,
- 7) простонародная литература, сказки, картинки и пр.,
- 8) как можно более сочинений насчет всяких случайностей или, лучше, по поводу случайностей в правительственной России.

Центральное общество для изданий, разъездов, пересылок и вспомоществований предлагает известное годовое пожертвование с каждого члена общества и обязано учредить отчетность в деньгах так, чтобы члены были уверены в хорошем употреблении оных.

Центральное общество обязано устроить по возможности быструю и постоянную корреспонденцию, чтобы всегда быть *au courant des choses* * по всем отраслям.

Общество должно иметь членов и агентов в мире промышленном, так чтобы и в промышленности ощущалась популяризация науки и требование государственных реформ.

* В курсе вещей (фр.). — *Ред.*

⟨ЗАМЕТКИ И НАБРОСКИ⟩¹

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ (I)

1.

Наука может быть только одна: наука мира (science de l'univers). Все науки — ее подразделения; отдельная самобытная наука — ponsens, потому что в мире нет ничего бессвязного, напротив того, все явления относительные. Это основное понимание науки для человека естественно; достигает ли оно совершенной ясности или только находится на степени предчувствия, но оно всегда присуще человеку. От этого во все века человек для основания своего знания искал начало мира. Когда понимание находилось на степени предчувствия, для того чтобы высказать начало мира, человек брал это начало вне мира и называл его богом, творцом. Богу он уже переставал искать начала, принимая его за первоначальный факт, хотя не было никакой логической причины остановиться на этом и можно было совершенно законно спросить: кто создал бога и так далее в бесконечность. Но понимание на степени предчувствия удовлетворялось принятием первоначального факта на веру; из этой точки отправления нельзя было развить знание, науку; из нее развилась только религия, выражавшаяся в различных фантастических представлениях, смотря по тенденциям времен и национальностей. Но остановиться на религиозном понимании люди не могли; потребность выйти из веры в знание несгнетаема и, следовательно, человек ищет во что бы ни стало удовлетворить эту потребность.

Переход из веры в знание не делался скачком; человек цеплялся за старое верование и за новое понимание и старался связать их, пока не отделялся совершенно от

старого верования. Таким образом, всегда переход из религии в науку совершался посредством пантеизма. Чувство, что для того, чтоб поставить начало мира, первоначальный факт, надо, чтоб этот факт был не созданным, а просто сущим, лежало и в религии, признававшей бога вне мира; это чувство переходит и в пантеизм, но так как уже понимание не видит никакой достаточной причины, чтоб первоначальный факт лежал вне мира, то он примыкает его к миру и внутрь всего мироздания вставляет божество. Наконец, когда человек усматривает, что постоянно вставляя во все члены одной и той же формулы изобретенную им функцию, он делает совершенно лишнее, и что, отняв ее, формула нисколько не переменится. Поняв это, человек отбрасывает пантеизм, как прежде отбросил религию, принимает природу за факт и входит в положительную науку.

2.

Разоблачая природу, т. е. восходя от многообразия к единству, мы, наконец, натываемся на одну *всеобщность*, свойственную всему сущему: вещество, которое мы признаем, потому что оно непроницаемо. Непроницаемое в природе мы называем веществом. Это непроницаемое занимает место. Отношение занимаемого места к непроницаемому составляет для нас отвлеченное понятие пространства. В это понятие входит равно и протяжение непроницаемого и расстояние между двумя непроницаемыми, т. е. пустота. Есть ли вакуум в природе или нет, это нисколько не мешает понятию пространства. Пневматическая машина и возможность представить себе расстояние между двумя непроницаемыми скорее доказывают нахождение пустоты в природе, чем присутствие непрерывного вещества. Но, оставив пока этот сомнительный пункт, возьмем любое данное вещество и разрежем его. По обеим сторонам разреза мы найдем поверхности, не имеющие толщину. Эти поверхности, или плоскости, составляют границы, пределы тел и сами по себе не существуют. Продолжая разрезы в бесконечность, мы найдем, что тело, вещество есть ряд поверхностей, не имеющих толщину, ряд пределов, так сказать не существующих. Далее мы найдем, что поверхность — ряд линий, не имеющих ширины, и что, наконец, предел линии — точка, не имеющая никакого протяжения, равная нулю. Мы необходимо приходим к тому результату, что

самое вещество есть ряд точек, ряд нулей и что то, что в природе составляет решительную всеобщность, есть *ничто*, равно прилагаемое и к непроницаемому веществу и к пустоте пространства. Здесь начало Гегелевой логики, т. е. тожество *ничто* и бытия (*des Nichts und des Seins*) фактически оправдывается. Дело в том, что мы никак не можем логически исключить пространство; что бы мы себе ни представили, какую бы пустоту мы себе ни представили, — это опять и опять пространство. Но пространство для нас ряд точек, ряд нулей, а эти точки, эти нули относительно друг к другу пределы, т. е. тангенсы. Таким образом, мы входим в систему дифференциалов, которых интеграция дает бесконечность, ибо мы не можем представить конца миру, всякий конец был бы только предел относительный, за которым снова следовало бы продолжение ².

Мы с антропологической точки зрения различаем понятия пространства и вещества, потому что предполагаем возможность пустого пространства; мы говорим вещество в пространстве; в самом деле мы под этим понимаем только противоположность полноты и пустоты со всеми их постепенностями плотности. Эти понятия существуют только с антропологической точки зрения; в действительности же вещество — такой же ряд плоскостей, не имеющих толщины, такой же ряд нулей во все стороны, как и пустота. Вещество — понятие относительное, в действительности самой по себе только нуль. Нуль же везде, нуль в мире становится только вообразимым для нас, потому что мир, бесконечность и пространство существуют только как противоположность к ограниченному, конечному, определенному. Для нас общий нуль является как ряд последовательных нулей или как путь нуля, т. е. движение.

Движение для наблюдателя разлагается на два момента: сила или толчок и перемещение (собственно, движение). Сила — понятие предположительное; действительно только явление перемещения. Кроме того, сила в воображении наблюдателя есть понятие сложное; оно происходит от понятия толчка. Толчок, собственно, влияние плотного тела на другое плотное тело для перемещения его сквозь менее плотную или совсем пустую среду на другое место. Собственно же, движение есть занятие телом пустого или неплотного пространства. Это занятие происходит от отсутствия препятствий.

Дифференциалы в бесконечности не могут иметь покоя, потому что им не на чем остановиться. Отсюда в мире движение во всех точках и во все направления. Но при всяком движении образуется пустота. Если на одном месте пустота, то на другом сгущение и наоборот. Сгущение дает плотность, т. е. уменьшение объема, дает массу, тело, которое, естественно, подвинется туда, где нет препятствий движению, т. е. где образовалась пустота. А так как пустота образовалась вслед за движением, т. е. позади сдвинувшейся частицы, то сплотившееся тело повернется, т. е. движение двух сплотившихся частиц необходимо совершится по кривой линии обратно, т. е. кругообразно. Кругообразное же движение всегда увлекает за собой близлежащие частицы, потому что оно есть движение по непрерывному ряду тангенсов. Достаточно двух сплотившихся частиц, чтобы они в своем тангенциальном движении произвели целые миры.

Покоя в бесконечном пространстве быть не может; и то, что мы называем косностью в природе, есть только относительное равновесие. Таким образом, дерево стоит на земном шаре, по законам равновесия, и в то же время движется вместе с ним по общим законам планетарных движений.

4.

Но наш взгляд не может проследить мир в бесконечности, и мы поневоле принуждены изучать законы движения и образования тел в нашей планетной системе и на нашей почве³.

2. МЫСЛИ И ЗАМЕТКИ

1. Искусство — явление историческое, следственно, содержание его общественное, форма же берется из форм природы. Для того, чтобы оправдать теорию «искусства ради искусства», надо сказать, что форма исчерпывает * задачу, что форма все, а содержание равнодушно. Русско-немецкие мыслители очень напирают на общечелове-

* Далее зачеркнуто: «содержание». — *Ред.*

ческое содержание в противоположность общественному. Тут опять название играет роль понятия и, как всякое мнимое понятие, выражает неопределенность и пустоту. Что такое общечеловеческое? Общее всем людям? т. е. просто: человеческое. Да с знаменитого *homo sum et nihil humanum a me alienum puto** — все, что входит в человеческую деятельность, есть человеческое или общечеловеческое; под это название подходят равно явления и отношения общественные, и отношения лица к лицу, и лица к природе и необходимости. Мысль и чувство — совершенно общечеловеческие явления и совершенно общественные, потому что человек не в стаде немислим; даже ** грустное чувство, возбуждаемое отшельничеством, основано на оторванности от стада. Отличительно человеческое — это сознание; а сознание равно может проявляться и в искусстве, и в науке, и в жизни, т. е. в устройстве стада. Сознание есть понимание отношений, выраженное мыслью, т. е. словом; понятие отношений, будь оно понятие аналогии или разнородности предметов, всегда сводится на уравнивание, на понятие меры, гармонизирование и потому не обходится без количественной категории. Приведение в меру (гармонизирование) в науке есть отыскание закона известных отношений, будь это закон аналогии или разницы, совпадения или расхождения, жизни или смерти. В искусстве гармонизирование есть отыскание красоты отношений, будь это красота жизни или смерти, блаженства или ужаса.

Сознание, не дошедшее до степени понятия, мысли, есть чувство. В науке чувство не имеет места, потому что предмет и цель науки — понятие, теория. В искусстве чувство имеет место, потому что предмет и цель его — красота, изящное, для которого достаточно впечатления, без теории. Наука — понятие о природе, искусство — подражание природе. Наука — воспроизведение действительности в понятии; искусство — воспроизведение действительности в подражании.

Но сознание, равно на степени понятия или чувства, совершается посредством чувств, есть явление физиологическое. Поэтому искусство имеет физиологические отделы: искусство слуха, искусство зрения и *** общее искусство,

* Я человек и ничто человеческое мне не чуждо (лат.). — *Ред.*

** Далее зачеркнуто: «отшельничество». — *Ред.*

*** Далее зачеркнуто: «искусство, собственно, мысли». — *Ред.*

искусство мысли, слова, т. е. музыка, живопись и * поэзия. Как все в природе, ни одно искусство не обходится без количественной категории, требует меры, изящного гармонизирования отношений. Отношения звуков составляют собственно гармонию; отношение линий — образы; поэзия вмещает и то, и другое + мысль — в слове.

* *
*

Вещество в новейшем материализме принимается за факт всесильный, за вещь *an sich*, которая вместе *phenomenon* и *nooumenon*. Ошибка тут та, что в природе *nooumenon* нет, а только *phenomenon*. Вещество — явление, как и все другое. *Nooumenon*, т. е. смысл явления, истинный или ложный, все равно, находится в наблюдателе, *phenomenon* — это познающий, это сознание; от этого *phenomenon* искать в вещах *an sich* — труд тщетный; он только ** понятие человека о явлении, а природа, вещество*** *an sich*, — это явление, которому до *phenomenon*'а дела нет. *Nooumenon* — понятие антропологическое. Вечный *phenomenon*, вечное движение, вечно кажущееся — вот что природа; а есть вещество факт *an sich* — это еще вопрос; как явление — оно неоспоримо.

* *
*

В понятии количества лежит понятие прогрессии, серии; то же находится и в природе. К сожалению, теория прогрессии никогда не была приложена к естественным наукам; была только приложена пропорция, а заключение было довольно близко: пропорция, существующая в ряде явлений, есть прогрессия. Прогрессий три, а не две: 1) арифметическая, 2) геометрическая и 3) прогрессия степеней. $a + a$; $b + a$, $c + a \dots n$; $a \cdot a$, $b \cdot a$, $c \cdot a \dots n$; a^a (a^a) (a^a)****... $a^n \cdot n$. В природе каждое количественное приращение в прогрессии всех трех порядков есть качественное изменение. Его-то и надо проследить.

* Далее зачеркнуто: «литера[тура]». — *Ред.*

** Далее зачеркнуто: «идея». — *Ред.*

*** Далее зачеркнуто: «движение». — *Ред.*

**** $a^2 \cdot 2a = a^{4a} \dots a^{n \cdot n}$

* *
*

Вода течет по наклонной плоскости или падает с вышины. У воды нет никакой цели течь или падать, у ней нет плана; но формулу течения или падения мы можем вывести и признаем это течение или падение рациональным. Так же и во всей природе столько же цели и плана, как в течении и падении воды; но, выводя формулу природы, т. е. * выводя из действительности закон движения, мы этот закон признаем рациональным и навязываем природе целесообразность и развитие по плану, вместо того чтобы понять, что мы только вывели формулу так, как в первом примере вывели формулу падения воды.

* *
*

Личность—понятие относительное. Я только существует как противоположность к другому, к не-я. Уже поэтому личность не есть нечто само по себе независимое, а определяемое извне. Личность первобытная (божественная) — *poisens*, потому что не определена другим.

* *
*

Система Галля определять способности или наклонности и классификация страстей Фурье⁴ — обе основаны на грубой наглядности, которая иногда может попасть на правду, но, не будучи, действительно, в связи с физиологией и патологией, никогда не приведет к настоящему пониманию предмета. Классификация страстей, а следовательно и психология, должна быть основана на целом организме и на различии его абстрактно-нормальной физиологической (жизни) и его уклоняющейся ненормальной патологической жизни. Без сомнения, нервная система — непосредственное основание психических явлений; но не надо упускать из виду ее зависимость от химизма и быстроты движения крови, от отправлений внутренностей, от устройства, т. е. формы и плотности тканей и самого остова, от происходящего из соотношения всех частей и функций

* Далее зачеркнуто: «узнавая законы». — *Ред.*

организма электрического, а может и электромагнитного, напряжения (если взять в расчет количество и движение железа крови), от влияния внешней электромагнитной и климатической среды и, наконец, от истории индивида, т. е. условий, под которыми совершался рост организма. При таких данных из сравнения анатомико-физиологических типов можно сколько-нибудь приблизиться к естественной классификации страстей.

* *
*

Вопросы крестьянской торговли и приписки людей в мещанство, цех и купечество ведут к спору *contadini cittadini* *. Спор не новый. В Европе он был решен в пользу горожан, у нас он должен решиться в пользу сел.

3. (ЗАМЕТКА О КАНТЕ)

Кант разделяет явления и сущность вещей (*phenomena et noumena*) и доказывает, что для человека доступны только *phenomena* (Heine, de l'Allemagne, 1855, T. I, p. 127) ^в. Я не читал Канта и не знаю, насколько Гейне понимает его.

Nichts ist drinnen,
Nichts ist draußen,
Denn was innen,
Das ist außen ** ^б.

Я думаю, это вернее, и очень сомневаюсь, чтобы Кант искал определения антропологических границ разума невозможностью знать сущности. Ее нет; мир весь явление, весь форма. Луч не различен от света, мысль не различна от слова. Разделение сделано человеком для удобства понимания и привело к неудобству понимания. Граница совсем не в различии явления и сущности самих вещей; если бы их сущность была в различии явления и сущности и была бы для нас недоступна, то мы не могли бы вывести и этого различия. Дело в том, что сущность явления — в явлении, и антропологические границы разума совсем не в

* Крестьян и горожан (ит.). — *Ред.*

** Ничего внутри, ничего во вне, — ибо, что внутри, то и во вне (Гете). — *Ред.*

недоступности сущности. Границы — в отношении познающего человека к познаваемому * явлению; это отношение представляет четыре случая:

1) или человек понимает явление так, как оно есть в действительности,

2) или он понимает его иначе или приблизительно,

3) или он не замечает явления, существующего в действительности,

4) или он представляет себе явление, не существующее в действительности, для ** понимания существующим; т. е. 1-й случай тождества понятия и предмета ($=$), 2-й случай — неравенства (\neq), 3-й случай — нуля (0) и 4-й случай — минуса ($-$). Равенство, тождество точно так же лежит в возможности понимания, как и остальное. Только остальные три случая мешают тождеству и составляют границы. Явление четырехугольника, которого сущность быть четырехугольником, совершенно адекватно в понимании. Разлагая его на 4 угла, 4 стороны, измеряя его и выводя формулы различных его видов посредством ли диагонали, составляющей гипотенузу, или иначе, — как бы то ни было, но понятие адекватно, и все атрибуты явления известны. Чем конкретнее явление, чем больше ускользает атрибутов, тем более мы удаляемся от знака равенства к \neq , понимание становится около справедливо[го]. Пропуская атрибуты, что беспрестанно случается, мы становимся в невозможность достигнуть тождества понимания и явления; не сущность, отдельная от явления, а само явление ускользает от нас. Наконец, видя то, чего нет, мы навязываем явлению несуществующий атрибут и совсем удаляемся от тождества понимания и явления ***, выдумывая явление. Это границы не только патологические, но чисто физиологические. Сновидение относится к последнему разряду случаев понимания совершенно физиологически; во время бдения мираж для глаза и еггг **** для мысли относится к***** 4-му разряду случаев, и тут физиология постепенно переходит в патологическое значение. Но это границы эмпирического разума, которым мы владеем; абстрагируя от границ, понимание = явлению.

* Далее зачеркнуто: «миру». — *Ред.*

** Далее зачеркнуто: «себя». — *Ред.*

*** Далее зачеркнуто: «заменяя». — *Ред.*

**** Ошибка (англ.). — *Ред.*

***** В подлиннике описка: «в 4-му». — *Ред.*

Искание сущности, — пошлелоп, — так же нелепо, как искание абсолютной действительности. Она = 0. То, что мы разумеем под действительностью, — *относительная действительность*. Электричество, магнетизм, свет, сливаясь в одну корреляцию сил, доказывают, что для нас всякая форма действительность, что различие форм, т. е. относительная действительность, — для нас все, все для нашего понимания возможно. Вещество — одна из форм, одна из относительных действительностей, а также и все виды вещества и движения; камень, устрица, человек, перемена места, звук, мышление — все виды относительной действительности для нас существуют, подлежат нашему пониманию; абсолютная действительность подлежит нашему пониманию не иначе, как нуль, т. е. не подлежит нашему пониманию, потому что = 0.

Всякая относительная действительность есть величина. Пространство измеримое, потому что пространство a берется в отношении хотя бы к a^∞ , составляет относительную действительность, величину. Время, которое не подлежит чувствам, но только мысли, измеримо, потому что мы также берем пространство времени b , хотя бы b^∞ . Всякое число вообще, только мыслимое, — также относительная действительность, мыслимая величина. Сила есть величина *. Сама мысль не ускользнет из количественной категории: она не может обойтись без субъекта и глагола; субъект необходимо ставится относительно других субъектов, глагол необходимо ставит время; возьмем ли мы *cogito ergo sum* или *sum ergo cogito* **, глагол представляет отношение к прошедшему и будущему, и мысль выражает величину. Бурдон ⁷ начинает арифметику с того, что для математики абсолютной величины нет, а только величина относительная. Следственно, мысль и действительность — величины, и абсолютной действительности и абсолютной мысли нет. Абсолютная величина нуль. Что же касается до пресловутого понятия бесконечности и вечности, они только неостанавливаемое сложение.

Конкретная величина, природа, организм, всякое качество также входят в относительную действительность, и абсолютного качества нет. Качество, которое у нас называют

* Эта фраза вписана карандашом. — *Ред.*

** Мысль, следовательно, существую или существую, следовательно, мысль (лат.). — *Ред.*

сущностью, напр[имер] жизнь в органическом неделимом, — только наша абстракция; в действительности органическое неделимое живет и мы можем наблюдать и формулировать явления жизни, но жизнь как сущность, как абсолютная жизнь, вложенная в отдельный организм, — немыслима, потому что или она равна нулю и тогда она только предел живого, или она дело относительное, т. е. явление, величина, вещь, которую мы могли бы наблюдать отдельно, если б она была отдельно *, — а такой жизни нет. Вообще das Wesen ** — родная сестра des Allgemeinen ***, имеет то же притязание на абсолютность, как и das Allgemeine само. А между тем абсолютно только ничто, нуль; а то, что философия называет das Allgemeine, не абсолют, а абстракт, выведенный нами из аналогии однородных явлений и приведенный в мысль и слово для возможности классификации, ибо без классификации мысль невозможна.

4. ПРОЛЕГОМНА АД ГИСТОРИСОФИАМ⁹

20 февраля

Друг Искандер!

Должно быть наши разговоры так сильно мне врезались в мозг, что я сегодня в каком-то полусне или совершенно во сне преследовал ряд мыслей, которые спешу записать, чтобы не забыть; мне кажется, что они могут послужить которому-нибудь из нас темой для более объемистого и обдуманного труда.

Наука давно стремится придать истории рода человеческого какую-то замкнутую целость, какой-то систематический ход развития по плану ради осуществления какой-то идеи, как бы заданной роду человеческому. Как выразить это стремление иными словами? Мне кажется, задача может быть выражена так: сыскать линию, по которой направлено движение рода человеческого во времени.

Не говоря о том, что эта линия может идти только по направлению составной силы (résultante) огромного количества двигателей, посмотрим, что делали мыслители для решения задачи.

* 5 слов вписаны карандашом. — *Ред.*

** Сущность (нем.). — *Ред.*

*** Всеобщего (нем.). — *Ред.*

С кого начать? Боссюэт ведет линию движения рода человеческого по направлению толчка, данного провидением для осуществления неисповедимых целей. Это, очевидно, уловка человека, для которого сущность вопроса состоит в отыскании какого бы то ни было единства в истории, человека, которому грустно жить без плана и он скорее согласится на всякую нелепость, лишь бы спасти цельсообразность рода.

Вико дает линии направление кругообразное. Для него история — ряд повторяющихся колец (*cercles*). Тут все есть, кроме движения. Нанизывание окружностей не составляет движения, а только нанизывание *juxta = position* *.

Кондорсе берет прямолинейное направление прогресса. Тут есть движение одного толчка, который нельзя разложить на составные силы, потому что толчок — гипотеза первоначала. Это то же провидение Боссюэта, переведенное на нравы XVIII столетия, и цель так же остается неисповедимой, как у Боссюэта. Еще хуже: прогресс носит в себе противуречие бесконечности и цели, два понятия, уничтожающие друг друга.

St. Simon повторяет кольца Вико. Эпохи синтетические и критические — те же кольца, где есть юкстапозиция и нет движения.

Боссюэт и Кондорсе ищут единства и движения в роде человеческом; Вико и St. Simon — методы, по которой совершается история.

Гегель соединяет оба направления. Путь от непосредственности к самосознанию дает и прямолинейный толчок развития и замкнутость циклов. Но тут одно странно: Аристотель должен быть поставлен в цикл непосредственности, а Луи-Наполеон в цикл самосознания. Одно двойственное христианство займет соответственный себе цикл; а древний и новый мир никак не вогнешь в эту трилогическую рамку. Но, наконец, что делать с последним циклом трилогии? Или довести человечество до кат-экзохин ** самосознания, создать для него философскую аркадию, или за неимением дела уморить, или предоставить самосознание бесконечному развитию и возвратиться к Кондорсе ***.

* Повторных положений (лат.). — *Ред.*

** Самых высот. — *Ред.*

*** Напротив этого абзаца написано карандашом, рукой Герцена: «Греция у Гегеля представляет художественную гармонию непосредственности и идеализма.

Comte * повторил всех — и Вико с Сен-Симоном и Гегеля. У него и кольца, и трилогия, и, раз ставши на почву положительной философии, приходится идти по прямолинейному пути Кондорсе.

Во всем этом забыто, что движение рода человеческого может идти только по направлению составной силы и что надо разложить ее на элементарные силы, чтоб определить направление.

Постараюсь указать на несколько элементарных сил, какие могу припомнить на сию минуту **.

1. Человек есть животное, живущее стадом. Из этого положения обуславливается одно: ради добывания пищи и удобств жизни человек устраивается географически. Это составляет основание всей жизни.

2. Каким образом мозг секретирует мысль — дело темное ***. Та же секреция совершается в животных на ином размере. Животное, с обезьяной включительно, развилось до понятия пропорции, т. е. размера. Животное делает скачок, соображаясь с размером. Человек доводит это понятие пропорции до понятия гармонии, т. е. согласования многих данных. Таким образом человек доходит до понятия красоты; это его самое существенное превосходство.

Ради этой идеи гармонии он придумывает провидение во всевозможных формах. Ради этой идеи он уважает искусство во всевозможных формах.

Данных для определения направления движения рода человеческого может быть *n*. Но остановимся на этих двух, и определение направления уже становится возможным.

Стадная животность, географическая потребность устройства, составляет *ось*, около которой вертится все движение.

Само же движение есть чувство гармонии, красоты, изящества.

Оба данные обуславливают потребность знания ****.

В каждой исторической эпохе все элементы имеют представителей». — *Ред.*

* Конт. — *Ред.*

** Далее зачеркнуто: «1. Животность человеческого организма. Эта животность обуславливает искание пищи и удобств жизни. Тут начало географического движения».

*** Против этой фразы Герцен написал: ««Секретировать мысль» — можно употреблять только в полемике». — *Ред.*

**** Против этого и предшествующего абзаца рукой Герцена поставлен знак №. — *Ред.*

Но стадная животность есть ось. Движение совершается около нее. Каким же путем может оно совершаться?

Конечно, не прямолинейным, ибо оно, двигаясь около оси, должно возвращаться на себя.

Конечно, не юкста-позированными кольцами, потому что тогда не было бы движения.

Тут, когда есть постоянная ось и непрерывное движение, больше не к чему прибегнуть, как к наклонной плоскости, и ее развитие будет винтообразное.

То есть человечество вертится около своей стадной животности, стараясь определить чувство гармонии. Этот процесс совершается во времени *.

Каждый поворот есть повторение предыдущего. На этом основании мыслители искали методу.

Каждый поворот есть движение вперед. На этом основании мыслители искали прогресс.

В сущности ни того, ни другого нет.

Поворот винта может состоять из разных материалов. Винт может быть деревянный, железный et cetera. Но высота винта меняется или нет? Вот вопрос, который надо определить и который очень сомнителен.

Если материал меняется, а высота винта не меняется, то прогресса нет.

А это наиболее вероятно по опыту.

Но прогресс есть кажущийся.

Также и систематичность есть кажущаяся.

Ось остается одна и та же.

Около нее идет винт, составленный из разных химических данных.

Есть и кольца, есть и прямолинейное движение. Составное направление обоих есть винт.

Ни одно кольцо не лучше другого, а между тем есть движение.

Винт есть повторение и, пожалуй, прогресс.

Геологический переворот может перервать его на каждом шагу; может и оставить его вертеться сколько угодно около основной географической оси **.

* Против этого абзаца Герцен написал: «Т. е. религия». — *Ред.*

** Напротив всей страницы, на обороте предыдущей, рукой Герцена: «Нет ли арифметического прогресса? В памяти былого и в приобщении большего и большего числа к выработанным результатам». — *Ред.*

Тут прогресс мнимый. Метода есть винтообразное движение. Это и повторение и нечто иное. Цели нет, и есть движение.

Что и доказать надлежало.

Еще большее доказательство то, что как ни придумывай, а из винтообразного движения не выйдешь.

Этот винт не идет с целью достичь чего-нибудь, но идет потому, что около данной оси нельзя быть иному движению, как винтообразному.

Повторяю:

Что и доказать надлежало.

Засим addio, Искандер, прочти это с спокойным самознанием и спорь сколько хочешь.

Твой *Огарев*.

P. S. Движение есть потому, что не быть не может. Мир есть иммобилитет движения. То, что называют косностью, есть только относительное равновесие.

* *
*

Что наука? ⁹ — Стремление в беспорядке открыть порядок, открыть законность, или лучше законы беспорядка. История, как скоро она не летопись, а домогание указать развитие человечества, всего больше доказывает эту мысль. Политика или, пожалуй, социология есть стремление практически создать из беспорядка порядок; но так как беспорядок природно имеет свою законность, более или менее доступную науке, то социология и остается неприлагаемой, абстрактною теорией. Однако социология создалась из общественных элементов, принадлежащих к природному беспорядку, обусловленному своими законными данными, и, следственно, социология сама войдет как элемент в будущем законном беспорядке. Что из этого выйдет?

ИДЕАЛЫ¹

ель общества — положить начало социальному миру на основании общинного землевладения. Следственно, главный принцип: самоуправление общины.

Самоуправление общины исключает вмешательство правительственной администрации, казенного судопроизводства и даже законодательства в дела общины.

Высший размер административного единства для нескольких общин не выходит из пределов *волости*.

Связь между волостями конфедеративная.

Следственно, другой принцип общества — замен центральной власти, немецко-бюрократической — центром конфедерации.

Если общинно-волостное самоуправление поглощает в себе законодательно-судебную и от нее зависящую исполнительную власть — какая же власть может быть дана центрально-конфедеративному правительству?

Без сомнения, к его сфере деятельности могут относиться только вопросы междуволостной связи и отнюдь не междуволостных раздоров, которые могут решаться только междуволостным третейским судом, а не центральным правительством.

Вопросы междуволостной связи следующие:

1. Пути сообщения

а) Постройка и содержание железных и других сухопутных дорог, речных и морских судоходств.

б) Почты и телеграфы.

в) Груз, сплав и движение товаров.

2. Выпуск денег и кредитные учреждения.
3. Междуволостные комиссионерные торговые конторы.
4. Иностраннные комиссионерные торговые конторы.
5. Общий бюджет конфедерации и налог.

Бюджет, как и все действия центральной власти, должен быть предложен заранее гласно и решен центральной властью по соображении со всеми волостными возражениями.

Налог двоякий: 1) Постоянный — на содержание власти; 2) Переменный — на общеконфедеративные предприятия.

Форма центральной власти: комитет.

Волость выбирает по одному кандидату, которые, собравшись, выбирают между собой министров для каждого вышесказанного вопроса *, а эти министры выбирают из своей среды своего президента. Затем кандидаты разъезжаются и оставляют комитет министров с президентом действовать.

Без сомнения, такое центральное правительство должно быть срочное, во всех действиях гласное и ответственное, так что по истечении срока власти члены правительства за неправильное действие могут быть судимы уголовно назначенными от волостей присяжными, если хотя одна волость того потребует.

Центральная власть имеет своих агентов по союзам.

Конфедерация такого обширного народонаселения, естественно, по вопросам, относящимся до центральной власти, группируется географически в известные союзы, в которых центральная власть имеет своих агентов-представителей.

Предположительно Россия при настоящих границах могла бы группироваться по двум принципам: по принципу породы и по принципу промыслов, в следующие союзы: ²

1. Среднерусский
2. Прибалтийский
3. Польско-литовский
4. Беломорский
5. Волжский
6. Украинский
7. Новороссийский, или Черноморский
8. Урало-Сибирский и
9. Амурский.

* Далее зачеркнуто: «каждой отрасли управления». — *Ред.*

Ни центральная власть, ни ее агентства по союзам не могут выходить из пределов своих вопросов, исполнительная полиция и судопроизводство во всех делах остаются местными, волостными. При вмешательстве центральной власти не в свои вопросы волость отказывает ей в содействии.

Налог определяется центральной властью вследствие бюджета, но распределяется и взимается волостным порядком, независимо от центральной власти.

Два вопроса, которых я не в силах поставить даже как идеалы: вопрос народного образования, т. е. пропаганды научной, и вопрос войска против чужеземных врагов, вопрос грустный, но, может быть, еще необходимый — куда их отнести: к центральной власти или к общинно-волостному самоуправлению? Не знаю.

От идеалов перейдем к настоящему положению.

НАСТОЯЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Правительство центрально-военно-бюрократическое, следовательно, оно захватывает административно-полицейскую, судебную и законодательную власти с большей рьяностью, чем все те вопросы, которые мы отнесли к центральной конфедеративной власти. Последние она предоставляет на разграбление частным лицам. Оно — жандарм, а не регулятор движения общественного богатства.

При таком порядке вещей самоуправление общинно-волостное невозможно; оно только начинает прорываться вследствие своей внутренней необходимости, своего исторического тяготения и неминуемо войдет в оппозицию.

Поставивши таким образом идеалы в противоположность настоящему положению, — цель общества уясняется.

ЦЕЛЬ ОБЩЕСТВА

Своим влиянием постепенно расширять самоуправление общинно-волостное, сводить правительство с административно-судебной колеи на вопросы, нами к центральной власти отнесенные, и в общественном мнении распространять идею конфедерации.

Для этого пути сводятся на следующие вопросы:

1. Общинное освобождение крепостных и казенных крестьян как общинных землевладельцев³.

2. Гласность судопроизводства и книгопечатания *.
3. Реформа бюрократии в самоуправление, т. е. ее элементарный вопрос: реформа чиновничества ⁴.
4. Замена губернских ** властей агентствами в предположенных нами союзах.

МЕТОДЫ ОБЩЕСТВА ***

- Без сомнения: 1) Личное влияние членов на общественное мнение всеми способами — и изустным и печатным.
- 2) Деятельно-служебное — замещением мест своими членами и влиянием на правительственные распоряжения.
 - 3) Литературное.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

1. Центр в России в постоянной связи с главным органом в Лондоне.
2. Центр должен состоять из совершенно сознательно действующих и распоряжающихся апостолов.
3. Около апостолов группируются ученики, полупосвященные.
4. Чем далее от центра к периферии, тем более члены должны переходить в **** бессознательных агентов, употребляемых для отдельных целей.
5. Общество составляет из пожертвований и трудов денежный фонд для своих действий.
6. Между центром в России и центром в Лондоне должны быть путешествующие корреспонденты и свои почты.
- 7 ***** . Апостолы могут каждый составлять свой географический центр.
8. Агенты общества должны быть:
 - a) служащие
 - b) пишущие
 - c) народные

* Далее зачеркнуто: «3. Свобода составлять общества». — *Ред.*

** Далее зачеркнуто: «агент[ств]». — *Ред.*

*** Ранее было: «Средства общества». — *Ред.*

**** Далее зачеркнуто: бессознательные агентства. — *Ред.*

***** Здесь Огарев по ошибке написал «б» и далее дал неверную нумерацию. — *Ред.*

9. Между апостолами должны быть свои путешествующие корреспонденты и свои почты.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ТРУДЫ ОБЩЕСТВА ⁵

1. Литературное уяснение вопроса самоуправления общины и отношений мира к лицу, иначе: отношения социологии к личной свободе.

2. Критика настоящего судопроизводства и разработка гласного судопроизводства.

3. Критика современной администрации общей и губернской.

4. Критика свода законов.

5. Критика финансовой системы.

6. Критика современной системы * налогов и способа их взимания.

7. Критика сословий в России.

8. Критика торговых прав в России.

9. ** Чтение всех губернских ведомостей с целью преследовать судебные решения, правительственные распоряжения и распоряжения местных полицейских властей. Для этого общество, заподозрив что-либо из губернских ведомостей, преследует дело посредством местных связей и странствующих агентов и печатает в Лондоне.

10. Распространение здравых понятий, научных, теоретических и популяризация их во всех прикладных вещах. Для этого издание книг равно в Лондоне и в России и странствующие агенты-преподаватели (так как публичные лекции входят в моду, их можно распространить даже по селам).

11. Систематическая передача в Лондон для напечатания всех действий правительственных по всем отделам, сведения о которых общество должно собирать посредством сознательных и бессознательных агентов, для чего оно должно иметь свои дипломатические связи. Сюда же относится и критика этих правительственных действий.

12. Сношения с Лондоном должны быть в руках общества по обоим направлениям: по европейскому и по амуру-американскому. Последний путь необходим, чтобы Сибирь имела постоянную рубрику в лондонском органе.

* Первоначально было: «теории». — *Ред.*

** Зачеркнуто: «Центр». — *Ред.*

В заключение скажу только, что общество как мыслящий миноритет обязано создать себе живые отношения с немым множеством, т. е. с крестьянами, потому что две главные цели всегда должны быть присущи каждому члену: самостоятельность села и конфедерация.

Общеславянская конфедерация теперь не мыслима; она может уясниться только настоящей войною.

Еще одно: всегда, когда общество может, не подвергаясь опасности, то ли с дозволения правительства, учредить что-либо публично, оно должно пользоваться случаем так, чтобы таинственность действий была только крайнею необходимостью самосохранения, а где можно — действовать откровенно, но предпочитать пути откровенности и хвататься за них всегда, когда выпадает случай. Мистицизм конспиративный должен быть изгнан и сведен на предусмотрительную осторожность.

Разные апостольские центры должны быть устроены так, что если б один подпал под гонение правительства, это не могло бы вовлечь в опасность ни другие апостольские центры, ни главный центр.

ПРЕДИСЛОВИЕ

К VIII И IX КНИЖКАМ «ГОЛОСОВ ИЗ РОССИИ»¹

Эти две книжки «Голосов» посвящены исключительно крестьянскому вопросу. Мы вовсе не намерены входить в разбор помещенных статей; но нам хочется указать на их значение в положении самого вопроса. Пусть всякий сличит и рассудит: мы соединили в одной книжке «Проект действительного освобождения крестьян», где неизвестный автор предлагает правительству, для решения вопроса, меру расчитанную, прямую, откровенную, посредством которой оно могло бы еще само вести задачу к мирной развязке и Россию к мирному преобразованию, — и «Завещание Ростовцева», которое не что иное, как доклад, сущность трудов редакционных комиссий, изложенная кратко и удобопонятно для того, чтоб государь мог прочесть, не утруждая себя более подробным изучением дела.

С одной стороны, *сжатая* форма «доклада» показывает, как государю *некогда* заняться коренным вопросом русского преобразования — вопросом, который он сам поставил, но который ему надо понять как-нибудь покороче, как-нибудь наскоро, даже не очень озабочиваясь, что не всегда в «докладе» найдутся достаточные причины для оправдания положений, предназначенных иметь силу закона и располагать жизнью полгосударства. В самом деле когда же ему?.. Столько иного дела... Поездка в Тверь и Варшаву, во время которой в Твери будет смотр войска и не обратится внимания ни на нужды народные, ни на благородный голос большинства дворянства; в Варшаве будет смотр войска и не обратится внимания на нужды Польши,

как и прежде изнывающей под управлением от старости утратившего память и рассудок Горчакова и Муханова, от колыбели утратившего гражданское благородство. В самом деле, столько иного дела! Трата последних копеек на эти бесплодные поездки, на эти бесплодные смотры, да мелькание рельсов, да почтовые лошади, дорога, поспешность, суета... Много, много иного дела у русского царя, вследствие чего крестьянским вопросом приходится заняться как-нибудь покороче. А теперь дипломатические сношения, свидания с немецкими фюрстами, ненужное и часто смешное участие в европейских делах — все это отвлекает от внутреннего вопроса, все это, соединяя непонимание дела с лишними расходами и разорением финансов, ведет правительство к тому, что оно лопнет разом, само не заметя, как это случилось.

Александр II — честный человек; мы этому верим, и он сам этому верит. Но подумал ли он когда-нибудь, в ночной тиши Зимнего дворца или при постукивании стенных часов почтовой станции, что значит быть честным человеком? Неужели только — платить карточные долги, исполнять семейные обязанности, не мстить за личные обиды и т. п.? Быть честным человеком для каждого, даже и не государя, — значит жить для блага общего, жертвовать общему личным интересом; а для государя — быть честным человеком значит освободить государство от самого себя, от всякого бесконтрольного управления, основанного не на выборном начале, а на начале, для народа постороннем, освободить государство от всякого сверхпоставленного произвола, начиная с ребяческого и до преступного. Подумал ли он об этом? Если ему попадет эта книжка «Голосов», пусть он сравнит оба проекта и посмотрит, на чьей стороне правда, и пусть подчинится правде; не той правде, которая создалась в его мечте, а той, которая существует и требуется на деле. Подчинение правде, независимой от личных интересов и желаний, — в этом вся честность, вся нравственность. Иначе, честность сводится на мелкое чувство маленького дворянского достоинства. Гонор — это еще только самолюбье; а честность — это преданность общественной свободе, благу и истине.

С другой стороны, «Доклад Ростовцева» имеет ту пользу, что выпутывая мнения редакционных комиссий из бесконечных подробностей, доводит их до ясности оглавления. Приходит время исторической оценки значения Ростовцева и

его комиссий. Мы жалеем о их промахах, о частом непонимании русских потребностей, о ненужных уступках в пользу *бессильных* корыстей дворянства, о бюрократических стремлениях по-своему сострять жизнь народную и, говоря о самоуправлении, все подчинять управительству; но мы отдадим им и должную справедливость. Ростовцев умер, отстояв за народом право на землю и поставив вопрос освобождения так, что его вспять уже не поворотишь. Пусть же имя, записанное в истории русской свободы по черному и по белому — добром помянется в великодушной памяти народной.

А те из членов комиссий, которые действительно честные люди, сравнивая свои и чужие проекты, пусть найдут в себе то гражданское мужество, которое выше самолюбия, и потребуют, чтобы правительство склонилось на сторону чужих проектов и отказалось от несбыточной мечты срочно-обязанного положения, приводящего Россию к выбору между продолжением крепостного права и кровавой местью за мнимое освобождение.

Иначе — а может оно и лучше — освобождение, по силе обстоятельств, выйдя из-под надзора правительства, перейдет в руки общественные.

К разбору трудов комиссий, составляющему долю «Проекта действительного освобождения», IX-я книжка «Голосов» прибавит один из самых замечательных разборов.

〈ЦЕЛЬ РУССКОГО ДВИЖЕНИЯ〉¹

Цель русского движения: созвать Земский собор из посланцев ото всех уездов, выбранных всем народом, без различия сословий, для всеобщего нового устройства России, которое состоит:

1) В немедленном уничтожении всякого крепостного права, помещичьего и казенного на людей и землю.

2) В отдаче общинам (громадам, миру) земли, им принадлежащей, — как есть межа, положив помещикам денежное вознаграждение из общих государственных доходов, без всякого особого взимания с крестьян чего-либо сверх обычной подати, платимой всеми на пользу общую.

3) В уничтожении, затем, всякой сословной розни и введении равноправности.

4) В учреждении, заместо казенного чиновничества, бессословно выбранных и перед обществом ответственных людей для суда и управления сельского, городского и уездного.

5) В соединении уездов в области, самостоятельно управляемые своими выборными областными Думами.

6) В соединении областей в один общий союз (федерацию), заведываемый ото всех областей выборною Земскою думой.

Всего этого без общего Земского собора учредить и постановить нельзя.

Если (или так как) государь не хочет созвать Земского собора, то неурядица неизбежно доведет до восстания.

Так как восстание неизбежно, то надо его устроить и направить в разумном порядке, отнюдь не кровопролитно и не разорительно.

Такое восстание, идущее строем, можно только образовывать в войсках.

Для этого надо составить офицерские общества для разъяснения солдатам цели и необходимости восстания.

Образование таких обществ должно быть преимущественно и усиленно вырабатываемо в войсках, стоящих на окраинах государства: на Кавказе с Доном и Черноморьем, на Урале с Приволжьем, в Польше с западными губерниями.

Образовавшись, общества должны принять начальство над войсками и вести их таким образом со всех концов на Москву и Петербург, всюду подымая народ на содействие и умножаясь прибылыми охотниками-ратниками, оставляя по дороге села и города учреждать сами свой внутренний порядок с упразднением казенного чиновничества и клича клич на общий Земский собор, который, если бы император не захотел его, собрался бы помимо его воли и выбрал бы царя нового, если нужно, или составил бы при себе правительственный совет из людей, перед Земским собором ответственных.

Сопротивление такому движению может быть только ничтожное.

Чтобы, пока идет образование восстания войск, офицерские общества разных местностей могли иметь между собою узел, сношения и заявлять свое дело гласно печатным словом, надо каждому из них войти в постоянные сношения с нами — людьми, поставленными в Лондоне вне преследований казенной полиции.

Для успеха образования восстания нужно во всех войсковых центрах учредить денежные сборы из посильных приношений каждого на общее дело, поручая кассы избранным офицерам.

УНИВЕРСИТЕТЫ ЗАКРЫВАЮТ! ¹

Петербургский университет закрыт. Профессора по предложению Путятина распущены; студенты, без вины наказанные, частью сосланы в дальние губернии, частью вынуждены разъезжаться по домам, т. е. тоже по губерниям, или вступать в другие университеты по матрикулам...

Зачем вступать в университеты? Пускай их закроют. Учиться под надзором шпионства нельзя. Университет, доступный только для богатых, университет исключительно дворянский, в России невозможен. Каждый богатый, каждый дворянин, вступая в храм науки, запертый для бедных и недворян, почувствовал бы себя подлецом. Никто не пойдет незапятнанно в этот сословный храм науки III отделения. Пускай его закроют. Настоящая наука — свободная наука — от этого не пропадет.

Университетская молодежь разъедется по губерниям. Каждый сколько-нибудь способный человек куда приедет, туда и принесет с собой науку. Не ту казенную науку, которой цель — чин, не ту школьную науку, которой цель — диплом; а ту человеческую науку, которой цель — образование, ту живую науку, которой цель — образование народное, бессловное, повсеместное.

Нам надо было странствующих учителей. Апостолы науки, как и апостолы религии, не могут сидеть, запершись в нарочито построенных молельнях. Их дело — проповедь, их место всюду. У нас их не было; правительство их создает — невольно, нечаянно, бессмысленно. Умейте же пользоваться случаем!

Не ходите в университеты, пускай их закроют. Университетская молодежь, рассыпавшись по России, послужит соединительным мостом между сословиями. Она, обиженная шпионством, изувеченная полицией, сосланная императором, она скажет своим отцам и братьям из дворян, имеющим смутное поползновение на гражданскую свободу, что дворянин в России не что иное, как чиновник немецкого правительства, что ему для того, чтоб сделаться свободным человеком, надо перейти в народ, что дворянской свободы не существует, что свобода только одна, общая, народная; что для того, чтоб достичь себе свободы, они должны отдать народу народную землю, что в этом спасение их жизни, их совести, спасение русского богатства и основа русского самоуправления.

Молодежь скажет народу, что земля ему отдается, что пришла пора соединиться, чтоб учредить всюду свое управление, выборное и ответственное, на место казенного, чиновничьего, самовластного. Молодежь скажет народу, что она приносит ему в помощь все средства, которые дала ей наука, и не пощадит для него ни трудов, ни жизни.

Чего ж вы испугались, что университеты закрывают? Разве вы нашли бы науку там, где учителя проповедают необходимость чина и за такое гражданское мужество получают одобрительную улыбку Потапова и благоволение самого верховного шефа жандармов — императора? Разве вы нашли бы науку там, где учителя вызывают против вас штыки и нагайки? Нет! Где это могло случиться — там нет науки, там только книжничество, способное на все презренное. Наука уже потому не сходна с книжничеством, что наука нравственна.

Чего вы испугались, что закрывают богадельни казенной науки? Найдите в своем искреннем служении истине, найдите в силе своего мозга и силе своего труда способность закончить свое образование, где бы вы ни были и при каких бы то ни было обстоятельствах.

У вас не будет книг — просите у общества, в которое судьба внесет вас. Найдите в себе силу слова — создайте около себя публичные библиотеки.

У вас не будет инструментов — создайте около себя публичные музеи.

Заводите школы.

Заводите больницы, зовите к себе старших товарищей, создайте около себя клиники.

Пускай закрывают университеты!

Устройте кафедры в городских залах и в волостных избах, в своей комнате и на базарной площади.

У вас была устроена касса для бедных студентов — продолжайте сбор для помощи ссыльным товарищам; теперь никакой педель не мешает вам в ее учреждении.

А пуще всего судьба вас толкает в губернии, т. е. в села, в жизнь сельскую, в жизнь народную; взгляните в нее, поймите основания, из которых она складывается, поймите склад будущей русской, свободной общественности, который из них разовьется и разовьется при пособии вашего слова и вашего дела.

Ничтожный случай — появление какого-то японского адмирала² — разрубило запутанный узел и указывает русскому юношеству его великое назначение — создать всюду свободные школы, где каждый, без различия пола и сословия, может быть учеником и проповедником.

Вперед, юное поколение! Из душных аудиторий схоластики в ширь свободного понимания и общественной деятельности! Оставь мертвую букву и создай живую мысль. Иди воином во имя общей истины и народной свободы!

Пускай закроют университеты, и да возникнет живая, повсюдная наука!

«О ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВАХ И ИХ ОБЪЕДИНЕНИИ»¹

Заграничные общества могут только давать общее направление печатной пропаганды и служить складочными связями для обществ, реально действующих в России.

Единое централизованное общество невозможно; возможно только общество федеративное. Это доказывается фактом: в разных местностях образовались кружки; это совершенно противоположно карбонаризму, который рос из центра и от этого составлял единое централизованное общество. У нас даже 14 декабря разделилось на Север и Юг, не потому что они не вовсе сходились в тенденциях, они на чем-нибудь да помирились бы, но просто по географической пространности, на которой уже образовавшиеся отдельные кружки могут сойтись, но где рост из одного центра несбыточен.

Я очень напирваю на это потому, что оно дает чрезвычайную важность местностям и определяет план кампании.

Всмотревшись в Россию, можно *предположить*, где, какие (т. е. фрачные, а не народные) кружки², вероятно, образовались и, следовательно, на те пункты направить поиски и стараться примкнуть и основать отдельные местные центры и их связь между собою.

Начнем с Севера.

Наверно в Петербурге есть не один кружок, а несколько, и состав их офицеро-студентский, военно-литературный. Столкновений, т. е. сближений, с народом (кроме офицеров с солдатами) мало, и они очень мнимы, потому что у литературных людей есть свои коньки: поговорил с извозчи-

ком — значит есть сближение с народом, между тем как его в сущности нет, потому что нет резких общих обоим сторонам *местных* интересов землевладения и общественного устройства.

Далее *, нельзя не предположить центров во всех университетских городах — центров, очень рьяных и очень неопытных. Вот они:

Москва. Сближение с народом могло бы быть больше, чем в Петербурге, но местный интерес землевладения и общественного устройства много поглощен интересами большого города и не стоит на первом плане. Потом кружки уже не военные, а учено-литературные, и Москва представляет им большое удобство кабинетной жизни, где создаются теории или фантазируются движения, не идущие дальше из-за стен студии; от этого в Москве самое сближение разных кружков туго и они или слишком осторожны или фантазируют.

Казань. Чрезвычайно важный пункт, где университет резко противоположен дворянству, где местный интерес землевладения и общественного устройства сильно бродит в округе от Вятки до Урала, где встречается молодежь из юго-восточных приволжских губерний. Этот центр примыкает к крепкому расколу и к духовной академии. В этом центре есть войско, но его настроение мне совершенно неизвестно. С университетом оно, кажется, не сближено.

Харьков. Университетский центр русской Малороссии и войска донского. Насколько в Малороссии пан может сойтись с мужиком, — что ** даже потруднее, чем в Великороссии, — и насколько молодежь из казаков может иметь влияние на донское казачество — это вопрос, который требует основательных сведений.

Одесса. Центр чрезвычайно важный как университетский центр Новороссии и доли Украины и как корреспонденция.

Киев. Один из наиболее объемистых университетских центров***, где встречаются русские, малоросы, литовцы и поляки. Центр, необходимый для соединения и трудный по разрозненности национальностей. Важный центр по духовной академии.

* Зачеркнуто: «идут университетские». — *Ред.*

** Зачеркнуто: «может». — *Ред.*

*** Зачеркнуто: «необходимый». — *Ред.*

Дерпт — теперь малозначущий центр; для русских и поляков враждебный университет. Его лучше обойти.

Ярославский лицей мне мало известен, и как на университетский центр не знаю, насколько на него рассчитывать.

Итак, для деятельности литературно-народной, т. е. для сближения молодежи с народом, самые важные пункты остаются, располагая по степени важности: Петербург, Киев, Москва, Казань, Одесса и Харьков.

Кроме того, Петербург, Москва, Киев и Казань имеют важное значение по духовным академиям, имеющим несомненное влияние на семинарии и, следственно, охватывающим все духовенство, в настоящее время самое талантливое сословие.

Далее, важное значение имеют военные центры. Приблизительное число войска следующее:

Гвардии и гренадер	60 000	(Гвардия — в Петербурге) Гренадеры — в Москве)
Армии	180 000	
Внутренней стражи	50 000	
На Кавказе от 200 до	300 000	

Всего регулярного войска 590 000, а в военное время при пополнении кадр от 800 000 до 1 180 000 чел.

Генеральный штаб и военная академия — 460 офицеров.

1-й корпус	в Вильно	} Лучшие корпуса по настроению
2	» Варшаве	
3	» Житомире	
5	» Одессе	} Худшие по настроению
4	» Воронеже	
6	» Симбирске	

В Сибири и по Уралу 15 батальонов линейного войска, следственно, артилл[ерийских] орудий 25 (в мирное время), 50 (в военное).

В Оренбурге (4 полка) 12 батальонов (от 20 до 40 орудий)

В Финляндии — 12 »

Генералов — 357, офицеров — 30 000 челов[ек]. Около половины надо считать на Кавказе. Следственно, на 6 корпусов придется слишком * 15 000 офицеров, след-

* Зачеркнуто: «около». — *Ред.*

ственно, на лучшие 4 корпуса — 10 000* (считая штаб и обер), да и настроение офицеров и войска на Кавказе не может быть дурно³.

Следственно, военные центры регулярного войска составляют по важности:

Петербург

Варшава

Житомир

Кавказ

Одесса.

В Восточной России мудрено определить центр; два корпуса рассеяны, сегодня в Нижнем, завтра неизвестно где.

Оренбург составляет маленький центр для регулярного войска.

Финляндия вовсе не нужна.

На внутреннюю стражу вовсе нельзя рассчитывать; но пометить надо города с крепостями как ее центры, всегда снабженные орудиями и пороховым магазином. Их надо пересчитать; многие губернские города с крепостями (кремлем) и сверх того отдельные крепости (Бобруйск и т. п.), пограничные и непограничные.

Флот везде хорошо настроен.

Иррегулярное войско имеет ** центры противоположно регулярному. Там, где оно примкнуто к регулярному, оно или составляет полицейскую силу и входит в*** кадры и интересы внутренней стражи, или вовсе не составляет силы (кроме Кавказа, который сам по себе совпадающий центр регулярного и иррегулярного войска). Несовпадающие же центры: Оренбург с Уралом и Дон, Астрахань, Азов, Черноморье и Новороссия, или крайний восток, юго-восток и юг России. Иррегулярного войска всего 308 400 человек. Половина на Кавказе; из остальной половины $\frac{1}{3}$ на внутренней страже, $\frac{2}{3}$ дома и составляют центры, следственно, приблизительно: на Кавказе 150 000. Из остальных 150 000, отсчитав 50 000 на внутреннюю стражу, остается около 50 000 на юге и юго-востоке, около 50 000 на востоке (считая не поселян, а только входящих в кадры войска) и, вероятно, до 300 орудий (по 150 в каждом центре, может и меньше). Цифры собрать мудрено и они требуют поверки.

* Зачеркнуто: «19 000». — *Ред.*

** Зачеркнуто: «составляет». — *Ред.*

*** Зачеркнуто: «расчет». — *Ред.*

Иррегулярное войско большею частью совпадает с расколом. Центры иррегулярных войск, естественно, противоположны регулярному, ибо правительство, рассчитывая на иррегулярное войско, посылает наименьшее число регулярного туда, где наибольшее число иррегулярного. Важное значение для нас оно имеет там, где оно дома, где оно самостоятельная сила и центр; а там, где оно примкнуто к внутренней страже, оно дает шансы против нас, ибо каждый казак становится грабящим чиновником. Различия между нижними чинами и офицерами по образованию нет; поместным интересам есть оппозиция, та же что у народа с чиновниками; стало, всего менее рассчитывать можно на офицеров, опять совершенно противоположно регулярному войску.

Далее, классификация городов, помимо центров университетских и военных, не существует для образованного меньшинства, и приходится классифицировать только помещичество. Меньшинство его всегда будет зависеть от университетских центров; большинство распределится на оброчников и барщеников; а последние на крупных и мелкопоместных. Так как эта классификация повсюдная, то центров, помимо университетских, для меньшинства мы не найдем, кроме центров ярко обозначенных народностей; следственно, сверх университетских центров могут встретиться центры в западных губерниях.

Далее идет классификация, собственно, народа. Тут в глаза бросаются три основания классификации:

Народность (Польша, Литва, Малороссия),

Раскол (я вскоре разработаю классификацию раскола) и торговые подвижные центры — ярмарки, и неподвижные центры — приречных больших городов и сел.

Кроме того, два большие отдела губерний помещичьих и губерний, где помещиков мало или вовсе нет. Так, Север * — по прямой черте от Олонецкой губернии до Екатеринбурга — и Восток — от Екатеринбурга до Астрахани — составляет беспомещичью, народную, раскольничью полосу.

Какое ** бы ни было основание классификации, но народ всюду группируется по ярмаркам, подразделенным на

* Зачеркнуто: «и восток». — *Ред.*

** Здесь зачеркнут набросок: «Стало, центры [отделы] по народностям требуют трех резиденций, в Литве составляют необходимость [указывают на естественность] центров меньшинства [отделов народных] в Польше, Литве, Малороссии и на естественность тех отделов народных. [Далее центры] Далее отделы народа распадутся по расколам». — *Ред.*

бесконечное число базаров, которые для * него составляют место стачки, митингов, вечей.

Проследим группировку по ярмаркам и приречным торговым городам. (Я не говорю о повсюдных годовых местных ярмарках в каждом городе, а только о больших, собирающих народ со всех краев.)

На Севере существует только одна замечательная ярмарка — Весъегонская. Стало, на Севере рассчитывать на большие временные центры нельзя, а только на постоянные центры.

Кроме обычных портовых городов, как Архангельск, Петербург и Рига, один из главных притоков народа — Рыбинск **. Рыбинск отделяет к северу Русь помещицью и начинает Русь помещицью Ярославско-Костромского округа и собирает *** временно всю приволжскую Русь.

Ярмарочный центр крайнего Востока — Ирбит, южнее — Менселинск; следственно, Пермская и Оренбургская губернии.

Главные ярмарочные центры низовых городов — Нижний-Новгород и Симбирск. Главные постоянные центры на соединении Волги и Дона, т. е. на границе Саратовской губернии и земли войска донского.

Далее, ярмарки в земле войска донского.

К западу пойдут малороссийские ярмарки — коренные в Курске, Харьковская (3 раза в год), Роменская (в Полтавской губернии 3 раза в год), Кролевецкая (Черниговской губернии), Ростовская и Екатеринославская, Таганрогская.

Литва и Белоруссия, т. е. западные губернии, имеют только одну Сельвимскую ярмарку.

Киев, конечно, самый большой народный, торговый и всяческий центр для Западной Украины, и Украина составляет только округ Киевский.

Центральная Россия, забегаящая в Ярославскую губернию Ростовской ярмаркой, все же составляет только округ Московский.

Этот беглый обзор приводит к следующему заключению: центры общества должны основаться легко в местностях, где совпадают все три интереса: университетский (т. е. меньшинства образованного сословия), военный и народный; менее **** легко, но все же не слишком затруднительно

* Зачеркнуто: «народа». — *Ред.*

** Зачеркнуто: «который». — *Ред.*

*** Зачеркнуто: «соединяет». — *Ред.*

**** Зачеркнуто: «довольно». — *Ред.*

в центрах, где совпадают только два интереса: военный и народный, или меньшинства и народный; центры с трудом, но должны быть основаны в местностях, где один только народный интерес при отсутствии войска и университетского меньшинства.

Поэтому распределим:

1-й разряд:

Петербург, Киев, Одесса *.

2-й разряд:

а) Военно-народный

Кавказ и ** Астрахань, Дон и Азов, Урал и Заволжье.

б) Меньшинство-народный

Казань, Москва, Харьков, Рыбинск, Нижний, Курск, Екатеринославль.

3-й разряд:

Народный без войска и меньшинства.

Север беломорский и остзейские губернии. В русском отношении Беломорье и Балтика имеют общий интерес раскола.

В первом разряде нам остается только встретиться с людьми и оставить в каждом одного, с нами соединенного.

Во втором разряде мы должны пользоваться встречей, где она возможна, а там, где она маловероятна, иметь нарочного агента.

Начинаю с союза меньшинства с народом:

На линии от Петербурга до Москвы мы встретим готовых людей в Твери и потому должны воспользоваться, чтоб из них основать Тверско-Ярославско-Костромской округ, который бы работал пропагандой для сближения меньшинства с народом, где для него удобный центр — Рыбинск. Тут местные интересы землевладения и выборного начала дают сильную основу для пропаганды по трем адресам. Тут надо рационально примкнуть (положим, к Европеусу ⁴) и на него возложить дело составления союза для целого округа и устроить с ним корреспонденцию. Вероятно, к этому округу присоединится Новгород, Псков ***.

Второй округ пропаганды по всем трем адресам Московский. Я чувю, что тут можно встретить человека, но я его

* Карандашная помета на полях (рука Герцена), почерк неразборчив. В «Литературном наследстве» она прочитана следующим образом: «Я полагаю, что в Москве все ж можно с тою же легостью составить ц[ентр] как в Киеве и Одессе». — *Ред.*

** Зачеркнуто: «Дон». — *Ред.*

*** Зачеркнуто: «или иметь отдельно корреспондента». — *Ред.*

не знаю. Все те, которых я знаю, представляют много преданности, но мало таланта. А это округ, охватывающий Москву *, Владимир, Рязань, Тулу, Орел, Калугу.

Третий округ Нижний и низовые губернии. Тут готового ничего не встретишь и надо иметь нарочного, который уже сам выберет резиденцию. Можно подумать о сосланном в Нижний Павлове⁵. К округу относятся: Нижний, Самара, Симбирск, Пенза, Саратов (по сю сторону Волги) и Тамбов.

Четвертый ** округ, переходный по смене малороссийского и русского интереса, — это округ Курско-Воронежский. И тут придется иметь нарочного.

Пятый округ, тоже переходного интереса, — это Смоленск. Тут придется иметь нарочного. Конечно, всегда лучше найти местного человека и тогда его *** оставить для составления центра, а нарочный может быть употреблен в другом месте ****.

Шестой ***** округ — Харьков, где, вероятно, легко встретить человека и готовые кружки. Едва ли Екатеринославль требует от Харькова отдельного центрального агента.

Эти шесть округов не могут действовать иначе, как пропагандой по трем адресам и сублировать восстание, идущее от периферии, примыкая к нему в свое время. Они на восстание самостоятельно не способны. Поэтому они для центральных людей требуют талантливых пропагандистов штатских.

Чем ближе к перифериям, тем больше пропаганда соединяется с военными и военно-народными центрами.

Начнем с запада:

Варшава, Киев, Одесса.

Во всех трех пунктах легко сыщется агент, корреспондирующий с нами; к этим трем пунктам примкнет Литовский и Белорусский округ, где также легко иметь агента.

Очевидно, что тут мы везде должны иметь ***** в Варшаве и Литве по одному русскому военному корреспонденту, в Киеве сверх военного еще агента национально малороссийского; в Одессе агента из 5 корпуса и агента гражданского.

* Зачеркнуто: «Рязань». — *Ред.*

** Зачеркнуто: «переходный». — *Ред.*

*** Надписано над зачеркнутым: «если только мо...». — *Ред.*

**** Далее зачеркнуто: «В Литве шестой округ Литвы». — *Ред.*

***** Написано по зачеркнутому: «Седьмой». — *Ред.*

***** Зачеркнуто: «агента воен[ного]». — *Ред.*

Кавказ требует агента военного. Астрахань, Дон и Азов *зависят от Кавказа*, как я покажу ниже, хотя Дон и должен находиться под влиянием харьковской пропаганды, Астрахань под совокупным влиянием Заволжья и Понизовья, а Азов под влиянием Одессы.

Заволжье делится, естественно, на два округа: на Урало-Оренбургский и Урало-Казанский; в первый входит уральское казачество, во второй Пермь и горные заводы. В первом надо создать одного агента — в Оренбурге, во втором двух: одного в Екатеринбурге, другого в Казани. Оренбургский и Екатеринбургский агенты должны быть преимущественно военные, чтобы в случае нужды уметь распорядиться военными действиями.

Если восстание совершится только в Варшаве и Киеве, оно пойдет в междоусобие — польскую войну; для того чтобы оно было народным освобождением, оно должно идти от всей периферии, т. е. чтоб одновременно с Варшавой и Киевом тронулся Кавказ во внутрь России, захватывая с собою Астрахань, Дон и Черноморье, и тронулся бы Оренбургский Урал — на Нижний и Пермский Урал — на Казань. Между этими тремя крылами, увлекающими народные массы, 4-й и 6-й корпуса, расположенные в понизовье, или не станут драться или окажут пустое сопротивление. А четвертое крыло пойдет с запада.

При таком восстании едва ли возможно большое кровопролитие. Это, скорее, мирно-завоевательный поход.

Север не может самостоятельно восстать; он может помогать или сшибировать. Он требует двух агентов: в Петрозаводске (Рыбников ⁶) и Архангельске. О значении их и о значении Риги, где тоже нужен агент, скажу после.

Теперь перечтем же округа, т. е. число нужных для нас агентов: *Петербург, Тверь, Москва, Нижний, Курск, Смоленск, Харьков, Одесса, Киев, Варшава, Литва, Кавказ, Оренбург, Казань, Архангельск, Рига*. Всего 16 человек, которые должны быть друг с другом в постоянных сношениях и в постоянных сношениях с тремя пунктами за границей: Берлин, Гейдельберг и Лондон. Берлин необходим как пункт, близкий к границе и удобно сносящийся и с Гейдельбергом и с Лондоном.

16 человек в России обязаны каждый в своем округе * организовать общество, т. е. целую сеть агентов. Известия **

* Зачеркнуто: «центре». — *Ред.*

** Зачеркнуто: «сношения». — *Ред.*

между центральными агентами должны передаваться *словесно*, посылкою * членов общества, так, чтоб организовывались свои почты из конца в конец России и за границу. Письменность, по возможности, исключена. Мы имеем сношение с 16 человеками в империи, на которых лежит устройство деталей. Округи сносятся только в лице центральных агентов, не замешивая бесконечного числа имен и лиц.

Вот мне кажется самый естественный строй общества.

Теперь цель: цель — привести правительство к созванию Земского собора, на основаниях трех адресов (общего формального, адреса от меньшинства и адресов от народа), т. е. на основаниях, что земля — земское достояние, что управление выборное и что области распределятся по собственному желанию на самостоятельные отделы федерации. Далее, цель — если правительство в Земском соборе откажет, то на тех же основаниях произвести восстание со всех периферий разом **.

Общее средство — пропаганда всех трех адресов и значения отказа правительства созвать Земский собор: царь, отказывающий в Земском соборе, не есть земский царь.

Пропаганда, без сомнения, имеет *** больший объем, чем только подача адресов. Есть пропаганда общечеловеческого образования, которая должна быть всегда и всегда помогает и в каждом данном случае; но я, собственно, говорю о пропаганде ad hoc ****. Общая пропаганда, действующая посредством школ, низших и высших, должна идти своим путем и в настоящее время служить неутомимо для пропаганды ad hoc, т. е. для пропаганды адресов.

Но в перифериях к пропаганде первых трех пунктов должна присоединяться военная организация. Центральные военные люди кроме проповеди и сближения с солдатами или казаками и крестьянами должны иметь в виду ***** все предметы занятий начальников штаба,

* Зачеркнуто: «коих». — *Ред.*

** На другом листе напротив последних двух фраз написано карандашом рукой А. И. Герцена: «но правительство может, не отказывая и не принимая, взять mezzo setimo (буквально: «половину посева»). По смыслу — половинчатое решение. Итал. — *Ред.*), уступить долю, что, вероятно, и будет».

*** Зачеркнуто: «обнимает». — *Ред.*

**** Для этой цели (лат.). — *Ред.*

***** Зачеркнуто: «все потребности; круг действий». — *Ред.*

чтобы восстание могло идти стройно. Военные действия в средних и северных губерниях могут свестись только на выж[и]дание приближения сил от периферий для присоединения к ним, а для того чтоб ничто этому не мешало, они должны быть во-время извещены от периферий о необходимой минуте для обезоружения народом внутренней стражи (если она не содействует). Больше им делать нечего в военном отношении. Самая важная доля действий лежит на центральных людях периферии. Стало, выбор на эти места талантливых военных людей — дело страшной важности. К Петербургскому, Одесскому, Кавказскому и Архангельскому округу должен принадлежать флот.

Дисциплина в военных центрах состоится * естественно, но и в средней полосе пропаганды меньшинства необходимо разделить местное общество на действительных членов, которые дают слово на безусловное повиновение центральному агенту **, и на пособляющих, которые не должны *** ничего знать о действиях общества, а могут содействовать **** бессознательно, направляемые членом общества на какое-нибудь отдельное дело. Центральный агент округа должен хлопотать о фонде; если удастся с раскольников начать сбор по 10 коп. с души кроме пожертвований, то дело будет обеспечено.

Петербургский центр должен охватывать военную академию и может даст тала[н]тливых людей для других местностей. Если можно достичь, чтоб гвардия, выступившая против периферий, не дралась [и] присоединилась — это desideratum *****.

Я не думаю, чтоб полякам можно было говорить о плане. Я мало верю в Варшавское восстание, тем меньше, что вмешательство Мерославского ⁷ везде было порукою за неуспех. Он ограничится двумя сотнями жертв, и надо будет много хлопотать, чтоб впечатление жертвоприношения на русский народ было хорошее. Но тем не менее надо скорее организовать Кавказ и Урал так, чтобы они помогли, если западное движение удастся *****.

* Зачеркнуто: «будет». — *Ред.*

** Зачеркнуто: «человеку». — *Ред.*

*** Зачеркнуто: «обязаны». — *Ред.*

**** Зачеркнуто: «быть». — *Ред.*

***** Желательно (лат.). — *Ред.*

***** Далее зачеркнуто: «то Кавк[аз]». — *Ред.*

ему значение народного восстания, а не междоусобия. Если же не удастся, то Кавказ и Урал должны продолжить организацию так, чтоб через известное время новое западное движение вышло им в помощь.

Общий адрес и адрес меньшинства должны быть распространены в народе и поданы до февраля 1863 г., хотя бы было не больше 10 000 подписей. Распространение их зависит от заграничных и местных типографий и литографий. Число подписей и имена должны быть сообщаемы за границу, чтоб в Лондоне иметь к февралю итог и публиковать одновременно с подачею. Об адресах народных должно быть сообщено число сел подающих и их названия.

Они вольно и невольно произведут стачки и адреса от народа о Земском соборе должны идти из всех местностей, как бы различно они ни были написаны. Раскольники, у которых царствует действительная дисциплина, первые подадут пример, у них адреса пойдут, если их святые прикажут подавать их. Тут надо действовать на раскольничьи центры.

Кроме проповеди, пропаганда должна действовать общностью местных интересов в их столкновениях с властями и равно пользоваться хорошим распоряжением начальства, как шагом к дальнейшему запросу, и дурным распоряжением, как требующим отмены на Земском соборе.

4-й пункт пропаганды — распространение потребности самостоятельного областного устройства.

Программу деталей пропаганды невозможно создать; регламентация нигде не удастся. От этого я и требую, чтоб все 16 центральных человек были люди талантливые и умели бы определенно распоряжаться второстепенными деятелями. Неужто мы не найдем 16-ти, которые бы умели организовать округ?

Пропаганда по трем пунктам, необходимая всюду, составляет единственное средство для Центральной и Северной России. В Северной она ограничивается одним народным адресом. Рига как раскольничий притон также может действовать только на народ и в оппозицию немецкому помещичеству.

Устройство школ, где, как, какое возможно, должно быть руководимо центральными людьми округов, постоянно возбуждая в школах вопросы землевладения, самоуправления и Земского собора. Школы для детей и распространение

грамотности в руках пропагандиста должны обращаться в проповедь, исключительно направленную на три первые пункта (называю их так в противоположность знаменитым первым двум пунктам уложения о наказаниях *). Специальные лекции техники и сельского хозяйства, легко допускаемые, могут всегда служить основой для проповеди о первых трех пунктах. Проповедь нужна для высших сословий и молодежи не меньше, чем для народа. Для народа надо организовать проповедников из крестьян. Центральный человек легче найдет нескольких ** из крестьян, которые убедятся и пойдут проповедовать, чем если бы меньшинство стало проповедовать массе, которая ему не поверит. Пропаганда должна образовать три разряда проповедников: 1) крестьян из раскольников, которых следует убедить, как тесно связан вопрос о свободе вероисповедания с вопросом о первых трех пунктах. 2) семинаристов, которые легче сблизятся с крестьянами, чем дворяне, и там, где дворянин не успеет, они образуют разряд. 3) крестьян из православных, проповедующих первые три пункта. Эти проповедники должны быть направляемы по естественной классификации округа по базарам.

Если царь примет Земский собор, то восстание приостанавливается, но организация в особенности военная и вся организация общества продолжают, чтобы быть всегда наготове.

Центральные члены обязуются под пыткой *** не называть друг друга ****.

* Напротив последних двух фраз на другом листе написано карандашом рукой А. И. Герцена «Зачем?» — *Ред.*

** Далее зачеркнуто слово: «проповедников». — *Ред.*

*** Слова «под пыткой» подчеркнуты карандашом и над ними поставлен карандашом же знак вопроса (очевидно, А. И. Герценом). — *Ред.*

**** На обороте последнего листа сделана надпись карандашом рукой А. И. Герцена:

«Унив[ерситеты], семинар[ии] и военн[ые] учил[ища] в орган[изации].

Общество только в сарасити (в объеме, в размере; англ. — *Ред.*) и может быть.

Единство все же необходимо и по существующему будет там, где вольны[е] орган[изации].

Какими средст[вами] З[емля] и В[оля] должна действовать? Что проповедовать? Чему научила послед[няя] польская революци[я].

Склады и сбыт книг.

Тут советы готовому обществу»⁸.

⟨ЗАМЕТКИ И НАБРОСКИ⟩

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ⟨II⟩¹

31 мая.

Я очень рад, что начинаю эту книгу с теоретической заметки, а не с чего другого. Как ни хлопотчи, а теория, наука, знание — та единая среда, где личность находит в себе удовлетворение помимо случайностей, или лучше: помимо тенеобразной проходимости, суетности страстей и заботы о себе, о семье, даже о *человеинике*. Но об этом в другое время; теперь к делу. Я берусь за продолжение мыслей, набросанных года четыре тому назад (Записная книга А, теоретические заметки)². Там многое неверно, не так. Сегодня моя заметка послужит поправкой или развитием того же.

Когда, рассекая вещество, мы находим плоскости, не имеющие толщины, линии, не имеющие ширины, и, наконец, точку, не имеющую измерения, предел, равный нулю, и не находим во всем пространстве, где бы то ни было, возможности уйти от этой точки, от этого нуля, находим его повсюдное присутствие и нигде не находим границы этой повсюдности нуля, мы необходимо приходим к заключению, что пространство есть нуль в степени бесконечности, 0^∞ . Очевидно, что 0 и ∞ пределы, между которыми развивается, существует, происходит *мир*.

Этот вывод обуславливает многие другие:

1) *Мир* между нулем, взятым в смысле геометрической точки, и бесконечностью есть *мир геометрический*.

2) Мир между нулем, взятым * отвлеченно, в смысле алгебраическом, есть *мир числовой*.

* Далее зачеркнуто: «абстра[ктно]». — *Ред.*

3) Мир числовой есть выражение мира геометрического, его формула, и потому, собственно, знание, наука есть измерение, числение, числовое измерение, формула * геометрического реального мира.

Это не более, как самое ** точное выражение положений Спинозы, что в основании всего — бесконечное пространство и бесконечная мысль. Слово мысль гораздо определеннее заменяется словом число; этим производится важная поправка в основаниях Спинозы, потому что бесконечная мысль не мыслима, она *popens*, возможна только очень определенная *** мысль о бесконечном.

Итак, между 0 и ∞ геометрически реальный мир происходит по числовым отношениям.

4) Далее необходимо рассмотреть самое значение найденных нами пределов. Из понятия *предела* никак нельзя вывести, чтоб что-нибудь было началом или концом; *предел* относится *равнодушно* к понятию начала или конца; он даже **** иногда заменяется словом конец. (Напр. концы палки, по обоим концам и т. д.) Предел как грань величины может равно быть началом и результатом, сообразно с точкой зрения наблюдателя, а *de facto* он значит то и другое. Таким образом, бесконечность представляется нам выводом из деления величины на нуль; а нуль — выводом величины, делимой на бесконечность. $\frac{a}{0} = \infty$; $\frac{a}{\infty} = 0$.

Это нас приводит к необходимости отделаться от грубых представлений начала мира, как из чего-то возникающего и куда-то идущего. Мир есть неизбежность, которая всегда тут, соприсносущая своим пределам, так, что отыскав 0 и ∞ , мы необходимо заключаем о факте, называемом миром, точно так же, как, наткнувшись на этот факт, необходимо находим, что его пределы 0 и ∞ . Далее, так называемые конечные причины (*causes finales*) ***** невозможны ни для мысли, ни для действительности. С нас достаточно, ум удовлетворен тем, что, отыскав один из пределов, факт мира становится неизбежностью и для мысли и для дей-

* Далее зачеркнуто: «реальности». — *Ред.*

** Далее зачеркнуто: «определенное» и надписано: «точное». — *Ред.*

*** Слова «очень определенная» вписаны над строкой. — *Ред.*

**** Далее зачеркнуто: «в русском языке». — *Ред.*

***** Слова «так называемые» и «(*causes finales*)» вписаны над строкой. — *Ред.*

ствительности. Без факта мира невозможны нуль и бесконечность; без бесконечности невозможны ни мир, ни нуль; без нуля невозможны ни мир, ни бесконечность.

5) Но, таким образом, мы останавливаемся между нулем-точкой и бесконечностью на мире геометрическом, на геометрической действительности, и определяем наши знания о нем миром чисел между нулем и бесконечностью.

Далее задача наша становится следующая: каким образом в этом мире бесконечно возможных геометрических построений между 0 и ∞ найти необходимость реального геометрического построения, прийти к факту такого построения, не прибегая ни к какому предположению (гипотезе)?

В этом еще абстрактном мире, до которого мы дошли, опыт не приводит ни к какому результату, не дает нам никакого способа к выводу *, хотя мы до основного положения пределов и достигли путем простого наблюдения геометрических секций. Нам остается только способ а priori; основываясь на тождестве нуля числового и нуля в пространстве, нам остается пополнить промежуток между 0 и ∞ , развить алгебраическую формулу 0∞ , чтоб отыскать адекватный ей геометрический реальный ряд ³.

(3 июля).

Не могу не заметить еще раз **, что пределы 0 и ∞ возможны только при существовании мира, между ними заключенного, мира, где каждая точка равно 0 и относится к ∞ ; точно так же, как и мир возможен только на основании пределов, на том основании, чтоб каждая его точка была = 0 и относилась к бесконечности. Иначе — если б был предел, не равный 0, то он не был бы последним пределом, т. е. предел был бы не пределом, и если бы он относился не к ∞ , то относился бы к чему-нибудь завершенному, за которым следовал бы *не мир*, что бессмысленно. Если же действительность пределов и действительность мира взаимно обуславливают друг друга, то крайний предел 0, как сам по себе, без действительности мира невысказанный и невозможный, сам есть только встреча положитель-

* Далее зачеркнуто: «Мы поневоле». — *Ред.*

** Слова «еще раз» написаны над зачеркнутым «предварительно». — *Ред.*

ного и отрицательного, произведение $+$ на $-$, что доказывает и опыт. Следственно, мировая формула 0^∞ является нам в виде $(+ -)^\infty$, формула, которая есть выражение непрерывных дифференциалов, повсеместного тангенса, непрерывного тока бесконечно малых, но где уже становится возможным не * только отношение $0 : \infty$, но отношение дифференциалов между собою, отношение одного предела к другому **.

Замечательно, что все изобретатели дифференциального исчисления — Декарт, Лейбниц и Ньютон — вследствие *** тенденции своей мысли к дифференциальному исчислению в метафизике дошли до схожих **** гипотез, которых математические построения также подходящи и могли держаться в науке, как теории ***** , приближительные к действительности. Гипотеза вихрей Декарта, гипотеза течений Ньютона и атомо- или монадология Лейбница — все не больше, не меньше, как дифференциальное исчисление, приложенное к мирозданию. Замечательно также различие национального гения во всех трех предположениях. Англичанин схватился за предположение материально-положительное; француз — за нечто абстрактно-бунтующее, хаотическое; немец — за абстрактно-идеальное, которое в действительном мире уже не нашло приложимой математической формулы. Наука пошла вращаться между формулами ньютоновских токов и формулами колебаний. И та, и другая представили приближение к действительности и еггог ***** , представили аппроксимацию ***** . В последнее время еггог теории течений оказался большим и наука вернулась к теории колебаний, или Декартовских вихрей. В сущности и то, и другое не больше, как приложение дифференциаль-

* Часть фразы: от слов «Которая есть выражение...» до слов «становится возможным...», надписана над зачеркнутым: «которая, где бы ни была перервана или остановлена, дает нам величину, отрицающую остальное, т. е. относящуюся к остальному как отрицание, т. е. отношение остального к данной величине». — *Ред.*

** Далее зачеркнуто: «отношение величины». — *Ред.*

*** Слово «вследствие» написано над зачеркнутым «внутренней». — *Ред.*

**** Далее зачеркнуто: «теорий». — *Ред.*

***** Слово «теории» вписано над строкой. — *Ред.*

***** Ошибку (англ.). — *Ред.*

***** От англ. или франц. approximation — приближение, приближенное решение. — *Ред.*

ного исчисления к геометрико-механическому, т. е. действительному миру, приложение, более или менее приближительное. Немецкая гипотеза осталась для положительной науки * бесплодной.

Все ближе и ближе подхожу я к постановке задачи. Теория колебаний есть не что иное, как теория пределов, формула $(+ -)^\infty =$ ряду бесконечных отношений пределов, или бесконечным рядам (сериям), бесконечному числу рядов (серий) пределов, и мировая формула сводится на $f = (+ -)^\infty$. Но скачка от дифференциалов числовых и геометрических к дифференциалам механическим, дифференциалам движения я все же до сих пор не могу пополнить. Может быть равнодушие предела к тому, чтоб быть пределом алгебраическим (числовым) или пределом геометрическим (тангенсом в пространстве) или пределом механическим (точкой отправления движения), выведет на путь, но до сих пор оно не ясно. Говоря: равнодушие предела, я хочу сказать, что 0 может равно относиться пределом к числу, пространству или движению. Но тут все же остается для меня недоступная черта между абстрактным пределом и действительностью.

Одно только замечательно, что в мире дифференциалов единицы в действительности нет, или: в мире единица, сама по себе сущая **, невозможна, от этого она только антропологически произвольна и нужна для человеческого понимания как мерило; в мире абстрактном, алгебраическом и арифметическом мерило абстрактное, единица вообще, измеряющая отношение какой бы то ни было величины, лишь бы отношение было верно ***, а в мире практическом чисто произвольное мерило к отношению, к которому пригоняется действительность. Для самой же природы, для существования, для жизни мира единица не нужна, для него нужна только постоянная неразрывная текучесть ****, бесконечность дифференциалов в формуле $f = (+ -)^\infty$ 4.

* Слова «для положительной науки» переделаны из: «в науке». — *Ред.*

** Слово «сущая» вписано над строкой. — *Ред.*

*** Текст от слов: «мерило абстрактное, единица вообще...», до слов: «отношение было верно», переделан из: «Мерило абстрактное, означающее только отношение, измеряющее какие бы то ни было количества». — *Ред.*

**** Слова «постоянная неразрывная текучесть» вписаны над строкой. — *Ред.*

Религиозный вопрос неразрывно связан с границами человека и рода (общества) человеческого. Религия не что иное, как самая гипотетическая, но самая легкая теория мироздания. Поставить теорию мироздания для человека так же необходимо, как есть, но средства его ограничены, и самое бессмысленное предположение, лишь бы легко прилагалось ко всем жизненным вопросам, решало бы все задачи мироздания, — удовлетворяет больше, чем недовершенное знание. От этого религия становилась государственным установлением, обществу нужно на какой-нибудь гипотезе и теории остановиться, успокоиться; а наука никогда не могла стать государственным постановлением, — она не закончена. Наука, т. е. понимание, основанное не на гипотезе, а на знании, не может быть религиозна, для нее гипотеза бога не нужна; наука необходимо атеистическая; но материал знания ограничен и наука ставит свое атеистическое основание только путем элиминации гипотезы как функции, вставленной во все члены формулы, и потому с исключением ее уравнение не меняется; а между тем действительной теории мироздания по ограниченности материала наука поставить не может. Если наука дойдет когда-нибудь до того, чтобы свое scio * поставить взамен христианского credo ** так же коротко и определенно, как символ веры, то она будет доступна массе, и масса дойдет до атеизма и знания. Но едва ли наука дойдет до такого определенного scio, а если даже она поставит достоверную формулу мироздания, но трудную для общественного понимания, то массы всегда осуждены на религию, никогда не в силах поставить атеизм в основание общественного устройства и, следовательно, всегда введут ложную функцию в общественную жизнь, и устройство ее осуждено быть искаженным.

Тут граница рода или стада человеческого. Ну, а если и наука-то имеет границу в невозможности собрать весь материал знания и постановить достоверную теорию (формулу) мироздания? Тогда очевидно, что общая антропологическая граница неизбежна. Но так как она шире и дальше хватает границы стадной, общественной, то наука осуждена на бесконечную борьбу (антиномию) с пониманием рода человеческого. De facto *** оно так и существует.

* Знаю (лат.). — *Ред.*

** Верю (лат.). — *Ред.*

*** Фактически (лат.). — *Ред.*

〈ПРЕДИСЛОВИЕ К ЖУРНАЛУ

«Общее вече» № 1, 15 июля 1862 »¹

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

В «Колоколе» еще не было слышно ни голоса притесненных старообрядческих и иных согласий, ни голоса притесненного духовенства господствующей церкви; не было слышно жалобы крестьян прямо от себя суду общему обо всем, что они терпят от людей власть имущих; дела *по вере* оставались в стороне; убеждения *так называемых низших сословий* не высказывались. Чувствуя этот недостаток, издатели «Колокола» при сотрудничестве В. И. Кельсиева² решились открыть новый лист для общего веча, где бы могли иметь голос все страдания, жалобы, убеждения по вере и потребности житейские самого народа. На общее вече издатели приглашают всех: старообрядцев, людей торговых и мастеровых, крестьян и мещан, дворовых людей, солдат и разночинцев. Пусть присылают свои жалобы, пусть заявляют свои мысли, потребности, надежды и желанья. Издатели напечатают все, что возможно и полезно и что будет сказано добросовестно, хотя бы по малограмотности и было написано с ошибками; ошибки письма поправить не трудно, лишь бы смысл был честен. Издатели оставляют за собой право, без которого нельзя обойтись, право по своему усмотрению сомнительных и бесполезных статей или вовсе не печатать или печатать, возражая на ошибочное мнение, преднамеренную ложь и неправду. Сами же от себя издатели будут писать и стараться разъяснять настоящее положение России и нужды народные, так чтоб всякий неученый мог видеть, правду ли они говорят. Они уверены, что между русскими неучеными людьми, людьми

низших сословий, уже, конечно, не меньше, а может найдется и побольше людей даровитых, чем между самыми учеными, высшими сословиями. Цель издателей — соединить всех даровитых, честно благу народному преданных людей всех сословий и всех толков на одно Общее вече.

Этот прибавочный лист будет издаваться при «Колоколе» не всякий раз, а когда накопится достаточно статей. Чем больше люди русские примут в нем участие, тем чаще станет он печататься.

(ОБРАЩЕНИЕ К КОМИТЕТУ
РУССКИХ ОФИЦЕРОВ В ПОЛЬШЕ)¹,

рузья!
С глубокой любовью и глубокой печалью провожаем мы к вам вашего товарища; только тайная надежда, что *это* восстание будет отложено, сколько-нибудь успокаивает и за вашу участь и за судьбу *всего дела*.

Мы понимаем, что вам нельзя не примкнуть к польскому восстанию, какое бы оно ни было; вы искупите собой грех русского императорства; да сверх того оставить Польшу на побиение без всякого протеста со стороны русского войска также имело бы свою вредную сторону безмолвно-покорного, безнравственного участия Руси в петербургском палачестве.

Тем не менее ваше положение трагично и безвыходно. Шанса на успех мы никакого не видим. Даже если б Варшава на один месяц была свободна, то оказалось бы только, что вы заплатили* долг своим участием в движении *национальной независимости*, но что воздвигнуть русского, социального знамени *Земли и Воли* Польше не дано, а вы слишком малочисленны.

При теперешнем преждевременном восстании Польша, очевидно, погибнет, а русское дело надолго потонет в чувстве народной ненависти, идущей в связь с преданностью царю, — и воскреснет только после, долго после, когда ваш подвиг перейдет в такое же предание, как 14 Декабря, и взволнует умы поколения, теперь еще не зачатого.

* Далее зачеркнуто слово «свой». — *Ред.*

Вывод отсюда ясен: отклоните восстание до лучшего времени *соединения сил*, отклоните его всем вашим влиянием на польский комитет и влиянием на само правительство, которое со страха еще может отложить несчастный набор, отклоните всеми средствами от вас зависящими.

Если ваши усилия останутся бесплодными, тут больше делать нечего, как покориться судьбе и принять неизбежное мученичество, хотя бы его последствием был застой России на десятки лет. По крайней мере сберегите по возможности людей и силы, чтоб из несчастного проигранного боя оставались элементы для будущей отдаленной победы.

Если же вы успеете, и восстание будет отложено, тогда вы должны начертить себе твердую линию поведения и не уклоняться от нее.

Тогда вам надо иметь одно в виду — делать общее русское дело, а не исключительно польское. Составить целую неразрывную цепь тайного союза во всех войсках во имя Земли и Воли и Земского собора, как сказано в вашем письме к русским офицерам ². Для этого надо, чтоб русский офицерский комитет стал самобытно; поэтому центр его должен быть вне Польши. Вы должны вне себя организовать центр, которому сами подчинитесь; тогда вы будете командовать положением и поведете стройно организацию, которая придет к восстанию не во имя исключительно польской национальности, а во имя Земли и Воли и которая придет к восстанию не вследствие минутных потребностей и тогда, когда все силы рассчитаны и успех несомнителен.

Для нас этот план так ясен, что вы не можете не сознавать того, что надо делать.

Добейтесь его, каких бы трудов оно ни стоило ³.

⟨О РУКОВОДЯЩИХ ОРГАНАХ «ЗЕМЛИ И ВОЛИ» И ПРОГРАММЕ РАБОТ ЕЕ ОКРУЖНЫХ КОМИТЕТОВ⟩¹

1.

Первое и секретное. Совет общества находится за границей, при К. Км.² остается в России, но распределяется по определенным центрам. Публицистика соединяется за границей. Организация составляется преимущественно в России и долею за границей. Пути должны быть устроены.

а) Заграничное дело:

Общее направление. Печать. Организация выходцев и путешественников.

б) Внутреннее дело: организация меньшинства во имя заграничной деятельности. Распределение организации по провинциям. Организация в войсках.

с) Организация старообрядцев идет сама по себе. Загран[ичный] орган — «Вече». Обе организации сойдутся когда-нибудь. Не в прокламациях дело внутри России. Их первая пора прошла, а вторая не приходила. Дело внутри — организация общества, распределение людей. Комитет обязан заявлять свою связь с нами и во имя наше приглашать к содействию. Комитет должен расположить округи; достаточно одного человека для сношения с комитетом. Этот человек в своем округе составит кружок, который бы знал только его, а он бы входил в сношение с комитетом, а комитет с нами.

Так как дело идет о собрании меньшинства, да еще молодого меньшинства, то округи должны по большей части совпадать с университетами или иными учебными заведениями. Только там, где есть *удобности*, округи могут не совпадать с университетскими центрами.

Комитет должен существовать сам по себе, даже в самом Петербурге у него должен быть особый *окружной*, который бы с ним сносился, но кружок держал сам по себе.

2.

1. Главный Совет общ[ества] «Земли и Воли» состоит из редакции «Колокола». Все распоряжения идут отсюда.

Это надо распространить не в печати, а втихомолку. Оно необходимо, потому что большая часть желающих не имеет доверия к существованию и силе комитета; оно необходимо, потому что комитет может за этим скрыться и продолжать свое существование.

2. Комитет продолжает его без всяких прокламаций и распространяет общество, принимая «Колокол» за центр. Его дело следующее:

а) употребить, с своей стороны, все старания для установления постоянных сношений с нами;

б) все, что он хочет печатать, может быть печатано у нас. Но в том, что печатать, нужно взаимно согласиться. Конечно, не прокламации, которые *теперь* не имели бы никакого значения или, скорей, вредное; но особый перечень внутренних русских событий, реакционных подлостей и пр., даже отдельной тетрадь, не мешает. Но комитет должен чрезвычайно *искренно* высказывать *только правду* с указанием на те данные, которые могут послужить основанием будущей реорганизации*.

3. Совет общества должен иметь главною целью усиление общества. Для этого ему надо действовать в тех центрах, сосредоточивать все силы в тех центрах, где *теперь* успех *всего легче*. Это значит, все университетские центры, духовные академии и лицеи. Везде, где эти центры могут учредить получение заграничных изданий и их распространение, должно быть обращено на это особое внимание. Конечно, тут самую важную роль играют Петербург и Одесса. Казань имеет наибольшее значение для восточноволжского края**. Харьков — для Малороссии и Дона. Киев представляет наибольшее затруднений. *Теперь* надо наименьшее

* Пункты 1 и 2 полностью и далее цифры 3, 4, 5, 6 перечеркнуты карандашом. — *Ред.*

** Следующая фраза вписана над строкой. Против этого места рукой Герцена написано: «А Харьков?». — *Ред.*

внимание обращать на центры, где наиболее затруднений, и работать там, где легче. Работа должна состоять в соединении меньшинства в общество, изучающее и уясняющее народные интересы, выставляющее народные требования, проповедующее паче всего Земский собор. В каждом университетском, духовноакадемическом и лицейском центре (даже в Петербурге) Совет должен иметь своего окружного, который бы составлял кружок, но с Советом в сношение входил бы только сам лично; а кружок не знал бы лица составляющие. Численность членов этих отдельных кружков должна быть известна Совету и нам без всякой лжи и преувеличений *. При этом кружки могут заводить школы **, посылать ходоков и пр., нисколько не компрометируя Совета, который остается *occulte* ***. Печатать об этом ничего не следует, а вести дело в тишине. Но мы просим университетскую молодежь не проповедовать никаких абстрактных понятий о свободе и противуцаризме, а только — необходимость Земского собора, который бы основал поземельное народное владение, сельское, волостное и областное самоуправление, свободу веры — и (позже проповедовать) — избранного земского царя ****. Если первый Земский собор будет иметь силу заменить это имя другим, тем лучше, а если не будет, — беда не велика, лишь [бы] избрание было на ограниченное число лет.

4. Окружные могут быть и в не университетских и прочих учебных центрах; но чисто в провинциальных, там, где это удобно, т. е. где люди готовые существуют и могут действовать (напр. Тверь, волжское пароходство).

5. Офицеров способных *теперь* надо направлять на составление кружков в военно-учебных заведениях; но готовить их, как скоро польский вопрос элиминируется, переходить в восточные, кавказские и другие войска (смотря по обстоятельствам) для составления офицерских кружков. *Теперь* невозможно даже предвидеть настоящих военных

* Пометка Герцена: «Не просто ли «без преувеличений!»». — *Ред.*

** То же: «Школы — не больно ли много?». — *Ред.*

*** Тайным (фр.). — *Ред.*

**** Вместо этой фразы Герцен написал: «Надобно, чтоб молодые люди, особенно университетская молодежь, проникнулись тем, что теперь не время проповедовать абстрактные понятия нравственного освобождения, антирелигиозные теории и даже противоцарские». — *Ред.*

округов и действовать нельзя даже на Кавказе, ибо это было бы только бесплодное красноречие и трата времени с гибелью хороших людей. По крайней мере полгода, а может и год пройдут только в составлении учебных и возможных кружков. О дальнейшем надо говорить, когда обстоятельства сделают дело возможным.

6. С старообрядцами, если случай приведет, знакомиться, но отнюдь, кроме старообрядческого и Земского собора, ничего не проповедовать. Насильно втираться к ним в дружбу *теперь* вредно ³.

ВСЕМУ НАРОДУ РУССКОМУ, КРЕСТЬЯНСКОМУ ¹

*от людей ему преданных
поклон и грамота*

Прошло два года с «Положения о выходе из крепостной зависимости».

Что же в эти два года сделано? Дана ли крестьянам земля? Дана ли воля? Дана ли та земля, которая по правде не чья иная, как крестьянская, народная? Дана ли та воля, которая по правде народу приходится?

Землю русскую заселяли не царь и не казна, не дворяне и не чиновники. Землю русскую заселял народ русский. Земля — дело, богом народу данное, и в писании сказано: «Множитесь и заселяйте землю».

А что же в эти два года сделано? Уставные грамоты насильно и облыжно подписаны, земля у народа урезана, оброки повышены; позволен выкуп, т. е. за свою же землю крестьяне должны денежки заплатить, да еще не по своей оценке, а по чиновничьей. Собираются заставить и государственных крестьян за свои же земли казне выкуп заплатить, — знать, казна-то помещик! Нет, это не божье дело, это насильство властей, не от бога поставленных.

Воля народная значит — что народ должен управляться мирским согласием да своими людьми выборными, а не приказными людьми и не помещиками. Землею владеть без всякого оброка и выкупа, каждому с мирского согласия безобидно. Денежный сбор на общее дело вершить с общего согласия и по мирской раскладке, а не отдавать последнее достояние чиновникам, чтоб тратили — куда, никому неизвестно, или попросту сказать — грабили.

Воля значит — чтобы суд был вершим людьми выборными, которым народ верит, вершим по совести человеческой и по разуму народному, а не навязан приказными, неведомо отколь взятыми, народом не прошенными, — судящим по законам, неведомо кем и для кого писанным.

Воля значит — веровать в бога по совести, как кто по какому обряду верит от искреннего сердца и чтобы молиться по своей вере никому не было помехи и притеснения.

Воля значит — чтобы не было насильной рекрутчины, чтобы солдат был поставлен для охраны той области, где родился, и, прослужив охотно свой год на пользу своих же кровных сел и городов, возвращался бы в свою семью, на свою землю; в даль ходил бы только, когда война есть неминуемая. А не то, что теперь, когда рекрута уводят на долгие годы в дальние места и в мирное время ставят постоем на грабеж народа, да еще заставляют стрелять по крестьянам.

Воля значит — чтобы не было ни барина-чиновника, ни мужика да мещанина, а были бы только люди русские, единый народ безо всякой розни сословной, и что право для одного право и для другого.

Воля значит — чтоб не было паспортов да стеснений; когда что надо взыскать, миром взыскивалось бы с урожая да с имущества, а человек был бы волен идти, куда ему сподручно и выгодно, без того, чтобы ему чиновники пути заказывали, да на заработок не пущали, да семью в раззор разоряли.

А что для этой настоящей воли народной в эти два года сделано?

Да только то, что когда народ об ней затолковал, то послали солдат пороть крестьян, по крестьянам стрелять, да захваченных, как преступников али собак каких, расстреливать. Так было в Казани, в Пензе, в Смоленске и почитай что везде. А царь сам ездил по России, помещикам говорил, что он и сам помещик, а крестьянам объявлял и печатно в газетах и изустно сам своей царской речью, что другой воли народу не даст, кроме той, которую уже дал, т. е. той, где народ за свою же землю деньги заплатит, а если вздумает пенять на неправду, то быть ему битому и расстрелянному.

Хороша воля!

Нет, батюшка-царь, эдак земские-то цари не поступают; это впору только заморским пришельцам да антихристам.

А ты лучше созови Земский собор из людей, народом

без всякой розни сословной выбранных; пусть они и решат, и как землю владеть и как волю народную учредить. Тебе, батюшка-царь, одному с вельможами этого дела не решить. Тут надо не канцелярский приказ, секретарями писанный да князьями подписанный; тут нужен общий совет, крестьянский ум да народный толк, нужен Земский собор.

Ах, родимые, родимые! Как бы не так! Даст он вам Земский собор! Не Земский собор он даст, а опять пошлет солдат пороть крестьян да расстреливать, чтобы не было другой воли, кроме той неволи, которую русские писаря из немцев за приказным столом сочиняли.

Ну! так не пеняй же государь-батюшка, Александр Николаевич, если народ и без твоего соизволения сам свою землю да волю возьмет, сам свой Земский собор созовет. Ты за нас не стоишь, видно, бог велит нам всем самим за себя постоять. Быть воле божией!

Кто же с нами, с народом, и кто против народа? Надо счестся.

Против народа большая часть дворян и чиновников, бояр и князей, все те, которые хотят себе царя-барина, царя-помещика, а не Земского собора и не земского управления.

Но в эти два года нашлись и из дворян люди, народу преданные; они просили царя, чтобы дал всем права равные, отрешил бы льготы дворянские, уничтожил бы рознь сословную. Их царь за это в тюрьму засадил и судить велел как бунтовщиков.

Нашлись и офицеры, которые стали уговаривать солдат не стрелять по крестьянам, а стоять за народ. Нашлись и сочинители, которые писали в пользу народа, отстаивали его землю и волю.

Число их, может, было и не больно большое, но и не малое. Да велика у них была твердость духа и вера в правоту дела народного.

И вот они собрались и поклялись перед святым крестом и евангелием послужить народу русскому, отстоять его землю и волю противу всяких немцев и вельмож и царю доказать, что дело народное — дело правое, и добиться до созвания Земского собора.

Собрались они и стали промеж себя деньги собирать на общее дело и посылать во все концы России гонцов — собирали бы людей, народу преданных, проповедовали бы землю и волю народную, офицеров и солдат повешали бы прися-

гать, что не станут стрелять по крестьянам, а будут стоять за них твердо и пойдут на помощь делу народному.

Пускай царь называет нас бунтовщиками, сажает в крепость да ссылает на каторгу; пускай полицейские ярыжки стараются чернить нас даже в глазах народа, будто мы и изменники-то и поджигатели-то, пускай возводят на нас всякую дьявольскую ложь и клевету. На правом деле благословение божие, и вот же — несмотря на козни супостатов — круг людей, народу преданных, растет не по дням, а по часам, умножается числом, крепнет духом и силой.

Скоро, братья крестьяне, скоро услышите вы, что везде собирают ополченья, земля отдается крестьянам, учреждается свободное, мирское управление. Тогда, значит, час настал, мы готовы и вышли на дело. В ту пору мы опять вас вот таким же листком повестим. И тогда, благословясь, идите с верой за свою правду народную.

А до тех пор будьте мудры, яко змии. Не портите дела в разбивку. Не восставайте отдельными селами. В разбивку вас задавят. Мы повестим вас только тогда, когда все силы будут собраны и мы все вместе можем спокойно требовать всего, что народу по правде приходится, не боясь ни вельможеских козней, ни царских отказов.

Да еще до тех пор не забудьте, когда рекрут ставите, берите с них присягу по совести, что никогда по народу стрелять не станут и крестьян пороть не пойдут.

Сходитесь, рассуждайте, сговаривайтесь. Помечайте людей, народу преданных, и сближайтесь с ними. Помечайте людей, народу враждебных, и давайте знать о них, чтобы и мы от них отстранялись, избегали их предательства и выставляли бы имена их на позор человечеству. А их будет не мало — вельможи да чиновники и все те, которые нас называют бунтовщиками за то, что мы им мешаем высасывать кровь народную, терзать народ судом бессудным и управлением разбойничьим да отнятием у крестьян земли в свою бояро-чиновничью пользу; все те, которые ненавидят нас и преследуют за то, что мы с первого же шага объявляем о признании за народом земли и воли.

Но не страшны нам враги народные и не перестанем мы добиваться до созвания Земского собора, на котором будет провозглашено:

1) Отдача крестьянам земли без выкупа.

2) Отрешение чиновников и замена их людьми, народом выбранными.

3) Совершенное уничтожение розог и всякого сечения.

4) Уничтожение рекрутчины и устройство народного ополчения.

5) Запрет — чтобы без согласия народного Земского собора нельзя было налагать ни податей, ни пошлин и чтобы без его ведома никуда правительство денег не тратило.

6) Свобода веры.

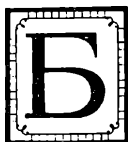
7) Уничтожение всякой сословной розни, чтоб не было ни дворян, ни крестьян, ни мещан, а был бы только под одно народ русский.

И многое, многое еще должен рассмотреть и решить Земский собор, где бы он ни собрался, в Москве ли или где придется.

И еще раз повторяем, братья-крестьяне, готовьтесь покуда втихомолку. А придет великий, ослушной час, не выдайте правого дела. Все вместе — и солдатушек всех с собою возьмете да двинетесь за землю и волю народную и да воскреснет бог и расточатся враги его.

❧

**〈БРАТЬЯ СОЛДАТЫ! ОДУМАЙТЕСЬ —
ПОКА ВРЕМЯ〉¹**

ратья солдаты!

Одумайтесь — пока время.

Оглянитесь назад — что вы были и что из вас сделали. Поглядите вперед — чтоб не вышло еще хуже.

Прежде, в 12-м году — солдаты были воины русские, спасали Россию от французского нашествия, и весь народ поднялся вслед за ними на спасение родной земли. И чужие народы, и свой народ смотрели на солдат как на избавителей.

С тех пор кого вы спасали? кого избавляли?

Никого.

Кого заставили вас бить, кого пороть, кого расстреливать?

Всех притесненных, кто попадался под руку — и чужих, и своих.

В 12-м году вы были воины, а с тех пор из вас сделали палачей и полицейских холопов.

Кто же положил вам на душу этот грех палачества?

Генералы и сановники, которые вокруг царя; царь, который им верит и потворствует.

Вспомните: венгерцев душил австрийский император — вас послали бить не австрийского императора, а венгерцев — вы били венгерцев ².

Полякам горько пришлось от всяких, из Петербурга наездных полунемецких и совсем немецких генералов и чиновников, и захотели они жить по-своему, как им лучше... Вас послали бить поляков, и вы били поляков ³.

А какое вам, кажется, дело до венгерцев? Что они вам худого сделали?

И какое вам дело до поляков? Сами знаете, что на содержание их в подданстве уходит подать с русского мужика и что, помогая душисть Польшу, вы только помогаете чиновникам грабить русский народ.

С горцами на Кавказе давно можно было помириться и оставить их жить в покое, чтоб они и нас не трогали. Но их земли насильно отдают казакам, которые переселяться на их земли сами не хотят. А вас посылают бить горцев, и вы бьете горцев. За что? За то, что немцы и полунемцы генералы не хотят покончить дело миром и сделать из горцев свободных друзей народу русскому и союзников.

Не ради России и ее пользы, а ради генеральской наживы вы бьете соседние племена.

Мало этого: вас послали душисть своих — и вы пошли.

В Казанской губернии вам велели стрелять по крестьянам — вы стреляли.

В Пензенской вам велели стрелять по крестьянам — вы стреляли.

В Смоленской — вы стреляли.

Нет такой губернии, где бы вас не заставляли пороть крестьян, — и вы пороли, пороли, пороли...

И за что? За то, что они, крестьяне, хотели Земли и Воли, хотели владеть всей своей землею, потому что она ихняя и хотели жить свободно и спокойно, управляясь своими выборами.

И вы пошли против их правого, святого дела! И вы подняли на них руку, подняли руку на ваших отцов и братьев!

Да, ведь, это не простой грех — это злодейство.

Вот какую тягость положил вам на душу царь, управляемый своими петербургскими генералами и сановниками.

А за то, что вы приняли на душу этот грех, за то и вас самих учат и мучат, морят голодом и холодом, грабят и порют, секут розгами до полусмерти и вовсе на смерть батошьем. Это на вас кара господня за принятие греха на душу, и, покамест у вас рука будет подниматься на притесненного, до тех пор это проклятие с вас не снимется.

Оно снимется только тогда, когда вы станете за народ, за его землю и волю.

Только тогда отдастся солдату земля, какая ему следует, как всякому, а не то что пошел служить, так и землю у тебя отобрать за твою же службу-то!

Только тогда солдат не будет тереть лямку бесконечные годы, шляясь без пользы по прихоти начальства из конца в конец России. А будет он служить короткий срок и то в своей области, близко от дому, потому что солдат будет не палачом, а ополченцем народным и там, где родился, тот край и охранять должен. Отслужил свой короткий срок и опять стал домохозяином, а не бессрочно-отпускным нищим, без кола и двора.

Только тогда не станут вам заказывать, будь, мол, вечно солдатом, а всякому дадут право, по приговору полка, быть выбранным в офицеры. Такое отпущение греха вашего, такое новое устройство солдатства дадут вам уж, конечно, не немцы-генералы, а народные выборы на Земском соборе.

Да не пойдет же брат против брата! Не посралим земли русской! Станем все крепко вместе на спасение народа русского, крестьянского.

Если из нас какой-нибудь десяток с небольшим отказался бы стрелять по народу, пожалуй, начальство и запороло бы. А если мы все станем вместе, никакое начальство пальцем до нас не дотронется.

С нас брали присягу на повиновение этому начальству — это была присяга, властями вынужденная, людьми выдуманная. Мы дадим присягу по совести, в нас самим богом вложенной, служить до последней капли крови народу русскому.

Скоро придет время — крестьяне, которых насильно заставляли подписывать грамоты, у которых землю урезали, оброки повысили, станут волноваться. Присягните же в своей совести, что по ним стрелять не станете и пороть их не пойдете.

И придет час, братья солдаты, когда мы таким же листком, как вот этот, кликнем клич, чтобы вы собирались на спасение народа русского.

Тогда оставьте поляков, оставьте горцев жить по-ихнему, как им хочется, не поминайте их лихом и отпустите с миром и собирайтесь и станьте за Землю и Волю народа русского. Идите на его избавление от помещиков и чиновников, от грабежа и рекрутчины, помогите народу устроить свое земское управление на великом русском Земском соборе из людей, выбранных целым народом, бессословно.

И опять, как в 12-м году, вы будете не палачами, а воинами. И народ за вами — за своими избавителями —

пойдет торжественно. И отдаст он вам долю земли, которая вам по праву приходится, и будете вы не полицейскими холопами, а народным ополчением. Путь ваш будет бескровен: никто не сможет и потому никто не станет вам сопротивляться.

Ради устройства земли русской по правде, за святое дело народное идите благословясь, братья солдаты, и да воскреснет бог и расточатся враги его.

〈БРАТЬЯ СОЛДАТЫ! ВЕДУТ ВАС БИТЬ ПОЛЯКОВ〉¹

ратья солдаты!

Ведут вас бить поляков.

За что?

За то, что они разбежались от рекрутчины, не по очереди и не по жеребью, а по полицейскому выбору устроенной. Кто полиции не понравился, того и в рекруты². От этой неправды мещанство из городов ушло в леса и там выбрало себе начальников и стало защищаться и говорить, что Польша не должна управляться петербургскими немцами, что она может жить в ладу с Россией, а управляться должна по-своему, крестьянам землю отдать и свой народ от всякого насильства панского и петербургского избавить.

И за это их правое дело вас заставляют по ним стрелять?

Какой срам на имя русское! Какой грех на душу христианскую!

И как жеваршавское начальство учит солдат войну вести!

Путного сражения никакого и начать не умеет, а говорит солдатам: «Грабь, бей безоружных, жги села и города, офицеров честных не слушайся, а слушайся только грабителей!».

Да разве это война?.. Это разбой!

Что сделали из русских воинов?... разбойников!

Нет же, братья солдаты, кто из вас в бога верит, кто не хриstopродавец, тот душу свою за начальство-антихриста не погубит, грабить не станет, безоружных бить не станет; дома, села и города жечь не пойдет и по полякам, по народу, за свою Землю и Волю стоящему, стрелять не бу-

дет³; а подумает о другом, а о чем, про то мы скажем теперь же:

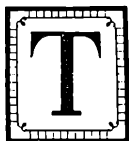
Почему Польша встает? Потому что на то воля господня, потому что слушной час приходит. Народу русскому фальшивую волю дали, облыжные грамоты написали, землю урезали, оброки повысили, подати надбавили; за землю крестьянскую хотят выкуп брать. Дело ваше не поляков бить, а своему русскому народу помочь, чтоб на святой Руси не было розни сословной, ни дворянина, ни мужика, а был бы один народ русский и в управление себе людей выбирал бы сам, а царских чиновников-грабителей отрешил бы; чтоб земля за ним осталась без выкупа; чтоб воля ему была дана настоящая; чтоб и солдат за свою службу не побродягой оставался, а тоже бы свою землю от мира имел, чтоб служба была короткая, чтоб офицеров своих и полковников, и генералов солдаты выбирали честных и смышленных из себя же и из людей, им известных, а не то, чтоб к ним насылали в начальство воров да палачей, солдат обкрадывающих и засекающих; чтоб рекрутчины не было, а были бы солдаты ополченцы народные, а не опричники царские да разбойники генеральские.

До какого мы срама дожили — царь против поляков вступил в союз с прусскими немцами! ⁴ Да разве мы сами-то немцы что ли или нехристи, что нам с ними заодно поляков бить?

Уж если на то пошло, так лучше поляку помочь противу всяких немцев, и своих, и заморских, чем за неправо дело вступаться да разбойничать. Или, братья солдаты, оставьте поляков в покое устраиваться по-ихнему, а идите освободить народ русский от царских дворян и чиновников да клич кличьте, чтоб народ сзывал великий Земский собор из людей, народом без розни сословной выбранных, чтоб учредили они за народом русским землю да волю побожьему, а не по-заморскому.

Власть господня наступает, слушной час приходит. Братья солдаты, слушайте тех, кто говорит вам во имя Земли и Воли: не на рабство полякам — сохрани вас господь от этого, — а за волю народа русского, крестьянского, встаньте дружно, и да воскреснет бог и расточатся враги его!

ОФИЦЕРАМ ВСЕХ ВОЙСК ОТ ОБЩЕСТВА
«ЗЕМЛИ И ВОЛИ»¹

оварищи!

Наше общество не погибло. Напротив того, оно упрочилось и увеличилось. Учредился Совет общества*.

Те из вас, которые в Польше и в западных губерниях, пусть не теряют надежды, несмотря ни на что. Зверские страсти поустанут, и мы еще снова соединим дело польской свободы с делом свободы русского народа. Не унывайте, не рассеивайтесь. Держитесь крепко в союзе друг с другом и с нами.

Те из вас, которые вне Польши, где бы вы ни были, на Юге ли, на Севере, на Востоке или внутри России, — примыкайте к нашему русскому народному делу.

Мы не оставляем нашего прежнего убеждения: войско, которое так долго служило петербургским царям палачами народа русского, — войско обязано начать и его освобождение. На вас лежит долг искупления России — исполните его свято и непоколебимо.

Мы не оставляем нашей прежней мысли: вы должны готовиться и готовить солдат на Востоке и Юге, на Западе и Севере. Дружно, со всех окраин, двинемтесь внутрь России, подымая народ на созвание бессословного Земского собора.

Только он может осуществить право народа на Землю и Волю, областное и союзное самоуправление.

* В России, а не за границей, хотя мы и за границей имеем друзей, преданных нашему общему народному делу.

Романовы никогда не созовут его. Если со страху и попытаются соорудить какую-нибудь бояро-немецкую думу, это будет так ничтожно, так чиновно, что Россия такого законодательного собрания признать не должна и не может.

Настоящий Земский собор нам надо себе завоевать.

С этой целью составляйте офицерские кружки и примыкайте к нашему Обществу, чтобы составить один строй и одну дисциплину. Приготовляйте солдат. Чем сильнее будет подготовка, тем бескровнее будет русское восстание, потому что оно найдет не сопротивление, а соединение всех для единой цели народного самоуправления.

Слабые, своекорыстные, чиновные, петербургские, управлявшие и грабившие — все, от станового до императора, или покорятся или уйдут.

С нами поднимется весь народ. Против нас и народа никто не устоит, да никто и не яжится.

Вслед за каждым нашим шагом должно учреждаться местное самоуправление.

Когда силы наши будут несомненны, наш Совет повестит вас. Тогда начинайте поход.

До свидания, товарищи! До торжественного свидания там, где мы с разных концов все сойдемся и где Земский собор утвердит за народом Землю и Волю.

Выше этого торжества, выше этой славы ни одно войско в мире не достигало.

СЛОВО ПРАВДЫ¹

Люди русские! Долго ли вы будете рабами? Цари начали раздавать крестьян в крепость своим опричникам и писать крепостными за казною. Императоры покончили: всех записали крепостными или за помещиками, или за казною, или за своей императорской роднею.

Народ поддался и пошел справлять рекрутчину и завоевывать императорам чужие земли и чужие народы. Народ полюбил величие императорское и забыл о своей человеческой свободе. За то и наказан; за то его и помещики драли, и солдаты драли, и приказные драли, и молиться ему мешали по-своему, и судиться мешали по-своему, и управляться мешали по-своему, и владеть землею по-своему — мешали.

А он-то все покорял да покорял чужие народы.

Прибыль от этого? А вот какая, что на содержание чужих народов в рабстве с него же, с русского народа, брали людей в солдаты, брали подати подушные и оброчные и всякими налогами облагали, и, чтоб было взыскивать посподручнее, не пускали человека двигаться с места на место без дозволения начальства, без паспорта.

Хороша прибыль!

Кровью и трудовым потом, потерей всякой человеческой свободы и чистоты душевной, жалким унижением и рабством платит народ за удовольствие видеть величие императорское.

Не похож ли народ на того помещика, который на все свое достояние покупает огромный, бездоходный дом для

того только, чтоб сказать соседям: «смотрите какой у меня большой дом, не по-вашему», а самому с семьею после такого благоприобретения перекусить нечего, да заимодавцы в тюрьму ведут, и жизнь выходит не жизнь, а каторга.

Пока мы будем хлопотать о своем или, лучше сказать, об императорском величии — не будет у нас свободы человеческой и быть людям русским рабами.

Так мы стоим к Польше.

На что нам она? Для того только, чтоб лишних рекрут ставить и последний крестьянский грош отдавать на содержание ее в подданстве.

Ради чего мы ее терзаем? Ради императорского величия и собственного своего народного рабства.

Потому что тот народ, который кует цепи для других народов, сам не в силах выйти из рабства.

Потому что те солдаты, которые сегодня стреляют по полякам, вчера стреляли и завтра пойдут стрелять по крестьянам — по своим отцам и братьям.

Сердце кровью обливается, когда посмотришь, как императорское начальство развращает русского солдата, из человека делает зверя, из воина — разбойника.

Во главу русского воинства поставили немцев-генералов, да из русских таких, что не лучше немцев. Войны вести у них ума не хватает, а сказали они солдатам: «грабь, ребята! грабь мирных жителей, жги селы и города, бей безоружных и добывай раненых, а добычей с начальством делись». Развратили солдат окаянные, сделали из них разбойников, сделали из войны разбой.

Оно и не мудрено: всякая неправая война — разбой.

Да если император с своими опричниками идет на разбой — русскому-то народу с чего же принимать этот срам на имя русское и этот грех на свою человеческую душу?

Добро бы еще господа в императорском разбое участвовали — им тут есть и пожива, да и резон есть служить императорам, они от императоров получали и получают земли и жалованье. А народу-то русскому, крестьянскому, с чего в их грехе участвовать своими сыновьями, в рекруты уводимыми, своей трудовой копеей, приказными отбираемой?

Помните, люди русские, и запишите слово правды в своем разуме и сердце: пока императоры будут властны начинать и вести войну, не спросясь у народа, пока народ не будет властен на Земском соборе — на соборе своих людей

выборных — сказать: согласен он на войну или не согласен, до тех пор война будет разбоем, солдат — опричником, а народ русский — рабом.

Император с генералами хотят заверить народ русский, что в Польше паны взбунтовались... Нет, это неправда, не паны, а несчастное мещанство, которое погнали в рекруты не по очереди и не по жеребью, а по полицейскому выбору и назначению, как у нас помещики — на кого зол, тому и лоб. И встали мещане польские против опричников царских, не хотят их грабительственного управления, а хотят жить по-своему, независимо, говорят, что Польша может жить в союзе с русским народом, а в рабстве у царя с опричниками жить не согласна.

Правы ли они — пусть каждый рассудит по совести.

В самом начале восстания люди, которые во главе его стояли, объявили, что земля в Польше будет дана польскому крестьянству. Какие же тут паны бунтуют? Тут народ встает, потому что слушная пора приходит.

Паны, которые за свою корысть держатся, тем плохо приходится. Казаки и солдаты грабят их, не разбирая кто за царя, кто не за царя, лишь бы грабить; а крестьяне польские, как примкнули к восстанию, так и сами панов повыгонят, если паны народной воле не покорятся.

А наш император так испугался народного восстания, что со страха позвал на помощь прусских немцев. Положим, что прусский немец ему родной дядя; да русскому-то народу он что за родня? С чего же прусский немец больше брат русскому народу, чем поляк? Мы знаем немцев и у себя дома. Является немец в генеральских эполетах — сечет и грабит; наезжает чиновником на государственных крестьян — сечет и грабит; приходит в село управляющим — сечет и грабит. Его посылают сечь поляков, так же как и русских. С чего же народ русский вдруг пойдет против поляков в союзе с прусскими немцами?

Люди русские, люди русские! долго ли вы будете рабами?

Из польского восстания одно только явно, что слушной час приходит.

Продержится оно — значит пора и русскому народу, ему в подмогу, за свой слушной час приниматься.

Задуют ли вскоре польский народ солдатами, обращенными в разбойников, в союзе с прусскими немцами — и это не надолго. Тут-то, значит, и надо русскому народу

свой слушной час знать и самому приниматься за дело, свою землю себе и волю взять и всем народам порабощенным землю и волю добыть.

Теперь стукнуло и 19 Февраля. Два года прошло с «Положения». Уставные грамоты насильно и облыжно подписаны, земля у крестьян урезана, оброки повышены. За свою же землю хотят крестьян заставить выкуп заплатить ². Волостные суды поделаны, а дворянин волен мужика тащить во дворянский суд, а не в волостной, во дворянский суд, где народного голоса нет, а решает чиновник. Чиновники грабят попрежнему, а пожалуй что и больше прежнего. Куда поборы с народа идут—народу неизвестно. Царь ездил по России, народу говорил, что другой воли ему не даст, а себя называл первым дворянином и московским помещиком.

Были дворяне, которые не своей корысти, а народному делу преданы; они просили царя уничтожить разнь сословную и права крестьянства сравнять с правами дворянства, чтоб не было ни дворянина, ни мужика, а был бы один народ русский. Царь их в крепость засадил и под суд отдал как бунтовщиков.

На молодежь, на юношей, которые не дворянской корысти, а народному делу душою преданы, полиция наклеветала, что они поджигатели, и засадила их в крепость, а уличить в поджигательстве не могут, да и не в этом полицейская цель. Царю с чиновниками просто хотелось засадить в крепость молодежь, преданную крестьянскому делу,—ну и засадили, иных в Сибирь ни за что ни про что посылали, других и по сию пору в петербургской крепости держат.

Но слушная пора приходит; от этого царю с дворянами-чиновниками ничего не удастся, сила из рук валится, судьбы совершаются.

Покамест они сажали молодежь в казематы, все люди, народному, крестьянскому делу преданные, собрались в один союз во имя

ЗЕМЛИ и ВОЛИ,

чтоб земля была крестьянам отдана без выкупа, чтоб управлялся народ своими выборными людьми, а не царскими чиновниками, чтоб настоящая воля была провозглашена на великом Земском соборе из людей, выбранных всем земством, всем народом русским бессословно.

Собрались эти люди и учредили внутри России, из своих доверенных, Совет, чтоб все дело вести в разумном порядке.

Вперед, вперед, люди, народу преданные! Примыкайте же к ним все — и крестьяне, и дворовые, старообрядцы и не старообрядцы, мещане и люди торговые, и дворяне, от дворянства отрекающиеся, и семинаристы и сельские причетники, консисториями грабимые. Примыкайте и вы, офицеры, за народ стоящие, и солдаты, начальством не развращенные, и казачество, при полиции не служащее, примыкайте, чтоб составить один строй и в путях не разбиваться, в разбивку не восставать, а идти к цели в едином союзе, потому что только строй да союз и дают силу.

Примыкайте, потому что слушной час приходит, люди русские перестанут быть рабами, и каждому и всем вместе на великом Земском соборе дастся —

ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ.

ТРИ ВОПРОСА ¹

1)

- Учреждение склада и постоянных сношений.
2) Присоединение финского общества к русскому.
3) Литовское дело.

По первому вопросу.

Договор с книгопродавцами; склад в Або или где финны сочтут нужным *. Учреждение типографии в Стокгольме и покровительство шв[едского] правительства **. Учреждение своих почт, т. е. людей, через которых можно пересылать и получать сведения из Петербурга². Учреждение телеграфических депешей через Стокгольм ***.

Так как для сбыта изданий, для почты-телеграфов нужны люди в Петербурге, то финну, отправляющемуся туда, дано

* Уступка в наших изданиях 50% без провоза или 40% с провозом, считая 10% за провоз. Наше посредство для переговоров с Трибнером об уступках с его изданий. Обеспечение нам посылки пропагандных листов и тетрадок книгопродавческим путем до Стокгольма для передачи финнам, которые уже доставят их по назначению.

** Типографию устроим себе в продолжении двух-трех месяцев; она может печатать русские издания по договорам с стокгольмскими книгопродавцами свободно от нас и по нашему поручению. Она устранит посылку пропагандных листов и тетрадок из Англии, потому что обязана печатать рукописи, посылаемые из Лондона и из русского общества, и вместе с тем заменит тайные станки для России. Тогда останется только финнам пересылать в Россию. Необходимость покровительства шведского правительства очевидна.

*** Для телеграфических сообщений нужно сочинить условный язык и иметь в руках стокгольмского банкира и, если можно, его корреспондента в Финляндии и Петербурге.

будет письмо и он должен условиться с обществом *. Прежде чем говорить о деталях условий скажу несколько слов о возможных отношениях Финляндии к русскому делу.

Из письма Б[акунина] очевидно, что финны хотят отделиться и присоединиться к Швеции или остаться самобытными, или даже остаться в федерации с вольной Россией, но на правах самобытного управления. С нашей стороны всего благоразумнее желать им отдельного существования, не в федерации, а в союзе с Россией и Швецией. С падением Петербурга Швеция не может быть врагом и мы, естественно, можем стремиться только к союзу с Скандинавией вообще. Но это дело дальнее. Теперь же надо знать, что предпринимают финны, какие у них силы, какое настроение, что им обещает Швеция и чем, кроме сношений для пропаганды, они могут быть полезны для нас и мы для них.

Мы для них можем быть полезны заявлением их требований в «Колоколе», ознакомлением России с их требованиями; общество «З[емля] и В[оля]» может быть полезно поднятием финского вопроса постоянными разговорами и даже намеками в петербургской журналистике, так что русское общественное мнение довольно быстро приготовится в пользу самостоятельности Финляндии, и при первом движении в России Финляндия может объявить себя самостоятельной безо всякой помехи и даже без всякой войны. Сверх того, общество может быть им полезно в сношениях с финляндцами, живущими внутри империи.

Финны могут быть для нас полезны: устройством постоянных сношений с Петер[бург]ом через Швецию и союзом общества финского с русским, что послужит к усилению того и другого. Через финское общество русское общество может рассчитывать на финнов, служащих в русской армии** или гражданской службе, как на своих агентов, поручать им печатную пропаганду и прибавку числа членов русского общества, клонящегося все к единой цели военно-народного восстания для созвания земщины. Русские с своей стороны станут отыскивать финнов внутри империи и присоединять их к финскому обществу.

Для всего этого необходимо, чтобы финны сами организовали у себя серьезное общество, что для них

* Письмо наше к обществу непременно должно быть передано аккуратно.

** На Кавказе обыкновенно бывало много финских офицеров.

гораздо легче, чем для нас организация нашего общества. У них географический радиус мал и подручен и ставится вопрос о самобытной национальности, который один уже способен собрать гораздо больше людей и сил, чем всякий другой вопрос. Без сомнения, мы требуем, чтобы финское общество было организовано и делало бы пропаганду не враждебно России, а в помощь всем стремлениям русской социальной реформы. Таким образом, финны и русские должны намекать, что финны готовы прислать на первый русский Земский собор своего уполномоченного, не как члена федерации, а как посланника от самостоятельной Финляндии для переговоров с дружественной Россией о всех вопросах, смежных для обоих народов. Также пропаганда финская и русская должна намекать, что финны готовы служить дружеским звеном, связующим русско-скандинавский союз, который бы основывался на уничтожении всяких тарифов между Россией, Финляндией и Скандинавией, на пользовании скандинавов в России и русских в Скандинавии всеми гражданскими правами туземца и на обоюдной военной защите против внешних нападений.

Возбуждение финского вопроса печатно и изустно уже тем равно полезно для русских и для финнов, что заставит русское правительство вздрогнуть и зашататься еще и с новой стороны, на которую оно не обращало достаточно внимания. Вслед за этим правительство, вероятно, усилит полицейские меры в Финляндии, и потому финское общество должно сильно потрудиться организовать деятельную контр-полицию.

Для постановки же финского вопроса в русской литературе и русском мнении финны должны сообщить и нам и обществу подробно: положение своего края — экономическое и гражданское, степень вмешательства и гнета петербургского правительства; экономические, гражданские и политические требования Финляндии * и собственно силы общества.

* Наши сведения о Финляндии слишком недостаточны, поэтому необходимо указание источников, где можно бы прочесть:

О сословиях в Финляндии (статистические и юридические сведения).

О промышленности и отношении народонаселения к поземельной собственности.

Об управлении и суде обычном и об изменениях, которые внесло русское владычество.

Я не думаю, чтобы финское тайное общество уже теперь было организовано сильно; я думаю, что оно, как и русское общество, состоит на правах зародыша, способного к необычайно быстрому росту. Требуется большая искренность в отношениях, чтобы можно было серьезно помогать друг другу.

Теперь перехожу к литовскому вопросу, о котором с финнами надо говорить совершенно *a parte* *. Я думаю, что польская революция действительно удастся только тогда, если восстание польское перейдет соседними губерниями в русское крестьянское восстание. Для этого необходимо, чтобы и самое польское восстание из характера только национальности перешло в характер восстания крестьянского и таким образом послужило бы ферментом для целей России и Малороссии. До сих пор я ставлю вопросительный знак — и только. Сведения из Украины показывают, что в крестьянстве настроение совершенно антипольское, то же в Белоруссии. Остается для фермента одна Литва; если в ней движение будет антипанское, то и в Белоруссии, и в Украине легко может быть то же и передаться далее, заменяя характер национальности крестьянским. Если в Литве движение пойдет не из поземельного крестьянского вопроса, а только религиозное, при чем станут жечь русские церкви, то все православное население пойдет против Польши и усилит правительство настолько, что восстание Польши будет подавлено, как католическое и панское. Что же делать в этом недоумении финнам? Есть ли у них силы на восстание прежде, чем исход польско-литовского восстания сколько-нибудь уяснится? Я не думаю. Стало, им остается делать то же, что и нам, — ждать.

Я считаю большим несчастьем задержку корабля, ибо Д[емонтович] и Б[акунин] более, чем кто другой, могли повернуть вопрос национальный на вопрос крестьянский ³. Теперь и отправка корабля и способ литовского восстания (принимающий исключительно католический характер) — более чем сомнительны. Обманывать себя не надо. Всего вероятнее, что польский вопрос не дойдет ни до того, чтобы быть ферментом для повсюдного крестьянского восстания,

О настроении умов по сословиям и о средствах объединения умов к одной цели.

Все это надо знать для того, чтобы быть полезным органом для финнов.

* Отдельно (лат.). — *Ред.*

ни до того, чтоб вызвать религиозно-национальные ненависти до жестокого подавления восстания в Польше и Литве. От общего истощения сил он разрешится в какой-нибудь компромисс, который вполнину восстановит Польшу дипломатическими путями и чрезвычайно обессилит петербургское правительство в общем мнении, равно европейском и русском. Опять нам приходится приняться за работу подготовки следующего русского военно-крестьянского восстания, и тут мы с финнами, естественно, должны идти рука об руку и никакие особые цели и чужие вмешательства не могут нас разделить. Для нас самостоятельность Финляндии становится такой же дорогою, внутренней мыслью и целью, как для финнов коренное преобразование России из петербургской в народную и федеративную.

Если же финны будут теперь организовать польско-шведский военный союз против России, то мы, сами не готовые к внутреннему восстанию, и ввиду разгара только национальных ненавистей, вынуждены будем сублировать * события, но принимать участие в иностранном союзе против России не можем, не потеряв всякого влияния на русских, а может быть, и собственного уважения к себе самим. Финны должны объяснить искренно, что они хотят в этом случае; мешать мы им никогда не будем, но характер нашего союза выйдет иной.

Если, паче чаяния, Литва послужит ферментом крестьянского восстания, тогда мы, естественно, соединяемся попрежнему, только решительное действие окажется ближе, чем рационально можно было предполагать. Если корабль доедет до Литвы, если можно набрать русскую дружину ** и прямо поставить вопрос крестьянского земства, то иных средств для этого нет, как чтоб доля русской молодежи ринулась в это дело à tête perdue ***. Я сомневаюсь в возможности этого. Во всяком случае начинать об этом переговоры с русским обществом можно только тогда, когда корабль пристанет к берегу, ибо иначе это было бы только бесплодно вооружать мнение русской молодежи против

* Выдерживать (от французского «subir»). — *Ред.*

** Дружину отнюдь не надо называть *легионом*, как название, которое возбudit недоверие в ковенских старообрядцах, которые будут первым русским крестьянским населением, способным примкнуть к восстанию и служить узлом с остальными, лишь бы Литва не проповедовала *господства* католицизма, а только свободу веры.

*** Очертя голову (фр.). — *Ред.*

начинаний из мира фантастического. Пусть и Junior * и финны всмотрятся ближе в дело, и если все шансы против, то гораздо лучше приняться сразу за союз на серьезную подготовку общего восстания через два, три, четыре года, т. е. тогда, когда все шансы будут в нашу пользу и силы достаточно подготовлены. В этом случае Швеции остается тайное покровительство всего, что мы с финнами будем устраивать; таким образом, мы придем наконец к самостоятельности Финляндии, к федеральной России, федеральной Польше и к польско-русско-финно-скандинавскому союзу, т. е. союзу полмира, выгодному для развития свободной гражданственности народного поземельного права, промышленности, торговли и для безбоязненного оплота каждого из союзников против притязаний военных и торговых Западной Европы.

* Младший (фр.), т. е. А. А. Герцен. — *Ред.*

ЧТО-ТО БУДЕТ? ¹

Вот мы и накануне войны с целой Европой ².
Кто же виноват в том?
Царь.
Кому предстоит нести наказание за грехи царя?
Народу русскому.

Что за безумие!

Как есть — безумие, а между тем оно-то не сегодня-завтра и случится.

Польша встала против царя, а не против России. Почему она встала? Потому что хочет управляться сама собою, а не царскими чиновниками.

Да ведь и сама Россия хотела бы управляться сама собою; а не царскими чиновниками, только что еще ее слово впереди. Слушной час, хоть и не далек, но не пришел. А для Польши пришел, что ж с этим делать!

А чиновники говорят: «Польша не может управляться сама собою, она сама собой будет дурно управляться; она и прежде дурно управлялась, от этого и подпала под иго иноплеменное».

Во-первых, не будет же она сама собой хуже управляться, чем вы, чиновники петербургские, ею управляете. Как она сама собой управится, про то еще никто не знает. А как вы, господа, управляете, про то целый мир знает; управляете так, что хуже чего не надо.

А во-вторых, вам-то что за дело, что Польша сама собой будет худо управляться? Это ее дело, а не ваше и не наше. Хуже вашего не будет.

Барин послал в село приказчика на место старосты, крестьянами выбранного, потому что выборный староста будто дурно управляет. Крестьяне и сами думали устроиться иначе, видя, что староста не совсем для них подходящ; но крестьяне наверное знают, что как выборный староста ни был худ, а барской приказчик будет в тысячу раз хуже, просто лиходей. Чего же крестьянам хочется? Да хочется, чтоб не было ни приказчика, ни барина. И это их хотение совершенно справедливо, и с совестью и с разумом согласно, потому что барин — это зло и безумие.

Чего же хочет Польша? Да только того же и хочет, чтоб не было у ней ни приказчика, ни барина. Стало, народу русскому мешать ей в этом деле и бессовестно и неразумно.

Польша подпала под иго иноплеменное, положим, была сама виновата, и тем, что папы меж собой все спорили и крестьянство прижимали, да и доспорились и довластовались до того, что народу стало все равно, под чьим игом ни жить, под своим или под чужим. Да кто ж говорит, что Польша хочет по-старому панство заводить? Напротив, видится, что она в своем грехе кается, и не то, чтоб опять панство восстанавливать, а даже батракам-бобылям и тем хочет землю поделить; а не хочет только чужого владычества ни прусского, ни австрийского, ни петербургского.

Польша подпала под иго иноплеменное... Ну положим — на то была воля господня. А теперь воля господня, чтоб она из-под него вышла. Опять нам этому делу мешать нечего.

Но говорят — Польша наша, мы кровь проливали за то, чтоб она была наша.

Чья наша? кто это мы?

Народ ставил рекрут. Рекрут палками били, били, пока выучили ходить в строю да проворно стрелять. Рекруты стали солдатами. Солдат цари посылали против Польши и покорили себе Польшу.

Народ, когда ставил рекрут, и не думал завоевывать Польшу. Стало, это *мы* сводится на царя с его генералами. Дворяне шли на службу точно охотой, стало долею и они могут сказать: *мы* кровь проливали. А народ рекрут ставил не охотой, а неволей; стало, народ может сказать: не то что *мы*, а *нашу* кровь цари, генералы и дворяне проливали в Польше, для того чтоб Польша была царская. Да народ может и добавить, что жалко, что на такие пустяки его кровь проливали.

Да и проливали-то не один раз, а вот уже скоро целый век; людьми и деньгами из народа последний сок выжимают для того, чтоб царь мог сказать: «Польша наша»; кроме этого слова, от владычества над Польшею убытков было много, а прибылей никаких.

А что, братцы, уж не завоевать ли нам и Англию, чтоб царь мог сказать: «Англия наша»? Теперь мы с Англией торгуем, от этого и она прибыль имеет и мы прибыль имеем; а тогда мы все свои богатства и тьму тьмущую людей потратим на то, чтоб разорить ее и содержать ее в разорении, да и сами-то на это разоримся, точь в точь как разоряемся на разорение Польши.

«Но, — чиновники скажут, — помилуйте, Англия не наша, а Польша наша», но с чего же Польша больше наша, чем Англия? До этого умом не дойдешь, и выходит, что тут не ум, а ничего больше, как ненасытная царская алчба. По уму-разуму только до того и дойдешь, что можно с вольной Польшей жить рядом и торговать мирно, чем кому выгодно — и все тут.

«Но, — говорят, — Польша у нас хочет отнять и Литву и Украину, неужто же нам так все и отдать?»...

Отнять насильно у русских Литву и Украину так же нельзя, как нельзя будет русским насильно удержать их, если Литва и Украина захотят отстать. Тут дело не в том, чего Польша хочет или чего Россия хочет, а чего сама Литва, да сама Украина хочет.

Если б петербургский царь был не дворянский, а земский, крестьянский, народный царь³, он бы сказал: «Польшу держать в рабстве нечестно и невыгодно. Пусть она идет на волю и выбирает себе свое управление; нам спорить нечего, тем больше, что она своих крестьян — батраков и не батраков — наделяет землею и сословную рознь сама уничтожает. В России же рознь сословную я уничтожаю, земля будет народная и, как оной владеть, будет обсужено и решено на Земском соборе. Теперь пусть в Литве люди соберутся и без розни сословной, поголовно решат, куда они хотят примкнуть — к польскому Сейму или к русскому Земскому собору. То же пусть решат поголовным сбором голосов и на Украине. А затем, что потянет к Земскому собору — составит один союз; что потянет к Сейму — составит другой союз, и жить обоим союзам в мире и дружбе».

Это бы разом понял и польский народ и русский народ, и войны бы не было, а была бы справедливость. Но царь

этого не сказал, да и не скажет, потому что он петербургский, немецкий, дворянский, чиновничий, а не русский, не земский царь.

Большое государство (и слово-то это *«государство»*) дворянские сочинители с немецкого выдумали) большое государство с виду сильно, а внутри гнило. С виду у него войско несметное, так вот, кажется, всякого соседа съесть хочет, т. е. с виду у него нахальство да забиячество, а внутри — народ обирают, народ грабят, за недоимку порют, за слово в тюрьму сажают; внутри — народом заправляют особые люди, чиновники-дворяне, слуги царские так, что все идет им в карман да с грехом пополам в царскую казну, а народудохнуть свободно нельзя и приходится голодать, тогда как все есть под рукою, чтоб быть сытому. Другое дело, когда вместо государства учредится земский союз — союз всех племен и областей, хотящих быть вместе. Тогда народ по своему расчету и разуму сомкнется в области; каждая область станет управляться не царским губернатором, а своим, от народа выбранным советом или областною думою, а все области вместе выберут союзную думу или общий Земский собор из людей, которым народ верит, чтоб они, собравшись, обсуживали, что, когда для общей пользы надо делать; да выберет народ земского царя, который бы распоряжался, т. е. исполнял бы то, что Земский собор обсудил и решил. Такой союз будет крепким и противу всякого врага сильным, а не нахальным; а внутри будет упрочивать за народом землю, свободу и правду, а не давить его сверху особым сословием, заправляющим и грабящим.

Но такого земского союза чиновничий царь не захочет. Он смотрит, как бы свою власть, посредством чиновников, поддерживать; а хорошо ли, худо ли земству — на то не смотрит.

Вот хоть бы и Александр Николаевич: не то что землю признать за земством, а большей долею землю признает за своей царской казною, да долею за помещиками, а за крестьянами — только то, что они сами выкупят; а пока не выкупили — плати оброки, справляй барщину, точно земля-то не искони вся земская, а царям да боярам подарена не знаю кем. А вот испугался Александр Николаевич, как бы Литва не отошла, так положил, чтоб на Литве крестьяне оброк да выкуп в казну платили, а казна станет отдавать его помещикам. То есть оброки-то все же будут брать с крестьян, да еще повышенные, как в грамотах написано, и все же

земля признается не земскою литовскою, а помещичьей. А для русских крестьян и это, говорит, рано, пусть работают на помещиков и прямо им в руки повышенный оброк отдают. На деле-то выходит, что петербургский царь, когда речь идет о воле, говорит: не могу я полякам полной свободы дать, надо прежде русскому народу настоящую волю дать, а русскому народу настоящую волю дать рано, потому... ну потому что прежде надо вот Польшу удовлетворить. Так что на поверку он ни русскому, ни польскому народу настоящей воли не дает оттого что ни с которого конца начать не может; а не может, потому что не хочет; а не хочет, потому что своей властью поступиться ради общей народной пользы у него сердечной правоты не хватает.

А не хватает сердечной правоты, потому что он не народный, выборный, русский, земский царь, а прадед его из немцев дворянами на престол посажен.

От этого он дворянам и мирволит.

От этого дворяне и подают ему адреса и он им отвечает: «Я вполне разделяю ваши чувства, как дворянин»*.

Вот оно как — «я, мол, царь-дворянин!».

Вот царь-дворянин, 31 марта, взял да и простил поляков за то, что сам перед ними виноват. Да еще как простил: «кто, говорит, в восстание был вовлечен, того милую, а кто без вовлечения участвовал, того не милую». А кто ж это разберет — что вовлечение, что невовлечение. Пошлют жандармского шпиона разбирать, тот и найдет, что все невовлечение, да всех прощенных и накажет. И такой-то штукой царь думал поляков задобрить и Европу удивить.

А выходит, что поляков не задобрил, а Европу удивил только своей облыжностью.

Земский царь такого позора на имя русское не положил бы.

Впрочем, дворяне (по охоте) да купцы (кто охотой, а больше по наказу) ему адреса подавали, пусть они с ним на войну против Европы и идут.

Народ адресов не подавал, да его никогда ни о чем и не спрашивают, даже в крестьянском деле его ни о чем не спрашивали. Стало, его дело сторона.

А только тут подходящий случай развязаться и с дворянами и с петербургским управлением.

* Ответ государя на адрес петербургского дворянства.

Царь-дворянин своею неправдою вызвал на Россию Европу. Пусть он со своими дворянами и отвечает; пусть они на войну и идут.

А народ в стороне, кстати, может и денег не давать на войну (т. е. перестать подати платить, а перестать легко, потому что платить будет нечем), может и рекрут не давать и ополченцев не давать (и это легко, потому что охотой ни один человек не пойдет, а заставить будет некому — солдат всех на войну уведут). Да может еще народ сказать царю: «уезжай ты к своим немцам и дворян с собой забирай кого хочешь. А мы, народ русский, оставляем Польшу на воле, как ей хочется; а Литве и Украине предоставляем выбрать: хотят — примкнут к варшавскому Сейму; не хотят — примкнут к нашему Земскому собору с выборным царем. А за тем ни Европе с нами, ни нам с Европой драться не за что и не хочется. Занимайся она своими порядками, а мы своими».

Дворяне-чиновники смеются и кричат: «С ума ты сошел! Народ русский никогда этого не скажет и не сделает».

Тем хуже для него, отвечаю я; а я ли с ума сошел или они с жадности ослепли, это окажется впереди.

⟨О ВОССТАНОВЛЕНИИ СВЯЗИ С ОБЩЕСТВОМ
«ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ»⟩¹

⟨ЗАПИСЬ ПЕРВАЯ⟩

Б

[аксту]²

1) Кто на какой границе готов получать так, чтобы из Лондона можно было прямо пересылать? Есть ли человек, который может отправлять в П. или М.³ так, чтобы от его корреспондента мог получить наш корреспондент? Если это еще не слажено, можно ли списаться? Может ли наш корреспондент принять, уплативши деньги за комиссию? Или найдется такой человек, который просто может торговать, и тогда наши могут к нему адресоваться и адресовать покупателей конфиденциально? Последнее лучше для пропаганды, ибо дело на первых порах пойдет быстрее, первое лучше для фонда, ибо наши, уплатив комиссию контрабанды и прислав нам из номинальной цены 50%, могут 50% брать в фонд. Если ни того, ни другого нельзя сделать в П. и М., может ли кто из наших получать или устроить получение на границе? Нужно ли для этого, чтобы кто-нибудь жил в пограничном русском городе или служил при таможне или железной дороге?

2) Как бы это ни устроилось, комитет обязан устроить внутренние пути или от столиц или от границ. Как это сделать и насколько возможно?

3) Б. мог увидеть из гейдельбергского разброда и из своего столкновения с К.⁴, что составлять за границей кружки дело совершенно бесполезное, даже вредное, потому что отвлекает людей от внутренней деятельности и настоящего центра. Но что необходимо, это чтобы агенты общества, случайно путешествующие, или эмигранты — жили в известных европейских центрах, где составляли бы почто-

вые станции корреспонденций, устраивали бы где нужно книгопродавческие склады и присоединяли бы проезжающих к Обществу (а не к местному кружку). Присоединенные, пока за границей, могут отправлять почту, составлять газетные корреспонденции из русских газет для иностранных и наоборот — доставлять в Лондон и комитет нужные сведения и случаи; а, возвратясь, подчиняться распоряжениям комитета. Такие агентства необходимы в:

Париже

Брюсселе, Лейпциге, Дрездене *

Берлине — Штеттине.

Гейдельберге **

Вене — Галиции.

Флоренции (или ином городе Италии) ***

Праге

Близ Белокриницы ⁵

Лондон, Швейцария, Константинополь и Стокгольм готовы ⁶.

Каждая станция не требует больше одного человека.

Как это устроить?

4) Если Лондонск[ая] типография должна остаться, она должна свестись на неизбежные работы: «Колокол», «Общее Вече» и несколько книг. Как устроить, чтоб швейцарская и наша типографии находились не в конкуренции, а служили бы дополнением друг другу? Надо разобраться книгами, что где печатать. Я полагаю: все даровое для пропаганды печатать в Швейцарии, ибо дешевле; все волюминозное — *idem*. Сюда войдет ряд учебных популярных книг. Сделать им план и роспись. В Лондоне оставить «Колокол», «Вече», «Полярн[ую] звезду», докончить трюбнер[овские] издания мирно и выгодно, т. е. докончить то, что он уже заплатил, и отдать то, за что он хорошо платит, сюда относится Муггну и потаенная литература ⁸. Перевод моей франц[узской] книжки принадлежит Жуковскому, стал вопрос — выгоднее ли продать его Трюбнеру за 30 фунтов или напечатать в Швейцарии и содержать Жуковск[ого]

* Над словом «Дрездене» рукой Герцена карандашом поставлен знак вопроса. — *Ред.*

** Слева от слова «Гейдельберг» также карандашный знак вопроса. — *Ред.*

*** Под словами, заключенными в скобки, рукой Герцена написано: «разве в Генуе». Возле слова «Флоренция» также карандашный знак вопроса. — *Ред.*

из барышей⁹. Во всяком случае я бы не советовал предупредить Ж., потому что надо, чтобы он решался на работу без гордости, ибо он на дело мало способен и погубит себя в провинциальной сплетне, которую он сердечно любит. Поручений от Общества ему никаких не давать.

5) Сообразить устройство школы или пансиона, который бы мог быть веден одним из эмигрантов, с тем чтобы учителя были все русские эмигранты, кроме специальностей языков. Этим эмиграция может жить. Снести с Гофманом.

6) Денежный сбор, проектир[ованный] Б., надо попробовать осторожно. Я в успех не верю, но чем черт не шутит. Одно надо принять за правило, чтоб при неудаче обратить дело в шутку и не компрометировать комитета каким-то видом картушества. У русских это хуже примется, чем у итальянцев или поляков. Неловко принявшись, можно страшно повредить комитету.

7) Есть ли способ писать к Филарету?

8) Немедленно выписать бумаги, посланные Жук[овскому] Б., ибо это может скомпрометировать таких полезных деятелей, каких нам не нажить. А если можно кого туда отправить — было бы не худо.

9) Об аффильциях¹⁰.

10) Письма.

⟨ЗАПИСЬ ВТОРАЯ⟩¹¹

(1—15 сентября 1863)

В ГЕНУЕ:

1) Найти книгопродавца, который бы получал от нас «Колокол» и «Вече» с уступкой 45% (кроме провоза) для продажи в Италии и взялся бы найти себе корреспондента в Константинополе, который бы вошел в сношения с Кельс[иевым] и сплавлял бы через него в Россию так, чтобы в Константинополе «Колокол» можно было продавать не дороже 1 франка, а в России — по 50 коп. серебром, т. е. что в Лондоне продается 6 пенсов книгопродавец в Генуе имел бы от продажи 3½ и в Константинополе продавал бы не дороже 1 фрайка. А далее может и немного дороже станет 50 коп., но надо рассчитывать особо. Только надо бы так устроить, чтобы нам при этой уступке он платил деньги, в Константинополе продавал бы за деньги или в кредит, как знает,

но чтобы было устроено так, чтобы все, что Кельс[иев] будет сплавлять, могло бы иметь кредит около полугода. Для этого, конечно, нужно, чтобы Генуэзский книгопродавец был человеком с деньгами и друг человечества.

2) Этот путь должен навести на то, чтобы были друзья — капитаны пароходов, которые бы доставляли письма, посланные в Геную на известный адрес, и привозили бы от Кельс[иева] письма достоверно. Кроме писем, чтоб можно было тем же путем отправлять книги, посылки и т. п. к Кельс[иеву].

3) Из этого следует, что надо иметь путь в Геную, на котором ничто не было бы распечатано. Тут надо обратить внимание на *форму* посылок, которые, идя трансфертом, не были бы затронуты во Франции, ибо ближний почтовый путь все-таки Марсель, т. е. три дня из Лондона до Генуи. А для писем надо иметь адрес дружеского, верного банкирского или иного торгового дома.

4) Надо аккуратно знать дни отправки пароходов из Генуи в Константинополь и обратно.

5) Трюбнеровские издания, из которых самые важные раскольничьи книги, не могут иметь уступки 45%, а разве 33% на чистые деньги и от 35 до 40% в кредит на 3 месяца.

6) Если Генуэзский книгопродавец хорошо войдет с Кельс[иевым] в сношения, он выяснит себе возможности сбыта и, следственно, условия, на которых он может брать.

Кажется все.

〈ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПИСЬМА К СТАРООБРЯДЦАМ〉¹

〈ПЕРВОЕ〉 ПИСЬМО К ИНОКУ

ногоуважаемый инок!

Не мало прошло времени с тех пор, как я писал к вам. Много скорбного совершилось и теперь совершается в нашем отечестве. Петербургское правительство позорит имя русское злодействами, которые в каждом честном человеке возбуждают омерзение, а между тем для усмирения восстания совершенно бесполезны. Восстание народа за свою свободу может быть усмирено только одним способом: *признанием его свободы.*

Об этом единственно разумном и человеческом способе петербургское правительство и не подумало, а если и подумает когда-нибудь, то разве тогда, когда уже будет поздно для примирения. Блажени миротворцы, говорит евангелие, а наше правительство награждает только вешателей и грабителей, потому что оно идет путем лжи и злобы. И сколько бы ни кадили ему казенные иерархи, это каждение его не оправдывает и только падает позором на духовенство, благословляющее пролитие крови.

Но я не стану говорить о Польше. Я обращаю ваше внимание на то, что делается внутри России. Правительственная ложь, обман и себялюбивая трусость и злоба высказались в России не хуже, чем в Польше. Все одно и то же. Россия в осадном положении. Ей обещали независимость судопроизводства, а ввели вместо гражданского уголовного уложения — военное уложение. Уничтожив плети, возобновили смертную казнь, уже больше столетия законом отмененную.

России обещают какие-то губернские управы, которые постараются обратить в новый вид грабящего чиновничества. Еще хуже: чтоб не дать Земского собора, лицемерно созывая по губерниям будто бы выборных людей, правительство хочет унижить самое выборное начало и показать народу, что его выборные люди ничего не значат. А не будут они ничего значить, потому что каждый правдивый голос правительство заставит молчать ссылкой без суда и расстреливанием по полевому уложению, которое — не суд, а осуждение. Этим способом правительство наказывает и станет наказывать не за преступление, а по *подозрению*. Так в западном мире поступали иезуиты и инквизиция, так теперь поступает и наше императорское правительство.

Но оно свой разврат пустило глубже. Оно его пустило в старообрядчество. Оно вызвало верноподданнические адреса от старообрядцев, обещая втихомолку разные льготы, которых оно дать вовсе не намерено. Надеяться на его льготы — мечта, мечта несбыточная. Оно не может дать свободу веры, потому что свобода веры была бы его разрушением.

Чем держится петербургское правительство?.. Казенной церковью. Отнимите у него это казенное благословение — и никто из народа ему не поверит. Как же вы хотите, чтоб оно решилось когда-нибудь дать свободу веры, которая казенную церковь сравняла бы в правах с другими религиозными согласиями и лишила бы правительство самой крепкой, самой действительной его опоры — синодских ставленников, которые благословляют неметчину и грабят русский народ?

Обратите ваше внимание на то, что правительство вас обманывает. Вызыванием адресов оно унижает нравственную чистоту старообрядчества и губит его в общественном мнении, в глазах народа. Многие из ваших богачей думают найти в заявлении верноподданничества свое спасение и, как слепорожденные не понимают света, так и они не понимают, что в лицемерии гибель старообрядчества, а не спасение. Всякое лицемерие — гибель, потому что оно грех. Сила и спасение только в искренности. Когда старообрядцы станут искренно требовать свободы веры, тогда они будут силой непобедимой; а покуда они хитрят перед лгущим правительством, у них нет силы; они только бесплодно принимают на душу грех лицемерия. Будущий летописец запишет в свою книгу, что старообрядцы лицемерием уронили святню своей веры.

Я не старообрядец. Мое внутреннее убеждение я скажу только тогда, когда для всякой веры на Руси будет свобода. Человек может ошибаться. Ему надо с другими людьми договориться до правды. А когда ему не позволяют говорить свободно, а заставляют верить насильно, тогда нечего говорить о своем убеждении, надо прежде достигнуть до свободы веры и слова человеческого — изустного и печатного, до свободной сходки и до свободной книги.

Пока это не достигнуто, старообрядчество не может успокоиться, какие бы заказные адреса оно ни подавало. Свобода веры, свобода слова для него единое условие жизни.

На этом основании, многоуважаемый инок, мы ставим себя вашими искренними друзьями. Мы в старообрядчестве видим спасение России, потому что старообрядчество даст ей основание всякой свободы, оно даст ей *свободу веры*, без которой нет общественного спасения.

Но я спрашиваю: на чем зиждется само старообрядчество?

Подумайте хорошенько — оно зиждется на *земстве*. Оно зиждется на свободе каждой деревни, каждого села управляться своими выборными людьми, ибо как скоро вы допустите казенное управление, то вам свободы веры не дадут, а дадут грабящее чиновничество и казенное духовенство. Стало, только земское управление в состоянии спасти свободу веры, спасти старообрядчество.

А что такое земство? Это крестьяне, это села, а не одни города. Дать самоуправление городам и не дать его селам значило бы убить свободу народную.

Неужто вы думаете, что купечество спасет вас? Между купцами есть хорошие люди, об этом я не спорю. Но что такое хорошие люди из купечества? Это люди, не обманывающие крестьянство, а стоящие за крестьянство. Стало, люди, стоящие за села, а не за одни города. Тем больше, что у нас город значит грабящее присутственное место, около которого собралось несколько купцов, старающихся нажиться. Наши города бедны, наших купцов мало, а хороших еще меньше. Не дворянство чиновное и не купечество малосильное отстают старообрядчество, т. е. свободу веры, а только народ, крестьянство, которое поймет, что для того, чтоб можно было жить без страха перед помещицей или казенной палкой, надо свободно верить и свободно управляться своими выборными людьми; а чтоб это было возможно и прочно, надо народу владеть своею народною землею,

потому что без земли человек голоден, а голодный человек — сам себе не хозяин.

Заклучимте же из этого, что старообрядчество и крестьянство, или народ, друг с другом тесно соединены и что их стремления и выгоды нераздельны. Требуйте свободы веры и вы дойдете до требования народного самоуправления. Созовите старообрядческий собор всех согласий, и вы дойдете до необходимости созвать Земский собор.

А что такое русское земство и что такое наше крестьянское землевладение и каким способом оно может производить гораздо больше, а в сущности и теперь гораздо богаче всех одиночных богачей — это я вам подробно расскажу в следующем письме, в котором постараюсь представить вам целую смету крестьянского общинного, мирского хозяйства — как оно может устроиться и какие из этого могут быть выгоды для русского народного богатства.

А теперь позвольте поговорить о том, что именно во мне возбудило мысль опять писать к вам. Я хочу говорить о том, как наш народ становится жертвой правительственного обмана. Вот что я нашел в русских газетах:

«Начальники харьковской и виленской губерний согласно с заключением местных губернских присутствий ходатайствовали по двум частным случаям о распространении на нескольких уволенных от обязательных отношений безземельных крестьян льгот, предоставленных по «Положению 19 февраля 1861 г.» дворовым людям, в том уважении, что означенные крестьяне с малолетства находились во дворе помещиков и никогда не пользовались поземельным наделом. Вследствие сего по взаимном соглашении с министром финансов было внесено министерством внутренних дел представление в главный комитет об устройстве сельского состояния. Ныне *высочайше утвержденным* 28 минувшего марта «Положением» главного комитета постановлено: согласно ходатайству харьковского и виленского губернских присутствий предоставить вышеозначенным безземельным крестьянам установленные в «Положении о дворовых людях» льготы, а на будущее время подобные ходатайства разрешать по взаимному, каждый раз, соглашению министров финансов и внутренних дел. (По журн[алу] главн[ого] комит[ета] об устр[ойстве] сельск[ого] сост[ояния] 18 марта 1863 года за № 15)».

Итак, дворовым, которые когда-то все же были взяты из крестьян и лишены земли, не то чтобы возвратить их

землю, как того требует русский народный смысл, а даже насилием обезземеленных крестьян приписывают к дворянам, чтобы взять с них выкуп и не дать им земли. И царь-освободитель на все на это согласен! Опять скажут, что это все дворяне его обманывают. Да если он уж такой, что его кто хочет тот и обманывает, так зачем же он не отказывается от престола? Если он народ любит, а за собою знает такую провинность, то из любви к народу он не должен хотеть царствовать.

В том-то и дело, что никогда не сможет быть земским царем — царь, народом не выбранный, народных условий не принимавший, а поставленный корыстно выдуманным законом о престолонаследии и царствующий по одному произволу, а не по совету выборных от земства.

Пусть он примет народные условия, пусть он примет Земский собор, пусть он будет Земским собором утвержден в царской должности, тогда его и обманывать никто не станет, потому что править будут не чиновники продажные, а люди выборные, люди, которым народ доверяет.

Мы верим в будущность русского народа, русского земства, как бы ни было скорбно его настоящее положение. Но чтоб не было без дел мертво наше упование, станемте по-сильно работать для свободы веры, которая ляжет краеугольным камнем настоящей русской свободы, где человек будет иметь землю для безбедного приюта, волю для того, чтоб жить, где хочет, управляться и судиться своими выборными людьми, и веру иметь по совести...

Крепко обнимаю вас с братской любовью.

Н. Огарев.

ВТОРОЕ ПИСЬМО К ИНОКУ

Многоуважаемый инок!

Прежде чем я представлю вам смету русского общинного хозяйства, как оно возможно, мне еще хочется поговорить с вами об огромном различии между русским народом и другими европейскими народами. Это, может быть, гораздо больше уяснит вопрос о мирском землевладении, чем всякие иные указания.

Не думайте, чтобы я хотел что-либо предрешать, вводить что-либо насильственно. Во-первых, это было бы с моей стороны только смешное притязание на какое-то устройство будущего по моему плану. Я слишком ненавижу

всякие притязания и знаю, что судьбы неисповедимы. Я слишком уважаю всякую свободу, чтоб мешать кому бы то ни было жить по-своему. Стало, я никогда не хотел навязывать общинное, мирское землевладение населению, у которых оно не в обычае. Но имею же я человеческое право рассуждать и думать, что правда возьмет свое и что влияние того устройства, которое для человеческого множества выгоднее, победит корыстные стремления немногих забирать все барыши в свои руки, а множество пускать на нищету. Только этим скромным правом высказывать правду, в которую я верю, я и хочу пользоваться. Вероятно, я встречаю много противников, которые взглянут враждебно на мою веру в народ русский и его мирское устройство. Но не могу я вообразить, чтобы вы взглянули враждебно на эту мою веру. Старообрядчество, т. е. свобода совести, слишком тесно связана с нашим мирским устройством, чтоб мы могли разойтись в мнениях.

Но вот же что я вам хочу сегодня сказать: русская народная жизнь совершенно противоположна европейскому, английскому, немецкому, французскому обычаю. Русский народ, издревле подвигаясь с Запада на Восток, все заселял и заселял новые, пустопорожние земли и заселял их *артелью*; от этого у него и явилось общинное, мирское землевладение. Чужие племена, которые встретились на этом пространстве, подчинились не завоеванию, а влиянию русского обычая. Мордва, черемисы и даже самые татары внутри России приняли русский обычай. Очень просто почему — потому что обычай безобидный. Каждый поселенец — человек артели и имеет право на свой земельный пай, как скоро он взрослый и несет тягло, т. е. начинает жить своей семьею. Тут самое естественное основание для безбедной жизни. Если бы оставить наш народ свободно развиваться на этом основании, никогда бы *мир* не стеснял свободу каждого человека. Отдельный человек жил бы с миром на известном *договоре*; он обязывался бы пред миром нести свою тягу, а мир обязывался бы ему своей общей подмогой. Стеснять отдельного человека миру не пришло бы в голову, потому что в этом никакой мирской выгоды не лежит. Пусть идет человек на дальние заработки куда хочет, лишь бы та тяга, которую оплачивает его земельный пай, была уплачена; а ведь земельный пай не уходит, он остается, и, стало, должная тяга всегда может быть уплачена. Не мир стесняет отдельного человека, а казенщина, налоги, никем

не установленные, как только казенным чиновничеством, паспорта не нужны и вся правительственная полиция, которая снизу начинается писарем станового, а сверху кончается императором.

Царская власть началась с разбития татар. Москва взяла верх и стала соединять народные поселения по огромному пространству под одно управление московское. Чтобы достигнуть этого, надо было учредить казенную церковь и казенное чиновничество. Чиновникам раздавали людей и земли, чтоб чиновники-дворяне служили для подчинения всего края царскому единовластию; у монастырей отбирали земли, чтоб сделать духовенство совершенно зависящим от царской милости. Старинные города — Киев, Псков, Новгород — были областными городами, т. е. целая область видела в городе свое средоточие. Цари старинные города разрушили, отняли у них всю важность и мало-помалу стали выдумывать свои города, которых значение только быть присутственным местом, всей окрестностью заправляющим. Но что цари ни придумывали, обезземелить народ они не смогли. Даже когда раздавали людей в крепость, все же крестьянство считало землю своею, и в последнее время, при освобождении крестьян, правительство было не в силах освободить их без земли и сколько ни старалось убить общинное, мирское землевладение — дозволением частных выкупов в помещичьих селениях, продажей врознь мирской земли в казенных селениях, — ничего этого не удалось. Русский народ и все племена, добровольно подчинившиеся его влиянию, остались при своем мирском землевладении и при своей вере, что земля — достояние народное.

От этого, что у нас села с их мирским землевладением — дело естественное, само собой сложившееся, дело народное, а города — дело выдуманное, искусственное, дело царское, от этого у нас так и важен вопрос о землевладении и вся наша будущность — не в дворянстве и чиновничестве, не в купечестве и городской жизни, а в крестьянстве и жизни сельской, мирской.

Выписываю вам простой расчет из моей книжки, писанной — на французском языке ² (будто бы для того, чтобы познать Европу с Россией, а в сущности для того, что большая часть образованных русских верит только в иностранные книжки *). Вот этот расчет:

* *Essai sur la situation russe* (Опыт о современном положении России), Лондон, издание Трюбнера, 1862 года.

«На шестьдесят миллионов (с лишком) жителей в России считается городского населения 5,684000. А купцов, записанных в гильдию, —

По 1-й гильдии . . .	1 963	мужчин,	2 123	женщин
» 2-й » . . .	6 021	»	5 373	»
» 3-й » . . .	170 083	»	148 670	»
Итого	178 067	»	156 166	»
Всего	334 233			

Положим всего четыреста тысяч, потому что мы числа брали из предпоследней ревизии, все же число купцов относительно городского населения только семь человек на сто, а относительно всего народонаселения русского только шесть десятых на сто, т. е. человек на тысячу. А сверх того, это малочислие купечества содержит больших капиталистов только две первых гильдии. А это значит, что больших капиталистов не больше, как двадцать тысяч человек, т. е. пять на сто купцов, три десятых на сто из городского населения, и только три сотых на сто из всего русского народонаселения, т. е. 3 человека на десять тысяч».

Вы видите, что наши города — дело выдуманное, искусственное, что капиталы наши не в них.

Где же наше русское, народное богатство?

Смело отвечаю: в крестьянстве и его землевладении. Совсем другое у европейских народов.

Европейские народы не шли просто на заселение пусто-порожной земли, как шел народ русский. Они завоевывали уже заселенные земли. От этого явилось отношение завоевателей к завоеванным. Завоеватели отобрали земли в свою собственность, а завоеванные стали сначала рабами завоевателей, а потом работниками на землях, принадлежащих завоевателям. Свободное население, которое не было ни рабами, ни завоевателями, сосредоточилось в торговом сословии городов ³. От этого города выросли, а села обнищали, даже вовсе уничтожились, как, например, в Англии, где село, деревня — дело неизвестное; существует только город, зажиточные люди которого нанимают земли у бояр, а обрабатывают для них эти земли батраки. Самое коренное, самое многочисленное население — батраки, т. е. люди, не имеющие ни кола ни двора, которым опереться не на что, у которых нет почвы под ногами, нет своей избы, и потому они нищенствуют. Во Франции земли так раздробились

между мелкими собственниками, что у каждой земледельческой семьи малый клочок обременен долгом неоплатным. У немцев для арендаторов земли побольше, земли, снимаемой или скупаемой у землевладельцев, наследников прежних завоевателей; земли побольше у арендаторов, а у батраков все то же — ничего. Всего лучше еще у итальянцев, на севере Италии, где земледельческий народ живет на праве половничества, т. е. работает из поля. Это, конечно, гораздо лучше, чем оброк или подать, потому что оброк или подать все одни, т. е. высокие — хорош урожай или худ; а при половничестве остается половина урожая, каков бы он ни был. От этого в Италии крестьяне больше довольны и больше самостоятельны, т. е. знают, что барин их прижать не сможет и не захочет, не по каким-либо законам, а просто потому, что это не в обычае.

Вот, например, недавний случай в Англии (в конце октября и по сию пору продолжается). Работали работники в угольных копях (а это дело не шуточное, о котором я в следующем письме поговорю относительно России). Жалованья им было так недостаточно, что они стали хозяев, гг. Стракерса и Лова, просить о прибавке. Хозяева стали их гнать из их жилищ, если не останутся на прежних условиях. Пятьдесят один человек мужчин, сорок женщин и сто тридцать семь детей очутились середь поля без жилища, разводили огни собранными прутьями и грелись около в скверную погоду.

Тут начинается борьба — кто выдержит, т. е. у кого больше хватит денег для прокормления себя по своим привычкам — у работников или у хозяина. Это в Англии случается часто. Вообще у хозяина капитала хватит на дольше, и работники сдаются. Плохая жизнь и, конечно, не христианская и неправосудная.

Это вне больших городов, а в больших городах, куда работники стремятся по преимуществу искать работы, там их еще хуже прижимают хозяева.

Между тем — не говорю о Франции и Германии, где даже и свободы нет — но говорю собственно об Англии — тут и суды благоустроенные (только не выборные, а коронные, или *сословием законников* учрежденные), тут и самоуправление развито более, чем где-нибудь. А прав по суду бывает и в самоуправлении участвует — боярин да хозяин, нанимающий у него землю; а виноват по суду бывает и в самоуправлении не участвует — батрак; а батраков — великое

множество, хозяев довольное количество, а собственников земли — на 35 миллионов жителей только 32 тысячи семейств.

У этого, у английского, народа воля есть. Что же ему нужно? — Земля!

У русского народа совсем напротив — земля есть, да воли нет, так что из-за этого недостатка воли, как только смогут, отнимают и самую землю. Но различие между европейскими народами и русским населением, между народами, завоеванными пришельцами, ставшими боярами, и народом, который просто заселял землю, так велико, что их стремления совершенно различны. У европейских народов — *отсутствие народного землевладения*, несмотря на *присутствие воли*, заставляет их мечтать о соединениях между рабочими, так чтоб не было хозяев, а рабочие только своим трудом, совокупным трудом, соединяясь между собою, выработывали бы себе благосостояние. Много у них было чрезвычайно складных проектов на этом построено. А о том никому в голову не приходит, что ведь главное основание, что земля-то не хозяйская, а народная, что без земли не на что опереться.

У нас совсем другое — земля народная есть, только воли нет. Все стремление направлено на приобретение воли и сохранение за народом земли. Чуть земство забудется и поослабнет — казна отберет и землю; а тогда о воле уже и говорить нечего. Сохрани народ за собой землю и требуй воли — и тогда никакое императорство не сломит русского народа, никакое чиновничество не возьмет верх. Объясните народу эту совершенно простую мысль, что надо иметь землю, для того чтобы иметь волю, и Россия достигнет до желаемого, до свободы веры, до свободы слова, до самосуда и самоуправления.

Но заметьте, что европейские народы, усталые от бесплодного труда и огромного батрачества и нищенства, стремятся создать *артель* без народного землевладения. А это просто невозможно.

А у нас есть и артель и народное землевладение. Нам нужно, чтоб народ не уступил своей земли казенному влиянию — и тогда начнется *воля*, т. е. самоуправление.

Как при этом необходимо, чтобы создалась *земледельческая артель*, — об этом поговорим в следующем письме.

Н. Огарев.

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО К ИНОКУ

Многоуважаемый инок!

С скорбным чувством провожая 1863 год в его кромешную ночь, полную злодействами и безумием, я хочу говорить с вами о будущем. Я хочу к Новому году взглянуть на утро нового порядка вещей, которое занимается на дальнем Востоке, на дальней родине, среди родного народа. Хочу взглянуть на это новое утро с светлой верою и ясным рассуждением. Я не стану говорить с увлечением страсти; я поведу речь спокойно, чтоб вы могли видеть из наблюдения самой жизни русского народа и указания на ее возможные последствия, что я не мечтаю в пустыне, а стану влюсь на твердую почву, на народную землю, и простым расчетом вывожу все, что она дать может, если ей не помещает ложь, лицемерие, своекорыстие и правительство, придушающее живые, производительные силы. А что это правительство, эта власть коренного зла не совладеет с живой силой народной, что кромешная ночь исчезнет и придет день настоящего народного устройства по правде — этому я *верю*.

Я вам уже говорил, какое огромное различие существует между европейским простонародьем, завоеванным и обезземеленным разными пришельцами, и нашими русскими племенами, где землевладение осталось за простонародьем, а только сверху навьючена тяжесть императорского дворянства-чиновничества, которое неспособно долго держаться, потому что у него немогут на труд и отсутствие капиталов.

В Западной Европе много изучали природу и дошли, наконец, до того, что стали употреблять силу пара и строить паровые машины. Фабрики пустились в ход паровыми машинами и стали всякого товару производить гораздо больше, гораздо дешевле и гораздо скорее прежнего. Железные дороги устроились, все сообщения пошли быстрее, торговля умножилась. Наконец, поля стали обрабатываться машинами. Но что от этого выиграло простонародье, или, правильнее сказать, народ? Народ скорее потерял, чем выиграл. Поля хозяйские, фабрики хозяйские, дороги хозяйские. Безземельники, которые прежде шли на разные заработки, остались праздными. Их труд заменили машины. Барыши пошли к хозяевам; *государственное* богатство умножилось, да и *народная* нищета умножилась. Книжники обычно хотят оспаривать это, но — если б они были искренны — то не спорили бы против того, что очию совершается. Пра-

вительства находят доселе небывалые выгоды, богатые люди умножают свои богатства; взять все капиталы и товары, которые пускаются в обороты — дело громадное; а народу от этого не легче. Заработная плата понижается, скудость растет.

Не подумайте, чтоб я был враг машин. Я только враг *этого, для народа беспощадного, общественного устройства*. Когда народ безземелен, ему не для чего и не на чем строить машины. Исключения очень редки; в каком-нибудь уголке Англии, в Рочдале например, работники соединились и обзавелись своими машинами, работали сообща и разбогатели сообща. Но ведь это недавнее явление артелей у английских работников, хотя и говорят, что распространяется, но распространяется так тихо, что через тысячу лет не приведет народа к безбедному положению. Взяться нечем. Машины все же в руках хозяев или правительства, а народу все же не на чем и не на что их поставить. Только виноваты в этом не машины, а безземельность народная и то, что у безземельного народа круговой поруки не устроишь.

Но у народа, у которого земля своя, да есть мирская круговая порука, — у такого народа машины сделаются достоянием не немногих отдельных хозяев и богачей, а достоянием народным, и богатства, ими производимые, пойдут не в руки правительства и немногих богачей, а сделаются в самом деле народными богатствами, в пользу не нескольких людей, а всех и каждого.

Постараюсь разъяснить это обстоятельно.

Я не стану разделять наше крестьянство на крестьян, владеющих землею миром в передел, и на крестьян, владеющих землею подворно в раздел. И те и другие, как скоро поймут предстоящую выгоду, перейдут к обработке полей сообща и дележу произведений и барышей. Особенность наших полей, их различие от полей европейских, в том, что от Архангельска до Одессы и от Одессы до Тихого океана — нигде на наших полях нет загородов; частная собственность не разгородила их на клетки, в которых паровым земледельческим орудиям неловко ворочаться. В Европе земледельческие паровые машины покупает богатый хозяин и при употреблении их в действие тратит много времени на то, что, например, паровой плуг оборачивается и замедляется в ходу беспрестанными поворотами в маленькой, непроходимым забором огороженной клетке маленькой поземельной собственности или маленького поземельного найма (арендаторства), а все же хозяин находит выгоду в употреб-

лении паровых земледельческих машин. Но эта выгода идет впрок ему, хозяину, а батрак-работник при этом остается без работы и понижает свою и без того скудную заработную плату, лишь бы как-нибудь прокормиться. Самим работникам купить землю не на что, а если и вздумается, то каждый отдельно старается купить или нанять свой крошечный клочок, к которому приспособить дорогую машину невозможно. Собраться вместе и купить землю или нанять землю — надо потратить капитал, которого нет. Купить или нанять машины — тоже нельзя, не на что; а нанять — никто друг за друга не поручится, потому что круговая порука не в обычае. Она ни для кого не понятна.

У нас — в крестьянстве, владеющем землею в переделе, и в крестьянстве, владеющем землею в разделе, — круговая порука понятна. Все крестьянство к ней привыкло. Оно платит подати круговой порукой. При изменении крепостного права оно свои выкупы и повинности во всех положениях, великорусских и малорусских, готово платить с круговой порукой. Нам это не дико, как может казаться дико европейскому безземельному простолюдину. Круговая порука живет на том, что земля — передельная или подворная — во всяком случае принадлежит миру, означена одною мирскою межою, из которой ни продать на сторону, ни купить в особняк никто не имеет права; круговая порука живет на общинном, мирском землевладении. Бездарное правительство может эту круговую поруку употребить во зло и притеснить, имея в виду только обеспечение казенного дохода; но на самом деле круговая порука может служить источником громадного богатства, потому что круговая порука отвечает за заем и, стало, имеет прочный кредит, какого не имеют отдельные землевладельцы, которые друг за друга не отвечают и которым никто не верит.

Вот на эту-то круговую поруку нашего крестьянского землевладения я и хочу обратить ваше внимание. Она имеет полную возможность приобрести кредит, а потому она в состоянии *нанять* машины, или, лучше сказать, купить их в рассрочку, уплачивая за них капитал и проценты годовыми взносами и, следовательно, обрабатывать большее количество пашни, чем теперь; круговая порука может при употреблении машин (хотя бы привезенных из Европы) прокормить все сельское население и скопить капиталы⁴.

Я вам представляю расчет, который я приспособляю к донской области, потому что там теперь каменный уголь

дешев. Он дешевле, несмотря на то, что разработка его очень плоха; а когда станут его разрабатывать хорошо не только на Дону, но и на Урале и других местах, где он находится, то каменный уголь составит самое дешевое, повсеместное топливо, для машин в особенности сподручное.

Положимте же, что на Дону селение из ста ревизских душ владеет по 10 десятин на душу. Стало, самое большее число тягол пятьдесят. Обычной работой пятьдесят тягол не поднимут больше трех десятин в поле. В двух полях шесть десятин (третье поле пар)*. Всего 300 десятин хлебного засева озимого и ярового. Как бы ни владели землю крестьяне — в передел, или раздел, — как бы они ни были независимы от помещика и чиновника, больше этого они не обработают. Работа пойдет долго, урожаи будут разве только, чтоб прокормиться (что, впрочем, в сравнении с европейским безземельным работником *уже очень много*). Теперь предположимте, что это селение из ста душ за своей круговой порукой может купить в рассрочку годовыми платежами паровые земледельческие машины и обработать больше чем 300 десятин пашни, и разделить между своими людьми зерно и барыши.

Вот расчет, по которому это возможно:

Паровой плуг (мастера Фоулера), ныне вводимый в Англии (и встречающий затруднения именно в разгороженности полей заборами, так что ему надо терять огромное время на маленькие повороты), паровой плуг при 14-сильной паровой машине пашет на глубину около 4-х вершков глинистой, неудобной почвы 680 квадрат. сажень в час. В день, т. е. в 12 часов, — 8 100 квадрат. сажень, или 3 десятины 960 квадрат. сажень. На черноземе (и без нужды коротких оборотов в загороженных полях) он распашет по крайней мере 4 десятины на глубину в 5 вершков. В 130 летних дней он распашет 520 десятин.

Стало, при употреблении парового плуга сто душ, владеющих по 10 десятин на душу, могут в двух полях (озимого и ярового) вспахать 520 десятин**.

Прежде всего посмотрим, что стоит обработать 520 десятин. Крестьяне, сами для себя работающие, мало это рас-

* Плодопеременное хозяйство, где кроме зернового хлеба сеются разные иные растения, хорошо в Европе, где земля производит круглый год. Но у нас земля производит три-четыре месяца в году; от этого мы до сих пор от трехпольного хозяйства и не ушли.

** 260 десятин остается под паром, 50 десятин — под огородами и конопляниками, 50 десятин — под дворами и дорогами, 50 десятин — покосу, 70 десятин — неудобной.

считывают. Возьмем цены, что стоит обработать 520 десятин помещику, работающему наймом, и тогда мы придем близко к оценке крестьянского труда, употребленного на пашню, жнитво, обмолот и помол 520 десятин.

Наемная обработка 520 десятин в Донской области стоит:

1) За распашку по 3 руб. 50 коп. с десятины	1 820 р. с.
2) За посев по 1 руб.	520 » »
3) За жнитво по 5 руб. с десятины (без вязки снопов)	2 600 » »
4) Обмолот 6 240 копей, или 4 000 четвертей, по 30 коп. с четверти	1 200 » »
5) За перемол 81 000 пудов ржи по 2 коп. с пуда (а если пшеница, то считать надо 27 000 пудов по 6 коп.)	1 620 » »
В с е г о	
	7 760.

Вот во сколько крестьяне должны ценить то, что им стоило бы обработать *свои* 520 десятин, не говоря уже, что такого количества земли 50 тягол не обработают.

Примечание. Я потому беру в расчет 520 десятин, что фоулеров паровой плуг, подымая в день 4 десятины чернозема, в 130 летних дней вспашет 520 десятин.

Если бы предполагаемое селение из ста ревизских душ решилось послужить живым уроком, примером для всего русского крестьянства и перешло бы на машинное земледелие и мирской труд, где земля считалась бы мирскою и не делилась бы ни подворно, ни переделами, а делились бы одни произведения и барыши, то обработка 520 десятин стоила бы только 5 680 руб., следственно, давала бы экономии 2 080 и допустила бы 50 тягол к разработке не 150, а 260 десятин в поле, при самом простом трехпольном хозяйстве, где только рожь, яровое и пар.

Машины, нужные для обработки 520 десятин, следующие:

1) Локомотив, т. е. паровая 14-сильная машина с плугом и запасными частями, с доставкой в Таганрог стоит	7 000 руб.*
2) Две сеялки	490 »
3) Две жатвенные сенокосные машины (конные)	700 »
4) Молотильная машина	1 050 »
5) Три переносные мельницы **	2 310 »
В с е г о	
	11 550 »

* Или 1 000 ф. ст. Я беру самый невыгодный курс. Все цены я считаю с доставкой в Таганрог.

** Машины теперь делают перевозные, так что сеялки, молотильни и мельницы могут быть тотчас перевозимы с места на место. 14-сильная паровая машина служит и для плуга и для всех остальных машин. Только жатвенная — конная.

Мирская круговая порука ответит за ежегодный платеж 10 процентов, из которых 4% в уплату капитала, а 6 процентов в барыш фабриканту машин, или, справедливее сказать, за право пользования машиною в рассрочку. Покупка машин, таким образом, будет выплачена миром в продолжении около 16 лет*, платя в конце каждого года (т. е. после продажи хлеба) 1 155 руб.

Теперь расчет расхода выходит следующий:

Годовых взносов	1 155	руб.
На поддержку и починку машины	300	»
Жалованье мастеру (машинисту)	1 000	»
Кочегару	250	»
Топливо машины: каменного угля по 45 пудов в день, в 200 рабочих дней 11 700 пудов по 15 коп. серебром	1 755	»
Масла для смазки машины	260	»
Подвоз воды	100	»
4 рабочих при пашне	208	»
4 » » молотье	104	»
4 » » помоле	104	»
Жнитво, 20 рабочих по 40 коп. в день, 18 дней	144	»
Писарю при мирской конторе	300	»
	<hr/>	
В с е г о	5 680	»

Как я уже сказал, в экономии против стоимости обыкновенной работы остается 2 080 руб. Я не считал платы за вязку снопов, при жатве, ни в наемной работе, ни просто в крестьянской работе, потому что вязку снопов крестьяне — мужики и бабы — могут делать миром. Это будет такая легкая работа на пользу общую, что жатва станет *праздником*. Я не считал бороньбу, потому что бороны, приспособленные к паровой машине так, как они теперь устроены, не стоит того заводить и простая бороньба *мирицной* сойдется дешевле. Я не считал ни в приход ни в расход сенокоса; машина может косить луга, принадлежащие селению в 100 душ (при 10 десятинах на душу всей земли) в несколько дней; только уборка сена потребует *мирицны*. Это опять, скорее, похоже на праздник, чем на работу. Если положить 20 дней бороньбы, 18 вязки снопов и 10 дней уборки сена, то *мирицны* потребуются в год 48 дней.

* 15 лет, 8 месяцев, 12 дней. Я потому беру этот расчет, что в продолжении этого времени машина обыкновенно изнашивается.

Теперь же посмотрим действительный приход (кроме сена, которого прибыль рассчитать я не могу и которое, следовательно, идет все же в прибыль, а не в убыль).

Если 520 десятин дадут 4 000 четвертей, т. е. 2 000 ржи (с 260 десятин — около 8 четвертей с десятины, рассчитывая самый низший урожай), 1 000 четвертей овса и 1 000 четвертей гречи, то мы имеем:

2 000 четвертей ржи по 2 руб.			
50 коп.		5 000 руб.	серебром
1 000 четвертей овса по 2 »		2 000 »	»
1 000 четвертей гречи по 2 »		2 000 »	»
	Приходу на	9 000 »	»

Если предположить у 100 ревизских душ (50 тяглов) с женами и детьми населения в 200 человек, при которых по 2 лошади на тягло, т. е. 100 лошадей (остальной скот кормится травой, сеном, месивом и пр., в расчет не идущими), то мы для домашнего употребления должны считать:

Ржи 400 четвертей по 2 руб. 50 коп.	1 000 руб.
Овса 571 четверть (считая роскошно, по гарн[цу] в день на лошадь) по 2 руб.	1 142 »
Гречи 225 четвертей по 2 руб.	450 »

В с е г о для домашнего прокорма	2 592 »
Затем остается хлеба на продажу на	6 408 »
Расходов на обработку	5 680 »

Чистого барыша, сверх прокорма 828 ⁵ »

То есть по 8 руб. 28 коп. на душу, или по 16 руб. 56 коп. на тягло.

Я тут не считаю прибыль от мельниц, не считаю прибыль от сена; я не считаю прибыль от конопляников и огородов (которые, так же как и избы и дворы, составляют совершенно частное владение); я считаю только *мирищину* (в книжничестве известную под именем *обищины*) и вижу, что за всеми прокормами остается денежной прибыли на душу по крайней мере 8 руб. 28 коп. в год. Подать по 3 руб. из 8 руб. 28 коп. уплачена. Положимте, что подать гораздо выше и что чистого барыша остается только четыре руб. на душу, да народ-то свободен идти с сытыми руками на всякие промыслы. Положимте, что барыша нет, а только свелись концы

с концами, да руки-то развязаны идти куда хотят на заработки, да еще руки сытые, а не голодные, работающие не из нужды, а из прибыли. Народ не понизит заработной платы из-за бедности; он установит заработную плату справедливую, где труд работника, его капитал, т. е. силы его рук и ума, не будут притеснены капиталом, скопленным грабежом и правом наследства.

То богатство, которое в Англии представляют собственники земли — лорд-боярин, то богатство в России представит *мир*, т. е. село, и это богатство пойдет не на утучнение одного человека, а на содержание, благоденствие и преуспеяние целого *села*.

Далее обратите внимание вот на что, что если в барышах у предполагаемого мною селения осталось только по рублю на душу, т. е. всего сто рублей, крестьяне, у которых руки развязаны на всякие заработки, могут обойтись без этого рубля. Этот рубль мог бы идти в мирской капитал и положить основание сельскому банку, который мог бы давать в своем селе ссуду нуждающимся крестьянам за известный процент. Этот мирской капитал мог бы расти процентами, кроме того что каждый год в него прикоплялось бы сто рублей из барыша мирской обработки полей.

Крестьянское мужицкое население составляет в России около 25 миллионов душ. Если возможно было бы откладывать по 1 рублю серебром с души на составление мирских сельских банков, то мы имели бы с первого года капитал в 25 миллионов руб. серебром. Сельские банки, соединяясь в волостные и областные банки, могли бы дойти до учреждения — не государственного — а народного, земского банка, которого союзное управление, наблюдая за общим ходом дела, только указывало бы разным местностям на необходимые банковые обороты и держало бы настоящее равновесие между количеством денег (меновых знаков) и обращением товаров каждой местности и по всему пространству, союзным земством заселенному ⁶.

Но в вопросе о сельских, или земских, банках, я *теперь* не намерен говорить. Этот вопрос впереди. Кроме того, что много и много труда и наблюдения нужно, чтобы уяснить его самому себе, но еще надо дожидаться и посмотреть, как правительственные, государственные — в верхушках, без народного участия, составленные финансовые учреждения — полопаются. Тогда будет время говорить о народных, земских банках.

Вот, кажется, все, многоуважаемый инок, что я вам хотел сказать о мирском труде, основанном на мирском землевладении и сопряженном со всеми новейшими улучшениями земледелия. Мой расчет, вероятно, верен только приблизительно; но если в него и вкрались ошибки, то они послужат только в его пользу, т. е. выгода мирского труда окажется гораздо большею, чем я рассчитывал.

Потребность в земледельческих машинах и изобилие рабочих рук, вероятно, в недалгом времени разведут у нас машинное производство не хуже, чем в Англии, и возможность селам пользоваться машинами облегчится и станет дешевле. На первую пору хорошо, если и Англия будет нас снабжать ими.

Тут мне могут заметить, что англичане не поверят русскому селу покупку машин в рассрочку, по годовым взносам, без особого правительственного поручительства. На это я только могу сказать, что если *это* правительство так безрассудно, что не даст своего поручительства за состоятельность сел, то первый Земский собор принудит его к этому поручительству — и дело состоится. Обязательство сел на покупку машин в рассрочку годовыми взносами получит силу государственных бумаг.

И вот мы опять приходим к той же и одной необходимости — созвания Земского собора. И опять приходим к необходимости созвания старообрядческого собора, который во имя свободы веры приведет Россию к созванию Земского собора. Все дела так между собою связаны, что одно становится последствием другого.

Но как бы ни началось созвание Земского собора, мы должны помнить, что в России всякое личное право землевладения приведет нас в прежнее или худшее положение, т. е. частный землевладелец будет чиновником правительства, которое посредством его станет заправлять народом в свою корысть и не допустит ни свободы веры и совести, ни народного суда, ни народного самоуправления.

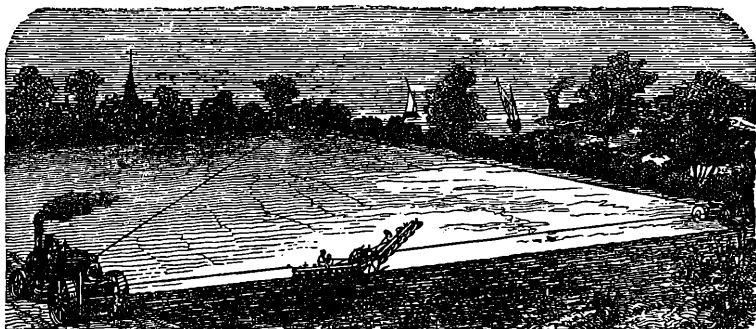
Мы должны помнить, что в России один настоящий помещик-землевладелец — это сельский мир, и других помещиков нам не надо.

Если вам, многоуважаемый инок, придется по сердцу моя вера в будущность русского народа, то приложите свое пособие к дальнейшему уяснению и распространению моего далеко еще неразработанного предположения.

〈ЧЕТВЕРТОЕ〉 ПИСЬМО К ИНОКУ

Многоуважаемый инок,

К моему последнему письму * я прилагаю в нынешнем номере «Общего Веча» рисунок парового плуга. Может быть, этот плуг и не скоро еще войдет в употребление, но постоянное распространение понятия о мирском хозяйстве возьмет же, наконец, верх над одиночным и над дворянским хозяйством.

Впрочем, я сегодня хочу писать к вам совсем о другом предмете. Я хочу обратить ваше особенное внимание на помещенную в этом же номере статью «Братское слово к учителям семинарий»⁷.

Почти что в первый раз человек из духовного звания никонианского согласия протягивает руку старообрядчеству с искренним желанием блага общего, с уважением к вере *народной*. Если наше белое духовенство наконец начинает поднимать голову и хочет выйти из грязи, в которую его втоптали иерархические и казенные власти, то *вашим* следует откликнуться на этот голос, следует протянуть руку *этому* духовенству на общее освобождение веры и земства от насилия и казенщины.

Я не знаю, кто писал статью, о которой я говорю; но *вашим* следует отыскивать его единомышленников, — вы увидите, что число их не малое — отыскивать и соединяться на общее дело свободы веры и убеждения. Ваш союз с искренними людьми из белого духовенства для достижения

* «Общее Вече» № 26.

свободы веры сильно поможет соединению всех согласий на дело общее.

Не упускайте этого из виду. Посылайте людей на поиск в этом смысле, сделайте из своих учеников «ловцов людей». Только этим путем умножится сила людей искренних и достигнется свобода веры. Работайте, работайте — время дорого.

Еще я хотел напомнить вам — постарайтесь положить конец опозорению беспоповщинских согласий, совершаемому неким Ермиловым в Москве, в катковской «Современной летописи»⁸. Не о ругательствах против нас я говорю; бог с ними, пускай ругаются, лишь бы правда выходила на свет неопороченная, неодолимая. А вот посмотрите самую сущность дела. Ермилов жалуется, что «после напечатания его гражданских дум и прибавленных к ним нескольких слов» поднялся говор у московских старообрядцев и что некоторые влиятельные лица присудили ему умолкнуть и вымолвили такой приговор: «вымой чернильницу и брось перо». Но он не хочет умолкнуть; точно будто трудится о правде, между тем как он, очевидно, даже и в этих строках трудится о доносах, о предательстве, да еще на других хочет бросать подозрение в корыстолюбии и честолубии. Сам ли он все это пишет или только дает свое имя Каткову — кто их знает! Написано так мудрено и тяжело, что разве переученному профессору под стать, а не простому старообрядцу. А, впрочем, кто их знает! Только *вашим-то* надо выбросить предателя из своей среды. Пусть он пристанет к казенному православию и спрячется под полу казенного иерарха; это было бы по крайней мере откровенно. Лучше же быть открытым квартальным надзирателем, чем тайным шпионом. Употребите же ваше влияние, многоуважаемый инок, чтоб эта подлость, наконец, вывелась из беспоповщинского согласия. Старообрядчество слишком дорожит чистотой помысла, чтоб позволять себя срамить всякому продажному, изменническому перу. Заставьте Ермилова вымыть чернильницу, и пусть он идет к Каткову.

Вот все, что я вам хотел сказать на этот раз:

Протяните руку тем из белого духовенства, которые сознают в вас народный смысл и готовы на все жертвы ради свободы веры; измените из своей среды предателей.

Распространяйте понятие о мирском хозяйстве; оно пойдет в основание всякой свободы веры и убеждений.

Преданный вам

Н. Огарев

ПРИМЕЧАНИЕ К ЭПИГРАФУ УТИНСКОЙ СТАТЬИ¹

В этих строках страшно много верящего, любящего, и тем отвратительнее становится и подлог, совершенный правительством над Чернышевским, и все тайные и явные обвинения, произведенные и производимые над ним русской литературой и обществом. И этого человека называют нигилистом! Странное название, которого не может понимать ни сам его изобретатель, ни общество, которое с наслаждением за него схватилось, ни даже те, которые взяли его на себя *comme un pot de guerre* *. Нигилизм — имя, которое всего было бы приличнее последователям Фихте, а уж никак не идет к людям, которые берут в основание всей своей деятельности опытную науку и ее выводы, т. е. признают действительность того, что изучают, и стремятся внести результаты этого изучения в общественное сознание. С их стороны поставить на своем знамени бессмысленное слово, изобретенное их врагами — была неловкость. Но как быть! Дело сделано — и вот благодаря испугу, произведенному в обществе и правительстве словом, не имеющим смысла, Чернышевский после двухлетней пытки пошел на каторгу, молодое поколение обвинено в поджогах (которые и теперь продолжают, хотя уже и перестали взводить *эту* клевету на молодое поколение) ² и женщинам запрещено университетское образование, т. е. отнято у них средство сделаться разумными матерями, разумными воспитательницами своих детей. Кому же принадлежит название нигилисты — Чернышевскому, с любовью идущему навстречу будущему, в которое он верит, или тем, которые отсутствием понимания стремятся уничтожить все зародыши разумного развития и для этого даже не останавливаются ни перед каким злодейством.

* Здесь: как боевое имя (фр.). — *Ред.*

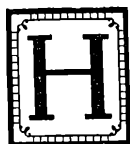
⟨ЗАМЕТКИ И НАБРОСКИ⟩¹

1. ОПЫТ ВВЕДЕНИЯ В НАУБУ

Как ни хлопочи — а теория, наука, знание — та единая среда, где личность находит себе удовлетворение помимо случайностей, или лучше: помимо тенеобразной проходимости страстей и заботы о себе, о семье, даже о *человеинике*.

(Из дневника немолодого человека)

1.

Наука может быть только одна: наука мира². Все остальные науки — ее подразделения; отдельная *самобытная* наука невозможна, потому что все явления только относительные. Это основное понимание науки для человека естественно; достигает ли оно совершенной ясности, определенного понятия или только вращается в колебании какой-то туманной идеи, но оно всегда присуще человеку. От этого во все века человек для основания своего знания искал начало мира. Когда понимание находилось на степени туманной идеи, человек прибегал к самому легкому способу постановления начала мира, к самой удобной гипотезе, посредством которой можно было объяснить все без труда и знания: он ставил начало мира вне мира и называл его богом, творцом. Богу он уже переставал искать начала, принимая его за первоначальный факт, хотя не было никакой логической причины остановиться на этом и можно было совершенно законно спросить: кто создал бога и так далее, в бесконечность.

Но понимание не могло удовлетвориться принятием на веру туманной гипотезы первоначального факта; из этой точки отправления нельзя было развивать знание, науку; из нее развилась только религия, выражавшаяся в разных фантастических представлениях, смотря по складу времен и

народностей. Остановиться на религиозных пониманиях люди, по крайней мере доля ясно мыслящих людей, не могли; потребность выйти из веры в знание, из гипотезы в понятие несгнетаема. Эта потребность всегда искала удовлетворения. Переход из веры в знание, однако, делался не скачком; человек цеплялся за старое верование и за новое понимание и старался связать их, пока не отделялся совершенно от старого верования. Таким образом, переход из религии в науку совершался посредством пантеизма. Чувство, что для того, чтобы постановить начало мира, первоначальный факт, надо, чтоб этот факт был не созданным, а просто сущим, лежало в религии, ставившей бога вне мира; чувство этой необходимости переходит и в пантеизм. Но так как понимание уже не видит никакой достаточной причины, чтоб первоначальный факт лежал вне мира, то оно примыкает его к миру и внутрь всего мироздания вставляет божество. Наконец, понимание усматривает, что, постоянно вставляя во все члены формулы одну и ту же произвольную * величину, оно делает совершенно лишнее и что, отнявши эту величину, отношения нисколько не переменятся; тогда понимание отбрасывает пантеизм, как прежде отбросило религию, принимает природу за факт и входит в положительную науку.

2.

Но каким образом начать эту положительную науку? Тут, обычно, люди прибегали к двум противоположным путям: иные начинали с ** исследования каких-нибудь явлений отдельных, уходили в специализм, в котором приносили огромную пользу, достигали огромных открытий, более или менее основанных на отдельных гипотезах, так что процесс какого-нибудь явления становился ясным, а гипотеза ничего не объясняла. Эти люди обычно теряли связь общей задачи мироздания и становились даже равнодушными к вопросу о начале мира, равно удобно соглашаясь на религиозное или пантеистическое воззрение, или на отсутствие всякого воззрения ***. Другие, напротив того, думали, что

* Слово «произвольную» вписано над зачеркнутым: «изобретенную». — *Ред.*

** Далее зачеркнуто: «опытного». — *Ред.*

*** Я, впрочем, говорю не о недобросовестных, пускавшихся в религиозное мирозерцание из корыстного расчета; я говорю об очень добросовестных, примыкавших к религиозному воззрению,

прежде всего надо постановить законы мышления и что без уяснения этих законов никакое понимание невозможно. Эти люди, обычно, приходили к идеализму или по крайней мере не могли оторваться от дуализма, и различие познающего и познаваемого приводило их к огромной работе над познающим, который у них являлся сам по себе, чем-то особым от природы, духом, а познаваемое в сущности ускользало от их понимания. Строя * законы духа и мышления из абстрактных наблюдений над процессом мышления, они из своего абстракта никуда и не выходили; принимая мышление не за функцию, а за нечто самобытное, они приходили или к отрицанию видимого мира (абсолютному скептицизму) или налагали на него не приложимые к нему, с действительностью не совпадающие законы и собственно до знания, до положительной науки не достигали, вращаясь в раздвоении (дуализме) абстрактного человека и реального мира. Из этого воззрения так же легко было дойти до постановки абсолютного, первоначального Я, т. е. возвратиться к пантеистическому и религиозному, во всяком случае идеальному и дуалистическому воззрению, следуя выводам, опытом не проверенным, как легко было специалистам принимать всякое воззрение, следуя равнодушно к постановлению основного начала.

Но, как я сказал, необходимость постановить начало мира присуща человеку, и он так же мало может удовлетвориться в науке, как и в религии, не взяв его в основание. Только я думаю, что принятие за первоначальный факт гипотезы абстрактного Я не может удовлетворить, потому что такого абстрактного Я не существует; оно только антиномия с реальным миром, а не факт, а чтоб понимать (или познавать), для этого еще не нужно построения законов мышления, так же как человеку для того, чтоб плавать, еще не нужно знать механики. Он плавает, потому что он на это способен, и знание механики ему послужит только проверкою процесса плавания, которое он тогда разберет как

потому что, делая перерыв между своей отдельной работой и общей связью понятий, они легко переходили к религиозному воззрению, не замечая, что их отдельный труд, их понимание отдельного явления — совершенно в противуречии со всяким религиозным воззрением. Это равнодушие к общей связи допускало их до религиозного воззрения из других причин, не имевших ничего общего с их научной деятельностью. Сюда относится напр. Ньютон, долею и Декарт — как деист.

* Далее зачеркнуто: «абстрактные набл[юдения]». — *Ред.*

функцию своего организма и среды, на которой он плавает. Точно так же человек мыслит, потому что он на это способен, а, действительно, объяснить процесс мышления он может только тогда, когда его знание посредством ряда изучений мировых явлений дойдет до объяснения процесса мышления как функции предшествующих данных. Когда он дойдет до этого, тогда, пожалуй, он может процесс мышления приложить как проверку к пройденному пути; но построить этот процесс без изучения предшествующих данных — дело фантазии или идеализация абстрактного эмпиризма, а не дело науки.

3.

Стало, мы остановились на том же: как приступить к положительной науке, не упустив из виду общей связи, т. е. не приняв науку как *науку мира* и не постановив ей общего реального основания, т. е. не определив реального начала мира? Я надеюсь, что это выражение не для всех покажется слишком страшным. Оно гораздо страшнее *, когда относится к гипотезе, а не к факту.

Мы в мире знаем много отдельных существований или вещей, из которых мы ничего не можем принять за первоначальный факт, потому что каждая является нам как следствие разных предшествующих данных. Понятие же начала всегда представляет нам предел, дальше которого нечего искать. Вообще понятие начала в отдельных явлениях (отношениях) представляет нам понятие исходной точки, по той стороне которой *что-нибудь другое*, понятие точки, которую в *данном случае* мы можем или хотим принять за предел. Понятие же начала мира представляет нам предел, дальше которого вовсе нечего искать, где уже нет иного предела чему-либо. Стало, такой предел должен быть общий равно для всех отдельных существований, как и для их совокупности. Мысль, выраженную словом (а иного выражения для мысли, или просто: иной мысли мы не знаем), мы находим только как функцию человеческой жизни и не можем принять ее за первоначальный предел **. Остается искать *** общий предел в видимом мире, не принимая

* Далее зачеркнуто: «только тогда», слово «гораздо» вписано над строкой. — *Ред.*

** К этому месту Огарев позднее карандашом приписал: «Она сама должна иметь тот же, общий со всеми явлениями, предел». — *Ред.*

*** Далее зачеркнуто: «этот». — *Ред.*

в расчет отдельности существований, а только их общий характер существования. Самый общий признак видимого мира — это его существование в пространстве. Рассматривая пространство, наполнено оно или не наполнено, и каким бы веществом оно ни было наполнено, мы находим, что оно состоит из *толщины*, которой предел *ширина*, не имеющая толщины; из *ширины*, которой предел *длина*, не имеющая ширины, и из точки, или *предела длины*, которая не имеет измерения и равна *нулю*. Дальше мы ничего не находим; но этот предел, этот 0 мы находим на каждом месте пространства, каким бы веществом оно ни было наполнено или не наполнено, так что мы *нигде* от него уйти не можем и 0 представляет нам повсюдное повторение самого себя, как бы далеко оно ни шло и где бы ни было — в веществе или просто в пространстве, так, что мы приходим, не гипотетически, а *de facto* к $0 \times \infty$, или лучше: 0 и ∞ суть *пределы*, между которыми существует, происходит, развивается *мир*.

4.

Заметим, что мы тут пришли (к 0, взятому в смысле геометрической точки,) к 0 пространственному, к пределу, или 0 реальному; но что для нашего понимания он необходимо является 0 числовым, и *мир числовой* становится для нас выражением мира пространственного, — его формула, наш *антропологический* способ измерения реального мира, наше знание о нем, наша положительная наука. Но об этом впоследствии. Теперь только замечу, что мы пришли не более, как к самому точному выражению положений Спинозы, что в основании всего — бесконечное пространство и бесконечная мысль; только у нас выходит важная поправка, что мысль как антропологический способ измерения не есть бесконечная мысль, а может быть только очень определенной мыслью о бесконечном и что она свое числовое, количественное измерение не может начать иначе, как с предела числа, выражающего реальный предел пространства, т. е. опять 0, и далее, всякое наше понимание сведется на количественное; только с той разницей от реального мира, что реальный мир представляет естественную непрерывность, которой до нашего измерения дела нет; а мы нашего количественного измерения (нашего числового мира) не можем понять иначе, как при известных условиях, и потому наше измерение естественной непрерывности (наше понимание реального мира)

может быть только приблизительное, Но прерываю эту вставочную главу, которой развитие может прийти только впоследствии, и возвращаюсь к моему предмету.

5.

$0 \times \infty$ есть совершенное выражение неопределенности, мы до него дошли делением пространства до предела, т. е. $\frac{\infty}{\infty}$ ($= 0$ откуда $0 \times \infty = \infty$), которое также совершенное выражение неопределенности и представляет всевозможные величины, из которых каждая, разделенная на бесконечность, приведет нас к пределу, равному 0, и каждая как неотделимая от своего предела относится к бесконечности. Если б какая-нибудь величина имела пределом не нуль, то этот предел еще не был бы пределом и нам пришлось бы дальше искать предела, пока мы дошли бы до 0, который только один исключительно равен пределу. И если б какая-нибудь величина относилась не к бесконечности, а к чему-нибудь завершённому, то на этом отношении нельзя было бы остановиться (кроме частных отношений) и за этим завершённым следовало бы еще продолжение, так что и данная величина и это продолжение начиналось бы с 0 и относилось бы к ∞ . Но постараемся еще доказать, что в нашем вопросе $0 \times \infty$ не исключительно $= 0$, а есть выражение неопределенности, откуда можно вывести всякую величину. Может быть, мне возразят, что именно $0 \times \infty = 0$ и что я пришел к понятию совершенной пустоты пространства, равной нулю, пустоты, в которой я, пожалуй, могу строить всякие геометрические (пространственные) построения, но в которой никак не выведу необходимости реального мира. На это я отвечаю, что, во-первых, геометрические построения — это мой прием, мой антропологический способ измерения мира реального, прием, в котором я *не принимаю в расчет* вещественного содержания каких бы то ни было очертаний; но из этого не следует, чтобы я делал * очертания именно пустоты. Во-вторых, что предел, идущий в бесконечность, $0 \times \infty$, не равен только нулю, следует из того, что его приравнение нулю сделало бы пространство невозможным, т. е. свело бы его на 0, который был бы пределом самого себя, и мы имели

* Возможно, что это слово следует читать: делил. — *Ред.*

бы только $0 = 0$, а вовсе не $0 \times \infty$. Как бы уяснить это до крайней ясности?.. Попробуем:

В числовом 0 мы говорим о пределе мыслимой количественности, равно прилагаемой ко всему, но вовсе не исключительно о пространственном нуле; стало, в числовом нуле нам дела нет до пустоты и непустоты, пока мы наше количественное измерение не прилагаем именно к этому вопросу. Но как скоро мы говорим о пространственном пределе, о 0 в пространстве, мы не можем принять его пределом абсолютной пустоты, потому что из абсолютной пустоты мы никак не выведем пространства, идущего вдаль, т. е. действительного пространства; а выведем только пространство, сведенное на свой предел, т. е. на нуль, т. е. на отсутствие пространства, на то *ничто*, от которого оно может начаться — на $0 = 0$, и только. Мы даже не можем понять пустоту как отрицательный 0 , как -0 , потому что безотносительный, абсолютный -0 есть невозможность; 0 , даже когда он предел отрицательного ряда, все же 0 положительный. Абсолютная пустота, как равная 0 , представляет только отсутствие пространства, т. е. предел, $0 = 0$. Из этого не следует, чтоб в мире не было пустоты; есть она или нет, мы этого не знаем, но та пустота, которая может быть, только пустота относительная и представляет пустое пространство между двумя или n пространствами, содержащими что-нибудь. Реальная пустота, имеющая измерение, есть только *промежуток*; а абсолютная пустота — это предел $0 = 0$.

6.

Из этого следует, что нуль, чтоб быть пределом *в пространстве*, не может быть пределом абсолютной пустоты, исключаяющей всякое понятие о пространстве, а есть предел *чего-нибудь*. Мы и дошли до нуля — предела *из секций чего бы то ни было*, а отнюдь не исключительно секций пустоты, которой мы не знаем иначе, как в смысле *промежутка* и которая в абсолютном значении равна только самому пределу, а иначе представляет *невозможность*. Отсюда $0 \times \infty$ выражает неопределенное пространство, содержащее *что-нибудь*, а отнюдь не пустоту. $0 \times \infty$, т. е. предел *чего-нибудь*, повторенный бесконечное число раз, выражает бесконечное протяжение этого *чего-нибудь*, а отнюдь не абсолютную пустоту. Точно так же как $\frac{\infty}{\infty}$ выражает предел

этого *чего-нибудь*, равный 0. Неопределенность $0 \times \infty$, или $\frac{\infty}{\infty}$, равно выражает возможность всякой величины этого *чего-нибудь*, а отнюдь не абсолютную пустоту, которая просто = 0, равна самому пределу.

Это что-нибудь обычно называют веществом, или материей; я бы лучше назвал это *вещественностью*, или *materialité*, потому что оно не так резко, не принуждает воображение к представлению чего-то ужасно плотного *. Но из этого для меня теперь важны только следующие выводы:

1) Каким бы способом мы ни домогались до предела, предел всегда равен нулю, и дальше мы никуда не можем идти и никак не можем отрешиться от нуля, потому что, как скоро представим себе совершенную пустоту, т. е. совершенное отсутствие чего бы то ни было, совершенно ничего, а следовательно, отсутствие пространства, то оно = 0, который не что иное, как предел.

2) 0 de facto есть в природе или мире как повсюдный предел, начало чего бы то ни было.

3) Это что-либо, которое я называю вещественностью, идет в бесконечность, потому что каждая остановка равнялась бы пределу, т. е. нулю, который был бы также пределом дальнейшего протяжения; и потому $0 \times \infty$ выражает пространство вещественности, так что:

4) Имеем ли мы $\frac{\infty}{\infty}$ или $0 \times \infty$, обе формулы дают нам неизбежность вещественности, и как скоро мы пришли до предела (начала), равного нулю, то мы не можем не признать существования вещественности; или, как скоро мы имеем бесконечное протяжение, мы не можем не признать вещественности; или, как скоро мы имеем вещественность, то мы не можем не признать, что ее предел = 0 и относится к ∞ .

5) Что реальный мир, заключенный между пределом 0 и ∞ , представляет всевозможные величины или отношения вещественности.

6) Что одно так обуславливает другое, что из этих трех данных: 0, ∞ и вещественность, как скоро есть одно, так необходимы и две другие, так что, как скоро мы дошли

* Обычно вещество определяют непроницаемостью в пространстве. Это определение еще подлежит сильному сомнению. Все, что встречается непроницаемого, есть вещество, это другого рода дело; но первое определение проблематично.

до предела нуля, так скоро мы имеем и вещественность, идущую в бесконечность, и нам нельзя искать иного начала мира, как признания его за факт, соприисносущий его пределам — нулю и бесконечности.

7) 0 есть абсолютная *неизбежность*, соприисносущая вещественности = пространству = бесконечности.

7.

Трудность понять, каким образом непрерывность пространства состоит разом из бесконечного повторения предела, равного нулю, и из непрерывной вещественности — эта трудность действительно очень велика, но она не непреодолима. Если б где-нибудь был прерыв вещественности (мы сказали уже, что вещественность = пространству), то мы пришли бы к отсутствию пространства, т. е. к невозможности. Если бы где-нибудь был прерыв 0, то мы имели бы точку в вещественности или пространстве, которая не имела бы предела или которой предел неравен 0, что также невозможно. Вещественность, пространство, непрерывность, словом, мир только на том основании и возможен, что как бы мала ни была точка вещественности, хотя бы она совпадала со своим пределом, все же эта точка — вещественность и все же предел ее = 0*. Иначе мир был бы невозможен, а так как он неизбежен, потому что отсутствие нуля невозможно, то наш вывод верен. Он тем более верен, что он подтверждается простым наблюдением, даже далеко немногосложным, с которого мы и начали, представив секции вещества или пространства до его предела, т. е. до нуля; причем мы равно получаем $\frac{\infty}{\infty} = 0$ и $\frac{m}{\infty} = 0$, т. е. во всяком случае приходим к пределу = 0.

8.

Обе неопределенности $\frac{\infty}{\infty}$ и $0 \times \infty$ представляют нам возможность бесчисленного множества отношений; а так как у нас речь идет о непрерывности пространства или вещественности, то они выражают возможность** бесчислен-

* К этому месту Огарев позднее карандашом приписал: «Таким образом $\text{tg } 0$ есть все же tg , и предел вещественности все же — вещественность».

** Слова «они выражают возможность» вписаны карандашом. — *Ред.*

ного, бесконечного множества бесконечно разнообразных отношений вещественности, которой каждая точка имеет пределом 0 и относится к ∞ и к другой точке или другим точкам, или бесконечности точек. Предположить весь этот бесконечный мир в состоянии покоя можно только в том случае, если бы мы вывели вместо бесконечного множества отношений только одно отношение абсолютного равенства, и тогда мы пришли бы только к уравнению $0 = 0$, или к отношению $\frac{0}{0}$, т. е. или вовсе бы уничтожили все наши предшествующие выводы и пришли бы опять к пределу, который опять нашли бы неизбежностью и, следовательно, нашли бы неизбежностью и бесконечную вещественность и снова воротились бы к нашему построению. Или мы пришли бы к новой формуле неопределенности $\frac{0}{0}$ и точно так же были бы вынуждены вернуться к тому же построению.

Отсюда вывод остается один, что необходимость всевозможных бесчисленных отношений между пределами 0 и ∞ , в которых находится непрерывность (т. е. вещественность, пространство, мир), обуславливает невозможность абсолютного покоя (который уничтожает возможность этих отношений, а следовательно, и возможность самого мира и приводит нас ad absurdum *). Отсюда вытекает необходимость бесконечного движения.

9.

К чему все это рассуждение? — спросят меня. Я не думаю, чтоб оно было бесполезно, во-первых, потому что оно заставляет нас расквитаться окончательно со всеми гипотезами о начале мира вне мира, или о присутствии в мире вводной гипотезы. Во-вторых, оно принуждает нас, приступая далее к положительной науке, держаться измерения посредством числовых рядов (т. е. посредством мысли или понимания) реального мира, реальной непрерывности *насколько хватает радиус нашего кругозора*, предполагая, что последовательность одинаких отношений и вне нашего кругозора одинакова **.

* До абсурда (лат.). — *Ред.*

** Конец предложения после слова «кругозора» приписан карандашом. — *Ред.*

2. ПРИМЕЧАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

1. То, что натуралисты понимают под вечною неизменяемостью количества силы и вещества в природе, — только дурно выраженное понятие вечной относительности всякого количества, всякого явления, всякой отдельности, всякой меры, всякой формы и пр., к другому или другим количествам, явлениям, отдельностям, мерам, формам и пр., что в сумме выражается отношением $0 : \infty$. Но арифметически определить количество сил или вещества в природе уже потому нельзя, что арифметическая бесконечность есть * неопределенность, а арифметическое начало или предел, т. е. 0, не может выражать никакого количества. А между тем изменяемость отдельных отношений, без всякого сомнения, не прибавляет никакого количества чего бы то ни было именно потому, что вне пределов $0 - \infty$ взять нечего, что этого *вне* нет, а в этих пределах есть только изменяемость отношений.

2. Отношение $0 : \infty$ необходимо предполагает промежуточные отношения между 0-м и ∞ -ью, отношения 0 к количеству и обратно ∞ к количеству. Это количество для нас является вещественностью, нераздельной от пространственности, так что отношение $0 : \infty$ и отношение $0 : N$ и $\infty : N$ не есть только арифметически логическое, субъективное предположение, а реальная, объективная, пространственно-вещественная неизбежность, где всякая перестановка, переложение (permutation) отношений есть движение.

3. Всякое отношение $0 : N$ дает ряд дифференциальный. Требуется решение вопроса отношений ряда дифференциации к рядам переложений, сочетаний, интеграции и движения.

4. Далее абстрактной постановки реального мира человек делить не может и должен перейти к своему району наблюдений и их отношений к абстрактной (всеобщей) формуле реального мира.

5. Останутся ли при этом ипоте[ти]ческие принципы силы и пр. или элиминируются из реального мира и сведутся на роль субъективных гипотез, удобных для объяснений при известной сумме наблюдений (познаний) и ненужных при более приближенном к реальности объяснении.

* Далее зачеркнуто: «уже». — Ред.

В. ПРИМЕЧАНИЕ К COURNOT³

I.

«Lorsque nous étudions les propriétés des nombres, nous croyons étudier certains rapports généraux entre les choses, certains lois ou conditions générales des phénomènes...» *

Каким образом после этого Курно выставляет неприменимость ко всему вообще теории чисел вместо необходимой применимости ко всему вообще количественной категории, я не понимаю. Без сомнения, нельзя вместо зоологии, напр[имер], писать теорию чисел, но это совсем не то, что устранить от зоологии необходимость математической формулы ее классификации. Как скоро человек дошел до понятия *отношения* (rapport), как скоро он удостоверился, что все существующее в мире существует *относительно* одного другого, что мысль есть только понятие *отношения* (que la pensée n'est que la conception d'un rapport), что самое понятие абсолютного — *относительно* обусловленных существований (l'idée de l'absolu est par rapport existances conditionnés), то знание не может избежать приведения понятий в математическую формулу **.

Замечательное своей простотой и ясностью изложение теории сочетаний, переложений, arrangements и периодичностей (стр. 13 до 22) выставлено как будто для того, чтоб доказать разницу между сочетанием, или порядком, и числом, разницу, несмотря на то, что выводы выводятся одинакие, с какой из точек отправления ни отправляйся; но

* «Когда мы изучаем свойства чисел, мы считаем, что изучаем определенные общие отношения между вещами, определенные законы или общие свойства явлений» (фр.). — *Ред.*

** Я тут пропустил следующую выписку из «Développement nouveau de la partie élémentaire des mathématiques» — Bertrand de Genève, chap. 1, № 5: «Le but de l'exposition philosophique» «est de bien distinguer, dans les idées que nous nous faisons des choses, ce qui appartient aux choses mêmes, de ce qui n'appartient qu'à la manière dont nous pouvons et voulons les envisager». («Новое развитие элементарной части математики» Бертрана де Женев; глава 1, № 5: «Цель философского изложения» — «Следует отличать в представлениях, которые мы себе составляем о вещах, то, что присуще собственно вещам, от того, что присуще только точке зрения, с которой мы можем и хотим смотреть на них» (фр.). — *Ред.*) Мне кажется, что эта вовсе не новая, но верная мысль ведет прямо к заключению, что (помимо математики специально) собственно вещам принадлежит категория числовая, т. е. категория отношений их элементов; а к последнему разряду, т. е. к субъективной точке зрения, принадлежит категория качества.

вместо разницы это изложение теории сочетаний, переложений, arrangements и периодичностей (изложение, к которому я всегда стану прибегать преимущественно перед всеми курсами алгебры) проще сказать — это изложение теории *порядков* (ordres или suites) доказывает только нераздельность понятия порядка (последовательности) от понятия числа, ибо самое число есть порядок (suite) и всякий порядок есть числовой. Мы тут прямо можем перейти к понятию непрерывности отношений, без которого никакая наука невозможна.

II.

Курно мог бы последовательнее перейти к понятию непрерывной величины (grandeur continue), если б он шел, ставя последовательно эквивалентные (равнозначущие) понятия *числа, порядка, отношения, непрерывного отношения и непрерывной величины*, которые все совпадают в понятии *непрерывного отношения*, т. е. отношения, переходящего через *непрерывный 0* (сливающийся с понятием дифференциала).

Из понятия непрерывного отношения естественно вытекает логистика, или алгебраический язык, т. е. язык определенных отношений, которые остаются в своей определенности, если мы вставим на их место цифры *какого бы то ни было* порядка счисления.

III.

В 3-й главе Курно переходит к отношениям положений (situations) и, следст[венно], объяснению положительных и отрицательных величин. Для этого он берет определение эпохи относительно нуля, т. е. точки отправления, от которой считаются последующие и предыдущие времена и которая может быть взята произвольно; берет определение точки на неопределенной прямой линии, относительно нуля, от которого расстояния по левую сторону, считаемые по обратному направлению, будут отрицательные; берет электричество и термометрическую скалу; берет актив и пассив торговца. Из моего определения понятия непрерывного отношения как отношения, переходящего через непрерывный нуль, для меня яснее видится необходимость *точки перехода* и определения относительно ее всяких положений, или величин, так что если, с одной стороны (простран-

ственной или иной), величины принимаются положительно, то, с другой стороны, они необходимо должны быть приняты отрицательно, представляя при том совершенно симметричные отношения к точке перехода. Так же просто выводится переменная (transformation) одной точки перехода на другую (одного нуля на другой, ибо он может быть взят везде, потому что в непрерывной относительности находится везде), если эта переменная по каким-нибудь соображениям нужна.

ПО ПОВОДУ ЧТЕНИЯ СЕЧЕНОВА И САШИ¹

Главное определение животного — это его индивидуальная целость; это то что в растении может не быть, ибо оно может разрастаться без данной границы и может быть урезано, где угодно, без уничтожения, лишь бы оставался орган сосания химических элементов, т. е. орган питания, т. е. корень. Индивидуальная целость необходимо предполагает кругообращательный механизм строения, какие бы гипотезы ни были приняты для его объяснения; ни одна гипотеза и ни одно наблюдение не обойдутся без признания кругообращения. Это увидится и в просто питательном строении аппарата кроводвижения, и в нервном рефлексе, какой бы гипотезой или каким бы наблюдением он ни был постановлен; во всяком случае нервный рефлекс есть явление круговращательное или обратное, а не только поступательное в одно направление. Это явление и составляет индивидуальную целость животного.

Теперь вопрос: не лучше ли методу опытов свести на сравнительную физиологию таким образом, чтоб искать * разгадку какого-либо данного вопроса в наблюдениях над такими животными, которых индивидуальность, обратная целость именно сводится на ** специальный вопрос, им ограничивается. Таким образом, наименее сложные аппараты (животные) *** и их сравнительное применение к

* Далее зачеркнуто: «опреде[ление]». — *Ред.*

** Далее зачеркнуто: «этот». — *Ред.*

*** Далее зачеркнуто: «могут дать самое ясное разрешение вопроса». — *Ред.*

отдельным функциям (органам) высших пород могут дать самые ясные разрешения вопроса.

Как бы высказать это яснее? Мы не можем делать физиолого-анатомических опытов над живым человеком, но можем делать их над низшими животными. Но это еще не значит, чтоб мы не могли делать иных наблюдений над живым человеком и поверять этих наблюдений, сравнивать и разъяснять физиолого-анатомическими опытами над низшими животными, принимая в рассмотрение того животного, которое * в своей целостности представляет наиболее отношения к отдельной функции, наблюдаемой в человеческом организме. Или наоборот: наблюдая под ножом и всеми возможными физико-химическими средствами животное, выражающее наиболее какое-нибудь отдельное целостное строение (функцию, аппарат), применить сравнительно этот физиолого-анатомический и физико-химический опыт к наблюдению над подобной же отдельной функцией в живом человеке. Таким образом, для примера назовем хотя бы опыты над электрической рыбой и сравнительное наблюдение над электрическим током в живом человеке. Мне кажется, что я высказался довольно ясно; постараюсь только впоследствии собрать побольше примеров.

Но теперь перехожу к дополнению этого плана. Каким образом делать наблюдения над живым человеком? Мне кажется, всего труднее делать их при нормальном состоянии человека, потому что оно дает наименее рельефных сторон; между тем как всякое патологическое уклонение, или уклонение разных функций во время сна дадут наиболее рельефности для наблюдения уже потому, что имеют *сравнительное* отношение к нормальному положению.

Страдая болезнью, мало определенной (эпилепсией), и, может вследствие ее, имея особенную нервную чувствительность во время сна, я хотел бы предпринять ряд самонаблюдений, которые могли бы многое уяснить, а потом уже обратиться к выбору разных животных, над которыми специалисты физиологии делали бы опыты и могли сопоставить их результаты и мои самонаблюдения.

Теперь ** я не могу расположить моих наблюдений в каком-нибудь последовательном порядке, а могу только записывать то, что рельефно попадет под руку. Но одно

* Далее зачеркнуто: «наиболее». — *Ред.*

** Слово «теперь» написано над зачеркнутым «во-первых». — *Ред.*

я хотел бы привести в некоторый порядок — это методу наблюдения, привести в порядок все данные, с точки зрения которых должно быть ведено каждое наблюдение.

Для примера возьму испытанное мною прошлой ночью. Я уснул вскоре после одиннадцати часов. Около 4-х часов утра я видел сны, полные разных страхов, нападений разбойников и т. п. Я проснулся и нашел себя в следующем положении: я лежал на спине таким образом, что затылок крепко упирался на подушку и конец спинной кости крепко упирался в постель, между тем как продолжение, т. е. середина спины легко касалась постели, так что собственно концы представляли напор. Я не раз замечал, что это положение тела возбуждает сновидения страхов.

Каким же образом изучить это положение? Какие представляются тут вопросы?

Надавление подушки на малый мозг и продолговатый мозг * или, скорее, нагревание их подушкой могут иметь два результата: местное возвышение температуры и местное сдавление, которое может распространяться от внешней кожи до полушарий большого мозга и, следовательно, увеличивать давление всех частиц мозга друг на друга. Подобное же впечатление может являться относительно конца спинного мозга. Их соотношения могут возбуждать особенное состояние электрического тока и особенное состояние всей нервной системы. Затем следует заметить, что оно должно быть тождественно или подобно впечатлениям страха и нервным рефлексам в нормальном состоянии организма, т. е. в состоянии бдения. Далее надо заметить, что это только гипотезы, которые надо проследить и проверить.

Что же тут надо проследить и проверить?

Надо иметь возможность (инструмент) для определения: есть ли надавление, т. е. ** изменение плотности внутренних органов черепа (т. е. частей головного мозга) и спинного мозга (*instrument pour mesurer la densité des organes intérieures*) ***. Так как плотность должна иметь соотношение с температурой и электрическим состоянием, то, вероятно, возможно придумать измерение температуры и электриче-

* Следующие пять слов вписаны Огаревым сверху карандашом. — *Ред.*

** Далее зачеркнуто: «увеличение». — *Ред.*

*** Инструмент для измерения плотности внутренних органов (франц.). — *Ред.*

ского состояния и вычисление их отношения к плотности мозгового вещества и сделать их ее мерилом. Отношение же плотности до и после ее изменения даст меру движения мозговых частиц.

Далее следует рассмотреть все окружающие обстоятельства: температуру воздуха, барометрическое положение и т. д. и их отношения и влияния к рассматриваемому явлению, равно как и патологическое состояние организма во всех физических, химических и физиологических (гигиенических) условиях.

Вот все, что я на сегодня могу записать, прибавив только, что, проснувшись в 4 часа, я так был занят этой мыслью, что не мог спать до 7-ми, уснул от 7 до 8-ми и встал, потом преимущественно вследствие недостатка сна (который, по моему наблюдению, для поддержания моего здоровья не может быть меньше 8-ми часов в сутки) имел припадок. Так как я был стоя и немного наклонясь вперед, то я упал прямо лицом на пол; это прямое падение устраняет укус языка, который является только в боковом падении и судороги икр, вследствие чего нет ни укуса языка, ни боли в ногах.

Я не понимаю некоторых заключений у Сеченова. Что такое целесообразность невольных отраженных движений, которые он сам называет машинообразными? Понятия целесообразности и рокового последствия — совершенно противоположны*.

Возьмем из его примеров *кашель*. Сеченов видит в очищении гортани посредством кашля его целесообразность; а кашель принимает за роковое последствие, невольное отражение раздражения. Целесообразность была бы, если б человек хотел очистить гортань посредством кашля, но он этого, очевидно, не хочет, а действует под влиянием необходимости; на этом основании мы должны принять за целесообразность поднятие воды в трубке, из которой вытянут воздух.

Далее он находит еще более целесообразное, почти разумное движение у обезглавленной лягушки, которая, когда на столе и ее щипнуть, она прыгает, а когда в воде и ее щипнуть, она плавает. Эта целесообразность для меня весьма сомнительна. Животное, какое бы ни было, и обезглавленное или не обезглавленное, на твердом месте станет прыгать, а не плавать, а в жидкой среде прыгнуть не может

* В тексте описка: «противополужны». — *Ред.*

и его движения могут разрешиться только в плавание (стр. 473).

Сравнение лунатизма и страха я совсем не понимаю (стр. 475).

Возможность ходьбы приобретается не только изучением, но и возрастанием животного (477).

На той же странице 477, § 11: «В случае, если нормальная ощущающая способность притуплена в сфере одного или всех чувств вообще, то все движения, происходящие в сфере этих чувств., во всяком случае по механизму своего происхождения, относятся к рефлексам».

Этого я не понимаю.

«ТЕЗИСЫ О «LIBRE ARBITRE»
(СВОБОДЕ ВОЛИ)»¹

1)

Libre arbitre — принцип, ставящий право выбора поступка или убеждения без достаточной или *помимо* достаточной причины, определяющей поступок или убеждение.

Если мы примем необходимость (а как же ее не принять?) достаточной причины, обуславливающей поступок или убеждение, то оный принцип сам собой исчезает.

2) В анатомико-физиологическом построении животного нет органа, который выражал бы принцип *du libre arbitre*². Кроме внешнего запроса и органического ответа, кроме впечатления и его результата, кроме толчка и движения, нет никаких явлений в организме. Принцип *du libre arbitre* вводил бы новый вид невещественной и независимой души, которой присутствие равно не нужно и не имеет места.

3) Если физиология еще плохо объяснила некоторые вопросы, как исторические antecedents* и наследственность, то все же наблюдение, что эти два факта существуют, доказывает нить необходимости, а не принцип *du libre arbitre*. Оба эти вопроса не имеют никакой связи с оным принципом, и никакое полнейшее физиологическое объяснение не внесет этой связи. Оба эти вопроса во всяком случае в разрез противоположны принципу *du libre arbitre*.

4) Патологические наблюдения всего яснее устраняют оный принцип.

* Термин логики здесь употреблен в смысле: предшествующее, предваряющее. — *Ред.*

Не говоря уже о психиатрии, больной может не кричать, только когда боль не перешла известную меру ³.

5) Сравнительная зоология дает * всего более фактов, опровергающих принцип *du libre arbitre*. Так называемое право выбора поступка найдется у всякого животного, так что из-за этого изобретать особенной человеческой нравственности и особенного превосходства — нечего. И в результате все же выйдет у всякого животного поступок вследствие обуславливающей причины.

6) Разнообразие характеров обуславливается не принципом *du libre arbitre*, а, напротив, разнообразием организмов и разнообразием влияющей среды, так что одно это устраняет принцип *du libre arbitre*.

7) Что касается до объективного и субъективного определения *libre arbitre* и антиномий, переходящих друг в друга, то я думаю, что спор может получить истинное развитие только при совершенном устранении подобных метафизических номинальностей.

8) Только принявши безответственность ⁴ человеческой жизни, мы можем ввести в социологию необходимые элементы воспитания и социальной организации.

9) Если мы примем принцип *du libre arbitre*, мы уже не можем объяснить истории, ибо не можем принять в человечестве неизбежную последовательность фактов (т. е. причин и следствий, как принимаем в остальном мире) и должны животом рухнуть и в христианство и [в] религиозно-легальную мораль ⁵.

* Зачеркнуто слово «может». — *Ред.*

СТАРОВОЗДВИЖЕНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ¹

Н а дворе совершенный туман — серое облако проходит, все предметы перед глазами спутываются в безобразную неопределенность — нельзя различить горы от долины. Этот туман тем неприязненнее действует на человека, что является в весеннюю пору возникновения юной жизни и невольно обдаёт впечатлением уродливой осени и замирания всего живого. А передо мной лежит январская книжка «Всемирного труда» и в ней статья г-на Николая Соловьева, под заглавием «Принципы жизни»². Эта статья воздвигает философию старого идеализма, но по манере изложения в еще более туманном виде, еще большей спутанности понимания в облаках абстрактной мысли. Туман этой старовоздвиженской философии г-на Соловьева действует по крайней мере так же неприязненно, как и простой туман, и я не могу выдержаться, чтоб не сказать о нем несколько слов.

Г-н Соловьев находит в современном обществе упадок вкуса. Я об этом спорить не стану. Но спорить я стану о причинах этого упадка вкуса. Г-н Соловьев находит их в отсутствии принципов, в особенности принципов нравственности и в стремлениях к научному позитивизму. Из его наблюдений можно было бы заключить, что вкус и ... *

Но в наших жалобах на туман окажется большая разница: я стану жаловаться прямо на туман г-на Соловьева, а когда г-н Соловьев жалуется, то он не говорит прямо о ком и о чем он говорит, а говорит такими общими местами, что

* Далее отсутствует небольшой отрывок текста. — *Ред.*

надо догадываться, о ком и о чем он хочет говорить, и эта догадка едва ли может удасться.

«Сколько проиграла наша журналистика, — говорит г-н Соловьев, — в гоньбе (за политическими целями, тогда как у нее под носом были цели, хоть и не столь видные, но зато глубже лежащие в обществе. Самый существенный вред, происшедший из этого стремления начинать все с судьбы народов и никогда с семьи, детей и основных связей человеческих, это упадок вкуса к жизни, притупление чувства к изящному и отсутствие всякого критического движения. Через это множество авторов, которые бы в другое время или в другой стране проложили целые полосы в общественном развитии, остались почти непрочитанными: между ними и публикой не нашлось посредников, которые бы их оценили. Другие же, напротив, за свое верное служение тенденциям были возвеличены без меры. А третьи, наконец, благодаря тому же упадку критики врывались в литературу какими-то кирасирами и совершали самые невероятные подвиги. Будь над всеми этими публицистами и романистами критический, а не только полицейский, надзор, они бы не стали так неистовствовать; а то ведь только «Искра» и хихикала над ними, да и это-то хихиканье более служило им в виде поощрения» (стр. 140).»

Хотя бы автор сколько-нибудь объяснил, кто и что начинает с судьбы народов, а не с семьи, детей и основных связей человеческих, тогда по крайней мере можно было бы догадаться, о чем, собственно, автор хочет говорить, что он понимает под основными связями, что под упадком вкуса к жизни (а это очень сомнительно, чтоб вкус к жизни так-таки и упал и, стало, заменился вкусом к смерти?). Если б автор объяснил, кто и что начинает с судьбы народов, можно было бы понять, кто не прочитан, кто без меры преувеличен, кто ворвался в литературу, как кирасир; но в том виде, в каком излагает свои наблюдения г-н Соловьев, большинство читателей совершенно лишено возможности понять, о ком и о чем он говорит с такой по крайней мере кавалергардской самоуверенностью.

Далее (и тут я должен отдать справедливость автору: тут он по крайней мере просто говорит не об упадке вкуса к жизни, а об упадке вкуса в искусстве), далее г-н Соловьев приписывает упадок вкуса борьбе гегелизма с нигилизмом, из которых первый будто бы заключал в себе «туман, стремление говорить языком, понятным только для себя и своих

приятелей, и всячески избегать твердых пунктов мышления»³ (направление, которое должно быть чрезвычайно симпатично г-ну Соловьеву), а второй будто бы «вертел перед гегелистами игрушками, взятыми из естествоведения — и те струсили». «Поэтому-то, — говорит г-н Соловьев, — когда ему приходилось говорить с нигилистами, он старался их бить на лягушке»⁴.

Полно, так ли?

Я не спорю, что найдутся плохие писатели между гегелистами, так же как найдутся и нигилисты, которые запутались в собственных соображениях из-за * научной зрелости. Но не со всеми же так называемыми нигилистами это случилось. Найдутся между ними и люди совершенно ясного понимания, которых г-н Соловьев, вероятно, не побил, а разве только раздавил несчастную лягушку, на которой стоял во время борьбы. К этому приводит даже его собственное заключение: <«И что бы ни говорили в пользу деятелей, сохранивших у нас и вкус, и знание, и уважение к науке, мы все-таки должны сознаться, что, когда дело дошло до борьбы, то они чуть было не были забиты, чтобы не сказать заплеваны: некоторые принялись уже говорить и нашим, и вашим; так что ответственность за временное торжество в нашей литературе отрицателей искусства лежит отчасти на них» (стр. 141).>

С кем же тут согласен г-н Соловьев, с гегелистами или с нигилистами? Для меня ясно, что он тут согласен с нигилистами. А уж как он впоследствии дошел до того, чтобы искусству (которого главное содержание все же красота) поставить в основание абстрактные принципы, этого я не знаю, это я после покажу, но объяснить не берусь, как и всякие сами себе противоречащие выводы.

Но прежде чем мы доберемся до этого вывода г-на Соловьева, я должен указать на его другие посредствующие соображения.

Из того, что красота доказывается не логически, а физиологически, и что где красота, там конец абстракту, г-н Соловьев заключает: <«...как честь распространения у нас безвкусыя и безобразия принадлежит прогрессистам, так напущением тумана, облекающего теперь все важнейшие вопросы жизни, мы обязаны, преимущественно, консерваторам. Те и другие у нас не образовали в настоящем смысле

* Далее зачеркнуто: действительного незнания науки.— *Ред.*

партии. Вся разница между ними была основана на разности возрастов, заведений, где они воспитывались, а также и на непонимании значения прогресса и консерватизма. Многие, например, у нас под первым разумели род какого-то занятия или ремесла, а под последним простое) толчение в ступе воды; <и, соображаясь с этими воззрениями, записывались либо в прогрессисты, либо в консерваторы и, становясь друг против друга), сражались, как петухи» (стр. 141—142).

Кто же это в прогрессе видел ремесло, а в консерватизме — толчение в ступе воды? Я не защитник консерваторов, но все же считаю, что едва ли между ними найдутся люди, которые в своих мнениях видят толчение в ступе воды, а не просто поддержание старых условий общественных отношений, для них практически выгодных. Что это своекорыстное дело вредно и безнравственно, об этом я не спорю; от этого-то и не могу приравнять его толчению воды в ступе, а вижу в нем влияние, противное народному развитию.

«Между тем, — продолжает г-н Соловьев, < — одно простое объяснение этих слов уничтожает даже возможность борьбы на таком основании. Прогресс и консерватизм есть два элемента, совершенно равноценные; они свойственны не только человеческой жизни, но и всей вообще природе» (стр. 142).)*

Итак, прогрессу и консерватизму нечего и сражаться, потому что «во всяком живом органическом существе мы видим два противоположные начала — вечное постоянство и вечную изменяемость. Произойдет ли пертурбация в законах (т. е. в вечном постоянстве) или задержка в мене материи (т. е. в вечной изменяемости), органическое существо непременно впадет в патологическое состояние»⁵.

Да, действительно, игрушка из естествоведения, которую вертит г-н Соловьев перед глазами читателей, построена

* После начатой, но незаконченной выписки цитаты из Соловьева следует зачеркнутый Огаревым абзац:

«Мимоходом здесь замечу, что из прогрессивных экспериментов над Святогором-богатырем мне помнятся воскресные школы, о которых я никакого обвинительного акта не могу вывести; а из непрогрессивных экспериментов мне всего памятнее безднинское дело, а победа над падениями, столкновениями лбов и отчаянными salto-mortale, если все это найдется, — всего больше на стороне министерства внутренних дел и III отделения, о вечных принципах нравственности которых едва ли возрадуется какой-нибудь здравомыслящий человек!» — *Ред.*

даже не то чтоб на лягушке, а совершенно на замене определенности понятий пустотою слов.

Во всяком живом органическом существе мы найдем, положим, два начала, но не противоположные, а совпадающие, лучше сказать до такой степени нераздельные, что едва ли не придется просто заключить о их единстве: это начало типа, породы и потом явления индивидуальной жизни, где собственно патологические явления никогда не окажутся ни пертурбацией общих законов типического организма (больной человек останется больным человеком, а больная лягушка — больной лягушкой) и никогда не окажутся задержкой мены материи, а только развитием этой мены материи под известными условиями (мы даже найдем патологические явления, где мена материи совершается гораздо быстрее, чем в здоровом положении организма, напр., во всех эпидемиях, во всех болезнях разложения). Пертурбации болезни мы можем принимать за пертурбации относительно здоровья и отсутствия страдания, но никогда не можем принять за пертурбации общих законов природы и жизни, в пределах которых болезненные явления совершаются точно так же, как и самая смерть.

Из всех физиологических и патологических явлений жизни, из продолжения и видоизменения типов под многоразличными условиями столкновений, колебаний, помесей и т. д. мы можем заключить о постоянном присутствии жизни, потому что природа не может исчезнуть; можем заключить, что все названия на человеческом языке, как-то: мир, природа, жизнь, движение — равнозначительны и часто употребляются нами одно вместо другого; можем заключить, что из наблюдений над природой, жизнью, движением мы понимаем, отмечаем способы, процесс, по которому совершается эта жизнь, это движение, приводим наши понимания в надлежащие формулы, надлежащие выражения; эти-то выражения процесса движения и жизни мы и называем общими законами природы, общими мировыми законами; но все же не имеем ни права, ни нужды заключать о существовании каких-то особых, отдельных, предположенных принципов жизни, в жизни проявляющихся, как думал покойный идеализм и думает воздвигающий его г-н Соловьев.

И как легко воображению создать эти принципы! Тут не над чем поработать, все так и выйдет, как из-под жезла чародея. Принцип жизни, принцип земли, принцип моря, принцип растительности, принцип животности, принцип

человечества, принцип нравственности — и все явления так и вытекают из своих принципов, так и создаются по своему абстрактному началу. Только, к сожалению, это объяснение ничего не объясняет и для действительности не нужно.

В обществе, говорит г-н Соловьев, «также есть своего рода законы, называемые принципами жизни, и вечное беспрерывное движение, выражающееся меною возрастов, мнений, лиц, поколений и т. д.»⁶

Об этом движении, об этой мене возрастов, поколений, мнений, о том, что обыкновенно называют историей рода человеческого или хотя бы отдельного народа, я и не спору, оно существует в действительности. В развитии этого движения мы именно и ищем законы исторической жизни, т. е. определения процесса этого развития, этого движения, идущего своим, роду человеческому свойственным, ходом, где одинакие причины ведут к одинаким последствиям, подобные обстоятельства к подобным результатам и новые прирастающие мнения и обстоятельства приводят к новым общественным отношениям.

Но где же помимо этого движения своего рода предположенные законы, будто бы называемые принципами жизни? Если г-ну Соловьеву угодно законы человеческого движения, исторического развития называть...⁷

НАРОДНЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ УЧИЛИЩА¹

Россия — государство преимущественно
земледельческое.

1.

Недостаточность народных училищ и необходимость новых деревенских училищ так очевидны, что этого не нужно доказывать.

Понятно также, что новые деревенские училища преимущественно относятся к крестьянскому населению. Следственно, земледельческий интерес не может не занимать существенного места в преподавании.

У нас же слишком много говорят о необходимости капиталов для усовершенствования земледелия и слишком мало о необходимости познаний о земледелии для его усовершенствования. Таким образом, поставив усовершенствование понятий о земледелии главной целью училищ, мы, конечно, привлечем к заведению их и землевладельцев и самих крестьян, и получим согласие самого правительства на размножение их.

При такой главной цели училища мы, без сомнения, должны ввести в преподавание все предметы, способствующие этой цели, и устранить по возможности предметы, для нее ненужные и которые, поглощая время, только мешали бы настоящим занятиям.

2.

Сколько бы ни желательно хороших помещений для школ, но мы не думаем, чтоб на первых порах были возможны большие постройки. Между тем почти у каждого землевладельца и при всех волостных правлениях найдется лишний флигель или возможное поме-

щение, которым и надо воспользоваться, избегая обременительных затрат.

Может быть, землевладельцы захотели бы учредить даровые школы, но еще лучше, если крестьяне согласятся тратить небольшой училищный сбор для покупки книг, инструментов, содержания училища, найма учителей и т. п. Сбор этот должен быть определен соглашением между участвующими в заведении и содержании училищ и потому в разных местностях может быть разный, и нет нужды к составлению единого повсюдного правила. Разумеется, пожертвования дозволяются.

3.

В самом начале не могут образоваться высшие классы и будет иметь место только первый класс, класс просто грамотности, но все же приспособленный к данной цели.

Будут ли в этом классе мальчики и девочки вместе или порознь — пусть это решают учредители школы где и как хотят. Может быть, по смешению возрастов у нас будет неудобно иметь мальчиков и девочек вместе; а между тем в училищах Северной Америки и в европейских киндергартенах* учение обоих полов вместе не имело никакого дурного влияния. Также образованные девушки захотят, вероятно, (с платою или без оной) быть преподавательницами, в особенности в классах девочек, а может быть, и в классах мальчиков или мальчиков и девочек вместе. Это увидится при заведении училищ.

Если для мальчика нужно развитие понятий о земледелии, то оно нужно и для девочки; известно, что крестьянская женщина участвует в полевых работах, а потом и домашнее дело земледельческой семьи, хотя бы печение хлебов, требует своей технологии.

4.

Весьма полезно было бы учредить при училищах в свободное время от уроков практические занятия, т. е. рабочие классы. Под этим я разумею: для мужчин — плотничество, столярничество — словом, всякое ремесло (портные, сапожники и пр.) и даже, где местные условия способствуют, всякое заводское и фабричное изделие; также для девушек

* детских садах (от немецкого Kindergarten). — *Ред.*

всякие женские рукоделия, особенно относящиеся к сельским потребностям. В местностях, близких к торговым рынкам, разумеется, училищные работы могут перейти за пределы работ, исключительно удовлетворяющих сельские потребности, а чтоб приохотить учеников и учениц к подобным работам, надо, чтоб училищный совет делил между ними барыши, от их работ происходящие.

5.

Теперь перейдем к распределению предметов ученья. Мы уже сказали, что, несмотря на предположение нескольких классов, в начале заведения училищ может существовать только один класс, просто класс грамотности. Из него уже через некоторое время могут составиться высшие классы, т. е. классы, где более подробно будут разъясняться сведения о земледелии и технологии.

В первом классе грамотности все преподавание заключается в учении читать, писать, считать и чертить (т. е. уметь по размеру начертить геометрическую фигуру, уметь употреблять циркуль). Если мы вспомним, как в земледелии важно знание межевания, то польза черчения будет для нас очевидна. Тут весьма удобно соединить преподавание арифметики с черчением, т. е. ввести графическое преподавание арифметики, как наиболее легкое и живое и наиболее идущее к нашей земледельческой цели. Для этого потребуются составить специальный учебник, который, конечно, не встретит цензурных препятствий.

Главный вопрос в первом классе — что читать, так чтоб не терять из виду цели земледельческого образования. И тут требуется составление новых учебников, где бы объяснялись понятия о почве, ее составе, отношении к воздуху, воде, свету и т. д.; такие учебники должны состоять из отдельных фраз так, чтоб ученики, учась складывать, уже запомнили бы что-нибудь полезное. Конечно, учебники должны иметь особенно в виду применение понятий к местностям. Когда же ученики умеют плавно читать, чтоб более заинтересовать их, не худо заняться составлением рассказов, повестей. (Напр[имер], повести Погосского).

6.

После этого может уже составиться второй класс. Здесь учебники должны уже состоять не из отдельных фраз, а

более подробных популярных объяснений начальных оснований физики, неорганической химии, геологии — в приложении к местности, ботаники — в приложении к лесоводству (где требуется) и к познанию кормовых трав и местных хлебных и медицинских растений. (Тут и в следующем классе нельзя терять из виду уничтожения диких врачебных предрассудков.)

7.

Третий класс был бы окончательным высшим классом. Здесь требовалось бы преподавание:

- 1) Оснований геометрии в приложении к межеванию на практике.
- 2) Более подробные объяснения из физики.
- 3) Земледельческая химия и теория земледелия.
- 4) История земледелия как дело, наиболее объясняющее и прежние ошибки и будущие улучшения.
- 5) Из естественных наук все, относящееся к цели.
- 6) Технология и популярное объяснение некоторых приложений механики.

8.

Богословие было бы слишком непонятно для возрастов, в которых все религиозное сводится на хождение в церковь и исполнение треб. Поэтому оно скорее может быть отнесено к ученикам окончательного класса и преподавание его может быть возложено на приходских священников, которые могут учредить лекции в воскресные дни.

9.

Распределение часов занятий не может войти в общую программу; оно совершенно должно соотноситься с местными удобствами.

〈О ПРОПАГАНДИСТСКИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КОММУНАХ〉¹

Мы — п человек — согласились приобрести землю в наше общее владение и обрабатывать ее собственными средствами на следующих условиях: 1) Мы приобретаем землю от продавца N в долгосрочный кредит, оставляя ее в залоге у продавца и уплачивая проценты и погашение капитала на основании равных паев.

2) Мы вносим каждый свой пай или приобретаем в долгосрочный кредит свободный капитал, уплачивая его на основании равных паев, для приобретения всякого рода земледельческих орудий, лошадей и пр., *также для найма рабочих.*

3) Смотри по местности, мы устраиваемся несколькими семьями в отдельных домах или каждой семьей отдельно.

4) Для детей мы устраиваем школу *, которой главная цель — техническая, для развития земледелия, избрав между собой учителей и учительниц. Если окрестные жители захотят присылать (за известную плату) своих детей в нашу школу, мы не отказываемся.

5) По мере надобности мы устраиваем на общий счет библиотеку и выставку различных инструментов, которые должны быть каждому из нас доступны.

6) Если местность позволит устроить какое-нибудь фабричное заведение, мы его устроим на тех же основаниях.

7) Выручку, которая останется сверх уплаты процентов и погашений, мы разделим между собою посемейно, смотря

* Следующие семь слов вписаны Огаревым карандашом над строкой. — *Ред.*

по числу нуждающихся, и отложим возможный процент для общего запасного капитала и домашнего кредита.

Примечания: 1) Покупка земли должна делаться исключительно в русских губерниях, приречных и довольно плодородных.

2) Покупка может быть близ деревни или сельца, но не села (для избежания поповского вмешательства).

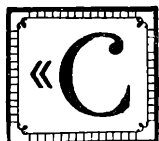
3) Если продавец сам будет членом товарищества, это не помешает, лишь бы он был совершенно известен².

С УТРА ДО НОЧИ¹

(Посвящено Тате)

Еще одно последнее сказанье,
И летопись окончена моя...
Пушкин.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. УТРО.

ветает. — Ах! Как скоро ночь минула...*
Лениво я смотрю на пробужденье,
И мысль ко дню еще не повернула,
Совсем вжилась в ночное сновиденье.

Толпились в нем враждующие лица,
Знакомые недавно и давно, —
И жизни прошлой путались страницы,
Мешаяся друг с другом за одно.

Еще хочу сказать, в спокойной встрече,
Наедине или в толпе их шумной —
Что с каждым днем мы были все далече
И разошлись в конец — совсем разумно.

Иных ищу — сказать: я виноват,
Я сделал зло, я оскорбил неправо;
Других ищу, кому простить бы рад
Порывы легкомысленного нрава,

Но все ушло... Я помню в сновиденьи
Все на меня как на врага глядели,
С улыбкою, возможной в озлобленьи...
Дыханье сперлось и уста немели.

Пора, пора! Рассей тревожный бред —
Не надо ни безумия, ни лени...
Скорее на ноги! На труд! На свет!..
С чего ж мне жаль покинутые тени?

* Лиза в «Горе от ума».

Совсем светло. Уже девятый час. Встаю. Камин давно затоплен. Кофий на столе. Это все очень приятно!

Но что за нелепый треск постоянно трещит в ушах, так что нельзя сосредоточиться ни на одной мысли?.. Должно быть, это мой сосед над головой; он целый день что-то передвигает и перетаскивает, так что у меня нервы болят. Нет! Это не он. Это на улице — мальчишка играет на барабане. О! моя великая Женева! Мальчишка лет тринадцати, который всякий день барабанит с восьми часов утра до обеда, и с двух часов до вечера! И говорят, что они очень заняты воспитанием и посылкою в школу своих детей! Что же выйдет из этого отрока? А какой у него серьезный вид! — Я думаю: сам Николай Павлыч никогда не мог так серьезно и так долго барабанить, а уж на что просевастополился!

Отчего же я не могу отворить окна и закричать этому мальчишке: «Перестань, дурак! Ты мне мешаешь!». Да вот не могу же — да и только. Оно, во-первых, опасно — он надо мной расхохочется и станет барабанить пуще прежнего...

Ну! а если я сойду на улицу и дам ему пинка, чтоб он перестал?.. Он имеет полное право сказать мне: «Ваше дело тихое, мое дело стукальное, но все также дело; зачем вы хотите вашим тихим делом мешать моему стукальному делу?» — Ведь, пожалуй, он будет прав! Кто из нас больше уверен, что делает дело — этого мы еще оба не взвесили.

Надо или отвести ему место барабанить — подальше от меня и от людей, тихо занятых, чтобы он нам и мы ему не мешали. Это было бы уравновесие принудительное. Или надо приучать слух ко всякой стукотне, чтобы человек мог спокойно писать и стихи и прозу и даже спать, живши возле кузницы, возле барабана, возле фабрики и пр. и пр.... Тогда мы бы именно об *этом* уравновесии и не думали и занимались бы только положительным экономическим уравновесием между всякого рода занятиями. Что ж мы учимся физиологии и патологии, если еще не можем применить их к такому богатырскому, свободному воспитанию слуха, который равно необходим, чтобы выносить жизнь и беспрепятственно внести в нее музыкальную струю?

Вы скажете, что я в тиши досужной
Моралью христианскую проникся
Со всею саможертвою ненужной,
Приятной только для большого икса.

Но, вы поймите, что моя мечта —
Уравновесие отдельных жизней,
Где сила всех была бы развита
И сила каждая не в тяжесть ближней.
Поймите: только с этою основой
Для мира общины, для жизни новой
Наступит век, понятия изменяя,
И нравственность становится живая.

Темно немножко?.. Статься может! Но ведь я еще стараюсь объяснить это в прозе. Мне нужны были рифмы, хотя бы наибеднейшие, лишь бы задача постоянно звучала в памяти.

Впрочем, обвинять меня в служении большому неизвестному было бы несправедливо. Я уже из ученических усилий по части алгебры заключаю о невозможности постановки какого бы то ни было неизвестного при бесконечном числе неопределенных данных и непостановимых или произвольных уравнений. Всякая попытка предположить подобное неизвестное мешает действительному труду. Отсюда и вера мешает знанию; да не только знанию, но и всякой свободной, справедливой и деятельной общественности.

Мое искомое гораздо определеннее. Оно не относится к фантастическому созданию личного или безличного мирового начала и управления, но к разработке из данных общественного быта возможности уравновесия экономических отношений между человеческими личностями со всеми его последствиями. Оно не может не привести к своему учению о нравственности, которое иногда может сходиться, иногда расходиться с христианским учением — это совершенно равнодушно. Живо только направление и движение; одно и то же, в разных направлениях представляет совершенно другое значение до противоположности. Угол, внешний с одной стороны, становится углом внутренним — с другой, а величина одна и та же.

2.

Но я сам чуть ли не уклонился в сторону. Я хотел писать мои *Cogitata et visa* *, сведенные на один день. А вот мальчик с барабаном меня опять увлек в слишком исключительные *Cogitata* **.

* Былое и думы (лат.). — *Ред.*

** Думы (лат.). — *Ред.*

Я даже хотел моему рассказу придать драматическую форму. Такое у него и заглавие водевильное. Но испугался. С драматической формой трудно сладить. Надо слишком многое сочинять, что вовсе не входит в мое предположение; а своей внутренней, своей лирической жизни совсем не выскажешь. Я даже потому испугался драматической формы, что — признаться сказать — она мне ужасно приелась. Даже последние драматические произведения русской литературы наскучили. То ли я состарелся и вкус потерял, то ли нельзя безнаказанно переходить из темного царства в тусклое представление — этого уже не знаю. Впрочем, всем нравится — стало и счастливо!

Я хочу просто, без всякой особенной формы, рассказать, что по бóльшей части в продолжение дня думается, делается, говорится, встречается. Тут придется и серьезное, и шутка. Я ничего небывалого не выдумую — за это ручаюсь. Но иное умолчу, потому что иное думается, а иное даже и делается, дурно. Защищаться и дурное выставить за хорошее я не стану. Признаюсь сразу в самом худшем: совершенно быть откровенным в дурном у меня сил не хватает. Может быть, я сам с собой и искренен, сколько бы оно ни было прискорбно, но что ж из этого?

Много бед устранилось бы, если б все люди вполне сознавали и сознавались в том, что делают и думают дурно. Мы уже не можем верить талейрановской фразе, что «la parole est donnée à l'homme pour cacher sa pensée»^{*2}. Мы просто знаем, что «l'homme a la parole pour parler»^{**}, а уже что каждый из этого сделает, — это его дело. Заметьте еще раз, что отсутствие уравнивания отношений, о котором я говорил, мешает не только искренности между людьми (одному надо своровать, другому надо спрятать — какая тут искренность?), но мешает даже и искренности каждого с самим собою; каждому хочется равно скрыть от себя действительно дурное по мысли или по поступку, как хочется скрыть от другого и это действительно дурное и все, признанное за дурное по существующему законодательству.

Нам трудно завоевать у правительств право гласности, потому что в частной жизни никого не тянет к искренности, т. е. полной гласности, в среде меньшего объема. Что ж

* Слово дано человеку, чтобы скрывать свою мысль (фр.). — *Ред.*

** Человек обладает словом, чтоб говорить (фр.). — *Ред.*

мудреного, что после этого гласность становится игрушкой в руках правительств и всякого сорта личных корыстей?

«Какой вздор!» — замечает во мне Тит Левиафанский³. «Кто-нибудь соблазнится при прочтении этих строк и начнет искренничать, т. е. пороть чушь невыносимейшую и требовать, чтоб она допускалась до слуха всех и каждого безнаказанно; или рассказывать, как он умывается, чешется и пр. и пр. Кому же охота выносить эту искренность?»

Я задумался. И в этом своя доля правды. Как же я сначала не подумал, что искренность девяти десятых сведется на всякого рода бессмыслицу? Однако никто не может мешать, с одной стороны, быть искренним, а, с другой стороны, не слушать. Да! Но это все в каком-то будущем обществе, а не теперь. Мудрено начать одному человеку мир новой нравственности, и именно потому мудрено, что этот мир уже не христианский и не может уединиться куда-то, вон из общественных отношений, которые становятся основой, развитием, целью, всем...

3.

Надо отдохнуть, т. е. походить по комнате из угла в угол, расходить мою больную ногу. Первое — погляжу на портрет Лизы, сделанный Татой. Я долго останавливаюсь перед ним; он мне так напоминает два любимых существа, что мне не хочется отойти от него. Но надо же идти дальше. Вот копия с портрета Галилея, сделанная Татой. Работа в самом деле превосходная; да и лицо превосходное — умное, твердое, спокойное... Что это должно быть был за человек! А вот, наконец, мой собственный портрет, когда мне было 13 лет. Портрет отвратительной живописи, а мое лицо меня оскорбляет еще больше, чем живопись. Татарский тип, в котором есть что-то лукавое и добродушное разом⁴. Откуда же тут было сложиться новой, энергической нравственности? Полжизни должно было пройти в страстишках и в скрывании, даже от самого себя, того, что думается и делается дурно! Надо было страсть понимания поставить выше всего остального, чтоб отделаться от этой присущей лжи, созданной природой и воспитанием. А это дело не легкое! Так ли я с этим совладал, как думалось? Едва ли! т. е. далеко не так!

Вот я и не могу отстать от прежней мысли. Мне столько в самом себе и в других ненавистно, что я не могу успоко-

иться. Мне гадко! Я не могу в самом деле ничего простить никому, начиная с самого себя. Мне становятся противными более девяти десятых личностей, а упование на общее колеблется. Я страдаю.

Что ж это такое? Опять байронизм? Опять мизантропия, которая идет из ничем не удовлетворимого героизма, из сознания собственной личной силы, восстающей против существующего порядка?

Нет! Это мизантропия другого рода, мизантропия, идущая из бессилия. Мы невольно должны отказаться от восторженного, почти напыщенного образа личной силы. С нею из старого порядка не выйдешь, как она ни являйся — в виде Стеньки Разина, Карла Моора, Каина, Наполеона I или Ротшильда. С нею человек действует, как дитя старого мира, будь то по озлобленности против него, или разделяя его страсти и корысти, но не имея действительной разумной цели... общественной. Для нас общественность нового порядка становится целью. Мы не можем рассчитывать на успех единичной силы. Мы можем рассчитывать только на сумму, на соединение сил, как бы размеры их ни были различны. Всякая обособленная сила — ханская, царская, императорская, диктаторская, атаманская — должна быть для нас ненавистна. Наша мизантропия происходит от чувства бессилия, от трудности или невозможности собрать отдельные силы в одну сумму, без чего мы не можем прийти ни к какой общественности нового порядка. А собрать отдельные силы в одну сумму*, т. е. собраться, мы можем только, когда большинство или по крайней мере замечательное множество убедится или поверит в необходимость спасения не то, что исторически нарощенных злоупотреблений, а своих отдельных действительных экономических сил и в необходимость создания их совокупностей, т. е. общественности.

Но сколько ни задумывайся над этим, непременно придешь к двум неизбежным заключениям, что для достижения означенной цели нужно: 1) теоретически — опре-

* Я не говорю о единой, всемирной, универсальной сумме отдельных сил, которую считаю географически и этнографически несоставимой и которая в самом дальнейшем развитии цивилизации не может принять иного вида, кроме установления правильных отношений между собою известных местных, уже определившихся общин, т. е. сумм отдельных сил, пожалуй, пазову: отдельных федераций (если названия, сохраняемые преданием, нужнее для ясности).

деление отдельной экономической силы и развитие следующего из ее понимания образования общественности; 2) практически — союз стремящихся к означенной цели людей между собою бессословно, людей, искренно отрехшихся от всякого барства, полубарства, четвертьбарства и т. д., да не ради ораторства, а в самом деле, потому что иначе невозможно сближение отдельных экономических сил, которых точка отправления в народе, и всякое барство, полубарство, четвертьбарство и т. д., несмотря ни на какое внешнее ораторство, будет всегда мешать настоящей точке отправления прийти в движение или продолжать свое движение в народе; а само к этому движению по положению останется неспособным.

Я и того от себя не скрою, что эти два вывода, которые едва ли требуют доказательства (а если требуют, то я над ними поработаю), эти два вывода сразу обдают целой сетью затруднений. Бедная мизантропия раздражается, настроение деятельности слабеет; бывают минуты отчаяния, от которых трудно отделаться. Но все же на этом останавливаться нельзя. Или ты работник в своем деле или ты дрянь. Даже самолюбие подстрекает освободиться от роющего горя и приняться за твердую работу.

4.

Серые облака по небу тянутся,
Зимняя сырость по улицам стелется,
Серыми кажутся стены домовые...
Окна — свинцовые, лужи — свинцовые,
Тополь безлистная, почва согнившая, —
Внутренно дума — седая, отжившая.
Дай — я окно отворю подышать:
В воздухе мягком — тепло, благодать;
Зимние виды — а веет весной...
Ты рассуди, что весна — рай земной.
Ведь не одно все и то же сказание —
Розы да бабочки, страсть да лобзание;
Также весна — и паханье полей,
Также пора удобрения и сеянья;
Всходы пойдут... Все живей и живей
Чувство работы и преуспеянья.
Серые облаки! Вот тут есть дело,
Что-то во мне — помолодело.

Эти стихи наводят меня на очень странную мысль: отчего мне вообще стихи (свои и не свои) стало читать скучно? Всякое чувство или мысль, олицетворенные в фантастический образ (хотя бы на манер древних), перестали быть для меня наслаждением. Все мне кажется утомительно натянутыми — не образами, а словами. Вся эта поэзия мне кажется каким-то салонным произведением, которое метит больше на снисkanie одобрения известной публики, а не производится внутренней необходимостью высказать свое поэтическое содержание. Я даже из этого не исключаю великого дарования Гейне. И главное дело, что тут всегда есть присутствие выдуманного и отсутствие искренности. Мне это становится больше утомительно, чем приятно. Просто выражение жизни, без всяких облечений в иносказательные образы или слова, но как что в ней есть, — изящно или оскорбительно, прямо по имени; мне кажется, что такое выражение жизни гораздо само по себе поэтичнее, чем все выдуманное и натянутое, как лайковые перчатки. Стихи нужны как своего рода музыка; но это несколько не вынуждает напряженных сравнений, неестественных красок, жеманной речи в каком бы то ни было смысле и неопределенности содержания. А эти недостатки всего чаще встречаются у всех поэтов, и с тем вместе встречается то, что всего вернее назвать праздномыслие. Конечно, все эти недостатки могут встретиться и без музыки, т. е. в прозе; но там они и не признаются за достоинства. Никто не сочтет достоинством, когда автор в прозе назовет глаза своей возлюбленной яркими звездами или скажет, что он звезды изучал по глазам своей возлюбленной; а с музыкой стихов оно производит будто бы великолепное впечатление. От стихов отречься невозможно, как от музыки; но можно ли прийти к действительной простоте речи, определенности и полноте содержания? Это вопрос!

Я не знаю, до чего достигнем мы; говорят, что каждый век имеет своеобразную поэзию. И действительно, мудрено отделаться от принятых, унаследованных привычек, направлений, манеры выражаться. Но все же точки зрения давно стали меняться, а с ними и впечатление окружающего мира стало иначе отражаться в понимании, а с этим вместе и манера выражаться требуется иная и, вероятно, стихо-

творство нашего нового поколения во многом потребует и иных форм, и иного содержания.

А я, сколько бы меня ни мучила задача будущего, я — потому что отживаю свой век — я останусь при старых формах и старом содержании; а от стихотворства все же не откажусь, оно слишком въелось в жизнь.

Мой стих от прошлых дней откажется едва ль...
Смотрю на выси гор, покрытые снегами,
А вспоминаю лес с пушистыми иглами
Или родную степь и снеговую даль
При блеске солнечном их яркой белизны
Или в лиловой мгле сияния луны.

*

И все минувшее на ум приходит вновь:
И образы родных, сошедших с переклички,
Любимых вследствие ребяческой привычки,
И дружба прежняя, и прежняя любовь,
И как живая мысль тайком росла из детства,
И как я не сберег отцовское наследство.

*

Не много в памяти храню я светлых точек,
И жизнь подернута враждебной дикой тьмой,
Где подволен я другими и собой
И не могу вписать прощенья тихих строчек...
Но все ж я сохранил — и веру только в знанье,
И мира нового заветное исканье.

6.

Сейчас мне попались в руки «Стихотворения Лермонтова», издание 1856 г. (Петербург, типография Глазунова и комп., издание такое глупое, какого я никогда не встречал; им, вероятно, руководствовал господин, который не понимает ни стиха, ни человеческого смысла; действительно, сделать эту оговорку я считаю обязанностью в честь Лермонтова⁵⁾). Несмотря на все ошибки издания, которые память мне помогала поправлять, мне перестало быть скучно читать стихи. Неужто же это только потому, что они русские? — Не думаю. — По крайней мере из всего, что

я с утра соображаю, этого не следует. Тут дело только в том, что я ни в ком другом не нахожу такого поэтически, лирически настроенного мозга. Мне трудно оторваться от его стихов, как от какой-то собственной страсти — хорошей или дурной — все равно, только никогда не солганной. А между тем что-то губит его стихи, даже в моем собственном сознании. А что такое их губит — это то, что сгубило его жизнь, сделав из нее постоянно бесполезное страдание, — это та общественная среда, в которой он вырос. Это та среда, которая даже все человечески хорошее сводит на личность; общий вопрос, какой бы он ни был — вопрос ли знания, вопрос ли общественного устройства, — теряется; если когда-нибудь случайно мысль касается его, то эта мысль лишена ясности, лишена понимания. Идеал один — это личность, поглощенная постоянным обращением на самое себя, замученная собственными неудавшимися страстями до того, что она жаждет отчуждения от всего, на все кругом смотрит как на виноватое перед собой и охотно умрет с проклятьем на устах, а между тем жизнь проходит безо всякой цели. Так, напр., поэт велит соседке, которая его разлюбила (на что, впрочем, имела полное человеческое право), рассказать всю правду о том, как он умер:

Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалея,
Пускай себе поплачет,
Ей ничего не значит.

Эта жесткость совершенно несправедлива, а между тем стихотворение так лирически, так музыкально великолепно, что я готов его перечитывать бесконечное число раз. Почему же мне это обращение к соседке кажется жесткостью, да еще несправедливою? — Да потому, что никто не в праве требовать себе любви во что б ни стало и оскорбляться, если ее нет, точно так же, как никто не в праве требовать себе любви пожизненной (или обычно у стихотворцев называвшейся вечной). Кто же из нас не знает, что ни один мужчина — будь он поэт или прозаик — любил на своем веку не одну только женщину и что ни одна женщина на своем веку любила не одного только мужчину; что если такой случай пожизненной любви и выдавался, то это, скорее, является как странное исключение, а вовсе не как какая-нибудь естественная необходимость,

за уклонение от которой та или другая сторона могла бы сулить друг другу мщение или наказание. Мысль о мщении или наказании за любовную измену тем менее была нужна для человека, который от веры в религиозный брак давно отрешился и который из всего религиозного, или лучше сказать мистического, вынес только один идеал демона, «не связанного земными узами и наказанного знанием».

Но почему же мне, так сказать сердцу, близки его стихотворения, если я с их основной мыслью не согласен? — Да потому, что они так изящно выражены, что их можно не только читать, их можно петь, да еще на совсем своеобразный лад. Из них каждое, смотря по объему, — или песня, или симфония. Вдобавок в них нет преднамеренной лжи, а между тем нет и сознательной правды...

7.

Впрочем, я не намерен вдумываться в литературные рассуждения; меня случайное занятие чтением стихов приводит к нелитературным, но с ними весьма соприкосновенным вопросам. Во-первых — что же это была за среда, которая сгубила жизнь такого сильного человека, быть может, самого сильного человека в русской поэзии, даже не исключая Пушкина? — Это была среда, выступившая на поприще жизни под гнетом николаевского времени. Вся помещичья и чиновничья сословность состроилась в какую-то систематическую силу, которой весь строй составлялся из личностей, живших каждая про себя, из различных способов ограбления народа, а у народа вследствие этого всякая личность терялась в подавленной общине. Община сама по себе заключала все данные для соединения личностей в ассоциационное владение землею и ассоциационное управление; но гнет и грабеж, производимый над ней сословными личностями, сводил ее на особенный строй рабства — и только. Без сомнения, Лермонтов не мог сочувствовать такому общественному построению, но ему неоткуда было взять идеала нового общественного порядка и самому нельзя было выйти из сословной личности, и он поневоле уходил в совершенно бесцельный, мистический скептицизм. Так эта гадкая среда и сгубила своего даровитого человека, сделав из его кратковременной жизни более постоянное страдание, чем действительный труд.

Во-вторых — все это приводит меня к другому вопросу: что же такое личность, т. е. в чем ее отношение к обществу, или, лучше сказать, к кооперации или просто к общине (пожалуй, по-польски: гмине)? Впрочем, я здесь не могу не заметить, что у нас, в России, ругательно обращаются только к социализму — название действительно слишком неопределенное и дающее вход всякой слишком сфантазированной системе; но как скоро дело обращается к факту, из которого социализм может вырасти, т. е. к общине или гмине, то у нас случается, что официозные господа начинают поддерживать общину или гмину, совершенно не желая понять, что тут разница (т. е. между общиной и социализмом) только в словах, а не в деле; что в сущности формы социализма могут быть разнообразны, а уже, конечно, не приведенные под один почти что казенный уровень, но что главная их точка отправления — это *общинное* (гминное) владение, а затем общинная производительность, общинное управление, а затем общинный склад всего народного быта. Если тебе это покажется темно, друг мой, то только пораздумай хорошенько. Мне кажется, что тут темного ничего нет.

Но вернемся к нашему вопросу:

Каким же путем мы достигнем до определения личности в отношении к общественности? А без этого нам очень мудрено идти вперед; без этого мы можем запутаться и погубить *свободу*, т. е. личность, в общине, т. е. *коллективности* (пожалуй, назовем: социализме), и придем опять к повторению старых устройств, которые складываются только в действительном деспотизме или в театральных представлениях свободных учреждений, которые в сущности равны тому же деспотизму, прикрытому разными игрушечками избирательства, парламентаризма и пр.

Роюсь в старых бумагах и нахожу начало одной статьи, которое вписываю сюда же для того, чтоб продолжать теперь же.

ЗНАЧЕНИЕ МЕНЫ И ЦЕПНОСТИ

А.

Наука общественного устройства (социология) все больше и больше сознает необходимость принять за свое существенное средоточие экономические (хозяйственные) отношения общества. Их действительное изучение равно

приводит и к оценке исторического развития, и к раскрытию ложных сочетаний современного общественного устройства, и к построению новых общественных сочетаний с преобразованием или исключением прежних.

Что касается до истории, изучение общественного экономического устройства может не только ставить перед собой частную задачу — вроде исследования различных экономических приемов какой-нибудь отдельной эпохи *, но оно должно критически разъяснить влияние неэкономических исторических явлений на экономические отношения в жизни народов. Оно должно указать, каким образом условия, посторонние экономическому вопросу, напр. условия административные и юридические, вытекавшие из родовых начал, племенных столкновений (завоеваний), религиозных верований и т. д., охватывали экономическую общественную жизнь, мешали ее правильному развитию, искажали смысл общественных отношений.

Оно должно указать в современной общественности присутствие тех исторических данных, которые вносят в нее последствия своих уклонений от правильного экономического уравнивания человеческих существований.

Но обращается ли изучение экономического общественного устройства к разъяснению современного положения общества или предшествовавшего ему развития, или к выводу новых необходимых изменений в общественных отношениях: во всяком случае надо иметь точку отправления, следуя от которой можно было бы приближаться к разрешению вопросов.

Такою точкой отправления может служить только: 1) явление не предположительное, но вполне действительное, составляющее условие, без которого никакая общественная действительность немыслима, иначе все дело науки перешло бы в туманную шаткость воображаемых отношений и построений; 2) это явление не должно быть отвлеченностью, но постоянно присущим фактом, нераздельным спутником (функцией) общественной жизни; 3) будучи разлагаемо на свои составные данные или подвергаемо следующему из него выводам возможных общественных сочетаний, оно должно представлять возможные ряды правильного (разумного) развития, уклонение (абберация) от которых оказывалось бы ошибками, производившими и производящими страдания

* Напр. книга Бекка о политической экономии афинян ⁶.

в общественной действительности; 4) это явление должно, естественно, состоять в необходимом, постоянном отношении со всеми остальными явлениями экономического и неэкономического свойства в человеческой общественности.

В.

Вышеприведенные требования заставляют спервоначала отказаться от некоторых любимых приемов в деле исследований, напр., выводить разрешение задачи с первобытных времен рода человеческого. Без сомнения, искомое общественное явление как явление нераздельное со всякой общественной жизнью, должно было существовать во время Адама и должно существовать в наши времена; но тем легче его усмотреть в положительно известной нам среде, чем в сказочных преданиях о первой семье, жизнь которой, как и все прошедшее, объясняется только под влиянием наших соображений — как и что могло случиться, — приравливая эти соображения к *нашему* пониманию человеческой жизни.

Также нельзя от физиологии индивида добиваться искомого явления, потому что оно прямо явление общественное; а до сих пор физиология отдельного человека точно так же не нашла в жизненных отправлениях организма условий, необходимо производящих общественность, как не нашла в изучении организма муравья необходимости стадной жизни. Стадная жизнь животных и человеческая общественность остаются простым наблюдением неотразимого факта, органически ничем не объясненного*.

Путем анализа, разложением общественных явлений на их составные данные, едва ли не возможно натолкнуться на отыскание их связи с жизненными условиями отдельного организма, чем наоборот, возведением физиологических данных на указание необходимости общественного склада. По крайней мере теперь физиология не имеет способов перешагнуть черту, с обеих сторон мешающую разрешению вопросов; а наука общественного устройства едва пыталась воспользоваться своими путями анализа, чтобы подойти к уяснению своей естественной связи с физиологией. Она или вращалась в заколдованном круге записывания

* Против этого абзаца рукой Герцена написано: «Слава богу, слава Вам. Да я только-то это и требовал от Саши и (слово неразборчиво)». — *Ред.*

современных отношений экономических, юридических, политических, возводя их на степень законности и истины (политическая экономия и пр.) или надрывалась в заколдованном круге создавания для будущего общественных отношений воображаемых, которые (исключая критики, уяснявшей недостатки собственно современного положения) оставались в книге и не переходили в жизнь (отвлеченные социальные теории). Встреча физиологии и социологии, где бы разрешались их смежные задачи, представляется весьма далекою; ни с той, ни с другой стороны содержание не исчерпывается до его пределов, и науки оставляют между собою непреодолимые промежутки или остаются при неуловимости переходов одна в другую. Вообще, мы находим больше запросов, чем разрешений; но во всяком случае та сторона, которая может обратиться к смежному содержанию с большим числом запросов, та скорее и вызовет к разработке и разрешению смежных задач.

Наука общественного устройства представляется наукою самую сложную, как наука самая позднейшая, завершающая и в цепи наук, и в цепи веков; точно так же, как и человеческая общественность — позднейшее и завершающее произведение известной нам природы. Поэтому наука общественного устройства не вносит в другие науки своих условий; между тем как другие науки вносят в нее свои условия, точно так же, как весь предшествующий строй в природе вносит свои условия в существование человеческой общественности, которая для нас и становится завершающим наслоением жизни. Разработка других наук, конечно, не менее трудна, чем разработка науки общественного устройства, каждая имеет свои трудные подробности, свой нескончаемый ход от выработанного к вновь возникающим неизвестным; поэтому главное средство науки для достижения действительного понимания своей задачи состоит не в каком-либо замкнутом собрании правил (годном разве для религиозного учения), а в возможно полной и определенной постановке задачи и способах развития от выработанных данных к разрешению искомого. Мы думаем, что наука общественного устройства, ставя исследователя в самую близкую, в самую доступную для него среду, ставит для него более доступным и наглядным дело самого исследования и наводит его на наиболее определенные запросы в области других наук — запросы, к которым его наука необходимо примыкает.

Мы уже сказали, что наука общественного устройства все больше и больше приходит к необходимости принять за свое средоточие экономические отношения общества. Таким образом, основная задача переходит из неопределенности слишком широкой постановки в пределы, яснее очерченные. Мы сводим постановку основной задачи на экономические отношения общества. Припомним прежде высказанные нами требования от того, что можно принять за точку отправления при изучении самого экономического мира, мы их дополним новым требованием, чтобы эта точка отправления заключалась в явлении, еще более определенном, более очерченном в своем содержании, чем то, что мы можем разуместь вообще под выражением «экономические отношения общества». Без сомнения, такое ограничение, ставя нас на почву более положительного вопроса, также не удаляет и от прежних требований, чтобы искомое явление давало нам способы идти обратно к отыскиванию сочетаний, из которых оно складывается, и идти далее к сочетаниям, вновь возникающим.

Мы не думаем, чтобы это отступление или предисловие было лишнее, и надеемся, что оно ближе наведет на истинную дорогу.

С.

Один из главных вопросов экономических сочетаний общественности, который во всем историческом ходе человечества нарушал всякую возможность уравновешания личных прав и возможностей труда (две задачи, которые сводятся на одно и то же), — это был вопрос о постановке единицы меновой ценности. На этой невозможности уравновешания возможностей труда меньшинство всегда захватывало и искажало не только жизнь ограбленного большинства, но даже самую науку, которая перевертывалась в ложь. Я не говорю о большинстве общего народо[на]селения земного шара, но о самой простой общине, где при всех статистических изысканиях определение народных сил не могло быть выведено. И по причине: сверху, т. е. у меньшинства, есть захват. Где же возможность определить единицу меновой ценности? Она определяется произволом этого меньшинства — не в пользу равновесия производительных сил, а в пользу захвата.

НАША ПОВЕСТЬ¹

(Посвящено русским студентам)

«Но я пророчу, не боясь,
Исполненный надежды смелой,
Что новый кряж взойдет у нас —
С стремленьем чистым, мыслью зрелой
И пусть посердит вас и вас,
Но жизни будущего целой
Блеснет в нем яркая звезда —
За тем и гнев ваш не беда...»

(Юмор, часть III, отдел первый)².

1.

Раздался гром севастопольской пушки, и вздрогнули сердца в Петербурге.
Реформа, говорят, реформа, реформа!
Дворянство — просит реформы, вольнодумствует.

Народ — хочет действительной свободы.

Купечество — служит молебны.

Царь — плачет от самообожания.

Давайте — железных дорог!

Давайте — школ народных и высших!

А между тем все побаиваются и, что ни день, все больше.

Народ боится и чувствует, что действительной свободы ему надолго не выйдет.

Дворянство боится, что вовсе разорится, помимо рабства и дарового труда, за который отдавало мужику мужицкую землю.

Царь боится, что для обрусения Польши не хватит немцев; что для податей не хватит низшего сословия; что развитие школ народных и высших слишком взволнует непечатые умы; что на развитие железных дорог не хватит бумажек — и мало ли чего еще боится?.. Так что невтерпеж самому себе постоянно казаться добрым. Придется кое-где ввести смертную казнь, кое-где продолжение мысленно

уничтоженных телесных наказаний; да вообще не уменьшение, а увеличение податей и всяких поборов с бедных людей; уменьшение только с богатых и невозложение на тех, кто вовсе не платит.

Почему так?

Что же делать? Необходимость! Необходимость — необъяснимая, но, известно, научная... или, если не научная, то ученая, что, впрочем, далеко не одно и то же.

Из этих исторических современных сопоставлений их существование становится весьма осязательным. То есть:

1) Народ при этих порядках действительного освобождения не получит. Оно невозможно при сословной отдельности и тем паче при сословно наложенном налоге, подушном и ином.

2) Дворянство придет в упадок.

3) Купечество постарается уменьшить свои повинности и увеличить, где можно, свои доходы; для этого оно и станет служить молебны, которые скорее ведут к правительственному покровительству, чем бы вело к нему действительное дело. Счастливо то, что у нас купечества мало, меньше, чем нужно для торговых возможностей края, и что, следственно, его дело при всяком действительном освобождении просится перейти на всех и каждого, без особых гильдейских налогов и без потребности заздравных молебнов.

4) Правительство все больше и больше станет одной рукой спускать с цепи, другой рукой прикручивать, а вместе с тем все больше и больше бояться растущих обстоятельств.

Так наша повесть началась во время оного; так с тех пор и продолжалась.

О будущности заключайте сами!

2.

Сначала было понятно, что освобождение крестьян, как скоро оно основано на выкупе себя на волю от помещичества и от казны, сразу не сочинишь. Вопрос сводился на то: нельзя же работать об освобождении годы в чиновничьих комиссиях, ничего не заявляя свету о своем великодушии. Это заявление великодушия тем больше было нужно, что для серьезных оценок — не только владения, но просто *права владения* — оценщиков, ни экономически, ни юридически подготовленных крестьянской жизнью, в чиновничьем мире найти было нельзя. Народ веками рос и

сходился между собой своим путем; чиновничество, смешанное с барством, своим путем создавалось правительством *. Хорошо было бы этим двум параллельным никогда не встречаться; но встреча когда-нибудь добровольная и дружная немислима. Но теперь вопрос в том: что же делать правительству, чтобы выставить свое великодушие, покамест чуждое народу чиновничество сочиняет народу волю?

Просвещать!

Следственно, спустить с цепи, хотя бы на одно звено, *гласность* и постепенно распространить в народе грамотность.

И вот начались *воскресные школы*.

Воскресные школы были приняты народом дружелюбно. Тогдашнее учившееся молодое поколение бросилось в учителя с искренним одушевлением, которое обычно называют фанатизмом.

В самом деле, чего лучше? Для юношества поприще до такой степени народное, до такой степени связующее его с народом, что оно носило в себе зачатки полного выхода из сословностей, полной преданности общинному (социальному) делу. Для народа внезапно открылась возможность обучения детей грамоте или науке, о которой он что-то соображал по слухам; обучения не по-церковному, а на самом деле, не для того, чтобы выучиться читать на языке, на котором никто уже не говорит и не пишет, кроме попов, от ума отрекшихся по обязанности, и кое-каких господ, от ума отрекшихся по охоте. Открылась возможность обучения детей грамоте или науке, применимой к самой народной жизни. Да еще вдобавок таким способом, что обучение не отрывало детей от домашней работы, от постоянного необходимого дела; а для самих детей становилось занятием-отдыхом, и вообще было дешево.

Для человека трудового чего лучше? Это был идеал, всегда таившийся и внезапно осуществленный.

Что же помешало?

Правительство испугалось.

Поповщина (не раскол, а православная) испугалась.

Купечество осталось равнодушным и не помогло народу своим заявлением.

* Заметьте: в имперской России и в олигархической Польше *подобно*.

Испуганное правительство и управительство (administration) тотчас принялись за дело: долой воскресные школы, в рассылочки учителей! Как можно больше привести обучение народа к одному знаменателю, т. е. к богословскому! Пусть его себе поет на клиросе с дьячками, а в остальном ничего не смыслит. Вот вам и завершение в постепенности просвещения народного!

На этом завершении, очевидно, остановиться нельзя ни правительству, ни народу, ни живым дрожжам учащегося юношества. Очевидно также, что чем дальше все пойдут вперед, т. е. с одной стороны, правительство и управительство, с другой стороны, народ и учащееся юношество, тем больше обе стороны примут друг другу противоположное направление, и тем больше два последние состава, т. е. народ и учащееся юношество, приходя к одному направлению, должны сближаться. Этому исходу никакое правительство не помешает. Он в природе вещей.

На этот раз, имея в виду один вопрос, именно вопрос учащегося юношества, мы едва слегка упомянем о других совершившихся происшествиях в течение «нашей повести», оставляя до иных случаев их более близкие разборы, которые, сколько бы ни казались повторением, не могут не прийти к слову еще не один раз. Эти происшествия тесно связаны с вопросом учащегося юношества, и не упомянуть их, хотя бы по имени, мы не имеем права. Вот они:

1) Недоосвобождение крестьян.

2) Восстание Польши.

3) Земские учреждения, плохо повеявшие монархической конституционной системой, едва ли понятной нашему под спудом с жаждой воли сложившемуся человеку, которого основная мысль: все или ничего.

4) Новые судебные учреждения, которые, несмотря на введение присяжных, настолько остались в руках чиновничьего мира, что с новыми формами невольно сворачивают на старую дорогу, т. е. лихоимство.

5) Новые цензурные учреждения, которые по крайней мере настолько же довели до недогласности, насколько крестьянское учреждение довело до недоосвобождения народа.

Помянувши эти явления, вернемтесь же опять к нашему вопросу учащегося юношества.

Мы сказали, что правительство и управление испугались, т. е. правительство-государь и управление-дворянство, смешанное с чиновничеством. Разумеется, и попы испугались, потому что попы — тоже своего рода дворянство и, конечно, своего рода чиновничество, следовательно, такое же своего рода управление.

Чего же эти господа испугались?

Да как бы в самом деле народ не выучился настоящей грамоте, да еще каким-нибудь реальным (т. е. точным, опытным, наблюдением доказанным) научным понятиям. А тогда мало ли что ему в голову взойдет действительно человеческого, даже не такого, что обычно под лаком за человеческое выдается высшим сословием.

Что же делать?

Разумеется, воскресные школы долой, но этого недостаточно³. Этим юношество огорчишь, пожалуй, но не исправишь.

Стало, надо само юношество втолкнуть в лакированную науку. И вот литература, составляющая прямое детище правительства и управления всякого рода, официозная литература принялась проповедовать почти что уничтожение реальных и размножение классических гимназий и прогимназий. Это значит изгнание всякого знания, применимого к народной жизни (на том странном основании, что такое знание может составлять потребность только немногих исключительных личностей)⁴. Затем замещение его филологией, т. е. даже не то, чтобы знанием истории, а больше толкованием литературы древних народов, которая уже ни к какой современной народной жизни не применима и именно может составлять потребность только немногих исключительных личностей. Вот и завели бесконечное число классических гимназий и прогимназий, куда отцы вынуждены посылать ребят за неимением других лучших заведений по близости. Да кроме того, отцы полагают, что тут само правительство покровительствует, стало быть, выгодно — ради карьеры.

Да и этого недостаточно. Надо везде усилить влияние начальства, особенно в этих опасных высших учебных заведениях, где направление по реальному науковедению так богопротивно усилилось⁵. Надо впихнуть в них своих стипендиатов, которых, кажется, легче образовать в свои чиновники⁶.

Затем у студентов являются потребности своих сходов, своих касс и т. д. ⁷

Что же это доказывает?

Доказывает, что ни правительство, ни управление, ни официозная литература, ни официозная профессура, несмотря на уничтожение воскресных школ, не могли уничтожить в учащемся юношестве ни направления по изучению реальных наук, ни сознания своей юношеской общинности, ни сознания своей однородности с народом, а уже, конечно, не с чиновничеством, не с управлением, не с правительством.

Доказывает тоже, что вталкивание правительством и управлением своих стипендиатов в высшие учебные заведения — сделает ли из этих стипендиатов, как говорится, в душе чиновников благодарности ради — это еще вопрос. Да едва ли? Таких благодарностей теперь не много создашь — не те времена. Становится лучше жить правды ради, чем ради благодарности.

Доказывает тоже, что елико возможное закрытие правительством высших учебных заведений или подведение их под управление военного ведомства также не будет иметь силы превратить юношество в чиновники: не те времена! ⁸

Все это доказывает только, что классическая интрига правительства, управления и официозной литературы и профессуры не приведет их ни к какому желаемому ими результату. Они дойдут только до того, что будут иметь вид нечестный, но смешной по целому свету.

А между тем теперь уже студентов разных высших учебных заведений человек с 500 пошло в рассылочку, человек с 50 остались в крепости. Дело еще не кончилось. Где оно совершается? надолго ли? по какой особой недогласности? Это нам неизвестно. Но во всяком случае оно падет на правительство укором и смехом, а юношества в чиновничью колею не повернет. Не те времена!

Предположим даже, что высшие учебные заведения закроют? Останутся только богословские и классические. Лучшего средства раздражить семинаристов и гимназистов нельзя придумать; следственно, и лучшего средства подвинуть реальную науку.

Без всякого сомнения, юношество найдет средство вне всяких учебных заведений устроить свои сходы для учения помимо официальной профессуры. И это учение,

конечно, не будет хуже. Даже из ученых лучшие люди больше чем охотно, страстно придут на пособие, если они не чиновники.

Забывать своей близости с народом учащееся юношество теперь уже не может. Не забудет оно и того, что извозчики отстаивали студентов от полиции⁹. Что же, это было в самом деле из-за того, что подчас студенты ездили на извозчиках? Нет! Из-за такой причины извозчики еще побоялись бы подвинуться. Тут было сочувствие пехтуры по положению, а уж вовсе не скаковое и уже, конечно, не польское.

Учащееся юношество высших сословий все больше и больше сблизится с народными потребностями, потому что все больше и больше разойдется с отцами и надобностью в их разоренном имуществе. Учащееся юношество низших сословий все больше и больше почувствует себя на своем месте, т. е. орудием распространения в народе действительных знаний.

На этом зиждется и сочувствие народа и юношества: народная жизнь и опытная наука довершают друг друга. Пока опытная наука не будет иметь той практической шири проповеди и применения, какая дозволена религиозным школам — немецким и православным, — до тех пор и народная свобода невозможна.

Очевидно, применимая к жизни наука и народное развитие — друг от друга отстать не могут.

Учите народ по-церковному — и у него вся производительность, начиная с паханья полей, может остаться века вечные в одном и том же жалком положении. Не подвинется даже его понимание о возможностях голода и о возможностях предотвращения голода обработкой полей, или сбережением, или распределением подвозов. И народ очень хорошо знает, что церковная грамота ему не поможет ни в чем, и народ примет всякое опытное знание охотно, да еще внесет в это знание дополнение своей особой, местной опытности.

Правительство думает, что оно невежеством народа, его принуждением знать только ненужности успокоит народные требования, и не замечает, что оно прямо ведет народ к волнениям, потому что все положение становится более невыносимым.

Только опытная наука может служить дополнением народной жизни; только народная жизнь может дать новое

движение опытной науке. Мы здесь не думаем говорить, чтобы народ или наука 'остановились, напр[имер], на сельском хозяйстве. Войдя в сношение, они необходимо должны искать определения всех человеческих отношений, всего общественного строя.

Определение общественного строя, конечно, составляет самую сложную из опытных наук. Здесь ни жизнь, ни наука не могут остановиться только на определении совершившегося обстоятельства; здесь и жизнь и наука должны постановить и осуществить новое общественное отношение, основанное на новом требовании и новом различном определении и большей частью противоположное существующему порядку вещей.

Здесь жизнь чаще всего идет вперед науки и ставит свои требования раньше какого-либо научного определения. Какое, напр[имер], научное определение заставило половину крестьян северных губерний или балтийских эстов требовать права переселения; к этому требованию привел их голод, и, конечно, так научный разбор обстоятельств мог стать только со стороны народных требований, а не со стороны стрелявшего в народ храброго воинства, принявшего на себя обязанность тайной и явной казенной полиции ¹⁰.

Мы и теперь убеждены, что учащееся юношество настолько знает высказанную нами правду, что при всех ныне неизбежных движениях народных, оно, мало того, что вспомнит, как извозчики стали со стороны студентов против полиции и почувствовали в себе ту правду, которая невольно пробудила мозг каждого весьма неученого извозчика, но учащееся юношество во всяком случае, естественно, станет не со стороны полиции, а со стороны народа и, наверно, к народному вопросу не останется равнодушным.

Этим убеждением мы на этот раз и заканчиваем.

⟨ОТВЕТЫ НА СТАТЬЮ ГЕРЦЕНА
«МЕЖДУ СТАРИЧКАМИ»¹
(ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ ПИСЕМ
«К СТАРОМУ ТОВАРИЩУ»)
И НА БРОШЮРУ БАКУНИНА
«ПОСТАНОВКА РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОПРОСА»⟩

⟨ПЕРВЫЙ ОТВЕТ 10—17 мая 1869 г.²⟩

1.

Вообще человеку очень мудрено * втолковать что-нибудь, о чем этот человек думает иначе. Тут есть, действительно, физиологический процесс, о котором столько говорят общими местами и которого никто не хочет принять в расчет, как скоро дело доходит до дела. Мозг ничего не вырабатывает произвольно, а всегда вырабатывает результат соотношения принятых им впечатлений. Следственно, если впечатления у одного разнятся от впечатлений у другого на какой-нибудь дифференциал, то дальнейшее развитие соотношения впечатлений и результата, из них выводимого, т. е. постановка и дальнейшее развитие уравнения (которое есть единственная форма мозговых действий) может разойтись у одного от другого на расстояние, невозможное к совпадению.

В этом вся мудрость доказательства, доходящая почти до тщетных усилий.

Каждый отдельный мозг вследствие наращеня в себе своих впечатлений встречает от них уклоняющиеся новые впечатления или вовсе мимоходно, или не с достодолжной емкостью, или совсем отрицательно (т. е. враждебно). Отсюда каждый человек убежден или предубежден, что он прав, что положительно не может быть доказано, даже в таких абстрактных специальностях, как математические построения (теория Тихо де Браге также была построена на математических построениях, как теория Галилея); и потому действительное признание истины требует новых

* Далее зачеркнуто: «доказать». — *Ред.*

мозгов, не увлеченных предыдущими впечатлениями. На этом даже зиждется знаменитое историческое развитие или прогресс <...> * случаев (не лишенных своего особенного объяснения), тут нечего заподозривать друг друга (на манер преимущественно русских, но также и иных писателей) в преднамеренности, в фальши, в предательстве и т. д.; я не приступлю здесь ни к какому развитию этого вступления, потому что, по моему предположению, эта записка должна быть чрезвычайно коротка, и потому приступлю прямо к делу.

2.

Прежде всего обращаюсь к тебе, Герцен, как к моему не только первому, но единственному другу, и к твоей статье «Между старичками», которой ты меня попрекаешь, что я ее нашел *замечательной*, а в сущности ** с ней не согласен. Я и теперь, по прошествии *** времени, достаточного для того, чтоб человек мог одуматься, я и теперь нахожу ее *замечательной*, но это нисколько не обязывает меня соглашаться с тобой или с Бак[унины]м. Мало ли что на свете замечательного, что остается вне того направления, которое вырабатывается в моем мозгу. Поэтому позволь мне, оставляя в стороне всех литературных мулов, обратиться именно к тем пунктам в твоей статье, которых я не могу принять за непогрешительность, т. е. за истину³. Ты говоришь:

«Экономические промахи не то, что промахи политические, они ведут прямо к разорению, к застою, т. е. к голодной смерти. Серое время наше — именно время изучения и поверки; оно совершенно естественно предшествует работе осуществления, как теория паров предшествовала железным дорогам. Прежде дело хотели взять грудью, усердием и отвагой, шли зря и на авось, куда дошли, ты

* Здесь обрывается рукопись Огарева, вклеенная Герценом в автографический текст «третьего письма» «К старому товарищу»; в ней отрезано еще несколько строк текста — начало последнего абзаца (главки 1-й). Остальная (большая) часть рукописи Огарева (от слова «случаев» до конца) находится в ОРГБЛ — ф. Г. — О. VI.40, причем первые два абзаца — до слов «за непогрешительность, т. е. за истину» — зачеркнуты карандашом. — *Ред.*

** Далее зачеркнуто: «будто». — *Ред.*

*** Далее зачеркнуто: «небольшого». — *Ред.*

знаешь. Мы видели своими глазами грозный пример кровавого восстания, бессмысленно сошедшего на площадь в минуту отчаянья и гнева и спохватившегося на баррикадах, что у него нет знамени. Такого восстания больше не будет, и если новые люди снова должны идти боем против препятствий, они пойдут, *зная, куда идут, зная, что ломают и что сеют*».

Что ты называешь *экономическими* и что *политическими* промахами, я этого здесь в смысл не могу взять. Когда это *политические* промахи не вели к *экономическому* разоренью? Такого примера ты в целой истории не отыщешь — возьми какое время хочешь: наполеоновские ли неудавшиеся войны, глупая ли оппозиция Англии против освобождения Северной Америки, избрание ли диктатора в Риме, междоусобия ли славянских князей и пр., и пр., — все вело к остановке экономического развития и к экономическому разорению — разница промахов может быть только количественна, т. е. разорение было побольше или поменьше, смотря по общественному значению политического промаха.

Где же, наконец, эта граница между политическим и экономическим промахом? Община пренебрегла запасами для посева * — следствие: голод; тут промах экономический. Община пренебрегла выбором своих старост и десятских, — все работы стали от дурного заведывания, дурного распределения труда и материала — опять голод; тут промах политический.

Как же в вопросе экономического построения общества, который включает в себя все интересы хозяйственные и все отношения общественной жизни, как же тут разграничить экономическую и политическую задачу, которые неизбежно одна в другую переливаются и которых разделение немислимо? Нельзя же для разрешения реальной общественной задачи брать основание, которое только вертится на неопределенных словах.

Наконец, чтоб окончить эту маленькую (но в сущности очень великую) тему, что такое *теперь политическое* построение? Это сословное построение, т. е. совершенный экономический промах. Что такое *теперь экономическое* построение? Это — идеал будущего, это народное, бессловное построение. Где же ты тут найдешь реальную,

* Переделано из: «забыла запасы семян». — *Ред.*

т. е. разумную, границу между этими двумя задачами? Они нераздельны *. Только для постановки экономического дела надо, чтоб *это* политическое построение сошло с места и оставило жизнь вырабатывать политическое построение новое, экономическому делу сообразное. Ты же становишься на точку зрения Сен-Симона, Овена, Фурье **, которые требуют теории и потом ее осуществления наподобие тому, как теория паров предшествовала железным дорогам.

Ты забываешь, что теории паров предшествует их существование, точно так же как действительному общественному экономическому отношению, т. е. политическому экономическому отношению, должна предшествовать возможность существования экономического отношения. Заметь, что пары и общественное отношение — дело немножко специально различное. Поэтому, когда факт не существует, т. е. экономическое построение общества, то извлекать из него теорию и прилагать ее к новому политическому построению общества нельзя ***.

Требуется прежде всего разрушение существующего политического построения: иначе экономическое основание политического (т. е. общественного) построения не может иметь места. Заметь также, что то, что мы страшно неопределенно привыкли называть *социальным* **** и преклоняться перед названием, — оно-то и есть политическое построение на экономическом основании. Заключение ясно: прежде разрушения старого политического построения *****,

* Надписано над зачеркнутым: «скорее слиты». — *Ред.*

** Ранее было: «ты же больше всего становишься на точку зрения Сен-Симона, Овена, Фурье и пр.». — *Ред.*

*** Этот абзац от слов: «Ты забываешь...», надписан над густо зачеркнутым, трудно читаемым текстом: «По-моему, саго тiо, это и называется говорить о том, чего не понимаешь. Во-первых, все теории пропадали, потому что были дело сочиненное, а не результат факта. Следственно, тут становится вопрос, что идет вперед — факт или теория? Вопрос, кажется, разрешается довольно просто: теория, хотя бы и самоуточненная, не может быть применима, когда она не есть результат действительных потребностей той среды, куда она метила примениться, а если может, — другого рода дело. Не говорю, что это очень мудрено узнать, но главное тут <не> в том, что в некоторых данных можно ошибиться, но можно ошибиться в совершенно другом — это в том, насколько факт можно поставить как факт, а не как простое брожение фантазии. Об этом мы и поговорим». — *Ред.*

**** Вплотную возле слова рукою Герцена: знак №. — *Ред.*

***** Надписано над зачеркнутым: «основания». — *Ред.*

основанного на сословности (т. е. на *экономическом промахе* *, как ты очень хорошо выразился **), новое политическое построение на экономическом основании невозможно.

Какой будет ход истории — этого я не знаю, да едва ли кто и знает больше моего. Будет ли это *постепенность*, которая приведет к политической организации на экономическом основании через 5 000 лет, или революция за революцией, которые обработают это дело лет в 200, — этого мы ничего не знаем. Я знаю одно, что со стороны *оной постепенности* я стать не могу, потому что *эта постепенность* могла бы быть в самом деле чем-нибудь, если бы она явилась в форме математического (арифметического) расчета, в форме вычисления ежегодного приращения некоторых развитий — положим даже, порядком геометрической прогрессии, — которое должно дать через столько-то лет такой-то результат. Но мы по такой методе еще не умеем рассматривать даже истории прошедшего, а уже истории будущего и коснуться не можем. Поэтому вся точка зрения постепенности приводит нас только к абсурду. Да, я и не знаю, Герцен, когда ты был ее сторонник?

Во всей истории прошедшего (есть постепенность или нет ее — все равно) революция оказывается постоянным явлением, так что можно на целую историю взглянуть как на ряд неудавшихся революций ***. Следственно, заключение одно, что это явление имеет свою *causa sufficiens* **** в жизни. И действительно, мы видим, что обычно революция выражает собою не то, чтобы люди знали, куда они идут; это так же невозможно, как какое бы то ни было предсказание; но люди положительно знают, откуда они уходят, и сознают, что обстоятельства сложились так, что уход становится необходимостью. Этот-то уход от прежнего, от существующего в иное отношение и есть революция; укорять ее тем, что она не удалась, нельзя; тут слишком много факторов по плюсу и по минусу, чтобы сразу

* Рукою Герцена: «Нет, сословность не промах, а возраст. Первые зубы — не промах, а выпасть должны». — *Ред.*

** Надписано над зачеркнутым: «назвал». — *Ред.*

*** Воспроизводим черновик этих строк: «Во всей истории прошедшего [революция] (есть постепенность или нет ее—все равно) революция оказывается [является как] постоянным явлением [следственно, в жизни она имеет свою *causa sufficiens*], так что можно на целую историю взглянуть как на ряд неудавшихся революций». — *Ред.*

**** Достаточную причину (лат.). — *Ред.*

верно поставить формулу. Между тем ждать осуществления теории, ничего не делая и ничем не рискуя, тем больше нельзя, что самая теория, если она не осуждена остаться в форме фантазии, может только явиться, когда уход совершился, когда революция совершилась и обстоятельства требуют постановки новых отношений между людьми, на новом основании, но на этот раз возможных уже не в форме фантазии, а в форме результата совершившихся обстоятельств.

Я думаю, далее, теперь распространяться нечего. Мы расходимся немного, Герцен: вся разница, что ты требуешь выжидания осуществления идеала; а я требую результата совершившихся * движений.

⟨3⟩ **

Теперь обращаюсь к тебе, Бакунин, чувствуя, что расхожусь с тобою совершенно противоположным образом.

Ты в «Постановке революционного вопроса»⁴ хочешь навязать народу движения, которых нет, движения, которые являются как *** частные уходы от бед и преследований и от этого и в прежней России не удались, что не могли никогда дойти до ношения в себе общего дела, общего вопроса, общей переделки. Также не могут удаться и в современной России. Удаться могут только движения, которые пойдут не в лес, а на сельские площади, которые будут знать, чего требуют, которые даже если и пострадают, то зная, за что. Времена кочевья, разбоя и т. д. проходят. Если в России **** требуются переселения, то они не выражают ни кочевья, ни разбоя; они требуют осуществления новой народной свободы и нового экономического построения *****. Кочевье осталось в Азии как форма степной жизни; разбой остался в России как частный случай. Чего же ты хочешь от подобных форм? Они — вне народных требований.

Ты говоришь: «мы, разумеется, стоим за народ». Кто это *мы*? Прежде всего надо, чтобы народ нас признал за своих.

* Далее вписано карандашом и вновь зачеркнуто: «или совершающихся». — *Ред.*

** В рукописи Огарева здесь ошибочно повторена цифра «2». — *Ред.*

*** Слова: «являются как» вписаны карандашом. — *Ред.*

**** Слова «в России» вписаны карандашом. — *Ред.*

***** Надписано над зачеркнутым: «склада». — *Ред.*

Народ не требует разбоя. Это неправда. Правда тут только, что народ покровительствует преследованным *. Народ требует права переселений, которое — действительный результат его экономических понятий и большее их расширение. Право переселения постановляет не частную поземельную собственность и продажу земель (что до сих пор утверждало правительство), но постановляет общественную поземельную собственность и меновую единицу поземельного владения. (На сию минуту эту тему развивать некогда; через неделю или две подготовлю.) Были бы силы, я бы охотно пошел с мужиками на переселение куда бы то ни было; но не на основании братства, которое мне уже надоело своей неосуществимостью в христианском мире, а на основании переустройства поземельного владения, которое гнездится в русском понимании, потому что так земля сложилась.

На чем же мы сойдемся, мои старички. Если уже ни на чем нельзя, то на том, чтоб оставить каждого делать по-своему, без всякой вражды и притязания. Кто прав, покажет неотдаленная будущность.

⟨ВТОРОЙ ОТВЕТ. Конец мая 1869 г.⟩

МЕЖДУ СТАРИЧКАМИ **

· (Второй ответ старому другу)

Allez en avant, et la foi vous viendra.

D'Alambert

(cité par Cournot dans «L'origine et les limites de la correspondance entre l'algèbre et la géométrie») ***.

Без сомнения, твой эпитафия из Бентама совершенно верен: «Одни мотивы, как бы они ни были достаточны, не могут быть действительны без достаточных средств». Следственно, весь вопрос в том, каким образом приобретаются средства?

* Фраза: «Правда тут... преследованным», вписана Огаревым карандашом. — *Ред.*

** Сбоку рукой Герцена, карандашом написано: «Письмо второе». — *Ред.*

*** Идите вперед, и вера к вам придет. Д'Аламбер (цитируется по Курно в книге «Происхождение и границы соответствия между алгеброй и геометрией») (фр.). — *Ред.*

Далее ты говоришь, что «экономически социальный вопрос становится теперь иначе, чем он был двадцать лет тому назад. Он пережил свой религиозный и идеальный возраст так же, как возраст натянутых опытов и экспериментаций в малом виде...».

Эти два положения совершенно нераздельны. Именно, когда идеальный возраст прошел, именно тут-то и требуется приобретение средств к практическому созданию экономически-общинного (социального) положения, которое не то, чтобы было следствием одних мотивов, одной предначертанной теории, а напротив того, само ставило бы мотивы, которых произведением, которых результатом была бы новая общественность.

«Следует ли толчками возмущать творческую тишину внутренней работы, инкубации, непрерывной, неуловимой?..»^{*б}.

Я не вижу в историческом ходе рода людского этой непрерывной^{**} неуловимой инкубации. История шла гораздо больше борьбой и прыжками, чем творческой тишиной внутренней работы. Контовское деление на эпоху теологическую, эпоху метафизическую и эпоху позитивную (положительного знания или понимания) может нам очень нравиться, но, если ты на историю взглянешь совсем позитивно, где ты найдешь по части сознания «от начала века» что-нибудь, кроме перемешанных теологий и метафизик рядом с общественностями, едва с ними связанными, то пережившими старую мысль, то недожившими до новой. Позитивное знание только теперь начинается и должно вести к своей особой, так сказать, небывалой методе, которая и теперь еще неясно установилась.

Где ты найдешь хотя <бы> в древнем мире что-нибудь, кроме перемешанных теологий и метафизик? Гомеровские боги, существующие рядом с развитием аристотелевской метафизики! Римское право ты, конечно, не примешь за положительную философию. Оно представляет самую сложную и сухую метафизику^{***}.

* Против этого места, на листе 8, рукой Герцена: «Может дурно сказано — следует «очевидной», «явно-брачной», «не подлежащей сомнению». — *Ред.*

** Слово «непрерывной» подчеркнуто Герценом и на полях его замечание: «Я не говорил о непрерывности, а говорю о теперешней минуте». — *Ред.*

*** К этому и предыдущему абзацу относится примечание Герцена: «Все это очень хорошо, но относится к Вырубову, а не ко мне». — *Ред.*

Возьми эпоху пообширнее, т. е. древний мир и христианский мир. Что же вносит после аристотелевской метафизики и метафизики римского права христианство? Новую теологию — и только. До чего же это доработалось человечество в несметном количестве веков? Махитит до немецкой метафизики и, наконец, до метафизики Конта, которая только приводит к тому, что основы положительной науки находятся в опыте и изучении природы. Это один из ее действительных результатов. Но самые основы этой положительной науки едва-едва постановлены, едва начинают быть возможными, потому что опытному изучению еще далеко до ясности. Решительно, положительная постановка вопросов едва начинается, а в прошедшей истории есть везде только ее зародыши, специальные попытки, за которые общество казнило специальных тружеников — (и то я говорю только о математиках и естествооведах, т. е. о людях, которые невольно гнули к атеизму в противность богословию; сюда я причисляю и астрономов, начиная с Коперника, а вовсе не говорю о политиках, которые всегда танцевали между некоторыми убеждениями и невольно добирались до идеалов Макиавелли и Талейрана, из которых ничего нельзя вывести; это люди, отделяющие понятие от дела, мысль от поступка, общественную цель от современного положения до такой параллельности, что, оставаясь сила в их руках, положение данного времени никогда бы не могло измениться и приблизиться к новой цели).

Но общественность не могла не иметь целей, и положение данного времени не могло не изменяться. Каким же образом вырывалась сила из рук этих людей, которые не хуже других понимали общественные цели, но удерживали положение данного времени? Вырывалась ли она достигнутым до возможного предела развитием сознания (или проще сказать: знания или понимания) или противопоставлявшейся иной силой, которая, если брала верх, то ставила новые общественные отношения и складывалась в новую общественность? Будь то Петр I или Конвент, а все же не тишина внутренней творческой работы.

Я не вижу в истории ни одного примера такого развития понимания *, которому властвующее меньшинство усту-

* Рукой Герцена, карандашом сбоку: «Да и понимания истории вовсе не было». — *Ред.*

пало бы добровольно. Подвинулись ли мы в 1869 году настолько, чтобы развитие народного понимания могло идти как координата с народным терпением? Или прежде должно лопнуть народное терпение * (не дошедши еще до совершенного понимания нового общественного склада), но приобретая силу в борьбе, чтобы поставить обстоятельства народного склада в новые отношения и уже *de facto* ** создать из них новое общественное устройство?

Избежна эта метода исторического развития, которую ты можешь проследить от начала века или еще неизбежна? That is the question ***.

В конечных целях мы расходиться не можем, как ты сам это сказал. А конечная цель развития человеческой общественности — это, именно, прийти к тому положению, к тем отношениям, где движение развития могло бы совершаться так, чтобы сознание и вследствие одного изменение в отношениях могли бы идти как координаты. Дошли ли мы в 1869 году до такого развития? Нет! Следственно, мой «That is the question» остается в полной силе.

Я думаю, что ответ, который я теперь предложу, не будет иллогичен: какие бы ни были вспышки, каждая вспышка станет новым запросом на пересоздание общественности, который без этой вспышки, хотя бы вспышка и рухнула, не проснулся бы ****. Может, надо для достижения результата число вспышек, которого мы определить не в состоянии; но помешать мы им не можем, так как не можем помешать необходимости, опытом нами изученной в историческом ходе судеб. Что же нам остается делать? Помогать им по мере сил.

Это мы обычно и делали. В юности лет именно потому, что *die zerstörende Lust ist eine schaffende Lust* *****; в старости лет, потому что мы исторических пружин стереть не в состоянии; мы не в состоянии своротить ход исторического развития исключительно на научное развитие, которое одно

* Отчеркнуто Герценом и сбоку его рукой написано: «И то и другое — в взаимодействии». — *Ред.*

** Фактически (лат.). — *Ред.*

*** Вот в чем вопрос (англ., Шекспир, «Гамлет»). — *Ред.*

**** Сбоку слова Герцена: «Люди могут очень задерживать (с хорошей и худой целью) вспышки и пихать на них *à la Mazzini* [подобно Манцини (фр.)]. — *Ред.*

***** Страсть разрушения есть творческая страсть (нем.). — *Ред.*

и может выражать ту тишину творческой работы, о которой ты говорил. Если человечество когда-нибудь может достигнуть этого предела своего развития, где знание и общественность получают движение координат, то его спокойная творческая работа только начнется с одной минуты, но теперь оно его еще не достигло. Сила знания и сила выживания остаются раздельны. Наука не составляет такой повсеместности, чтобы движение общественности могло совершаться исключительно на ее основании; наука не достигла той полноты содержания и определенности, чтобы каждый человек невольно в нее уверовал. Между тем сила выживания исчезает в общественном страдании, и общественное движение становится необходимостью. Что же делать?

Естественный путь: общественные движения, общественные перевороты, на некоторый процент изменяющие общественные отношения, и, даже если переворот не удастся, все же он изменяет отношения настолько, что самую науку общественности ставит на новую почву и дело подвигается. Вы меня спросите — куда? — Да, во-первых, все к той же общей цели: достигнуть предела развития, где знание и общественность могли бы стать в отношении координат и где становится возможна спокойная внутренняя работа человеческого движения. «Allez en avant, et la foi vous viendra» *.

К сожалению, все перевороты в роде человеческом были и могут быть только местные; общий переворот в роде человеческом немыслим. Общий переворот может только обозначить сумму местных переворотов. В этом факте своя огромная доля неудач. Но вместе с тем в этом факте заключается условие, вследствие которого местный удачный переворот может в данное время выработать только свою местную новую общественность. Поэтому социализм теоретичный, социализм всеобъединяющий, будь он Фурье или Гракха Бабефа, — не приложим. Реальная почва только и может быть выдвинута посредством реального движения, покамест общая цель, о которой я говорил, не достигнута. Реальное движение может быть только местное и в случае удачи социализм, созданный на новых реальных отношениях, на новой реальной почве **, может

* Идите вперед, и вера к вам придет (фр.). — *Ред.*

** Рукою Герцена против этих строк: «Без сомнения». — *Ред.*

быть только своеобразный, а несколько не единый. Дело науки будет принять сумму и сопостановку различных общин, построившихся на различных реальных почвах, под свое ведение.

Мне кажется, что из этого достаточно ясно следует, что никакая предвзятая социология не построит никаких местных общин и никакой социальной общественности*.

Я заключаю на этот раз тем, что я несколько не думаю, чтобы какая-нибудь предвзятая социология могла построить общины, будь то в России, где их корень в крестьянстве; будь то на Западе, где их корень в городских кооперациях. Реформа постепенная остается неудачною или потому, что она выходит из предвзятых социологий, или потому, что она неискренна и ведет не к цели народных желаний, а к целям правительственного меньшинства. Это оказалось при всех русских реформах (о чем я писал начиная с разбора манифеста об освобождении крестьян), да и в других странах оказывалось подобное. Таким образом, неудача постепенных реформ вызывает революцию как неизбежность. Революция, смотря по обстоятельствам, действует путем сделки или путем террора. Возможны ли в современных движениях пути сделки или нет — это уже доказывают гревы**;

но во всяком случае террор является не побуждением мести, а невольным делом перестройки.

Тут я также не могу не прибавить, что во всяком случае в русском деле и в западном революция не то, что уничтожит всякое право собственности (даже на штаны), и не то, что уничтожит всякое право на наследство (хотя бы штанов), а постановит по-своему отношение личности к коллективности, из которой постановки определяются количеством и качественно иначе права передачи вещей одним лицом другому. Предначертать этого при современном постоянно задерживающем строе — невозможно. Поэтому постепенная реформа является *de facto**** постоянным вызо[во]м на революцию.

* Здесь Герценом сделано следующее примечание: «Роли изменились: я тебе именно это доказывал, или в том же роде при Мерч[инском]; у тебя тогда была какая-то алгебра полит[ической] экономики, и ты в ней искал предзнания. Я думаю, Мерч[инский] помнит наш спор. Теперь ты читаешь Нечаева и Бакунина». — *Ред.*

** Забастовки, стачки (от фр. grève). — *Ред.*

*** Фактически (лат.). — *Ред.*

(1) Вместо продолжения контроверзы со студентами делаю самые искренние подстрочные примечания к твоему 3-ему письму.

Нет! Я не понимаю, что называется политическим и что социальным элементом, потому что я получаю ненависть к слову социальный, социализм и пр. Спроси себя и отвечай себе искренно: ты сам-то понимаешь, что такое значит «социальный элемент»? Может быть, это слово очень хорошо для того, чтоб создать *новую религию*; но для того, чтобы *понять*, в чем дело, оно невозможно *.

Если я его употреблял или употребляю по привычке — я каюсь в этом и прошу прощения. Это слово именно приводит к неопределенности личности и ее отношения к коллективности. Я скорее, т. е. яснее, понимаю слово «община» и потому яснее понимаю переворот русский, чем европейский, а потому и остаюсь исключительно преданным русскому вопросу. Поэтому также я не могу согласиться с тобой о ненужности революции и не могу согласиться с юношами об исключительности революции. Я вижу, что без революции общинный элемент поддержать нельзя и он будет мало-помалу раздавлен, а забывая при революции, что община ** тот элемент, которому следует сохраниться и достигнуть своего разумного переобразования, можно испортить дело революции. Следственно, равно нельзя сказать, чтоб можно было обойтись без революции посредством никак еще не определимого развития, как, с другой стороны, нельзя сказать, чтоб революция могла обойтись без сохранения какого бы то ни было уже существующего в жизни элемента. Ты видишь, что я не могу не спорить на обе стороны. Для меня революция представляет средство

* Примечание Герцена, сделанное на обороте этой страницы: «Освобождение лица от одной части авторитета государственного и ее опеки, которая не касается ни до экономического факта, принятого за оправданный, ни до юридического быта, основанного на идеализме и дуализме, называется политическим. Освобождение *innerhalb* (внутри. — *Ред.*) государства патриотизма, — социальное освобождение начинается отсюда, — оно не подтверждает по давности экон[омический] факт и берет иное отношение к вещи». — *Ред.*

** Далее зачеркнуто: «это именно». — *Ред.*

уничтожения * сословных элементов, которые мешают развитию именно того общинного элемента, которого сохранение для революции составляет цель, и чем скорее может сложиться революция, тем лучше, тем прочнее этот общинный элемент может войти в свои права и приступить к своему развитию. Почему я говорю — *прочнее*, да именно потому, что иначе он будет задавлен влиянием и силой высших сословий и правительства, которое прикидывается, будто его поддерживает, а, на самом деле, везде старается его разрушить: в доказательство приведу хотя бы один последний указ о казачестве (кроме множества других распоряжений, которые, пожалуй, соберу).

(2) Так же еще раз я не могу согласиться с сравнением зоологического и исторического развития ⁶. Что каждое есть *Naturprodukt*, об этом, конечно, я спорить не стану; но в каждом из обоих *Naturprodukt*'ов — свои приемы, свои особенности, своя метода. Зоология строит свои ряды из окончательности форм отдельных организмов (муравей, жук, лягушка, обезьяна, человек), между тем как человеческая общественность (т. е. историческое развитие) меняет свои формы безокончательно, без постоянства и ограничения общественных форм **.

Я никогда не говорил, чтобы современный государственный быт был только политическим без экономических оснований, я, напротив того, говорил, что резких пределов между политическими и экономическими основаниями нет и что оба вопроса всегда присущи человеческой общественности. Но если современный государственный быт представляет политические и экономические формы до того устарелые, что они к дальнейшему общественному построе-

* Далее зачеркнуто: «тех». — *Ред.*

** Примечание Огарева: «Ведь если Саша прав и обезьяна переродилась в человека, тем не менее обезьяна в природе не умерла, а исторические общественные формы, отживши, вымирают. Римская республика исчезла в итальянском феодализме. Итальянские республики никогда не имели того же построения, а республиканский Рим больше не существует. Разница между общественностью и зоологией — огромная».

Примечание Герцена: «Этого мы не знаем. Может, и человечество остановится и не на одном, а на нескольких типах, навек или на время. Это по мере достижения предела — *la limite*, — напр[имер], Китай — или и Европа на буржуазию частями, как Голландия. И зверь не замкнут; у пчелы до окончат[ельной] посадки и у муравья может были миллионы попыток, и кто отвечает, что у зверей не были и не будут разные прогрессы».

Ничего не приложимо, что же с этим делать? Это факт, который, пожалуй, назовем историческим Naturprodukt'ом.

Этот Naturprodukt произведен целою цепью обстоятельств, толчков и насилий, сложившихся в сословности, которые теперь держаться не могут ни в своих политических, ни в своих экономических формах, и если держатся, то только посредством продолжения насилий.

Что же ты им противопоставишь? Обстоятельства ли, которых мы определить не можем? Науку ли, которая нам не ясна? Или толчки, которые точно так же будут историческим Naturprodukt'ом? Рассуди сам.

(3) Я действительно говорил (и продолжаю поддерживать), что математических рядов исторического развития мы не знаем (да мы не знаем и математических рядов геологического и зоологического развития. Мы знаем только математические ряды абстрактные). И именно поэтому, что мы их не знаем, мы не в праве мешать ни постепенным, ни толчковым (революционным) рядам исторического развития. Заметь, что ведь никто из нас и не мешает постепенному ряду развития, и если б он был осмыслен, сознателен для своих деятелей, то толчковые (революционные) ряды были бы невыносимы; но так как ряд постепенного развития не осмыслен, бессознателен для своих деятелей, призречен, то толчковые (революционные) ряды неизбежны и нам остается не останавливать их, а содействовать им.

(4) Насчет приложения «пугачевского террора» к западной ли или к восточной цивилизации, ты сам упоминаешь, что я говорил о его бесплодности; но я, если ты хорошенько вспомнишь, говорил о его бесплодности не вследствие его уважения к массам, а именно потому, что такой террор (будь он в России или в Европе — в форме наполеоновского) ставит влияние личности выше всякого уважения к массам и берет себе в основание не вопрос народного общественного строя, а само влияние личности, эксплуатирующей в свою пользу народные бессознательности и традиционные предрассудки: так Пугачев действовал во имя царизма, а Наполеон — во имя французского национализма. Но возьми историю наших декабристов (и это я тебе докажу с книгой в руках, в которой ты так горячо отстаиваешь). Наши декабристы решались действовать на основании такого же террора, но уже не во имя влияния личности, но во имя нового, народного общественного строя. Положим, что их ошибка в том, что их понимание нового

общественного строя (или лучше сказать, понимание этого строя им современным миром) не имело существенного основания в том общинном элементе народной жизни, который революция обязана сохранить для развития будущего; но их ошибка нисколько не состояла в пропа[га]нде путей террора. Не заяви они во всех своих соображениях и поступках искание новой общественности, искание, которое должно было осуществиться путем террора (причем все же исчезало уважение перед влияниями личности и возникало уважение — зачем же говорить идолопоклонство? — перед массами), не заяви они этого, может, мы до сих пор не пришли бы к пониманию, что в России есть элемент общинной народной общественности, который революция обязана сохранить для развития будущего.

Террор, предполагавшийся декабристами, был беспощаден; пути его сообразно с духом времени были пути исключительно военные. Почему же тебе их пути не казались страшными? А как скоро эти пути переходят в террор крестьянский и рабочий — они тебе кажутся страшными, несмотря на то, что они вводят в жизнь элемент общинной народной общественности, т. е. тот элемент, который революция обязана сохранить для развития будущего и который, следственно, ставит революцию на реальную почву?

(5) Может, я где-нибудь неясно высказался. В сущности я думал и хотел сказать следующее: мы можем рассчитывать (даже не приблизительно) пути революции, но знать их не можем. Легко может случиться, что слагающийся террор не достигнет своей цели и перейдет в промежуточные формы общественного устройства; так же легко может случиться, что слагающиеся промежуточные формы — именно по своей слабости — приведут прямо к террору. Ничего этого останавливать мы не только не в праве, но не в состоянии. А помогать можем и тому и другому, потому что и то и другое составляют возможности. Объясню примером. Правительство вводит новые судебные учреждения; мы этому мешать не в праве; но мы узнаем, что новые учреждения довольно прозрачные и, возбуждив ожидание и не давая удовлетворения, всего больше способны вызвать террор, чем что другое; как же мы будем останавливать террор? Если Тьер только через 40 лет догадался, что экономический террор неизбежен, то зачем же нам непременно откладывать в себе понимание этого на неопределенное время? А прожить-то

придется недолго; зачем же именно умереть в непонимании того, что готовится?

(6) Насколько террор может или не может иметь успех — для этого расчета у меня опять нет данных. Быть может, террор должен будет повториться п раз и удастся только в п-ный раз; но вызван он всегда будет неудачей постепенных реформ, которые уже должны быть неудачны по своей неосмысленности и по своей неискренности.

(7) Ты все пугаешься перед словом разбой или грабеж (и даже коммунизм). Но я уже давно говорил, что разбой или грабеж, который обыкновенно всегда является временно, при всякой вспышке (даже 14 Дек[абря] предлагалось разбить кабаки, а Южное общество шло еще решительнее), я давно говорю, что разбой может быть и не быть, может явиться как частный случай восстания — ради его спасения, — но главное дело в неизбежном восстании, которое и должно стать началом. Сколько бы вызовы ни были ошибочны, сколько бы они ни хватали далеко, они не обойдут простого местного восстания, о котором я и говорил в другой статье, что его начало может иметь своею местностью только русский Восток.

Кажется, что я сказал все, что мог, хотя вопрос не из легких. Если думаешь, что нужно продолжать, я с моим удовольствием готов. Но также скажи, какую форму дать всему вместе. В этом виде оно кажется только удобно для личных разъяснений.

МУЖИЧКАМ¹

Люди мои милые, люди мои бедные,
Когда ж это вы начнете голоса-то победные?
Поразберите сами — что вы теперь справляете —
Плотите, плотите, голодаете, голодаете...
Разве это в самом деле жизнь для человека?
И чем же это лучше какого крепостного века?
Старшин выбираете будто вы, а выбирает начальство,
От этого и идет только грабеж да нахальство.
А вся беда, что вы еще верите в дело царское,
А оно тоже дело чиновничье и дело барское.
Когда ж это вы перестанете во вздоры-то верить
Да станете все дела на свой аршин мерить?
Пора, братцы, пора! Время-то уходит,
Не станете за себя сами — так они вас уходят.
Надо самим силу в руки взять для лучшей-то доли,
Чтобы добиться в самом деле и земли и воли,
А там уж меж себя поделитесь и разверстаете,
Не то что по указу царскому, а как сами знаете.

ВСТРЕЧА¹

(Посвящено духовенству)

Идет мужичок с сенокоса домой, на плече несет косу острую. А косил он траву полумертвую, от весенних дождей полусгнившую, от июньских жаров пожелтелую. А навстречу ему косматый поп в синей рясе степенно идет, широкополою шляпой * прикрывается, от солнца от знойного защищается. И несет косматый поп святые дары — отпустить во иные благие миры — бабу старую, неумытую, горькой долею разбитую.

И, завидя попа, мужичок отплевывается, от попа, говорит, беда наклеывается. От попа, говорит, дни беды полны, отплеваться надо на три стороны. На одну на сторону, чтоб он грех не взыскал; на другую на сторону, чтобы денег не взял; а на третью на сторону не быть бедствию, от поповских враньев не прийти к сумасшествию.

От плевка мужика поп обиделся.
Ты из старой сказки, говорит, не выбился.
Чем же я не друг тебе, мужичок?
А пойдем-ка мы лучше с тобой в кабачок.
Зеленого вина выпьем чарку дружную,
Потолкуем речь **, обويم нужную.
А старуха святых даров без хлопот подождет,

* Надписано над зачеркнутым: «шляпой черной широкой». — Ред.

** Надписано над зачеркнутым: «Да и речь поговорим». — Ред.

И приду ли я поздно, все равно помрет.

И пошел с попом мужичок в кабачок,
Чарку выпили зеленого вина.

И поп говорит: моя жизнь не красна
И не лучше мужицкой, ты мне просто поверь,
Мы живем, как холоп, как замученный * зверь.
А теперь нам еще хуже приходится,
Наше племя больше на шатанье ** расходится.

А мужик говорит: дурень ты, поп,
Присылай к нам детей и в жар и в зноб,
Мы им работу дадим на месте,
Землю пахать станем вместе,
Мы только примем их, как родных,
Мы только вскормим их, как своих.
А то надоело косить траву блеклую,
Я возьму косу, косу острую,
Да смету вас всех, моих начальников,
Моих предателей, моих нахальников,
И, поверь, тогда без вашей *** подготовщины
Проживем и проверуем безо всякой поповщины.

* Слова «как замученный» надписаны над зачеркнутым: «али бо цепной». — *Ред.*

** Надписано над зачеркнутым: «свободу». — *Ред.*

*** Надписано над зачеркнутым: «всякой». — *Ред.*

НАПУТСТВИЕ¹

(Научите немудрых!)

У нас, в России, мудрыми называются: наживающееся чиновничество, немножко производящее и много проматывающееся дворянство, заслуженное профессорство, дикое купечество и бессмысленное духовенство; а немудрыми называется крестьянство сельское и крестьянство городское, т. е. мещанство. Мудрым также называется царь, т. е. главный дворянин и главный чиновник в России.

Мудрых учить нечему. Они никогда не согласятся с требованиями, нужными крестьянству и мещанству — для свободно-общественных, или, лучше сказать, общинных порядков.

Что же делать и кому?

Делать остается одно: сплотить крестьянство и мещанство в одно восстание, к которому они естественно стремятся, к которому примкнет и солдатство, т. е. крестьянство, закабаленное в чужую, противную собственность.

Кому делать? Делать остается только юношеству, которое отказалось от мудрых, которое прониклось смыслом общинных порядков и решилось дать крестьянству направление для того, чтоб оно сплотилось в одно всеобщее восстание. Тут нужно только свое устройство и, стало, много бесстрашной, безусталой и неуклонной работы.

Научите немудрых!

* * *

Забудь уныния язык!
Хочу помимо произвола,
Чтоб ты благоговеть привык
Перед святынею глагола.

Мне надо, чтобы с уст твоих,
Не празднословых и не лживых,
Звучал поток речей живых,
Как разум, ясных и правдивых.

Отбрось рабов обычных школ —
И книжника и фарисея:
Пред ними истины глагол
Проходит, власти не имея.

Учи того, кто не успел
С ума сойти в их жизни ложной,
Кто ищет искренен и смел
Рассудка простоты несложной

Глагол — орудие свободы,
Живая жизнь, которой днесь
И вечно движутся народы...
Проникнись этой мыслью весь!

Готов ли?... Ну! теперь смотри —
Ступай по городам и селам
И о грядущем говори
Животрепещущим глаголом.

〈ЧТО Ж, БРАТЦЫ!〉¹

Что ж, братцы!² Старое дело начинается сызнова. Долго ждали, теперь невтерпеж приходится, и нечего ждать. Слушай, что говорят по селам! А говору больше нет иного, как о земле да воле. Давно бы быть нам на воле, по своему дела вершить, землей делить. Стали нам попереk господа от малого до большого; царь пошел с ними, на генералов своих надеючись, а под генералами русское войско... Солдатушки, вы откуда, кто вы? Наш брат, мужик. Что нарядили тебя в мундир, да приказу собачьей барабанной шкуры заставили слушаться, а ты все наш брат; от нас ушел, к нам придешь. Хоть на тебе-то сукно и овечье, а сердце-то, чай, человечесь, и собачьей шкуры не век же слушаться.

Обманывали вас, братцы, века вечные, обманывают и теперь, и ничего-то вы не знаете, что делается у вас же дома, в России. Под неволей состоите, да подожди, не долго будем в неволе. Коли сами не возьмете, мы выручим. Когда начали по деревням да по селам говорить, что пришел час мужикам вольными быть, что вся земля наша, что деды и прадеды наши давно ее выкупили потом и кровью, перепугался царь и ну подольщаться всячески: указы писать, волю обещать, землю сулить мужикам, а солдатам сроки сокращать, паек прибавлять... Теперь, думает, я их ублагодворил. В указах не разберут много, а солдаты мои благодарны будут. Господа пристали к царю: «Что ты, мол, делаешь! нас, дворян, твою, мол, подпору и слуг верных на мужичье меняешь!». А царь подсмеивается да говорит: «Нет, братцы, как же я вас, дворян, на мужиков переменяю, коли я сам,

первый дворянин!... Пусть, говорит, попробуют, какова это воля будет им; а за землю, говорит, выкупу положу, разорю в конец поборами; а коли зашумят в одиночку, то расстреляю; у меня, говорит, солдатики благодарны, да и дисциплина в войске есть».

Плохо, братцы, царь с господами рассчитывают, перебить всей России нельзя, а коли раз обманул, подавай ответ. Пришло, братцы, время, весь народ знает, что обманул его царь с господами, обворовал и ограбил. Слушай, братцы, во все уши, гляди во все глаза и смекай, когда придет час расправы! Что вам? Ведь без вас кто будет усмирять народ, коли вы все не захотите против народа своего идти, останутся на бобах господа с царем. Ведь что тебе? — Останешься в войске — убьют, поведут тебя на войну, ты ведь обречен на смерть, знаешь ведь, а коли за одно станешь с народом, то кто тебя будет на войну посылать?

Скоро, скоро встанет вся земля русская, развяжутся рученьки скованные, выйдут на волю колодники-мученики. Выйдете и вы из живой тюрьмы — из фрунта! Скажут вам начальники-кровопийцы: «Пори штыками мужика, брата и отца своего, простреливай сердце его!» — Шалишь! не ваша воля больше. Не против мира, а с миром мы, знаем, что нам надобно... Не угодно ли господам-начальникам самим без нас усмирить Россиюшку да пострелять мужиков-бунтовщиков, добро же, господа начальники, вы на том и стоите, чтобы, не работаячи, мужицкий хлеб есть, а нам вместе жить с мужиком и умереть вместе. Вам бы все командовать, а как к ответу, то вы сейчас на солдата: ну-ка, пулями разбойников, бунтовщиков... Братцы, в одиночку вам нельзя мысли свои показывать, друг на дружку не надеешься — смелости нет свою волю показать, страх в смерть над тобою... Ну и жди времени, сговаривайся с другим приятелем, да как дело подходящее вы[й]дет, ты и приставай к мужицкой шайке, а где рота дружная, всей ротой отказывайся, да прежде командиров и наушников поподчивай. Все равно, братцы, и так, и так пропадать, уж коли придется пропадать, так со своими, за своих, а не за собачью шкуру, да по приказам начальников проданных, не за царя-подменщика.

Ведь коли вас посылают на войну, говорят вам: «за веру, царя и отечество», — ну ты и думаешь: верно народы чужие пришли наши порядки переменить. Ничего ты не знаешь; как овцу, ведут тебя на убой. А дело-то вот как

бывает: почти во всех землях плохо живется трудовому человеку и мужику; как только народ какой-нибудь начинает шевелиться, да у правителей отчета требовать, сейчас цари и выдумают войну, набирают рекрут, народ обкладывают поборами и посылают один народ драться с другим, ведь бьют-то вас, а цари всегда целы, разве для виду придет только на войну... Так вот и разумеи. Теперь, братцы, обезверился царь, нету ему веры от народов нигде; значит осталось одно отечество, — а что отечество? — а там, где отцы, и мать, и братья, свои люди. Так вот и послужите отечеству против вековых грабителей дворян, попов и ихнего головы — царя, что продал народ наш, как Иуда, да еще и похваляется истребить всех бунтовщиков-мужиков, что воли своей и своей земли домогаются. Как ни вертись, а возьмет народ. Его сила, его и воля, и его земля и всякие мирские порядки.

ОТ ДЕДУШКИ ВНУЧКУ¹

с тобой во многом не согласен: кто прав, кто ошибается — это разбирать слишком долго, поэтому я хочу высказать только те возможности, которые мне кажутся практическими.

Мимоходом замечу: мы как-то говорили о поэтах и о влиянии на них среды и времени. Еще раз нарочно перечитывал Гейне и заметил (уже не в первый раз) — человек этот до такой степени ненавидит все, что в его время совершалось в Германии, что, не находя никакого мотива для себя лично, кроме любви и ее измен, составляет себе в общественной жизни идеал из Наполеона I, и только потому, что это не немец, а француз, и что это не дрянь, а сила. Точно так же, мой внучек (так как ты больше поэт, чем ты думаешь), ты составляешь себе идеал из Стеньки Разина и Пугачева. Да не в этом дело. Это может быть и не быть. Дело не в разбойничьем восстании (которое никогда не удавалось, кончалось гибелью и не распространяло никакой правды), дело в человеческом, в народном, в откровенном восстании. Вот о нем-то, как оно может быть в России, я и хочу поговорить.

Россия в сущности делится на три полосы, по крайней мере приблизительно: западная, где народ поглощен рабством и бедностью до неподвижности; средняя, где народ умен и производителен в мире торговом, но очень сдержан во всяком политическом начинании (характер, доходящий до буржуазности); восточная (и также юго-восточная) полоса, которая, хотя и не имеет производительности,

как средняя, но всего готовее на восстание, потому что всего менее способна выстрадать терпеливо свое настоящее.

Следственно, русское восстание необходимо имеет свою точку отправления в Восточной России² и самое быстрое присоединение к восстанию средней полосы. В этом (а не в разбойничьем мире) весь залог успеха.

Необходима чрезвычайная гласность народных потребностей (что помимо совершенно откровенного сельского прямого восстания — невозможно).

Идти быстро с Урала с башкирами и с Дона с киргизами на Москву — составляет стратегическую методу. Сибирь и Кавказ позади всегда окажутся верными союзниками.

Вводная стратегическая метода — современное с восстанием ломанье одного рельса железных дорог, по которым могли бы приходиться противодействующие войска. Это исполнить не так трудно и не требует такого огромного пространства для ломки, лишь бы оно было достаточно рассчитано, чтобы помешать в известные минуты передвижению войск.

Но это не все. Главное, чтобы позади движения, т. е. там, где уже восстание было, была бы устроена организация. Под организацией я разумею устройство общин (пожалуй, потягольных, ибо это всего ближе к народному пониманию) и рынков, деревенских рынков, сельских рынков, посадских (городских) рынков, где все могли бы сбывать свой товар за променные значки и получать за оные все, что им потребно, и настолько, насколько по оценке было сбыто произведений. Таким образом, правительственные ассигнации и монеты были бы устранены и был бы введен меновой знак вместо ложной ценности денег. Остальное устройство предоставьте народному смыслу.

Внучек! Может, и это все детские мечты. Но убеждение мое в них глубоко и потому обрати на них внимание.

БУДУЩНОСТЬ

(Посвящается памяти А. Герцена)¹

«Мы памятник иной тебе поставим
Движение народной русской воли!»²

Первый лист «Колокола» 1857 года начался программой:
«Освобождение слова — от цензуры!
Освобождение крестьян — от помещиков!
Освобождение податного состояния — от побоев!»³

В том же году Александр II, в речи к московскому дворянству, говорил: «Господа, лучше чтоб *эти* перемены сделались сверху, нежели снизу».

Прошло с тех пор 13 лет.

Много совершилось печального. Перемены сверху оказались ложью; остается только делать перемены снизу.

Главный деятель «Колокола» — Александр Иванович Герцен — сошел в могилу. Я не стану говорить, насколько велика эта потеря. Для этого я посвящу особые статьи⁴. Здесь я скажу только, что русское слово лишилось своего лучшего деятеля. А продолжать его работу я считаю нашей обязанностью.

Теперь главный вопрос в том: какая может быть постановка нашей работы? Ее я и хочу определить.

Русские перемены сверху оказались такими же ничтожными, как и всякие другие перемены сверху. Перемену или, лучше сказать, переворот может сделать только тот, кто его в самом деле хочет, кому он в самом деле составляет потребность, т. е. народ, большинство, масса. Иначе это всегда выйдет обман. Что подразумевал Александр II под словом «*эти* перемены»? Это были только маленькие наду-

вательства для народа, которые даже не могли удовлетворить и помещиков. Разорилось все. Увеличились в невероятном объеме только подушные подати. Их взвалили на все, что возможно. Стало, мужик—равно помещичий и казенный—ждет еще раз своего освобождения. Но его он может достигнуть уже только снизу. Он же стоит за свое общинное (социальное) владение, между тем как чиновничеству, помещичеству и вообще императорству его хотелось бы разрушить. Это очевидно из всех правительственных распоряжений и из всех буржуазно-полицейских газет.

Что же мы поставим во главе нашего начинания?

Мы можем поставить только следующие вопросы:

1) Народ требует земли и воли. Взять он может всю свою землю и всю свою волю только сам, т. е. снизу, а не сверху. Верх — обманщик. Верх — помещик, верх — чиновник, верх — царь. Тот самый царь, который нашего друга — мужика Мартьянова уморил на каторге за его страшную ошибку, за веру в земского царя⁵. Свою землю и волю отстоять можно только самому народу, т. е. снизу. А там и посмотрим, что будет. Конечно, уже хуже не будет.

2) Вся земля русская — земля народная, земля мужицкая, земля общинная, земля тех, кто на ней работает. А людей, которые живут на чужой труд, нам не нужно; их надо долой. А не хотят идти вон — пусть сами идут в крестьянскую общину и возделывают такой же поземельный участок, как и все крестьяне.

3) Также и фабричная работа должна быть общинная (артельная). Работай, кто сможет, и получай свой удел. А хозяева пусть сами поступают в рабочие или идут вон.

4) Чиновников нам не надо; старшин, назначаемых правительством, нам не надо; правительства царского или какого иного нам не надо. Управлять могут только выборные народом люди.

5) Судить могут тоже только выборные народом люди.

6) Будет ли Россия сплочена в одно государство или разделена на области, на уделы, — это для нас равнодушно. Мы даже лучше хотим, чтоб она разделилась на области, из которых каждая вольна управляться, как знает, лишь бы не было царя-императора, а только выборное управление снизу.

7) Рекрутства не надо, а только в случае неизбежной войны — ополченцы. Народ лучше сумеет отстоять свою самостоятельность, чем всякие Суворовы, которые все же войско гнули в полицейский склад ⁶.

Мы от выше сказанных правил не отстанем. Примыкайте, кто хочет, и сплотитесь дружно! Еще раз повторяем воззвание Герцена, что мы зовем живых: *vivos voco!*

ИМПЕРИЯ¹

о-французски произносится: Empire.

«Что такое империя?» — спросил меня один знакомый.

«Это соединение несоединяемых под одну власть», — отвечал я.

Вот это-то я и хочу доказать.

Вообще, все империи, начиная с самой древности, образовались посредством завоевания различных племен под властью одного племени; а племя это повиновалось одному повелителю (императору). Может ли человек, который смотрит на свои приказы как на нечто, не терпящее возражения, может ли такой человек народами, чьего языка он даже не понимает, распоряжаться иначе, как не во вред этим народам? Дело едва ли возможное! Даже едва ли возможно, чтобы подобный повелитель распоряжался своим племенем не во вред этому племени и не во благо себе лично!

Королевства (по-русски царства) составились на таком же подобии, как и империи, т. е. на завоевании различных племен под власть одного племени, которым распоряжался один человек (король), — и отношение выходит одинаково. Так, в древности Македония называлась королевством, а Рим — империей; а разницы в основаниях никакой нет: завоевание да завоевание, захват да захват, покорение да покорение — и только. Разница в языке имперском, царском или королевском состоит только в разнице языка латинского и других языков. А это еще не важность! «Император» — слово латинское, остальные слова национальные, а удобность одна и та же, только что империя обыкновенно

бывает пошире. А что же в этом лучшего? — Ничего нет. Вот и все. Стало, королевство, царство, империя, вообще государство — все равно предательство низшего высшему — и больше ничего.

Теперь мы и усмотрим в существующих властях, что они составляют предательство простого народа дворянам, помещикам, капиталистам, вообще всем людям, закабаленным власти; а дальше власть хотя бы и хотела двигаться — не может. На этом, на предательстве, она и останавливается, Иначе или пришлось бы разрушить самое себя, или помочь народ.

Какие бы мы ни взяли империи для примера (так как мы с самого начала хотели исключительно говорить об империи), везде мы найдем одно и то же и невозможность вести прогресс дальше.

Начнем хотя с Китайской империи, справляющей свое назначение всего разумнее — за стеною; обогнем хотя весь земной шар (я французской империи зацеплять не хочу, она слишком близка к Швейцарии), а потом зацепим Австрию и переберемся к России; все найдем одно и то же: завоевание, предательство народа закабаленным служилым его величества и невозможность успеха при таком правительстве.

Австрия соединила под свою власть венгерские и славянские племена. Что же из этого вышло? Совершенное порабощение племен и предательство простого народа местному дворянству. Выйти из этой организации рабства австрийскому императору невозможно, не разрушив самого себя или не поморив народов. Так оно по силе вещей и остается не менее неподвижно, чем Китай за стеной, и успех делается невозможностью.

То же мы найдем и в Турецкой империи, с немаловажной прибавкой восточных нравов, не смягченных ни наукой, ни даже христианством. Впрочем, разница не так огромна: если на Востоке женщина остается затворенной рабыней, то у нас она остается базарным товаром.

Но теперь мы поспешим переплыть Дунай и перейти к Российской империи.

Самыми разнокалиберными племенами усеяно громадное пространство земли от Балтийского моря до Восточного океана и от Черного моря до Ледовитого *. Племена

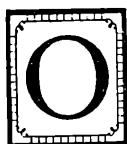
* Около 394 926 кв. м[иль] и слишком 75 000 000 жит.

исповедуют самые разнокалиберные религии и говорят особыми языками. Правительство допускает это по силе вещей, но мешать каждому особому племени и вмешиваться по-своему в его дела — любит. Поэтому империя, собственно, и составляет давление правительства на народы, искусственное соединение долею враждебных племен под одну лапу. Для этого оно должно было ввести организацию сословную, где чиновничество, переливающееся в барство, могло бы заправлять народами по правительственным указаниям: это тотчас и произвело организацию рабства. После николаевского усиленного закрепощения нынешнему правительству захотелось попробовать явиться перед целым миром освободителем народа. Имя это Александр II на себя принял, но народа действительно освободить не мог по очень простой причине, потому что императорству никакое действительное освобождение не по вкусу и невозможно, как невозможно жажда саморазрушения. Освободиться народы могут только сами, своим пониманием и движением. Благоедеяние имеет цель только самохвальную, а не народную. Так оно на этот раз и вышло: много говорили о свободе народа, о свободе цензуры, о новом судопроизводстве; а окончательно выходит — закабаление народа подгатами тому же чиновничеству, подобная же несвобода двигаться с места, постепенное приращение нового цензурного давления, постепенное ухищрение нового судопроизводства в старое взяточничество. Что же мы из этого нагреем? По-нашему, мы нагреем только народное восстание, которое одно способно освободить народ².

〈ПРОГРАММЫ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ЖУРНАЛА〉¹

〈I〉

ОБЩИНА ИЛИ РУССКАЯ ОБЩИНА?

Община вышла бы напоминанием гмины, а русская община — слишком национально.

Содержание: Отдел 1-й

Разъяснение разных форм общины, в особенности формы русской общины. Тут не нужно забыть разъяснение отношения русской общины к Малороссии и пр., т. е. к населению необщинному в России, и поставить вопрос: может ли это необщинное население перейти в общинное путем русской революции.

Затем следует отношение русской общины к интернациональному делу*.

...Обозначение возможностей русской революции и способов ее организации.

Отдел 2-й

Разбор происшествий в России.

Отдел 3-[й]

Русские корреспонденции и обличительная часть.

〈II〉

〈РУССКИЙ〉 ВОСТОК

Мы принимаем это заглавие для нового листа, потому что «русский Восток»** уже с*** прошлых столетий неоднократно заявил свое стремление к делу народного освобождения.

* Следующий листок вырван. — *Ред.*

** Далее зачеркнуто: «заявил себя». — *Ред.*

*** Далее зачеркнуто: «времен пугачевщины». — *Ред.*

Первый отдел листа должен содержать статьи, где «русский Восток» подает руку всем освобождающимся народам, начиная с всего славянского Запада, будь то Польша и каждая ее область, будь то славянские народы каждого племени. Разумеется, статьи будут совершенно в социальном направлении и также с указанием на революционное движение русского Востока.

Второй отдел должен отнестись к обозрению происшествий во всех иностранных землях и в особенности к разбору их отношений к русско-славянскому миру.

Третий отдел должен содержать известия из самой России — по газетам и корреспонденциям.

Стихи могут быть помещены, когда случится.

Размер журнала — лист формата старого «Колокола».

Выходить он будет сначала раз в месяц, а там посмотрим.

Огарев

Члену общества взаим[ного] труда и помощи (Р. Ц.)²

ЗНАНИЕ И РЕВОЛЮЦИЯ¹

(Письмо к Озерову)²

Конечно, нельзя определять *знание* так, как его определяет «Вперед». В этом Ткачев совершенно прав. Но оставить его без действительного определения тоже нельзя. Знание имеет мало ли отраслей: астрономия, медицина и пр., и пр., но не в этом вопрос. Революция также имеет свое знание, и если она не совершается, то это потому, что люди не знают, что́ делать. Пора же понять, что знание — такая штука, чтоб знать, что́ делать.

Теперь и надо обратиться к русской общине (коммуне), чтоб *знать*, что она может *делать*.

В своей брошюре Ткачев обратился ли к русской общине? Нет! Он говорит только каким-то полуфранцузским, полунемецким языком о революции вообще. А определяет ли он, что такое значит революция вообще? Нет! не определяет, да и не может. Задача революции вообще если и не есть знание, то она все же только туманная философия, а не революция. Настоящая революция выходит из местных условий, и тогда она может иметь свою определенность. Надо же об этом подумать для того, чтоб можно было делать что-нибудь действительное.

Я, конечно, не обвиняю Ткачева в каком-нибудь самолюбивом лжеступке, но обвиняю его статью в неясности изложения. Так же и, может, еще более не могу согласиться с журналом «Вперед», который годится только назад.

Теперь и подумайте же о задачах русской общины. В чем ее задача? В разделении земли по тяглам или, лучше сказать, по числу душ. Будут ли они потом обрабатывать

землю сообща или посемейно? Оставим этот вопрос до будущих годов. А в чем же дело русской революции? В том, чтоб помещики также вошли в потягольный раздел земли и стали работниками наравне с мужиками. Если мы* этого вопроса не определим, а станем только строчить фразы, мы ни до чего не дойдем. Надо же подумать об этом.

Как же мы начнем революцию? Ведь это не только литературное дребезжанье, а надо, чтоб ей народ сочувствовал. Тут и надо определить основания, с которыми народ может сочувствовать. Тут и может выйти что-нибудь возможное. А в туманных областях гегелевской, лассальской или просто революционной книгопечатни мы ни до чего не достигнем. Тут ни «Дело», ни «Вперед», ни «Отечественные записки» и никакие брошюры ни до чего не достигнут, потому что их задачи только вообще мудреные, а не действительно определенные.

Какие же действительные вопросы русской революции, или, по-русски сказать, русского переворота?

Главный вопрос — учреждение общины. Главный путь к тому — уничтожение властей повсюдное, чтобы потом община могла учредиться народным смыслом и соглашением. Может, прийти к подобному перевороту в какой-нибудь местности — начала ради — было бы полезнее всякой печати, читаемой не народом, а полуиностранцами. Немец — по-латыни scit, а русский человек — scit по-русски, говорил мой друг Герцен.

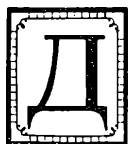
Теперь я более ничего не могу прибавить.

Твой друг *Огарев*

* Слово «мы» здесь и далее переделано из слова «вы». — *Ред.*

〈ОТНОШЕНИЯ РАБОТНИКА И ХОЗЯИНА〉¹

〈ДВА ВАРИАНТА НАБРОСКА СТАТЬИ〉

давно, друг мой, хотел писать к вам об отношениях рабочего к хозяину, как в нашей матушке России, так и во всем * нерусском мире. Они должны быть довольно одинаковы, только, как языки, складываются по разным складам. Например, вот вам отношение рабочего в Англии **:

«Карл Бомонт, главный надзиратель при фирме Цокера и К^о, кораблестроителей из Дейтфорд-Грина, явился по вызову обвиняющего его в отказе уплатить Георгу Вильсону суммы 10 шиллингов, составляющей недостаток в жалованье, должном одному работнику. Жалующийся работал на земельных работах во дворе инженерного департамента с 1 января 1875. Эта плата продолжалась по 8 июня; тут было заявлено, что впредь плата уменьшится до 3 ш. 6 д. *** в день. Проситель и другие рабочие отказались работать по оной уменьшенной плате, и было принято решение Джемсом Моат, главным руководителем инженерных земледельцев, чтобы Вильсон был в числе 6 земледельцев, избранных на удержание при старой плате, и продолжал работу при уплате высшей поденной заработной цены. В следующую субботу, т. е. 22 мая, при зарботке свыше условий он получил 3 ф. 13 ш. 8 д. вместо 4 ф. 3 ш.

* Во втором варианте эти два слова опущены: вместо «во всем» стоит «в нерусском мире». — *Ред.*

** Kentish Мерсигу, 12 июня, Гринвич, полицейский суд.

*** Описка Огарева: следовало «п» — пенсов. — *Ред.*

10 д., и тогда ему сказали, что плата состоит только из 3 ш. 6 д. в день»*

Мне кажется, что я совершенно прав, что тут отношения на разных языках складываются по разным складам, а приводят к подобному же отношению барина и крепостного.

В России отношения барина и крепостного складывались как отношения господина и раба, а теперь складываются на что-то среднее между рабством и крепостничеством**, что даже определить довольно трудно, а при чем жить, конечно, не легче, и все-таки дело не дошло до свободы.

Мы ждем действительной свободы от водворения социальных условий в жизни, без которых свобода оказалась невозможной или проявляющеюся в зачатках недорослых. Эти недорослые зачатки приводят меня не только к философскому*** рассуждению о пересоздании вещей одной из другой, но еще и к тому, что в России**** действительно свое основание положения, переходного к социализму, и что это основание — одинаковое потягольное разделение земельного владения*****, только не так, как теперь, т. е. не для одного большинства беднейшего рабочего населения, а поровну и бессословно для всех.

Такое движение было бы, без сомнения, совершенно понятно для крестьянства и приведет к социальным основаниям. Но каким образом дойти до такого движения?

Ответ может быть не иной, как путем революции, т. е. разрушением существующих властей и водворением всеоб-

* В другом варианте вся эта выписка отсутствует. Вместо нее после слов: «отношение рабочего» следует: «... (из английского журнала): «Работа была различная — публичная и частная, — была работа для рук и работа только для понимания... Но хорошо бы было, если бы те, которые работали только для понимания, умели тоже справлять ручную (грудовую) работу...» (Из речи Canon Bagby). Мне кажется, что я...». — *Ред.*

** В другом варианте здесь имеется следующее: «а при чем людям жить не легко, и все-таки дело не дошло до свободы», фраза «что даже определить довольно трудно» отсутствует. — *Ред.*

*** Другой вариант: «давнему». — *Ред.*

**** Вместо «в России» в другом варианте: «у русского народа есть». — *Ред.*

***** Во втором варианте после слова «разделение» следует: «Только будущность его должна водвориться не для одного беднейшего рабочего населения, а по равну и бессословно для всех». — *Ред.*

щего потягольного (безнаследственного) раздела земли*, а начать этот путь иначе нельзя, как сталкивавшись.

В следующих письмах постараюсь писать вам о возможности этого дела. По общественным отношениям у людей средства изменились не много, главное дело, чтобы вопросы постановились определеннее.

Найдете какие ошибки — измените.

* Вариант: «...путем революции, т. е. разрушения существующего порядка и водворения всеобщего, бессловного, потягольного раздела земли, а предпринимать этот путь нельзя иначе, как...». — *Ред.*

ПОСЛЕ ЧТЕНИЯ «ЗНАНИЯ»¹

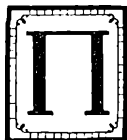
Daily Telegraph» ежедневно печатает об ужасном падении барометра до града и снега, а покамест видно постоянное увеличение света и тепла. Ничего не понимаю!

Мир человеческий также довольно труден для понимания, но все же я «Знание» читаю с большим наслаждением. Напр[имер], статья Проктора или статья Дю-Прелля — все вещи весьма важные для понимания². Но я опять возвращаюсь к моему заветному вопросу: как нам дойти до слога понятного вообще для простолюдина? Ведь, вероятно, вы уже усмотрели, что иначе нам в мире человеческом ни до чего добиться нельзя. Напр[имер], если наше «Знание» будет писано таким ученым слогом, что из десяти его девять не поймут, то нам никогда не удастся разрушить веру, которая служит охранением властей и всякого насилия. Заметьте, что русский народ имеет к своим попам, может быть, больше ненависти, чем все европейские населения к своим попам (которые, впрочем, не лучше), а если мы не будем говорить языком для народа понятным — нам не удастся разрушить веру, которая есть поддержание властей и угнетений. Для основания общепонятного языка нужно общество и столкнуться. Иначе мы плохо достигнем до цели. Все будет или слишком учено, или высокопарно, или вообще непонятно именно для того населения, без участия которого никакой переворот не может быть возможным, тем более, что для существования этого населения, наиболее стесненного, переворот наиболее нужен³.

Мы можем же показать народу, что мы можем достичь до нуля только из вычитания двух равных количеств, а представить себе *ничего* просто невозможно, оно не мыслимо и не может существовать. От этого и есть вечный мир, в котором есть постоянно различные изменения. И выходит, что верить не во что, а надо что-нибудь делать для того, чтобы можно было существовать довольно порядочно. От этого и роду людскому выходит необходимость устроить себе жизнь наиболее свободную, где никто бы не прижимал и не обманывал и не обкрадывал, а каждому было бы можно равно хорошо есть и пить и даже мыслить⁴.

〈ПОСЛЕДНЯЯ ЗАПИСЬ〉¹

30 мая 1877, среда

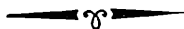
росыпаюсь в 5 часов утра записать мой сон, действительно, чтоб как-нибудь да не забыть его, он мне еще может пригодиться. Сейчас видел во сне, что я вернулся в Россию и приехал домой к себе в деревню, и усердно проповедую, что нам землю надобно обрабатывать сообща и жить посемейно (потягольно), соразмерным с труда доходом, подворно (т. е. избами, определенной назвать — домами), что это в русской деревне заведено спокон века, было испорчено правительством и помещиками и введется легче, чем в какой бы стране ни было, потому что введется естественно, на существующих основаниях. Я поехал потолковать с старыми соседями-помещиками, чтобы высмотреть, насколько они могут гомешать и как следует обороняться. Помещики приняли меня не враждебно, но как старого знакомого и сказали, что хотя и не во всем со мной согласны, но мешать мне не станут, потому что сами видят, что иначе в судьбы русского мира действительно полезных переворотов не введется, что иных оснований для оных нет ближе и очевиднее. Крестьяне же приняли меня совершенно дружелюбно и обещались способствовать всеми средствами, находящимися в их распоряжениях. Я проснулся совершенно довольный моим сном, а Гринвич увидал озаренным блестящим солнцем и под ясным небом, как их давно не припомню.

Р А З Д Е Л

II

ИЗБРАННЫЕ
ПИСЬМА

А. И. ГЕРЦЕНУ

Село Чертково, сентября 3 (1832 г.)¹

Наконец я получил от тебя письмо и снова при-
 〈нимаюсь за〉 * перо. Но прежде нежели стану
 отвечать на твое 〈послание〉, я хочу сам говорить —
 душа полна, язык не держится. 〈Я буду〉 говорить
 о том, что даже естественно должно 〈...〉. ону
 человека, который (хотя и на три месяца) сделался 〈бегле-
 цом〉 от всего живого, деятельного, что прежде разделял
 〈с друзья〉ми своими, я хочу говорить о философии. Что
 пробудило 〈во мне〉 такую мысль, спросишь ты? Вот ответ:
 я прочел Дамирона («Hist[oire] de la phil[osophie] au
 XIX s[iècle] en France») ², и это заставляет 〈меня пи〉сать
 к тебе о философии, и именно к тебе, потому 〈что ты〉 читал
 эту книгу и, кажется, не приложил к 〈ней особ〉енного вни-
 мания, судя по тому, что ты мне очень 〈мало го〉ворил о ней.
 В ней нашел я две статьи, которые 〈мне пока〉зались осо-
 бенно важными: статья о развитии религии 〈..., ко〉торую
 ты можешь найти в обозрении системы 〈Lamenne〉ais **,
 и статья о философической методе, о философ〈...〉. Начнем
 с первой:

〈Я〉 удивляюсь, как ты мог не заметить этой превосход-
 〈ной стат〉ьи, которая столь близка к любимой мечте моей:
 полного усовершенствования рода человеческого.

Ламенне — 〈католи〉к, след[ственно], пунктуально сле-
 дую священному писанию, 〈рассма〉тривал ход религии
 в одном только израильском на〈роде и〉 тут замечает, что

* Здесь и ниже дается в ломаных скобках предположительное
 чтение, так как подлинник полуистлел и чернила выцвели. — *Ред.*

** Ламенне. — *Ред.*

религия во все продолжение своего (сущест)вования одна и та же, но имеет три эпохи (разви)тия: 1) домоисейская, 2) моисейская и (3) христианская; (а это) можно распространить и не на один израильский (народ. Это) можно распространить на весь род человеческий. (Перва)я эпоха религии — это эпоха поэтическая, где чело(век ище)т божества вне себя, в природе, это пантеизм. (Но он) вскоре не удовлетворяется этим, он отделяет божество (от) природы, он обожает творца ее — отсюда теизм. И (этот) теизм выражает в боге только зиждителя мир(оздания); при дальнейшем развитии человечества, когда нравств(енные стремл)ения становятся более и более необходимыми, (человек) возвышается до понятия единого нравственного (начала), награждает добродетель и наказует порок. (Это) выразилось в христианстве, но религия одна и та же: стремление сблизиться с божеством. Вопрос: должно здесь остановиться религиозное развитие человечества? Нет. Чувство религии (си)льное в младенчестве людей, фаталистическое в эпохе (теизма), мистически-нравственное, мечтательное, несовершенно (ясное), как бы сквозь туман провидящее истину в хри(стианстве), неужели может остаться в этом смутном (виде, где) участвует какое-то поэтическое чувство, но от (него) отказывается разум? Наши времена уже сде(лались) довольно положительными, чтобы принимать то (только), в чем убежден разум; итак, должно ожидать религии, в которой идея божества должна быть развита ясно (из) убеждения, из разума, или такой религии, (которая) слилась бы с философией или, лучше сказать, исчез(ла) в философии, т. е. верование в божество превра(тилось) бы в познание божества!

Боже! приехали гости — прощай, друг, до другого времени — как не(сносно).

Сентября 4

Надобно бы продолжать начатое, но я (отлож)ил до следующей почты. Теперь я занят соверше(нно другими) мыслями, ты можешь догадаться какими из (письма). Я буду отвечать на твое письмо и буду говорить (по порядку).

* 1) Ты познакомился поближе с Соед[иненными] Штатами из (книги) Ахилла Мюрата³ и находишь, что мы худо понимали (эту) страну. Я не причастен к этому;

* Отсюда и до предпоследнего абзаца («Вот тебе...») текст письма подчеркнут в Следственной комиссии. — *Ред.*

еще прочитав Ку⟨пера⟩ (Notions of the Americans) ⁴, я говорил тебе, что в ⟨них⟩ высшее развитие гражданственности; мне кажется, ⟨инога⟩ и не могло быть; вот почему: представь себе возмутившу⟨юся и⟩ отложившуюся страну ссылочных, закоснелых злодеев, ⟨ и ты⟩ найдешь тут анархию, необходимо анархию; но что м⟨ожно⟩ было ожидать от людей, удалившихся в страну изобилия ⟨от⟩ угнетений правительств европейских (ибо какую мог⟨ли⟩ иную ⟨цель⟩ иметь скрывшиеся от деспотизма Германии и Франции), а еще более для обогащения самих себя? Из их удаления уже видно, ⟨что⟩ 1) они не могли составить общества инога как по пра⟨вилам⟩ либ⟨ер⟩альным, ибо бежали от деспотизма и не за⟨...⟩ идеями, современными Локку, Руссо и Монтескье, и что 2) ⟨госу⟩дарственное устройство не могло быть не основано на ⟨положительн⟩ых началах политической экономии — они бежали ⟨для обога⟩щения и большею частью из отечества, в ко⟨тором жил⟩ Адам Смит. Это-то и дает твой резу⟨льтат⟩ — высшее развитие гражданственности, основанное на положительных началах политич[еской] экономии и государствоведении. Но почему ты так нападаешь на Европу и почему думаешь, что ее либералы более ненавидят рабство, нежели любят свободу, взгляни на Францию, чтобы увериться в противном. Кроме того, в Европе более жизни, по самой той причине, что она имеет аристократию; след[ственно], всегда оппозиция сильна и ⟨du⟩ choc des opinions jaillit la vérité *, и общество подвигается ⟨бы⟩стро вперед; просвещение общественное. Едва ли ты это найдешь в Америке; посмотри сам, там вся умственная, даже вся политическая деятельность вертится около одного ⟨ме⟩ста или, лучше сказать, поглощена одним предметом — промышленностью; да вот на другой странице твоего письма вижу, что и ты жалуешься на бездеятельность американцев.

2) Поздравляю тебя и с Кузеном, и с Мишле ⁵, и с письмами и тут же перехожу к твоим вопросам, мне заданным; первый! о цивилизации, идет (вошел) в предположенную мою статью о перехождении в двор[янское] сословие; подумай на воле, мне кажется, что наша цивилизация не XIX, но XVIII века; я это развил исторически; к 15 октября явлюсь сам и с статьей, и ⟨ты⟩ узришь. На вопрос о месте и писать не намерен, это пусть будет вопрос домашний.

* из столкновения мнений рождается истина (франц.). — *Ред.*

3) Пассекам ⁶ и Диомиду ⁷ mes hommages * со всею искренностью, которую ты можешь вообразить во мне.

4) За адрес благодарю и по будущей почте пишу к Мише ⁸ и к Евгению ⁹.

5) Почему столь нужный мне лексикон еще не явился?

Я прочел первую часть Лерминье: «Philosophie de droit» ** ¹⁰. Много превосходного; много мыслей странных, с которыми едва ли можно согласиться, как, напр[имер], законность самоубийства, но последние 4 главы первой части привели меня в восторг. Друг! Прочти их, непременно прочти. Я воспламенился от них, innere Fülle *** так и забушевала, хотелось бы что-нибудь творить, и с досадою и с ужасом вижу, что мне 18 лет и что я в деревне. Но вдруг я вспомнил вас, друзья мои, сравнил то, о чем говорит Лерминье, с нами, и что-〈то с〉ладостно заговорило в душе, будущность, прекрасная будущность! Сколько надежд и упований! Друг!

Так посещает в подземелье
Страдальца-узника порой
Души минутное веселье!

И это веселье — будущность! и я уверен, убежден, что это не Knabengedanke ****, пойми и оцени это убеждение. Но как, что и когда? Дай теперь забыть этот вопрос, дай насладиться! Герцен! прочти четыре последние главы, и твоя душа взойдет в такое состояние жажды деятельности, что все мускулы невольно зашевелиятся, как будто бы ты что-нибудь делаешь, что-нибудь исполняешь, творишь.

Вот тебе комиссия: зайди к Карлу Ивановичу ¹¹, 〈скажи〉 ему, что я рад бы написать, да бумаги нет. Папенька цены квартирной уменьшать не хочет, а платеж отсрочивает до генваря; пол пусть переделывает Карл Иванович, о цене пусть скажет Степану ¹² и зачет в квартирный долг переделку. 〈...〉кланяюсь. Я им обоим напишу по будущей почте.

Теперь прощай, устал и хочу спать. Пиши побольше, потому что мне скучно. Сатин ¹³ мне писал, Вадя мне ничего не пишет. Прощай.

Твой Н. Огарев

* кланяюсь (франц.). — *Ред.*

** «Философия права» (франц.). — *Ред.*

*** душевная полнота (нем.). — *Ред.*

**** мальчишеская мысль (нем.). — *Ред.*

А. И. ГЕРЦЕНУ

Сентября 9 (1832 г.). Село Чертково ¹

Герцен! Твое письмо так поразило меня, что начинаю отвечать на него (что не в обыкновенном порядке вещей) с конца. Павлов ² думает, что ты шпион Голохвостова ³, и тебе приходится играть роль Гарвея Бирка ⁴. Друг! это ужасно, нестерпимо, я плакал, когда читал это, — но Павлов благородный человек, поезжай к нему и объяснись. Но ты спросишь, на каком основании он поверит тебе? — Пылкость юноши — вот наше красноречие, благородство души — вот наша порука. Но тебе есть еще пристанище от оскорблений; мы тебя знаем, друг! и едва ли наша порука не действительнее на молодежь (?), нежели речи (частные) г-д профессоров. Но почему ты знаешь, что Йовский ⁵ не врет? Разве ты не нагляделся на подлость этого человека? К тому же, Герцен, еще время не ушло, и, может быть, Павлов с удивлением скажет (это не панегирик тебе, ибо говорю я): вот был истинно благородный человек! Покуда

Laß untergehen die wandelnden Gestalten! * ⁶

Герцен! Теперь пришло время говорить тебе о мысли, которая глубоко заронилась мне в душу и которая одна утешает меня среди жестоких и язвительных ран мизантропии. Слушай и не смей ни скучать, ни смеяться.

Фихте положил начало всего, сделал центром всего — человека; что ж было последствием? Человек отъединился от всего и сделался каким-то ужасно эгоистическим существом. Спиноза вложил все в бога — и что ж? Человек исчезнул. Шеллинг уравнивал бога с природой вещественной и с человеком (оба проявления божества, след[ственно] бог = человеку ÷ природе). $A^x = b$ — боюсь произнести, но это мне кажется опасным пантеизмом. Смешно исследования философические выводить (позволь германские термины) из *не я* (nicht ich), ибо я не могу вообразить, что познаю что-либо, не ощущая, не познавая самого себя. Итак, начнем с самого себя. Едва я понимаю что-либо, как первое, что мне представляется, это я сам: ich bin,

* Пусть скроются блуждающие тени! (нем.). — *Ред.*

weil ich bin *. Я сталкиваюсь с природой, и здесь начинается борение. Я хочу поработить себе природу — я двигаю веществом по своему произволу, следуя своей идее — и вот происходит искусство. Я делаюсь творцом — в искусстве я развиваю свою мысль, свою умственную природу. Но я чувствую, что сам себе недостаточен и, по закону причинности, дохожу до высочайшего существа. Но как же существует оно и как все от него произошло? Я сужу по аналогии: когда я творю, то развиваю свою идею; в человеке и природе бог развил свою идею. Когда я развиваю свою идею, то не нахожу никак, что я с нею тождествен, ибо ** чувствую еще особенное какое-то существующее, которое *не зависит* от моей идеи, я ее только постиг и развил. Равно и бог не отождествляется с своим творением, но только развивает в нем мысль, в которой убежден. Какое же назначение творения? Во всем сообразоваться с развитием идеи творца. Вещество развивает идею творца в пространстве, человек — мыслью во времени. Итак, назначение человека — развивать истину, которую постиг творец. Слава богу, друг!

Я ненавижу мелочничество и подлости людей (причину которых должно еще обдумывать), но я тружусь не для них, но для идеи. Друг! Эта мысль меня утешает. Я все это писал скоро, след[ственно], не ручаюсь ни за полноту, ни за совершенную ясность, но желаю написать об этом пространнее и более во всех отношениях сверить с опытом. Но довольно! устал. От Вадима получил письмо, и он жалуется на скуку.

Но нет, не могу оставить, оставить пера, душа полна, язык не держится; стану писать стихи; слушай этот экспромт; пусть будет с поправками, — я тебя не совещусь. Слушай:

Огонь, огонь в душе горит
И грудь и давит и теснит,
И новый мир, мечта созданья,
Я б тем огнем одушевил,
Преград где б не было желаньям,
И дух свободно бы парил —

* я существую, ибо я существую (нем.). — *Ред.*

** Далее зачеркнуто: «она существовала бы без меня в идее». — *Ред.*

Все будет ясно предо мною,
Сорву завесу с бытия,
И все, с душевной полнотою,
Все обойму вокруг себя.
Мне не предел одно земное
Душе — от призрака пустой,
В ней чувство более святое,
Чем прах ничтожный и немой.
Кто скажет мне: конец стремленью?
Где тот, кто б дерзкою рукой
Границу начертал мышленью
Непреступимую чертой?
Черту отринув роковую,
Я смело сброшу цепь земную *.
Согретый пламенной мечтой,
Я с обновленною душой
Помчусь — другого мира житель —
Предвечной мысли в светлую обитель!

Друг! Самому странно кажется, что с этим письмом (разумеется, с тем, которое теперь пишу) мог досидеть до тех пор, что свеча догорает. Прощай! Еще надобно уснуть, пока не рассвело. Завтра поговорим о твоём романе.

Сентября 12

Голова болит, и о романе говорить не хочется. Сейчас писал к Вадиму. Прощай! Завтра нап<ишу>.

Твой *Н. Огарев*

Пассекам, Т[атьяне] П[етровне] ⁷ и Диомиду кланяйся (Савичу) ⁸.

Рукой Герцена на последней странице письма:

Всю сию философскую диссертацию профан Герцен не понял. А может с Носковым сказать, daß er aus minder gutem Stoff geschaffen ist **. Это № прибавлено в день получ[ения].

* Далее зачеркнуто:

И новой силой (обновленный) оживленный
Помчусь с душой воспламененной. — *Ред.*

** что он сделан из менее добротного материала (нем.). — *Ред.*

А. И. ГЕРЦЕНУ

Июня 7 (1833 г.)¹

Начинаю писать на маленьком листочке — виноват; да впрочем, не я виноват, а дело в том, что нет больше бумаги. Пока довольно и этого. Надобно поведать тебе всю историю с моего отъезда. Выехал я, друг! и мне стало грустно, так грустно, как никогда не бывало. А все Воробьевы горы ². Долго я сам в себе таил восторги; застенчивость или что-нибудь другое, чего я и сам не знаю, мешало мне высказать их, но на Воробьевых горах этот восторг не был отягчен одиночеством, ты разделял его со мною, и эти минуты незабвенны, они, как воспоминание о былом счастье, преследовали меня дордою, а вокруг я только видел лес; все было так синё, синё, а на душе темно, темно; ужасны эти минуты. Что же утешило меня — восторженность; я все последнее время, как жил в Москве, старался поддерживать себя в восторженном состоянии духа; положим, это напряженность, но это одно поддерживает бодрость духа, свежесть ума, *innere Fülle* *. Этот ежеминутный восторг должен возвысить, облагородить меня, должен дать мне столько духовного наслаждения в земной жизни, сколько то возможно — а там пусть я умру; ежели ты понял цель, с которой написаны посвященные тебе последние минуты жизни ³, то ты понял, как высоко я ценю смерть, понял и, может быть, не обратил внимания на негладкость стихов, как иные; друг! изящное в идее. Поэзия! сколько мыслей соединяются в этом слове; кто их выразит; слова недостаточны — музыка — а я не могу еще взять именно те звуки, которые слышатся душе моей; неспособность телесная ограничивает фантазию. Но, черт возьми; я поэт, моя душа — поэзия, чистая, небесная; она мне подсказывает истину там, где бы я ее не понял холодным рассуждением, — вот философия откровения — здесь она действительно существует.

Когда в часы святого размышленья
Мысль светлая в твой ум вдруг западет,
Чиста и пламенна, как вдохновенье,
Она тебя возвысит, вознесет,

* душевную полноту (нем.). — *Ред.*

Она недаром заронила,
Как божество, к тебе она,
Чудесной жизнью полна,
Из стран небесных испустилась.
Пусть говорят с улыбкою презренья:
Она есть плод обманутой мечты —
Не верь словам холодного сужденья,
Они чужды душевной теплоты.
О! если с чувством мысль сроднилась,
Поверь, она не обольстит,
Она недаром заронила
И святость истины хранит.

Я теперь уже начал писать ораторию для Гебеля — «Потерянный рай»⁴. Сатин улыбнулся, когда я объявил ему такое заглавие. Бог с ним! А я здесь вижу идею истории человечества. Не смейся. Если ты помнишь мои стихи «Тоска по отчизне»⁵, то ты поймешь, что действительно идея истории человечества заключается в потерянном рае. В этом смысле я хочу выработать ораторию. Может быть, этот труд будет иметь некоторую цену. Если только я найду выражения для мыслей, которые толпятся в голове моей, то он будет иметь цену. А мысли у меня суть следствия вдохновений, а вдохновенье найдет язык. Вот тебе, кстати, еще старинные мои стихи:

Они торжественны, минуты вдохновенья,
Как голос неба на земле, —
Прекрасны, как любовь, как радости мгновенья,
Так сердцу сладостны оне!
Заботы мелкие отходят,
Несносный голос их молчит,
И вдохновенье говорит
И небо на душу низводит.
Она божественным полна, —
Но стало тесно ей — она
Найти стремится выраженья,
Ей надо высказать себя,
И слово звучное ей —
Ее дитя, ее творенье!

Герцен! мы друг друга, кажется, знаем; кажется, можем быть откровенны. Письма моего ты никому не покажешь.

Итак, скажи: с некоторого времени я решительно так полон, можно сказать задавлен, ощущениями и мыслями, что мне кажется, мало того кажется, мне врезалась мысль: что мое призванье быть поэтом, стихотворцем ли или музыкантом, *alles eins* *, но я чувствую необходимость жить в этой мысли, ибо имею какое-то самоощущение, что я поэт; положим, я еще пишу дрянно; но этот огонь в душе, эта полнота чувств дает мне надежду, что я буду и порядочно (извини меня за такое похабное слово) писать. Друг! скажи же, верить ли мне моему призванью? Ты, может, лучше меня знаешь, нежели я сам, и не ошибешься. Когда будешь писать о Воробьевых горах, напиши, как в этом месте развилась история нашей жизни, т. е. моей и твоей ⁶.

4

А. И. ГЕРЦЕНУ

Июля 10 (1833 г.) ¹

Ужасная апатия начала овладевать мною; вдруг два письма — от тебя и от Лахтина ², — и я снова оживлен, снова принадлежу сам себе; слава богу! Друг! ради дружбы пиши почаще, или я сойду с ума; нет ничего несноснее, как жить этою жалкою жизнью, какою я теперь живу ³: с самого утра высчитывать, скоро ли наступит ночь, чтобы по крайней мере в объятиях сна забыть дневную скуку.

Грустно дней не ведать радостных,
Быть чужим среди своих!.. ⁴

Если толковать об горе, так уж разом. Происшествие в Гебелевом семействе ⁵ меня ужаснуло. Я целые сутки бесился, а все черное казалось мне черней, чем когда-нибудь. Одного тебя прошу — с первым же письмом напиши, что делает в этом случае Ив. Оболенский ⁶? Да ради бога не доводи себя до дуэли; вспомни, *кто ты и для чего?* Но об какой новости ты еще намекаешь; что еще такое; не оставляй в недоумении; дай испить до дна чашу горечи ⁷, сильней буду чувствовать прекрасные, божественные минуты восторга, сильней буду убежден, что все мое блаженство

* все равно (нем.). — *Ред.*

заключается в мгновеньи *смерти*, мгновеньи, к смыслу которого я придаю чудное значение. Друг! Я в ней найду развязку всего. Скорей! скорей! в свою родину. Dahin! Dahin! *...

Если в смерти я не могу найти ответа на мои вопросы, если в ней ничего нет, кроме уничтожения, то почему же мне становится легче, отраднее, когда я думаю, что скоро умру, почему я счастлив этой мыслью? Нет! Или мое предположение справедливо или бы я сего не чувствовал. Все, что мне хочется, — еще нечто сделать до смерти. *Zwanzig Jahre und nichts für die Unsterblichkeit getan!* **

Но поговорим о тебе. Ты кандидат и пользуешься совершенной волей⁸; за первое 6, а за последнее 12 бутылок шампанского. А что тебе читать, изволишь увидеть из ниже-следующего:

1) Философия Истории.

2) Herders «Ideen». Michelet «Hist(oire) Romaine». Michaud *** Крестовые походы⁹.

3) Касающиеся до новой истории — все.

4) Saint-Simon¹⁰.

И на сей раз довольно¹¹.

Первая часть оратории кончена. 2-я начата. Я читаю Шеллинга «Transcendentaler Idealismus» ****. Превосходно. Не знаю почему, но я его вдруг начал легче понимать, для удостоверения готов писать на него комментарии. Вот поэт-философ! Нет, брат, не угодно ли вашим Кузеньям¹² руки по швам, да вытянуться — *place au grand homme* *****.

У нас все гости, да гости, да я в гостях; лопнешь с до-сады. Что за дураки, ах ты, господи, прости!

«O Herr Gott, O Herr Gott,
Erbarme dich des Herrn!» ***** 13

Прощай! Стану писать Сатину.

Твой Н. Огарев

* Туда, туда (нем.). — *Ред.*

** Двадцать лет, и ничего не сделано для бессмертия (нем.). — *Ред.*

*** «Идеи» Гердера (нем.). Мишле «Римская история» (франц.). Мишо (франц.). — *Ред.*

**** «Трансцендентальный идеализм» (нем.). — *Ред.*

***** Место великому человеку (франц.). — *Ред.*

***** «Ах боже мой, ах боже мой, будь сударю судьей!» (нем.). — *Ред.*

А. И. ГЕРЦЕНУ

⟨Село Чертково.⟩ Июля 29 ⟨1833 г.⟩¹

Друг! Твое письмо оживило меня; я теперь опять высился на точку, с которой почти не замечаю ничего, что вокруг меня, с которой не вижу пошлых частностей, но только одно общее великое. Одно идеальное могло извлечь меня из этой пропасти, в которую я насильно втащен; мне оставалось или сравняться с этими людьми, или укрыться в недоступный для них мир идей — могли я с ними сравняться? Так мир идей, в нем моя жизнь, здесь я дома. Письмо Лахтина², Вадима, твое — все это вместе, все это напомнило мне любимые мечты и возвратило поэзии беглеца. Я теперь спокоен, я забыл бы весь мир земной, если б не-носная боль в боку не напоминала мне, что я еще прах, жалкий прах. Мысль мучительная для гордости человека!

Ты пишешь о нашей симпатии. Какая нужда до наших характеров, пусть они разны: у нас есть высшее тождество — тождество душ.

И ты влюблен, Саша, кто она, я подозреваю. Но с чего ты взял, что я могу смеяться? зачем пишешь: «ни слова холодного»? Могу ли я смеяться над тем, чего мне недостает и в чем недостаток я глубоко чувствую. Не знаю, друг, что такое, но я не могу влюбиться; мне кажется, вкус мой или слишком испорчен, или то, чего я ищу, не существует. Я ищу красоту, наивность с пылкой и возвышенною душою, но нигде не нахожу, нигде. Ужели это невозможно? Ужели мой идеал так высок или человечество так низко! Но, может быть, еще я встречу этот идеал, и пустое место в душе наполнится. Пока мне предстоит другая деятельность. Друг! Чувствуешь ли всю высоту, всю необъятность этого слова: *поэзия*? Ей одной предан я; она — моя жизнь, моя наука. Еще ни к чему не привело меня рассуждение, но поэзия возвысила меня до великих истин. Она — моя философия, моя политика. Мое размышление — вдохновение. Я не рассуждаю, но чувствую. Итак, я требую от себя деятельности поэтической. Следовать за идеями, которые открываются мне во время вдохновенья, неутомимо за ними следовать, созидать, творить, быть в непрерывном восторге — вот чего я хочу. Теперь все возвысилось в моих глазах, человечество облагородилось; вся эта мелочь людская будто растет; из нее делается что-то

великое; целый мир новых людей, исполняющих высочайшие требования, открыт передо мною; в этом мире живу я, как пророк в будущем. Да, как пророк, потому что один взгляд на настоящее разрушит все. Да зачем смотреть на настоящее? Закрой глаза, друг, ты увидишь что-то гадкое; пусть одна душа смотрит и чувствует. Не мешай ей, ради бога, ни слова о настоящем. — Но я, сын поэзии, предаюсь искусствам, и люди столпились смотреть на мои произведения; люди, которые понимают, что я хотел в них выразить. Я видимо говорю им об невидимом, чувственно об идеальном, и они благословляют посредника между небом и землею. И как радостно бьется сердце твоего друга! Эта слава — заслуженная слава, основанная на чистоте, на возвышенности души, она несравненна! О, если б действительность не противуречила! Но я приеду к вам и окружу себя искусствами. Еще мало, что мы чувствуем в душе поэзию; надобно разлить вокруг себя жизнь поэтическую. Науки (в высшем значении), стихотворство, музыка, театр — все, что только возвышает человека до жизни творческой, все должно жить вокруг нас и мы сами — зрителями и актерами. В цели общей — *жизнь поэтическая* — соединяются все особенные цели, ибо в ней заключаются все идеи, это высочайшее существование человечества, оно поведет его к высочайшей деятельности. О, когда-то я возвращусь к вам, когда-то в родном кругу друзей непринужденно полетаю мыслию, исполню прекрасные мечты, забуду скуку обыкновенного (сочтин) существования.

30 июля

Теперь я намерен кончить это послание. Надобно писать к Вадиму. С Лахтиным у меня сложная переписка о философии истории. Но я недоволен. Несколько писем — это слишком тесная рамка; мне хочется лучше и пространнее изложить то, что думаю об этом предмете, и если друзья мои одобряют, стану печатать. Философия истории — это величайший предмет нашего времени. Меня несколько задач занимают; их бы надобно <запис>ать последовательно, но не знаю, <бу>дет ли возможно. Они явятся <будт>о поэмы; вот они: 1) Пантеизм и деизм; 2) Философия истории; 3) Натурфилософия; 4) Онтология. Скажу теперь относительно первого, что я уже не пантеист, решительно нет, и с своей стороны прошу тебя *ни слова холодного*, если я думаю, что есть суще(ство), которое *Творец*, а мир произошел во

времени. См(отри), как религиозная мысль развивалась
(в) человечестве: до христианства — пантеизм, от хри-
стианства — деизм. Подумай об этом, это важно.

Я во время убийственной скуки, которая снедала меня,
прочел «Вильгельма Телля». Друг, если ты давно не читал
его, р(ади) бога, прочти *, и читай ча(сто), как можно
чаще. Эта пьеса представляет эпоху кризиса. Ах! что я
чувствовал, когда читал ее, ты не можешь себе представить;
ты поймешь, когда перечтешь еще раз, особенно же в минуту
ожесточения, досады, ненависти ³.

Но все это мысль разрушения! Мне уже хочется сози-
дать; из (об)щих начал моей философии истории должен я
вывести план ассоциации. Fourier я еще не прочел, но прочту,
может быть сегодня.

Прощай, друг! пиши чаще, поддерживай мое существо-
вание, разумеется (дух)овное. Вот тебе еще маленькая
пьеска; она была написана при (вос)хождении солнца
в прекрасное (ут)ро:

В душе столпился ряд видений;
Мои все тайные мечты,
Все грезы пылких размышлений,
Душевной дети полноты
Несутся ясно предо мною.
И резким светом мысль горит,
Все постигается душою,
И все ей внятно говорит.
Озарены леса, поляны
Роскошной утренней зарей,
Восходит пышно день румяный,
Приветно светит над землей.
Какой-то дух здесь обитает!
Внезапно мысль просветлена,
Вся тайной божества полна,
Вселенной душу постигает.

Теперь, прощай! Бок у меня сильно болит. Прощай!

Твой *Н. Огарев*

Скажи Лахтину и Вадиму — у меня письма начаты ⁴,
но у нас вздумали почту отправить ранее обыкновенного,
и я не успел закончить.

* От слова «прочти» до конца абзаца текст подчеркнут в След-
ственной комиссии. — *Ред.*

А. И. ГЕРЦЕНУ

〈1833 г.〉¹

Августа 10. 1) *Разные известия*: Мы вдруг решились и изволили переехать в Чертково! ² К Огареву надобно писать в Пензу. 10 сентября он выезжает из здешнего увеселительного замка в столичный город Москву.

Твое письмо ³ начинается обвинением в том, что я мало пишу! Мало? Да я побольше, чем ты ко мне пишешь. Но, впрочем, — ты счастлив, а я убит каким[-то] злым демоном; ты мог бы радовать меня своими письмами, а мне и говорить почти нечего,

Однообразно дни ведет
Якутска житель одичалый! ⁴

Но опять повторю, тебе извинительнее, чем мне, потому что ты счастлив. *Об Шеллинге*: я не шеллингист, или ты не понимаешь Шеллинга. А кто твой *Шеллинг*, поэт, который создал не бездушный эклектизм, — не знаю. Уж не Кузен ли? Действительно, не бездушный, а чуждешний ⁵. Одна не бездушная философия последних времен, где высоко понята требования века — это Saint Simon *. Не знаю, хотя и не думаю, действительно ли Шеллинг обвенчал эклектическим образом Фихте со Спинозою, но знаю, что достоинство Шеллинга в том, что он исходит из безусловного начала, причины причин и развивает систематически. Кроме того, я вижу в Шеллинге гениальную фантазию. Полно, Герцен! Если у тебя нет в душе живой, собственной философии, то мало ты успеешь, обирая всех умерших и живых, покойных и непокойных философов. Из лоскутков смешно шить платье. Что в одной системе необходимо, как следующее из ее основания, то у тебя будет уродливо. Приложения — их надобно оказывать на деле. Проводить вечера с тобою буду очень рад. Слава богу, что ты душевно так похорошел с тех пор, как вышел из Университета. Слава и честь плану Морошкина ⁶, только ради бога не мешай фактальности с школьничеством. — Ты получил от меня

* Сен-Симон (франц.). — *Ред.*

записку с чайльд-гарольдовским направлением — не мудрено. Но ты не можешь сочувствовать, ибо ты счастлив. Любовь! Герцен, я завидую тебе! Мне надобно любить. Вот женщина — я смотрю на нее и восхищаюсь. Но вот пришла одна высокая чистая минута истинного восторга — и я стою в земле пигмеев — и это женщина! Боже! что за мелочное существование. Ты ей говоришь о высокой прекрасной любви, а она вяжет чулки, а она думает о своем платье. Ух! как это мелко — это не люди, это пигмеи. Вот тебе моя мизантропия. Сомнение, твой демон, не тревожит меня. Можно ли сомневаться, когда видишь человека, что он человек? Ты можешь сомневаться, а я не могу, я бросаюсь обнять человека и на опыте с ужасом каюсь в ошибке. Если ж в тебе нет веры во что-нибудь высшее, то в тебе нет и поэзии. Ты лжешь. Все, что ты в Христе найдешь высшего, — это вера (я читал Иоанна). Гофман = 0, если не верил в свои фантастические существа.

Друг! встань повыше — кто тебя сбросит вниз? Ты сам всех подымешь наверх. — Довольно писать; начинаются сцены *de la vie privée* *. Какие ужасы, страшней бальзаковских. Волосы хотя и не станут дыбом, а душа оледенеет. Прощай! Пеняй на себя, что я от моего друга, который со мной более всего симпатизирует, от него-то я получил только 4 письма в три месяца. Прощай.

Твой Н. Огарев

7

А. И. ГЕРЦЕНУ

(Село Чертково.) Августа 26 (1833 г.)¹

Сейчас сидел я на крыльце. (Начало странное — да что ж делать, если я в самом деле сидел на крыльце?) Небо ясно. Тепло и тихо. Вид на огромные пруды, которые кажутся рекою, очарователен — по крайней мере в эту минуту. Душа расположена ко всему изящному. Герцен! Скольких мыслей толпятся в голове. Слов недостаточно. Они слишком определены, чтобы выразить неопределенное. Герцен! Не правда ли, она высока — жизнь художника? Я выше ничего не знаю. Божественная жизнь! Божественная? —

* из частной жизни (франц.). — *Ред.*

да, я не ошибся. Бог живет жизнью художника. Ради всего святого, не смейся над этой мыслью. Я не могу себе иначе представить творения. Бог хотел выразить идею самого себя в формах вещественных. Это величайший акт художника-поэта. Друг! не смейся, не смейся. Если это ложь, заблуждение — оставь мне его, не выводи из него; я с этой мечтой чувствую какую-то новую жизнь. Если б я был живописец!.. Я бы нарисовал человека, прикованного к земле. Он глядит на небо, чистое, спокойное. Тысячи призраков перелетают в голубом воздухе — толпы ангелов прекрасных — высоко, высоко над всем видимым миром — их взоры светлы, как мысль, их жизнь духовная. И посмотри на этого человека. Небесная радость смешалась в лице его с горестью. Как хорошо это небо, а он весь земной, прикован к земле. Друг! Друг! Какая картина! Зачем с моей душой странным противуречием соединилась неловкость телесная? Почему рука не умеет владеть кистью? Зачем пальцы не двигаются, когда я сижу за фортепьяно? Зачем рифма не клеится, когда я пишу стихи? Жалкое, убийственное противуречие! Неужели все мысли, от которых голова разгорается, не выразятся наружу? О! как оно верно, состояние моей картины! Ужасная истина! Герцен! твое присутствие становится мне необходимо. Твоя душа мне необходима. Кому скажу я все, что волнуется в душе? Я хочу быть живописцем. Это очень приятное препровождение времени. Я хочу быть музыкантом. Это очень приятно в обществе. Больше я ничего не добьюсь от этих людей. Никто не заглянет в мою душу. Они боятся сильно чувствовать. Они назовут меня безумным. Герцен! Спаси меня от этой несносной борьбы. Напиши мне, по крайней мере, что-нибудь, что бы меня растрогало, что бы взволновало всю мою внутренность. Я буду покойнее. Боже мой, боже мой! Что это за существование! Земля, небо, ад — все тут, все!

Ach Herre Gott, ach Herre Gott,
Erbarm' dich doch des Herren! * 2

Герцен! Я хотел писать много, но не могу. Сильный переворот во всем моем существе. Душа — un champ de bataille **. Идеи и факты, факты и идеи сражаются. Что все

* Ах боже мой, ах боже мой, будь сударю судьей! (нем.). — *Ред.*
** поле битвы (франц.). — *Ред.*

труды мои, ночи, проведенные в мечтах, что вся эта поэзия души, когда одно происшествие³ остановило полет мысли и принесло с собою сомнения и горести. Над кем, бишь, в древности висел меч на волоске, между тем как он утопал в наслаждениях⁴ — это я, это изображение моего состояния. Больше я писать не буду, объя(сню) все это, когда мне вздумается. Если с буд(ущей) почтой удастся написать — хорошо, а нет — так и не стану, потому что я скоро уезжаю в Москву. Прощай.

Твой *Н. Огарев*

Скоро увидимся, больше не пиши ко мне, я послезавтра (30 ав[густа]) еду.

8

Н. Х. КЕТЧЕРУ

⟨Чертково, лето 1835 г.⟩¹

Еще мое первое письмо не уехало, а я спешу отвечать тебе с тою же оказиею, спешу в самом деле, потому что срок короток. Благодарю, много благодарю вас, друзья мои, за ваши послания. Вы меня оживили, я умирал, совсем умирал. Да и как не умереть? Знаешь ли как тупеет голова, когда целый день вертится в кругу пошлых мыслей. Моя душа здесь как в погребке, ее обклали льдом, и ее внутренняя теплота борется с окружающим холодом и исчезает. О боже! как я несчастлив. По крайней мере, прежде я был силен, возвышенно спокоен душою, а теперь мелкие земные страсти хотят убить во мне моего бога. Но я не потерян. Вы меня оживили. Я еще силен, я еще могу разорвать свои оковы или, как Самсон, погибну под разрушающимся зданием. Есть надежда перейти в Питер. Мое главное несчастье, что я живу с отцом, это у меня отняло волю трудиться. Но поскорей к делу. У меня есть мысль. Вот она:

Каким родом образовался tiers état * там? Его начало в общинах (communes **, смотри Тьера²). Отчего у нас его не было? Оттого, что мы не имели общин. Что значили общины во время феодализма? Собрание людей, отыскивающих права свои, защиту от угнетения властителей.

* третье сословие (франц.). — *Ред.*

** Общинах (франц.). — *Ред.*

Принорови это к настоящему ходу дел. Tiers état может у нас (со временем) образоваться из почетных граждан. Но нужен ли, но полезен, но справедлив ли tiers état? Я думаю, ты знаешь, что нет. Итак, образовать общины — dans la lie du peuple *. Но общины, между собой связанные одною общиной, которая была бы их sensorium communis **. Распространяться об этом не вижу надобности. Если вы уверились в пользе этого, то придумаете способы и разовьете все устройство. Dixi.

Вообрази себе, Коля, что у меня несколько времени уже недостает духу мыслить. Или система, о которой ты знаешь, слишком высока, или я слишком глуп, или слишком слаб и упал с моего неба. Вообрази, что, развив абсолют до первоначальной материи, я стал как вкопанный. Ни с места! Вот по крайней мере мысль о первон[ачальной] материи. Абсолютное, существующее вне времени и места, переходя в последовательность, т. е. в пространство и время, повторяет самого себя. Но оно есть бытие и идея. Бытие — начало непременимости, идея — начало движения (потому что, если помнишь, бытие осуществляется в мире посредством идеи). Также и первоначальн[ая] материя должна иметь начало непременимости и начало движения (immuabilité et expansion) ***. Эта материя есть свет. К солнцу тяготеют планеты, ergo начало тяготения в свете, а оно-то и есть это начало непременимости (consistance immuabilité) ****. Свет же (как нам очевидно) есть начало движения и жизни (expansion *****). Вот полное выражение абсолюта в мире. Immuabilité et expansion *** разом. Отвечай мне что-нибудь на эту мысль. Но дальше я не могу подвинуться, и это сознание собственного бессилия убийственно.

Благодарю за известия. Никак не могу отыскать случая писать к Александру тонкому ³ (а в толстом, черт ли в нем). Нет ли у тебя. Ты этим меня вознесешь до небес. Имел случай с дядей писать к Кузмичу ⁴ и не писал. Ну, если бы дядя отказался. Николай хитрый ⁵: славную писульку прислал; я ему по горло благодарен. Но не пишу, предполагая, что он поехал на мою родину.

* в гуще народа (франц.). — *Ред.*

** общим мозгом (лат.). — *Ред.*

*** неизменность и распространение (франц.). — *Ред.*

**** состояние неизменности (франц.). — *Ред.*

***** распространение (франц.). — *Ред.*

Прощай, друг, за неимением Вадимовых условий ⁶. Кстати, черт с ним, если он скончался, нам не нужен человек, способный скончаться. Плюнь ему в рожу и ступай своей дорогой. Моисея ⁷ поцелуй. Не отдаст ли Киндяков ⁸ моего «Notre dame de Paris» *. Ради Бога пришли Kiesers «Tellurismus» **. С Топорным ⁹ напишу о моей системе магнетизма. Я Топорнина не видал, потому что другой месяц живу в местном селе Черткове. Прощай.

Твой друг *Н. Огарев*

9

А. И. ГЕРЦЕНУ

(Чертково) августа 29 (1835 г.) ¹

Наконец письмо от друга! ² Давно я ждал этой минуты, давно сам собирался писать, но нет возможности, никто не ездит в Вятку, да и я живу не в Пензе, а в Черткове. Но твое письмо грустно, друг, и что ж сказать на это? Если мое положение не веселее? О, тогда соединим наше горе, слеза навернется при воспоминании о друге, и почему знать, может теперешняя моя слеза отозвалась в тебе за 1000 верст и твоя канула на мою долю. Как теснят, как давят и душат эти мелочи жизни и куда вырваться? Возлети умом превыше их, и вот я вознесся на свое небо, но скоро потребности сводят в обыкновенный круг движения, и, чем выше ты стоял, тем отвратительнее предстанут они пред тобою. Ты говоришь, что я имею выгоду быть выше обстоятельств; ты весь жизнь и деятельность, ты живешь в мире обстоятельств, а я весь спекуляция и среди азиатской тишины, как выражался сумасшедший Лукич ³, я не замечаю иногда того, что возле меня делается. Но теперь и меня закабалили обстоятельства. Вообрази, что я почти ничего не делаю по невозможности. Есть человек, которого я люблю, и этот человек урод в нравственном отношении, и мысль о его смерти связывается с мыслью о моей будущности. Это ужасно! Знаешь ли, что это низко, знаешь, что это давит меня и я не могу оторваться от этой мысли. Жалкий быт человечества, где сын по закону необходимости

* «Собор парижской богородицы» (франц.). — *Ред.*

** «Теллуризм» Кизера (нем.). — *Ред.*

делается недругом отца! Знаешь ли, что с тех пор, как я об этом думаю, я нахожу в себе бездну эгоизма, мне кажется, что все хорошее во мне поддельно, идет от головы, а не от сердца. Это ужасно! Что же делать? Я сказал ему: я поэт, а он назвал меня безумным, он назвал бреднями то, чем дышу я. Нет! сил недостает терпеть. *Geh' du linkswärts, ich muß rechtswärts gehn!* * Еще одно утешение. Дели его со мною, ты должен все делить со мною, мы рождены под одной звездой, «счастье нашей дружбы неизменно!» Это утешение: спекуляция. Да, построй вселенную а priori, а priori ** оставь свой жалкий блуждающий эмпиризм — возьми одно начало и иди. Тогда узнай точку, на которой ты поставлен в мире, и твоя будущность ярко разовьется пред тобою. Итак, а priori. Помнишь ли маленький очерк моей системы? Да, может быть, он у тебя. Абсолют есть тожество бытия и идеи. Бытие неизменно — идея движется вперед; она осуществляется во вселенной. Но как? Вот что мне представилось относительно первоначального вещества: идея, осуществляясь в веществе, должна выразить абсолют, а в абсолюте есть неизменное бытие и движущаяся идея. Но есть первоначальное вещество, свет или, может, нечто еще проще света, где бытие выразится тяготением, а идея светом, экспансивностью. К солнцу тяготеют планеты, и от него свет, след[ственно] в свете заключено тяготение и экспансивность. Еще мысль: жизнь во вселенной есть акт осуществления идеи. — Надобно идти далее; может, надобно прибегнуть к подтверждениям опыта, взять на помощь химию, но эта химия будет не аналитическая, а синтетическая. Если б мы были вместе, много можно бы говорить, а теперь черт знает, когда я дождусь ответа на предложенные задачи. Но если в этом есть что-нибудь путное, иди далее и без меня, уединись в спекуляцию, может быть, ты забудешь тяжесть обстоятельств и тебе можно трудиться, ты еще волен, несмотря на канцелярию, а мне и без нее тюрьма. Время ареста! счастливое время, сколько мыслей толпилось в голове, как высок, благороден был я! А теперь все пустеет, ум тупеет, душа холодна, мысль хочет повидаться с умом, а ей говорят: дома нет. Я молился богу, чтоб уничтожил меня, если я не имею предназначения выполнить, что хочу, и горе, если

* Иди ты налево, а я должен идти направо (нем.). — *Ред.*

** наперед, независимо от опыта (лат.). — *Ред.*

вместо высокой жизни, о которой мечтаю, в самом деле наступит уничтоженье!..

Служить ли? А на кой черт, с позволения спросить? Мое намерение неизменно. Едешь ты или нет? Неужели наши пути различны! ⁴

Еще одна страсть волнует меня: любовь к женщине. Я везде ищу этой любви, как чего-то небесного, и вместо мечтательной Луизы подвертывается Фаустова Гретхен или баядера.

Что еще сказать! Запас мой истощен. Тощ же я сделался. Но если б мы теперь сидели друг возле друга, о! такое блаженство когда-то будет! Сколько надобно сказать друг другу; о мой Герцен! не плачь, что нас разлучили, закуси губу, и в твое сердце вопьется ядовитое чувство: *la vendetta* *.

Кандидат ⁵ уехал, Moses ⁶ в Москве; оба выросли душою. Впрочем, все старое попрежнему. Хромоногий ⁷ в Симбирске, не имею сведения, Alexis ⁸ в Саратове, доволен судьбою и милою богат. Лучший человек в Пензе *mon valet de chambre* **. Кланяйся Зонбергу ⁹. Прощай! Беда, если переписка узнается моим отцом, — а может, и не беда. Прощай! Думай о спекуляции.

Твой *Н. Огарев*

Если Сипягин долго пробудет, может познакомлюсь, потому что 7-го сентября переезжаем с отцом в Пензу. Если нет, то очень жалко.

10

Н. Х. КЕТЧЕРУ

27 декабря (1835 г.) ¹

Друг Николай! Письмо твое от 16 августа получил недавно ². Недавно также получил письмо от Сатина и стихи за преданность (*résignation* ***) довольно хорошие, но я думаю, ты их имеешь и знаешь, что автор делает в Симбирске, и потому я об этом скажу только то, что я писал к нему, чтоб он отдалялся от молодежи ³. Я сделался человеком светским, да — и вообще хорошо принят и усердно бью

* месть (итал.). — *Ред.*

** мой слуга (франц.). — *Ред.*

*** покорность, преданность (франц.). — *Ред.*

баклуши с утра до поздней ночи. Что делать! дома — ужас! Я задыхаюсь дома, какая-то сырость удушливая, как в подземелье. В свете я нашел все то, чего искал и чего не искал, то есть много скверного, этого я и искал, и немного хорошего, этого я не чаял. Женщины здесь спасенье — гораздо лучше мужчин, не потому, чтобы были фениксы, но потому, что мужчины уроды; куда ни обернись, или дурак, или еще хуже — подлец; есть исключения, вот их-то я и не думал найти — а нашел, и между женщинами превосходную, и между мужчинами умного, но, несмотря на такие находки, мне мочи нет ногам от шарканья, ушам от восклицаний, а пуще голове от всяких пустяков. Податель сего письма человек превосходный, советую с ним сблизиться. Его приезд оживил меня; еще мог я слышать речи знакомые, близкие тому, в чем поглощено все мое существование⁴. Но ему за сорок лет. Куда и где истратилась деятельность этого ума? Черта жизни, до которой возникают и совершаются великие подвиги, пройдена — и что же? При конце жизни он скажет: «Это была мысль ребенка!» Ужасно! Обстоятельства гнетут или возвышают. Велик, кто их ловит; более велик, кто их созидает. Жизнь, как драма, имеет целостность и изящество, когда в ней развита одна идея. Слава тому, кто поймет свою идею и умеет развить ее!

Я должен тебе заметить, что я и мизантроп и филантроп, не люблю людей, но люблю человечество, ему каждая минута моего существования, ему каждое биение сердца, ему каждая мысль ума. Твердость воли и решительность, вера в человечество и в самого себя, вера в свои убеждения — и я не вижу препятствий. Тысячи средств, не пренебрегать малым и изобретать большие! Веры моей не поколеблет никакой Мефистофель. Но человек, перешедший черту, сомневается и отчаивается и под собой свою же тень бесплодно кроет в жаркий день — и все они такие, пережившие время веры и энергии. Их ум хорош, но рук нет у них. Я говорил К.⁵ об журнале; он говорит, что хорошо — но как? Я вычеркиваю вопросное слово как из моего словаря и заменяю словом хочу. Вот тебе на рассмотрение план журнала и средства к изданию⁶. Первое условие журнала — дешевизна. Он должен быть для двух разрядов читателей: 1) для тех, которые хотят думать, мыслить и чувствовать, и 2) для тех, которые хотят существовать. И потому в нем помещаются статьи сциентифические, литературные и индустриальные. Как должны быть писаны статьи ученые? —

Исторически: должен быть показан ход обстоятельств, произведших факт или идею, настоящее их положение и ожидание в будущем, должно быть показано, как было, как есть, как будет, но последнее со всеми предосторожностями, чтобы только читателю давать намек, что китайской стоячести нет в делах человеческих. — Какие статьи входят в разряд литературы? — Повести, стихи и библиография. В повестях и стихах давай нам чувств сильных и возвышенных, не нужно отчаяния, байронизм — может заставить сидеть сложа руки, не нужно карикатуры — она унижает душу, а в читателе русском нужно пробудить то, что может возвысить его, в нем так еще мало этого; но допусти иронию на настоящее и надежду на будущее: это господствующая мысль журнала. Эту мысль введи и в библиографию, в которую войдут рецензии книг русских и иностранных, прежде и вновь изданных. Для части индустриальной пользоваться (с тщательным разбором) статьями наших хозяев и промышленников и иностранными книгами и изданиями; слог ясный и отчетистый с переводом технических терминов и опять с разбором того, что было, есть и может быть. Издавать это отделение журнала при журнале и без журнала, как можно дешевле. — Идея того, что было, есть и может быть, или сохраняется в статье, или в последовательном выборе статей. Присообщить к журналу все литературные славы с покровительством Чаад[аева], которому об этом поговори; в этом случае и зарубежные хороши. Средства: пожертвования: деньги, деньги и деньги; многие согласятся этим жертвовать. Избрать издателя незамеченного, но не отступника и не профана идей; он не жертвует деньгами, но пользуется барышами (или нет), он жертвует тем только, что отвечает за статьи неизвестных писателей, как за свои — все его шансы на проигрыш в том, что могут запретить журнал. Что ты думаешь о Тим..... * ве?? — Вот и об журнале. Хлопочи же.

〈.....〉** получил только одно письмо летом. От Лахтина одно — но не мог отвечать и как, и можно ли, не знаю; не потонул ли он в покровительстве своего второго отца. О боже! неужели и вера в идеи не прочна? Грустно становится, Nicolas, прощай! Теперь все еще так черно на нашем горизонте, что бог ведает, когда проглянет

* Вырвана часть слова, вероятно, «Тимофееве». — *Ред.*

** Вырвано, вероятно, от Г. (буква «Г» читается). — *Ред.*

солнце. Надежды нам на выезд из провинции нет. О С. ⁸ представляли и в ответ дано, чтоб впредь не сметь этого делать. Я не тужу за себя, но тужу за них; мне не нужно отсюда уезжать; я сосредоточиваюсь, молчу и собираю полки в голове моей, и многое меня здесь привязывает; но их жалко, я знаю, что у них нет столько материи для жизни души, как у меня; я в этом случае что-то индийское. Жду от тебя вести с сестрою. Нет ли слухов о путешественнике ⁹. Напрасно И. ¹⁰ пишет элегии. Когда еще удастся к тебе писать, не знаю. По почте невозможно. Я служу при Статистическом комитете. Не делайся мизантропом. Уверенность в себе и энергия, вот что нужно, а отчаяние ведет к тому, чтоб ничего не делать.

11

Н. Х. КЕТЧЕРУ И МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ

〈конец 1836 г.〉¹

Crescendo aus der Symphonie meines Ichs im
Verhältnisse zu seinen Freunden *.

I

ОЖИДАНИЕ²

Tempo ad libitum **

Чего я ждал среди полей
В тиши родного крова,
Когда мечтал я вместе с ней,
Что за спасение людей
На жертву жизнь готова?
Чего я ждал, как думал я
В минуты вдохновенья,
Плоды небесного огня,
Узнать начало бытия
И путь и цель творенья?

* Кресчендо из симфонии моего Я в отношении к его друзьям (итал. и нем.). — *Ред.*

** Музыкальный термин: темп по желанию (итал.). — *Ред.*

Чего я ждал, как к цели той,
Из тьмы в обитель света,
Мечтал подвинуть род людской
Бесстрашно мощною рукой
И языком поэта?
Я ждал привета от друзей:
«Любовь жены с тобою,
Но знаем мы, в душе твоей
Есть место, чтоб любить людей
И жертвовать собою.
И слезы есть для слез чужих,
Есть также сила воли
Стереть с лица страдальца их,
Исторгнуть силой рук своих
Его из горькой доли...»

II

СОМНЕНИЕ

Adagio doloroso *

Дождался я... но горестный привет
Свинцом упал на грудь, мне душно стало,
Я голос подал им, а их ответ
Вонзил в меня отравленное жало.
За что же? что, скажите, сделал я?
Или я стал, с тех пор как провиденье
Дало подругу мне, отступник? Я?...
И вот закралось в душу мне сомненье...
Отступник я? да! жизнь моя
Не сонною ль течет волною
Как жизнь ленивца? — Много ль я
Трудился? — Бурною толпою
Сбежались тучи, меркнет свет,
И будущность закрыта предо мною,
И может жизни лучший цвет
Измят моею же ногою.
Я мрачен был — а на меня
Она глядела — и сомненью
Укор во взоре встретил я.

* Музыкальный термин: медленно, с выражением страдания (итал.). — *Ред.*

И снова верил провиденью,
И снова верил, что оно
В иных душах не даром сеет
Плодоносящее зерно,
Цветок взойдет и плод созреет.

III

ОПРАВДАНИЕ

Allegro *

Быть может я не прав! Без дел
Ничтожна вера!.. Но видали ль
Вы врозь их? Где, когда тот был,
Кто б много делал и не верил?
Иль тот, кто б твердою душой
Без задних мыслей, без условий,
Без колебаний веровал —
И оставался без стремленья
К предмету веры? — Нет, друзья,
Нет, каждый шаг того, кто верит,
Есть действие, есть шаг вперед,
И каждый миг все ближе к цели.
Очи в даль устремлены,
С каждым днем она яснее,
С каждым днем возрождены,
С каждым днем растут и зреют
Мысли новые толпой,
И я полон уверенья,
Что не призрак лишь пустой
В дымном виде сновиденья
Пролетает надо мной...
Да, верю я, толпа идей
Не есть обман в душе моей,
И верю я, что можно мне
Овеществовать их на земле,
Мне вера жизнь, во мне она
Началом дел положена,
И кто над верою святой
Насмешке место даст пустой,
Безумен тот, исчезнет он
Без славных дел в ночи времен.

* Музыкальный термин: быстро, живо (итал.). — Ред.

Agitato forte fortissimo *

Я думал, что мои друзья,
 Любя орудье в бурях века,
 Во мне — любили и меня,
 Любили также человека.
 Ошибся я, но я не знал,
 Что удостоился сомненья
 И что за то, что счастлив стал,
 Сорвал улыбку подозренья.
 Они мне гибель предрекли,
 И то, что сладко душу греет,
 Как эгонзм превознесли,
 В котором преданность немеет.
 Так вы не знаете любви
 Или у вас в воображеньи
 Она минутный жар в крови,
 Мечты нечистой заблужденье...
 Нет! плод душевной чистоты,
 Она вмещает все святое,
 Полна какой-то доброты,
 Весь мир как что-то ей родное
 Готова пламенно обнять,
 И все и все за то отдать,
 Все, с бескорыстной простотою,
 Чтоб среди людей воздвигнуть вновь
 Себе подобную любовь.
 За что ж укор? За счастье что ли?
 Оно влечет к добру меня —
 За праздность! други, я в неволе,
 Здесь делать нечего, но я
 Не празден мыслящей душою,
 Звезда надежды из-за туч
 Над отчужденного судьбою
 Бросает свой приветный луч;
 И закален среди страданий,
 Очищенный любовью к ней,
 С запасом мыслей и желаний
 Я возвращусь в семью друзей.

Ред. * Музыкальный термин: беспокойно, очень громко (итал.). —

Беда, когда грызет чью грудь
Тщеславья червь ненасытимый,
Я бескорыстен, и мой путь
Достоин истины любимой.
За что ж укор? за что сомнение?
Иль прежний огонь во мне угас
И нет к добру во мне стремленья?
Так знайте же, я больше вас,
Поставлен выше я судьбою,
Вам нечем жертвовать, а я,
Я буду жертвовать семьею,
Всем что люблю, и для меня
Ужасны жертвы, но душою
Я тверд и нету жертв таких,
Которых не отдам с собою
Я за спасение других.
Но дайте спасть моим затворам,
И не дерзнет же ваш язык
Звучать неправедным укором
Тому, кто прежде вас привык
Страдать за то, его мечтою
Одной что было с юных лет,
Чему он с верою слепою
Давно дал жертвовать обет.

А вы что сделали? Молчанье
На ваших вижу я устах,
Как прежде: теплится *желанье* —
И только — в избранных душах!...

Эскандер! Где ты? что ты? ты не прислал бы издалека такого убийственного послания³; ты не стал бы делать упрек в недеятельности, потому только, что участь твоего друга перестала гнести его страданием; но ты спросил бы, что я делаю, и я стал бы отвечать. Приехав сюда, я думал найти некоторые отголоски моим идеям в людях и эти отголоски хотел сделать самостоятельными голосами; но резонанс плох в театре нашего города, эхо молчало, актеры разыгрывали пьесу сначала глупо-смешную, потом скучную, наконец отвратительную, и я ушел, ушел подышать воздухом деревенским; тут я возвысил голос, хотел пробу:

дить сочувствие, но эхо попрежнему молчало, и я только видел толпу каких-то странных животных, которые мне кланялись. Я ужаснулся! Я углубился в самого себя и мыслил; чем более я отвлекался от мира внешнего, тем глубже мыслил, тем шире был размах моих умственных крыльев, но с этим вместе восставали препятствия моей мысли, и затруднения росли по мере ее возрастания. Светлая, она начинала темнеть, и я переставал находить жизнь в себе самом, силы мои истощились. Тут нечаянно услышал я в другой душе отголосок моей, я вскрикнул от радости, я полюбил эту душу, я назвал ее моею и вострепнулся, и снова пробудился этот скрытый огонь внутренней жизни, который не дает покоя моему уму, мысль ожила с новой силой, и я иду дальше. Я не доволен был своими идеями, мне казалось, что я выхожу от частных и иду к частностям; я начал сначала. Человек, отдельно рассматриваемый, ничтожен, как атом, он что-нибудь в связи с целым. Я начал с того, где начинается это целое, и строгая логическая последовательность ведет меня по пути его развития; много препятствий, много скачков, много идей, возникающих как бы предчувствие истины, но цель яснее, и сила продолжать возрастает в прямом отношении с прояснением. Со временем я представлю друзьям моим нечто целое, но для этого надобно, чтобы мысль моя преодолела препятствия, наполнила промежутки между скачками и предчувствия обратила в знание. До тех пор вот им некоторые отрывки заключений, оставляющих за собою много промежутков, но пусть довольствуются и этим ⁴; чем богат, тем и рад. Но прежде я скажу им, что недавно я имел столько наслаждений и волнений, что в одну ночь прожил десятилетие. Друг С. ⁵ проезжал здесь, и мы провели ночь втроем. О! этой ночи никто из нас не забудет. Надобно быть в нашем положении, чтоб постигнуть все, что было пережито в этой ночи. Пусть он сам расскажет вам.

На третьем листе будет *взгляд и нечто* ⁶, а теперь поболтаю. Письма вашего я еще не получал, несмотря на то, что живу в городе; дурак, жирный и краснощекий ⁷, воображая, что ему должно вручить его из руки в руку, живет в деревне, в город не едет и никому не дает послания. Досадно! Здешние барыни (Блохина с ком.) выпустили *меж себя* слух, что Огарев написал-де какую-то брошюрку, которую ты всем показывал; только они не знают о чем, да и я не знаю, едва ли и ты знаешь! уроды! зачем же выду-

мывать! — При первых деньгах и при верном случае деньги должны вышлю: но ты не думай, чтоб я проживал здесь по-московски; едва-едва имею 4000 (en deux *), и то мы чрезвычайно мало тратим для себя, разойдутся по рукам (просите и дастся). Отец мой очень экономен, а я во всем ему потакаю; совестно тревожить противуречием человека, которого существование и тяжело и ненадежно. Fatalitäts-gestalt! ** Это скала, о которую разлетятся самые лучшие намерения. Вот тут-то вера моя выносит меня, иначе я впал бы в отчаяние, но я продолжаю путь свой, удалив черноту мыслей, и уверен, что скоро закричу: берег, берег! Одно из первых условий ученья — покой души, покой величественный, как тишина, предшествующая буре, это тишина мысли перед действием. Что вам еще сказать для дополнения листа: я на вас сердит; зачем не прислать книг, которых спрашивал, а именно: курс анатомии; знаете ли, что от таких упущений рвется нить соображений; я учусь систематически; энциклопедическое знание, с особенной (моей) точки зрения рассматриваемое, — вот моя цель. Теперь меня занимает человек, как существо, дающее более объяснений на все окружающее, и потому очень вы дурно сделали, что не прислали анатомии, я хочу посмотреть это тело, чтоб поверить некоторые предчувствия о жизни и смерти. Я читаю Ганемана, я убежден в действительности гомеопатии; я буду лечить, советуясь с Петерсоном⁸; в деревне врач, в особенности гомеопатический, — ангел для страждущих. Петерсон хочет ехать в Персию, чтоб привить себе чуму и пробовать гомеопатическое противочумное средство. Вот самоотвержение!! — Чуть-чуть было не забыл отвечать вот на что: здесь нужны люди, там их много. Вы не понимаете меня или не хотите понять. Не там и не здесь входит в состав моей мысли, а везде, не тамошнее, не здешнее, а единое⁹.

* *
*

Наконец получил!¹⁰ Благодарю, друг, этим я доволен. Бог тебе простит, что сомневался в моей прозорливости, но никогда бы не простил, если б ты сомневался в моей неизменности. Она сама напишет к тебе. Ты напрасно

* на двоих (франц.). — *Ред.*
** Роковая фигура (нем.). — *Ред.*

укоряешь меня в том, что сижу дома; дома мне хорошо, а выедем — то душно, то мерзнем. Но это еще ничего бы; да делать-то решительно нечего. Здесь не мыслят, не чувствуют, — здесь играют в вистик и ведут кое-как свои делишки; а уж если кто и вздумает либеральничать, то уж так выместит на своих крестьянах всю несоответственность головы и сердца, что волос дыбом станет. Знаете ли вы, почему не нравится мне мнение об аристократии? ¹¹ Нет ничего легче дать волю языку там, где нет шансов, чтоб карта, которую вы ставите, упала направо, и вы очутились в критических обстоятельствах рыбы на сковороде. Эта легкость существует в аристократических кругах, но не потому, что тут какое-нибудь особенное благородство служит залогом безопасности, но потому, что тут ни одной идеи не принимают горячо, солнце блестит на кристальной поверхности, но не пронизает ее. Полноте добиваться чего-нибудь там, где нечего искать, где только самолюбие ваше подымет кверху голову, а результат будет = 0. Горе полководцу, который будет высказывать своему войску красноречивые фразы о храбрости и не поведет его на приступ. Я ненавижу аристократию ¹². С чего вы взяли, что ее дают? Какое заблуждение! Дают идеи в юных умах, а вам кажется, что дают аристократию, потому что из них некоторые аристократического происхождения. Поживите в провинции, послушайте вопль утесненных, посмотрите на жестокость даже либералов-помещиков, взгляните на то, что эта жестокость всегда бывает оправдана, несмотря ни на какие просьбы, то вы увидите, что аристократию не дают, а поддерживают. Но, несмотря на то, она очень упала. Возьмите какого-нибудь барина прошлого столетия, это что-то пышное, гордое и вместе гостеприимное, радушное — тут все аристократическое величие. А теперь? Теперь что-то скупое, мелкое, расчетливое; это внешнее величие упало с упадком доходов, и, чем более урожая хлеба, чем следственно] дешевле его ценность, чем менее дает денег земельная собственность, тем ниже падает наша аристократия, но вместе с тем более утесняется народ, который должен тогда работать не в мочь, чтоб положить лишний грош в карман своих бар. Отцы наши набрали к услугам тысячи людей, так называемых дворовых. Теперь многие помещики отпускают большую часть этих людей на волю; но погодите хвалить такое великодушие, отпускают ненужных, тех, которые в тяжесть помещику, обязанному их *кормить*.

Эти ненужные ненавидят помещика прежде вольноотпущения, потому что притеснены, а после — потому что им есть нечего. А их отпустили, как я вам сию минуту докладывал, так, как уничтожают конные заводы в неурожай овса — *дорого кормить*. Крестьян же, м. г., никогда аристократы (лучше помещики) не отпустят на волю. *Мы* (?)слишком любим сложа руки сидеть на штофном диване, курить Р. А., пить цветочный чай, когорый не стоит же более как несколько кровопотных капель земледельца, а земледелец пусть попросит Христа ради, добрые люди дадут копеечку. Что у нас нет аристократии такой, как в чужих краях, аристократии исторической, это правда. У нас помещики, а выше помещик помещиков, помещик en grand *, а что хуже: один или многие, не знаю. Полноте желать усиления касты притеснителей, ведь это анахронизм. С чего берут, что России нужно иметь развитие такое, какое было во Франции, — для этого ей надобно начать жить сызнова, но только иначе, нежели она жила. Полноте-с! Снимите ваш фрак, наденьте серый кафтан, вмешайтесь в толпу, страдайте с нею, пробудите в ней сочувствие, возвысьте ее; ее возвышение будет глас трубный!...

Но извините, если вас тогда свяжут и посадят в тюрьму, желтый или смирительный дом или во что-нибудь подобное; я вам говорю, что легче говорить в гостиных: тут до вас пальцем никто не дотронется, и вы будете пожинать незаслуженные лавры, то-то любо! Вот вам обе крайности, или результат ваших действий = 0, или он сделает ваше личное несчастье, а в общем смысле может быть также равен будет 0, а может и бесконечно малому количеству. Но туча идет с запада, и все облака по дороге пристают к ней, сядьте на эту тучу и управляйте ей, посылайте молнию, где нужно жечь, дождь, где нужно напоить землю, бурю на море, вихри на степи, вылейте эту тучу, вылейте всю до капли — и солнце озарит землю!...

Теперь еще несколько слов о себе: напрасно ты полагал, что друг твой может жениться по расчету; ни я, ни она не расчетливы. Я не высвободился из-под опеки родительской, но подвел под нее мое второе я, и она смиренно преклонила прежде гордую голову. Но поди сюда сам и взгляни на этого старика, семь лет влачащего жалкое, болезненное существование, и если б я вздумал освободиться из-под

* крупнейший (франц.). — *Ред.*

опеки его *любви*, не забудь: *любви*, то ты скажешь мне: бессовестный!

Портрета не могу прислать прежде будущей осени, т. е. через год; но вот письмо и кавказская ермолка. Статью о воспитании пришлю в феврале, да и это послание, может быть, не уедет прежде.

В.¹³ издает исторический журнал и просит тысячи три или четыре взаймы; я теперь не более этого имею на прожиток; а добра от В. не чаю, и потому не могу и не хочу дать. Он говорит, что это в пользу семейства. Тем хуже, для него нужна eine tüchtige Kuh, die ihn mit Butter versieht*.

12

Н. Х. КЕТЧЕРУ

(26 апреля 1837 г.)¹

Твое послание получил и не доволен, очень не доволен им; ты выхватил безрассудную мысль из письма моего и расплодился критикой in 8°. Но, несмотря на то, то есть несмотря на бесполезность твоего письма, я был рад ему, как давно не радовался; оно единое во всю зиму, и ты в нем так ясно представляешься моему воображению, как будто теперь гляжу на тебя, и этот образ отдаленного друга утешителен; знаешь ли, что одно воспоминание о вас навертывает мне слезы на глаза, — да, я *умею* более любить вас, чем вы меня; я на этот счет женщина. — Сегодня ровно год моей женитьбе, год чистого счастья, и это счастье неизменно, как моя дружба к вам. Когда я был холост и молод, я видел много прозы в супружестве, много ненавистных мелочей, убивающих всякую поэзию; но это заблуждение, и оно, к сожалению, царствует в умах юношей; взгляни на это нравственное влияние женщины в семействе, на любовь жены, на заботы матери (этого я еще не предвижу в отношении к нам), на ее самопожертвование для счастья всех в этом кругу — тут поэзия более высокая, нежели все прелести девы, которые каждый из нас боготворил в тайных помыслах; на этой поэзии основано все прекрасное в быту общественной жизни, и вопреки отцу Енфантену² семейство всегда останется основным камнем общественного здания. Но я скажу вещь, которая удивит тебя: я переменяю мнение

* Отличная корова, которая его снабдит маслом (нем.). — *Ред.*

о русской аристократии и перехожу на сторону путешественника ³, но об этом буду писать тогда только, когда что-нибудь целое составит в голове моей. В деревне, куда мы скоро поедем, я буду трудиться и в сентябре, а может и раньше, кое-что сообщу ⁴. — Что еще сказать, я также принужден писать на скорую руку и, кажется, плачу тебе тою же монетою, т. е. пишу вздор, который только тем может быть занимателен, что идет от друга. Я рад, что еду в деревню; эти люди мне надоели; даму, которую ты хвалишь, я вполне уважаю — но все вообще наскучили мне; зачем они так исполнены завистью, даже лучшие дамы наши (кроме нашей общей знакомой⁵), зачем говорят глупости, чтоб выказать ум свой, зачем одна перед другой стараются выставить увядшую красоту свою и завербовать в полк поклонников всякого встречного? Просто гадко смотреть на это; уеду как можно скорее; если б не эта женщина, которая теперь обняла меня, пока я пишу к тебе, я впал бы в совершенную мизантропию и был бы потерян для всего хорошего. Но с ней есть силы бороться с обстоятельствами, теперь учиться и мыслить, а там действовать; пусть пять лет пройдут в уединении, а там с светлым умом и железною волею взойду я на поприще жизни. Но довольно, к концу. Пиши мне о всех; ведь я ничего не знаю, и пиши с этой же оказией; пиши мне о моей системе ⁶, пришли мне книг. Скажи, что ты делаешь нужного. Прощай, жму тебе руку — сестра твоя также. Прощай! верь и трудись.

13

Н. Х. КЕТЧЕРУ

〈Весна 1837 г.〉 ¹

Я к вам пишу, чего же боле?.. Но взамен ни строки; а ваше письмо мне пища, ваше письмо дает взмах моим крыльям, и я с новою силой пускаюсь в дорогу. Тысячи идей толпятся в голове, я ловлю их, и каждая принимает свою необходимую физиономию, и все последовательно яснеют. Откуда началась цепь этих мыслей? Выше нельзя было начать, далее было бы ничтожество. Я начал с бытия абсолютного и, верный моему началу, пробежал вселенную и стал перед человеком. Но много пробелов означились на пути моем, — я наполнию их; ум не страшится затруднений и не трепещет перед своими выводами; вперед! я верю

в успех, вера моя сила! Когда я раскрою вам закон тройственности (сущность, идея, осуществление) в жизни человечества, когда я покажу вам человечество, прежде колоссальное, как вселенная, которую оно боготворит, потом углубленное в самого себя, выводящее из себя свою собственную идею, когда я покажу вам в каждой отдельной эпохе, в каждом годе, в каждом моменте этих двух отделов (древности и христианства) тот же закон тройственности, тогда я положу вопрос будущности, тогда я скажу вам задачу, разгадке которой посвящаю себя словом и делом! Теперь я намекну только на задачу общественной организации: «сохранить при высочайшем развитии общности полную свободу индивидуальную». Да, это задача для жизни рода человеческого, чем ближе к разрешению, тем ближе к совершенству; эту задачу пусть разрешает человечество как скоро сбросит ветхую епанчу свою. Да, человек должен по своей воле двигаться в кругу братьев; до тех пор, пока есть преграды развитию моей индивидуальной воле, до тех пор у меня нет братьев, есть враги, до тех пор нет гармонии и любви, но борьба моего эгоизма с эгоизмом других. Сочетать эгоизм с самопожертвованием, вот в чем дело; вот к чему должно стремиться общественное устройство. Эту задачу я вам выведу исторически и также приближенное решение оной в третьей или четвертой тетради очерков, которую постараюсь доставить вам через месяц *.

N.....² очень болен и все думает о смерти, я загадываю и раскрываю книгу на его счастье, что же? «Si brave, et si jeune, et si tôt emporté» **. Знаете ли, что эта мысль меня мучит; мысль потерять его заставляет меня плакать; без вас я вполне чувствую, сколько каждый из вас мне дорог.

Теперь он едет на Кавказ. А я в июле приеду в Рязань [скую] губернь[ию].

Старайся же писать при первом случае; я иногда упадаю духом, иногда теряю веру в будущность, теряю терпение, мысль провести век в здешних местах без всякой деятельности убивает меня; пиши, слова собрата освежат меня. Скажи, получил ли деньги и сколько брат дает тебе на

* Далее зачеркнуто, очевидно позднее, Огаревым: «Та, которая доставит вам послание, имсет сердце, раскрытое ко всему доброму». — *Ред.*

** Такой хороший и такой молодой и так рано ушел (франц.). — *Ред.*

покупку книг и как и когда ты мне их пришлешь. Прощай, брат; твоя сестра жмет тебе руку. Прощай! Когда-то я обниму тебя *.

Эпилог. Это письмо не было доставлено по глупости людской. Теперь я его прилагаю к новому.

14

Н. Х. КЕТЧЕРУ

(октябрь 1837 г.)¹

Еще душа полна свиданьем с другом и просится опять к друзьям; мне кажется, если б я был в Париже, то и там мне стало бы грустно без вас; но я живу не в Париже, а в деревне — и я счастлив этой жизнью, грех пожаловаться, вот точь-в-точь по мне сделано: тишина глубокая, солнце днем с золотыми, а ночью месяц с серебряными очами, два пруда, и большая береза у одного, и я гуляю с нею, и любовь все попережнему сладостно объемлет душу — но чего ж недостает **. Деятельности, брат, деятельности! Быть может месяц тому назад ты смеялся бы над таким возгласом (из уст вашего покорного слуги исходящим), а две недели тому назад уж не смеялся бы, верно, нет. *Fag niente* *** хорошо, но когда польза ясно вот тут у тебя перед глазами и тебе нельзя протянуть руку, чтоб дать ей движение, то *fag niente* словно туча над головою. По крайней мере я рад, что теперь осень; мое *fag niente* лучше осенью: листья желтеют, тулуп надевается, дрова трещат в печках и что-то грустное дружится с душою; мне кажется я был бы самый несчастный человек, если б не о чем было грустить. Русь! Русь! Я люблю твою осень, длинные вечера, от которых веет привиденьями, но те, которые наслаждаются этой осенью, не понимают ее прелестей; бедные люди! и природа не друг вам, кто же вам друг? Ко мне, ко мне! Если я не научу вас сочувствовать ей, то по крайней мере обниму вас с слезою сожаленья!

* Далее вычеркнуто: «Вели списать оба портрета для Эскандера, сделать на посылаемые портреты рамки кожаные тисненные с бронзовым ободком и через Маршева по почте пришли ко мне, но все это чтоб было сделано поскорее, ибо *право* это необходимо». — *Ред.*

** Следующее слово неразборчиво. — *Ред.*

*** Ничего неделание, безделье (итал.). — *Ред.*

Но теперь нечто о твоём письме; оно начинается войною мизантропизму; но прекратим речь о мизантропизме, я сам знаю, что он ни к черту не годится, и в моей тираде в конце предыдущей страницы не смей и искать его, ибо я тут захотел филантропствовать ². О сомненье во мне также прекратим речь. Слова Г. Дежерандо ³ о необходимости нравственного образования я вполне ценю. Но живя в деревне, часто думаю об агрономии, которая весьма в плохом состоянии; а посему можно бы подать проект; учредить под руководством лучших хозяев-помещиков Губернские комитеты сельского хозяйства, под ведением которых состояли бы для известного числа душ училища сельского хозяйства, где следует преподавать грамоту, закон божий и теорию агрономии с возможными применениями на опыте. Комитет издавал бы земледельческий журнал, а проценты с капитала комитета и выручка с журнала, также и деньги, собираемые пожертвованиями, употреблялись бы на покупку земледель[ческих] инструментов, машин и пр. Благотетельное правительство верно не откажется утвердить столь полезный план ⁴. Что об этом думаешь, напиши.

Теперь о моей системе: Ты ее не так понял. Я говорил, что абсолютное бытие выразило идею самого себя во вселенной разом, вне времени и все идеи, в той идее заключенные, воплощались в соответственных формах, заключенных во вселенной. В человеке выразилась идея самосознания; прочти, что я об этом пишу в письме к нему ⁵.

Фазы мироздания: сущность, идея и осуществление, выражаются вдруг и в природе и в человеке, тут и спорить не о чем; но из того, что я сказал, что природа есть предыдущее человеку, не мог ты заключить, чтобы она должна была уничтожиться, как скоро явится человек.

Что же делать, что делать, что человек есть произведение земли; я, право, уверен, что мой организм не есть произведение ни солнца, ни луны, ни Юпитера, ни Меркурия, ни даже того воздушного пространства, которое мы называем небом; я уверен, что он есть форма совершеннейшая на земле и выражающая идею самосознания, одну из божественных идей. Еще я с некоторых пор, следуя моей системе, уверился * в бессмертии души, о чем напишу подробно. Теперь же нерасположен. Нисколько я не полагаю разумения результатом организма, а организм результатом идеи, к кото-

* Это слово можно прочесть и как «изверился». — Ред.

рой относится как форма. Одним словом, ты не заметил в моей системе, что ряду идей соответствует ряд форм — а это в ней довольно важно. Но — об этом после поговорим.

Статьи о воспитании не могу теперь доставить, ибо, чем больше пишу ее, тем она плодovitее и пишется и так скоро отделана быть не может, с первой оказией она доставится.

Достань мне книгу: *Des doctrines morales et politiques par Matter* *, и тебе советую прочесть ее, и *Carrel — sur la restauration en Angleterre* **⁶ также доставь. При сем посылаю Романс.

La Mennais *** уехал к папе! ⁷ Нет, католицизм несколько не современен; но я думаю, что христианство еще переживет фазу чисто евангелическую; да, новую реформацию я с удовольствием допускаю, но к католицизму возвратный путь невозможен, точно так, как невозможно мне сделаться моим покойным дедушкой.

Рак[итины] и Кар[ташевы] ⁸ будут свободны! Какая радость! И часть крестьян чужих покупается. Как я люблю этот народ, как бы мне хотелось, чтоб они видели, что я их люблю, чтоб они почитали меня за друга, который им желает добра и сделает его. Может быть, со временем, устроивши фабрику, я похлопочу о Комитете поощрения фабрик и заводов. Вот новые прожекты, не знаю, понравятся ли, но я их вижу теперь сквозь призму энтузиазма. Скажи мне еще раз, мог ли я понравиться крестьянам, достиг ли я свсей цели, видят ли во мне доброжелателя? Кто мне скажет да, то я радуюсь как ребенок. Воспоминание о них наводит воспоминание о перевозе; много было пролито слез, брат, но я доволен и тем, что мне уделило провиденье на радость. Когда мы снова обнимемся, не знаю, но уверен, что это будет, и, — может быть, в то время мысль наша, еще более развитая, созреет, может, тогда будет цвет ее, а теперь она только пустилась в стебель; не нужно обманывать себя, мы едва ли дошли до цветка, доказательство, что я не предвижу еще времени, когда будут плоды. Но... Бова-королевич растет не по дням, а по часам. Прощай, брат! Жму тебе руку. Напиши, будут ли помещаться стихи у Ник[олая] Алек[сеевича] ⁹.

Твой друг до гроба.

* «О моральных и политических учениях» Маттера (франц.). — *Ред.*

** Каррель — о реставрации в Англии (франц.). — *Ред.*

*** Ламенне. — *Ред.*

Я изобрел методу обучения в народных училищах; пришли мне что-нибудь о Ланкастерской методе, чтоб посмотреть сходство, разницу, а может быть, и тождество с моею. Также Mauprat par Sand * 10.

15

А. И. ГЕРЦЕНУ

〈конец апреля 1838 г.〉¹

Еще раз перечитываю твое прежнее письмо (не то, которое ты мне прислал с братом, — это напоминает мне только холодную сторону твоей души: остроту и шалость) — перечитываю, и вот тут-то я люблю тебя, тут я вижу пламенную сторону твоей души — любовь. Друг, прости, прости минуту сомненья, к которой повело меня воспоминание о сестре великого автора путевых записок, вот тебе рука моя, отныне да будет связью между нами вера друг в друга, и, кто усомнится, пусть тому будет стыдно. Мы нашли в этом мире опору для целой жизни, душу, которая нас любит и которую мы любим бесконечно; знаешь ли, что после этого мне нет ничего страшного и, если бы все люди восстали на меня, я одержал бы победу; уверенность в блаженстве непоколебимом дала мне силу непобедимую. И эту силу душевную я берегу как святой залог грядущей деятельности, эта сила выйдет полная и чистая из смрадной атмосферы провинции, и никто не остановит ее стремления. Может быть, на будущий год мы оба будем в Москве (т. е. мы четверо) — я надеюсь, надеюсь, потому что поводом к переезду было что-то непонятное, влияние свыше, моя участь увлеклась с общим ходом провиденья. Ты знаешь, что я не хотел оставить отца, он слаб, я думал, что голос совести останавливает меня, и не просил, чтоб меня перевели отсюда. Но представь себе такое стечение обстоятельств, что я был вынужден сказать ему: addio **, я прошусь в Москву; представь еще другое стечение обстоятельств, что я заставил просить о переводе моем в Москву некоего сатрапа, да, именно заставил². И все это так шло естественно, так просто, как чашка чая, как трубка табаку. Но я верю: это действие провидения — ведь мы его дети, его любимые дети, оно

* «Мопра» Занд. — *Ред.*

** прощай (итал.). — *Ред.*

испытало нас и теперь довольно, мы вышли из этого чистилица еще с большею готовностью принять волю пославшего нас. Через несколько времени придет решение, быть мне или не быть там, я верю первому. И мы вспомним нашу светлую юность на Вороб[ьевых] горах, деятельно схватимся за настоящее и бесстрашно проглянем в будущность. Друг! В этой будущности много, много великого и светлого, много вихрей и туч, но эти вихри сметут пыль ненужную, но из этих туч полетится дождь благотворный.

Du mußt glauben, du mußt wagen,
Denn die Götter leihn kein Pfand.
Nur ein Wunder kann dich tragen
In das schöne Wunderland * 3.

Теперь о твоей системе⁴. Я ей не верю; позволь одним размахом скальпеля сокрушить ее. Что значит противуположение? Что можно противупологать одно другому? Этого вопроса ты себе не сделал. Можно противупологать полюс магнита положительный полюсу отрицательному; + и — действительно противуположны. Но как противупологать тяготение свету — отвлеченную идею живому веществу, этого я не понимаю, вопреки Шеллингу, Окену, М. Г. Павлову и всем преждебывшим и послемогущим случиться философам-дуалистам. *C'est un coq à l'âne* **. Вот в этом-то мы и не согласны. Я не верю двум началам мира. Одно начало в нем: бог; одна идея выразилась в бесконечности мира, одно вещество составило его, и оно всегда было в бесконечном пространстве, ибо выражало идею бесконечную. Скажу более: я думаю, что свет есть первоначальное вещество; в нем существуют оба направления — эксцентрическое и концентрическое. Вспомни, что мы тяготеем к солнцу. Да не угодно ли знать, что в Тигоднике объявлено об опытах Графа Ходкевича, который узнал, что тело наэлектризованное весит более, чем тело ненаэлектризованное, что тело, измененное солнечным светом, весит более, чем тело, не измененное солнечным светом. След[ст-

* Верь тому, что сердце скажет:

Нет залогов от небес...

Нам лишь чудо путь покажет

В сей волшебный край чудес. (Перевод В. А. Жуковского.) —

Ред.

** Это чепуха (франц.). — *Ред.*

венно] свет имеет тяжесть, есть вещество, а не сила; след[ственно] тяготение есть связь одного тела с другим, а не какая-то отвлеченная мысль, которая ведет к эгоизму, как вы себе представляете. Эгоизм есть следствие только того, что каждый индивидуум точно так же действителен (*réel*), точно так же не есть выдумка (*fiction*) сам в себе, как и самый мир бесконечный.

Религия относится к философии как предыдущее к последующему и наоборот. Религия захватывает верования человечества или народа в целости, потом, раздробляясь по индивидуалам, переходит в философию, которая делает шаг вперед и служит подножием будущей религии. Религия живет в храме; ее поэзия в толпе. Философия живет в уединении, ее поэзия — тишина ночи и томный блеск лампы. Но все же поэзия, высокая, святая. Апостолы учат на площади, Спиноза проводит бессонные ночи с пером в руке; апостолы и Спиноза равно поэты.

Вопрос: что ты делаешь? Этот вопрос делаю я тебе и себе, по себе скажу, что по врожденной склонности к лени делаю мало; но занимаюсь юриспруденцией. Законность (*légalité*) первая и величайшая потребность нашего времени и места. Тут я кончаю письмо; меня как-то сбили разными новостями, да еще надобно писать к Барону, а сегодня оказия. Я через почту не намерен писать. *Prudentia!* * правило мое до поры до времени. Еще два слова: поездка на Кавказ меня тешит; природа и воля, вот чего я жажду. Дома я под гнетом родительским, в городе под гнетом сатрапа, в пространстве под гнетом скучной природы. Прощай, обнимаю тебя и даю руку мсей будущей сестре. Прощай.

16

А. И. ГЕРЦЕНУ

(конец 1838 г.)¹

Не думаю, чтобы я это письмо послал по почте, мы и так скоро увидимся. Но потребность писать к тебе неоценима, а после твоего последнего письма неодолинее, чем когда-нибудь. С чего начать? Так много сказать хочется. А надобно высказать мысль отчетливо, даже систематически, чтоб ты

* благоразумие (лат.). — *Ред.*

видел и ее ясность и истинность. Начну с опровержения некоторых нападений. Ты говоришь, что я бросился в мистицизм, который хотя и может увлечь поэта, но вовсе не имеет реальности.

1) Что ты называешь мистицизмом? Вера в христианский догмат или вера в христианское нравоучение? Стремление объяснить религию посредством философии или стремление очистить себя от всего нечистого? Брат, это не мистицизм, а путь истинный. Если б я принимал за действительность все похождения принцессы Брамбиллы — тогда, я согласен, это был бы мистицизм, не имеющий никакой реальности.

2) Может ты называешь мистицизмом то, что я полагаю, что высшее развитие жизни есть любовь, и что мы здесь ее не достигнем, то я смело скажу, что и это истина. Но для этого надо условиться в том, что мы назовем здесь, и в том, что мы назовем там. *Здесь* — эпоха борьбы тела и духа, *там* преобразование (transfiguratio) тела, гармония тела и духа, формы и идеи. Разум не противуречит этому, и я тут не вижу мистического тумана.

Но я должен вполне оправдаться. *Ça me tient à coeur* * и потому выписываю тебе некоторые тезисы, в которых постараюсь заключить весь объем моих верований.

I.

⟨Бытие абсолютное, себя постигающее и творящее. Постигать и творить для него тождественно. Акт постижения и творения есть то, что христианство назвало волей божией. Самое постижение и творение...⟩ **

Извини, что зачеркнуто. Наврал. — Переверни страницу и продолжай терпеливо.

A) Б о г.

1. Бог есть абсолютное бытие.
2. Оно себя мыслит и тем переходит в идею.
3. Оно осуществляет идею самого себя — совершенно.
4. Это найдет себе подтверждение в откровении.
 - а) Моисей называет бога: *Я есмь*. Евангелие *отцом*.

* Это меня тяготит (франц.). — *Ред.*

** Абзац зачеркнут Огаревым. — *Ред.*

б) Бытие переходит в идею. *Бог был слово.*

с) Совершенное осуществление идеи бога — жизнь в духе. Дух божий носился над Иисусом, чтоб показать, что он есть сын, слово, идея божия, воплощенная в человека, т. е. что Иисус есть в человеке высочайшее выражение идеи бога и имеет жизнь духа. То же означает сошествие святого духа на апостолов, означает присообщение их к жизни духовной. Наконец, самая вещественная природа предчувствует, что ей надо будет жить духом: дух божий носился над водами (Моисей).

5. Бытие = идее = осуществлению. Это нераздельная троица божественная. Отец, сын и дух святой.

В) М и р.

1) Бытие троичное живет вне времени и пространства, бесконечно и вечно, а мир живет во времени и пространстве и потому развивается последовательно по закону провидения, переходя от действительности, соответствующей во времени бытию, к идее и к осуществлению, пока наконец осуществится в духе.

2) Полная, большая троичность мира заключается в трех последующих фазах:

α) Вещество, соответствующее действительности.

β) Человек, соответствующий идее.

γ) Преобразование мира, соответствующее полному осуществлению идеи в духе.

α) В е щ е с т в о.

От точки до человека.

Первая серия

1) Зародыш мира точка — (действительность).

2) Переход точки в бесконечное пространство, движение по всем направлениям, выступление из центра в бесконечную периферию, сила экспансивная — (идея).

3) Конкретное осуществление в первоначальном веществе.

2-я серия.

1) Экспансивность в действительности — свет.

2) Реализирование каждой точки, образованной экспансивностью на бесконечном пространстве, имеет осуществление в 3) тяжести.

Прим[ечание]. Вещество движется около общего центра по противудействию света и тяжести.

3-я серия.

1) Тяжесть, как действительность.

2) Конкретность — идея тяжести.

3) Материк — осуществление конкретности.

4-я серия.

1) Материк как действительность.

2) Соединение в правильную форму — идея.

3) Кристалл — осуществление.

5 серия.

1) Проявление правильной формы в развитие из одного начала, зародыш растительный — (действительность).

2) Цвет — идея.

3) Плод (осуществление).

6 серия.

1) Зародыш животный.

2) Жизнь сама по себе.

3) Самоощущение.

Прим[ечание]. Здесь выставлено развитие, общее индивидуала растительного и животного. Еще следует развитие от породы к породе, которое я назову историческим. Первое в человеке соответствует общему характеру человека — второе человечеству.

β) Ч е л о в е к.

1 серия.

1) Человек сам по себе — микрокосм, вещество, перешедшее в идею. — Организм (действительность).

2) Мысль — (идея).

3) Слово (осуществление).

Человечество.

(Развитие идеи бога в человечестве).

1) Мир древний. Познание бытия божия.

α) В природе (Индия). Жизнь материальная. Признак падения в сравнении с жизнью духовною; идея человека в боге — есть дух, но во времени человек идет от низшего к высшему.

β) В человеке (Греция). — Стремление к идее.

γ) Как чистое бытие (Моисей). Пророчества о Христе.

2) Мир христианский (искупление — направление к жизни духовной).

Воплощение идеи бога в образ человеческий — Христос. Христос есть факт и миф вместе.

1) Его рождение — факт; как воплощение идеи — миф.

2) Его воскресение — факт; как преображение человека после смерти — миф.

3) Вознесение, или, лучше, исчезновение, — факт; как возвращение сына к отцу, человека к богу — миф.

Мир христианский есть стремление идеи к осуществлению, к духу. Конец преображение в духе.

Satis sufficit *

Может быть, много недостаточного, но нельзя же в полчаса написать все. О главных тезисах готов спорить до упаду. Вопрос: есть ли это туманный мистицизм или живая истина?

Отрекаюсь от новейшего пантеизма, да, смело скажу, отрекаюсь. В нем нет любви, нет отношения любви бога к миру и мира к богу, — это есть непрерывный акт божьего самолюбия. Истина в христианстве, где бог отец, а мы дети; тут есть куда преклонить страждущую голову, есть кому отдать любящую душу. Итак мистик ли я? Отвечай.

Теперь о нас самих.

Разве нам не надо очистить свою душу прежде всякой деятельности? Мы горды — и ты скажешь, что это не отнимает право на деятельность. Да если ты не чище других, если в тебе самолюбие так же сильно, а любовь так же ничтожна, как в других, как ты смеешь вступить в мир деятелем ради любви и чистоты? — Очисти себя и иди.

* Достаточно, довольно (лат.). — Ред.

Ты написал систему и хочешь идти в чужь рассказать ее людям, потому что в отчизне тебе не дают говорить. Полно — ведь мы не в I-м веке христианства живем. Есть книгопечатание. Если ты полагаешь, что твоя мысль истина и что на тебе лежит обязанность высказать ее — напечатай на французском языке в Париже без имени. Никто не узнает, что ты писал, а сочинение будет известно, и ты можешь таким родом, сделав для человечества, делать для родины². Научи немудрих — а немудрая это родина; учи по возможности.

Чему же ты кроме некоторых истин, которые возможно в Париже напечатать, будешь учить еще? Ничему. Что ж подстрекает ехать? Самолюбие.

Но идея христианская — стремление к духу — должна иметь силу — если ты сберешь общество христианское, то для действия его надо — или собраться в одно место, или рассеяться по белу свету. Если собраться — ехать вон; если рассеяться — то уж верно надо остаться здесь нам, а не другим; а поехать надо будет.

В заключение скажу:

Куда ты — туда и я; куда я — туда и ты; а где истина — туда мы оба. Амен! *

До сих пор жизнь моя была попеременно то падение, то восстание, а больше падение. Брат! Право не смею ничего начать, пока сумма восстаний не будет > суммы падений. Неужели это ложно? Неужели я нечистый осмелюсь приступить к святыне, не очистив себя? Нет, нет, не иначе как со страхом Божиим и верою приступите — а не [с] себялюбием и с самонадеянностью³.

17

Из письма М. Л. ОГАРЕВОЙ

⟨Белоомут.⟩ 11 апреля ⟨1839 г.⟩,
2 час. пополудни¹

Здравствуй, Меричка! Сейчас приехал, ездил верхом, смотрел Оку, еще по ней проехать можно. Завтра пошлю к тебе Алешу; дай мне ответ на следующий вопрос. Поговори об этом с N². Но больше ни с кем не говори. Вот в чем дело: мужики никак не могут заплатить 800 000 асс.

* Аминь! — Ред.

мне и 300 т. в Совет. А предлагают мне 500 000 асс. и 300 т. в Совет, и все расходы их. Я думал, что они врут и при- творяются. Сказал им, что я никак не могу согласиться. Взял окладную книгу. Вот, что я начел, полагая везде излишки в мою пользу, стало, они собственно и такой суммы не могут заплатить, а будут принуждены часть занять.

Я распределяю капиталы, и след[ственно] возможность заплатить выкуп по количеству оброка.

127 семейств платят оброку по 43 (р. ассиг.) семейства		}	всегда с недонмой, нищие за выкуп ничего не дают
42.	21 р. 50 к.		
89.	64 р. 50 к.	полагать можно за выкуп	
			8 000
78.	86		15 000
63.	107 до 150		150 000
55.	150—215		220 000
22.	215—250		180 000
14.	250—300		170 000
8.	300—350		160 000
3.	350—450		70 000
4.	700—900		100 000
			872 000 ³

Это, как видишь, со всевозможными натяжками. Скорей разрешите, что мне делать. Если я отпущу 10 семейств, то я могу получить 200 000, с которых 8 000 доходу и 32 000 оброку с остальных. В Совет остается платить в продолжение 25 лет по 21 000, стало, наличный доход за вычетом из 40 000 — 21 000 = 19 000. Если же я всех отпущу за 500 000, то казенными процентами чистого дохода 20 000. Что полезнее, что благороднее, что добрее, что чище? Скорей отвечайте. Это меня мучит. Я, может, чего-нибудь не досматриваю. Скорей отвечайте, ради бога. Если я отпущу — то будет ли это святое дело? Если я не отпущу — то буду ли я каналья? Скорей отвечайте. Это меня мучит. Скажи N., что он ошибается, если думает, что рано отпускать, потому что надо прежде поправить бедных. Я это думал, но это ложь. На воле скорей поправятся, к тому же у свободн[ых] хлебопашцев повинностей 2—50 с души в год и только. — Так отвечайте же по совести. Ты — по совести, а не по расчетам. N. — по совести, а не по системе. Отвечайте. Никому об этом не сказывай.

Если отпустить, то вот еще расчет. Низовые именья не должны хлопотать о казенных процентах, потому что тогда

процентов останется 16 000. Стало, из белоомутского выкупного капитала еще 4 000 казен[ных] проц[ентов] лишних. Тогда я пенз[енские] именья устрою, и будь я ничтожный человек, если через 4 года все не будет выкуплено и через 12 л[ет] все приведено в то положение, к которому клонятся все мои труды ⁴.

800 т. ассиг. составляют миллион. 500 т. ассиг. составляют 600 т., 20 т. ассиг. составляют 25 т. А 4 т. ассиг., которые останутся от платежа процентов за пенз[енские] именья, составляют 4 900 р.

9 час[ов] вечера

...Я сегодня начал вторую главу поэмы ⁵. Что-то мне слишком легко пишется. Это заставляет меня сомневаться в достоинстве труда. Мне очень будет жаль времени, если труд этот ничего не стоит. Я бы желал его показать кому-нибудь, чтоб мне сказали, да или нет. Но ты знаешь, что попы и Петр Ив[анович] не великие ценители достоинства литературного произведения. Тяжело одиночество, Маша. Представь себе музыканта, который бы играл в такой зале, где звук не разносится на два шага, а слушатели сидят далеко, далеко. И если ж к тому музыкант сомневается, хорошо он или дурно играет. Вот так и я...

18

А. И. ГЕРЦЕНУ

(6 ноября 1839 г.) ¹

Говорят, к тебе оказия! Проснулся ранехонько, затопил камин и уселся писать к другу. Кажется, мне еще не удалось набросить поэтического колорита на мое положение, а между тем в самом деле что-то странное в этом утреннем бдении, что-то нерешительное. Ни день, ни ночь, свеча, камин, холод и что-то полугрустное на душе. Намедня я видел во сне отца; он был сердит, я хотел поцеловать его, но он оттолкнул меня от себя. С тех пор мне стало тяжело на душе. Вчера мне хотелось слушать итальянскую музыку — Иоганниса ² не было. Опять тоска... Некоторые из моих мистических убеждений начинают исчезать, другие преобразовываются в более светлое сознание. Но вообще мое философское сознание еще не устоялось, и от этого мне грустно.

Но грустнее всего мой образ жизни — а вместе и хорош; я в своей сфере, а душа недовольна. Если я просыпаюсь рано, то я еще могу заняться чем-нибудь. Но с 10 час. я уже на ходу. Ritter, барон, Катков, Боткин, Галахов, Иоганнис беспрерывно сменяются в воображении и в действительности³. Куча идей и образов, но они еще не связались в живое целое — и мне хотелось бы опять в степь, в глушь, в уединенье, почти в одиночество. Там переработать всю эту массу новых понятий и примириться с миром и с собою, примириться с богом, перенести его в свое сознание и в свою любовь. А между тем, мне хорошо между этими людьми; я люблю их.

Поздравляю тебя, друг, и тебя, сестра, с 23-м⁴, а вы меня поздравьте с 24-м⁵. 24-го мне 26 лет und nichts für die Unsterblichkeit getan! * Не в смысле славы говорю это, но в смысле сознания, которое еще не вместило вечности в момент своей жизни. 24-го у меня будет большой праздник, квартет и ужин. А тебя не будет, друг. Мне и без того грустно; так хорошо быть со всеми вами, а душе больно, когда одного нет, да еще того, который всех ближе. А про-рос **, я к тебе собираюсь, как скоро придет Fräulein Панчулидзева [а] или Frau Больвиллер⁶ — а прежде, ей богу, совестно. В конце месяца, вероятно, которая-нибудь да будет.

Гегель придет через месяц, не прежде. А Ранке я и не выписывал; надобно бы ждать его 3 месяца, а ты прежде получишь в Петербурге и дешевле.

Я читаю Эрдмана Einleitung zur Religionsphilosophie oder über Glauben und Wissen ***. Славная книга. Как кончу ее, примусь за «Religionsphilosophie» **** Гегеля. Первый акт оперы для Гебеля кончил.

Да, Ritter человек, за способность любить которого я готов стать перед ним на колени. Мне кажется, этой силы любви ни у кого из нас нет. Он почти женщина, любит до нежности. Но я люблю этот элемент и в мужчине.

Jetzt mit des Zuckers
Linderndem Saft

* и ничего не сделано для бессмертия (нем.). — *Ред.*

** кстати (франц.). — *Ред.*

*** «Введение в философию религии или о вере и знании» (нем.). — *Ред.*

**** «Философию религии» (нем.). — *Ред.*

Zähmet die herbe
Brennende Kraft! * 7

Благодарю тебя, сестра Наташа, за твой привет *нам*. Мария хотела писать тебе, но виноват я, что не сказал ей прежде сей okazji, а не сказал потому, что не знал, а теперь 7 час. утра, а она спит. Все равно за нее крепко жму твою руку. Ты не вдруг отказываешься от людей, которых раз полюбила, моя добрая сестра. Грех было брату отчаиваться, когда ты была больна. Маловерный! Разве он не видит, что тебе еще долго суждено жить для его счастья.

За сим, друзья, обнимите меня и проститесь. Буду читать или обделывать 1-й акт оперы. Пора послать письмо Ritter'у. Руки. 23-го пью за здоровье Александра. Addio, carissimi. Salut, amitié et sympatie éternelle **.

19

А. И. ГЕРЦЕНУ

⟨25 ноября 1839 г.⟩¹

Благодарю за твое письмо, *carissimo* ***. Любовь светлая улыбнулась мне в некоторых из его строчек. Чего же мне более? Ты во многом не прав, но это дело контроверзы — ergo поспорим, но прежде поцалуемся за миленькие приветы. Ты был не прав в отношении Марии, это доказывает факт; но что ты пользы этим никакой иной не сделал, как восстановил ее против себя жестоко и, может быть, надолго. Это также факт. В вас я вижу раздвоение самого себя и груст..., *no satis, sufficit* **** об этом.

Бросить *far niente* ***** , который иногда хорош, иногда тяжел, не знаю хорошо ли или бы дурно было. Я не верю форсированному занятию, *primo* — потому, что оно невозможно, *secundo* — потому, что если бы и было возможно,

* Сладкою влагою

Ты укроти

Острую силу

Едкой струи. (Перевод А. С. Пушкина). — *Ред.*

** Прощайте, дорогие (итал.). Привет, дружба и вечная симпатия (франц.). — *Ред.*

*** дорогой (итал.). — *Ред.*

**** довольно, достаточно (лат.). — *Ред.*

***** ничего неделание (итал.). — *Ред.*

то было бы скверно. Продолжаю: как на большом размере учредить свои занятия? Заниматься современной философией, вот все, что я постигаю относительно занятий. Предстоит развить философски некоторые отрасли политических наук, доселе блуждающих ощупью в эмпиризме. Одно скажу, что надо привести себя на степень сознания, на много почище развитую, чем наше теперешнее состояние, прежде чем пускать в ход наши философские создания. Эрдмана книга «Über Glauben und Wissen» * служит мне введением в Religionsphilosophie ** Гегеля. Там брошусь с жадностью на логику.

В день твоего рождения мы пили за твое здравие. В день моего рожденья у меня был квинтет, и потом мне сделали сюрприз — сыграли водевиль. Актеры были: Мария, барон, Катков, Сатин, Боткин, Клыкков, Иоганнис и Богданов суфлером ². Я провел этот вечер восхитительно. Иоганнис пел до 6 часов. Катков заключил водевиль стихами на всю почтеннейшую компанию. Спешу отослать письмо, иначе прислал бы стихи и любопытную афишу и еще более любопытную мистерию: «Упсальский барон», пародированную из замка Смальгольм мной и Катковым, который сейчас проснулся и тебе кланяется. За сим прощай, обними меня. Дай руку, сестра, благословляю Сашу. Addio. Salut, amitié et sympathie éternelle ***.

О Гегеле писал — через месяц получится.

20

А. И. ГЕРЦЕНУ

⟨20 февраля — 6 марта 1840 г.⟩ ¹

20 февр[аля]. Речь не об масленице, которой теперь 2-й день, и не о блинах, которых добрые люди едят за завтраком, а дело вот в чем.

Я сейчас проснулся и во сне видел тебя. Мы перечитывали какую-то старую книгу, в начале нашего знакомства читанную, нами любимую. Поля ее были исписаны фигурами и словами. Я почти все их помню. Друг! Как это внезапно меня перебрало в 15-тилетний возраст, и я не мог

* «О вере и знании» (нем.). — *Ред.*

** философию религии (нем.). — *Ред.*

*** Прощай. Привет, дружба и вечная симпатия (франц.). — *Ред.*

не написать к тебе, вот истинная потребность. Что это был за дивный возраст! Ты не забыл его, Александр? Грех тебе, если забыл: это святое время нашей дружбы! Что за дивная жизнь, разбери пожалуйста: дружба составлена, союз крепок; мы чувствуем в себе какую-то силу необыкновенную. Этим союзом мы отрицаем наше ребячество и, крепко обнявшись, кажется, говорим людям: мы юноши! Какая благородная гордость в первом ощущении самих себя! А перед нами лежит будущее, бесконечное, *tabula rasa* * — мы напишем на ней дела великие. Что за чудесное время, Герцен! Наша дружба — точка отправления в даль, которую мы наполним своим существованием. Иногда мне кажутся смешны эти 15-тилетние герои, но в эту минуту я чувствую, что они были прекрасны. Я смотрю на них, как на художественное произведение. Все наше прошедшее приходит мне на память — и эта книга с исписанными полями, и комнатка, где мы ее читали. Дверь в комнатку затворена. Там возле все докучные люди толкуют о вздоре, нам до них дела нет. Мы полны жизнью, мы определяем нашу будущность, мы чувствуем, что мы не пройдем в мире таким пошлым путем, как те. А в окно светит звездочка... Мы ее полюбили, мы назвали ее нашей путеводной звездой, мы верим. Мы плачем от любви друг к другу, нам так хорошо, мы так сильны — о, Герцен, Герцен! Что это за чудесное время! Я не променяю настоящего развития на ту начинающуюся жизнь, но со вздохом скажу: она была лучше!.. Жалко мне моего прошедшего, настоящее пусто и скучно, атмосфера, в которой я живу, меня душит — Герцен! руку, дай мне руку, старый друг мой, мой вечный товарищ, благодарю за блаженство, которое мне принесла твоя дружба. Я недоволен тем, о чем уже писал, — непрерывным нахождением себя в обществе людей, которых я хотя и люблю, но уже слишком часто вижу.

1 марта. Я начинаю устраиваться. Назначил день для схода, а остальное время решаюсь держать двери на запоре. Стремление к науке сильно. Я принялся за феноменологию и чувствую, что в самом деле начал сначала. Страшно читать Гегеля, без шуток страшно — того гляди впадешь в формализм, а именно заслуга Гегеля состоит в том, что у него нет формализма. Формализм берет готовую схему и прилагает ее ко всему, а у Гегеля само содержание живет

* чистая доска (лат.). — *Ред.*

и дает себе форму. Но для нас есть возможность впасть в формал[изм] потому, что мы можем схватить в Гегеле общие данные — и давай все гнуть по ним.

6 марта. Теперь пожалуйста-ка ко мне на суд с вашим письмом². Начну с конца. Кетчер велел тебе сказать, что хотя ты и обвиняешь его в нелепостях, но что он никогда не изобретал подобной твоему вопросу, которым ты заключаешь письмо. Мне твой вопрос представляет психологическую задачу; я ее выведу. Первая идея, которая запала в нашу голову, когда мы были ребятами, — это социализм. Сперва мы наше я прилепили к нему, потом его прилепили к нашему я, и главною целью сделалось: мы создадим социализм. Не отрекайся — это правда. Чувствуешь ли ты, что в этом много уродливости; что тут эгоизм, хорошо замаскированный, но тот же эгоизм. Отсюда вышло когда-то желание набросить миру новую религиозную форму. Вот источник твоего вопроса. Теперь разберем самый вопрос: «Есть ли возможная, живая, полная религиозн[ая] форма (учение и церковь), которая могла бы обнять католицизм, протестан[тизм] и гречес[кую] веру — из прямых оснований евангель[ского] учения, как оно понято современностью?» — Что такое религия? Задача ее и задача философии одинакова; но дело в том, что то, что религия сознает в форме представлений, то философия сознает в понятии. Что был католицизм? Первая форма самосознания духа, отрицающего природу — внешнее, и возвращающегося к себе, должна была жить в представлениях; христианская троица явила образы, но не идеи; чувство приняло их, но не разум. Католицизм есть совершенно представитель непосредственного чувства истины, живущего в сфере представлений. Гречес[кая] вера тоже, кроме мелочных различий и политической целости и влияния. Протестантизм — начал вызывать разум. Но ему надо было отвергнуть мир представлений — для этого он рассуждал и остался в границах рассудка. Дело философии поставить на сцену разумно. Христианство должно сознаться разумно в философии. Где же тут место новой религиозной форме? А ведь ход-то естествен. Дух современности не может отречься от разумного самосознания, не может снизойти до мира представлений; и новая религиозная форма так же невозможна, как была невозможна новая форма греческого полифеизма со времен Сократа. Христианство останется, потому что истинно; но оно, вышедши из формы представлений, пере-

ходит в науку — философию. А новой формы я не в состоянии ему придумать, да и не почитаю за нужное брать на себя обязанности всего человечества (не homo + homo *, но духа человечества). Еще твой вопрос нелеп потому, что нельзя придумать обнимающую две противоположности (Катол. и христ.) форму. Примирение этих двух противоположностей] заключает не обнимание, но отрицание их. Насчет медали поступи, как хочешь, пожалуй хоть и подари, я буду показывать с одной стороны и объявлять, что получил за спасение утопающих.

Насчет службы я с тобой совершенно согласен. Тут важная задача вот еще в чем: постигнуть общий дух века и важнейший вопрос, заключающийся в настоящем моменте, и трудиться для него. Насчет сожжения статей также совершенно согласен, только не жги *Selbstbiographie* **³. Перевод француз[ский] Ранке⁴ искажен. Не читай его.

Мое самоотречение ты не так понимаешь. Что у меня нет элемента практической воли — в этом я убежден, хотя черт знает, от чего выходит, что я не делаю ничего, чтоб удовлетворить желанию других. Моя воля отрицательна; есть граница, за которую никто не может переступить; но до этой границы делай всякий, что ему угодно. Я не только не мешаю, но даже и не замечаю. Это очень скверно — но едва ли я когда-нибудь могу переиначиться. Ни на кого не кричу, никого не ударю. На меня можно кричать и бить меня можно, но внутренняя жизнь моя — моя, и в нее доступу нет никому; на нее нельзя кричать и бить ее не допускается. Что же касается до самоотречения относительно *rater* Гегеля, то оно имеет основательную причину: я не создал и не создам философской системы, и беру ее в другом, выразившем современную философию. Приступаю с верою, значит, *mit Andacht* ***. Запрещаю моему субъективному рассуждению противуречить. Но объективный разум пусть движется во мне при чтении Гегеля, как и во всех. Я Гегеля смешал и смешиваю с философией до тех пор, пока Гегель является как объективный разум.

Хандра прошла у нас у всех. Барон перевел Эгмонта и переводит Шекспира. Я читаю феноменологию и поправляю поэмку⁵. По окончании ее я скажу сам себе, есть ли во мне

* Человек + человек (лат.). — *Ред.*

** Автобиографии (нем.). — *Ред.*

*** с благоговеньем (нем.). — *Ред.*

художническое призвание или нет. Надо прояснить себе и свою личность. Что же касается до хандры — дай всему место и время. Грусть также истинное и святое чувство.

Насчет Менцеля поговорим в другое время. Теперь надо отсылать сие послание. Поговорим при свидании. Необходимо уяснить себе идею государства.

Когда же ты будешь? ⁶ Приезжай скорей и останься подольше. Мне к тебе ехать право не хочется; для одного дня, в который, кроме глупостей, ничего не успеешь наговорить, нечего ездить. Портрет я тебе свой сделаю, когда встречу еще художника, которому более удастся, а маленькие возврати мне, потому что они для меня составляют субъективный интерес, по которому я именно к ним привязан, и не хочется с ними расстаться.

Вадим издал книгу ⁷, в которой я одну статью начал читать: «Люблю тебя, красавица моя, Таврида! Ты очаровательна, у тебя море течет по разметанным членам и т. д.» Очень поэтично-с написано.

Был у меня Лукич ⁸. Идиот большой руки. Был я у Марьи Иван[овны] ⁹. У нее 2-я дочь, Душенька ¹⁰, очень мила.

Благодарю Наташу за приписку. Жму ей руку крепко, но не больно, а сладко. Сашу целую и рад, что он, наконец, становится в состоянии кушать мясо, которое вопреки всем скотолобивым рассуждениям превкусная штука. Маша вам кланяется, а Пенна ¹¹ не сожгла.

Прощайте, друзья! Скорей приезжайте.

Salut, amitié et sympathie éternelle*.

Мне жаль было Галахова ¹². Я его очень люблю. Благодарнейший человек.

21

А. И. ГЕРЦЕНУ

7 ноября (1840 г.) ¹

Вчера пришло от тебя письмо — завтра оказия, итак к перу. Нечто о твоём письме.

Наслаждаться жизнью — вот тема. Но позвольте, я сделал ограничение, я сказал: наслаждение поэтическое. Теперь — в чем наслаждение поэтическое? С первого

* Привет, дружба и вечная симпатия (франц.). — *Ред.*

взгляда можешь увидеть, что всякое практическое наслаждение здесь не имеет места. Наслаждение писать деловую бумагу, работать на сахарном заводе, даже раздавать милостыню не имеет места. Может быть, после последнего ты поставишь крючок в скобках и покачаешь головой, а между тем это так. Помогать ближнему имеет поэтический смысл только тогда, когда в душе живо чувство братства, а это чувство редко живо. Ты даешь денег твоей родственнице, потому что она тебе родственница, связь, которая уже носит на себе печать ограниченности, имея основание в обычаях и приличиях; ты поддерживаешь деньгами молодого человека, который учится, потому что из него что-нибудь выйдет; это чувство шире, но не бесконечно. Ты подаешь гривну нищему, потому что рассуждаешь: «от чего же и не подать? Меня не разорит, ему поможет». Ей богу! Тут ни на грош нет бесконечного чувства братства, а только оно может сделать наслаждение помогать бедным — поэтическим. Об индустрии и службе говорить нечего, — я тут не вижу ни малейшей поэзии. Может это личное мнение, а может, и объективная истина. Наслаждение поэтическое только там, где есть чувство бесконечности. Ляг под навес и смотри в потолок — это будет глупейшее прозаическое положение; иному оно понравится как защита от солнца или дождя, но этот иной — сухой, прозаический человек. Раскрой крышку и смотри в синее небо. Твой взор будет теряться, теряться вдали, ты будешь смотреть и стремиться куда-то, куда-то, в бесконечность, и душе будет любо. Это поэтическое наслаждение. Вот о материализирование моей мысли. Где есть рассудочное движение, там видны границы, где есть границы, там нет поэтического наслаждения. Человек, который рассказывает факты из своей жизни, несносен; человек, который их рассказывает, насколько в них вошла человечность, ergo вводит элемент бесконечного в известный момент — дает наслаждение. Из всего сказанного следует, что, что касается до меня, служба к черту и индустрия к черту; еще на последнее я должен обратить внимание, как на необходимость скучную, но неизбежную. Остается для поэтического наслаждения: наука и искусство — и чувство братства. Я едва ли когда прилеплюсь к науке. Искусство — область, в которой мне хорошо; за него я благословляю жизнь и провидение. Служба! Боже мой! Да если б еще быть членом нижнего парламента, человеком, который сосредоточивает в себе интересы не только своей

общины, но целого человечества! А то быть коллежским асессором (с чем тебя поздравляю), исполнителем особых поручений, вероятно очень неважных, судя по чину, — да это так мелко, черт возьми, что вот вся внутренность поворачивается с досады. Какое тут чувство гражданственности? Какая польза? Кому? Вчера приводили к нам обезьяну на веревочке, славно пляшет, бестия! Конечно, хорошо быть губернатором в 38 лет, а если лет в 70? Еще лучше. Но, но — тут очень много: *но*, а главное *но* в том, что каждый человек имеет свою натуру, против которой ни шагу не сделает. Я далек от того, чтоб искать в натуре человека извинения всем пакостям, которые он когда-нибудь может сделать; благородство может быть во всякой натуре. Но решительно — я никогда не буду практическим человеком, никогда не буду сердит, никогда не буду расчетлив; возьми человека с противоположной натурой — и он никогда не будет ни мечтателем, ни беспечным, ни слабохарактерным. Следует, повторю, разобрать: практический ты человек или нет. Да — нет, да — нет, загадай на пальцах.

Поеду ли я в Италию, Герцен? Да что ж я такого сделал, что мне можно отказать? Я хочу ездить в гондоле, я хочу теплого воздуха, и синего неба, и лимонной рощи, и огненного лица итальянца, и музыки, музыки, пуще всего музыки. Здесь скучно, Герцен, даже не грустно, а просто скучно; скверная опера, а в ложах рожки, боже мой, какие рожки! Ни тени красоты! Оловянные глаза, развороченные губы, жирные носы. Людям с такими лицами недоступны впечатления, а внутри их пусто, они спят наяву. Может быть, мне будет грустно в Италии; но то будет грусть в стремлении, настоящая *Sehnsucht* *, а не скука, не тоска от того, что нет простора, нет стремления. Глупая жизнь, Герцен! Я не философ, я не художник, я не практический человек. Что ж делать? Куда деваться? Вступай в службу, Герцен, по крайней мере будет определенность, будешь губернатором, станешь ездить по уездам и ругать исправников, которые будут твердить: «Батюшка! Жена, четверо детей! Помилуйте!» Ну! ты губернатор! А я-то что ж! Съезжу в Италию, потом вернусь, уеду в деревню. Лягу на берегу пруда, буду смотреть на гладкую воду. Тихо, тихо! ни струйки на целом пруду. Солнце заходит, небо ясно, первая звездочка показывается и смотрит, бледная, грустно.

* Тоска, страстное желание (нем.). — *Ред.*

Стадо идет через плотину. А у меня в ушах еще итальянские напевы. Грустно! Сердце живет в воспоминании. Стадо пройдет, солнце сядет. Засветит месяц. Ветерок повеет. Соловей засвищет. И мне дома будет и сладко и грустно, и не хуже, чем в Италии. Мой пруд будет Lago Maggiore *, а музыка будет во мне. Ведь я знаю, что она во мне — звучит там где-то внутри, и сладко слушать и слеза навернется. Играть не умею, петь не умею, писать не умею; да оно лучше! Инструмент бы сфальшил, голос мог бы показаться грубым, в нотах сделал бы ошибку, и потом они показались бы мне измаранным листом бумаги — не более. Живи же во мне, моя музыка, и я буду блаженствовать. Мне будет мечтаться гимн, когда я буду философ; мне будет мечтаться сладкая мелодия, когда я буду любить; мои рифмы будут звучать под музыку, как волна, когда звучит об волну. Дивный звук! Я его люблю до безумия. Я буду все, Герцен; я буду и философ и поэт — я буду человек, который наслаждается. Если из этого имеет быть польза, то и будет.

А есть во мне темная, черная сторона. Это животные потребности. Тут мне представляются подовые пироги и черт знает что. Гадко! Отвратительно!

Кстати, к последнему слову — о Бакунине — скажи ж, пожалуйста, об нем *последнее* слово; этим ты меня очень одолжишь. Как ты не хочешь понять, что жить на счет других гадко, потому что унизительно. Пользоваться благодеянием такого рода — унизительно. А Бак[унин] не имел отказа у друзей. Он жил у Станк[евича] и начал распорядиться как хозяин. Жил у Боткина и жаловался, что у Боткина кушанье нехорошо. Занимал с намерением (уже осуществленным) не отдать у Ключникова, который в поте лица добывал свой хлеб. Торговал сестрами! Да фу, черт возьми, Герцен, или в тебе нет души человеческой, или ты защищаешь Бак[унина] против себя. Быть не может, чтоб Станк[евич] писал *к* или *о* Бак[унине]. Он не мог равнодушно слышать, когда произносили его имя. Да отчего никто не мог иметь с Бак[униным] задушевных отношений? Ведь есть же что-то отвращающее в этом человеке. Чем он умнее, тем он гаже. Грех не в грехе, а в знании греха. Dixi **.

* Название озера в Италии (итал.). — *Ред.*

** Я кончил (лат.). — *Ред.*

Ты все говоришь об очищении дурных людей. Не спорю, может они и очистятся. Да теперь они не чисты. У тебя часто бывают любви, ты вдруг вытянешь человека до небес, а он и сожмется в точку, как скоро ты на шаг отступишь. Я уверен, что в Пассеке тебя восхищает то, что ты ему говорил. Бел[инского] я почти не знаю и молчу на его счет. Стихи желаю поместить в «Записках», потому что их получаю и хочу видеть моих детей. Да и журнал-то все же имеет движение и ход.

8 ноября.

«Ты приобрел, верный Standpunkt *, ты отделался от субъективных теорий, понял объективность». Hierüber ist was zu sprechen **. В тебе это шаг больше, чем бы он был во мне, если б я его сделал. Твой характер более пылок, ты самолюбивее меня; тебе это труднее, субъективность должна была тебя более увлекать. Но что такое: отделался от субъективных теорий? Я думаю об этом, и мне тотчас представляется 34-й год. Я не посылаю проклятия субъектив[ным] теориям этого года; может даже смотрю на них с грустным сожалением и часто говорю себе: где они, мои светлые годы и пылкие мечты? С тех пор, друг, утрачено одно и очень важное: вера в жизнь, в себя. Но лучше отречься от блестящей будущности, чем пребывать во лжи. При последнем свидании ты далеко не отрекался от субъект[ивных] теорий, я увлекался ими по памяти, но уже их не было в сердце; это была натяжка. Теперь как же ты от них отрекся? И от каких? Желал бы сесть с тобой у камина и разговаривать. Переписка тянется и не полна. Отречение от субъек[тивной] теории должно иметь для нас еще важное последствие: самоопределение. До этого, откровенно признаюсь, я не достиг. Что я an sich ***, что я für sich ****, что я für ein anderes *****, т. е. для людей? Не понимаю, и от этого скучно, очень скучно, не знаешь, за что приняться. От Гегеля, не знаю почему, я отстал, т. е. давно не читал его. Не мог, не хотелось. Гранов[ский],

* Точку зрения (нем.). — *Ред.*

** Об этом есть что сказать (нем.). — *Ред.*

*** В себе (нем.). — *Ред.*

**** Для себя (нем.). — *Ред.*

***** Для другого (нем.). — *Ред.*

с которым я сближаюсь, посоветовал приняться за историю; я схватился за эту мысль и принялся за средние века, к которым имел и имею особенную нежность. Теперь читаю Stenzel's Geschichte Deutschlands unter den Fränkischen Fürsten². Славная книга! Боюсь увлечения: я как-то потерял из виду общее, и меня более всего интересуют индивиды. Эти крепкие люди того времени живее интересуют мою фантазию, чем смысл происшествий — мою рефлексию. Мне это не нравится, а не могу отбиться. Я как-то больше живу в непосредственности, в представлениях, в образах, чем в мире мысли, рефлексии, спекуляции. Это даже несвоевременно. Но едва ли должно и едва ли можно принуждать себя к чему-нибудь. Буду ждать минуты любви в спекуляции и поймаю ее. Не дурно пока подготовиться фактами.

Однако голова моя что-то становится в разброде. Кончаю.

Прочел письмо Сат[ина]. Тоже недоумение. Мне его жаль. Он грустит и страдает; а незнание немец[кого] языка и чуждость философии немало прибавляет горечи в его жизнь. Но я еще верю и в его, и в мое, и в твое примирение с жизнью. Быть не может, чтоб мы не определились. Но с примирением должны исчезнуть, даже без сожаления, личные надежды и мечты, к которым были привязаны. Но с примирением настанет и спокойствие духа, до которого я добиваюсь. К труду! к труду! черт возьми — надоело бездействие. Мир с жизнью посредством науки и любовь к жизни посредством поэзии — вот пароль на пропуск через 60 лет, которые мы проживем.

Прощай! Целую Сашку. Я и Маша ждем руку Наташе. Addio *. Пиши.

Еще раз прошу стихи поместить в Записки. Современник получают 4 человек[а] в России — только, а именно Плетнев, Жуковский, семейство Карамзиных и Ал[ександр] Сер[геевич] Ширяев³.

Барон не пишет; он танцует на бале. Да я его уже несколько дней не видал, а потому он письма твоего еще не читал.

Ritter все болен.

* Прощай (итал.). — *Ред.*

А. И. ГЕРЦЕНУ

(1 марта 1841 г.)¹

Что-то недоброе над нашими головами², Искандер, над нашими потому, что мы так созданы, что не можем отстать друг от друга. Но пусть будет, что будет — я думаю, что благородство не состоит в том, чтоб бежать с поля битвы и где-нибудь в тиши кончить никому ненужную жизнь, благородство оставаться на поле битвы до конца. Бедный мой друг! Когда я узнал о смерти моего крестника, я впал в тоску, как никогда не бывало. Все казалось так гадко в жизни, так черно, я не видел плодов прошедшего, не верил в будущность — я страдал и насилу выбираюсь из этого состояния. Надо выбраться силою резигнации, силою воли, силою мысли — чем хочешь. Я выбираюсь силою резигнации. Слушай, друг, времени говорить мало — спешу. Есть страдания человечески индивидуальные, есть страдания человечески — человечественные. Ты как человек страдаешь по семейственному горю, ты как человек исторический, т. е. явившийся вследствие исторического развития нации, страдаешь в другом случае. Если было б гадко отбросить свою человеческую силу, чтоб не знать страдания в семействе — то также мало мы имеем права отбросить историю, чтоб избавиться от какого-нибудь страдания. Нет, Искандер, нет — на, возьми мою руку и держись. Я не тот слабый человек, над которым можно горько улыбнуться, но я человек полный тихой резигнации и неизменной непоколебимости, но ты не смеешь улыбнуться даже из сожаления. Я в Петербурге не могу быть прежде начала апреля — по делам денежным. Ты уже будешь вне этих жестко мощенных улиц. Но мы все же увидимся. Я как-то сегодня полон жизнью и верою³. Еще будет блаженство на земле, будет — да если б одно блаженство страдания? Так что ж? Возьми крест свой и иди. В твоём доме я не могу остановиться; месяц, который я проведу в П[етер]б[урге], я должен провести в гостинице, не имея с собой повара. Если мне скажут нет — я еду на Кавказ и в Крым. Я много читаю и пишу. Занимаюсь развитием городов в Германии.

Наташа, вас утешать я не имею права, вы в душе более кротки и утешены, чем я. Скорее мне протянуть к тебе руки

в минуту тяжелую и просить научить страдать терпеливо. Будь здорова для его счастья. Прощай! Marie тебе кланяется.

Я должен кончить. Слишком поздно узнал отъезд Б. ⁴ и готового письма не было. Барон жмет вам руки. Addio *.

23

А. И. ГЕРЦЕНУ

7 июля н[ового] с[тиля] (1841 г.)¹

Вот я и в Карлсбаде. Лечусь. Я заглянул в себя на досуге, и нехорошо мне стало. Много мы говорили в Питере, и все не то. Я недоволен не только собой — но даже и нами. А прощанье наше было хорошо. Наше последнее утро было хорошо. Широкое море, да широкая симпатия! Твою записку я долго носил при себе, но выдрал из нее клочок, который напомнил скорбную повесть, частью ложную, частью истинную, и о которой ты не должен был писать в последней записке; но об этом и о многом мы поговорим при свидании. Многое здесь мне открылось, много старинных, задушевных истин опять выплыло наружу. Я бросился в объятия общего и верю в жизнь как никогда не верил. Много понятий уяснилось. Из мира ощущений, мечтаний, смутных идей, из области мысли даже я пришел к положительному, ищу die Tat ** и полон надежды. Пруссию я люблю. Ей широкая будущность. Общее довольство отвратит от нее бури, но успех спокойный, стройное развитие цивилизации будет ее уделом. Да здравствует Германия! — В природе я нашел еще симпатическую сторону жизни. Синие горы, тихие долины, темные рощи еловые, тополи прямые, каштановые деревья — все это какое-то предчувствие, какое-то вступление в Италию. Теперь я в Карлсбаде. Недели через 3 поеду в Эмс, потом в Веве (Швейцарию) и, наконец, в Рим и Неаполь. Конечно, я успею бросить очень поверхностный взгляд на Европу и только ²; но и это только хорошо. В Карлсбаде скучно. Соотечественники наши никуда не годятся; англичане, которых здесь не сочтешь, также. Филистерство в высшей степени. Я почти ни с кем не знаком. Племянник John'a Russel'я ³, юноша

* Прощай (итал.). — *Ред.*

** действия, практики (нем.). — *Ред.*

привлекательной наружности; мне хочется с ним познакомиться, но он, кажется, так молод, живет aus sich heraus *, что едва ли найду что утешительного. Галахов пробыл с нами слишком 2 недели; мы много говорили, и мне было хорошо. Сегодня расстались с ним. Воды и образ жизни, даже и вне развлечений общества, мешают порядочно заняться, вгоняют тело в усталость и душу в апатию. Это очень скучно, и преобладание тела над духом досадно. Я нашел кой-какие книги занимательные в Дрездене. В Дрездене все есть, не знаю, есть ли цензура, забыл осведомиться, но, судя по книгам, не похоже, чтобы что было вычеркнуто. Обратясь к вещам положительным, я решил заняться здесь предметом, для нас довольно чуждым, — финансами — и читаю кой-что. Историческое право, которое всюду держит людей в когтях, и в этой науке крепко царапает здравый смысл и правосудие. Много вещей без всякого разумного основания вошло в науку потому только, что существуют в действительности. Нет! Messieurs **, не все, что действительно, разумное; но разумное должно быть действительно. Лучшая мысль современной германской философии — die Philosophie der Tat ***. Я нашел реакцию против Гегеля. Но об этом очень долго распространяться, а Гал[ахов] едет через несколько часов.

Ну! где ты? что ты? Все ли в туманах север[ной] столицы или уже в туманах сев[ерной] провинции? Где бы ты ни был — сила духа не должна оставлять ни на минуту. Я чувствую, что крепну. Я почти ничего не пишу. Среди чудесной природы стремление к стихам, наперекор здравому смыслу, меня оставило, а люди в их положительном мире занимают более, чем когда-нибудь. Много мы поболтаем при свидании. Но где же увидимся. Пиши ко мне в сентябре в Неаполь poste réstante ****, но не много, разумеется. Здесь из русских Брянчанинов и много, много. Дипломатический корпус здесь: Pahlen, Гурьев, Medem (из Баварии, кажется), Саксонский, говорят о приезде сюда Тьера — это интересно. Но что-то не верится. Все эти люди имеют какую-то таинственность — газеты и люди предполагают, что у них совещание, а может быть, ничего этого нет и они отдыхают от дел. Но Европа интересна, настоя-

* здесь: рассеянно (нем.). — *Ред.*

** Господа (франц.). — *Ред.*

*** философия действия (нем.). — *Ред.*

**** до востребования (франц.). — *Ред.*

шая минута интересна — будто что-то особенное должно быть.

Дай ручку, Наташа! Тебе надобно сказать, что я видел Рафаэлеву мадонну, и если муж твой восхищается тою, которая в Эрмитаже, то он ничего не понимает. Что за Христа она держит на руках. Приезжай в Дрезден когда-нибудь и взгляни на это дивное создание. Что твой Саша? Также ли говорит: не хочется?.. Будь счастлива, сестра, много дается тем, кто много любить умеет. Целую Сашку.

Прощайте, друзья. Больше некогда писать. Я доволен путешествием — будет с вас этого; вы должны быть довольны, что я все-таки недаром съездил. Addio *.

24

Из писем к М. Л. ОГАРЕВОЙ¹

(Из письма от 20 июля 1841 г.)²

Книга Feuerbach'a увлекательна³. На многое открывает глаза. Я постараюсь тебе дать об ней короткий отчет. Но едва ли можно сыскать книгу разрушительнее для христианства. Одно заключение для себя я вывожу, что мне жаль, что я не рожден во время апостолов; я был бы чудесным христианином — ein Gemütsmensch **. Опять примусь читать.

25

Четверг. Утро. (22 июля 1841 г.)⁴

Туманное небо, и на душе туманно. Куда деваться с жизнью? Куда убежать от страдания? Где спокойствие? Где блаженство? Там! в том мире! Но в том мире хорошо настолько, насколько создала его наша фантазия. Отвлечение от смерти, желание жить индивидуально заставили людей выстроить себе другой мир и на него возложить всю надежду. А существует ли тот мир — не знаю. Знаю только, что в этом мире неловко. Знаю, что ум сомневается, что сердце страдает. Знаю, что от сомнений ума голова горит, как в огне; знаю, что от страданий сердца льются слезы,

* Прощай (итал.). — *Ред.*

** человеком души (нем.). — *Ред.*

и все слезы, и вечные слезы. Ребенком я верил в бога и черта; уповал и боялся. Вырос — разуверился в черте, а вместе с чертом, олицетворением идеи зла — исчез и бог, олицетворение идеи добра; остались два абстракта — зло и добро. А я больше человек сердца, чем человек ума. Мне нужен был бог личный. С отчаянием я бросился в мистицизм, но не выдержал. Разум взял свое, мистицизм растаял, как воск на свечке. И вот я остался жертвой разума, страдая горькой истиной, но все же лучше любя страдать истиной, чем блаженствовать с ложью. Ребенком я ненавидел дядьку; вырос — любил свободу, бросился в развитие гражданственности — и видел угнетение и не мог помочь людям. Ребенком я любил мою мертвую мать; вырос — любил тебя; мне надо было любить женщину. Но мать моя мертвая. А где любовь наша? Судьба не отдает матери, а ты не отдаешь любви! Боже! как горько жить на свете. Дружба! Да кто ж из нас не страдает равно всеми вопросами? Где утешение? Маша! где утешение? где вера? где любовь? Я плачу — ты это чувствуешь.

Я молод был, была весна,
И я любил, и птички пели,
Долина жизнью полна,
Деревья шумно зеленели.

*

Прошла любовь, прошла весна,
И птички замолчали,
Долина снегом устлана,
С деревьев мерзлых листья пали.

*

И сам уж я седой старик,
Мне кровь не согревает тела;
Я головой на грудь поник,
И жизнь мне надоела...

А в гетевской песне ⁵ сколько блаженного спокойствия! Хороша любовь, хороша! Но неужели я оттолкнул любовь? Ведь я едва ли умею ненавидеть. — Нет! ей богу, я не отталкивал любви. Мой мистицизм ушел, потому что не хотел ужиться с разумом. Ты ушла, оттого что пренебрегла мои связи истинные. Но я не виню тебя и не пеняю. Я не переставал любить тебя, и не перестаю, и не перестану. Но мне ужасно горько. Хожу по комнате из угла в угол и бьюсь об углы и не хочется разбиться разом; лучше долго

биться и умереть избитым, покрытым синими пятнами. Слабость это или сила? или надежда? Быть может, надежда! Там, впереди, мелькает какой-то свет — будто придет еще весна, будто придут роскошные объятия любви, будто разум найдет истину, будто душа успокоится в развитии человечества. — О! скорей бы новую весну! Я зябну и вяну. Кто придет на помощь? Маша! придешь ли ты на помощь? Говори, говори — реши участь. Я хочу любви — говорю тебе — или я совсем замру. Я хочу движения в людях, я хочу истины — или я погибну. Боже мой! я хватаюсь за все предметы, от которых жду блаженства — и, может быть, напрасно! Тоска — да и только.

Тучи прошли, солнце светит. Легче мне или нет? Ничего не знаю...

26

Вторник (27 июля 1841 г.)⁶

Читал и перечитывал твое письмо, и с которой стороны его ни ворочаю — везде вижу одно: ты страдаешь! Страдаешь от меня. Думаешь, что я тебя не понимаю. Это неправда. Об этом я уже писал и еще раз прошу прощенья, что я иногда бываю вспыльчив и раздражителен. Повторяю — это тогда, когда я встречаю в тебе какие-нибудь мнения или чувство не человеческие, взятые прямо из условной, эфемерной жизни общества, а не из действительной глубокой человеческой природы, из действительности ежедневной, а не из вечной действительности души. Я сержусь, потому что встретить это в тебе для меня оскорбительно; ты была лучшим украшением в моей жизни и подчас столько же оскорбляешь меня, сколько самое себя, потому что ты одна из чистых, прямодушных и любящих натур.

Ты жаждешь праздников. Спрашиваешь, где они, говоришь, что философы их покажут там и там, и поди ищи. Положим, что я из философов. Я скажу, что их не надо искать ни там, ни там, и далеко некуда ходить. Если ты будешь их искать во внешности, ты никогда не удовлетворишься. Внешние удовольствия, в которых глаза или уши участвуют без соучастия души, неудовлетворительны, так же мало удовлетворительны, как хороший обед и т. п. Придут, потешат, пройдут — и след простыл. Их нельзя назвать наслаждениями, наслаждения дают блаженство. Можно жить для наслаждения, а для удовольствия жить пошло. Удовольствие основано на каком-то физи;

ческом эгоизме; блюдо устриц, трюфели и мало ли еще что доставляют удовольствие; далее, облагораживаясь, этот эгоизм, захватывающий все только внешнее, переходит в тщеславие: у меня, дескать, карета в 7 000 фр., у меня фрак из Парижа, у меня лакей в ливрее, я завит отлично, я очень хорошо любезничаю — и так далее. Это удовольствие, а едва ли наслаждение. По-моему, это просто унижение. Разврат лучше, в нем еще есть жар, который надо куда-нибудь растратить.

Иметь женщину может быть удовольствием, но наслаждением — только любить женщину. Вот я невзначай приблизился к концу. Наслаждение только в любви. Все, что наше *Я* доставляет себе одному, для себя подчиняет, приносит удовольствие. Все, где наше *Я* стремится к чему-нибудь симпатически, дает наслаждение, блаженство. Тут-то и праздник. Где ж искать праздника, как не в самом себе, в своей способности любить, в своем расположении к людям? Это очень недалеко. Но теперь: что мы назовем расположением к людям? Неужли можно любить Брянчан[инова], Бухгольца и т. п.? Нет, Маша! расположение к людям требует любви к человеческой натуре, т. е. к хорошей, к божественной натуре в человеке; требует религиозности, т. е. глубокого уважения к разуму, к любви, словом — ко всему, что люди придали богу, как атрибуты, не находя в самих себе ничего высшего. С таким расположением ни одна симпатия, ни одно пожатие руки, ни один взгляд не проскользнут и не ускользнут; самое мелкое для внешнего человека будет чрезвычайно важным, доставит неизмеримое наслаждение, полное блаженство человеку, глубоко чувствующему. Конечно, тут и страдания чувствительнее, но и в этих страданиях блаженство, потому что страдаешь не за себя. Ты ошибаешься — я не живу на кресте; может быть, и я не довольно бескорыстен для этого. Да потом, кажется, в нашем веке скорее стремятся жить полно, т. е. не одной стороной страдания, но всеми сторонами человеческого бытия, чем жить на кресте. Нового Мессии не жди. Один человек не будет Мессией. Когда надо было дать людям сознание самих себя и внести элемент внутренней любви в мир, тогда мог быть Мессия. А теперь не угодно ли людям обойтись без дядьки и из сознания уже развитого и любви уже сознанный создать свой мир. Вследствие общественного сознания и любви, политическое положение общества должно возбуждать участие каждого и быть делом

каждого. Каждый внесет свое. Мысль ли Фурье или другое что осуществится — не знаю; но знаю то, что современный человек необходимо привязан к социальному вопросу. Разумное, свободное общество — вот задача современная, которая разрешится в будущем. Все будут работать около этой задачи, и только все решат ее. Артист или мыслитель, каждый будет тут архитектором или поденщиком — все равно. Социализм, который представляет разумную волю человека, это одна сторона духа; наука — разум — другая; искусство — творчество — любовь — третья. Пусть каждый избирает одно и работает. Блажен, кто заключит в себе все три стороны, его жизнь будет самая полная. Но для жизни не нужно быть ни министром, ни ученым, ни художником; все три стороны духа и без особенного звания могут существовать в человеке. Человек деятельный будет в своем роде социалист, хотя бы он ни разу не был ни префектом, ни управляющим в [еле] Стар[ом] Акшене; человек мыслящий всегда будет в своем роде ученый, хотя бы никогда не был ни Гегелем, ни М. П. Погодиным; человек любящий всегда будет в своем роде художник, хотя бы он не написал ни строки, ни штриха. Жизнь может разнообразно развиваться во все три стороны — и везде будет наслаждение и блаженство, лишь бы следовать движениям этих высших человеческих потребностей, этой божественной натуре в человеке, движениям духа, скажу — святого духа. Выбирай, что хочешь, и дойдешь до праздников; но толкнуть на выбор никто не в состоянии; это только внутренняя потребность. Но горе тому, кто хочет подчинить все своему я и будет искать удовольствия, а не наслаждения. Я имею к этому наклонность, и ты также, и почти все; это — одно из удручительно унижающих страданий. Будем более человечны, и будем знать блаженство.

Кажется я уж слишком разболтался — и тебе надоел, и сам устал. Стану ждать твоего письма и увижу, что делать. В Дрезден бы хотелось. Но судьба да решит. Нельзя — обойдусь.

Сейчас получаю твое письмо. Грустно! Но отвечать теперь не хочу — уж и так три страницы, которые тебе надоедят до смерти. *Précéptes de morale!* * Я, который ненавижу мораль. Как будто сознание самого себя — мораль?

* Предписания морали (франц.). — *Ред.*

Но надо отвечать вот на что: как это сообразить? Ты пишешь, что шпрудель тебя волнует, что Мейснер запрещает ехать, и потом — я должен решить, не зная сам, хорошо или худо решу? Ведь не я, а ты пьешь шпрудель, а как мне хочется в Дрезден, и сказать не могу. Как это все сделать? Если я завтра от тебя обстоятельно не получу ответа, можешь ты ехать или нет, то, если да, я беру экстрапост в 6 час. веч., т. е. по прочтении твоего письма, и в 12 час. ночи у тебя, и мы тотчас же едем. Если нет, то я тебя жду.

Прощай! Да благословим друг друга и обнимемся, как тогда, когда ты носила син... Поцелуй меня! Да если б я был к тебе равнодушен, разве я говорил бы хотя одно слово про какое бы то ни было отношение. Если я говорю, то потому, что тебя люблю и страдаю.

Прощай, Маша. Маша, люби меня, хотя за горячую слезу, которую я умею пролить.

Addio *.

Если и завтра твое письмо будет сбиваться на ни да, ни нет, то я все-таки приеду, если хочешь ехать, то готовь все к 12 час. ночи.

27

Болонья, вторник (14 декабря нов. ст. 1841 г.) ?

Вот уже другая неделя, как мы расстались, Маша! Уехал я не далеко; но зато теперь помчусь. Как ни ждал в Риме письма от тебя, но вечный «piante» ** звучал мне из-за решетки почтамта. Грустно! Может, в Вене найду письмо. Да как же это так долго не знать, что ты делаешь? Я в каком-то странном сне, где дивные места, дивные статуи, дивные картины вдруг сменяются на одиночество невыносимое, тоска гнетет, а потом опять виды, картины, здания, статуи. Где я? Что со мною? Я не могу прийти в себя. Вот сегодня я шатался в Пинакотеке с глупым бельгийцем и почти не замечал его; а видел одни чудеса, видел мученичество св. Агнесы Доминикина, еще 2 мучеников его, еще Мадонну его же, Цецилию Рафаэля, Богоматерь над телом Иисуса Гвидо, избиение младенцев Гвидо, распятие Гвидо, Мадонну Гверчини. Ах! Маша! дал же мне бог способность забываться в этом мире! Так хорошо

* Прощай (итал.). — *Ред.*

** нет (итал.). — *Ред.*

становится на душе, так много задумываешься. Глядя на картины, я много думал о христианстве, и именно о христианстве католическом. Более чем когда-нибудь убедился я в истине, высказанной Фейербахом, что христианство есть обожание des Gemüts *. Что может быть так gemütlich **, как создание святой девы, обожание непорочной женственности; да посмотри ты на всех Мадонн Рафаэля: какая кротость и чистота, какое умиление и молитва в этих лицах! Это чистая женщина, это идеал женщины! И смотря на эти картины, ты просто убеждаешься в истине католической богородицы; ты не можешь верить, чтоб это существо было запятнано чем-нибудь плотским, это поэзия des Gemüts ***, поэзия женственности. И какая глубокая поэзия в этом соединении девы и матери! женской непорочности и женской любви! чистота, нежность, тишина и полнота души женщины — тут все есть. И не подумай подойти к ней с земной любовью; нет! на эту женщину довольно смотреть, довольно обожать, и поцелуя не нужно, одно коленопреклонение и безмолвное созерцание, и только! и довольно!

Das Ewigweibliche
Zieht uns hinan! (Goethe) ****.

Брак — уступка, которую das Gemüt ***** делает телу. Но брак с этой точки зрения нерасторгаем, потому что das Natürliche ***** все же теряется im Gemütlichen *****; любовь внутренняя (платоническая, христианская, die Liebe aus dem Gemüte her *****) освещает и просветляет все. Эту любовь расторгнуть — грех. Но наш век интеллигентный не может дать место этой гордости des Gemüts *; у нас освещает и просветляет все разум, сознание, der Geist *****, который всему покажет свое святое место в мире и не допустит человечество остановиться ни на непосредственности чувственности (der Natürlichkeit, — мир древний), ни на непосредственности чувства (des

* души (нем.). — *Ред.*

** душевно (нем.). — *Ред.*

*** души (нем.). — *Ред.*

**** А вечно женственным душа пленяется (Гете). — *Ред.*

***** душа (нем.). — *Ред.*

***** природное (нем.). — *Ред.*

***** в душевном (нем.). — *Ред.*

***** любовь, из души исходящая (нем.). — *Ред.*

***** дух (нем.). — *Ред.*

Gemüts *, — мир христианский). Может быть, на сознании и духе разовьется новый мир, полнее и величавее мира древнего и мира христианского (конечно, индустриальный фурьеризм не есть порождение духа). Но элемент духа не проник еще действительное общество, от этого христианство существует; но элемент духа (сознания) проникает в общество; от этого христианство более и более становится внешней формой. Современному художнику написать Мадонну или мученика, или чудо — натяжка ума, которая не будет внутренне согрета. — Не рви этого письма; оно нам обоим послужит.

Сейчас на улице раздалась неаполитанская песня, и у меня чуть слезы не брызнули. Как я глуп! и в каком хаосе моя голова насчет моей жизни и моих чувств и желаний — это просто страдание!

Я путешествую с итальянцем-негоциантом и бельгийцем-фабрикантом à tiers frais **, что сделает, что я до Венеции доеду за 15 рублей. Мы выезжаем в ночь и послезавтра в Венеции. Мои товарищи тупы насчет искусства, но добрые малые. Бельгиец тоскует по Бельгии и скучает, как я же, одиночеством. Итальянец едет по делам в Вену. Жандармов с нами никаких не было; а о разбойниках ни слуху, ни духу.

В комнате становится темно. Скоро обедать. Вечером dokonчу письмо к тебе. Пока жму тебе руку, душа моя. В комнате холодно, и мне черт знает как скучно и грустно — и некому руку подать...

28

Вена, 25 (13) дек[абря] (1841 г.)

... Но надо дать тебе отчет в моем путешествии из Триеста в Вену. Проехал я Карниолию (Каринтию) и Стирию. Это две славянские страны. Горы и скалы дикие и печальные, но которые глубоко трогают душу. Грустно становится, глядя на них, и в сердце рождается какое-то тоскливое стремление к бесконечному. Зачем песнь славянина грустна? Зачем он всегда ходит в раздумье и тоскует? Зачем славяне выбрали себе местом жительства леса дремучие, степи унылые, горы печальные? Зачем они стали на почву, где при-

* души (нем.). — *Ред.*

** расходы делим на троих (франц.). — *Ред.*

рода тосклива? Русь, Польша, Богемия, Сирия — возьми что хочешь, возьми противоположность лесов и степей — но везде одно: природа тоскует и человек тоскует. Знаешь ли, что это исторический вопрос? Что на этом можно гадать загадку славянской будущности? Можно смотреть вдаль и многое выводить из этого грустного, глубоко внутреннего и вместе мощного элемента славянского поколения? Я призадумался. Мысль о родине проснулась тревожно, и мне хотелось в Россию, скорей в Россию. Я увидел снег на поляне, и слеза навернулась. Дитя я! глупый ребенок! Может быть, человек с большим сознанием способен быть космополитом; разумно мы принадлежим человечеству более, чем родине. Но я дорожу моею естественною (natürliche), не духовною (nicht geistige) привязанностью к родине; это теплая любовь к отчизне — никогда не погибнет, я проживу и умру с ней. Нет! черт возьми, космополит — холодный человек; — оставляю это разумное существование Бак[унину], а я чувствую, что принадлежу нации, и это чувство есть великая сила в моей душе. Я стану понимать общий человеческий элемент в народности и стану любить народность. Благославляю мою Россию и не оторвусь от нее.

Но, наконец, я в Вене. Прежде всего скажу, что я здесь отдохнул с порядочными людьми: проф. Нейманом и Дворачеком⁸. С Дворачеком я говорил по-русски. Хорош наш язык! В самом языке я вижу элементы великого развития, великой будущности. Мы беседовали. Душа отогрелась. Крепко мы пожали друг другу руку. Я был доволен. Я так легко вздохнул. Теплая слеза скатилась; ее никто не заметил; но мне хорошо было. И не надо показывать людям слезы: но надо плакать. Плакать — лучшее блаженство в жизни. Слезы выражают теплоту души, а когда на душе тепло, так хорошо жить, так хочется благодарить бога за это существование. Обними меня, Маша! Иногда я понимаю, что я не совсем дурной человек...

29

Прага, 27 (15) дек[абря] <1841 г.>

Здравствуй, Маша! Ночь, день и ночь везла меня карета и, наконец, привезла в Прагу, чтоб через несколько часов увезти в Дрезден. Может, ты догадалась написать в Дрез[ден] на имя Майера. Куда бы хорошо сделала. Теперь-то, когда

я совсем один, я опять понимаю сладость писем, вещь, от которой я, было, отвык и начинал ненавидеть писать и получать письма. Но когда не с кем слова сказать, но когда ни одного близкого человека возле тебя нет — тоска без писем. Пиши же как можно чаще. Кажется, я не оставляю тебя без писем; много ли, мало ли, сколько успеваю, столько и пишу. — Здесь мне надо посмотреть собор, говорят, — замечательный. После кельнского мне нравится венский. Чудесное здание, так и врзалось в память. Сколько я ни наслаждался Колизеем и римскими развалинами, но чувствую, что, по моей славянской грустной натуре, я больше симпатизирую с развалинами средних веков и печальная природа мне ближе к сердцу, чем роскошь Италии. Однако Италия мне показалась каким-то волшебным сновидением. А здесь, в славянских странах, я не во сне, я на яву, и все действительно трогает за живое. Я ехал; опять снег, поле. Что-то родное отозвалось в душе. Я думал о России, и две маленькие пьесы спелись на какой-то голос, «знаемый детьми». Ты их найдешь на 4-й странице этого листка; за последнюю я постою, а 1-я так, — ruff.

Я рад — чему? — Что со мной нет ни Балестреpa⁹, который привезет тебе письмо, ни бельгийца. Addio*, любезные товарищи; дай бог нигде не встретиться! Однако это гадко с моей стороны. Они меня проводили так ласково, с таким участием... Что ж делать, что они глупы? Право — это неуместная гордость и подлость пренебрегать людьми; а с другой стороны, глупо тратить жизнь с дураками. Я даже не обедал с ними в последний день венского пребывания, а обедал с Нейманом и Дворачеком. 1000 раз благодарю Галах[ова] за это знакомство. Они оба меня приняли так симпатически и оба такие славные люди, что я не пропущу случая еще побывать в Вене. Нейм[ан] великий англоман, но пошире, чем Мишель. Дв[орачек] — славянин. К стыду моему, я признаюсь, что совершенно лишен благородного желания слития слав[янских] племен; но все же не могу совсем отделаться от большего участия к славянам, чем к другим народам. Да ведь, ей богу, без пристрастия — это великое племя и будет еще играть огромную роль в судьбах человечества. В славянине ты никогда не встретишь немецкой филистрезности, французской поверхностности, английского себялюбия, итальянской вертлявости; но в нем

* Прощайте (итал.). — Ред.

все: немецкий спекулятивный ум, француз[ская] гуманность, английс[кая] практичность, итальян[ская] хитрость. Даже способность музыкальная, где чувство гармонии и мелодии равносильны, ставит его выше немцев и итальянцев в музыке. Ты скажешь, что славяне ничего еще не произвели в музыке, как немцы или итальянцы; да, славяне еще ничего не произвели. Они еще не жили. Они будут жить и производить. Взгляни на русских артистов в Италии — да кто ж, как не они, в главе искусства? — Прости меня, если я тебе надоел этой диссертацией. С венского пребывания и с путешествия по славянским землям я в припадке славянизма. Даже на многие народы стал смотреть с другой точки зрения. А Россия-то моя глава, средоточие всего поколения. Черт возьми! не сердись на меня, друг мой! Я говорю об этом оттого, что я этим одушевлен, просто крылья новые выросли и я летаю с гордостью от берегов Адриатического моря до Берингова пролива. — Еще мы с Нейм[аном] говорили о Шекспире и о древних — и мысль моя вертится в сфере искусства собственного, поэтического, искусства, выраженного словом...¹⁰

Да, мне многое и многое хочется схватить из поэтической грусти и жизни России. Наша народность довольно оригинальна и содержит довольно глубокий поэтический элемент, чтоб трудиться представить ее в поэтических образах. И именно надо спуститься в низший слой общества. Тут-то истинная народность, всегда трагическая. Высший и средний слой, довольно уродливо проникнутый европейской жизнью, имеет больше комического элемента. Да господи, боже мой! Мои два последние письма похожи на диссертации. Вот поймал новую идейку и вожусь с ней. — Прости, Маша! я могу и надоест, настроившись на оный лад...

30

Н. М. САТИНУ

(Берлин, 27 декабря ст. ст. 1841 г.)¹
27 Decembre V[ieux] S[tyle], Berlin.

Что мне сказать о себе? если скажу, что я весел, я соврну. Plus triste que jamais*, но духом я поднялся, я чувствую себя шире и чище. Сквозь тоски просвечивает

* Более печален, чем когда бы то ни было (франц.). — *Ред.*

чувство покоя, какой-то внутренней силы и веры, как давно не было. Среди страданий есть такое состояние духа, где кажется, что обстоятельства жизни проходят мимо, как что-то постороннее, и не возмущая светлого внутреннего спокойствия. Неужели это только на ту минуту, когда я тебе пишу? Неужели через час я опять не буду видеть выхода? Не знаю. Но если на минуту, и то хорошо. Я стану тебе говорить в порядке о всех вопросах, тревожащих твоего друга.

Во-первых, вопросы мировые. Было время, я без великого занятия вошел в учение Гегеля, и теперь выхожу из него также без великого занятия. В Берлине точка зрения меняется. Школа Гегеля заключила мир в логическую форму. Жизнь абстрактной идеи она назвала жизнью мира. В этом и была ошибка. Мир, казалось, прояснился в строгом логическом развитии. Так все было закончено, что уже и в истории нечего было прибавить. Бог был логическое бытие, которое перешло в другое — в природу, и возвращалось к себе в человеческом сознании. Человек вел сознание бога и не существовал сам по себе. Логическая необходимость господствовала. Свобода человеческая исчезла. Это был пантеизм. Шеллинг назвал это отрицательной философией. Отрицательной потому, что бытие только было абстрактное, логическое, а не положительное, не действительное. Шеллинг этим не сказал ничего, что бы уже не существовало в требованиях новейшего поколения. Всем становилось душно в очерченной системе, из которой выход казался преступлением; формализм становился тяжел. Но многое разработалось, метода прояснилась. Гегелизм совершил свое дело и принес плод. Теперь Шеллинг начинает переход от отрицательной философии в положительную. *Разум*, полагает он, не может ни до чего дойти, кроме самого себя, т. е. только до бытия логического, абстрактного, отрицательного. Чтобы дойти до бытия положительного, действительного, ему надобно выступить из самого себя, подняться до созерцания действительного бытия, действительного бога. Потом он говорит: *положимте*, что мы дошли до такого созерцания — и на этой гипотезе строит. Тут ясно, что его бог — *deus ex machina* — бог знает откуда взялся. Но Шеллинг просит его дослушать до конца, тогда его система оправдается. Он пришел с претензией человека, предназначенного провидением высказать остальную философию. Он долго молчал, и теперь, когда король призвал его в Берлин², он сознал призвание — иначе

он бы отказался. Но, кажется, у старика нет сил для великого дела: он хочет выдумать новое и возвращается к спинозизму и своей старой *Abhandlung über die Freiheit des Menschen* *. Изложение его вяло. Гегелем он подавился и не может проглотить его. Студентами он частью принят грубо; третьего дня он опоздал, извинился, хотел просидеть 10 минут после звонка; студенты зашаркали. Это свинство. Шеллинг много сделал и заслуживал бы более уважения. Но вот настоящие требования: выйти из абстрактности, выйти из формализма, выйти из пантеизма; отдать человеку свободу воли. Я не мало мучился этими вопросами, хотя славянская лень мешала строго заняться ими. Мое собственное безволие, безволие моего характера клонили меня отрицать волю человека и все подчинить закону необходимости. Но ведь это ложь. Надо спасти волю, иначе всякое нравственное начало исчезнет. Есть требование на личное бессмертие. Есть вера в примирение с этими вопросами. Но теперь я в хаосе, как и все, и тяжело, и душа ропщет. За вопросами умозрительными следуют социальные. Потом вопрос личного блаженства. Но надо видеться, чтоб говорить об этом; на бумаге нет ни места, ни времени. Но я болен, я глубоко страдаю этими вопросами. Часто спокойствие оставляет меня; я мучусь и рвусь и все бесплодно. Везде какие-то снега, скалы, которых ни перелезть, ни разломать нельзя, и тяжело становится. Душно, душно! Вообще есть вера разрешить и эти задачи, но до сих пор ничего не разрешилось. А потребность выхода с каждым часом ощутительнее и гнет с каждым часом нестерпимее. Много силы надо, чтоб жить. А надо жить. Самоубийство невозможно. Для него надо еще более бессилия. Вера в жизнь и резигнацию — вот мой девиз. А тяжела резигнация... *Dahin, Dahin* **.

31

А. И. ГЕРЦЕНУ

11 апреля 1842 г. ¹

Вчера я перечел г. Малинов ² и мне захотелось к тебе писать. Давно я не говорил с тобою и хорошо сделал; мучимый внутренно, одурелый в каком-то хаотическом

* Статье о свободе человека (нем.). — *Ред.*

** Туда, туда (нем.). — *Ред.*

образе жизни — что бы я сказал тебе? Теперь я один. Болезнь заставила меня вести жизнь однообразную и спокойную, и я успел надуматься, прийти в ясность с самим собою и пишу к тебе вследствие истинной потребности. Дай руку и слушай.

Я задумался над Трензинским³. Чтоб создать это лицо, надо было пережить его в себе. И ты его в себе пережил — это очевидно, и я тоже. Тяжело сказать это, когда вспомнишь наше светлое прошедшее. Мы развивали в себе элементы Трензинского на разных точках земного шара и при разных обстоятельствах. Одно общее в этом развитии: влияние толпы, от которого душа леденеет. У тебя много скорбного столкновения с людьми и не было в жизни. Социальный интерес — вот была наша точка отправления; мы увидели, что он существует в немногих, что толпа неподвижна и нам приходится в унынии скрестить руки на грудь и повесить голову, ничего не делая. Горькое чувство презрения должно было необходимо быть следствием. Потом мы видели гнет внешней жизни, — *fatum** немилосердый, — видели нескольких благородных, около нас попадавших в могилы, других еще более стесненных, чем мы сами: результатом было презрение и к этому *fatum*'у. У меня примешались совершенно личные, горькие отношения (это единое мое превосходство над тобою на этой нисходящей дороге). И вот кажущееся равнодушие, холод, который ни что иное, как жар внутренний, «колкое презрение ко всем», сомнение в будущности общей и личной — вот что на некоторое время завладело нами. Характер Трензинского мы пережили в себе. Остановиться на нем нельзя; это только момент преходящий. Мы чище и сильнее должны вынырнуть из этой горькой струи. Теперь мы — по крайней мере я — еще на степени Трензинского. Задача жизни, кажется, разрешается так: отказаться от всякого огромного социального интереса и удовлетвориться в маленьком круге действия; не сердиться на апатию и низость, окружающую нас, и примириться в том, чтоб, оттолкнув всякого антипатического человека, заключиться в маленький круг близких людей; отказаться от всякого притязания на личное блаженство и удовлетвориться равнодушною независимостью. Горькое чувство, которое этот результат оставляет в душе, долго не изгладится; долго не привык-

* рок (лат.). — *Ред.*

нешь глядеть без презрения на всякого человека, живущего в тесной рамке, долго будешь смотреть с горькой улыбкой на всякое движение еще юной души; но это все пойдет *decrescendo* * и замолкнет, чтоб дать место новому аккорду, громкому и мощному. Если наша I-я симфония была *die Sehnsucht* **, а вторая *Desperatio* ***, то пусть третья будет примирение; пишу *Maestoso* **** в главе страницы и под новый марш иду твердо и спокойно.

Примирение в науке — мало значит. Больному не легче, когда он из физиологии узнает, как изящно создано тело человека. Примирение надо совершить в действительной жизни. Но как? Совершить примирение в мысли ужасно недостаточно; философия останется сама по себе, а жизнь сама по себе. Жизнь будет делать частые набег на философию, а философия, стараясь ладить, не сладит с жизнью и не покорится ей, — борьба бесплодная и безвыходная. Примирение должно совершиться *im Gemüte* *****. Может, это тебе покажется глупо, а оно так. Опыт жизни расшатал великое дело — любовь. Только любовь могла стать выше обстоятельств, принимать горечь, не оскорбляясь и не унывая. Было ли, есть ли у нас настолько любви? Можно ли возродить в себе любовь? Или это чувство произвольное? А как же без него примириться с жизнью? Любовь долготерпелива, говорит апостол. Посмотри: так ли Павел переносит тюрьму и пытки, как напр[имер], ты свое изгнание? Ты скажешь, что вещи слишком разны, что причиной изгнания не великое дело и что терпение тут не годится. Согласен; мы должны кричать против гнета чем сильнее, тем лучше. Но — как ни финти — а ведь это изгнание тебя более или менее вогнало в уныние. Возьми все мои отношения — они вогнали меня в уныние. А уныние есть недостаток любви; уныние — самолюбие. Не думаю, чтоб это был парадокс. Трензинский с виду равнодушен, а внутри его огонь. В нас есть любовь, но мы находимся в апатии. Даже то, что ты не дописываешь повести, есть апатия. Враждебные элементы нас задавили, сил нет подняться. Где же выход? где примирение? Стало, в нас нет на столько любви, чтоб вырваться из этого состояния.

* ослабевая (итал. музыкальный термин). — *Ред.*

** стремление (нем.). — *Ред.*

*** отчаяние (лат.). — *Ред.*

**** величественно (итал. музыкальный термин). — *Ред.*

***** в душе (нем.). — *Ред.*

Нам нужен внешний толчок — и любовь воскреснет, и полные благородным стремлением мы станем выше всех обстоятельств. Любовь примирит нас с жизнью, будет связью между примирением в мысли и примирением в действительности, но не пассивно — из этого должно выйти: die Tat *. И для этого-то нам нужен внешний толчок! Не знаю, как ты, а я это чувствую. До чего мы или я дожили! В какую лощину запрятались, сойдя с Воробьевых гор! Нужен толчок, чтоб мы могли делать для цели, которая была и осталась для нас святою святых! — Или ты думаешь, что мы в самом деле что-нибудь делаем? Смешно так жестоко надувать себя, уверять, что мы статские советники, между тем как мы нос и только. Или в самом деле внешний гнет так силен, что нечего делать? Уж по крайней мере вдвое против того, что мы делаем — можно. Но беда в том, что силы действовать нельзя возродить в себе, потому что эта сила — любовь к делу. Мы везде слишком искали себя самих и первая неудача нас осадила. Клевета это или нет? Да послужит единая возможность упрека тем внешним толчком, о котором я говорил. Несколько дней я выработываюсь из бесполезной тоски и чувствую, что любовь к делу оживает и становится главным чувством. Да не будет наша 1-я встреча, брат, пуста и да не кончится одним счастьем повидаться друг с другом. Может быть, момент, в котором мы теперь находимся, важен. Приступим к делу ближе, практичнее. Тут я отрываюсь, все еще, однако, не решив, выйдем ли мы из душевного состояния Трензинских.

Кроме области гражданственности, хочется жить и в других областях жизни, хочется просто жить, хочется блаженства в жизни. Нет веры в возможность блаженства, а потребность непреодолима. Куда деваться с этим?

32

М. Л. ОГАРЕВОЙ

Дюссельдорф, 5 сент. веч. 6 ч. (1842 г.)¹

Я приехал в 10 час. утра. Осмотрел в короткое время, что стоит внимания, и должен до 8 час. вечера дожидаться отъезда Eilwagen'a ** в Аахен. В Аахене я буду в 4 час.

* действие (нем.). — *Ред.*

** скорый дилижанс (нем.). — *Ред.*

утра. К обеду в Брюсселе, где пробуду до обеда 8-го числа. 9-го буду в Ostende, а 10-го, не останавливаясь, пушусь в Кобленц, и 12, много 13 — у тебя. Как скучно не получать от тебя писем. Все что-то тревожит. Странно! Часто мы смотрим двуглавым орлом, но что-то *un je ne sais quoi* * так сильно привязывает нас друг к другу, что мы никогда не разлетимся. Даже, ежели бы и что важное пробежало между нами, и тогда мы не можем разорваться и скорей все простим друг другу, лишь бы быть вместе. Желал бы я знать, что ты делаешь. — Я скучаю в Дюссельдорфе. Жуковс[кий] еще здесь, но не хочется идти к нему. К чему? Он не интересен; прийти и сказать: я также пописываю стишки — глупо; искать себе мецената — еще пошлее. Пошатался в саду, который лучше всех садов, т. е. парков, которые я только видел: огромен и что за растения, т. е. деревья! Всего примечательнее картина проф. Зона — Тассо сочиняет *im dunklen Laub* **, где *Goldorangen blühen* ***, и обе Элеоноры смотрят на него из-за куста, давая друг другу знак, чтоб не мешать ему ². Славная картина! Лица женщин хороши, и лицо Тассо чрезвычайно выразительно. Сегодня на пароходе я зяб, как собака. Встретил юношу, очень похожего на Сатина, и англичанку, очень напоминающую Душеньку Коб ³. Хотел с обоими познакомиться, но все преглупо сидели в каюте, да, впрочем, я был *d'une humeur de chien* ****, что, я думаю, давеча отразилось в моем письме. Я в припадке самообвинений, а эта тема — самая мучительная и бесконечная. — Сейчас бродил по лавкам. Здесь славные пистолеты, но поспешил вынуть 60 талеров из кармана, и купил очень миленькую пороховницу. Спрашивал *cassolette* ***** — нет. Кельн и Дюссельдорф представляют почти на всех улицах движение, как на Невском проспекте. Это принадлежность торговых городов. — Мне надо было еще посмотреть церковь — но все лонлакей так мне опротивели, что я сижу в комнате и ужасно мосаден *****. Что-то такое тревожное, дикое в душе, что я не рад сам себе; все противно: и бегодня на улицах, и холод, и жирные голландские рожи, и аффектированные

* нечто непреодолимое (франц.). — *Ред.*

** в темной листве (нем.). — *Ред.*

*** цветут золотые апельсины (нем.). — *Ред.*

**** в собачьем настроении (франц.). — *Ред.*

***** курильницу (франц.). — *Ред.*

***** *taussade* — угрюмый (франц.). — *Ред.*

лица немецк[их] идеалистов, и все движение торговое кажется таким обманом, и люди в блузе так жалки — и сам себе так наскучил, что не знаю, куда деваться. Европа! да — здесь привольней для нас, а для европейца так же тягостно. А я отчасти европеец, и потому мне отчасти тягостно. Столько язв в обществе, и когда это все залечится, и как? Христианство и фурьеризм — два противоречия — этого еще Г[ерцен] не заметил. Христианство все основано на внутренней жизни, на Gemüt *, на идеализации, а фурьеризм на голой реальности. Христ[ианство] не удовлетворяет оттого, что людям надо реальной жизни, действительного, а не заоблачного блаженства, а фурьеризм не удовлетворяет потому, что когда Gemüt не живет, плох человек бывает. Что же наконец? Философия примиряет в мысли — так! да факт-то, дело-то нам надо, подавай сюда счастье в действительной жизни, да и только. А где оно? Что делать? Как вытащить страдающих из страданий. Христос это сделал актом des Gemüts**, сказал: «Приидите, все плачущие, аз упокою вы». А теперь этого мало, мало царствия небесного; не сули журавля в небе, дай синицу в руки. Где вера? Где надежда? — Разорванность — вот еще черта нашего времени. Гадко? А Рейн при луне тихий, величавый. Маша! да зачем же нет примирения с людьми? Прощай! Целую и благословляю, обнимаю тебя и будь здорова и не устай от ванн. Спрошу чаю и отправлюсь на почту и в Eilwagen***. Addio, carissima****. Завтра напишу из Брюсселя.

33

А. И. ГЕРЦЕНУ И Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

Берлин, $\frac{\text{июня } 11}{\text{мая } 30}$ <июня 12, 13 1844 г.>¹

Сто лет прошло, как мы не писали друг к другу. Где вы? Что вы? Бог вас знает. Сегодня Вердер² хотел просить зайти ко мне твоего зятя, профессор³! Который не знаю...*****

* душе (нем.). — *Ред.*

** души (нем.). — *Ред.*

*** скорый дилижанс (нем.). — *Ред.*

**** Прощай, любимая (итал.). — *Ред.*

***** Далее несколько строк написано Галаховым. — *Ред.*

12 июня. ...где живет. Между началом и концом этой фразы приехал Галахов⁴. Я так обрадовался, что и сказать нельзя. И в то самое время, когда я обо всех вас думал и хотелось хотя бы слово об вас услышать, стучатся в дверь (вот как теперь... Что надо? — Здесь квартира отдается в наймы? — Да не у нас же, ...) — и вижу — он. Давно я не был так рад. Ну! теперь я вижу всех вас, как на блюдечке. Теперь и барон с вами; а я к нему писал в Питер дня три тому назад через контору О[течественных] З[аписок]. Барон явился праздновать твою золотую свадьбу⁵ (хотя не 50-летнюю, а все же золотую), и вам хорошо вместе, и Наташа здорова и весела, и Сашка прыгает. Ты счастлив, Александр. Можешь не жаловаться на судьбу. Твой личный мир устроен и счастье домашнего круга допускает спокойное развитие многосторонней деятельности. И я счастлив, Александр! Счастлив потому, что ты счастлив. Какое дело до меня — довольно и одного счастливого; не хочу требовать у судьбы больше, чем она дать может, и не жалуюсь на нее: она устроила одного — и будет. Есть эпоха в жизни, в которой является резигнация, и неудачу одной половины жизни прощаешь за то, что дано в другой. Эта резигнация приходит трудно, вырабатывается мучительно; но раз почувствованная — человек становится крепче. Блеснет ли на мой закат печальный любовь улыбкою прощальной — не знаю; блеснет — хорошо; нет — я не погибну. Есть душе опора среди вас, мной избранного, духовного семейства, да в самом себе, в святине человеческого чувства и сознания; есть радость среди любящих и любимых людей, есть радость

In her (natur's) summer sun to bask,
To mingle with the quiet of her sky... *

и я все же благословляю жизнь за красоту жизни. Дайте же руки, друзья, и твою, Наташа! Празднуйте день свадьбы и не забудь, Александр, тоста за нашу 20-летнюю дружбу.

13 июня. Вчера мы провели день с Гал[аховым] и поздно простились; он теперь уже на железной дороге в Лейпциг. Разумеется, все было говорено об вас. Весело было слышать о твоих лекциях, профессор⁶! Весело знать, что есть у вас

* В лучах ее (природы) летнего солнца купаться,
Раствориться в тишине ее небес (англ.). — *Ред.*

какая-то жизнь, в которой вы можете двигаться не без толку, или, по крайней мере, не совсем без толку. Хотя споры с почтенными москвитянами ⁷ и не совсем плодоносны и подчас должны крепко надоедать, но все же тут люди и разговоры и ein Schein eines Lebens *. Жаль только, что они все, кажется, точно на том же месте, как тому назад два года. Издали вижу, что скука нередко наполняет всю атмосферу, в которой вы вращаетесь. За то unter sich ** бывает лучше. Жаль, что Виссарион так же на том же месте, как тому назад два года, т. е. в крайности. То же происходит и с Вас[илием] Пет[ровичем] ⁸. Надо предоставить их хорошим натурам выбраться на прямую дорогу. Не знаю, домашнее ли происшествие, или привязанность к таким строгим логическим выводам, что чуть ли действительная жизнь не уходит вовсе за абстрактами, но Вас[илий] Пет[рович] много изменился. Его характер принял странный оттенок желчности, и лучшая его натура только изредка пробивается симпатически как и прежде. Он теперь в Италии. Пишет, что впечатления природы не имеют в нем отголоска, чему я не верю; должно быть он натягивает на себя это расположение духа. Как бы то ни было, он страдает. Теперь надо сказать несколько слов и об нас. Мы живем в Берлине ради операции, которую будут делать Сат[ину] и едва ли доберемся до России прежде конца августа. Я еще должен съездить на Рейн за ребенком, и тогда мы уже явимся домой. В Берлине скучно. Погода холодная, небо серое, как в Лондоне. Люди — еще мало их знаю. Был у Вердера, видел Varnhagen'a ⁹ и вчера был у Бетины ¹⁰. Вердер добродушное и глубоко innerliches *** существо. Мне кажется, что я буду его откровенно любить; но боюсь, что он остановился на ортодоксии в науке и до такой степени успокоился верой в грядущее, что вся действительность ему кажется призраком, о котором не стоит того и говорить. Varnhagen был на минуточку у нас. У него палочка с золотым набалдашником и с золотой цепочкой и вид светского человека; да еще немецкого светского человека, наблюдателя нравов, немного недоброжелательного к людям, но чрезвычайно учтливому; вообще впечатление не совсем приятное. Бетина маленькая женщина с высоким лбом, которая имеет спо-

* видимость жизни (нем.). — *Ред.*

** между собой (нем.). — *Ред.*

*** внутреннее (нем.). — *Ред.*

способность говорить сряду 24 часа в сутки, не останавливаясь. Теперь у ней распря с цензурой, она ругает министров, беспрестанно переписывается с королем, помнит все свои письма наизусть и рассказывает их; больше она ни о чем и не говорит. Еще о своей книге о бедных. В ней много любви к добру, хотя еще больше самолюбия; но вообще не худо бы ей поучиться политич[еской] экономии. Она отлично делает чай и салат. Я буду ходить к ней, но редко; а когда мне можно будет есть салат, стану ходить, может быть, и чаще. — Сейчас был у меня Вердер. Он мне с каждым свиданием больше нравится. У него светлая и симпатическая душа. Говорили о современной поэзии. Попали на Reflexionspoesie * ¹¹. Я был очень доволен, что мы на этот счет одинаково думаем. Я давно перестал быть врагом Reflexionspoesie, но не могу находить удовольствия в том, где рефлексия не есть нераздельное с натурой человека обращение на самого себя и на внутри себя происходящую драму, а только готовая теория, которую ни с того, ни с сего облачают в стих, заменяя внутреннее чувство каким-то, право поддельным, Schwung'ом **. Иное дело рефлексия Шиллера или Байрона и иное дело рефлексия Рюккерта ¹² и современных пол[итических] стихотворений. Ну! да бог с ними. Вам, может, не лишне будет знать, что мы теперь делаем. Извольте, скажу: я учусь по-английски, Sat[ин] по-немецки. Кое-что пишу. Иногда, но редко, надеюсь сделать что-нибудь порядочное; чаще выходит плохо, но и это перестало ввергать меня в отчаяние, которое одолевало меня прежде. Если я не покорю себе стиха, если через некоторое время совершенно сознаю бессилие на пути творчества, я его оставляю с полной резигнацией, не стану думать, что жизнь погибла в самообольщении, и примусь за другой труд с полной любовью и с полным желанием быть в нем полезным. Но пока еще меня преследует любовь к рифме; надежда сделать что-нибудь не оставляет, и я продолжаю работать, и в этом пока жизнь моя. Если сознание решит противное и укажет на другое, я пожалею, горько пожалею о рифме, но с полной верой в мысль стану искать ей другого выражения. Я больше спокоен внутри себя. Пережил эпоху страданий от внешних происшествий личной жизни; шрам остался после раны, но я чувствую,

* поэзию размышления (нем.). — *Ред.*

** порывом (нем.). — *Ред.*

что пересилил боль. Пережил тоже эпоху безумного кружения, молодечества, своенравия, и пережил ее недавно — и... с удовольствием!! Но не чувствую, чтоб она оставила дрянь на душе; она была даже полезна, стряхнув совершенно всякую возможность возвращаться к ложным отношениям в жизни, выход из которых мне стоил столько усилий и даже насилия над самим собою вследствие моего характера и, может быть, — *чувства*. Страдание осталось, но не то враждебное и глупое страдание, а только человеческое страдание, которое есть любовь. Любовь в столкновении с тем, что отрицает ее, — выражается в страдании; это страдание я сберегу в себе, как святыню сердца. С другой стороны, любовь должна просветлять; тут она выражается жаждой дела; на этом оснуется всякий труд. Тут любовь должна покорять человеку и препятствия и даже людей. Личное блаженство есть время высшего развития любви. Стремиться к нему нельзя перестать. Любовь есть жизнь. Развития жизни не остановишь. Надо покорять себе счастье. Надо действия. У меня как-то уж не вмещается в уме различие личной и общей жизни. Все есть личная жизнь. Das Allgemeine * так же сделалось личным, как и все другое. Любовь к женщине и любовь к человечеству равно составляют мой личный мир, и я равно обязан развивать элементы, входящие в мою душу. Борьба с самим собой и с жизнью есть борьба любви с нелюбовью, с нелюбовью в самом себе и с нелюбовью в людях, с своим эгоизмом и с эгоизмом других. Страдание, возникающее в этой борьбе, свято; грусть есть выражение любви; но нужна и победа над самим собой и над людьми по возможности. Я не убью в себе ни грусти, ни жажды дел, стремления все покорять любви, т. е. самому себе, своему чистому человеческому началу. Вот мои внутренние убеждения; не знаю, ясно ли я сказал их; хотелось сказать ясно — respectez l'intention **. С другой стороны, и, может быть, вследствие того же, я стремлюсь больше сделаться положительным, т. е. выйти из неопределенностей в самом себе, сделаться яснее и в мире искать не фантастического, а действительного. Mehr praktisch, praktisch sein ***, мне кажется — значит понять методу, по которой неразумная действительность переходит

* Всеобщее (нем.). — *Ред.*

** оцените намерение (франц.). — *Ред.*

*** Быть практичным, более практичным (нем.). — *Ред.*

в разумную. Die Praxis ist die Geschichte *. Нужно изучать свое прошлое и делать свою жизнь, свою историю. Не знаю, куда я выведу свою жизнь, но думаю, что я вам надоел своими рассуждениями, и потому простите мне их великодушно; хотелось поговорить. Как бы хотелось поговорить с вами языком, а не пером и послушать вас ушами! Писал я к вам редко, а тосковал по вас часто. Чужбина мне не заменяет вас и больше и больше делается в самом деле чужбиной, т. е. так тяжело чувствую себя чужим и одиноким, что не раз случается впадать в апатию. Сат[ин] также грустит, да еще и готовится на муку физическую. Но пусть он говорит сам за себя. Сказать, где мне в Европе лучше, не умею. Везде нехорошо. Я слишком слит с родным воздухом, чтоб вырваться из него без боли, и думаю, что дома все еще лучше. Нетерпеливо жду минуты, когда буду опять с вами. Ты еще, может быть, будешь в деревне, Александр, когда я возвращусь. Я приеду к тебе. Пора быть вместе. Я без вас не полон; недостает большей половины существования. Приеду — будет осень. Вечер пройдет у камина. Приготовь клячи две, чтоб нам днем ездить верхом по лесу. Хороши будут эти минуты. Хочу вместе жить, чтоб вместе мыслить и страдать. Да, вы говорите, что все не так пойдет, что я привезу с собой элемент беспорядка и пойдет глупость за глупостью... Ну! я за это не ручаюсь, только едва ли принесу столько беспорядка, как прежде. Я уже пережил несколько эпох дикостей; едва ли буду в состоянии так пристрастно заняться ими теперь. А чего доброго? Может быть, на эту минуту говорит во мне Цитмен, а когда заговорит Герцог Монтебелло, не ручаюсь, что выйдет. Я желал бы так устроиться, чтоб употреблять Монтебелло и иных герцогинь, всегда ему близких, только врачом средством против минутной хандры; а там и прочь их; но с ужасом думаю, что, может быть, хандра-то не минутная, а всегдашняя, то и лечиться надо будет беспрестанно. Впрочем, на первое свидание я предоставляю вину лучшее и благороднейшее назначение сделать все задушевное более доступным языку, чем это бывает у меня в трезвом виде. За сим перестаю писать и передаю лист Сат[ину]. После еще напишу.

* Практика — это история (нем.). — *Ред.*

А. И. ГЕРЦЕНУ

Берлин, сентября 25/13 (1844 г.)¹

Сейчас получил твое письмо, друг мой! ² Я был рад ему, но оно как-то меня не одушевило, не воскресило, а как будто пришибло. Потому ли, что встретил в нем нападки на мою особу, обвинения, в которых я едва ли повинен, или потому, что три страницы оного сжаты какою-то сухостью, прохватившею тебя на эту минуту. Но что бы то ни было, — я все же рад ему, как другу. Потребность быть с вами сильна; я не могу быть с вами не на чистоту, а переписка не высказывает всего, да и подчас застаёт в такой час, когда говорить не хочется. Потребность быть с вами тем сильнее, что я боюсь впасть в внутреннюю болезненность, которая с некоторых пор набрасывает какой-то темный колорит на самые лучшие мои отношения к людям. Высказать этого чувства я никому не в состоянии; но много проходит безмолвных часов самообвинений в отношении к другим и обвинений других в отношении к себе, и обвинений себя и других в отношении к истине. Не знаю, почему твое письмо растворило много ран и душа страдает. Я ненавижу в себе эту болезненность; она съедает силу, мешает деятельно взять самого себя и толкнуть на работу. А отделаться от нее мне трудно. И тогда становится так тяжело и черно, так все, что казалось полным в жизни, начинает казаться неполным, испорченным мною или другими, что просто жизнь в тягость. Но не хочу больше говорить об этом. Я борюсь с этим чувством, и борьба должна вынести на свет божий. Прости мне эти темные строки; написались, так пусть идут к тебе. — Давай скажем несколько слов об обстоятельствах. Прилагаю письмо к Алексею Алексеевичу о деньгах; я решительно не знаю, сколько у меня чего. Жду сам денег, потому что нуждаюсь в оных. Если можно, он вышлет все, нельзя — то половину. Если же ничего нет, то займи 10 т. на год (ведь можешь, напр[имер], у Дмит[рия] Павл[овича]), а я, приехавши, заплачу. — Что касается до моего иного обстоятельства, то, ей богу, говорить не хочется, а совсем не дипломатизм. Я знаю, что я прав, хотя бы тысячу голосов поднялись против меня. Я прав по убеждению и по чувству. Надеюсь, что ты в этом случае симпатически дашь мне руку, потому что глубоко

верю в нашу симпатию. А если нет, то это будет для меня тяжело, оскорбительно, но не переменит моей точки зрения на мои поступки. Будет обо всем этом. *Laßt untergehen die wandelnden Gestalten* *.

С радостью я прочел твою статью о Гран[овском] ³. Да что ж ты не пишешь, мой милый Грановский? Мы, кажется, так тепло встретились и полюбили друг друга, что разлука не может подлить холодной воды в нашу дружбу. Черт знает! хотелось бы слышать твой голос, который имеет для меня что-то иррезистибельно-симпатичное **. Как трудно наживаются задушевные минуты! Какой-то холод связывает язык и душу. Скучно мне сегодня, друзья мои! Лучше брошу писать.

Что сказать о занятиях? Они были прерваны довольно долго «скаканием играющей чувственности» (Надежд[ин]). Но чувственности моей нанесены раны, вследст[вие] чего я не скачу, а сижу и глотаю всякую дрянь. Нет худа без добра. — Логику я прочел в месяц (новое издание в I томе), но нисколько и не хвастаюсь, чтоб я ее совершенно усвоил себе, и в продолжение этой зимы примусь за чтение прежнего издания. Прежде надо прочесть историю философии и совершенно уяснить себе феноменологию. Что же касается до I-го отдела логики vom Sein ***, то признаюсь, что он мне яснее всех прочих, и по правде я дальше его, действительно, не ушел, хотя и прочел дальше. Я даже имею влечение засесть надолго на этом отделе, ведя его разом с натурфилософией и с историей древней философии. История философии одна из лучших книг Гегеля, и я ее читаю с увлечением. Это тоже развитие логики, взятое в цепи трудов прошедших мыслителей. — Гегель удивительно сжился с Грецией. В филос[офии] истории Греция разработана превосходно, да вообще весь древний мир. Средние века и христианство представляют с его стороны усиленное искание в них примирения всеобщего и единичного, между тем как все их развитие есть неснятый Gegensatz ****. А уж что касается до нового времени, то мое почтение; он или боится сознаваться или находится in der Befangenheit *****. В книге Розенкранца ⁴ (не знаю, с чего ты взял, что я хвалил

* Пусть скроются блуждающие тени (нем.). — *Ред.*

** неотразимо (франц. — *irrésistible*). — *Ред.*

*** о бытии (нем.). — *Ред.*

**** противоречие (нем.). — *Ред.*

***** в предубеждении (нем.). — *Ред.*

предисловие) все отрывочные мысли Гегеля о древних просто восхитительны, но как придет к теологии, так и скажешь: вон оно куда пошло! — В энциклопедии я стал на одном месте, далее которого не иду, и в логике не нахожу этому разрешения, и в энциклопедии тоже, и нигде. И этот вопрос для меня тайна. Или я не понимаю, или, действительно, тут нет достаточных оснований, нет необходимости проистекания, становления, положения — назови как хочешь. Дело вот в чем: не понимаю, как из абстрактной пустоты бытия — является вещество. Если ты что уяснил себе в этом, напиши. Я чувствую, что это вопрос, который неминуем, без которого никуда не выйдешь и об который можно расширить себе голову, да не шутя.

На другой день. Сегодня я в лучшем расположении духа и письмо твое кажется уже мне иным; я им больше доволен. Я даже рад и его пространным диссертациям, и нападкам на меня, прямо высказанным. Сегодня я в последних вижу святую чистоту и великодушные дружбы, а потому намерен писать обо всем, что заключено в твоём письме и в твоих статьях. I-е, упомяну о моей скупости. Сколько ни разбираю себя, не нахожу в себе ни одного чувства, подходящего к оной, и с великою радостью сообщаю тебе это известие; если б такое гадкое чувство закралось в меня, я, ей-богу, сошел бы с ума. А, между тем, я признаю в себе кучу иных эгоистических мелкостей, которые ничуть не лучше, но не эту. Два мелочных чувства были бы для меня удручительны, если б я их допускал до себя, — скупость и зависть. Через последнюю мне случалось проходить, но я пересилил ее; с этой стороны я очистился. Может быть, это единая внутренняя победа, которую я над собой сделал, единая сторона характера, где объективная истина просветлила мою личность. Что касается до скупости, я мог казаться скупым в иные минуты моей жизни, но источник многих жалких поступков с этой стороны заключался в не менее мелком и постыдном чувстве, но *ином*: в бессилии и робости. Насколько я в этом случае победил свою натуру — не знаю; кажется, что я окреп, но боюсь хвастаться. Что касается до тупости безрасчетной головы — с сожалением должен сознаться в этом непреодоленном пороке, в какой-то лени рассчитывать, которая меня самого бесит. Основа этого необыкновенное легкомыслие, которое подчас может заставить меня в минуту забыть самое тяжелое прискорбие и переброситься в детскость, веселость, молодечество etc... —

Вот тебе моя моральная исповедь. Други мои! Осуждайте меня, пожалуйста, там, где я повинен, а не там, где я не повинен. Кривое осуждение иногда меня тяжело оскорбляет, и я не всегда могу его вынести, не впад в непроходимую тоску, между тем как прямое осуждение — меня поднимает, я же всегда сознаюсь в том, что есть...

... В Берлине вчера был праздник. Король возвратился. Город был убран цветами, вечером была иллюминация. Что касается до иллюминации, она была вовсе не завидна. Но почтенные бюргеры с удивлением и наслаждением останавливались перед окнами, где вместо четырех свеч горело шесть. О, достолюбезная Германия! — У нас бывает Бетина⁵, даже одна из ее дочерей навестила Сатина. Вон оно куда пошло! Бетина славная женщина, но у ней сумбур в голове. Так, она находит, что Гегель взял свою систему из философских афоризмов Новалиса и что вообще *система* вещь убийственная и бесполезная; Бетина не верит в черта, а верит в явление мертвых и в гомеопатию. Но Бетина вообще благородная и симпатичная женщина, и подчас у ней такие светлые мысли, что просто не знаешь, откуда они берутся. Но вражда с системой, след[ственно] с диалектикой, останавливает все эти светлые мысли на месте и, кроме рассыпанных блесков, от нее ничего не добьешься. О Вердере я уже много раз писал. Это homo * из тех, которые примирились, ergo сидят и ждут и очень довольны и, в добавок, gefühlvoll **. Вот уж эта gefühlvoll — чистая болезненность. Тут Gefühl *** даже не удручает, а так себе, погрущает, и я, дескать, тоже говорю: Alas! роог Jogick! **** Вердер читал студентам Канта и хвастался мне, что читает не спросту, а развивает разом жизнь Канта и его систему, и как из этой жизни истекла эта система, и как они друг друга обуславливали, словом, он представляет живого индивида и построение его мысли. Я было и поверил; но, по достоверным известиям, о живом человеке ни слова не было, а только о мертвой системе, а то было только у него в уме. Ах! немцы, немцы! Право, люблю их очень, но бесят они пуще всех народов на свете. Фантастическое здесь царствует всюду, пропитанное Mehlspeise *****, пивом и

* человек (лат.). — *Ред.*

** чувствительны (нем.). — *Ред.*

*** чувство (нем.). — *Ред.*

**** Увы, бедный Йорик! (англ.). — *Ред.*

***** сладкое мучное блюдо (нем.). — *Ред.*

скверным табаком. Поевши раз десять на день, немец уходит в мир фантазии, т. е. представляет себе то, чего нет, и совершенно теряет из виду действительную жизнь.

Morgens, wenn ich aufstehe,
pflieg' ich Goethe zu lesen;
Abends, wenn ich schlafen gehe,
Schiller! les' ich in dir!..

(König von Bayern) *

Твоей статьей я очень доволен ⁶, я давно просил ее у тебя, и был бы еще довольнее, если б ты ее не так разбросал, а обделал бы последовательнее и не вмешивал бы слишком много фигурных выражений, сравнений etc, что иногда не объясняет мысли, а затмевает ее. Да потом, пожалуйста, поменьше греческих слов. Ведь что хвастаешь? По-гречески ни гу-гу не знаешь; а нашему брату нельзя же держать всегда при себе покойника Ивашковского; хорошо, что я обзавелся греческим лексиконом для справок, а то бы...

27 сент[ября]. Вчера кто-то прервал, а сегодня не помню, что хотел сказать, а, должно быть, что-то хорошее было. — Сатин все болен. Мое здоровье в одном положении. — Как хорош в ист[ории] фило[софии] Сократ! Право, хотелось бы сделаться греком. Да Моисей говорит, что наш мир и должен примириться с древним, и находит великий недостаток в человеке, который весь век любит одну женщину; а истинная любовь, по его мнению, должна быть к женщине вообще, а потом в действительности все переменна; это выходит *das übergreifende Weib* **! Также Моисей составил систему о сырах: швейцарский относится к классическим, а стильтон и лимбургский — к романтическим, т. е. не имеющим порядка ни в форме, ни во вкусе. Он удивляется, как такие умные люди, как мы, смеемся над такими великими истинами. — Напиши-ка еще статейку о дилетантах — формалистах. Эти люди имеют не одну неподвижную формулу, всюду ими прикладываемую, а несколько, не имеющих между собой никакой связи и прикладываемых в разных случаях по произволу. — Как это делается, *саго тю* ***, что у нас являются в одно и то же время одни и

* По утрам, когда я встаю, читаю я обычно Гете,
Вечером, когда я иду на покой, читаю я, Шиллер, тебя.
(Король Баварский). — *Ред.*

** всеохватывающая женщина (нем.). — *Ред.*

*** дорогой мой (итал.). — *Ред.*

те же требования? Ты хочешь принят[ься] за естеств[енные] науки, и я намеревался с открытия лекций следовать по оной же части (лишь бы не по-латыни читали). Я хочу эти занятия соединить с чтением энциклопедии. — Беда вот в чем: я еще долго не стану на ту ступень светлого сознания, из которого можно бы со всей полнотой мысли и внутренней жизни перейти в мир практический. Личность моя страдает недостатком силы воли, и эту силу я могу себе выработать только силой убеждения, т. е. посредством науки. А чем больше входишь в науку, тем огромнее становится предстоящий труд, и где этому конец? по крайней мере, когда дойду до достаточной связи, до ясного объема целого? А блуждание кой-каких мыслечек в мире практическом обуславливает только блуждание моей особы в жизни, доводит до нелепостей, наводит на капризность, и все это хаотическое движение, смесь *Naturgewalt* * и благородных порывов — словом, что-то уродливое. *Entbehren* ** и аскетизм ничему не помогут, а, между тем, я раб жизни. Я приношу в жизнь душу впечатлительную, а не напечатлевающую. От этого и блаженство вещь недоступная — и все одна разорванность. Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Труд должен быть спасением. Но когда вижу, как он впереди растягивается на годы и годы, просто страшно становится. Да еще и будет ли желаемый результат?.. *Halte là* ***!

Разные житейские потребности прерывают.

Прощай пока! Передаю письмо Сатину ⁷. После припишу...

35

ИЗ ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНУ

Берлин, декабря 29/17 (1844 г.) ¹

Пишу лежа, потому что нездоров. Не вздумай беспокоиться, болезнь пустая, прими только лежание за извинение, если скверно будет писано, — неловко лежа писать. Сегодня получили мы твое письмо, а я уже давно собираюсь писать к тебе, даже было пол-листа написано,

* власти природы (нем.). — *Ред.*

** самоотречение (нем.). — *Ред.*

*** Остановись (франц.). — *Ред.*

но брошено. Чорт знает, как бы хотелось тебя видеть. Так много надо бы говорить с тобой и даже трудиться вместе. Но об этом речь впереди, сперва о твоём письме. Опять речь о границах. Эта речь, саго mio *, так глубоко залезла в душу, что только начни, и пойдет рефлексировка на целые часы. Я не знаю, насколько Гран[овский] aus einem Guß **, вот что значит давно не видаться! Мне кажется, il subit la spécialité ***, для того чтоб не растратить сил и сохранить всегда свежую деятельность, не пропадающую даром. Но взгляни на интенсивитет его желания полноты в жизни, и как это разрешится в грусть — увидишь, что Guß **** не кончен и что он, может быть, от этого пьёт, как гусь. Милый проф[ессор] in spe! ***** Расцелуй его за меня. Что же касается до нашего Guß, который не ein Guß, а только das Gießen *****, — об этом я не мало рефлексировал и довольно бесплодно. Энциклопедизм, хватание за ту и другую науку от того, что энциклопедизм, как просто сумма наук, не адекватен философии, а философия (по крайней мере, та, которую мы знаем) не дала разрешения. Я намерен сегодня серьезно говорить о гегел[евской] Энциклопедии, но после, дай прежде досказать о границах. Наши границы нам всегда ощутительнее, когда мы станем сравниваться друг с другом. Если б мы могли слиться в одну личность, — без самолюбия, — была бы превосходная личность. В наших различиях мы всегда можем указать наши границы; наше сходство составляет в нас истинную сторону духа. Вот почему мы и развиваемся параллельно, — глупое слово!.. одинаково — простей и лучше. Энергическая слабость моей практической жизни убийственна; она всегда меня перебрасывает из глупости в жесткость или жестокость. Не смейся над этим. Это черта слабых характеров. Милый Вас[илий] Пет[рович] самый резкий пример. Во мне это не так резко, по крайней мере не является в ежедневной жизни, а только в необыкновенных случаях, где решиться на что-нибудь необходимо, где ты поступишь благородно и прямо, а я глупо или жестоко.

* дорогой мой (итал.). — *Ред.*

** монолитен (нем.). — *Ред.*

*** отдается специальности (франц.). — *Ред.*

**** отливка (нем.). — *Ред.*

***** Здесь: будущий (лат.). — *Ред.*

***** Игра слов, имеющая смысл: наше формирование еще не закончено (нем.). — *Ред.*

Да знаешь, что это 2 крайности в слабых характерах не только в практической жизни, но и в науке. Слабый характер должен сделаться или мистиком, или материалистом, по крайней мере всегда близок к одной из крайностей. Сильный характер — создание в науке и в жизни. Есть границы и самым границам, есть границы слабости и силы, и характеры являются *mixtes* *. Один из самых сильных людей, один из самых близких мне по духу и по душе — Фролов ², а иногда и этой силе непереступимая граница. Есть у нас спорные пункты. У него близкое существо на том свете. Случай, несчастье, оскорбление природою святыни душевной заставляет искать *jenseits* **. Право, чувство границ, зависимость от случая тревожат меня болезненнее всего на свете. Дух оскорбляется, и тут рождается столько негодования, страдания и убийственного сострадания, что подчас и самые силы духа слабеют и опять хандра, хандра, которую я ненавижу, потому что действительно любил ее, пребывал в ней с мучительным наслаждением, и которая, как гнилой туман, съедает здоровые силы. На-днях я принялся писать стихи. Плохо я пишу, Герцен; но стихи навели меня на фигуру Мефистофеля. Близость Мефистофеля оскорбительна, как *spleep* ***. Эх, брат! — подумал я, — да дело в том, что Мефистофель не есть негация. Мефистофель — чистое бессилие, а негация — чистая сила. Неадекватность личности и идеи, отрицание духа из личного бессилия, эмпиризм, не совладающий с понятием и в жизни нисходящий до животности, меряющий истину пальпательностью из бессилия обнять ее *im Geiste* ****, — вот он Мефистофель. Это больше жалкий урод, чем черт.

Теперь товарищ мне иной дух отрицанья,
 Не тот насмешник черствый и больной,
 Но тот всеильный дух движенья и созданья,
 Тот вечно юный, новый и живой!
 Он губит весело, ему не жаль развалин,
 Из праха их он строит вновь и вновь...

(далее — плоше)

* смешанными (франц.). — *Ред.*

** потустороннего (нем.). — *Ред.*

*** сплип (англ.). — *Ред.*

**** в духе (нем.). — *Ред.*

Заметь, что смешивание Мефистофеля и негации гибельно, заставляет отчаиваться в правде и в жизни. Ложь, которую нашептывает собственная недоста[то]чность, принимается за опытность, за то, что В[асилий] П[етрович] называет смотреть чорту в глаза, что вообще называется горькими истинами.

Пребывай в сознании этих горьких истин, принимая его за великую жертву, приносимую истине, — и всегда Mephisto * неотвязчив и всегда будет дрожать перед ним. Не то сила негации. Она убивает Мефистофеля; она снимает истины эмпиризма, возводя человека в практичность. Эмпиризму позволено искать от скуки, как бы найти наслажденьице; на этих наслажденьицах он останавливается, цепляется — так и жизнь проходит. Но сила негации есть практичность, т. е. непрерывная манифестация самого себя, ни за что не цепляющаяся, ни на чем не останавливающаяся, потому что это сила духа, который не может остановиться на каком-нибудь моменте. Манифестация самого себя — блаженство в жизни. Мы не достигаем блаженства оттого, что скрываем, робеем высказаться. Сила негации ведет к энциклопедизму в науке, не допускает остановиться на отдельном; она создала мир и требует его воспроизведения для сознания ³. Наше бросание из угла в угол в науке доказывает, что сила негации в нас запала, но мы ее не усвоили. Ее присутствие только судорожно поразило нас, и она в нас выразилась тревожно, *taßlos und zwecklos* **. Это наши общие границы, за которые нужно перешагнуть, сколько бы труда ни стоило. Для энциклопедизма нужен план и держание себя *im Maße* ***, только тогда почувствуется действительно сила негации и жизнь станет развитием, а не брожением.

Энциклопедизм и философия! Вот где *Widerspruch* ****, эмпиризма и идеи. История движется, чтоб примирить их. Действительная наука только тогда, когда идеализм и эмпиризм, философия и энциклопедизм будут адекватны. Боюсь впасть в нелепость, но с тобой *à coeur ouvert* *****: логика все же абстрактное, а не живое дело ⁴. Да кто же дал право вынуть мысль из мира, поставить особо и потом строить

* Мефистофель. — *Ред.*

** безмерно и бесцельно (нем.). — *Ред.*

*** в мере (нем.). — *Ред.*

**** противоречие (нем.). — *Ред.*

***** скажу чистосердечно (франц.). — *Ред.*

прикладную логику, т. е. натурфилософию и философ[ию] истории? Если мысль соприисносущна миру, как же, когда вы следуете за развитием мысли, она становится для вашего сознания особо и вместе с нею не развивается перед вами самый мир, и вы только после сводите мысль в конкретную жизнь, прикладываете ее? От этого неизмеримая Kluft * между логикой и натурфилософией, и в этом процессе вы тормозите ваши эмпирические сведения, чтоб подвести их, и тормозите мысль, чтоб навести ее. Мысль с природой aus einem Guß**. Дайте мне не прикладную, а конкретную науку. Вердер⁵ говорит, что логика läßt sich nicht so in der Natur durchführen***, что, зная логику, можно только иметь в натурфилософии mehr originelle Gedanken****. Вот ad absurdum***** доведенный раздел эмпирии и идеализма, des Seins und des Denkens*****. Этот раздел консеквентен у Спинозы, а у Гегеля он едва ли консеквентен. А между тем эта Kluft zwischen Sein und Denken***** чувствительна в энциклопедии. После построения логики я не вижу, зачем идее бросаться в природу⁶, ins Auseinandersein*****, и это выходит идея prestabilitata*****. А идея prestabilitata — дуализм и именно Kluft zwischen Sein und Denken*****. Также я не вижу, почему логический Etwas***** не есть вещественность. Ведь, это понятие der Realität*****, das Etwas пришло из мира эмпирии, есть представление и доказывает — не то, чтоб в развитие мысли вмешался чуждый элемент, а только нераздельность мысли и природы. Зачем бояться представлений? Можно бояться привидений, бояться наглядок (Wahrnehmung*****), а мысль только тогда и жива, когда она есть представление. В области сознания мысль только тогда и жива, когда она ясна до представления. Идея не prestabilitata и не есть делимое

-
- * пропасть (нем.). — *Ред.*
 - ** вылита из одного куска (нем.). — *Ред.*
 - *** может быть просто проведена в природе (нем.). — *Ред.*
 - **** более оригинальные мысли (нем.). — *Ред.*
 - ***** до абсурда (лат.). — *Ред.*
 - ***** бытия и мышления (нем.). — *Ред.*
 - ***** пропасть между бытием и мышлением (нем.). — *Ред.*
 - ***** во вне себя бытие (нем.). — *Ред.*
 - ***** предустановленная (лат.). — *Ред.*
 - ***** нечто (нем.). — *Ред.*
 - ***** реальность (нем.). — *Ред.*
 - ***** восприятие (нем.). — *Ред.*

на низшее и высшее в ходе своего развития. Она тотальна в каждом своем моменте... как человек весь в каждом своем действии. Она развивается вся (в этом ее вечность), и от этого она не *jenseits* *, а соприисноущна миру. Логика, оставаясь схемой, есть наука абстракции, а не живая *scientia universi* **. Если я вру, Герцен, объясни мне, насколько знаешь. Я мало себе верю; верю только, пока говорю об этом, потому что это меня бросает в какую-то экзальтацию. Также напиши ответ и на то, что напишу на следующей странице. Да напиши поскорее ⁷.

Дело пойдет собственно о 2-й части Энциклопедии ⁸. Многое мне темно. Я недавно начал читать ее. Самое вещество сильнейший камень преткновения... Дай подумать и рассказать посистематичнее. 1) Я, кажется, vom Sein und Nichts *** кое-что тебе наврал в последнем письме. Что — не помню, но помнится, будто занесся, т. е. заврался. Теперь я, кажется, живее понял их нераздельность. Абстрактное Sein есть das Absolut-Affirmative **** и вместе с тем das Absolut-Negative *****, оно есть и вместе есть отрешенность от всего сущего — das Nichts. Die Wahrheit beider ist das Werden, wo das Sein und das Nichts, das Affirmative und Bleibende mit dem Negativen und beweglichen zusammengefallen sind *****. Отныне негация и бытие, движение и существование — нераздельны. 2) Das Dasein, als unbestimmtes, ist das Leere. Das Leere ist so wenig das Nichts, als das Null. Das Leere ist nicht Null, weil Null gar nichts ist, eine totale Abwesenheit zwei entgegengesetzten, die durcheinander zu Grunde gegangen; das Leere aber ist bloß das unbestimmte. Das Leere ist nicht das Nichts, weil es nicht das Absolut-Negative ist, sondern eine Bestimmtheit (Qualität). Das Leere ist die unbestimmte Bestimmtheit, — das Dasein überhaupt, oder das Dasein überhaupt ist leer. Ferner ist das Dasein als Realität, als daseiendes und somit als Nichtsein (nicht *nur* Sein) mit der

* потустороння (нем.). — *Ред.*

** наука мира (лат.). — *Ред.*

*** о бытии и ничто (нем.). — *Ред.*

**** бытие есть абсолютно-положительное (нем.). — *Ред.*

***** абсолютно-отрицательное (нем.). — *Ред.*

***** Ничто. Истина обоих есть становление, где совпадают бытие и ничто, утвердительное и пребывающее с отрицательным и подвижным (нем.). — *Ред.*

Negation behaftet. Das Leere hat seine Realität im Raum, dessen Negation die Zeit ist. Hier ist das Dasein das, was es in Wahrheit ist *. 3) Вот я чего не понимал в Гегеле, что отношение места и времени есть движение ⁹. *Здесь*, говорит он, *теперь* пространства; но пространство как продолжение есть das Nebeneinander des *hier* ** и не обуславливает движения; место равнодушно и не движется; оно теперь и еще раз теперь все то же место. Для него нет das Andere ***, но оно и не das Eins ****, оно dasselbe *****. Негация, которую время совершает над пространством, квалитативна. Отношение времени к месту делает его zum Daseienden, zum Etwas *****. В этой негации неопределенности, негации, делаемой временем, есть движение квалитативное; это Negation der Negation *****, это сила, которой сущность заключается в самонегации (Selbstbewegung *****). Самонегация необходимо Anderssein ***** и есть вещество. Das Etwas в природе сила, существующая как вещество. Das Etwas ist nicht gleichgültig gegen sein Anderes, es gibt sich dem andern hin, ist selbst das Anderssein. Quantum ***** начинается тогда, когда das Etwas становится единицей, а in der Kontinuität ist das hier eine bloße Grenze; Quantum — отношение des Etwas, als für sich seiendes eins, zur

* Наличное бытие, как неопределенное, есть пустота. Пустота столь же мало есть ничто, как она не есть нуль. Пустота не есть нуль, потому что нуль совсем не существует, полное отсутствие двух противоположностей, которые гибнут вместе; пустота есть только неопределенное. Пустота не есть ничто, потому что она есть не абсолютно-отрицательное, но определенность (качество). Пустота есть неопределенная определенность, наличное бытие вообще, или наличное бытие вообще — пусто. Далее наличное бытие связано с отрицанием как реальность, как существующее и вместе с тем как небытие (не только бытие). Пустота имеет свою реальность в пространстве, отрицание которого есть время. Здесь наличное бытие есть то, что оно есть поистине (нем.). — *Ред.*

** рядоположность того, что мы называем «здесь» (нем.). — *Ред.*

*** другого (нем.). — *Ред.*

**** одно (нем.). — *Ред.*

***** то же самое (нем.). — *Ред.*

***** наличным бытием, чем-то (нем.). — *Ред.*

***** отрицание отрицания (нем.). — *Ред.*

***** самодвижении (нем.). — *Ред.*

***** инобытие (нем.). — *Ред.*

***** Нечто не равнодушно к своему другому, оно отдается другому, оно само есть инобытие. Определенное количество (нем.). — *Ред.*

Kontinuität *. Квантитативное, механическое движение есть отношение единицы к месту и времени, есть перемена места какой-нибудь единицы. Природа так же мало начинается с квантитета, как и логика. 4) Не понимаю ни репульсии, ни атракции, т. е. атракции не понимаю. Kontinuität ** никак не дает результатом атракцию, а только das Nebeneinandersein ***. Вообще это не Repulsion, а Expansion ****.

Теперь пойду спать. Устал, поздно. Не пойду спать, а просто засну, потому <что> лежа в постели мне идти спать невозможно. Завтра еще кой о чем и о делах, и о братьях. До свидания. Прощай, Герцен. Помнишь, как мы к утру прощались до завтра и при первом свете смотрели на Волхов? Как бы лучше было вместе. Нет — нам разлука не может быть равнодушною. Мы иногда не думаем о ней — но не забываем ее.

30 декабря. Сегодня встал с постели. Но здоровье, должно быть, еще с месяц не придет в порядок. Квалитативное движение и есть то, что называется Veränderung ***** или, лучше, Verwandlung. Metamorphosis ***** процесс природы. То, что эмпиризм назвал силой, потому что не мог взвесить и признать за вещество, это нечто, что есть и сила, и вещество, или просто Anderssein и Veränderung = Bewegung der Materie, Negation des Etwas ***** , вообще негация как душа самосотворения природы, эта сила в своих метаморфозах, в стремлении стать адекватно идее, из чистой экспансивности (соответствующей der Kontinuität) доходит до различий в самой себе, становится для себя, живым целым, квалитативной единицей. Metamorphosis einer Urmaterie, die aus der bloßen Expansion zum chemischen Unterschiede in sich kommt ***** — вот жизнь неорудной природы. Но природа, как das Auseinandersein des

* В непрерывности «здесь» является только границей; определенное количество — отношение «нечто», которое является для себя сущим одним, к непрерывности (нем.). — *Ред.*

** непрерывность (нем.). — *Ред.*

*** рядоположность (нем.). — *Ред.*

**** не отталкивание, а расширение (нем.). — *Ред.*

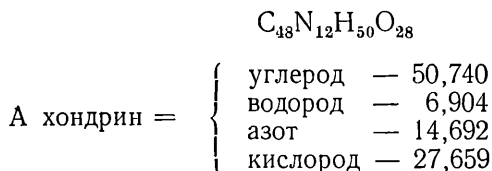
***** изменение (нем.). — *Ред.*

***** превращение (нем.). *Метаморфоза (лат.). — Ред.*

***** Инобытие и изменение = движению материи, отрицанию «нечто» (нем.). — *Ред.*

***** *Метаморфоза первоматерии, которая от чистого расширения переходит к химическому размечению в себе (нем.). — Ред.*

Raums und der Zeit *, отрицая низший момент, läßt es im Auseinander vorhanden sein **. От этого в самом органическом теле, где движение вещества возвелось durch Verwandlung zur Lebenskraft ***, низшие моменты sind vorhanden ****; организм, кроме того, что он организм, есть химический процесс и также гальванический процесс. Я убежден, что голова и соссух — полюсы гальванической цепи, которой разлагающая среда — мозг, а нервы — проводники к внешнему миру; но все это aufgehoben als Lebenskraft ***** (или Lebensbewegung, Lebensprozeß *****, если слово Kraft ***** не нравится). Любопытно сделать опыт над изолированной кошкой, покажет ли электрометр разные полюсы у головы и хвоста. Может, я вру страшную гиль, а может и нет. Животная химия Либиха, очевидно, показывает в организме чистый процесс негации, где питание и рост есть сгорание элементов (оксидация). Кости в организме суть кристаллизация хряща (Chondrin), представители неорудной природы, которая первоначальная основа, первоначальный момент вещественного мира.

Но не в количествах дело, а в натуре элементов, которые нас вводят в область газообразного, чисто элементарного вещества, где властвует экспансивность, Bewegung, die nicht in sich zurückgekehrt ist *****. Если разобрать роль, которую электричество играет в газообразных соединениях, мы, может, дойдем до того, что покажем Verwandlung

* внесебябытие пространства и времени (нем.). — *Ред.*
 ** сохраняет его в инобытии (нем.). — *Ред.*
 *** через превращения до жизненной силы (нем.). — *Ред.*
 **** имеются налицо (нем.). — *Ред.*
 ***** снято в качестве жизненной силы (нем.). — *Ред.*
 ***** движение жизни, процесс жизни (нем.). — *Ред.*
 ***** сила (нем.). — *Ред.*
 ***** движение, которое не возвращается внутрь себя (нем.). — *Ред.*

der Elektrizität in gasförmige Körper *. Животный организм — чудесный аналитический путь к изучению мирового процесса, только преследуй анализис до крайних консеквенций. Мне бы хотелось *с тобой работать*. Я один неловок, могу ошибаться по неловкости и увлекаться фантазированием в абсурдум. Во всяком случае, т. е. вру я или нет, отвечай мне на все поскорее; я через это в таком тревожном и напряженном состоянии, что ты себе вообразить не можешь. Заметь еще, что химическое соединение, в котором эмпирическая теория откровенно не может высказать различия от простого смешения, есть не что иное, как *Metamorphosis* **.

Будет теперь. Чай, я уж надоел тебе. Что ж делать, — что у кого болит, про то и говорит. Ну! теперь домашние дела. Marie уехала в Италию. Не хочу ничего больше говорить об этом — скучно! Как, ты хочешь, чтоб я братьев поместил в Гамбурге ¹⁰? Да кто ж их примет и как я поручусь за их способность etc... Говоря о торговом поприще, я не столько думал о банкротстве, сколько о *commis* *** по какой-нибудь отдельной внутренней торговле оптового купца, торговле известным материалом или известными материалами; напр[имер], бухгалтерия или суббухгалтерия у Боткина или у кого другого по части чая ничуть не хуже чисто банкирской бухгалтерии. Я не намерен ссужать их капиталом, пока они не раскусят образ торговли. Что же касается до помещения их, если нужно 2 или 3 тысячи, я не прочь. Поговори, пожалуйста с Ал[ексеем] Ал[ексеевичем] ¹¹ хорошенько об этом. Если легко поместить в контору — помести, а нет, то на особенную коммерцию. Насчет денег я высылаю Ал[ексею] Ал[ексеевичу] доверенность на взятие с белоомут[ских] мужиков сколько нужно, и потому он во всяком случае будет иметь возможность хотя до 5 т[ысяч] вручить тебе. Доставь ему немедленно прилагаемое письмо. Да! братья позадолжали. Мне не хотелось бы давать им на прожиток больше 150 руб. в месяц на обоих; если в самом деле это мало, пусть прибавит немного, но баловать не нужно; не вижу *causa sufficiens* ****, чтоб сделать из них крезов, но в средствах сделаться <чем-нибудь>

* превращение электричества в газообразные тела (нем.). — Ред.

** метаморфоза (лат.). — Ред.

*** службе (франц.). — Ред.

**** достаточной причины (лат.). — Ред.

посредством собственного труда не откажу. Что ж это журнал-то?.. Поздравляю с Новым годом. Летом он нас сведет. Весной мне нужно быть на водах. Если б ты сюда приехал, Герцен! Я еще бы год остался за границей. Хочется домой и не знаю, что (кроме работы) удерживает; как будто что-то тяжелое должно застыть в душу дома. Но это чистая романтика!.. Что касается до славянофилов московских, — их представитель буква ъ, надутая, а между тем ничего. Здравствуй, Наташа! дай ручку! Старый друг желает тебе хорошего Нового года. А Сашку благодарю за поздравление и замечу, что он покрупней тебя пишет. Сейчас пронесся в Берлине слух о смерти Людовика-Филиппа.

Адрес наш теперь: Universitätstrasse, 3 *.

P. S. Перечитывая и передумывая мое послание, вижу, как много неясного, т. е. неясного потому, что я сам не *ins Klare geworden* **. Вот границы, которые меня мучат чуть ли не более границ моего характера — это границы емкости! Стремиться трудиться — и недоразвиться и лопнуть об невозможность, которая может иметь *zum Grunde* *** так или иначе образованный череп!.. *Fichtre* ****! тут резигнация не утешает. Я наврал о количестве. Но дело в том, что нет качества без количества; они в природе разом, как внутреннее и внешнее, или, лучше, как *das Ansich und die Beziehung, gegen welche das Ansich und welche gegen das Ansich gleichgültig ist* *****. Их примирение *im Maße* *****; от этого количество и играет такую важную роль в химии. Химия! Займись химией, Герцен! Но дай ей другое значение. Не ограничивай ее процессом и результатом, полученным в склянках лаборатории. Она должна дать историю образования вещества в тех формах, в каких оно является в природе. Она 1) геология, 2) история органического процесса. Чудесно! Как всюду проведен процесс окисидации! Сотворение есть горение. *Vive la négation* *****!..

* Университетская ул., 3 (нем.). — *Ред.*

** все себе уяснил (нем.). — *Ред.*

*** в основе (нем.). — *Ред.*

**** к черту (фр.). — *Ред.*

***** «в себе» и отношения, которые взаимно равнодушны друг к другу (нем.). — *Ред.*

***** в мире (нем.). — *Ред.*

***** Да здравствует отрицание! (фр.). — *Ред.*

А. И. ГЕРЦЕНУ

Берлин, 2 февраля н. ст. (1845 г.)¹

Пишу in-8°. In-4° несносней Раумера, которого я никогда не видел. Поздравляю вас с дочерью, carissimi fratello e sorella! * Пусть недаром нашла на тебя светлая минута, друг мой! Я верю в твоих детей. Они одни дают мне знать, что я имею семейство. А ты трусишь будущности! Это с твоей стороны романтизм наизнанку. Senza abstractione ** — сознание связи mit dem Allgemeinen *** мешает мне бояться будущности; да и ваше существование, carissimi, мешает мне бояться ее. Я не предвижу, чтоб кто-нибудь из нас мог умереть глупо. Глупых случайностей я не жду. Ein für allemal ****: природа не ставит глупых случайностей; она вольно играет ими, но это вольное разумно и, след[ственно], не бессвязно. Это вольно-случайное — фантазия природы; по крайней мере природа движется в этом, как движется фантазия в художеств[енном] произведении, — вольно, но стройно, безгранично, но zweckmäßig *****. Конечно, хочется сдунуть самое легкое пятнышко с жизни близкого человека; но я не имею достаточно презрения к индивидуальностям, чтоб думать, что они вырваны из целого и подлежат zwecklosen Zufälligkeiten *****. Я в твою внутреннюю силу больше верю, чем ты сам. А глупые происшествия, глупые несчастья бывают только с теми, с кем они могут случиться. Впрочем, об индивидуальности после. Теперь обращаюсь к проф[ессору] in spe². Ведь я, душа моя, очень хорошо знаю, что ты не aus einem Giße ***** и представляешь собою das ewige Gießen *****. Я знаю, чем ты страдаешь, и знаю, что у тебя есть сила на скорбь. Негация и скорбь — это одно-значительные слова. Скорбь — негация сердца; негация —

* дорогие брат и сестра (итал.). — *Ред.*

** без абстракции (итал.). — *Ред.*

*** со всеобщим (нем.). — *Ред.*

**** Раз и навсегда (нем.). — *Ред.*

***** целесообразно (нем.). — *Ред.*

***** бесцельной случайности (нем.). — *Ред.*

***** не из одного куска (нем.). — *Ред.*

***** вечное переливание (нем.). — *Ред.*

скорбь ума. А вместе с тем и то, и другое есть сила созидать свою жизнь in der Wahrheit *. Да ты же и живешь в негации истории. Да и какой истории! где два тысячелетия проводится Gegensatz des Allgemeinen und des Einzelnen **, где всеобщее стоит, как грозное непреложное учение, а народы берут точкой отправления конечную личность, конечный произвол и, ограничивая личность личностью, не могут ни до чего добраться, как только до абстрактной свободы der abstrakten Persönlichkeit ***. Тут и помимо твоей личной жизни бездна скорби и негации. А сила истины требует, наконец, den Gegensatz aufzuheben ****. И будто у тебя не хватает этой силы? Будто ты не переступил самой тяжелой скорби — отказаться от привидений? Все это вздор! Если б я усомнился в твоей Schwungkraft *****, я бросил бы труд и пошел бы сложить голову в битве или буйстве. Что ты романтик — да что ж из этого? Зачем ты отрекаешься? Романтизм не что иное, как женственность, т. е. самое изящное в мире. Не отрекайся от этого. Если бы в тебе порвалась эта важная струна в твоей жизни, ты был бы или изломанная скрипка, или абстрактное существо. Так, как ты есть, — я тебя люблю. Я тебя люблю bis zum Rührenden *****. Мы все не логические, а физиологические явления; поэтому-то мы и хороши. Скорбь об утрате близких должна остаться скорбью, скорбью всей жизни; от этого-то я и ненавижу утешения посредством Jenseits *****. Они мешают скорби, они облегчают чувство утраты, они трусость перед страданием. Храни свято всю силу скорби о безвозвратном мертвом, только тогда ты в самом деле почтишь его память, и он будет жив у тебя в сердце. Хотел бы я с тобой выпить! Выпьем бургонского, саго mio *****! Славное, энергическое вино. Мне надо энергического вина; оно возбуждает во мне энергию, которой у меня все же нет в характере. Мой враг не прошедшее и не будущее, а настоящее, в котором

* в истине (нем.). — *Ред.*

** противоположность всеобщего и единичного (нем.). —

Ред.

*** абстрактной личности (нем.). — *Ред.*

**** снятия противоречия (нем.). — *Ред.*

***** энергии (нем.). — *Ред.*

***** трогательно (нем.). — *Ред.*

***** потустороннего (нем.). — *Ред.*

***** дорогой мой (итал.). — *Ред.*

я не умею *решаться*. Вот моя близость с Гамлетом, вот червяк, которого я не могу вытащить, сколько ни хлопочу. Это также трусость. Всю жизнь стану бороться с этим чувством; но стану! Воля и сознание должны дать искусственную бодрость.

Впрочем, друзья мои, я больше двух недель не пьянствую. Я заметил — судя по летам, довольно поздно — что *vita brevis, ars longa* *, и еще, что двух дел разом нельзя делать и *alles hat seine Zeit* **, — сказал Соломон. А еще так много труда, и этот труд растет, чем больше в него вдаешься. А труд этот — не абстракция, а столько же конкретная потребность, как и потребность любви etc... «Горе закапывающему талант!» — пишет Герц[ен]. Да-с! горе закапывающему в себе свое человечески-личное: чистосердечие — наша ифика и действительное блаженство. До сих пор я чистосердечен за бутылкой — горькое доказательство внутренней трусости! Я с нетерпением жду моего стакана за вашим столом. Подчас мне хочется бежать из этого Берлина и прямо к вам. Но — мы едем на Кавказ. Сат[ину] необходимо, мне полезно. В августе увидимся. Пора! я чувствую, что пора.

А между тем я благодарен Берлину и за то, что он скучен, и за то, что я болен. (Впрочем, почти здоров.) Я здесь почти никого не вижу и никого не знаю. Не выхожу из комнаты и даже все лекции утратил. Но во мне сделался странный переворот. Я не знаю, откуда я здесь получил силу определить себя себе самому, определить труд и стремление. Я могу работать *zweckmäßig* ***, и хотя еще не всегда умею удержаться от метания из угла в угол, но чувствую, что и это могу преодолеть и идти мерным шагом. Этот год еще более или менее хаотичен, но основа работы положена, и я употреблю все усилия, чтоб удержать себя на этом пути. Я верю в труд, потому что он стал мне определенным. С этим стремлением я в глубине души помолодел и полон упования. Это стремление — не абстракция потому именно, что в нем лежит энциклопедия жизни. Право! мне кажется, что я хвастаюсь! Да что ж мне делать? Я чувствую себя *durch und durch begeistert* ****. Если наши занятия и образ

* жизнь коротка, а искусство долговечно (лат.). — *Ред.*

** всему свое время (нем.). — *Ред.*

*** целесообразно (нем.). — *Ред.*

**** насквозь воодушевлен (нем.). — *Ред.*

воззрения совпадают, Герцен, то мы можем быть еще десятикратно довольнее, узнавая с каждым днем, как этот образ воззрения становится более и более общим. Это доказывает, что мы in der Zeit * и можем смело сознавать, что мы не находимся в isolement **. В Париже явился новый человек или, лучше, вновь явился известный человек, Auguste Comte ***, и, читая курс популярной астрономии, в предварительных лекциях развивает систему de philosophie positive ****, которую и напечатал в 6 томах ³. В[асилий] П[етрович] с восторгом слушает и Фр[олов], кажется, также. Я достану книгу и сообщу тебе, как и что. Фр[олов] занимается естеств[енными] науками. Видишь, как везде стремление определить себе антропологию, науку о конкретном человеке! как везде чувствуется, что без этого ни шагу не сделаешь в истории! Да! прав ты, что имел светлую мину́ту, где чувства прошлого и будущего слились в чувстве прекрасного значения настоящего. Взгляни на твоих детей и подумай, как широко может в них выразиться die Zeit *****, и в этом сознании твоего настоящего тебя охватит такое упование в будущее, что ты перестанешь бояться его и благословишь жизнь, quoi qu'il puisse arriver *****.

Надо подчас заглядывать в старых писателей. Чтоб дать пищу твоей нежности к мозгу, выписываю тебе несколько строк из Боннета:

«Таким образом, я был вынужден предположить, что для каждого вида чувственных восприятий имеются особые волокна... Когда душа переходит от одного предмета к другому, усталость исчезает; это объясняется тем, что душа начинает пользоваться другими волокнами... Если каждое чувство имеет свой механизм, то, вероятно, каждый вид чувствительных волокон также имеет свой механизм... Я рассматриваю каждое чувствительное волокно как очень маленький орган, имеющий свои особые функции, и полагаю, что работа волокна должна обуславливаться его основной структурой... Поскольку между всеми нашими понятиями существует взаимосвязь, чувствительные волокна

* во времени (нем.). — *Ред.*

** изоляции (франц.). — *Ред.*

*** Огюст Конт (франц.). — *Ред.*

**** позитивной философии (франц.). — *Ред.*

***** время (нем.). — *Ред.*

***** что бы ни предстояло в будущем (франц.). — *Ред.*

также должны иметь между собой взаимосвязь — непосредственную или опосредствованную... Ум, который всецело постиг бы механику деятельности мозга, который видел бы все происходящие в нем процессы, читал бы в нем, как в открытой книге. Множество бесконечно малых органов, служащих для чувства и мысли, были бы для этого ума тем, чем для нас является типографский шрифт» (Боннет, «Палинггезия»).

Как изящен путь предчувствий в науке! Как хорошо благоговеется пред этой *im Werden begriffenen Selbstbestimmung des Gedankens* *! Отсюда перехожу к натурфилософии. С тех пор, как я писал к тебе, я еще несколько дней мучился сомнением, прав ли я в понятии отношения логики к натурфилософии, и был уже вполне убежден в истине, когда получил и с радостью прочел твой ответ ⁴. Да! реальный мир предшествует логике, как природа предшествует человеку. Реальному миру надо было собраться *aus der Kontinuität zur Subjektivität* **, чтоб превратиться в мысль и построить логику, чтоб *aus dem Begriff an sich* сделаться *Begriff für sich* ***. Вот где соприкоснувшись идеи и природы, что каждая вещь в природе есть *Begriff an sich* **** и весь процесс природы *ein Fürsichwerden* ***** , стремление *zur Subjektivität, denn die Subjektivität ist die Wahrheit des Allgemeinen* *****. Гегель убил природу, нашедши в магнетизме выражение *des Urteils* *****, а в химическом процессе выражение *des Begriffs* ***** ⁵. Это значит сделать из природы символ. Нет! природа — живая жизнь, а не символ, не египетский иероглиф. Соприкоснувшись понятия и природы везде, но выражается она поистине только *im Fürsichsein, im Subjekt, im Gedanken* *****. Завтра я дойду до органики. Что я до сих пор почерпнул из натурфилософии? Память мне изменяет, Герцен! К концу книги я мало, с трудом помню пре-

* самоопределением мысли, находящейся в становлении (нем.). — *Ред.*

** из непрерывности к субъективности (нем.). — *Ред.*

*** из понятия в себе сделаться понятием для себя (нем.). — *Ред.*

**** понятие в себе (нем.). — *Ред.*

***** для-себя-бытие (нем.). — *Ред.*

***** к субъективности, так как субъективность есть истина всеобщего (нем.). — *Ред.*

***** суждения (нем.). — *Ред.*

***** понятия (нем.). — *Ред.*

***** в для-себя-бытии, в субъекте, в мысли (нем.). — *Ред.*

дыдущее, должен переглядывать или пропускать; это мой органический порок. Но все же я почерпнул методу самоопределения природы, которая заключается в натурфилософии Гегеля, хотя и не высказана или иначе высказана им. Эта метода есть то, что движение негации не есть происхождение одно[го] из другого по прямой линии, но *ein in sich gehen* *. Безразличный *Kontinuität* ставит в себе различия, углубляется в себя и, доходя до своей цели, до субъекта (прошу заметить различие индивида и субъекта), только доходит до своего начала, и оно становится принципом, идеальным принципом, нигде не лежащим и везде соприносущным, а в человеке соприносущным, как самосознание, как мысль. *Die Natur bringt es hervor, was in ihr ist, und setzt es nun ideell so gut wie anßer sich. Aber in Wahrheit ist es nicht außer ihr — dies wäre nur eine materielle Konzeption, es ist nichts anderes als das Fürsichsein* **. Вникните в это слово: *Subjekt* и *Fürsichsein* ***. *Dio santo!* **** кто же сказал, что венец всего движения логика? Логика, как и все другое. *Subjekt* есть *das Fürsichsein* ***** всей полноты, всей роскоши природы, всей самой живой жизни природы, всего, что в природе *an sich* *. То, что в природе отношение, — в субъекте любовь, что в природе случайность — в субъекте фантазия, что в природе *das Wesen* ***** — в субъекте *Begriff* *****; что в природе форма — в субъекте слово. Вникни во все это чудесное единство логоса и реалитета, и тогда только раскроется идеализм так, как он есть по истине, т. е. ни спиритуализм, ни материализм, а отсутствие всякого дуализма, великое *Einssein* ***** идеи и природы. Полнота *des Fürsichseins* ***** есть основа

* углубление в себя (нем.). — *Ред.* Заметь рост в органич[еском] мире, где клетка развивается внутри клетки.

** Природа производит то, что заключено в ней, и полагает это в идее так же хорошо, как и вне себя. Но в действительности оно не заключается *вне* ее, ибо *в таком случае* оно было бы только понятием, а между тем оно есть не что иное как для-себя-бытие (нем.). — *Ред.*

*** субъект и для-себя-бытие (нем.). — *Ред.*

**** Боже мой! (итал.). — *Ред.*

***** Субъект есть для-себя-бытие (нем.). — *Ред.*

***** в себе (нем.). — *Ред.*

***** сущность (нем.). — *Ред.*

***** понятие (нем.). — *Ред.*

***** единство (нем.). — *Ред.*

***** для-себя-бытия (нем.). — *Ред.*

антропологии и всего социального. Физиология есть путь к антропологии; она в таком же отношении к антропологии, как анатомия к ней. Физиология берет человека, как факт, антропология, как движение этого факта в жизни. Пока мы не раскусим антропологии, мы — слепцы в социальном мире. Как я полюбил человека с тех пор, как отказался от превосходства логики над тотальной жизнью! Как глубоко чувствую важность и святость отношений к лицам, никогда меня не покидавшую важность дружбы! Да! только из понятия полноты des Fürsichseins, только из антропологии может развиваться Fraternité*.

Не хочу теперь говорить об этом. Иногда я так полон solcher Gedanken**, что слезы навертываются. Это слабость нерв, скажешь ты, и сила вдохновения также, прибавлю я. Но возвратимся к Гегелю. Метода des Insichgehens*** явствует у него из ложного разделения на Mechanik, Physik und Organik****. Явствует как $2 \times 2 = 4$. А между тем разделение ложно. Да кто ж сказал, что можно построить систему тяготения без химического процесса? Эдак тяготение выйдет абстракция. Вещество нигде не имеет абстрактных переходов и движений без своего квалитативного процесса. Кто сказал, что тело в физических явлениях можно рассматривать — в натурфилософии — отдельно? Природа начинает с квалитета, которому Quantität***** равнодушен, пока не становится мерою (Maß). Начиная с квалитета, природа начинает с процесса, и тело в физическом определении формы, цвета etc... есть результат. Das Insichgehen*****, которое Гегель стремился высказать, совершается тем, что процесс-то в самом себе есть ein Zweckmäßiges*****, движение выразить всю истину, которая заключается im Unmittelbaren*****. Отсюда движение aus der Kontinuität vermittelt des Unterschiedes — zum Subjekt*****, процесс непрерывного собрания

* братство (франц.). — *Ред.*

** таких мыслей (нем.). — *Ред.*

*** самоуглубления (нем.). — *Ред.*

**** механику, физику, органику (нем.). — *Ред.*

***** количество (нем.). — *Ред.*

***** самоуглубление (нем.). — *Ред.*

***** нечто целесообразное (нем.). — *Ред.*

***** в непосредственном (нем.). — *Ред.*

***** из непрерывности посредством различения — к субъекту (нем.). — *Ред.*

беспредельного в пространстве в Subjekt *, в беспредельность мысли **. Переходя к частностям, я не вижу, чтоб свет у Гегеля мог производить какое-нибудь химическое влияние, хотя опыт и показывает его, а между тем удивительно симпатизирую с теорией света Гегеля⁶. Это недоумение относится к моему невежеству.

9 февр[аля]. Было еще написано много, но предано уничтожению. Почему? Потому что говорилось о том, что еще самому неясно, и впало в путаницу. Теперь же не могу ничего писать порядочно и спешу только привести письмо к концу. Сатин через три дня едет на Запад. Я остаюсь solus ***. Здоровье мое совсем поправилось и скоро начну выходить из дому. Потребность воздуха после двухмесячного заточения сильна; но жажды кутить едва ли имею. Еще застану мозг в анатомии; стану ходить в анатомич[еский] кабинет. Если я что себе выработал в эту зиму — это только скелет. Память много мешает мне в изучении анатомии. Я помню только то, что с рифмами, а анатомия, как тебе небезизвестно, пишется без рифм, разве принять за рифму musculus и processus ****. Но странно! этот год весь я провел в началах. В логике мне ясна только 1-я часть: das Sein *****. В анатомии — скелет. В химии имеются только предчувствия. Моя неспособность к математике хуже твоей: ein Lehrbuch der Physik ***** я не имею возможности читать — скучаю и не понимаю. Химические вычисления для меня неодолимая работа. Аппарата понять не могу. Это меня бесит, потому что имею страстный порыв собственноручно работать в химии. Надо это в Москве как-нибудь устроить. Кстати, скажи мое уважение человеку, занимающемуся химией для физиологии. Вот тебе новости: 1) в Париже Coste преподает эмбриологию и доказывает из яйца, что такое-то яйцо не может произвести иное животное, как то, которое производит, и еще классифицирует животных рядами, основываясь на эмбриологии; 2) брошюра «Beweisführung, daß die Lehre der neueren Physiker vom Drucke des Wassers und der Luft falsch ist»,

* в субъект (нем.). — *Ред.*

** Беспредельность бытия в беспредельность негации?.. Или уж это слишком смело?

*** один (лат.). — *Ред.*

**** мускул и процесс (лат.). — *Ред.*

***** бытие (нем.). — *Ред.*

***** учебник физики (нем.). — *Ред.*

von Fr. von Driberg *. Достань и прочти. Наконец, человек освобожден от столба в 3 000 фунтов, который его давил до сих пор, хотя он этого и не чувствовал. В самом деле, давление имеет место только когда тело находится в среде более легкой, чем оно само. Вода имеет давление в воздухе, но вода в воде не имеет давления, или, лучше, есть нейтрализация всякого давления в себе. То же и воздух. Доказано опытами. Мысль эта принадлежит древним: Аристотелю, Герону, Архимеду. Автор провел ясно всю негативную половину своей брошюры, но для объяснения явлений иным образом прибегнул к *natura abhorret vacuum ***, и тут мне стало тошно. Все мистическое сделалось мне невероятно противно, и я не могу без отвращения видеть предположения чисто нравственного качества в природе, как *abhorrere ****. Что бы ему было попасть на *Cohäsionslosigkeit ***** всякой нейтральной среды, как вода и воздух, и на деятельную *Expansivität ****** газов. Я и прежде не мог примириться с давлением воздуха и просто не понимал его; я был убежден, что атмосфера — произведение планеты *aus sich heraus ****** и повинуетя: 1) силе вержения, 2) тяжести, что взаимно нейтрализуется и не имеет нужды давить бедные создания земли. Но все же многое трудно понять. Геология занимает меня, т. е. я думаю о ней, но не тружусь по этой части. Образование моря и материка должно многое объяснить в тяготении. Предчувствие меня влечет вот к чему: есть только 2 простых тела — сгораемое и сжигающее, водотор и кислотвор. Они являются в двух сочетаниях: 1) нейтрализация — вода, 2) процесс *des Vergehens ****** — горение. Горение дает углерод и материк. Вспомни, что кристалл (диамант) есть чистый углерод. А если давать в неорудной природе важность *dem Habitus ******, как не принять свинца за видоизменение графита? Растение, организм, не отделившийся от почвы, имеет главным деятелем углерод и форму клетки —

* «Доказательство ложности учения новейших физиков о давлении воды и воздуха» Фр. фон-Дриберга (нем.). — *Ред.*

** природа не терпит пустоты (лат.). — *Ред.*

*** не терпеть (лат.). — *Ред.*

**** отсутствие сцепления (нем.). — *Ред.*

***** расширяемость (нем.). — *Ред.*

***** из себя (нем.). — *Ред.*

***** исчезновения (нем.). — *Ред.*

***** внешнему виду (лат.). — *Ред.*

многоугольник. С азотом является клетка в форме яйца. Азот — принцип животности. Но откуда он — и фантазировать не смогу. Метода химических сочетаний или превращений действительно производит образы рядами, так что сочетание тех же элементов, но mit einer andern Bestimmtheit * дает новый ряд существ. Дело в том, что развивается одна и та же Allgemeinheit des Daseienden ** — вещество и каждый момент в развитии eines Daseiendes *** и остается как Gattung ****; другой момент начинает новый ряд, новую Gattung; в природе все проходит и ничто не проходит; все ее моменты вещественно высказаны и сохраняются. Ты прав, вещество — результат борьбы des Seins und des Nichts *****; но только не как просто Werden *****, а как Geworden-sein *****, для которого Werden становится Veränderung; а Werden prius — просто Anfang *****. Но ты не вырвался из Urmaterie *****!!!

Пожалуй, не дели химии на орудную и неорудную. Я тоже не вижу надобности делить природы. Но будто только 2 начальные сочетания составляют неорганические тела? Кажется, ты ошибаешься. Но если принять какие-нибудь периоды в истории природы, то, разумеется, начало субъективного мира — начало нового периода. Я намерен летом заняться грибами и наиболее трюфелями, т. е. грибами, из земли не выходящими, и подсмотреть переход неорганич[еской] природы в органическую. Заметь мимоходом сродство растения и воды, животного и горения. Животное и горение — процесс, в себе совершающийся. Растение питается водою, его питание только absorbtio *****. Ему нужно жить нейтральным элементом; оно само нейтральный индивид, нейтрализация всеобщности и субъективности ?.

* с другой определенностью (нем.). — *Ред.*

** всеобщность налично-существующего (нем.). — *Ред.*

*** налично-существующего (нем.). — *Ред.*

**** род (нем.). — *Ред.*

***** бытия и ничто (нем.). — *Ред.*

***** становление (нем.). — *Ред.*

***** ставшее становление (нем.). — *Ред.*

***** изменением; а становление прежде — просто начало (нем.). — *Ред.*

***** первоматерии (нем.). — *Ред.*

***** поглощение, абсорбция (лат.). — *Ред.*

Но будет! пора приводить дело к концу. Как бы я желал уехать с Сатин[ым], но мне не нужно туда ехать. Рано! Там еще я опять могу предаться брожению и увлечению внешнему и, наконец, недостойному. Я не верю в себя настолько, чтоб ехать. Не хочу прекращать занятий переездом. В апреле мы съедемся с Сат[иным] в Венеции и поедем на Кавказ. Увижу Грецию и Константинополь и Одессу. Согро di basso *! Только длинно ужасно. Как ездить надоело! Ив[ан] Павл[ович] ⁸ вам всем кланяется, извиняется, что не пишет. Он вас *много любит*. Brisez la glace ** — напишите к нему в Венецию. Он будто боится занять вас своей личностью. Вот я его за это! Полно же любить в человеке абстракцию! Пора любить конкретного человека. И самое всеобщее, die Idee des Menschen *** , не есть голое и абстрактное, а содержит в себе всю полноту живого человека; даже незнакомых людей нельзя любить, как абстракцию, а близкие личности — dio santo ****! да за личность их и любишь. Ботк[ин] тоже много вас любит и кланяется.

Недавно я имел чудесную минуту, радостную и вместе глубоко скорбную, но вообще истинно хорошую. Но говорить теперь не хочется и расскажу современем. Напомни ⁹.

Как книги тебе выслать? Есть старые и новые, историч[еские] в почтенных старых переплетках; есть надрезанные и позатасканные, — in der Naturgeschichte vieles *****. Куча порядочная. Напиши поскорей. Я думаю все обрезать, как переплетенные, а переплесть в бумагу.

С братьями покончите же, пожалуйста. Полно им шлаться. На-днях сам напишу к ним.

Капитан, т. е. Клык[ов], имеет процесс в police согrest ***** с одною лореткой и, говорят, очень занят оным и рад. О, милейший Capitano *****! Жаль, что я не увижу его на banc des accusés *****. А какой он славный человек!

* Итальянское проклятие. — *Ред.*

** Здесь: сделайте первый шаг (франц.). — *Ред.*

*** идея человека (нем.). — *Ред.*

**** боже мой! (итал.). — *Ред.*

***** многое по истории природы (нем.). — *Ред.*

***** суде исправительной полиции (англ.). — *Ред.*

***** капитан (итал.). — *Ред.*

***** на скамье подсудимых (франц.). — *Ред.*

Прощайте, больше не приберу, что сказать.

Обнимаю вас крепко, друзья мои. Ich sehne mich zu euch *! Наташа! поцелуй Сашку и благослови за меня маленькую Наташу. Addio **.

Я решил отправить это письмо по оказии. Хотел бы еще кой-что прибавить. Но, кажется, нечего будет.

Герцен! А, ведь, дома жить нельзя. Подумай об этом. Я убежден, что нельзя. Человек, чуждый в своем семействе, обязан разорваться с семейством. Он должен сказать своему семейству, что он ему чужой. И если б мы были чужды в целом мире, мы обязаны сказать это. Только выговоренное убеждение свято. Время тайн исчезло. Только явное свято. Жить не сообразно с своим принципом есть умирание. Прятать истину есть подлость. Лгать из боязни есть трусость. Жертвовать истиной — преступление. Польза! Да какая ж польза в прятаньи? Все скрытое да будет проклято. В темноте бродят разбойники, а люди истины не боятся дня. Наконец, есть святая обязанность быть свободным. Мне надоело все носить внутри. Мне нужен поступок. Мне — слабому, нерешительному, непрактичному, dem Grübelnden *** — нужен поступок! Что ж после этого вам, более меня сильным? Или мы амфибии нравственного мира и можем жить попеременно во лжи и в истине? Чистосердечно — я не вижу возможности трансакций. Подумай об этом, Герцен, и напиши мне: *да* или *нет*. Твое «да» удесятирует мои жизненные силы. Твое «нет» ввергнет меня в скорбь, но ни на волос не пошатнет моего убеждения и упования.

Мне только одного жаль — степей и тройки, березы, соловья и снеговой поляны, жаль этого романтизма, которого я нигде не находил и не найду. Это привязанность к детству, к прошлому, к могилам. Мир вам, деды! Я перехожу к детям. Вас, друзья, мне не придется жалеть. Я не могу представить, чтоб мы были не вместе.

Будущность! Неужели она страшна? Неужели вместо того, чтоб быть членом святого семейства, придется сделаться поэтом отчаяния или просто смолкнуть в непроходимом одиночестве? Нет! нет! простите мне минуту сомнения! Да или нет, Герцен?

* Я тоскую по вас (нем.). — *Ред.*

** Прощай (итал.). — *Ред.*

*** мечтательному (нем.). — *Ред.*

To be or not to be *?

Что журнал, проф[ессор] in spe ** 10? Какая тут spe ***? «Спи», — не спится, пей опий.

Зачем опять темно на душе? О друзья мои! пойдете на свет божий, т. е. в мир действительно человеческий!

При сем статья ¹¹, к которой относится выше поставленный (*). Вот вам возможность выйти на свет, даже из унижения самого себя, возвыситься до высоты святого поступка.

Addio ****!

37

А. И. ГЕРЦЕНУ

13 февраля н. с. (1845 г.) ¹

Сатин вчера уехал. Пусто как-то стало. Даже порядочно заняться не могу. Расставшись с ним, я понимаю вполне, сколько я его люблю. — Черт знает, друзья! многое скверно в жизни. Много дряни внутри vorochается. Много бываешь нечистосердечен с самыми близкими. А вся жизнь в целом удивительно хороша. И не может быть, чтоб сделалась хуже. Лучше будет. Зрелость великое дело. Я с каждым днем меньше жалею о проходящей молодости. Помнишь, Кириаков все приготавливал себе хорошую старость? Не знаю, как он понимал это, но я только теперь начинаю понимать. Старость великое дело. Самая величаявая эпоха в жизни! — Но таковой ее надо *сделать*. И сделаем, если доживем до нее. Искренно желаю дожить.

Несмотря на странную пустоту, я все же мог прочесть Pflanzenreich ***** в Naturphilosophie ². Что тебе сказать об органике, Герцен? Скажу вот что: надоела мне натурфилософия. Она играет мыслью и вертится на словах, глубоких по неопределенности — trübe Tiefe *****! Растение имеет свое Selbst ***** в солнце! Друг мой! Да ведь это eine philosophische Spielerei *****. Нет! Герцен, или я глуп или в самом деле на такие штуки поддеть нельзя! Есть великое

* Быть или не быть (англ.). — *Ред.*

** будущий (лат.). — *Ред.*

*** надежда (лат.). — *Ред.*

**** Прощай (итал.). — *Ред.*

***** царство растений (нем.). — *Ред.*

***** мутная глубина (псм.). — *Ред.*

***** «Я» (нем.). — *Ред.*

***** философские забавы (нем.). — *Ред.*

неуважение к химии у Гегеля, с чем я вовсе не симпатизирую.

Письмо это доставит Селиванов³. В моем письме к Ал[ексею] Ал[ексеевичу] я посмеялся над Селиван[овым]. Скажи Ал[ексею] Ал[ексеевичу], что я у него прошу прощения за насмешку и признаю ее за подлый поступок. В Селиван[ове] столько доброты действительной и благородного стремления, что я могу только уважать его. Он имеет в целом хорошую натуру, и недостатки выкуплены ею. Редко со мной случается, чтоб насмешка заставила меня раскаяться, но тут я раскаиваюсь, просто чувствую, что мся насмешка была подлость. Но в других случаях не каюсь и высоко ценю насмешку, чем злей, тем лучше. Теперь у меня язык чешется на Варнгагена, и я придумываю эпиграмму⁴... За что? Да так — за то, что он существует. — Вердер очень болен — горячкой. Простудился, ездивши к кухне в Штеттин. Говорят, никого не принимает. На будущей неделе я выйду из дому и тотчас схожу наведаться. Я совсем здоров. Ко мне ходит блондинка и поет:

Backe, backe Kuchen,
Der Bäcker hat gerufen... *

Должно быть, письмо еще дня два не пойдет. Напрасно не писал по почте. Ну? да уж так и быть.

Книг будет штук до 200. Если много на одного, то напиши, кому адресовать еще.

Скажи Ал. Ал., чтоб, пожалуйста, денжонок прислал, боюсь, что трудно будет извернуться. — Да скажите, не опасно ли на Кавказ ехать? — Мне подчас хочется пить воды на Остоженке. Но скажите правду. Сатину нужно на Кавказ.

Прощайте! Может, еще что прибавлю — а может, и ничего. *Вuona notte, felicissimo mattino, signori* **.

Грановский! А скажи, пожалуйста, ты любишь жареного гуся?.. Неужели нет? Я и сам не люблю, но знай, что *eine jut jebratene Jans is eine jute Jabe Jottes. Es muß so sind. Ich will man versuchen* ***.

* Пеки, пеки пироги, пекарь кликнул клич (нем.). Рядом со словами нотная запись. — *Ред.*

** Доброй ночи, счастливейшего утра, синьоры (итал.). — *Ред.*

*** Хорошо зажаренный гусь — добрый дар божий. Должно быть, это так. Попробую-ка (нем. Пародия на берлинский диалект). — *Ред.*

Gisella, дочь Бетины, — *enfant de la nature* *, изящное, чудесное создание 16-ти лет — на днях напечатала книжку для детей: «*Mondkönigstochter*» **, где много таланту, наивности, фантазии, задушевности — всего, что хочешь. Славная барышня!

Один адвокат в Дрездене не хочет крестить своего ребенка под тем предлогом, что он не верит. К нему приступила полиция, но он спросил, чтоб ему указали закон, по которому он обязан крестить. Закона не отыскалось. Администрация стала втупик. Не знаю, чем дело кончилось.

14 февраля. Друг! Чувствовал ли ты когда-нибудь всю тяжесть наследного достояния? Был ли тебе когда-нибудь горек кусок, который ты кладешь в рот? Был ли ты унижен перед самим собою, помогая бедным на чужие деньги? Как глубоко чувствуешь ты, что только личный труд дает право на наслаждение?.. Друг! Уйдем в пролетарии. Иначе задохнешься.

Профессор Фролов поручил тебя спросить, получил ли ты его письмо, писанное тому назад месяца два из Пар[ижа], и приступил ли к печатанию биографии Станкевича? ^б

15 февраля

Прочел я органику, след[ственно] кончил натурфилософию — и рад до смерти; она мне становилась *sauer* ***. Охота была тебе так восхищаться органикой! Перечти и увидишь, что весьма небольшое удовлетворительно и что половина состоит из натянутых абстракций, неопределенных слов и игранья мыслью. Загляни только на теорию болезни, чтоб убедиться в этом. Мне и самая проходячесть единичности ради всеобщего становится подозрительна. Я не вижу, ради чего роду нужно, чтоб исчезал индивид, и мне сдается, что тут что-нибудь другое, но что — не знаю. Может я и глуп на эту минуту и недопонимаю, или, может, вражда к неопределенным словам под конец книги поставила меня в какое-то косящееся на нее состояние. Все это может быть! Но пока я неудовлетворен — и с жадностью перейду zu den Thatsachen. Les sexes! dio santo ****! да, Гегель, кажется, сам чувствовал, что не понимает внутренней

* дитя природы — здесь: побочная дочь (франц.). — *Ред.*

** «Дочь лунного короля» (нем.). — *Ред.*

*** буквально: кислой (нем.); здесь — в смысле «солоня». — *Ред.*

**** К фактам (нем.). Полы! (франц.). Святой боже! (итал.). — *Ред.*

необходимости полов и потому насказал об этом очень немного весьма туманных вещей. Что тут везде должна лежать глубокая и великая необходимость — я это знаю; но органика мне ничего не раскрыла, и я gros Jean comme devant *. Лучшее в книге — тяготение и метеорологический процесс. А всего лучше ее целость, т. е. путь природы aus dem kontinuierlichen zum Subjectiven **, и венчая дело mit dem Fürsichsein ***, Гегель определил весь Kern **** человека; только побоялся сказать всю правду без обиняков. Многую Befangenheit ***** я прощаю учителю, но есть намеренная неоткровенность, которой ему история не простит, несмотря на то, что воздвигнет ему колонну выше Вандомской.

Нельзя ли отказаться обходить в природе вещественные перевороты и метаморфозы многозвучным словом ideell *****, которое все переходы ставит ins Blaue hinaus *****. Это sui generis ***** дуализм. Ideell только там, где действительно является der Gedanke für sich ***** независимо от природы и может развиваться в свою систему. Это все философские плутни, Герцен! Не верь им.

Я говорил, что намерен заняться грибами. Еще намерен заняться crustaceae *****. Животные перехода к скелету. Но еще наружный скелет. Мне хвост (шейка) рака fait l'effet de vertèbres *****, а ничуть не колец. Crustaceae далеко ушли от кольчатых; между ними целый мир насекомых. Шейка рака — дело важное. Если это позвонки, то есть странное отношение позвонков к движению. Животные, у которых голова свободна, а остальные позвонки сплошны или только позвонки соссух'а ***** сплошны (что еще выше), движутся вперед; а голова сплошная с спиною (у рака), а позвонки соссух'а свободные опре-

-
- * как раньше, круглый дурак (франц.). — *Ред.*
 - ** от непрерывности к субъективному (нем.). — *Ред.*
 - *** для себя бытием (нем.). — *Ред.*
 - **** сущность (нем.). — *Ред.*
 - ***** робость (нем.). — *Ред.*
 - ***** идеальный, отвлеченный (нем.). — *Ред.*
 - ***** в положение неопределенности (нем.). — *Ред.*
 - ***** своего рода (лат.). — *Ред.*
 - ***** мысль для себя (нем.). — *Ред.*
 - ***** ракообразными (лат.). — *Ред.*
 - ***** производит впечатление позвонков (франц.). — *Ред.*
 - ***** копчика (франц.). — *Ред.*

деляют движение назад. Все это, может, и нелепо, но занимает меня. Вообще летом налягу на все *переходное*. Переходы многое должны открыть — при пособии химии. Это, право, не так нелепо, как кажется. Новая Bestimmtheit * элементов должна показаться из переходных созданий. Еще вот что хотел сказать: все развитие в химии есть *изомерическое*. А за сим спать пойду, или почитаю в постели Chemische Briefe Liebig'a **⁶, которых еще не читал. Память меня пуше всего оскорбляет, Герцен! Я бы даже готов употребить медицинские или диетические средства для исправления ее. Но не довольно верю медикам на этот счет и стану делать самонаблюдения, чтоб подметить, где зло.

16 февр[аля]. Завтра отношу письмо. Завтра в 1-й раз выхожу из комнаты. Скучно мне сегодня и писать не расположен. Стану читать «Лелию»; хочу знать, какое впечатление она произведет теперь. Либих пишет чудесным языком. Ясно необычайно. Я нигде не добрался до ясного понятия химического расчета и только из писем Либиха понял его начисто. Вместе с тем ясней, чем когда-нибудь, понял, что атомическая теория совершенный *luxus* *** в этом расчете. Диамант, графит, свинец и платина решительно должны принадлежать *ряду* тел, которых показатель, основа... какое слово, не придумая... углерод.

Прощайте, друзья, наконец! Совсем не расположен писать. Обнимемся крепко. Пора свидеться. Пишите тотчас по получении письма. 10 апреля н. с. я уезжаю. Книг много. Но кого и как разделить? Скучно! Как-то глупо день провел. Прощайте! Прощай, Наташа!

Н. Х. КЕТЧЕРУ

15 февр[аля] (1845 г.)¹

Ты говоришь, что для истины не нужно скорби! Как ты врешь, барон! Как ты говоришь против себя! И что тебе за радость уверять себя, что ты чрезвычайно спокоен, счастлив и доволен и примирен, когда очень хорошо знаешь, что лжешь и что ты внутренне страдаешь! Страдаешь уже тем,

* определенность (нем.). — *Ред.*

** «Химические письма» Либиха (нем.). — *Ред.*

*** Роскошь (лат.). — *Ред.*

что истину, которую носишь в себе, не можешь напечатлеть вокруг себя и что сам не можешь жить адекватно истине, которую в себе носишь. Это еще очень не много, что ты понял истину и стал очень доволен. Теория весьма мало удовлетворяет и, не переходя в кровь и плоть, т. е. в практику, в твою личную жизнь, сводится на голую абстракцию, за которую я ни копейки не дам. Если негация — путь ума к истине, то скорбь — путь сердца к истине. Кто не шел этим последним путем, тот никуда не придет. Юноша сказал Христу: я хочу следовать за тобою. — «Раздай именье нищим, — сказал Христос, — и ступай за мной». — Юноша не роздал именья нищим и не пошел за Христом. Что это значит? Что скорбь об истине была не довольно сильна в его сердце, чтоб решить его на поступок. А если б скорбь эта была ему невыносима, с какой бы радостью он роздал все и пошел бы за Христом. Как же скорбь не есть путь к истине? Да и зачем тебе истина, если ты не скорбеешь во лжи? Кровью сердца покупается истина, барон! Не противуречь, потому что лгать станешь. Что сделает тот, кто насквозь прочувствует всю скорбь наследного достояния, а не труда? Он пойдет в пролетарии, барон! Замотай это слово себе на память, потому что я не шучу ². А что ж вера без страдания? Что теория без скорби? Что принцип при неадекватности жизни с этим принципом? Пуф! просто ruff! Играние своими умственными способностями. Внутренняя ложь или равнодушие. Пустое самолюбие истины, приобретенное не путем скорби. Склони свою гордую голову, барон, перед великим чувством скорби и уважь в ней толчок, который бросает тебя в мир правды, без расчетов, самолюбий, задних мыслей etc. Да что тебе говорить об этом? — Ты сам знаешь; только что ты набросил на себя упрямство — вот, дескать, я доволен. И кончено. А как посмотришь, какие трагические элементы у тебя в душе, то в минуту чистосердечия прошепчешь самому себе слово: скорбь — так что дрожь пробежит по телу. Жить в истине — дело другого рода, жить в истине — блаженство! Да ведь мы живем в истине только как теории, т. е. не живем в истине, а думаем о ней, знаем, что есть она на свете; чувствуем скорбь, что не можем жить адекватно с ней, но не всегда довольно чувствуем, и недостаток скорби есть недостаточное проникновение себя истиной. Мораль, братец, мораль! Да! это слово не ruff. Не одна мысль, вся жизнь должна быть в истине. И потому не ругай меня за скорбь. И не думай

также, чтоб я мораль смешивал с аскетизмом. Пизтизм мне совершенно чужд. Но я требую от себя поступков, полного чистосердечия с самим собою и с людьми, требую делать свою жизнь *in der Wahrheit* * и решаясь оторваться от всего, что меня давит, что есть ложь, от чего я задыхаюсь, но и я глубоко уважаю путь к истине посредством скорби. Обо всем этом поговорим, барон! месяцев через пять. — Я не каюсь в прошлом, это не жвачка, что теперь во мне совершается; но я схватываю минуту рассвета и решаюсь идти в путь при свете дневном, зная, что тогда все пути ясны, сколько бы ни были трудны. *Dixi!* **

Напиши поскорее, не опасно ли ехать на Кавказ? Хотя хромоту и очень нужно, но я не намерен отдавать наших жизней черкесским пулям. С хромым же и уйти нельзя. Если опасно, то напиши ему категорически, что ехать нельзя — я ему письмо перешлю. Если нет — тем лучше, потому что для его здоровья эта поездка *спасительна*. Но пиши тотчас. Селиван[ов] едет дня через два. Я нахожу в нем прекрасного человека и от души полюбил его. Все, братец, имеют свои недостатки, лишь бы они были выкуплены общей натурой индивида, — то я не позволю себе впредь ни одного язвительного слова против него; а, напротив того, принужу себя на сколько есть во мне иронии против тех, у которых общая натура так скверна, что ничем не выкупается: ни умом, ни талан[т]ами. Вообще я больше уважаю чистосердечие, нежели ум, и верю, что чистосердечие скорей дойдет до истины, нежели ум. — Кажется, я тебе о себе довольно повестил, чтоб ты знал мое настоящее состояние духа. Что касается до занятий — я ушел по уши в естественные науки. Вероятно, года два еще не выйду из них в историю. Одно я себе предназначтал — пройти без траты времени — весь путь конкретной науки. Все абстракции мне стали невыносимы. Науку живого мира хочу я. Игнание неопределенными словами метафизики мне противно. Логика — великое дело, как скелет мирового организма. Но я ее вне этого живого организма не понимаю и даже смотрю на нее с некоторой ненавистью, если мне ее выставляют как особь статью, равно и на людей, которые могут удовлетвориться абстракцией. — Прощай, барон! Милый мой, славный мой барон! С каким нетерпением жду

* В истине (нем.). — *Ред.*

** Я кончил (лат.). — *Ред.*

минуты, когда обниму тебя и мы в единый миг почувствуем всю бесконечность нашего значения друг для друга.

Прощай.

39

ИЗ ПИСЬМА Н. Х. КЕТЧЕРУ

Берлин, 17/ 5 марта — (4 апреля 1845 г.)¹

Сейчас, т. е. три часа тому назад, получил твое письмо, милый Барон, а имею кое-что сказать². Во-первых, Риттер ушел на запад и, вероятно, там посоветуется с медиками. Пока он там живет хорошо, с Фр[оловым] и Вас[илием] Пет[ровичем]³. Я желал, чтоб он съездил туда, потому что надо было взглянуть на знакомых, которыми я, впрочем, не совсем доволен. Образ жизни еще ничего бы не значил; образ жизни и я теперь веду достаточно взбалмошный; но что я знаю, carissimi *, это то, что я вас люблю как нельзя сильнее и чистосердечнее, а они inter se ** как-то не ладят. Словом, я вижу у них недостаток любви, и это меня жестоко оскорбляет и бесит. Я совершенно привык видеть в вас для себя пополнение до всего человеческого; с сознанием моей любви к вам и вашей ко мне я чувствую, что переступаю свою односторонность, свои границы, так, что я с вами составляю одну прекрасную личность. Зачем же они inter se *** того же не чувствуют? Это просто оскорбительно. Кстати, о скорби — мы спорим в словах, Барон. То, что ты называешь бешенством, я называю скорбью. Это может разница наших личностей, но равно показывает в нас одно сознание правды. Для меня скорбь то чувство, которое заставляет выйти из себя, потому что оно порождается сознанием лжи. Пойдем друг друга и выйдет, что мы пришли к тому же результату, только сохранив оттенки наших личностей. Кстати, скажу и несколько слов о естество[енных] науках. Я занимаюсь ими не как факир; но они для меня неизбежное звено в знании, которого цель — мир человеческий. Я определил себе труд на многие годы и следую этому определению, никак не теряясь в специальностях, а следуя нити, которая естественно легла передо

* дорогие (итал.). — *Ред.*

** друг с другом (лат.). — *Ред.*

*** друг к другу (лат.). — *Ред.*

мной. Тут ругать меня нельзя, т. е. не за что. За бесцельность путешествий можешь ругаться. Но я не для себя бы предпринял его. Письмо твое завтра же отправлю к Риттеру. Мне хочется взглянуть на Грецию, но недовольно, чтобы пускаться в дальний путь. Я более доволен буду остаться здесь до июня; съездить потом на морские воды и вернуться к вам...

...Ты, говорят-таки, очень ругаешься за естеств[енные] науки. Ой! не дури, барон! Это просто страсть ругаться, доведенная ad absurdum * 4. Если ты видишь филистерство в естеств[енных] науках, то позволь возразить тем, что ни в одной науке нет филистерства, а приносят его в науку филистеры, это их личность, искажающая науку. А я не почитаю ни Алекс[андра], ни себя филистером, а науку вообще не могу понять иначе, как «Историю мира», в котором природа играет довольно важную роль, чтоб не быть вычеркнутой. В напаках на занятия ты найдешь товарища в Сазон[ове], с которым завтра намерен вступить в спор в ответ на огромное письмо по сему предмету. Но теперь нечего бы, впрочем, нападать на меня за занятия. Я ровно ничего не делаю, кроме per l'atome **. Занятие почтенное, барон, которое меня наслаждением увлекает далеко и скорее доведет до филистрезности, чем естеств[енные] науки. И я решился бежать от этого занятия, как скоро получу средства к отъезду. Может, и это филистрезность, но «спокойствие мое я строго берегу», особенно когда знаю, что все же это ложь и только. Мне кажется, я скоро начну писать стихи, барон. Есть минуты, в которые чувствую великий позыв на это дело. Одно, что меня иногда сильно пугает — все те же рифмы, та же тема, и я сам себе кажусь пересказанной сказкой. При этой мысли охота писать стихи пропадает. Начинаю обдумывать роман в прозе. До драмы до сих пор не добрался и почти могу вывести заключение о решительной неспособности создать драму. Именно, я не могу исчерпать в каком-нибудь живом моменте того содержания, за которым гоняюсь. Оно не связывается в драму, где все же главное — момент развязки, к которому теснятся лица, который Kulminationspunkt *** развития личностей и составляет единство в драме. Этого я не умею сделать. Содержание, с которым я давно вожусь, захваты-

* до нелепости (лат.). — *Ред.*

** по любви (итал.). — *Ред.*

*** кульминация (нем.). — *Ред.*

ваает слишком многое и, может быть, способнее войти в форму романа, хотя такой роман и едва ли будет действительно художественным произведением. Вообще еще не чувствую достаточной силы и для романа. Все это носится im Nebel *. Зато намерен принудить себя читать Августа Конта *Système de philosophie positive* **. Лекции его в прошлом году произвели великое впечатление, но мне кажется, что я едва ли сдружусь с этим; предчувствую натянутую теорию, не искание истины, а изысканность, гоняющаяся за системой. Многие стали поносить немецкую философию и клонятся к эмпиризму, хотя эмпиризм никогда не сдружится с их натурой; напр[имер] Вас[илий] Петр[ович], которого я, однако, полюбил более чем когда-нибудь. Может, он теперь доходит до крайностей; но это меня несколько не пугает. Таков путь самовоспитания. Немецк[ая] философия не дошла до примирения эмпиризма и умозрения, *é vero* ***; но эмпиризм не стал даже вровень с ошибками философии; его теории ложнее ошибок философии; его теории самая пошлая метафизика. Посмотрю, как Конт примиряет опыт и умозрение. Кажется, он на это метит. Сегодня концерт, а потом у меня музыка, может быть *trio*. Я расположен хорошо для музыки и жду вечера с нетерпением. Прощай, барон! Обнимемся крепко, друг мой! Пиши скорей, может, еще письмо найдет меня в Берлине. Скоро вместе! *Caro, caro!* **** На тебе всю мою душу.

Кланяюсь Вис[сариону] и М. А. ⁵ Спасибо за приписку, которая их мне олицетворила.

Жду ежедневно Панаева.

40

А. И. ГЕРЦЕНУ

Берлин, 27 янв[аря] (1846 г.) ¹

Вчера пришло твое письмо и обещание субсидий через пять дней. Вчера я читал «Огеч[ественные] Записки», твою 3-ю статью и тс ². Как-то благодетельно повеяло на меня отовсюду, и даже злоба на Берлин, которая озлобила было меня на все на свете, ослабла. Я вошел в свою тарелку

* в тумане (нем.). — *Ред.*

** «Система позитивной философии» (франц.). — *Ред.*

*** это верно (итал.). — *Ред.*

**** Дорогой! Дорогой! (итал.). — *Ред.*

и смеюсь сам над собою, что мог на три дня отчаиваться überhaupt *. Давай же покончим заглазно разные недоразумения. Я не хотел писать тебе жесткого ответа на твое письмо, и, я думаю, он таким показался потому, что был писан под другими впечатлениями, кроме твоего письма, и многое должно было быть неясно; свидание sine ira ** объяснит нас друг другу. Милейшая записка барона, в которой он весь сам, дает мне ожидание, что он еще ругает меня порядком. Дружба дает право ругать друг друга, но еще больше дает право на проникновение в психологическое развитие друг друга, что гораздо ближе к сердцу и более нравоучительно, чем самое прекрасное нравоучение, заранее сделанное. Наши требования друг от друга дают право на суд, но не на осуждение; для осуждения нужно еще иное, нужно, чтоб требование чего-нибудь от человека стерлось с души, а этого быть не может, потому что мы и сами имеем требования от самих себя. Это еще не доказывает, чтоб я находился в непрерывном раскаянии, потому что, к сожалению или нет, должен признаться, что ни малейшего раскаяния не чувствую. Многое для меня скорбно, но не по раскаянию, а по опыту над самим собой и над людьми. Но этот опыт вместе с тем дает свет и потому не отнимает силы. Если бывает упадок духа (как то здесь приключилось со мной), то это слишком мгновенно и зависит от впечатлений, которых не вдруг умеешь взвесить. А взвесишь и опять бодрей станешь. Я знаю, что с вами я найду настолько отдыха, что самый опыт займет в жизни свое настоящее место, т. е. станет силой, определяющей жизнь. В этом я пойму действительное совершеннолетие, Александр, т. е. безбоязненность взгляда на самих себя, друг на друга und überhaupt *** неутраченность любви и силы, и одушевления, несмотря на все пережитое и переживаемое. В этом нравственное совершеннолетие. Что касается до совершеннолетия интеллекции — я не вижу ее ни в тебе, ни в себе: тут просто принцип неясен. Да дело в том, что весь современный мир не достиг в этом случае совершеннолетия. Фактически покажу тебе, что везде есть только усилия поставить принцип на ноги, а что он далеко не поставлен. Проезд по Германии более всего мне доказывает это.

* вообще (нем.). — *Ред.*

** без гнева (лат.). — *Ред.*

*** и вообще (нем.). — *Ред.*

Апатия и хаос сменяются довольно безотрадно. Одно, что непреложно и дает бодрость, — это сознание действительного движения мысли со всеми ее исканиями и страданиями. Барон рассердится на последнее слово, потому что он видит в нем бессилие, против чего я с ним спорю. Милый барон! Я что-то не верю, чтоб ты состарелся, мне кажется, что даже твоя физиономия не могла перемениться. Я с своей стороны только потолстел и намерен через год перегнуть Александра на этом центробежном поприще. Через три дня по расчету получатся субсидии, и ergo * много через пять мы пустимся в путь. С Вас[илием] Пет[ровичем] в Тангер³ прощаться не поедет, он же вдобавок едет в Рим. Спросишь, зачем? Вот уж это 8-е чудо на свете. Еще раз о Саз[онове]. Я к тебе на-днях писал отсюда о его делах, т. е. что он хочет выслать вексель на 6 000 фр. на имя Marc et Comp ** в Москве и что тебе надо попросить тотчас Марка акцептировать этот вексель, который будет уплачен к сроку, за что я поручою. Дело в том, что хотя Марк и пересылал ему обыкновенно деньги, но его не знает, — вот в чем и затруднение. Я с Ценкером могу иметь подобные дела без затруднений и сделал на-днях, имев непреодолимые долги в Франкфурте. Но это дело казусное, а между тем иначе может случиться худо, ergo напоминаю тебе — схлопочи изо всей мочи. Хорошо, что еще, кажется, вексель не послан и потому ты можешь успеть предупредить Марка.

Несколько слов о твоей статье⁴. Жаль, что не знаю прежних и потому ход целого могу только подозревать. Написана она несравненно лучше, чем статья о буддизме и проч. Но жажду знать, на какой точке ты сам стоишь к естествоведению, определил ли ты себе и насколько всю эту Kluft *** между Sein und Denken ****, которую, мне кажется, наука не определила и нисколько не вывела отношения природы (организма) к мысли, так что мысль все еще остается вложенною в человеческую голову не известно откуда, а в природе она движется мистериозно, оставаясь абстрактной сущностью. Subir la materie ***** — такое дело, с которым я вовсе не согласен. Гораздо лучше

* следовательно (лат.). — *Ред.*

** Марк и компания (франц.). — *Ред.*

*** пропасть (нем.). — *Ред.*

**** бытием и мышлением (нем.). — *Ред.*

***** терпеть материю (франц.). — *Ред.*

la prendre à coeur * и найти в ней живое начало, но пока ты не покажешь, как она производит движение, Empfindung ** и мысль, — ты нисколько не покрыл вышереченной бездны, ты будешь находиться в действительном дуализме под прикрытием вымышленного единства.

Несколько слов о повести; ведь, я тебе тогда говорил, что она исправима и может быть очень хороша. Желаю тебе успеха во 2-й, нетерпеливо хочу прочесть и ту, и другую ⁵. Эх, Александр, от наслаждения стихом не отделаешься и ни от чего стихом не отделаешься, равно как и статьей или повестью. Все это столько же жизненная вещь, как и наслаждение, и страдание, и мышление; все это равно an sich *** уже работа или наслаждение, и ни от чего не избавляет; стих ли, статья ли сами по себе столько же факт и акт твоей жизни, как и все другое. Да и зачем избавляться от чего-нибудь? Да и возможно ли? Ты не можешь ни от чего избавиться, пока внутренне с чем-нибудь не разорвался; тогда это только прошедший факт твоей жизни. Избавиться другим путем ты можешь только *прежде*, нежели во что вдашься, по внутреннему расчету совести, рассудка, посредством крепости воли, по внутреннему предусмотрению; а когда ты находишься в наслаждении, искусство тебя не спасет, ты в него не спрячешься, а просто, очень просто ты выйдешь из наслаждения, когда оно перестанет быть для тебя наслаждением. Стих и статья, и повесть etc. то же для твоей личности, что литература для народа, — вернейший, полнейший и очищенный голос того, что происходит в жизни, а не уголок, куда можно от жизни спрятаться. Что касается до самого наслаждения, то и оно, как все другое, имеет свои фазисы в жизни. Я думаю, мы все больше или меньше отказались предначертывать себе наслаждения; но если встречаем его, движемся в нем и потом перестаем наслаждаться, это только значит, что оно было односторонне, что мы могли принять его в одну эпоху жизни, а с полнейшим ее развитием начинаем иметь другие требования, и тогда старое al diavolo ****! Все это стоит всяких внутренних борений, во всем происходят трагедии, но в чем же они не происходят? Сама логика есть великое трагическое движение мысли. Das Aufzuhebende ist tragisch,

* принимать се близко к сердцу (франц.). — *Ред.*

** ощущение (нем.). — *Ред.*

*** в себе (нем.). — *Ред.*

**** к чорту (итал.). — *Ред.*

aber das Aufgehobene wird komisch *. В этом совершается опыт, который если не убьет человека, то даст ему die Besonnenheit ** избегать всего, что, пройдя, может показаться комическим, а в развитии идти с важностью, которая выше самого трагоса. Я принадлежу к людям трагическим и выше этого не стану, хотя и понимаю возможность. Это непреодолимая граница. Почему непреодолимая? Weil es eine Grenze ist ***. Прощайте, друзья! Постой! я еще не поздоровался и [не] прижал к сердцу профессора. Хочу слушать твои лекции; я убежден в словах Александра, что они талантливее даже того, что здесь можно слышать, потому что верю во все богатство твоей природы. Здесь я очень не в многих верю, профессор, да и в этих немногих не совсем. Я, потому ли что люблю тебя, потому ли, что это так на деле, признаю тебя вполне и верю, что ты теперь в полном развитии свежей, здоровой, деятельной силы. А потом ты такой симпатичный человек, профессор, что я и в искусстве безусловно pflege zu erkennen **** твое мнение. Теперь прощайте. Ergo через 2 недели вместе! До свидания, Наташа! до свидания, 2 души мужского и 2 души женского пола. До свидания, carissimi *****. Прим[ечание]. Cat[ин] не пишет, но надевает redingotte ***** и идет на почту.

41

А. И. и Н. А. ГЕРЦЕН

Акшено. 18 ноября (1846 г.)¹

Я приехал вчера разбитый, т. е. усталый с дороги, с головной болью и в великой agitation nerveuse *****. Наконец, выспался und es ist mir behaglich *****. У Тучкова еще не был, потому что разными проселочными путями попал

* то, что должно быть упразднено, трагично, но то, что уже упразднено, становится комичным (нем.). — *Ред.*

** благоразумие (нем.). — *Ред.*

*** потому что это граница (нем.). — *Ред.*

**** обычно признаю (нем.). — *Ред.*

***** дорогие (итал.). — *Ред.*

***** сюртук (итал.). — *Ред.*

***** нервной возбужденности (франц.). — *Ред.*

***** и мне уютно (нем.). — *Ред.*

прежде домой. Сегодня служил панихиду! Это день именин моего отца ². Вид могилы и связанные с нею воспоминания всегда производят на меня странное впечатление, которое повторилось и на этот раз, несмотря на непогоду и пение двух дьячков в два разные полутона. Возвратясь с кладбища, я получил ваше четверолистие, которому был очень рад. Мимоходом замечу, что хорошо ты сделал, что не писал в Рязань *poste restante*, потому что мимоездом я был только раз на почте, и именно в тот самый раз, когда я забыл спросить, есть ли ко мне письма. Нужно еще рассказать, что твое письмо, посланное в Зарайск ³, я получил в Беломуте и имею возразить насчет Беннета, что если он тогда и был пьян (чего я, находясь на одном диапазоне, не мог заметить), но с тех пор, несмотря на то, что имею случай видеть его довольно часто, ничего подобного не замечал.

Потом еще вопрос, на который требую непременно ответа: не оставил ли я тебе, Гран[овскому], Сат[ину], Кор[шу] или Кобылину ⁴ деревянного ящичка (простого весьма), в котором была уложена моя чернильница? Не оставил ли я у тебя в комодке большой пакет с белой писчей и почтовой бумагой, которой, если найдешь, можешь воспользоваться. *Tertio* *, не забыл ли я в Москве еще чего, о чем теперь не помню? Обо всем, особенно о первом, дай немедленный ответ.

Засим читайте на обороте, что мне вздумается написать. Кстати: о деньгах из казенной палаты напишу с следующей почтой, как и что.

Милая Наташа, удивительно благодарю тебя за письмо и за то, что тебе так хотелось писать ко мне. Напрасно ты извиняешься в этом; извиненье глупо, а письмо не глупо. *Primo* **, отвечаю тебе на слова: «Страшно хорошо, т. е. хорошо и страшно» ⁵. Нет, оно просто хорошо. Страшного нет. За будущность нашей дружбы я не боюсь. Одно скажу только: во все наши отношения теперь вошло — и едва ли пройдет — непобедимое чувство горечи. Даже и мы, которым так хорошо между собою, не можем изгнать задней мысли, что вот мы тем еще ближе, что мы одни, что мы приютились друг к другу, потеряв кучу — не то что снов, — но действительных крепких, хороших надежд; что, кроме того, что мы *wesentlich* *** связаны, мы связаны тем, что

* В-третьих (итал.). — *Ред.*

** Во-первых (итал.). — *Ред.*

*** по существу (нем.). — *Ред.*

мы одни. Это чувство горько, от этого не отречься. Тут нет даже и романтизма; оно, напротив того, наводит сухость. А между тем никто из нас не сух; еще до сих пор мы сохранили возможность с детской откровенностью бросаться на шею к людям, которые чуть нам покажутся симпатичными. Оно реже бывает, чем прежде, а бывает. Мы теперь стоим на весьма опасной точке — предстоит или сделаться сухим или затеряться. Из этого нас спасет весьма простое чувство, которое зовут (что по-русски довольно мудрено) гуманность. Наш Grundton * — гуманность. Мы перестанем детски симпатизировать (что было благородно и глупо, а если глупо, то не гуманно); мы дадим каждому свое место в нашей любви, будем знать, насколько кому уважения, насколько снисхождения, насколько вражды. Гуманность есть сознание своих отношений к людям. Если у сознания, у разумности есть страсть — то это гуманность. Вести ее в жизни трудно, но если этот труд кто из нас не преодолет, — addio carissimo, — погибнет совершенно или в натянутом самолюбии, или в натянутом буйстве. Почему я верю, что мы не погибнем, это я объясню тебе тем, что, во-первых, нахожу в нас больше элементов к силе, чем к гибели, а во-вторых, тем, что это моя религия. И, может быть, единственная; у Александра есть вера, по которой он симпатизирует с Аксаковым; у меня ее нет, да и довольно прокатиться из Москвы в деревню, чтоб дорога вытрясла остатки ее ⁶. Вот это, в самом деле, страшно. Почему же ты думаешь, что я могу ошибиться в том, что я тебе писал? Почему ты думаешь, что я ошибаюсь в нашей внутренней силе? А это было бы одно и то же. Нет! я не ошибаюсь, *saга sorella* **! Повторяю, это моя религия, да и твоя, да и его. Если бы одно чувство еще, о котором я тогда писал, во мне как-нибудь, по силе внешней необходимости, могло погибнуть, я бы совершенно был полон горечи, но и совершенно приютился бы к вам и жил бы еще дальше. Веришь ли, что для меня наши отношения не романтизм, а просто сознание? Да и *то* чувство во мне не погибнет, оно слишком ясно, определено, тепло и тихо. Нет, сестра, я чувствую, что еще не так-то легко поддамся чему-нибудь враждебному в жизни. А вопрос: почему ж ты меня не знала прежде, как теперь? Глупый вопрос;

* основной тон (нем.). — *Ред.*

** дорогая сестра (итал.). — *Ред.*

я сам знаю, что мы действительно познакомились в мой последний приезд из Соколова.

Ну! теперь ответ на твое письмо кончен; начинается рассказ. Я занял здесь одну половину дома — в длину, что составило восемь комнат, т. е. шагов шестьдесят с одного конца на другой. Нашел кучу книг, кроме тех, которые привез, отличное вино, фортепьяны, почти не пострадавшие от дороги (хотя по приезде и не были еще строены), и кучу нот, которых я почти не буду уметь разобрать. Но расскажи это Марье Федоровне и заметь ей притом, что имеются у меня бетговенск[ие] сонаты и симфонии, «Норма», «Лучия» и «Жидовка»⁷ и несчетное число вальсов. Также скажи Марье Федоровне, что я ее гораздо больше люблю, чем Нонче. Благодарю ее за отзыв о моем красноречивом молчании, — без шуток, — благодарю ее за то, что она меня любит, и принимаю это к сердцу. Писать ей буду на той неделе, когда возвращусь от Туч[ковых], куда еду послезавтра. Работать я ничего здесь не начинал да и не начну до возвращения; а завтра весь день употреблю еще на устройство моего дома. Мебель я всю сосредоточил в двух комнатах, что не значит еще, чтоб в них было много мебели; зато в зале, напр[имер], которая длиною (постой, смерю), длиною 16 квадратных шагов — ни одного стула, ни стола и т. п. — ровно ничего, кроме стен, пола, потолка, окон, 6 дверей, 2 печей и камина. Фортепьяно и часть мебели — в гостиной, о которой Сатин может тебе повествовать. Другая часть в маленьком моем кабинете, где также камин и где мне очень хорошо. Остальные комнаты довольно пусты, но не малы. Освещение не так, как у вас на знаменитом ужине, а 2 свечи в кабинете, 1 в гостиной и 1 в спальне.

Fratello! * Опять остаюсь при своем мнении, что Санд⁸ мешается в словах: 1) Не может он исключить из природы физиологического отношения в любви к женщине, и не думаю, чтоб люди сделали глупо, назвавши amour ** ту страсть, которая носит клеймо физиологического различия пола, и amitié *** ту страсть, которая его не носит. (Страсть, впрочем, глупое слово, аффект, т. е. внутреннее состояние, настроенность человека, вот я что хочу

* Брат! (итал.). — *Ред.*

** любовью (франц.). — *Ред.*

*** дружбой (франц.). — *Ред.*

сказать.) 2) Разумеется, всякий сознательный аффект кро- ток, — как бы это выразить, — тих, не буен, но силен, а бес- сознательный дик, вот и все различие. 3) Зачем дикость полагать в любви именно к куртизанке? Она гораздо яснее, резче может явиться в других положениях, точно так же и vice versa * der Gott und die Bajadera ** — случай возможный и совсем не неразумный. Везде решают ин- дивиды больше, чем общественное положение или даже пороки. Впрочем, Санд, вероятно, так и понимает, да зачем же слова путать, когда иначе проще? Хотел было много распространиться на этот счет, да расхотелось. В другой раз.

И жаль и нет, что не видал Самарина ⁹. Оно, впрочем, больше курьезно, чем утешительно.

Нельзя ли переслать «От[ечественные] зап[иски]», да скажи Коршу, чтоб не забыл об «Allg[emeine] Zeitung». Книги, которые, по моему предположению, мне будут нужны, я положил на почетное место, а остальные все rête-mêle *** в шкапу и закаялся до них дотрагиваться, чтоб не сбиться с нити. С конца будущей недели писать к тебе стану часто и много. Надеюсь, что все будет больше и больше о чем писать. Во избежание дел, к которым я не- способен, я назначу на оные то время дня, когда я ничего своего не могу делать; тогда я буду разговаривать с бурми- страми, смотреть отчеты и всякие Scheine **** творить и морочить добрых людей. А остальное время стану крепко заниматься. Надеюсь, что соседи меня избавят от посеще- ний, хотя слухи носятся о противном, но постараюсь отде- латься.

Marie называет здешний дом радклифским замком; это сегодня в особенности не несправедливо, потому что ветер так и свищет. К несчастью, не могу сегодня настроиться à la Hoffmann. Брал ванну и чувствую себя так ясно и behaglich ***** , что ничего не вижу в ветре, кроме залога продолжительной распутицы и весьма трудный переезд к Тучк[овым] в Саранск и обратно.

Прощай, Александр, спать пора. Кланяйся всем. Скажи Грановскому, что он первый обещался ко мне писать, и я

* наоборот (лат.). — *Ред.*

** бог и баядера (нем.). — *Ред.*

*** как попало (франц.). — *Ред.*

**** расписки (нем.). — *Ред.*

***** уютно (нем.). — *Ред.*

стану ждать. А жаль, что тебя здесь нет. Жаль, что ты там. Я боюсь, что заживусь здесь. А если б вы были здесь, и не подумал бы год выехать. Дела выживут, вероятно, очень рано; надо их привести к концу; вижу, что иначе плохо.

Скажи Гран[овскому], что он прав насчет управления у меня в имении, а обвинять в лукавстве нашего друга нехорошо. Адрес мой все тот же: Пен[зенская] губ[ерния], в г. Саранск.

Засим прощай! дай руку. Еще скажи Мар[ье] Фед[о-ровне], что отвечаю ей столь же сильным рукопожатием. Ну! и всем кланяйся.

42

А. И. ГЕРЦЕНУ

3 января (1847 г.). Акшено¹

Primo, чернила бледны, а secundo, иных нет. Но намерен писать какими бы то ни было. Разом получил по приезде сюда письмо от тебя и от Грановск[ого]². У Гран[овского] романтизм имеет какую-то широту, вот отчего он так симпатичен. Стану ему отвечать сегодня же. Но сперва хочется поговорить с тобой и о твоём отъезде и о моем *ни с места*. Надо же тебе сказать, что я думаю делать, что я *давно* думаю делать и что внезапно пришло в голову вследствие здешних впечатлений. Главное то, что некоторые личные обстоятельства довершили тот опыт, что вещи, которые имели еще некоторую важность в жизни, совершенно ее утратили. Зато другие приобрели. Ведь вот в чем сущность всего дела, Герцен, что, когда вещь начинает терять важность, порядочный человек, т. е. человек с какой-нибудь силой разума и характера, *не горюет*, а просто *перестает* считать важным то, что *не важно*; а потом порядочный человек не может жить иначе, чтоб в жизни его не было чего важного или еще более: чтоб целость его жизни не имела бы важности. Ergo, порядочный человек более и более определяет, что в жизни важно и что вздор, и откровенно расстается с вздором или трактует его свысока. Между этими двумя категориями остается потеря важных предметов и действительная скорбь. Эта скорбь переносится величаво и для реального человека есть путь к действительному пониманию и действительной гармонической жизни.

На этой скорби остановиться нельзя. Скажи это Наташе, хотя Гран[овский] и пишет, что она *величаво* переносит скорби. Романтизм считает перенесение скорби за холодность, а между тем это только сила.

Из всех предыдущих и настоящих опытов понемногу составляется в голове драма. Ты не можешь вообразить, как мне трудно к ней решительно приступить. Все кажется то или другое необдуманно и неполно. На несколько страниц пошло и опять село. Здешние впечатления дали мысль писать мужицкие рассказы (тоническим размером)³. Как все другое мое — нет места истинному комизму, и потому трагическая настроенность неизбежна; я думаю, что это даже хорошо, ибо не так обыкновенно, а между тем трагос больше действует, чем комизм. Потом повесть, которая идет ужасно легко. — Спроси у Basile Guillaume⁴ мои стихи «Море»⁵. Я их совсем забыл, они у него оставались; я бы их здесь переправил. Спроси у него о Саз[онове] и пр. и перешли мне сведения *непрерывно*. Книги Саз[онову] не забудь. — Вот тебе главные мои занятия. Остальное ограничивается химией. Начинаю *de facto*, т. е. опытом, *eigenhändig* * повторять книгу. Главная моя цель теперь — результаты горения (*combustion*) и, кажется, я на пути к диаманту (что считается шуткой). Что из этой работы выйдет, тебе напишется, где бы ты ни был. — Надеюсь, что ты в Берлине отыщешь Мюллера⁶ и в остальной Европе отыщешь Георга Гер[вега]⁷. Прошу Боткина написать мне, где Фролов и Галах[ов], чтоб я им мог писать.

Твое письмо, в самом деле, грустно. Чувство симпатии, перешедшее в антипатию или злобу (что ни ты не скрываешь, ни я), имеет корни действительные. Это не только *оскорбление* мимоходное, которое забывается. Это не оскорбление даже, а просто расхождение в разные стороны; вот отчего оно так глубоко въелось. Я думаю с Базиль Guillaume мы сойдемся в мнениях, но еще хуже разойдемся в том модусе, по которому мнения выработаны, и на поверку выйдет антиномия бóльшая, чем с кем-нибудь. Гран[овского] я люблю и стану к нему писать. Корша уважаю и люблю, но писать к нему не стану. К Барону вовсе не стану писать, ибо чувствую только злобное сожаление. С Сат[иным] всего труднее. Злобы нет, а жалость, то чувство, которое имеем к женщине, которую надоело

* собственноручно (нем.). — Ред.

любить, вот что господствует, и я не знаю, что тут делать. Присоветуй. Не хочется его оскорбить, а лелеять не могу. Кажется, я сегодня откровенен. Жду от тебя прощального письма. Мы не свиделись, что делать? Надо перейти через это, сколько бы оно оскорбительно ни было; а насколько наше несвидание оскорбительно, ты сам знаешь.

Теперь о тебе — краткий совет, т. е. маршрут: 1-е — Берлин и Дрезден, Гейдельберг, воды; 2-е — Фр[анция], Италия и опять Фр[анция] — Лондон, как хочешь. Швейцария — для прогулки, особенно в сентябре. А что James Fasi? ⁸ Человек не мимоходный.

Прилагаю записку к Мюллеру и стану теперь писать к Гран[овскому]. С будущей почтой в последний раз напишу тебе в Москву, а там в Питер.

Наташа, дай руку и прощайте, *carissimi*.

Извините, что так скверно пишу. Спешу, завтра надо рано отправлять в город по делам, а уже поздно. Сашку целую.

Доверенность послана.

Кому же дать довер[енность] на свидетельство, оно через три дня готово?

Заплати за меня талеров 15-ть Шредеру, книгопродавцу, Unter den Linden, № 23.

А. И. ГЕРЦЕНУ

⟨Акшено.⟩ 7 января ⟨1847 г.⟩ ¹

Начинаю писать немного поздно, потому что уже с лишком час как 8-е января. Привычка не спать ночью, Герцен! Кажется, живши один, как бы не начать правильный образ жизни, ан нет! не умею. Ложусь в 3 часа и встаю в 12. И как ленив, если б ты знал! 2-й день не выхожу на воздух. Все некогда. Вчера, проснувшись, принялся пилить баранью голову. Перебрал все мускулы. Потом вынул мозг и глаза. Мозг занимал меня сегодня целый день. Только недавно кончил, и то не совсем; для окончательного разбора потребуется еще 2 овечьих жизни. Глаза остаются на неделю в спирту. Третьего дня пользовался глазами теленка, которого имею счастье есть, но были слишком свежи, т. е. неудоборазделяемы. Читаю Longet ². Книга превос-

ходная. Впрочем, и химия не отстает; завтра буду жечь алмаз в кислороде. Пособия не все для науки, но пока достаточно. Доста[то]чно некоторых весьма обыкновенных тел, чтоб поглубже вникнуть в процесс жизни. В природе есть процесс жизни и потом die geographische Gesamtheit *. Для изучения первого не столько нужно необыкновенностей, и потому я не жалуясь на недостаток средств. Могу жаловаться на две вещи: на недостаток сведений и недостаток памяти. Для облегчения развесил по стенам доски и записываю мелом все, что должно вспомнить при известном случае. Труд, Герцен, должен все преодолеть. Жаль мне, что очень туго пишется; чтение и манипуляция отбросили совсем в другую сторону. Иногда хочется натянуться на производительность, да не ладится. Подожду.

У барана на лице недостает многих мускулов в сравнении с человеком. Я ненавидел заниматься миологией, потому что слишком трудно помнить. А между тем голова барана привлекла меня к миологии. Как бедность мускулов лица связана с бедностью интеллигенции! ** Ему нельзя наморщить лба, у него не может существовать улыбки; его лицо не может опечалиться. Зато musc. massetor *** развит уродливо. Одна часть удободвижимее, чем у человека: ухо. Ему нужно бояться, прислушиваться в известную сторону; musc. attolens и attrahens auricules **** развитее. А самое ухо, т. е. внутреннее, коротко и сжато. Я неловко резал уши и не мог сообразить, где евстахиева труба. Все же она должна быть плохо отделана, если в глаза не бросилась. Мозг следить ужасно трудно. Я же его не совсем удачно разрезал. Непременно 2 головы еще нужны, чтоб ясно осталось в голове его расположение. Потом примусь за спину и за сердце. Манипуляция ужасно много занимает времени; но все же лучше, чем с препаратом. Никто не надоедает, и из своих ошибок много выучиваешься.

Думая о тебе, о твоём отъезде etc. и думая о своих работах, я как-то сегодня живо вспомнил твоих детей. Черт знает, приготовишь ли ты их, как нужно, и заставишь ли

* совокупность географических условий (нем.). — *Ред.*

** т. е. интеллекта. — *Ред.*

*** жевательный мускул (лат.). — *Ред.*

**** мускул, приводящий и отводящий раковину уха (лат.). — *Ред.*

избежать всего длинного ложного пути воспитания, которое из меня в особенности сделало игноранта *. Я забыл, что не нужно было помнить, и не успел узнать, что надо было знать. Наташа! Не учи Сашку грамматике, пока он сам не захочет, а заставляй его писать да поправляй ошибки, чтоб он писал правильно *par routine* **. А когда грамматика ему предстанет как логико-историческое развитие языка, он сам узнает. Отчего мне стало страшно за детей и я ничего не придумал при этом страхе, как вышеписанную глупость о грамматике? А страшно. Как дать ребенку такой ход, чтоб он вышел гуманен и не мягок, объемлющ и не игнорант? Чтоб специальность не сделала узким? Чтоб общее занятие не сделало ничего не знающим? Чтоб сведения шли об руку или всегда были в запасе на помощь мышлению? Как дать огромную силу на защиту своей личности — без злобы? Жажду наслажденья без унижительного эксцесса? — Ты права, Наташа, надо для воспитания людей исключительных, страстно посвятивших себя на это дело. Новое доказательство важности семейства!

В самом деле, лицо животного не может выразить ни радости, ни печали. Для этого употреблен хвост. Уши, глаза и уста существуют только для простого глядения, слушания, и рот только будто продолжение пищевого отверстия. У обезьяны хвост перестает быть изъяснителем ощущений и становится простым орудием, пятой рукой. Глаза становятся выразительнее; рот еще не развился до улыбки. Для игры лицевых мускулов надо избавиться от шерсти. Организм стремится создать лицо. Как это я еще не читал Кабаниса? ³ Да надо вот что <изучить>: *rapports du physique et du moral chez les animaux* ***. Иначе, того гляди, из морального сделаешь *aparté* ****, который начинается там, где то начинается. Между тем как химическое: *rien ne se crée, rien ne se perd* ***** — при общем рассматривании существ переходит в *rien ne commence, rien ne finit* *****. Есть один *Totalität* *****.

* невежду (франц. «ignorant»). — *Ред.*

** по навыку (франц.). — *Ред.*

*** Отношение между физической и моральной природой у животных (франц.). Парафраза названия главного труда Кабаниса. — *Ред.*

**** нечто обособленное (франц.). — *Ред.*

***** ничто не создается, ничто не исчезает (франц.). — *Ред.*

***** ничто не начинается, ничто не кончается (франц.). — *Ред.*

***** целостность (нем.). — *Ред.*

Я сегодня видел чудесный сон!

Неужели это мое последнее письмо в Москву? Как-то не хочется верить. Тяжело будет не писать, хотя и вздор пишешь большей частью.

Я к Гран[овскому] писал письмо, в котором раскаиваюсь⁴. Но мне показалось, что в его письме было какое-то забвение прошедшего, не то что сознательное примирение, — а так *leichtsinniges Vergessen* *, хотя, может быть, только и было, что обхождение того, о чем говорить трудно или не хочется. Но у меня так еще врезаны в память все отношения при моем отъезде, что я не могу представить себе иных. А часто хочется, в особенности с ним, быть по-прежнему, сгладить эту недоступную черту меж нами! Напиши же о том, как ты уедешь из Москвы. С будущей почтой стану писать тебе через Панаева. А что «Современник»-то? Говорят, Некрас[ов] меркантильничает и Виссари[ону] попрежнему плохо⁵? О *maledetti!* ** — Бог с тобой, Герцен! Ступай, ступай!

Вчера рекрут отправил.

Ты лучше меня будешь гулять, я уверен. А я здесь надеюсь поокрепнуть, привыкнуть к труду и отвыкнуть от вина. Последнее я уже совершил — и результат вот какой: с тех <пор> нет нервических припадков, ни даже от позднего и малого спанья, ни от работы, ни от чего. Вдобавок я лью на себя холодную воду, не жалея.

Прощайте, *carissimi*, пора спать. До завтра.

8 гевн[аря]

Писать больше некогда.

Счастливый путь вам, *carissimi!* Гуляйте, гуляйте! Пишите часто, очень часто. Письмо, как воздух, мне нужно. Ну! прощайте.

44

Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

17 января (1847 г.). Акшено¹

Вчера возвратился из Инсара с рекрутского набора. Сегодня получаю твое письмо и пишу к тебе. Спасибо за твое письмо, и за его содержание, и за скорость ответа на

* легкомысленное забвение (нем.). — *Ред.*

** О проклятые! (итал.). — *Ред.*

мое. Много хотелось бы поговорить с тобою, Грановский, постараюсь поговорить на бумаге, сколько могу. Прежде чем стану говорить о нас самих, скажу несколько слов о впечатлениях, принесенных мною с поездки в Инсар. Я в первый раз был в рекрутском присутствии, а ты никогда не бывал, и тебе трудно вообразить, как тяжело это зрелище. Грудь сжалась, и голова закружилась, я думал, что у меня или слезы хлынут, или я упаду. Но ни того, ни другого не случилось, а случилось то, что я через полчаса привык и понял, что большая часть присутствующих членов должны оставаться совершенно равнодушными решителями судьбы этих голых людей с видом испуга или отчаяния, окруженных рыдающими женщинами и трепещущими стариками. Если Ал[ексей] Ал[ексеевич] где действительно полезен и гуманен, это при наборе ². Честь ему и слава! — А между тем, Грановский, что за идиотство в массе народа, это также трудно представить. Это меня очень оскорбило. Я мало верю в важность литературы, а теперь равно мало верю в важность практической деятельности, и меня обдаёт каким-то хаосом, в котором я чувствую себя затерянным, и рад-рад когда, приехав домой, уйду в расчет о кристаллизации карбона (несмотря на то, что ты уверен, что я не сделаю бриллианта) или без жалости к бараньему поколению с величайшей подробностью вскрываю овец.

Еще раз перечитываю твое письмо и жму тебе руку. Я знаю, что мы не разошлись, потому что любим друг друга ³. Что я сердился, потому что хотелось вполне быть согласным, и это правда. И я прав, потому что этот вопрос для меня главный в жизни, и если я неловко брался за споры, то это в самом деле потому, что я был зол. Грановский! Теперь *sine ira et studio* * скажу несколько слов о рефлексии. Я уважаю рефлексию, но не тогда, когда она делается систематическим самооправданием. Я не могу признать твою терпимость за скептицизм. Это просто терпимость, чувство самое раздражительное, когда хотя бы сдвинуть с места. Я это говорю по собственной рефлексии. Я сам одарен этой терпимостью, хотя менее, чем ты, но это чувство едва, едва носит в себе примесь уважения к чужому лицу и чужим убеждениям. Это просто темперамент, который вот, как ни бейся, не хочет допустить до себя известной

* без гнева и пристрастия (лат.). — *Ред.*

степени вперед толкающей силы, т. е. той силы, которая действительно дает силу в жизни, дает личность, отрицающую все враждебное.

Esprit de partie *, Грановский, еще не есть односторонность, точно так же как терпимость не есть многосторонность. Терпимость, переведенная на простой язык, значит: «я не трогаю ваших мнений, не троньте моих». Это ли скептицизм, Грановский? Скептицизм, равно отрицающий направо и налево, любит бить направо и налево, а не давать места и тому, и другому. Скептицизм насмешлив, Грановский! Нет, саго **, ты не скептик! И в известном главном вопросе ты не согласен с нами не из скептицизма, а потому, что ты *любишь* другое мнение; и этого мнения ты не выдаешь за правду не из скептицизма, а потому, что ты в самом деле не убежден и только любишь его. Оно не нужно для твоего счастья — может быть; но оно для тебя утешительно, особенно в иные минуты, когда сердце доступно нежности и грусти. Грановский! Я уже лучше бы хотел, чтоб оно нужно было для твоего счастья, и чтоб ты стоял за него как за правду. Ты говоришь о другом убеждении, довлеющем твоему счастью, и забываешь, сколько то и другое в настоящую минуту связано. Я понимаю то убеждение, где мы неразрывны, где мы одно. Но вот я чего боюсь, Грановский, что принявши последнее за центр, а развитие за расходящиеся радиусы (если ты сколько-нибудь помнишь геометрию), то как бы близки вначале ни были эти радиусы, в дальнейшем продолжении они все больше должны расходиться. Но, положив руку на сердце, я решился ничего не принимать за центр, кроме нашей личной близости и любви, и потому в заключение крепко обнимаю тебя. Наши споры впереди не должны носить отпечаток желчности, хотя ровный характер искреннего искания правды едва ли в них возможен. Если б последнее было возможно, мы были бы грандиозные люди, Грановский. Да мимо идет желчность; но если придется в книге или в аудитории вести спор, мы найдем в себе силу биться с неумолимым упорством, но не как человек [с] человеком, а как убеждение с убеждением. Для этого надо ужасно много силы и любви друг к другу, страшно много, Грановский! — Рефлектируя, я добился до истинного значения силы характера. Это обладание своей

* Дух партии (франц.). — *Ред.*

** дорогой (итал.). — *Ред.*

деятельностью, это ровность, Harmonie mit sich selbst * в своих поступках, несмотря ни на какую обстановку в жизни; это то, что называется в полководце хладнокровием и что вовсе не есть хладнокровие, а поставление себя выше страха и озлобления. В науке это будет не беспристрастие, а поставление себя выше увлечений; это может только дать истинное убеждение. Но заметь, что тут нет ни увлечения, ни сожаления. Рефлектирую и хочется себя пересоздать и добиться до силы, о которой говорю, и между тем слабость моего характера тебе достаточно известна. Как выпутаться? Нужен метод. Я решил избегать всякого конфликта, где бы воля моя не устояла, до тех пор, пока сознание, мысль, идея той силы характера не возрастет до пафоса; тогда я стану искать тех конфликтов; результат должен быть постоянная привычка действовать в желанном настроении. Жизнь страшно важна, Грановский, с тех пор как в ней надо развить le salut de l'âme **.

Das Unzulängliche

Hier wird's Ereignis!.. *** 4

...Обними от меня Корша за статью Бэра ⁵, да скажи ему, что я еще газет на этот год не получал, а просьбу о высылке и деньги выслал к нему, не помню когда, а кажется, давно, а может, и недавно. Обними Кавел[ина] за статью в «Современнике» ⁶. Я намерен писать на нее замечания, не критику, этого я не в силах, а замечания, какие в голову пришли, с просьбой о дополнении его статьи, и скажи ему, что также очень много собираюсь с ним говорить об ней и, может, напишу к нему, только едва ли, по многим причинам. Во-первых, потому, что Панаев мне не высылает «Современника», и, следственно, мне нельзя иметь статью под рукою. Видно, Панаев не надеется на мою стихотворную плодовитость; я, пожалуй, и деньги внесу. Вот я ж его за это завтра же обделаю. Кстати, о моей поэтической деятельности. Она равна нулю. Химия и физиология поглощают все время. Но один цикл лирических стихотворений расширился в концепции, и я надеюсь, что выйдет не дурно ⁷. Только печатать не хочу, вскоре по крайней

* Гармония с самим собою (нем.). — *Ред.*

** душевное благо (франц.). — *Ред.*

*** Недостижимому

Здесь выполнение!.. (нем.). — *Ред.*

мере. Поэтому Панаев прав, если не ждет от меня стихов, а если ждет, то как бы не ошибся. Если нужна какая работа, — пожалуй, возьмусь, лишь бы не срочная. — «Тройка» Некрас[ова] чудесная вещь. Я ее читал раз десять.

— Юношеские потребности + недоверие к собственному чувству значат немогут, Грановский. Вот почему я и заподозрил в романтизме то, что, может, вовсе и не романтизм. О, рефлексия! Я не имею недоверия к собственному чувству, Грановский, а юношеского чувства тоже не имею. Чувство приняло иной характер. Слабее ли оно, хуже ли? Нет! Но оно иначе происходит, внутренний процесс иной. Вот, что, саго! * — вернуться к юному нельзя, но совершеннолетнее и не хуже, и не ложнее. Зачем же недоверие к собственному чувству и желание чувствовать юно, тогда как чувствуется мужественно? Я мало верю в твою старость. Болезненность имеет огромное место в нашей жизни, но она ложь; она является под известными впечатлениями, которых сила должна больше и больше исчезать с возрастанием ясного сознания. Любить и жить *dans le vague* ** (в котором есть гибельно увлекающая поэтичность) становится с каждым днем невозможней. От этого грусть с ее *Mondscheinfarbe* *** переходит, может быть, в тяжелое горе, но которое выносить ясно и мужественно становится как-то хорошо. В поэзии этого горя есть какая-то интеллигентная *Sonnenlichtfarbe* ****. Может, это романтизм нашего времени, который ближе к действительной жизни, aber *die Harmonie des Lebens ist noch nicht errungen* *****.

Вперед, вперед, моя История!
Nur Beharrung führt zum Ziel,
Nur die Fülle führt zur Klarheit
Und im Freien wohnt die Wahrheit ***** 8.

Извини, что я сделал весьма скверный стих для избегания слова *Abgrund* *****, которое не представляет

* дорогой! (итал.). — *Ред.*

** в неопределенном, туманном (франц.). — *Ред.*

*** красками лунного света (нем.). — *Ред.*

**** краска солнечного света (нем.). — *Ред.*

***** но гармония жизни еще не достигнута (нем.). — *Ред.*

***** Только твердость ведет к цели,
Только полнота души ведет к ясности
И в свободе обретается правда. — *Ред.*

***** пропасть (нем.). — *Ред.*

моему воображению ничего, кроме болота. А что я заменил его словом *das Freie* *, в этом дам отчет:

Zwischen Realität und Wahrheit ist ein großer Unterschied. Die Realität ist bloß sagend, ohne sich zu bekümmern, ob sie wahr oder falsch ist. Nur das frei hervorgebrachte, d. h. das bewußte Wirken, nur das Menschliche, das aus der Indifferenz der Realität sich befreite, kann eine Wahrheit sein **.

Прощай, саго! пиши скорей и чаще. Ты теперь ближе по дистанции, чем другие, а я один. Письма от тебя придут скоро и свежи; а от других посмотришь — писано 1-го, а получено 15 следующего месяца. Это очень обидно.

Напиши подробности об отъезде Герц[ена].

Кланяйся жене. Скажи ей, что я твержу *adagio* *** *D-dur'*ной сонаты. *Addio* ****...

45

Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

14 февр[аля] 1847 Ак[шено] ¹

Сегодня я воротился от Ал[ексея] Ал[ексеевича], у которого провел дней 15, ничего или почти ничего не делая. Надо было отдохнуть. Я, было, заработался и вдруг впал в какой-то декуражмент ***** и не мог оставаться один. Теперь это прошло. С некоторого времени я еще больше полюбил А[лексея] А[лексеевича], т. е. с тех пор, как вижу ближе внутренний процесс его жизни. Живое лицо и его история делаются для меня предметом глубокой, искренней симпатии и вместе с тем этюдой. Сколько трагического в каждом человеке, Грановский! И вот, возле, вижу, растет молодое поколение, которое я знал в детском возрасте, и что же? — оно как-то фаталистически стремится опять

* свобода (нем.). — *Ред.*

** Между реальностью и истиной — большая разница. Реальность просто высказывается, не беспокоясь о том, истинна она или ложна. Только свободно произведенное, т. е. сознательное действие, только человеческое, освободившее себя от безразличия реальности, может быть истиной (нем.). — *Ред.*

*** адажно (итал. муз. термин). — *Ред.*

**** Прощай (итал.). — *Ред.*

***** уныние (от французского «*découragement*»). — *Ред.*

к трагедии и вырабатывает все трагические элементы, которыми самая обыденная жизнь нестерпимо богата. Но теперь не стану об этом говорить, хотя это начало и имеет соотношение с остальной частью моего письма. А эта часть заключается в ответе на твое письмо. Я твоим письмом весьма доволен, потому что мы, кажется, можем теперь *хорошо* войти в полемику.

15 февр[аля]. Вчера вместо того, чтоб продолжать писать, целый вечер пробрянчал на клавирах и рано лег спать, потому что передпрошедшую ночь провел напролет без сна — в дороге, которая становится отвратительна. — Сегодня целое утро провозился над одним химическим процессом, которого результат никак не умею определить. Теперь речь о твоём письме². Не знаю, как начать, чтобы яснее выразить то, что думаю. Начну вот с чего, — с обвинения меня в романтизме. Это приведет к цели. 1-ое. Я нисколько не отстаиваю себя в романтических побуждениях известного разряда, но не в тех, в которых ты меня обвиняешь.

Ты обвиняешь меня в высокомерии, которое тебе тем страннее кажется, что является после безверия в литературную деятельность и безверия в практическую деятельность. В гордости я нисколько не извиняюсь; может, это мой самый сильный порок, и хотя он происходит от весьма страстной ненависти против *не моего* убеждения, но все же, вероятно, порок. Но не в том дело. Оставим язык *уверений* о самих себе, которые могут быть и произвольны, чтобы говорить языком *понятий*, которые должны сами собой убеждать; иначе мы не придем к правде и будем вращаться в сфере самолюбий, которые могут заставить нас сердиться, и нехорошо, узко сердиться. — Ты пишешь о Кир[еевском], который перенес свои желанья в загробную жизнь; ставишь меня в параллель, как перенесшего свои желанья в 3-е или 4-е столетие и бог знает куда, и говоришь про себя:

Auf dieser Erde blühen meine Freuden *.

Caro! Когда ж я тебе говорил, что перенес свои желанья куда-нибудь вне себя? Вероятно, этого в моем письме не было, потому что это *schnurstraks* ** противоположно моему убеждению. Я точно так же мало принадлежу к стрем-

* На этой земле цветут мои радости (нем.)³. — *Ред.*

** прямо (нем.). — *Ред.*

лению Кир[еевского], сколько к тому, которое ты мне навязываешь. *Jenseits* * для меня равно абстрактно, как в том, так и в другом, а *diesselts* ** существует одно: индивид с его гуманным содержанием и исторической обстановкой. Пружина деятельности одна: стремление разрешить те вопросы, к которым историческое развитие (жизнь) и логическое развитие приводят индивида. Это одно существенно и неотъемлемо, и нужды нет, верит индивид в будущие успехи человечества или нет. Индивиду нужно разрешить те вопросы общечеловеческие и личные, к которым он пришел по своему развитию, иначе ему дышать нельзя. Человек даже ничего внешнего не может понять иначе, как через себя. Никто не мог ни жить, ни умереть ради чего-нибудь внешнего или ради других, но только ради своего убеждения и своей любви. Вот единый факт, единое понятие, во что я верю и в чем я убежден. Оно так должно быть а *prigigi* из понятия индивидуальности и так есть по опыту, потому что мы не видали еще людей, которых жизнь вся поглощена практической деятельностью, не видали, чтоб они, разуверясь в своем влиянии, перестали работать на практическом поприще. Какое бы ни было разуверение, но они делают, *потому что не делать они не могут*. Вот тут мы с тобой и согласимся, что абсолютной истины нет, и я никогда тебе не проповедывал абсолютную (мне, впрочем, неизвестную) истину. Истинно может быть многое, но истины абсолютной быть не может; абсолютная истина была бы принцип в его полнейшем развитии; а где же эта апогея развития? А если она грань принципа, то вместе с своей апогеей принцип доходит до конца, до своей смерти, что всегда и бывает с истинами относительными. Из этого нетрудно заключить, что абсолютная истина есть сама в себе противуречие и, *ergo* ***, существовать не может. Но относительная истина последующая враг истины предыдущей. От этого [хотя я далеко не смею назвать себя скептиком, несмотря на высокомерное желание попробовать собственную внутреннюю силу (в чем каюсь)] — от этого я в скептицизме вижу признание чего-нибудь неадекватным истине, хотя эта истина и неизвестна; а это непризнание (это 2·2 не = 5) не может *терпеть*, чтоб что-нибудь

* потустороннее (нем.). — *Ред.*

** посюстороннее (нем.). — *Ред.*

*** следовательно (лат.). — *Ред.*

выдавало себя за истину ($2 \cdot 2 = 5$), не может терпеть ни в других, ни в себе, а тем менее держать что-нибудь подобное pro domo *, для личного удовольствия.

Вот ты опять на меня рассердишься! Нет! пожалуйста, не сердись, Грановский! Мне верно не хочется уязвить тебя; я думаю, ты такой мерзости от меня и не ожидаешь. Но мне больно, что ты считаешь задушевым, личным то, что признаешь *больным* (твои слова); это меня бесит и оскорбляет. — Ты говоришь, что фантазия не ослабит практической деятельности. А ты думаешь, что фантазия, которой человек задушевно предан (*верует*), не отнимает die Kraft der Negation? ** «Жестокий анализ чужих убеждений возможен только в века праздные, подобно нашему...», — пишешь ты. Не от этого ли древний мир казнил Сократа, вздумавшего учинить жестокий анализ его убеждений? — Саго! *** где же ты видел век, в котором бы убеждения ходили на свободе? Может, в наш век они ближе к тому, чем в древнем мире. Мы терпим людей, но все же мы терпим людей, а не мнения. Мы можем уважать еврея, но враждовать с моисейским законом. Да как ты хочешь примириться с чужим убеждением или оставлять его в покое, когда из убеждения строится все — жизнь, наука и цивилизация? Es lebe die Partei! **** хотя бы эта Partei был один человек. Есть в человеке то, до чего я не допущу анализ не только постороннего, но и самого близкого, — это его отношения к лицам. Я не трону, но от всей души люблю человека, который привязан к другу, к отцу, к матери, к любовнице, несмотря на их недостатки. Но убеждение — достояние общее. — И что за раздел теории и практики? Разумеется, практика — язык теории, но ведь он ее-то и выражает. — Ах! Грановский! Ну! как же еще ты пишешь: «у меня есть известное число идей...» etc., как будто можно на этом остановиться, и в нерешенных вопросах оставаться на том, что они нерешенные вопросы? А между тем лелеять их, как любимые фантазии?

Скептицизм, говоришь ты, идет не одним путем насмешки и иронии, но и путем скорби. Совершенно согласен. Но определим слово: скорбь. Высшая скорбь отстать от

* для себя лично (лат.). — *Ред.*

** силу отрицания (нем.). — *Ред.*

*** Дорогой! (итал.). — *Ред.*

**** Да здравствует партия! (нем.). — *Ред.*

своего верования, потому что оно не адекватно истине. Эту скорбь, действительно, носит в себе скептицизм. Это скорбь человека, который видит себя принужденным пожертвовать историей разуму, убеждением по преданию убеждению логическому.

Скептицизм — высший представитель неумолимости разума. Не подумай, чтоб я защищал абстракцию. Разум есть только сознание факта, оправдание существующего законно — перед произвольным. В неумолимости скептицизма, действительно, ужасно много скорби и трагического. Нет, например, ничего труднее и скорбнее, как признаться, что не любишь женщины, которую долго любил; а это дело скептицизма. Нет ничего скорбнее, как не позволять себе увериться в том, чему желаешь верить. Это дело скептицизма. Наконец, в науке нет ничего скорбнее, как отстать от мысли, которую лелеял. И это дело скептицизма. Скептицизм еще не есть сомнение во всем; это было бы *tautos* * и неопределенно. Скептицизм — сомнение во всем, что не имеет *causa sufficiens* **, проверка факта разумом и рассуждения фактом; скептицизм есть негация прошедшего и настоящего (о будущем он не имеет права говорить, как о деле, которого он не знает)... Скептицизм есть действительное движение и безбоязненность скорби. Он ищет ясности и определенности и не терпит никаких теорий и фантазий, неадекватных истине (хотя она ему неизвестна!)..

Но что же это я пишу акафист скептицизму?.. Я в самом деле не скептик, я не достиг до высоты скептицизма, хотя стремлюсь к ней. Я в самом деле, саго, может быть, только алхимик даже в самом скептицизме. Но я еще не убежден, чтоб трудом не можно было сбросить алхимическую фантазию и добиться ясности в теории и жизни, т. е. отсутствия сумерек.

Вот я напутал тебе какое-то длинное письмо наскоро, а тут меня прерывают разного рода поверенные. Это страшно; никак не могу принудить себя к делам; просто чувствую неодолимое отвращение. Всякую почту собираюсь написать письмо, которое может покончить мои дела, и всякую почту не могу решиться — по лени и потому, что мне внутренне неловко решиться на известный поступок. А надо.

* лишено меры (нем.). — *Ред.*

** достаточной причины (лат.). — *Ред.*

Еще: ты не подумай в самом деле, что я алхимик там, где можно бы быть алхимиком, т. е. в химии и естес[венных] науках. Химия становится с каждым годом определенной, и трудно выйти из нее в алхимию, как бы из математики. История образования планеты и организма — вот задача, которую решает один опыт, без примеси фантазий. Я желаю ради этой задачи трудиться, сколько жизни хватит, и в методе занятий иду осторожно. Брильянт, о котором я говорю шутя, в самом деле для меня важен, потому что путь, по которому природа творит, важен; тут не ставь в параллель искания делать золото изо всего на свете, тут просто искание привести известные (connus) элементы в известное состояние. Химия лучше всякой науки доказывает, что каждый синтезис есть анализ. Впрочем, я не хлопочу о брильянте, потому [что] слишком много вещей надо узнать и некогда еще приниматься за новое. — В жизни я страшный алхимик, Грановский! и ты в этом прав.

Прощай! Мне не хотелось посылать письма, потому что как-то еще много сказать хочется; но не хочется и почты пропустить, да и в город надо послать больного к медику, потому и спешу.

Сигары получил. Цены не знаю, да и им цены не знаю, так они хороши.

Прощай еще раз. Крепко жму руку.

46

А. И. ГЕРЦЕНУ

13 марта (1847 г.). Яхонтово ¹

Наконец, после долгого незнания, куда писать к вам, я опять могу сказать вам несколько слов, друзья мои. Жаль будет, если не много скажется, потому что поздно, и завтра надо посылать на почту. Как видите, я не дома и целый день был не один. Впрочем, это только потому, что Желтух[ин] был на короткое время, иначе я здесь располагаю всем утром. Желт[ухин] велел тебе сказать, саго, что он тебя в короткое время много полюбил. Он славный человек ².

Здесь я, вероятно, долго проживу, потому что Ал[ексей] Ал[ексеевич] недели через две едет и летом, вероятно, с вами встретится. Я здесь привык, как дома, и мое пребывание здесь мне мало мешает. Я давно собирался писать вам,

хотя понемногу, но одно занятие меня отвлекло от всякой другой письменности, а именно: роман в стихах, который, сколько мне кажется, мне весьма удастся. Надеюсь, что к осени или ближе могу его напечатать и что он останется не без сенсации. Он почти может служить концом первой пииме³. В эту работу я так погрузился, что почти месяц ничего иного не делаю. От этого реторты пусты и бараны живы. Но думаю на днях начать вести все дела разом. Не пойдет — останусь при одном; пойдет — тем лучше.

Жаль мне, что тебя нет, Александр; весьма много нужно бы поговорить, и во многом бы ты принял участие.

Я много думал и говорил о пекуньярных обстоятельствах, и мне проглядывают кой-какие новоизобретенные пути к устройству дел, которые я, осмотрев, — только найдя невозможными или превышающими мое терпение, пойду на сделку с Бахмет[ьевым]⁴. — Не подумай, чтоб Ал[ексей] Ал[ексеевич] сколько-нибудь мешал мне решиться на последнее; он и сам для себя желает такого рода аферу, т. е. то же сделать с своим *possessione* *, что и я думал, да ты знаешь, как трудно окончательно на это решиться. А он *de facto* еще менее решителен, чем я. Его я в последнее время узнал короче и полюбил еще больше.

Без сомнения, я остаюсь вообще при моем обычном плане насчет будущих поездок, но по хозяйству хочется сделать что-нибудь действительно полезное, и на этот счет многое придумываю. Когда будет что-нибудь *de facto* дельное, то сообщу тебе. Но довольно об этом. Давай говорить о вас.

На другой день

А говорить о вас, как видите, я оставил до утра, потому что не перевозмог сна. Получил я 2 послания с дороги и 2 из Берлина. Последние 2 на днях. Одно с приписками всех⁵. Дайте же крепко сжать вам руки. Только послушайте, Наташа и Марья Федоровна, вы слишком мало говорите о путевых впечатлениях, а мне ужасно хочется знать, как на вас именно подействует новая среда жизни. Что касается до Александра, то я наизусть знаю, что и как, и жду от него только отчет о том, куда выработается его мысль, да еще новостей. Вот он мне пишет о Берлинском музее. Саго! Берлинский музей порядочная дрянь, все, что могу сказать и что ты сам поймешь, побывавши в Италии.

* именем (лат.). — *Ред.*

Gypsabgüsse * никак не заменят всего изящества мрамора и бронзы. Да и собрание бедно. Я не совсем согласен, чтоб греческое искусство оставляло нас себе чуждыми. По крайней мере античная гармония форм во мне возбуждает чувство необычной Pracht und Fülle des Lebens **. Я не думаю, чтоб мы были очень далеки от древнего искусства; я думаю, что еще нашему миру суждено дойти до этого гомерического спокойствия лиц, до этой стройности и сочувствия к природе и жизни, но с иным, бóльшим содержанием. А ты, верно, не видал в галерее графа Рачинского картины Робера «Жнецы»⁶. <Это> один из оригиналов, другой оригинал в Лувре. Рассмотря внимательно это удивительное произведение, где соединились жаркость южного колорита, античная стройность фигур и скорбь современного человека. Чувственность — изобилующий элемент Востока — меня тоже всегда поражал в египетских изваяниях, но, признаюсь, никогда не поражал приятно; тут есть что-то lascif ***, животное, нестройное и рабское.

Из приписки Мюллера я ясно увидел, что благородная струя не скупой была выпита. А я, carissimi, продолжаю принимать ее в самых умеренных количествах. Разумеется, я в аскетизм никогда не впаду, но намерен никогда не напиваться свыше известного градуса. Пусть вино оживляет организм, но не болезненно и не дико. Я начинаю питать отвращение ко всему дикому. Вероятно потому, что здесь ежедневно могу видеть дикость и насколько она затемняет человеческое существо и мешает ему ясно и ярко открыться. Ты не знаешь деревни и не знаешь ее быта, интересов, потребностей и возможностей.

Когда ты вернешься в нашу сторону (и я тебя дождусь), я убежден, что наше свидание будет еще совершеннолетнее.

В «Современнике», наконец, поместили «Отъезд», чего мне столько не хотелось, и по этому случаю я заслужил олимпийский гнев Виссариона. А «Монологов» не печатают⁷. 2-ой № как-то послабее 1-го. Говорят, Виссарион собирается попутешествовать, потому что болезнь его усиливается. Журнал нуждается в критике. Жаль, если он как-нибудь ослабнет, а я не знаю, кто без

* Гипсовые слепки (нем.). — *Ред.*

** роскоши и полноты жизни (нем.). — *Ред.*

*** похотливое (франц.). — *Ред.*

Виссариона его поддержит. Комаров что-то, говорят, наврал по части астрономии в смеси. Да ведь придет же в голову давать Комарову перо в руки! ⁸ Зато «Петр Петрович Каратаев» Тургенева скрасил книжку. «Хорь и Калиныч» его же приводит всех в восторг, но я не согласен с этим, хотя оно списано с натуры. Они находят тут изящную сторону русского мужика. А я этого не нахожу; это чистоплотная, но тупая сторона русского мужика. — Статья Бел[инского] о Гоголе состоит из выписок, за себя говорящих; но — или он много выпустил — чувствуется надобность в голосе критика ⁹. Повесть Кудр[явцева] «Без рассвета» очень хороша по задаче и плану, но в ней — чего я никогда в его повестях не замечал — что-то книжное. Вот тебе и о «Современнике».

Здесь я перечел «Мертвые души». Что за удивительное произведение! А и в нем пробивается новый, безумный Гоголь ¹⁰. Прочел «Дон-Жуана». Гете называет его *ein grenzlos-geniales Werk* *. Достань же себе перевод Гильдемейстера ¹¹ и прочти. Я нигде не встречал такого объема содержания, такого богатства фантазии и иронии.

Мы с Гран[овским] были в полемической переписке ¹². Он недоволен мною будто бы за мое высокомерие и еще за то, что я с ним не согласен, будто бы он скептик. Да уже это как ему угодно, а он вовсе не скептик, но роскошно-задушевная натура. Я с ним спорю и люблю его бесконечно. От других, разумеется, ни от кого не получал известий. Писал к Риттеру ¹³, да, кажется, очень неловко писал и раскаиваюсь. Что ж делать! Как-то слова не клеились.

Напиши мне, застал ли ты Николая Ивановича ¹⁴, когда он приедет, не напишет ли ко мне, можно ли писать к нему, и крепко обними его за меня. Также мое горячее рукопожатие Рейхелю и Георгу ¹⁵.

Засим нахожусь в необходимости кончить письмо, потому что как-то не пишется сегодня, а надо еще писать к Григорию Ивановичу ¹⁶, которому, наконец, посылаю вчера полученную доверенность. Каково меня гражд[анская] палата продержала?

Прощай, саго, прощай, сестра, прощайте, Мария Федоровна! Пишите чаще. Теперь я пошел строчить каждую неделю по письму. Я давно бы писал, да кто виноват?

* безгранично гениальным произведением (нем.). — *Ред.*

Вольно не написать маршрута. Не мог же я пустить мое письмо путешествовать по Европе, что для <вас> совершенно было бы бесполезно.

Прощай, Сашка! Целую тебя. Беннет здоров. Что Коля? Узнай, где Иван Павлов[ич] ¹⁷ и Фролов и правда ли, что Ив[ан] Пав[лович] женился?

Ал[ексей] Ал[ексеевич] кланяется.

47

А. И. ГЕРЦЕНУ

<Яхонтово> июня $\frac{19}{7}$ <1847 г.> ¹

Вот я и опять давным-давно не писал к вам, друзья мои, и давным-давно не получал от вас писем. В последний раз, как я писал к вам, мой посланный, возвратясь с почты, привез мне ваше письмо, и я тотчас собрался отвечать, но меня остановила болезнь. Страшная лихорадочная невралгия надглазного нерва мучила меня недели две до сумасшествия. «Но молодость свое взяла», и я опять здоров, как нельзя лучше. Ты улыбнешься при этом слове «молодость», саго mio! Однако я прав. Я чувствую откровенно, что я молод, не той первой, чудесной молодостью, которая так много ждет, так много фантазирует и которая была так непосредственно хороша, несмотря на все нелепости поступков и страстей, что я ее вспоминаю с любовью и, сознавая, не стыжусь тысячи глупостей и горечей и не раскаиваюсь в них; но я молод именно тем, что моя первая молодость *совершенно* прошла, а силы мои несколько не утратились, но сосредоточились и стали развиваться в сфере действительности, в положительности фактов. Если прошлый год был так богат для нас опытом и скорбью совершеннолетия, то этот год богат для меня силой совершеннолетия, молодостью совершеннолетия, если ты допустишь это выражение. Тут, конечно, нет розовых надежд, но есть расчитанность поступков и живая оценка существующего. Это переход в Praxis *. Этот переход был необходим в моем развитии. Два выхода предстояло: уныние и Praxis. Я страстно и весело перешел в практическую деятельность, с верой в труд и с деспотизмом воли, которой ни ты, ни я сам

* практику (нем.). — *Ред.*

в себе не замечал. Насколько я продвину вперед, я на пять или шесть лет *безвыездный хозяин* в деревне ². Это решено и будет упорно выдержано. Не говорю о поездках в столицу на один или два месяца в год — это нужный отдых, и отсутствия мои из деревни не переступят означенного срока. Я решился на труд хозяина, думавши целую зиму об этом, и решился не *roug acquit de conscience* * и не ради необходимости уплатить долги, а с полным расчетом на резкое изменение хозяйства и приобретение огромных средств. Я совершенно понимаю цену богатства и достигну его трудом. Хорош ли расчет и верно ли я проведу свой труд — это докажет опыт. По вашем возвращении, друзья мои, вы посетите меня в моем отшельничестве и тогда уже многое найдете приведенным в исполнение. Как я буду рад вам, об этом говорить нечего! Сколько и о скольком нам придется болтать друг с другом, это можно предугадывать. Я верю, что в этот раз наше свидание будет еще лучше и мы найдем друг друга еще совершеннолетнее, мужественнее, ровнее и определеннее.

20
8 июня

Сегодня я еду домой от Ал[ексея] Ал[ексеевича]. Он отправляется 1-го июля. Несмотря на его скорый отъезд, я бываю у него и реже и на короткое время. Просто некогда с тех пор как ко всем иным занятиям прибавилась мне должность управляющего. Да и дом мне с тех пор лучше нравится. Романтические воспоминания не одни меня привязывают к нему, но еще и живая, определенная деятельность и определенные надежды. А потом и для внутреннего, любимого наслаждения мне дома лучше: местность изящнее. Огромный лес, где я бываю часто и долго. В лесу у меня три занятия: 1) вводимая мной рациональная рубка, извлечение дегтя etc., 2) гербаризация, 3) наслаждение. Последнее занятие, разумеется, мне больше всего по сердцу. Мне нигде не бывает так хорошо, как в лесу. Погода теперь чудесная. Совершенно ли мне хорошо одному — это другой вопрос. Иногда очень тяжело. Чувство одиночества тем более тягостно, что не только мое наслаждение одиноко, но даже вся моя деятельность одинока. Пробовал я многое предпринимать *en compag-*

* для очистки совести (франц.). — *Ред.*

pie *, и только Ал[ексей] Ал[ексеевич] (и то не совсем) держится со мною. Другого соседа я в иных случаях пугаю; в устройстве фермы боятся убытков, жалуются на неимение средств. На днях мне очень жутко пришлось, так все наши прошлогодние споры пришли на память, повторились в другой сфере. Это было не так задушевно больно, но одиночество деятельности для меня обозначилось. Ничего! Я не впаду в уныние и все-таки устрою дела, как хочу. — Я звал профессора³ приехать к себе. Он еще не отвечал. Профессор остался для меня все тою же изящною натурою, которая мне всего ближе, кроме тебя. Я думаю, мы с ним можем провести летний месяц очень хорошо, и даже многое скорбное между нами может изгладиться. Приедет он или нет — не знаю! Думаю, что да!

Твой обзор знакомых, с которыми ты встретился, меня сильно интересовал. Он справедлив — не могу не согласиться. Но все же ты не довольно оцениваешь Саз[онова]. Что касается до его сожительницы, в это я решительно не вступаюсь, Герцен, и не признаю себе права вступаться. *Naturgewalt* ** и некоторые, может быть, ошибочные оценки ее участия во время неловких обстоятельств связывают его. Это дело такое личное, что я не беру на себя *la condamnation* ***. Если тут есть грязность, то, с другой стороны, есть и благородство. Что же касается до Георга, — это, без сомнения, одна из самых полных и изящных натур, которую я когда-либо встречал. Женился ли Гал[ахов]? Обними его за меня. Где Фрол[ов]?

Желал бы лично видеть впечатление, которое на тебя производит тамошний мир. Мне кажется, что, несмотря на многое скорбное и удушливое, с которым ты необходимо должен был столкнуться, ты слишком немного обратил внимания на *Staat in seiner politiko-oekonomischen Entwicklung* ****. Боюсь, чтоб *Gesamtheit* ***** фактов и целостность развития не скрылись перед тобою за теоретическими неудовольствиями. Впрочем, только боюсь, и то не знаю сам отчего, а думаю иначе.

* в компании (франц.). — *Ред.*

** сила естества (нем.). — *Ред.*

*** осуждения (франц.). — *Ред.*

**** государство в его политико-экономическом развитии (нем.). — *Ред.*

***** совокупность (нем.). — *Ред.*

Думал написать очень много и написал очень мало. Сейчас деловое послание из города, и надо писать деловые письма. Григорий Иван[ович] очень хорошо со мной поступает и берет на себя в Москве многие хлопоты по моим делам.

Лучше послать 2 страницы, чем ничего. Дайте руки, друзья. Напиши хорошенько, Наташа, что ты делаешь там, да и Марье Федор[овне] не худо написать мне о себе. Не поленитесь, Марья Федоровна! Скажите все впечатления, которые иные страны произвели на вас. Я играю *andante* Тальберга ⁴. Это замечание исключительно посвящено вам. Addio! Меня зовут.

48

А. И. ГЕРЦЕНУ

⟨Яхонтово⟩ $\frac{8 \text{ июля}}{26 \text{ июля}}$ ⟨1847 г.⟩ ¹

Я у Ал[ексея] Ал[ексеевича], который едет 1-го или 2-го июля, в дороге пробудет еще до выезда ⟨за границу⟩ более месяца; благодарит тебя за предложение и напишет к тебе из Москвы. Славный он человек, *carissimo*; но что такое делают из человека обстоятельства и среда, в которой он движется, это можно проследить на нем в каждой нитке. Если б он не был так близок мне, это была бы очень остроумная этюда, а теперь это мне горькая этюда. Но... эта среда та же, в которой я начинаю вращаться (минус разные невкусные обстановки, [от] которых я избавлен). И что же, саго? Испортит ли меня эта среда, или я с отвращением обращусь в бегство? — Не думаю. Я слишком прямо иду к цели; я слишком скоро подвину все средства к достижению, чтобы мне можно было привыкнуть к уродливому положению аристократа-плантатора. Назначение русского помещика, *ergo* и мое (в этом я глубоко убежден), быть ни тем, ни другим, а быть просто индустриалом, *plus ou moins* * оптовым. Заметь это; это очень важно. С учреждением ферм (так как мы все же по всему нашему положению с конца в конец России: *земледельцы*) хлебопашество и промышленность сильно подвинутся. Может быть, я — как первый — разорюсь на этом, беда не ве-

* более или менее (франц.). — *Ред.*

лика, путь проложен; дурно только для примера, но истина свое возьмет. Да я и этого не думаю; я почти убежден в возможности обогащения или, по крайней мере, ясной отчетливости в барыше и убытке. До сих пор никто — и самые лучшие барщинные хозяева — не считают у нас ни капитала, ни труда, т. е. не считают расходов, а только продажу произведений приобретенные деньги. Нетрудно разглядеть, что это детский расчет, ребячество политической экономии. Я это докажу примером. Положим с 10 десятин земли продал 100 четвертей ржи по 7 р. (ассигнациями). Я и говорю тотчас, что, дескать, получил 700 р. доходу. Какая нелепость! Земля моя стоит по 100 р. десятина, след[ственно] 1000 р. С 1000 р., хорошо употребленных, я должен получить сто рублей доходу. За обработку барщиной я опять плачу мужику тем же количеством земли, т. е. 10 десятинами (по 1 дес[ятине] на тягло), т. е. капиталом в 1000 р. и процентами в 100 р. Вот уже 200 р. расходу. На посев я употребил 10 четвертей по 7 р., след[ственно], 70 р. Теперь земля моя заложена по душам; по расчету на 10 десятинах лежит долгу третья часть залога 20 душ (ибо 10 дес[ятин] ржи представляют 30 десят[ин] в 3-х полях, на обработку надо 10 тягол, представляющих 20 душ, по крайней мере); третья часть залогоу 20 душ = 1866 р. (ergo, почти $\frac{9}{10}$ того, что стоит земля). Процентом на это 112 р., à 6%. Вот уже расходу 382 р. Прибавь 1% в уплату капитала 18 р. 66 «к». Теперь провоз проданной ржи смело полагай в 1 р. с четверти = 100 р. Вот уже очевидного расхода 500. Остается барыша 200 р., из которого можно положить верных 150 на убыток от скверного севооборота и всегда дурной обработки посредством барщины. След[ственно], действительного дохода с капитала в 2000 р. я имею 50 р., что почти равняется убытку, или, лучше: значит 150 р. убытку. Ergo: мы работаем в убыток или сводя на нет все капиталы и труды. Вот расчет барщинной обработки. Из этого можно заключить, что уже как бы то ни было фермажная обработка земли не может быть убыточнее. В доказательство моего расчета приведу то, что все именья ощутительно приходят в упадок, что доказать может статистика Опекунск[ого] совета, т. е. число имений, продающихся с аукционного торга, и число перезакладываемых имений. Заметь еще, что со времени учреждения О[пекунского] совета почти ни одно именье не выкуплено, а все *переза-*
ложены.

Я не думаю, чтоб ты соскучился, читая этот расчет²; нельзя не охватывать материальных интересов, если хочешь, чтоб твоя наука была полна и реальна. — Надо и еще заметить, что 50 р. барыша, которые я выше положил — мнимы, потому что если расчесть употребляемый на прокормление крестьян хлеб в голодные года, то совсем сойдет на нет.

При фермажном устройстве расчет следующий:

Приход с 10 дес[ятин] — 100 четверт[ей] по 7 р.	= 700
Расход: 1) С капитала в 1000 р. %	= 100
2) На пашню по 10 р. с десятины	= 100
3) На жнитво <i>idem</i>	= 100
4) На уборку <i>idem</i>	= 100
5) На провоз по 1 р. с четв[ерти]	= 100
6) На посев	= 70
В с е г о р а с х о д у	570

Следственно, чистого барыша, очевидного 130 р. От улучшения севооборота и обработки 15 четвертей — лишних 105 р., итого барыша 235 р.

Крестьяне уплачивают советский * долг, т. е. платят оброк с 10 дес[ятин] 130 р. 66 к. (ежегодных % в совет). Разделив это на 10 тягол, выйдет 13 р. 6 к. с тягла на десятину в продолжение 37 лет; а здесь нанять десятину стоит до 16 р.

Кажется, всем выгодно, не говоря о умножении трудолюбия в крестьянах и улучшении промышленности. Как думаешь, саго, можно прохлопотать над этим лет пять безотходно?

Крестьяне платят, следственно, в О[пекунский] совет всего с тягла 39 р. 18 к. (с 3-х полей). Они платят подушных и повинностей до 10 р.; словом, на них ляжет налог в 50 р. ежегодно (все в продолжение 37 лет) с тягла, что составляет небольшой оброк; доход тягла может быть (если 1 десятина в поле, а надо заметить, что, по большей части, у них не менее 2-х десят[ин]): с 1 десятины ржи — 10 четверт[ей] по 7 р. = 70 р., с десятины ярового — 15 четвертей по 4 р. = 60, итого 130 р. Следст[венно], тягло за летнюю работу получит за уплатой повинностей 80 р. Теперь за зимнюю <работу> — от 50 до 60 р. при дурном промысле, т. е. когда крестьяне не умеют и не любят промышлять *ремеслом*. Наприм[ер], у меня мужики, имея

* т. е. в Опекунский совет. — *Ред.*

слишком много земли, скорее бедны, чем богаты от избытка...

Если не устоишь против скуки, отвращения, горя, которыми охватывают стычки с упорной косностью и невежеством, — разумеется, бросишь хозяйство и уедешь из деревни, чтоб никогда уже в нее не заглядывать. Такие минуты находят нередко; недостаток помощников (т. е. *contre-maitres*) отнимает силу, горько бывает; но я решился выдержать все во что бы то ни стало — и убежден в пользе результата.

У нас была засуха; теперь опять дожди небольшие; но холод смертный. Ты бы уже давно напялил 20 шапочек на голову и ругал бы холод и головную боль. А я здоров пока. Нервическ[ие] припадки совсем отстали. Сон крепок, аппетит удивительный.

(Акшено.) $\frac{9 \text{ июля}}{27 \text{ июня}}$ (1847 г.)

Ваше письмо, *carissimi*, я получил тому назад недели две. Много благодарю всех вас. Мы редко переписываемся, это нехорошо. А между тем, как же иначе? Времени так мало. Живой разговор требуется, а перо лениво. Твое письмо, Наташа, мне ужасно живо напомнило тебя. Мы с тобой не можем не симпатизировать, и потому в твоих письмах для меня никогда нет нелепицы. Все близко понимается. Знаешь ли, что у нас есть сходство в характерах; оба мы натуры светлые, а жить нам тяжело; недостаток какой-то целостности в жизни и избыток гордости нас мучит. Ты, может, улыбнешься над этим, а если подумаешь — оно так. Я не порицаю гордости; она двигатель мысли и деятельности, скажу более — единственный двигатель. Это не парадокс; дело в том, что самые широкие интересы, когда сживаются с лицом и переходят в его кровь и плоть, то преобразовываются в форму индивидуальной гордости, и это единственный залог их развития, их жизни, это единственная форма связи общего с индивидуальным. Если романтизм видит в этом унижение, имморальность, нечистоту души, то это только потому, что романтизм глуп и, будучи сам до ногтей ячен, прячется от живого понимания личности. — Но кто же виноват в том, что натура светлая, а жить тяжело? Среда или сами мы? Ни то, ни другое, вероятно, а разница того и другого. Впрочем, это осевшее чувство скорби может быть очищено деятельностью. Деятельность стирает с нее остатки романтической

пыли и остается живая, человеческая, весьма простая скорбь, которая знает свой предмет. Ах! сестра! Нельзя уж нам, извиняясь молодостью лет, ни вообще стремиться к любви и тосковать, ни грустить, теряясь в стремлениях и вверх и вдаль, и в науку и в искусство, и пр. и пр. Нет! Вещи стали проще. Любишь известные лица, думаешь об известных предметах, наслаждаешься известным впечатлением. Иначе уже стало невозможно. Но от этого любовь не утратила ни на йоту силы, и чувство любви ни на йоту прелести, мысль не утратила энергии, в науке знаешь, чего ищешь, в искусстве знаешь, чем наслаждаешься; если сам производишь, знаешь, чего хочешь; когда бродишь в лесу, не ищешь наполнять его несуществующими созданиями, а просто любишь его шум и зеленость, и светло, и хорошо, и ровно на сердце. Только в столкновении с фактом, которого нельзя опрокинуть, является скорбь, иных скорбей уж и не выдумает. Утратился в чувстве, мысли и даже поступке характер беспутности... Знаешь что? Совершеннолетие юнее и свежее молодости да и энергичнее. Люди, которым хочется и беспредметно любить, и что-то творить, и что-то делать, похожи на хватов-офицеров, которые все нюхают: нет ли кого побить, ямщика ли, другого ли кого. Да помилуйте, господа, за что же? Если у вас есть сила — производите; а если побить случится, так бейте, когда кто действительно виноват. К чему я все это говорю? Уж оно, право, старо. Да так, мой друг, последняя филиппика против романтизма.

Наташа! не обманывайся внешностью Саз[онова] и протягивай ему руку. Он, право, свежий и сильный человек. — Ну! а тебе, Александр, спасибо за новости и очерк характеров. Напишите мне поподробнее о «Миньоне» Рейхеля. Гегелианец, а надо признаться, уже давно плоше, чем казался во времена школьной диалектики. — Кланяйся всем. — Точно ли Саз[онов] едет? Я чуть ли не до ноября останусь в деревне.

Перечитал я вчера «Кто виноват?». Эта повесть на меня всегда производит сильное впечатление, она слишком близка. А знаешь ли что, Герцен? Ведь метил ты Бельтова поставить очень высоко. А между тем Бельтов — durch und durch * ложное лицо. Бельтов романтик и pseudo ** -

* насквозь (нем.). — *Ред.*

** мнимо (греч.). — *Ред.*

сильный человек, хотя все-таки высокий человек. Бельтов — больной человек³. Иначе он бы рассчитывал свою силу и объект деятельности и нашел бы среду, где бы мог развернуть ее. Хватание за разные предметы без порядка — признак романтического брожения. Я думаю, неуменье отыскать самого себя в мире при огромном чувстве самобытности составляет последний фазис нашего романтизма. Неужели мы не перейдем этот рубеж? Досадно будет. Мне ни умирать, ни замирать ни в каком отношении не хочется.

Один пензенский медик рассказывал, что когда Цезарь перешел через Рубикон, то воскликнул: *plus ultra!** К чему я вспомнил эту глупость, черт знает!

Ну! прощайте! Ал[ексей] Ал[ексеевич] долго собирается. Не хочется не проводить его и ужасно надо бы домой. Я уж его тороплю.

Дайте руки! прощайте! На обороте пусть читает Марья Федор[овна].

Пиши чаще, однако. Иногда одиночество тягостно, ждешь как праздника дружной речи, толчка, поощрения или иных интересов.

Желт[ухин] уехал по части получения наследства.

Печатание моей статьи отложено, не знаю до каких пор, ибо одобрение получил, а почему отложено не знаю⁴. Поэма⁵ подвигается.

В вышеписанном расчете могут быть маловажные ошибки; я сделаю весьма отчетливую статью, вероятно для журнала Министерства государ[ственных] имущ[еств], в которой уже их не будет.

Наташа! Портфель мне нужен для письма, кожаный (*bivar*) и есть с пропускной бумагой, и чтобы в нем было место уложить сургуч, ножницы, ножичек, перо и карандаш; чтобы он был удобен для дороги и можно бы в него укладывать много бумаги. Хорошо, если к нему приделана чернилица. Надо, чтоб он запирался на замок. Величина его в лист бумаги. Переплетенной в него бумаги, кроме пропускной, не нужно. Дороже 50 р. [ассигнациями] дать не хочется. Не худо, чтоб был футляр или чехол.

* дальше некуда! (лат.). — *Ред.*

Е. Ф. КОРШУ

28 июня (1847 г. Ст. Акшено) ¹

Саго Корш! ² Много благодарю тебя за твое письмо; я давно ждал от тебя вести собственноручной и был рад, когда получил, рад в полном смысле слова. Благодарю и за газеты. Я намерен сделать по ним весьма серьезную этюду и, может быть, статью. Мои настоящие хлопоты и занятия ни на йоту не ослабили моего пристрастия к той стороне, и мне часто хотелось быть там, а не здесь. Здесь надо иметь страшное терпение, друг мой, чтобы выдерживать упорное неразумие общины, которое оскорбляет на каждом шагу, и делать свое дело по методу, не вовсе свойственной моему характеру, т. е. приказывать и требовать беспрекословного повиновения. Сколько ни стараешься достигнуть повиновения приобретением *доверия*, но нет! Мордовский ум так вот где-нибудь и прорежется и на минуту зарежет всякое желание работать. Но пока я терпелив и беру на себя до конца быть терпеливым. Я же, к несчастью, особенно поставлен в тяжелое положение хлопотать с мужиками, которых здравый смысл развращен влиянием многочисленной дворни со всеми ее лакейски-аристократическими замашками, местничеством и ленью, хлопотать с этой самой дворней и заставлять делать то, что хочу, стараясь обходиться по возможности без плантаторских средств убеждения. Все, что могу сказать, — это ужасно мудро. Но необходимо. Для собственных выгод мне надо систему барщинной работы свести на систему заплатного труда, и это никак не ложится в мужицкие головы ³. А ведь, кажется, неглупый народ, да вот с детства нянька зашибла; ничем не вразумишь.

В № 72 «Московских ведомостей» перепечатана статья из журнала Минист[ерства] государст[венных] имуществ, совершенно в моем смысле, а я ею недоволен. Недоволен потому, что цифры не верны. На этой неделе я напишу статью, дополнительную к оной ⁴. Расчет я вывел довольно отчетливо и не боюсь за него; написать ее мне недолго. Я ее тотчас пришлю к тебе, а ты, по усмотрению, помести ее у себя или перешли в редакцию журнала Министерства г[осударственных] и[муществ]. Я даже желаю, чтоб и тут и там была напечатана.

Весьма жалею, что статья в Соврем[еннике] печатать отложена. Она утратит свежесть, по крайней мере своевре-

менность, если будет напечатана позже. Но — *vaut mieux tard que jamais* *. Я хотел прислать ее тебе в рукописи; но сил нет переписывать, а переписчиков нет. На днях отправится в Москву Ал[ексей] Ал[ексеевич] ⁵. Он славный человек, Корш; я его от души люблю. Я его хочу просить передать тебе некоторые мои поручения, которые прошу тебя исполнить с достоюдолжным вниманием. Пока даю тебе еще поручения, которые более к спеху, а именно: 1) Убеди Лоскутова выслать мне поскорее пару сапог на пробках и пару сапог обыкновенных. Я писал к нему еще прошлой зимой, но не получил ни сапог, ни ответа. Что будет стоить, напиши, я деньги тотчас вышлю, ибо на днях надеюсь получить денег. Почему он тогда не выслал, не знаю; по недоверию что ли или по невнимательности, но дело в том, что заставил меня заказать в Пензе отвратительные сапоги. 2) Приищи мне на каком бы то ни было языке книгу а) о построении речных судов, б) о стройках вообще, т. е. курс архитектуры не в смысле изящного, а в смысле прочного, равно для деревянных и каменных строений. Первое мне нужно, потому что на будущий год хочу строить барку для сплава спирта, а последнее для домашнего обихода. Ал[ексей] Ал[ексеевич] придет в Москву в конце июля и пришлет мне обратно известный всем тарантас, который и его довезет к вам; в оном тарантасе пришли и вышереченные книги. Если ты убедишь Гранов[ского] написать мне хотя полстраницы, то сделаешь мне величайшее одолжение. Зачем же профессор оставляет меня в совершенной неизвестности о своей судьбе. Я ему писал и делал поручения насчет книг, журналов и газет; о последних он должен был осведомиться у тебя, как выписывать, т. е. многие губернские ведомости. Напиши мне, пожалуйста, об этом; я бы теперь же выписал. Время, время! Черт знает, как оно дорого, Корш! Как много дела, как мало делается, как много тратится на отдыхи. Нет! еще далеко я не пришел к порядку жизни, и это ужасно досадно. Вот провожу Ал[ексея] Ал[ексеевича], у которого я и теперь нахожусь, и распределяю себе все часы дня с решением не отступать от программы. Иначе пропадают часы, а *vita brevis* **. Оскорбительно *brevis* ***, и хотя я теперь совершенно здоров, а все же не думаю, чтоб долго мог прожить; по крайней мере не

* лучше поздно, чем никогда (франц.). — *Ред.*

** жизнь коротка (лат.). — *Ред.*

*** коротка (лат.). — *Ред.*

могу пожаловаться, чтобы не было мною предпринято всех средств для украшения * жизни; и чувствую теперь, что надо постараться дотянуть до 60. Иначе умру с неудовольствием.

Вчера писал к Герц[ену] и Марии Федоровне ⁶. Известия оттуда и у меня скудны. Письма коротки, мало видно из них из самих. — Я перечитывал: «Кто виноват?», чтобы оживить в памяти Герц[ена]. Недостатки этого романа, право, только стилические; или я его по пристрастию ставлю слишком высоко, или это не есть *только* беллетристическое произведение, как отзывались журналы. Мне оно скорее кажется глубокой психической этюдой. А между тем, признаюсь — и к Герц[ену] это писал, — Бельтов большое лицо, сколько он высоко ни поставлен ⁷. Может ли быть в оны дни не большое лицо — другой вопрос. Я думаю, что должно быть. Зрелость взгляда отрицания ради неполная зрелость, ибо невольно перебрасывает человека в романтическое отвлечение от деятельности. Внутри нас должен совершиться еще переход в положительную деятельность при всех скорбных задатках отрицания. Это необходимый переход, помимо которого не добьешься светлой, гармонической жизни, которая напомнит греческий мир.

Пробовал я перевести выписанные тобой четыре стиха из стансов Т. Муру

Her' is a sigh for those who love me
And a smile for those who hate,
And whatever sky's above me —
Here is a heart for every fate ** ⁸...

Пробовал и могу только повторять их на ***, повторять, насквозь прочувствовав их. Благодарю тебя за <то, что ты> их мне напомнил, да и себя напомнил ими. Я страшно понимаю, как они близки тебе, потому ли, что они и мне близки, или потому, что знаю тебя, или по обоим причинам; но с тех пор, как прочел их в твоём письме, вспоминаю их по нескольку раз в день. Благодарю за известие о детях. Расцелуй их за меня. Жму руку твоей жене... а туфли-то мои износились! Экая память у меня на

* Так в подлиннике. — *Ред.*

** Я о друзьях своих вздохну
И улыбнусь врагам.
За рок свой бросить не дерзну
Упрека небесам.

(Перевод С. Ильина.)

*** Далее слово вырвано.

иные вещи! Не знаю, как и когда я приеду, хотя страх хочется вас видеть. Никак прежде октября, а может и в ноябре; приеду месяца на два, не более. Полагаю, что в начале октября явлюсь, ибо хлеб будет убран и сахарный завод пущен; проработав на заводе недели две — *ep qualité d'ouvrier* *, я и отправлюсь к вам, а в декабре явлюсь домой работать на винокуренном заводе. Я убежден, что мне надо добыть и что я добуду очень много денег, а так как собственноручный опыт необходим для знания каждого дела, я просто хочу приняться на заводах за работу, переходя от черновой в должность *contre-maitre* **. Переделываю немного свой дом. Устраиваю лабораторию. Не приедет ли Грановс[кий] взглянуть на меня? Жду нетерпеливо от него письма; не заходил ли к нему мой поверенный, от которого жду нетерпеливо письма и денег, на сию минуту страшно нужных?.. Обделал, кажется совсем, — первую главу стихотворной повести. Как бы хотелось показать и услышать критику, чтобы или бросить, или с новым рвением продолжать 2-ю главу ⁹. Подчас одиночество очень тяжело, Корш. Нужно поощрение, симпатия; не то и мысль устает и больно пусто на сердце бывает, Ал[ексей] Ал[ексеевич], с которым очень много симпатичного, но есть и демаркация, демаркация, о которой я ему не говорю, но которую очень хорошо знаю, — и он уезжает. Остается Желт[ухин], который теперь уехал по части получения наследства. Я его очень люблю, но тут есть демаркация в самом сенситивном *** пункте; он же сам занят и очень хлопочет и строит огромную церковь, а живет от меня (в) 45 верстах. Итак, я очень один... Но взялся за гуж, не говори, что не дюж. Прощай, Корш, кланяйся всем. Гран[овский] прислал мне брошюрку Двигубского ¹⁰. Что за скотина был покойник!

50

А. И. ГЕРЦЕНУ

$\frac{4}{16}$ декабря (1848 г.) Деревня ¹

День св. великомученицы Варвары! Что ж из этого? Ровно ничего. Отрады от этого ни малейшей. Но я, саго тiо, не разделяю твоего мрачного взгляда на вещи,

* в качестве работника (франц.). — *Ред.*

** мастера (франц.). — *Ред.*

*** чувствительном (франц. sensitive). — *Ред.*

не смотрю с десперацией на Запад и не думаю, чтоб поселиться между Москвой и Акшеном было радостно ². Мы каждый в своем углу нетерпеливо переживаем всякую мерзость; личность оскорбляется, а мир идет своим порядком. От этого, конечно, нам не легче, но все же нет места для уныния. Пожалуй, сравнивай с древним миром, сравнение может stattfinden *. Пожалуй, изучай древний мир, оно может быть приятное препровождение времени. Да что ж ты сделаешь из этого занятия? Выведешь закон повторений Вико? ³ Да что ж тебе проку в этой сравнительной анатомии истории? Ведь все же данные другие. Тип человечества сохраняется во всех происшествиях, как сохраняется тип животного во всех породах. Но, приняв это за вечную истину, я лучше люблю исследовать все данные новейшего организма. Об этом много можно поговорить. «Contradictions en économie p[olitique]» ^{**4} навели меня на ряд мыслей, которые мало-помалу придут в порядок. Работы ужасно много, друг мой! С сожалением смотрю на трату времени, которая необходимо связана с жизнью. Не ленюсь, но каждый момент страшно дорог. Я недоволен своим существованием, однако работаю насколько могу. В продолжение 2-х или 3-х лет надо кучу вещей передумать и сделать. А после этого я не намерен оставаться в деревне, так как до тех пор не намерен почти выезжать из *оной*, и, кроме занятий; составляющих самый внутренний запрос, намерен нажить много денег, находя, что на этот счет Русь представляет Индию. Благодарю тебя за 25 т[ысяч] сер. Я их получил, и все сделано по форме. Надеюсь в два года не погибнуть и расквитаться с тобой совершенно. Ты меня совсем поставил на ноги. Год этот в хозяйственном отношении страшно труден, и без твоей помощи при всех предпринятых делах я мог сесть на мель. Спасибо!

С сею почтою посылаю 1000 целков[ых] m-me Og[areff]. Ты про нее пишешь, что она попрежнему представляет бочку дегтю и ложку меду и наоборот; я нахожу, что все женщины в мире то же представляют, кроме двух Наташ ⁵. А две Наташи я черт знает как люблю. Здешней Наташе жить довольно плохо. Ал[ексей] Ал[ексеевич] сидит верхом на приличиях, созданных по уездному покрою; я с ним на этот счет имею переписку. Он немножко подался, но все это

* иметь место (нем.). — *Ред.*

** Противоречия в политической экономии (франц.). — *Ред.*

бесплодно. Вероятно, и не раз случится с ним об этом поспорить, но все бесплодно.

Я примирился с Нат[альей] Апол[лоновной] ⁶. Вижу в ней просто, хотя и глупую, но несчастную женщину. Ал[ексей] Ал[ексеевич] с ней просто задорен: в нем бездна мелкого самолюбия и мелкого деспотизма. Но я гляжу на него почти *sine ira* *, как на огромный капитал, растроченный в мелочной торговле. Не знаю, чем помочь детям. Выход им отчасти будет только, когда вы, *carissimi*, воротитесь сюда. Наташа! а Наташа-*Consuela* ⁷ — чудесное существо. Если я когда-нибудь выхожу из чувства глубочайшего одиночества, это только с ней, и она для меня с каждым днем становится необходимей. Когда вы воротитесь, приезжайте прямо ко мне. Захватите профессора *in spe* **, и тогда все будет со мною, что я люблю. Больше мне никого лично не надо. Каково ограничивается горизонт сердца, когда взгляд становится беспощадно ясен! И не то, чтобы я не любил прочих; люблю и рад им, да не составляют они того, без чего мне жить нельзя. Я, впрочем, боюсь сродниться с чувством одиночества; *Hang* *** имею к этому. Минута, в которую мы таким образом здесь съедемся, будет лучшею в моей жизни. — Ну! чем же я еще занят, спросишь ты. *Naturwissenschaft, caro mio*. **** Это тоже *Hang*. Может, и я под конец жизни сделаюсь специалистом.

Читал ли ты в «Современнике» статьи Грановского? ⁸ Вот тебе для сравнительной анатомии истории живо написанные статьи. Вообще он с того времени, как вы расстались, развился и стоит совершенно по сю сторону. Да, кроме того, люблю я его женственность; все вместе делает из него благородную и изящную личность. Ужасно люблю его.

Наташа! вот тебе письмо от Наташи. Пиши к ней через меня. Доставка наверное не будет замедлена. Адрес мой тот же.

Прощайте, *carissimi*! Крепко жму вас к сердцу. Нужно вас видеть и кажется, что нужно видеть здесь.

Да! Сашку целую в лоб и желаю, чтоб этот лоб был хорошо организован. Скажи ему, Наташа, что Беннет спился,

* без гнева (лат.). — *Ред.*

** в будущем (лат.), т. е. будущего профессора. — *Ред.*

*** склонность (нем.). — *Ред.*

**** естествознание, дорогой мой (нем. и итал.). — *Ред.*

а Нонче умер, а Кортик стоит на стойле; а собака у меня новая и называется Минна.

Ну! Кланяйтесь всем. Addio!

Микроскоп привези или пришли. Деньги на этот счет затрать за меня. У меня все же нет денег. Твой капитал рассорти[ро]ван так, что все же до будущей осени будет голодно.

Посылаю Марье Львовне письмо, в котором извещаю ее о высылке 1000 р. сер. от Колли и Редлиха. Анvelope * будет тоже на твое имя к Ротшильдам. Извини за комиссию, боюсь, чтоб как-нибудь не залежались где-нибудь деньги, и скажут, что я, дескать, не кормлю и не пою.

Ну! прощайте совсем, дайте еще раз руки.

51

ИЗ ПИСЬМА Н. А. ТУЧКОВОЙ

(1—2 января 1849 г.)¹

2 часа дня. Я опять становлюсь зол и грустен. Все надоели мне до смерти. Сегодня я чувствую себя поистине одиноким, милый друг, и ничто не может утешить меня. Если бы я мог на минуту увидеть вас — вот все, чего я мог бы просить за эти восемь дней, и был бы доволен. Я ушел и заперся у себя в лаборатории. Однако нужно твердо решить не поддаваться чувству грусти, весьма, впрочем, естественному, и внутреннему неудовольствию, которое меня раздражает ежеминутно. Надо быть сильным и ждать даже самых скверных вещей, не морщась. Но разве так трудно быть нравственно сильным, если чувствуешь, что в тебе заложено счастье, в котором не сомневаешься. — Вчера дорогой я думал, что нам обоим не хватает одной вещи, которую мы во что бы то ни стало должны добыть трудом, терпением, энергией. Это внутренняя гармония. Я говорю, что нам ее не хватает, потому что мы часто отчаиваемся. Поэтому, когда какая-нибудь мысль или чувство нас захватывает, мы теряем равновесие в жизни, что ведет к раздражительности, которая есть вовсе не сила, а — по волю себе так выразиться — нервная болезнь. Гармонией

* конверт (франц. envelope). — Ред.

я называю согласную деятельность всех способностей — мыслить, чувствовать и действовать. Возможно ли добиться ее? Или же я создаю слишком гордый идеал человеческой жизни, индивидуальную утопию? — Конечно, это — осуществление социальной утопии; она должна дать возможность каждому индивидууму достигнуть этой личной утопии, которая — что бы ни говорили — есть завершительная цель общежития; но в наш злосчастный век не должны ли сильные люди опередить прочих? Не должны ли они завоевать эту гармонию, несмотря на страдания, составляющие сферу, в которой мы живем? — Милый друг! Хорошо, что вы не верите, будто я человек без принципов; иначе вы улыбнулись бы перед этой попыткой создать для себя жизнь с несколько более глубокой моралью, чем мораль повседневная, которая влачится в грязи, стараясь скрыть пороки и добродетели, отвергнутые большинством. Честное слово, — я человек глубоко нравственный, и я думаю, что жизнь слишком серьезна, чтобы можно было шутить с нею, безразлично, опьяняясь ли или превращая ее во что-то вроде парада, на котором уважают все мнения, кроме своего собственного, мнения истинного (а для индивидуума истинное мнение — только собственное, составленное без лицемерия и хранимое до тех пор, пока его не вытеснит взгляд противоположный). Жизнь — вещь серьезная и чрезвычайно нравственная. Мысль, чувство, действие, знание и счастье — вот начала, которые должно сочетать в такую полную гармонию, чтобы индивидуум мог возвыситься над страданием, в наш век неизбежным. В искусстве древних было чувство меры, пропорции — оно-то и составляло *прекрасное*. Я требую в жизни этого чувства меры (Μαβ), которое соединяет все составные части в одно гармоническое целое, чтобы жизнь была прекрасна. Да! наш долг сделать жизнь изящною, даже если бы она была трагична. — Нервная система устроена так, что чувствительные нервы получают впечатление извне и на него реагируют, что и вызывает чувство; нервы двигательные получают впечатление из мозга и на него реагируют, что и вызывает действие, проявление мысли, т. е. волю. Человек создан для того, чтобы воспринимать все впечатления мира, сочетать их в своей мысли и из этого сочетания создавать волю, так, чтобы она могла в жизни развиваться и образовывать жизнь, вполне гармоническую; это похоже на то, как тема проводится и развивается во всех своих направле-

ниях при помощи всех возможных звуков для того, чтобы образовать *единую* симфонию. Не знаю, понятно ли я говорю. Знаю одно, то, что я говорю или хочу сказать, — глубоко нравственно. Я так же точно не знаю, не скучно ли вам читать этот экскурс, диссертацию или как еще назвать. Нет, простите, милый друг, я знаю, что вам это не скучно, во-первых, потому, что это моя затаенная мечта, во-вторых, потому, что в ней есть истина, в-третьих, потому, что вы знаете, что если бы даже у меня было довольно силы, чтобы создать из своей жизни симфонию, то самым необходимым звуком, аккордом, мелодией (называйте как хотите), были бы вы. Иначе я убью музыканта, прежде чем он кончит свою музыку. — Черт возьми! Мне кажется, что я пишу в романтическом стиле. Это смешно. Однако это исходит из сердца...

...Часть вечера я читал вслух роман Некрасова и несколько подозрительно покосился на злосчастную обложку, которая одна, я думаю, может бороться с судьбой и на несколько дней отсрочить отъезд. Но это шутка! Я постараюсь помочь судьбе наперекор обложке. Все эти маленькие подарки причиняют мне боль. Есть что-то подлое в жалости, а еще больше в противоположном. Вот и вносите гармонию в такие вещи! — Но довольно об этом. Книга приходит к концу. Я вам скажу несколько слов о романе Некрасова и Студницкого (ведь он написан ими вдвоем) ². Я прочел несколько глав. Канва великолепна. Но слишком много скучного. Бесконечные подробности и больше подробностей описательных, чем относящихся к характерам. Действие живее, чем действующие лица, и подробнее разработано. Не знаю, что будет дальше, но то, что я прочел, могло бы быть сокращено наполовину и оттого выиграло бы в энергии. Впрочем, у меня нет веры в роман, который писан а *duo* *... ³

52

ИЗ ПИСЬМА Н. А. ТУЧКОВОЙ

(3—6 января 1849 г.) ¹

...Сегодня стану писать Герцену. Его письмо грустно, более чем грустно, в нем слышно совершенное уныние ². Я этим недоволен. Я недоволен философией его письма.

* вдвоем (итал.). — *Ред.*

Есть вещи, о которых нельзя горевать. Например: о том, что мир так устроен, что человек от болезни может умереть. С беспокойным участием читал я рассказ о болезни Таты, и мне вдруг пришло на мысль:

«Пофилософствуй! ум вскружится!»... и т. д.

Отчего же мне повеяло философией Фамусова из письма Герцена? Он виноват или я? Это меня злит. Потом: «Знаешь, что я начинаю думать в противоположность громким сентенциям, что именно отдельные люди и бывают хороши, а человечество никуда не годно. Вот отчего Евангелие и говорит о ближнем, а не о сумме суммарум»³. — Вот что: это романтизм! Да кто же его просил давным-давно не отстать от громких сентенций *des Geistes* * в противоположность природы? Ведь я не знаю иных сентенций, как сентенции германской метафизики о духе, развивающемся в человечестве, в противоположность природе, стоящей на одном месте. Дух штука неопределенная и романтическая. Шеллинг назвал его: *das Schwebende* **. Я не знаю лучшей критики на слово «дух», как это наивное определение посредством неопределенности. И что же мудреного, что только отдельные люди бывают хороши? Разумеется, если мы посмотрим с точки зрения добра и зла, то найдем только отдельных людей хорошими, точно так же как найдем с точки зрения изящного только отдельных людей красивыми. Что же это доказывает? Ровно ничего. Человечество не знает ни добра, ни зла; это абстрактное общее название суммы людей; различия нам представляются только тогда, когда мы среди этой суммы будем выбирать и сравнивать единицы. Это очень естественно. Но надо заметить, что уж самая идея суммы показывает однородность слагаемых, и нельзя у человечества отнять *единства натуры*. Порода собак тоже имеет единство, органическое единство, т. е. какая бы ни была сумма собак, все собаки, и вновь родятся только собаки. Это род. Я не придаю и человечеству иного романтического единства. Его единство также органическое единство рода; но сущность-то этого единства: *сознание*, сущность, способная к развитию; от этого и не отнимет ученый друг, — никак не отнимет у человечества солидарности в прогрессе. А с моральной точки зрения добра и зла я не знаю, хорошо или худо человечество, да

* духа (нем.). — *Ред.*

** витающее (нем.). — *Ред.*

и знать не хочу. Это все равно, что спросить, хороша или дурна вселенная. Общее равнодушно к моральной точке зрения, потому что не подчиняется ничему, никакой точке зрения, а все захватывает в себя. Капля жидкости, в которой развились инфузории, — вот абстрактное равнодушное общее; а движение, жизнь — это отдельности, это инфузории. А между тем общее имеет вот какой важный смысл: имея общее сознание вселенной, мы убеждены, что мир никогда не разрушится, ничтожество невозможно; имея общее сознание *человечества*, мы убеждены в прогрессе. Зачем же метафизическое отчаяние о делах мира сего?

Боже ты мой! милая m-lle Consuela! только проснулся и стал писать вам quasi * германскую диссертацию, которая ведь собственно назначена была для Герцена, и, вероятно, надоел вам. Вы еще полны письмом Наташи, ее любовью к вам. Я думаю, вам в эту минуту хорошо жить! Сторона чувства сильнее захватывает человека, чем метафизика. Скажите, ведь вам хорошо жить? Довольно вашей симпатии к Наташе, чтоб жить было хорошо и умирать бы не хотелось! — У меня больше, чем когда-нибудь, ожили мечты (à la ** Манилов), что будущая осень застанет нас 4-х в Акшене. Мне хотелось бы хотя на несколько дней этой полноты симпатии и любви. Может, в жизни лучшей минуты не будет, разве на баррикаде. Не забудьте, что если нам суждено погибнуть на баррикаде, то я с вами a due *** хочу погибнуть; т. е. хотел бы... Да! в минуту смерти я хотел бы совсем полной жизни!..

53

А. И. ГЕРЦЕНУ

⟨Акшено.⟩ 3 февраля ⟨1849 г.⟩¹

Вместо длинного письма в ответ на твое длинное², саго тiо, я могу только написать несколько слов. И не очень хочется писать, и некогда. А опаздывать отправкой сих посланий не могу. На днях еду в П[e]т[е]рб[у]рг³ и потому адресуй письма в контору Языкова. Из наших писем к На-

* почти что (лат.). — *Ред.*

** наподобие Манилова (франц.). — *Ред.*

*** вдвоем (итал.). — *Ред.*

таше узнаешь многое. Рекомендую и тебе *discretion* * и осторожность. Я Ал[ексеем] Ал[ексеевичем] в последнее время более доволен. Он поступает недурно; а некоторые исторические предрассудки нельзя не простить и не уважить, когда весь род человеческий почти à l'unanimité ** их уважает. Пожалуйста, если будешь желать быть мне полезен в Париже, то веди себя с расчетцем.

Из твоего послания мне сдается, что, увлекаясь сравнительной патологией, ты ждешь второй миграции для спасения людской породы. Изволь: я, пожалуй, признаю сравнительную патологию в истории, но тогда сделай и ты мне уступку и займись патологической анатомией древнего мира. Укажи мне, где его дикие, но здоровые варвары в наше время? Я их не вижу. Потом: когда древний мир умирал, из него вырабатывалась новая задача — романтизм, штука, имеющая почву *in excelsis* ***, а задача нашего больного — реальнейший реалитет. Ergo, и внутренние элементы болезни, и реакции организма, и внешние географические условия совсем иные. Сходство только в общем признании патологического факта. Для спасения больного никакого нет средства, кроме реакции его собственного организма против болезни. А так как другого средства нет, то поневоле надо согласиться, что больной должен выздороветь, потому что вечных болезней нет, а смерть в этом случае невозможна. Я думаю, ты слишком вразброд смотришь на факты и не замечаешь деятельного принципа выздоровления, который, очевидно, находится в ходу.

Вот тебе и все. Больше говорить не хочется. В Петерб[урге] займись патологической анатомией и химией прилежно.

Ты находишь, что я юн в 35 лет. И да, и нет! Во всяком случае, бодр и *не разочарован*. Люблю отдавать каждому чувству, факту и человеку достойное и, раз оценив, храню или бросаю, нисколько не теряя веры в лучшие стороны жизни.

Прощай! Крепко обнимаю тебя!

Когда волна вынесет: или ты будешь, увидимся или в Мордасах, или в Bellevue.

P. S. Хочу писать биографию Ильи Вас[ильевича] Селиван[ова] ⁴, которая начнется так: «Ил[ья] Вас[ильевич]

* сдержанность (франц.). — *Ред.*

** единодушно (франц.). — *Ред.*

*** в небесной выси (лат.). — *Ред.*

С[еливанов] родился в 18... году от рязанских, но благородных родителей».

Никол[аю] Иван[овичу] ⁵ стану писать из Петер[бур]га.

Юману, пожалуй, заплати, да если уже ты в такой охоте платить портным, то заплати и за меня Blaiz 600 франков.

Целую тебя за микроскоп. Вещицы к нему прикупи же. Кстати закажи мне отличный стетоскоп и плессиметр. Надеюсь, что все это вышлешь к Языкову. Я бы нынешнее лето шибко поработал.

54

А. И. ГЕРЦЕНУ

⟨Петербург. Февраль — март 1849 г.⟩¹

Прилагаемое письмо и вексель доставь Марье Львовне. Жду от тебя вести и не дождусь. И хорошо жить вообще, но иной раз нестерпимо утомительно. Пиши скорей.

Еще я тебе должен ответ на нападение за мои занятия медициной. Ты говоришь, что это наука абнормитетов. Вот с этим воззрением я прямо не согласен. Это наука известных норм, и только. Конфликт известных влияний вызывает в организме определенный тип реакции. Разве это Abnormität? * В таком случае и химическое разложение кристалла абнормитет? Неужели ты с этим не согласен? Да, наконец, что подвигает физиологию, как не патологические опыты? Защитив в сих коротких словах медицину, советую тебе почитать «Патологию» Генле² («Handbuch der rationalen Pathologie» von Henle**. Braunschweig. 1847). Засим прощайте, carissimi. Наташа вас обнимает.

55

А. И. ГЕРЦЕНУ

⟨Учь-Чум.⟩ $\frac{17}{5}$ июля ⟨1849 г.⟩¹

Вы, верно, не знаете, carissimi, местечко Учь-Чум, а на карте его не сыщете². А между тем это одно из самых лучших мест в мире, лежит в горах, окружено роскошной и

* отклонение от нормы (нем.). — *Ред.*

** «Справочник рациональной патологии» Генле (нем.). — *Ред.*

разнообразной зелены, а за четверть версты видно море. Я редко видал такое раздолье жизни: если бы еще несколько удобств да не такая татарщина, чудо как бы хорошо было. Да нам и хорошо бывает в те минуты, когда задние мысли исчезают. Мне вообще лучше, чем Наташе; как бы то ни было, для меня разлука менее чувствительна и потому, что я менее привык к близким людям, и потому, что знаю, как вместе с ними бывало скверно.

Впрочем, я должен реабилитировать А[лексея] А[лексеевича]. После трех месяцев тяжелой борьбы, в которой он не мог быть и не был хорош, он уступил благородно не столько из убеждения в истине, сколько из любви к людям, и тут я открыл в нем более нежные струны, нежели какие вы могли слышать. Вот уже месяц как мы расстались, а от него ни строчки. Беспокойство Н[аташи] растет, и мне самому подчас не только за нее, но самому по себе жутко становится. Глупо это! Все условия счастья, все условия наслаждения жизнью — и всякого рода смутные, задние мысли мешают ясности существования.

Теперь мы как-то попали в *demi-mesure* *: уехали от семейства и не встретились с вами. Но я надеюсь, что ваше здоровье недолго будет задерживать наше свидание. Куда бы хорошо было с вами здесь! Мне часто это приходит в голову, но, разумеется, бесплодно. Как давно мы не были вместе, а несмотря на разницу характеров, мы самые близкие люди. Я это наиболее почувствовал при выезде из столицы. Черт знает, как мне тяжело было выезжать, хотя ехал с полным упованием в счастье. Невольно я чувствовал, что с большей частью людей связи, порванные внутренне, разрываются географически ³. Это чувство производило во мне тяжелый холод, и теперь я не могу отвязаться от него. Вспомни юность, саго, и ужасно неловко подумать, что с тех пор бесплодность жизни каждого втолкула в одиночество, из которого косо посматривают друг на друга. *Sic transit gloria mundi!* **

Читаю я здесь кой-какие газеты. Черт знает, как там скверно ⁴. Я ударяюсь в специальность более и более. Видя, что здесь неудобно заняться анатомией и патологией, я направил все внимание на химию. Занимаюсь немало и попадаю на методу действительно близко познакомиться с

* полумеру (франц.). — *Ред.*

** Так проходит слава мира! (лат.). — *Ред.*

фактами. Я занят теперь квалитативным * анализом неорганических веществ. Я думаю, ты легко догадаешься из предыдущего, что цель моя — патологическая химия. Пора свести многосложные явления на химико-механические законы. Покажи логическую простоту существующего, и основная дурь в понимании должна разлететься.

Я хотел писать много, но, кажется, пора посылать на почту в соседний город Ялту (его найдешь на карте), да и что-то не так и не то говорится.

Где вы? что вы? все те же ль вы? Здоровы ли вы? Пишите в Одессу на имя Александр[а] Федоров[ича] Богданова, в театральном доме ⁵.

Addio! Обнимаю вас крепко. До свиданья!

Я calme ** — и таковым пребуду навсегда с истинным моим к вам почтением и таковою же преданностью...

Наташа! поцелуй за меня Сашу, Тату, Александр[а] и себя.

Grüssen sie und drücken sie die Hände
Den Damen und Herrn,
Von denen wir fern;
Den Herrn und Damen,
Mit denen wir nicht beisammen ***.

Нас провожали Тат[ьяна] Ал[ексеевна] и Астрак[ов] ⁶. Я с ним в последнее время много сблизился. Это один из лучших, благо[ро]днейших и теплейших людей. Его не довольно ценят. Да и в логичности ему господь не отказал. Выпей за его здоровье.

56

С. И. АСТРАКОВУ

Учь-Чум (начало августа 1849 г.) ¹

Давно собираюсь писать тебе, друг Сергей, и все не мог собраться. Мне хотелось сказать тебе очень много, и не решался, многое не формулировалось, а так писать, что,

* качественным. — *Ред.*

** спокоен (франц.). — *Ред.*

*** Кланяйтесь и пожмите руки

Дамам и господам,

От которых мы далеко,

Господам и дамам,

С которыми мы не вместе (нем.). — *Ред.*

слава Богу, здоров, — не стоит того; и теперь я не совсем в хорошем расположении духа, чтобы писать, но три причины заставляют не откладывать долее: 1) ты, может быть, недоволен мною за молчание, 2) поручаю тебе передать как можно скорее прилагаемое письмо Грановскому или Кешке², 3) глупо ли, нет ли, хочется с тобой поговорить.

Ваше горячее участие в нашей судьбе осталось у меня в памяти. Дайте вас обнять, Сергей и Т. А.³, я чувствовал, что вы нас любите, и поехал под этим впечатлением. Право, я не могу забыть того вечера и этот трактирчик: и гроза, и чувство счастья и скорби, которыми я был полон, и ваше симпатичное провожанье, все это часто приходит на мысль⁴. И хорошо и тяжело становится, когда вспоминаешь. Но *satis* *! не хочу впадать в чувствительность, не потому, чтобы боялся упрека в сентиментальности, а потому, что есть вещи, которые слишком тревожно захватывают, и внутреннее равновесие более всего нарушается.

В ту минуту я понял, Сергей, что между нами есть страшно много точек соприкосновения, симпатий, даже теоретических. Я думаю, что последними шутить нельзя, в самом-то деле, только они несколько просветляют личность, они делают для нас человека симпатичным или нет.

Ты, может быть, спросишь, что же я сделал в эти два месяца для теоретических потребностей. Вот об этом-то очень бы хотелось поговорить. Мне жестоко жаль, что тебя здесь нет. Вдвоем можно бы более делать, явилось бы более запросов в науке. Приехав сюда, я увидел невозможность заняться физиологией, не достанешь предметов для скальпеля, а я еще без скальпеля не могу понять.

Мне нужна наглядность форм для того, чтобы понять жизнь организма. Убедившись в этой невозможности, я принялся за химию. Не могу сказать, чтобы для химии здесь было под рукою все, что нужно, но много из нужных предметов есть. Я брал для анализа вещества, мне неизвестные. Прокопавшись над этим бесплодно недели две, увидел, что делаю вздор, и принялся пытаться отношения всех известных тел, какие могу достать (и в известном порядке), на реактивах. Дело пошло хорошо, даже очень хорошо. Практической частью я очень доволен. Я ознакомился с разными веществами; дней через десять я это занятие покончу и примусь опять, уверен, с большим успехом, за неизвестные

* довольно (лат.). — *Ред.*

вещества. Я в мое пребывание здесь приобрету новые приемы в анализе. Но теория — это другого рода дело. Мое невежество в математике и физике меня останавливает на каждом шагу. Я чувствую, что скоро должен приняться за математику; без механики едва ли можно сделать достоверный шаг в химии. Конечно, но тебе эта фраза покажется странною. Чем больше я осматриваюсь, тем больше мне становится ощутительным, что каждое химическое сочетание, каждый осадок, каждое образование кристалла повинуются часто математическим законам. Даже — но это слишком gewagt* — даже эти мистериозные сродства, где одно тело уступает другому свое место в сочетании, в котором находилось, — может быть просто повинуются законам тяжести. Заметь, что тело, которое не растворяется в воде, производит осадок, а тело, которое растворяется в воде, не может превышать удельного веса 1. Ты скажешь, что это положение требует доказательств. Весьма согласен, но не думаю, чтобы доказательства были не в пользу. Впрочем, я и не говорю, чтобы одна тяжесть участвовала в необходимости тел сочетаться или нет. Сочетание, как и всякое явление, есть результат всех элементарных сил, его производящих; но тяжесть тут должна уходить на многое. Уже одно то, что иные тела не могут разлагаться или соединяться иначе, как при известной температуре, доказывает мне вот что: что отношение температуры изменяет отношение веса и объема (плотность), следственно изменяет тяжесть. Кстати, о плотности и пр. Цифра мне трудна, и вдобавок есть расчеты, которые мне кажутся страшно бесплодными. Во-первых, я прошу у тебя объяснения: что такое удельная теплота. Я иначе не могу понять этого, как % температуры, при котором тело не изменяет своей формы, рассчитанной относительно известной единицы. Книги меня смущают: кажется, они разумеют что-то другое, и я прихожу в смущение.

Напиши мне, пожалуйста, обо всем этом, я прошу, ибо не знаю и недоумеваю. — А что такое atome, molecule, particule? ** Что такое закон отношения числа частичек (molecules) к объему тела?... Вспомнил еще, что все тела равно тяжестенны в безвоздушном пространстве, тут и вес-то покажется результатом тяжести тела и сопротивле-

* рискованно (нем.). — *Ред.*

** атом, молекула, частица (лат.). — *Ред.*

ния среды, отношение которых есть давление. Вес и давление, может быть, это одно и то же. Или я уже запутался? Устал писать. Будет об этом. Еще я читаю контрадикции. Но об этом говорить не хочется. А желал бы еще свидеться. Может быть! Когда? Не знаю! Ну! Это струна, которая звучит болезненно. Чувствую, что на месте долго не проживу, да и домой хочется.

Получаю кой-какие газеты, читаю всегда последний номер и чувствую при этом чтении неопределенную скуку. Видно, политический мир меня мало интересует. Я бы скорее согласился ехать в Калифорнию, чем принимать в нем участие. А что в самом деле? Не съездить ли нам в Калифорнию, как ты думаешь? Пока я в Крыму, и хорошо здесь, потому что природа богатая и живется. Ну! прощайте, будьте здоровы и пишите немедленно. Мне пора на почту.

Адрес мой или на мое имя в г. Ялту (Таврической губернии) или в Одессу Ал. Фед. Богданову, в театральном доме, с передачею.

57

М. Н. ОСТРОВСКОМУ И В. Н. КАШПЕРОВУ

18 апреля (1852 г.) ¹

Messieurs, крепко благодарю вас — Островского за письма, а Кашперова за приписку и обоих за память. Вот уже почты три, как я собираюсь к вам писать, и все ждал и все не решался. Но, получив вчера послание, уже не могу пропустить этой почты. — Начну с вашего письма. Первое, что вижу, это у Михаила Николаевича была лихорадка. Ну! как же теперь? А в особенности желаю знать, прошла ли нога ваша, Владимир Никитьевич, без последствий? Должно быть, что да, потому вы мне об этом ничего не пишете, но все же я желаю иметь известие определенное. Теперь перейдемте к Моцарту. Что критика не установилась в музыке, об этом я не сомневаюсь, потому что музыка всего более ускользает от определений; я даже думаю, что и во многом другом критика не совсем установилась. Заметьте, что пущенное в мир Гегелем название: художественное и рассуждение — в особенности у нас жило, жило, да и то начинает надоедать. А вот что меня потешило, так это мажорный аккорд природы и минорный человека! А ведь, как вы думаете, в блаженные времена Гофмана и

Новалиса это было бы очень эффектно, и не одна бы барышня над этой мыслью томно задумалась и вздохнула бы всею грустью минорного аккорда, страдая всеми страданиями человечества. А нынче уж этим не надуешь! Не говоря уже о том, что, вероятно, Улыбышев² не слышал ни птиц, ни бури, ни леса, ни ручья, словом, ничего минорного в природе; но он смешал очень различные вещи: одну ноту и музыку. Действительно: ударьте на хорошо настроенных фортепьянах С и держите, прислушиваясь; вы услышите квинту g, потом дециму (т. е. терцию) e. Кажется, perfectaccord? * Не тут-то было: слушайте дальше, и вы услышите малую септиму b, и если вообразить продолжение сотрясений, то вы перейдете во все возможные модуляции, которые равно существуют в природе и человеке, т. е. в акустике и в музыке. Или этот господин считает акустику не за теорию пространений звуков в природе? А между тем полагает малую терцию за сладкую имагинацию ** человека, несуществующую в физическом мире? Ох, уж эти мне идеалисты! Горло не передаст того, чего нет в слухе, а мозг не воспроизведет сочетаний звуков несуществующих, иначе выйдет не музыка, а... мнение г-на Улыбышева. Впрочем, что я расписался об этом? Самому скучно. Да что ж делать! Не люблю фантазий (заметьте ∪ над и и не подумайте, чтоб я не любил фантазию).

Notturmo *** ваш мне не нравится, Островский! Не сердитесь на меня за это. Четыре первые стиха хороши, но картина природы в них недорисовалась. Во вторых четырех стихах мне не нравится «у корня березы». Корень-то мне и не нравится, именно потому, что корень один и виден, а поэтический образ березы исчез. В третьем четверостишии замечу две вещи: 1) «Ты вдруг покоряясь чувству невольню»... Какому чувству? Мне кажется, что вы тут просто хотите намекнуть на физиологическое впечатление лобзания. Слово «страсть» было бы тут яснее. 2) «Рыданье» и «лобзаньем» не может составить рифмы. Правда или нет? Если правда, то вы не рассердитесь, а если неправда — дайте антикритику, за которую я не рассержусь. В самом деле, вы хотите вступить на попрание поэзии? Эх! Остров-

* Музыкальный термин — широкое расположение трезвучия (итал.). — *Ред.*

** Имагинация (франц. «imagination») — фантазия. — *Ред.*

*** Ноктюрн — итал. музыкальный термин. — *Ред.*

ский! Одна поэтическая струна эпохи Пушкина и Лермонтова прошла, а новой нет! Комедия, сатира и Иеремиада — вот что еще возможно. Перечтите в IX томе Пушкина «Однажды странствуя среди долины дикой»³. Конец этой пьесы будто обещает новую тему для поэзии, но до этой темы не дошел ни он, да и долго никто не дойдет. Греческая поэзия Щербины вытянута из небывалого чувства. Почитайте ее подольше, и вам невольно будет слышаться, как автор себя подлаживал и натягивал на одну тему, которая далека от сердца поэта и читателя⁴.

Перейдемте от поэзии к политической экономии. Это тоже поэтическое настроение для современного мира. Я газет давно не читал. Но, признаюсь, министерство, противное свободной торговле хлебом, более меня интересует, чем президент франц[узской] республики. И вот я возьму у соседа газеты и стану читать Англию, а остальное не стану...*

Кашперов! Просматривал я ваши песни и с большим удовольствием, потому что в них много хорошего. Но, пожалуйста, вы на мой музыкальный суд не полагайтесь нисколько, ибо тут я должен сознаться в огромном невежестве. Мне всегда нравится вещь, которую кто-нибудь хорошо поет, т. е. с должным выражением. Я не могу отвязаться от простого впечатления, а разбор мне почти невозможен. Если я и решусь что заметить, это только то, что я желал бы в ваших песнях больше целостности. Как бы это выразить? Ужасно мудрено! Вот видите ли: возьмите романс Шуберта. Тут есть что-то господствующее, тема господствующая, которая, несмотря на все отклонения, вариации и вставочные темы, дает всему романсу совершенную оконченность. Мне кажется, этого вы еще не достигли. А впечатление, как оно осталось у меня, когда вы мне пели ваши песни, впечатление очень памятно, стало хорошо. Одна только песня ваша, в которую я совсем влюблен, ту я пел и играл ужасно часто, так что она мне звучала в ушах по целым дням, на нее я сделаю замечание, потому что решительно хочется, чтоб она была цельным русским лирическим произведением. Это Волга-матушка широкая. Вот 3 замечания: 1) прелюд от нее вещь оторванная, 2) она начинается в *des-dur* за тактом, а кончается в *b-moll*. Это и производит впечатление недоконченности. Как бы это

* Очевидно, утерян внутренний лист письма. — *Ред.*

устроить? А, пожалуйста, устройте, потому что больно хороша пьеса, 3) в движении аккордов * есть кажется *ges, des* и *cg* две квинты и две октавы *bb* и *cc*, не нужно ли сделать так: * ? (Кажется, в обычном виде выйдет терц кварте аккорд). А впрочем, спросите кого познающее, ибо я за свое мнение не отвечаю, тем более, что впечатление для слуха хорошо. — Если я в последнем мнении об аккордах ошибаюсь, то, пожалуйста, напишите мне, почему я ошибаюсь? Это уже мое личное требование по части музыкальных законов.

Ну! теперь о себе. Это время я провел нехорошо. Сперва досада, потом апатия, теперь немного налаживаюсь опять. Расскажу по порядку. Начну с досады. Но это длинно, и потому начну на следующей странице.

Помните, я вам рассказывал, что у нас умер сосед Григ[орий] Алекс[андрович] Римский-Корсаков, человек весьма замечательный и с которым Тучков был дружен 33 года ⁵. Чувствуя, что он не выздоровеет, он диктовал Тучкову завешание, по которому недвижимое имение предоставил племяннику (от сестры рожденному) Волкову, а движимое — сестре Волковой. Подписывать он не мог и велел на основании статьи св. \langle законов \rangle подписать за себя Тучкову. Я находился тут и был свидетелем, потом другие. Все как следует. Тучкову, как видите, он ничего не завещал. Волкова мы, т. е. ни я, ни Тучков, в глаза не видавали. Брат покойного, который разбит параличем и боится жены, следст[венно] не брат, а жена брата взъелась на это. А губернатор наш по ненависти к Тучкову начал следствие с жандармск[им] полковн[иком] о неправильности духовного завешания прежде, нежели духовная была явлена. О фальшивости, видно, не смели сказать. Надеюсь, что вы меня настолько знаете, чтобы быть убеждену, что я не стану свидетельствовать ложно. Сколько тут было клеветы — и судебной, и общественной — со стороны врагов, разумеется! Поймите же хорошенько: можно ли производить дело о неправильности того, чего никто не видал. Наконец, приводили к присяге подкупленных крепостных людей и думают, что этим что-нибудь сделают. Нет! Это казус, где, мне кажется, можно найти правосудие повыше. А каково? А? спрошу я в свою очередь. Впрочем, при свидании расскажу вам подробнее. Теперь понимаете ли досаду? Поймите и апатию,

* Нотная запись. — Ред.

потому что это утомляет, вся эта невозможность дышать спокойно, невозможность благородно хотеть исполнить волю умирающего друга! Тьфу пропасть! О! благословенная Симбирская губерния, как тебя не вспомнить, *eldorado* * нашей стороны!

Теперь я опять вдался в науку и в индустрию. Работаю очень удачно картофельную муку и надеюсь выручить от нее в год тысяч 5 или 6 серебром. На фабрику скоро поеду, теперь невозможно проехать. Не приедете ли на Корсунскую ярмарку повидаться? В Симбирск я не скоро попаду.

Кашперов, сделайте милость подождите проценты недели 3 или 4, в это время я их вам вышлю с новым заемным письмом, сроком с 17 апр[еля] 1853 г. Жду с 2-х сторон по 3 т. р. сер., а сам едва успеваю сладить с необходимыми поправками на фабрике. Жду каждую почту с мужиков, отпущенных мною на волю, в свобод[ные] хлебопашцы, 3 т. р. сер. и столько же или около задатков по новому заказу бумаги из Москвы. Видите, я объясняю мои обстоятельства и потому прошу вышеупомянутого ожидания как великого одолжения.

Ваши ноты я вам пошлю с следующей почтой. Теперь поздно, и мне пришлось бы проискать их всю ночь между кипой нот, а почту отправить необходимо с вечера. Простите мне и это. Я устал и как будто болен. Многие наводит какою-то раздражительность, с которой не легко совладать. Посылаю письмо страховым, чтоб не затерялось.

Обнимаю вас обоих от души. Напомните обо мне Грибовскому.

Преданный вам *Огарев*

58

А. И. ГЕРЦЕНУ

⟨1857 г.⟩¹

Милостивый государь Александр Иванович!

По совершенному неумению спорить изустно², я вчера не принял участия в вашем споре, тем более, что спорить с второй, хотя изящнейшей половиной рода человеческого, по моему мнению, нельзя. Изящнейшая половина рода человеческого из-за задней мысли личных отношений не может

* золотое дно (исп.). — *Ред.*

следить за логическим развитием мысли. Впрочем, я извиняю женщин; большая часть и не изящной половины рода человеческого находится на той же степени развития. Исключения редки, да едва ли и найдутся, потому что у людей, не весьма развитых логически, всегда бывают струнки, где *arrière pensée* * личных отношений возьмет верх и стройное, беспристрастное развитие мысли делается невозможным. От этого-то и общественность не может устроиться на разумных основаниях равной безобидности и взаимного соглашения, а бредет себе историческим путем борьбы личных потребностей и страстей.

Но ваше вчерашнее прение о том, что такое непосредственность (*Unmittelbarkeit*) и что такое просветленное чувство (*vermitteltes Gefühl*), очень меня заняло и навело на ряд мыслей, которые хочется изложить.

Первое, что мне приходит в голову, — вот что: отчего так мудрено объяснить слово: *Unmittelbarkeit*? Я становлюсь противником немецкого языка. Это слово объяснить мудрено, потому что *qui trop embrasse mal étreint* **, потому что оно дает предлог к неопределенности и, следовательно, туманности, хотя с первого взгляда и кажется удивительно метким и изящным словом.

Возьмем для примера хотя чувство скорби. Эсхилловы героини под впечатлением скорби катаются по земле и вопят. Во время похорон у всех диких и полудиких народов «*вопить*» составляет обычай. Скорбь развитого человека не заставляет его ни вопить, ни кататься по полу. Скорбь Эсхилловых героинь и диких народов — чувство непосредственное; скорбь развитого человека — *vermittelt* (не хочу сказать: посредственная).

Так ли это? Чем посредствуется скорбь развитого человека? Размышлением, скажете вы, размышлением, просветляющим чувство и дающим ему выражение более спокойное, форму более изящную. Сомневаюсь.

Плач над гробом друга — выражение точно такого же непосредственного чувства, как и вопль над ним. Размышление тут не участвовало. Размышление сказало бы: зачем же плакать? Все люди смертны, друг твой — человек, следовательно был смертен, *es liegt im Zusammenhang der*

* задняя мысль (франц.). — *Ред.*

** кто слишком много охватывает, плохо схватывает (французская поговорка). — *Ред.*

Dinge *. Я говорю, что плач развитого человека над гробом друга не есть выражение чувства, vermittelt (пожалуй, просветленного) разумом, — говорю сколько по наблюдению, столько и потому, что участие посредника в этом деле было бы абнормно и неестественно.

С другой стороны, человек, отравляющий отца для получения наследства, поступает с размышлением. У него жажда богатства совсем не есть непосредственное чувство; оно очень развито размышлением об удобствах и наслаждениях жизни, и поступок приведен в исполнение с величайшим размышлением, außerordentlich vermittelt **. Но что же тут просветленного, спрашиваю я?

Вы скажете, что тут есть непосредственное чувство эгоизма, развитое в известный поступок. Но развитое размышлением, скажу я.

Я говорю: скорбь над гробом друга есть чувство непосредственное. Но развитое в мягкую форму плача, а не вопля — размышлением, скажете вы.

Вот мы уже немножко приближаемся к цели, т. е. должны будем сознаться, что всякое чувство есть дело непосредственное, но развивается в известную форму посредством размышления; но это размышление нисколько не обязано просветлить непосредственное чувство, потому что может развить его как в светлую форму любви, так и в темную форму преступления.

Словом, эта Vermittelung сомнительна, и причину изящного, и дикого выражения непосредственного чувства придется искать в других началах, а именно, в началах естественности и общности. Забудем на время слово Unmittelbarkeit — трудно объяснимое, потому что определяет неопределенно, — и воротимся к простому языку и к простому наблюдению.

Всякое чувство есть дело совершенно личное; но поставьте ему границы, оно разовьется ad absurdum ***, и человек погибнет. Чувство вкуса — дойдет до обжорства; чувство половых отношений — до нимфомании; чувство любви — до ревности и до преступления; чувство эгоизма — до убийства всего, что мешает; чувство скорби — до рьяного

* это заложено во взаимосвязи вещей (нем.). — *Ред.*

** чрезвычайно опосредствовано (нем.). — *Ред.*

*** до абсурда (лат.). — *Ред.*

самоубийства; чувство тихой грусти — до меланхолического самоубийства.

Но всякое личное чувство имеет две границы: физиологическую и стадную (общественную).

Физиологическая граница станет противудействовать посредством личного чувства боли, страха и т. п. так, что, вводя первое чувство в антиномию с другим, приведет их в равновесие. Это первый повод к гармоническому проявлению личного чувства.

Стадная граница есть приличие в самой высшей степени значения этого слова. Взгляд на вещи и образ действий человека обусловлен, следственно ограничен, воспитанием, т. е. общественным взглядом на вещи. А общественный взгляд вырабатывается отношениями личности в стаде, т. е. взаимным ограничением личностей. Из этого возникает категория меры и нечувствительное стремление к гармоническому выражению личного чувства. Я не говорю о воспитании школьном, в которое и может, и должно взойти размышление, но о неизбежном воспитании, нечувствительно производимом стадом над индивидом. Это воспитание само прививается к индивиду как личное чувство, а не как размышление. Так, напр[имер], носят фрак, конечно, не по размышлению, а по неизбежному воспитанию индивида стадом. Что для одежды, то же и для выражения всякого сердечного чувства.

От этого в народе, где отношения личностей наименее определены, общественность наименее положила границу личности, форма выражения личного чувства дика. Чем более общественность вырабатывает меру в отношениях, тем форма выражения личного чувства становится мягче и гармоничнее, пока общественность не пересолит и не перейдет в деспотизм; тут мера снова исчезает и является ряд диких особенностей, преступлений, как в наше время.

Греция всего изящнее выразила личное чувство, потому что нигде не было в стаде такого чувства меры, как в Афинах.

Но эта гармоничность формы, в которой выражается личное чувство, не есть плод личного размышления, а плод привычки, привитой стадным воспитанием и возведенной до степени личного чувства.

Таким образом, гармоничность формы, в которой выражается личное чувство, есть результат уравнивания личного чувства физиологической и стадной границами,

т. е. по-немецкому — результат уравнивания непосредственного чувства *иным непосредственным чувством*.

Размышление, как и во всем человеческом, участвует везде, по степени индивидуального и общественного развития, но не обуславливает ни просветленности, ни непросветленности личного чувства. Сама просветленность скорби, напр[имер], скорей относится к непосредственному чувству тишины и грусти сердечной, чем к размышлению. Размышление составляет свою функцию в человеке — логическую; непосредственное <чувство> свою функцию — поэтическую. Обе функции вырабатываются к истине и гармоничности по времени от количества и качества наблюдений, труда и меры ограничения личности стадом.

Надеюсь на продолжение полемики, той полемики, которую я единственно признаю и понимаю, полемики, где спорящие равно стремятся к истине, т. е. к наиболее приблизительному уяснению предмета.

Ваш покорный слуга Фис Платонов ³

59

П. В. АННЕНКОВУ

(10 июня 1858 г.) ¹

Милая Полина, когда недавно виделся с человеком ², так и хочется продолжать какой-то недосказанный разговор. От этого и писать к тебе до смерти хочется и вместе с тем кажется, что ничего путного не напишешь. Да что и написать путного? Все как-то грустно, грустно; а между тем, на зло всему, ищешь поддержать в себе силы и бороться насколько есть возможности. Спасибо тебе за твое письмо. Оно было действительно хорошо и освежительно; по крайней мере в нем чуется не падший духом человек, не струсивший ни перед чем и которому жизнь и правда дороже остального. Я был готов на всякие осцильяции власти ³. Но я думаю, что реакция, по силе вещей, не продолжится, снова будет прогресс и снова реакция, пока дойдет до какого-нибудь возможного равновесия. Не жди слишком много от рода человеческого: он продолжение природы или, лучше, ниже природы. Природа, по количественной категории, т. е. по математическим законам, движется, чтоб достичь равновесия; в мире человеческом это движение называется правосудием (justice). Достигнуть этого нельзя,

потому что тогда равновесие было бы косность и все бы замерло. Вся жизнь состоит в этой эквilibрации; но зато и все дело человеческое в том, чтоб *приятно* качаться на качелях. Когда равновесие не доходит до косности, то оно представляет качели, т. е. качающиеся весы, и в этом жизнь. От этого народы выдумывали конституционное колебание и европейское равновесие государств. Милая моя Полина, в сущности все это вздор. Для свободы надо устроить это равновесие в уезде, в селе, может быть в семье только, и тогда можно будет прийти к этому равномерному колебанию весов, где человек, привыкнув к качелям, может быть счастлив, или около счастья. А ведь действительно вся цель — счастье. Раб несчастлив оттого, что господин его совершенно перетягивает. Господин недоволен и врет чепуху оттого, что перетягивание не доставляет наслаждения. Наслаждение только в колебании весов, и к этому равномерному колебанию мы должны стремиться. В России вес правительства, дворянства и чиновничества так велик, что, разумеется, народ должен стремиться прийти с ними в равномерное колебание, хотя бы они от этого совершенно изменились. «Колокол», без сомнения, в этом случае может быть только органом народа, а до нелепого груза дела нет, погибай он себе как хочет. Вся задача в том, чтоб он не перевешивал. А жить будут и те, и другие, потому что задача не в косности, а в колебании весов. К каким бы результатам стремление к равновесию, т. е. к равномерному колебанию, ни привело, главное для «Колокола» быть искренним, и я думаю, что искренность для нас важнее всех дипломатических влияний, которыми пренебрегать не следует, если они подходящи.

Но перейдем из бемоля в... * Кашперов просит у меня либретто русское⁴. Намекни мне хотя на какой-нибудь эпизод из русской истории, или на легенду, из чего можно бы составить либретто не нелепое. Что я способен уладить сюжет сценически и музыкально, — в этом я сам в себе не сомневаюсь. Но лишь бы он был. Русская история не драма, а плохой эпос от отсутствия свободной женской личности. Из эпоса драмы и оперы не сделаешь. Но, может, есть моменты удобные... не знаю. Пожалуй, фантастическую легенду дай мне; я ведь тут такой невежда, что просто стыдно. А хотел бы я потрудиться и для Кашперова, и по-

* Слово неразборчиво. — *Ред.*

тому, что хочется что-нибудь русское в музыке, не так, как было доселе. Я думаю, что не нужно в музыке брать один народный песенный мотив; он по натуре своей для целой оперы длинен и скучен. Я хочу только *склад* русский. Не знаю, как объяснить это, но думаю, что ты поймешь мысль и, может, лучше ее выразишь. А главное — задай мне тему. Если что прочитать для этого нужно, я сыщу в Музее. Но так, сам по себе, я по невежеству ничего не могу придумать. А хотелось бы! Подумай и напиши.

Если все, что я писал, глупо, — прости, но на запрос о либретто отвечай рассудительно и категорически⁵. Мне это внутренне нужно.

За сим обнимаю тебя. Твоя трубка — мой верный спутник, и я ее люблю и как трубку, и как твое воспоминанье.

Твой *такой-то*

60

ИЗ ПИСЬМА П. В. АННЕНКОВУ

(29 или 30 июля 1858 г.)¹

...Стихов не посылаю, потому что все поправляю и все как-то не то. В новом же издании найдешь все, что возможно². Но, вероятно, ты уже будешь заседать в азиатском комитете³, когда новое издание будет блуждать по Европе. Верю, что ты в и около комитета покричишь и похлопочешь, но столько же верю, что толку из этого никакого не будет. О! проекты центрального комитета!⁴ Прочти-ка в «Норде» (№ 203 и последующие). Мороз по коже подирает, друг мой; это верх плутовства, бессмыслицы и невежества. — Прощай пока! пиши перед отъездом, куда еще к тебе писнуть? Когда опять увидимся? — Обнимаю тебя, Нат[али] тебе кланяется. Саша уехал в гости за город, а если б был, тоже бы поклонился. Ольга в саду. Тата твердит стихи. François уехал в Италию. Собака, слава богу, здорова.

61

П. В. АННЕНКОВУ

Пятница (24 августа 1860 г.)¹

Не обвиняй меня без нужды
В разврате лениности моей,
Еще далеко мне не чужды
Корреспонденции друзей, —

А дело в том, что Г[ерцен] так заторопил намедня отсылкой на почту, что я не успел черкнуть ни строчки. Ах, Павла Васильевна, если б вы знали, как ваше присутствие возбуждает во мне какое-то милое и скорбное воспоминание о каком-то дружном круге, о родине, о деревне... вы бы не сказали, что мне лень к вам писать. И черт знает почему, Анненков, именно ты, твой вид, твоя добрая физиономия затрагивают меня в этом смысле так, что я чувствую — и ты сам мне близок, и из-за тебя для меня воскресает весь родной мир, и если б не стыдно было и не некогда — я бы от души заплакал. Никто, кроме тебя, не производит на меня этого впечатления. Ergo, не обвиняй меня в лени. Но этой речи я продолжать не стану, она расслабляет. — Я бесконечно рад, что вы, наконец, делаете попытку причлниться к обществу, и горячо обнимаю за это Т[y]рг[енева]. Если он поступает сознательно — честь ему и слава; если ненарочно — и то хорошо². Без групп или клубов обществен[ное] мнение не образуется; а группы составляются явно или тайно, смотря по внешним обстоятельствам; главное, чтоб были группы с известной задачей и с известной дисциплиной в работе, а беда не велика, если при официальной группе к делу прибавится и немного болтовни, точно так же как и нет беды и нечего бояться прокапывать кротовые норы. Метода совершенно зависит от внешней обстановки, только группы необходимы.

Эк тебе в Англии не везет и не удастся насладиться Вентнором. Вот тебе, эпикурейцу, и урок: ехал насладиться природой, а попал на дождь, но на распространение грамотности. А почему ты эпикуреец? А потому, что мне как-то весело видеть в тебе уменье наслаждаться всем, что встречается на пути. Мне даже завидно смотреть на тебя, и я с унынием чувствую, что я не эпикуреец, а Сатир и Силён разом, хотя и не силен.

Погода у нас черт знает что такое, наверно хуже Вентнора, даже грудь начинает болеть. Но мне ехать к морю не хочется. Во-первых, много книг для справки нужно, и потому переезд неудобен, во-вторых, мне хочется немного совершенного уединения — для ради разных планов. Но, если ты уедешь, не завернув в Лондон из боязни получаса лишней дороги, это мне будет очень прискорбно. Тебе езда не составляет телесного наказания, как мне. Да я и не верю, чтоб ты мимо проехал. А впрочем, вскую шаташася языцы, пожалуй, и не заедешь; в таком случае я тебе про-

тяну (*нарисованы две руки. Ред.*) издали. А лучше заезжай.

Посмотри на Тату — какая она стала славная; посмотри на ее рисунки, у ней есть несомненный талант. Вдобавок она сохранила прелесть детскости. Ты при встрече с ней

Сбрось тоску, на юность глядя,
Оживись и улыбнись,
И как старый добрый дядя
С благодушием явись.

Что ж еще сказать? — Статью я кончил; вышла больше, чем я ожидал³. Весьма нетерпеливо желаю знать суждения о ней, ибо ее экономико-юридические понятия, пожалуй, не всем по нутру придутся; а если бы кто поднял перчатку и вступил в полемику, я был бы несказанно рад; ничто бы так не помогло постановке вопросов и указанию на приложение их к гражданской деятельности. Эка беда, что нет врагов печатающих, кроме Головина. Кстати — Долгорукий Каткова постоянно зовет Катковым. Это мне как-то ужасно нравится. Прощай, душа моя, до свиданья. Напиши, когда приедешь, чтоб я был дома, а не на прогулке.

Твой *Огар[ев]*
12 часов Alpha road

62

А. И. ГЕРЦЕНУ

29 августа (1860 г.)¹

«Не нам протягивать руки, а когда *мы* протянем»². — Не надо, душа моя, увлекаться никакими злобами; когда говорится о протягивании рук, просящих помощи, то не следует думать, что это делается свысока. Тут я с глубокой печалью не могу согласиться с тобой. Почему мы не развили уважения, религии к себе — потому что мы *не организаторы*, а только мыслители и литераторы, две сферы занятий, которым деспотизм противен; от этого я никогда не употреблял деспотизма, а ты его употребляешь только вкривь и вкось, и не можешь достичь до утверждения его (*assiette*)*. От этого ты хочешь убежать со мной вдвоем и избавиться от угрызений, порожденных чувством любви и

* положения (франц.). — Ред.

сострадания, столкнувшись с неспособностью организовать, и видишь *faiblesse* * в этом чувстве любви и сострадания (что напротив того составляет человеческую доблесть и силу) и не видишь нашей *faiblesse* ** в неспособности организовать (что составляет наш предел). Бегство не только физическое, но и нравственное — с тобою в невозмутимую мысль и работу — может для меня быть лучшим желанием, личным идеалом, потому что пожить и поделать на просторе, имея возле себя полное понимание *другого самого себя*, — это черт знает как хорошо. А с спокойной совестью этого сделать нельзя; этим навьючишь себе новое угрызение, потому что и в этом забросе других была бы *faiblesse* *, доходящая до жестокости, а конечно не сила. Где ж выход? Вдуматься — нельзя ли *aus sich heraus* ***, своей внутренней работой сдвинуть практический предел и натянуть силы до возможности организовать семью, среду, вырасти до той практической деятельности, которая разнородные силы прикладывает к одному движению. Для этого, я повторяю, надо *страстно* желать *спасти*, а не *спастись*. Только при очевидной невозможности, не то хочу сказать... не при очевидной..., а при той, где все средства расшиблись, позволяется отстать. А, может, еще не все средства употреблены. Саше, напр[имер], надо дать время на рост, тут требуется терпение, но не *заброс*. О Натали я еще ничего не скажу решительно, подожду еще два, три письма; может, сам поеду; *мне надо* ее спасти, это моя потребность, может, моя обязанность.

Посылаю 2 письма, из которых готовь смесь, и 1 письмо готовь «Под суд». — Еще «Отечест[венные] зап[иски]» — «Современник» оставляю себе, ибо нужен. В нем статья Сер[но]-Сол[овьевича] о комиссии земских банков³ — просто прелесть. Мы с ним до того сочувствуем, что, кажется, говорим одним языком.

О Боткин! Как же он меня радует. Но все же он спокойно не умрет, — испугается смерти.

О твоём посвящении что же сказать тебе?.. Отчего оно мне так близко и отчего мне так больно?.. Наше одиночество вдвоем велико как связь, и печально как одиночество. Вот отчего и хорошо и горько.

* слабость (франц.). — *Ред.*

** слабости (франц.). — *Ред.*

*** изнутри себя (нем.). — *Ред.*

Принимай Касатк[ина] ⁴ (благороднейшего) и Б., а 4-го сентября уйдем куда-нибудь из города вместе.
До свиданья.

63

ИЗ ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНУ

19 сент[ября] (1860 г.) ¹

Начинаю утро с письма к тебе. Для меня теоретический штандпункт так дорог, что мне кажется я его только из всего и выжимаю. От этого кое в чем надо с тобой договориться. «Я больше резонер, чем ты», — пишешь ты, — «ты фаталист покорный, я — бунтующий». — Никак не могу согласиться с этим. Если ты приравниваешь резонера с фаталистом бунтующим, то ты злоупотребляешь словами. Резонер не может быть ни покорным, ни бунтующим фаталистом; то и другое делало бы его иллогичным и следст[венно] не резонером. Резонер — наблюдающий логик; его дело констатировать факты и сецировать их так минюцюзно *, что чаще приходится ему останавливаться перед антиномией, чем делать положительный вывод. Откуда же ему бунтовать или покоряться — и в том и в другом равно теряется характер резонерства, потому что и в том и другом теряется логичность. Если бы ты был резонер, ты поставил бы вопросы иначе.

Если Комиссия земских банков ² пришла к нелепости от того, что хотела создать частный кредит во что б ни стало (*quand même*), то это явление совершенно естественное. *Quand même* ничего не создается, все может только сочетаться из известных данных; когда их нет — и сочетания нет. То же в личной жизни с покоем; когда нет для него данных — нет и покоя. Стало, вопрос не в том, каким образом создать себе покой, а каким образом сосредоточиться до той силы, чтоб жить и дышать свободно и работать независимо от того, что клюет коршун рану. Это трудно, но это возможно, чем устроить покой, помимо данных для покоя. Последнее кажется возможно, если бросить и растоптать все, что мешает покою; но тут человек почувствует, что он уходит в жесткий эгоизм, солгавши перед собою, что это делается ради общего, и, таким образом, унизивши

* Кропотливо рассматривать (от фр. *minutieux* = мелочный, кропотливый). — *Ред.*

и общее и самого себя, лишится покоя и придет к прежнему положению, что создать покой из несуществующих данных — было невозможно задачей. Стало, надо задать задачу: каким образом стать независимо от боли, т. е. стать выше собственной боли? Это возможно только, если есть довольно силы, чтобы бунт против чувства боли свести на степень контриции *. Контриция — ячейка, из которой развиваются два дружные направления — преданность общей истине и милосердие к людям. Одно вызовет на работу в пользу общего; эта работа легка, потому что жизнь рода составляет ряд сочетаний, *не замкнутый*, или по крайней мере его замкнутость *ускользает* от нашего наблюдения; стало, тут возможно вносить новые элементы для сочетаний и служить развитию ряда (формулы), хотя бы это развитие, или принятие новых элементов в ряд сочетаний, и осуществилось после нашей смерти. Очевидно, работа легка (т. е. легка в смысле трагедии, в смысле страдания); она достигает цели, т. е. мы вносим, или нам кажется, что мы вносим, действительно новые сочетания в развитие формулы, и мы вознаграждены уверенностью, что работа со временем окажется не бесплодной.

Милосердие к людям *та же работа* внесения новых элементов для сочетаний в формулу жизни лица, как *преданность истине* — внесение их в формулу рода. Но формула лица *замкнута*; лицо может отжить раньше, чем вносимые элементы взойдут в формулу, и работа может остаться бесплодной. Но от *этого*-то чувство *преданности к истине* в деле общем в приложении к лицу и называется *милосердием*. И точно так же, как мы не можем отказаться от работы в общем, какие бы ни предстояли затруднения, мы не можем отказаться и от работы относительно лиц, как бы ни была трудна работа, даже если она — чего нельзя знать вперед — окажется бесплодной; т. е. мы равно не можем и сознательно не имеем права отказаться от преданности к истине, как и от милосердия. Если у человека найдется сила сочетать преданность истине и милосердие, то — ключ коршун рану — человек стоит выше собственной боли. Если нет — то результат плох, потому что подчинение боли, рабство перед болью так же бесплодно, как бунт против боли, т. е. как против силы большей или даже равной. Выход возможен только, если боль составляет силу меньшую, а это только

* раскаяния (франц. — contrition). — *Ред.*

возможно при полном сочетании преданности к истине и милосердия к людям. Я не говорю, чтоб кто-нибудь из нас мог создать в себе это сочетание из несуществующих данных; я только говорю, что если эти данные vorhanden *, то сочетание их или возможно, или необходимо и жизнь поставится на высоту служения постоянного, т. е. жизнь спасена и выше собственной боли.

Поставивши раз навсегда это основание моей ифики, я совершенно устраняю, как невозможность и потому ненужность, вопрос о личном покое и той воле, под которою ты, просто говоря, разумеешь независимость от неприятностей в жизни и трагических коллизий. И те и другие так неизбежно входят в сочетания жизни, что их устранить невозможно, и я не хочу ни бунта, ни покорности, я хочу невозмущаемости сознания, я хочу ясномыслия; бунт — как страсть, а покорность — как слабость, затмевают. Ясномыслие возможно только при преданности истине и милосердии к людям. От этого-то понимание и есть нравственность. Милосердие к людям не может быть отрицательным, а деятельным. Отрицательное милосердие пуфф или лицемерие. Стало, милосердие должно быть употреблено на спасение людей, с которыми случай привел в близость (с иными невозможно по географическим и жизненным границам). С чего же начнется это милосердие, если близкий человек пал? Падение (не объясняю этого слова, чтоб не впасть в лишнюю ясность) — явление двоякого рода: или оно забвение, утрата нравственного чувства, или оно недоразвитие. В первом случае восстановление невозможно, так как в горячке невозможно выздоровление, если присутствие болезненного элемента так сильно, что припоминание нравственного чувства невозможно. Во втором случае невозможно восстановления зависит от естественных границ индивидуальных способностей. Ни в каком случае милосердие не может преследовать павшего как преступника. Из преданности к объективной истине человек не может внести в расчет милосердия понятие воли в смысле *libre arbitre* **. Способность совершить поступок нельзя принять за волю, потому что поступок все же будет результат известного склада условий, составляющих для него достаточную причину. Милосердие может обращаться с

* имеются (нем.). — *Ред.*

** свободы воли (франц.). — *Ред.*

падшим как с больным, и так как наша наука в нравственном мире *еще меньше*, чем в мире физикопатологическом, может с достоверностью указать на худой прогностик, то оно остановиться не в праве, так же как не в праве сердиться. Оно может только, по обстоятельствам, рассчитывать способ врачевания и не уставать до конца. Первая потребность милосердия обращаться с больным с любовью, какой бы способ врачевания ни был употреблен — экспектация или сильный реактив. Милосердие не может сопровождаться раскаянием о бесплодно употребленных усилиях, так же мало, как медик может раскаяться в бесплодно данных лекарствах. Такое раскаяние разрушало бы милосердие и сводило бы его на сожаление о самом себе, что вот-де работал понапрасну, чувство, лежащее вне шири милосердия, чувство, просто чуждое милосердию. Стало, милосердие должно работать без усталости, т. е. без страха перед чуждым для него раскаянием, и идти к своей цели восстановления лица, пользуясь всеми посильными средствами. Это милосердие составляет такое нераздельное сочетание с преданностью к истине, как сочетание индивида с родом. Они друг без друга невозможны. Без милосердия — преданность к истине будет ложь; без преданности к истине не будет милосердия...

Что же касается до того, что лучше было не принимать на себя обязанностей... что сказать? Может да, а может нет. Но сожаления о том, что случилось, могут иметь место как *Fluggeföhle* *, а не как постоянное чувство, потому что они бесполезны, бесцельны и ненужны. Следственно, резонерствовать о том, что могло бы не быть, больше толочь воду, чем принимать участие в том, что есть.

Во всяком случае, если бы общее дело потребовало личной жертвы иной, напр[имер] восстание в России и участие в нем, — без сомнения, я всякое чувство милосердия вырвал бы

blutend aus dem wunden Herzen
Und weinte laut und gab sie hin **.

Но, чтоб милосердие к лицам мешало учено-литературным трудам, — это вздор и слабость. Это было бы позорно.

* мимолетные чувства (нем.). — *Ред.*

** Из сердца вырываю образ милый

И, кровью истекая, отдаю.

(Шиллер «Резигнация». Перевод А. Кочеткова).

Слезы и скорбь по личным отношениям могут быть допущены как *Fluggeföhle*, но бодрость служения труду и милосердию должна всплывать надо всем...

Жаль, что я вымарал в предисловии о войне. Из прилагаемого письма С[ерно]-С[оловьевича] ³ и из известия о посылке Толля звать Авст[рийского] императора в Варшаву следует, что надо об этом говорить. Я опять переправлю, хотя иначе, яснее. Мое дело сказать, что какая бы война ни была в Турции или Венгрии — все равно правительство от нее лопнет. Я убежден, что это говорить надо, ибо 1) или оно удержится от войны, или 2) в публике распространится мысль, что при войне правительство должно лопнуть, и, следств[енно], получится направление заставить правительство лопнуть.

Посылаю тебе «Библиотеку для чт[ения]», книги и газеты. Пожалуйста, «Моск[овские] вед[омости]» не рви, мне в них нужен отчет за управление Польшей.

Засим прощай, обнимаю вас всех...

64

П. В. АННЕНКОВУ

⟨20 ноября 1860 г.⟩ ¹

Закончив речь на слове: *die reiten* *, принципал передал мне письмо ², чтоб отправить сегодня, и ускакал в Сити и в омнибусе. На, мол, пиши! Да что я стану писать сегодня? В самом мерзком расположении относительно *art épistolaire* ** во 1-х, потому, что ревматизм ⟨...⟩, во 2-х, читаю проект выкупа Запасника (*Études financières sur l'émancipation des paysans en Russie sur l'impôt foncier, le système monétaire et le change, extérieur par Alexandre Zapasnik, Paris, chez Jonaust, 1860*) ***. Ревматизм ⟨...⟩ пройдет, к счастью, а проект Запасника ³ не пройдет, к сожалению. Проект очень практичен, по всем правилам науки и в должных границах науки; но все же он слишком умен для Комитета и потому не пройдет. Границы науки — это принятие всякого мошенничества

* которые скачут (нем.). — *Ред.*

** эпистолярного искусства (франц.). — *Ред.*

*** «Финансовые очерки об освобождении крестьян в России, о поземельном налоге, денежной системе и внешнем займе», Соч. Александра Запасника, Париж, изд. Жано, 1860 (франц.). — *Ред.*

за принцип, с оговоркой, что все же, напр[имер], премия нравственнее лотереи; важность научного проекта — его прилагаемость немедленная, потому что и общество сочувствует принципу, т. е. общество капиталистов, а для мужиков развязка не худая, и за этот проект порядочное правительство вцепилось бы обеими руками; но не вцепится наше, потому что не порядочное. А может, оно и лучше, может, развязка из движения общественного неволью выйдет и из границ современной науки, и из недостижней и до них рамки Комитета. Тебе все будет не вериться... но сила обстоятельств сильнее твоего неверия. Я вообще не верю, — но не могу не признать, что движение должно совершаться по результате составных сил, а эти составные силы и составляют силу обстоятельств (*force des choses*) *. Их анализ на сию минуту страшно важен, потому что должен раскрывать глаза, способные к раскрытию. — Кроме книги Запасника, вышла превосходнейшая вещь в Берлине у Шнейдера на русском языке «Материалы для истории упразднения крепостного права в царствование Алекс[андра] II». Кто автор — не знаю, и если ты мне сообщишь, то несмотря на то, что не пью, а выпью за его здоровье⁴. Это прелесть, достань и прочти. Это лучшая книга, вышедшая за границей на континенте. Может, в кое-чем мы и несогласны, но бездна фактов неведомых, но изложение, тон, направление, — да!.. я поклоняюсь перед этой книгой. Теперь только выпуск I.

Ты славно воскресил химика⁵. Я радовался. Но его чтение св[ятого] пис[ания] меня изумляет. Что он шутит или боится? Или в подражание Ньютону хочет закончить век комментарием к апокалипсису?

Получил ли ты мое письмо недавнее и можешь ли исполнить мое поручение?

Что у нас за новая квартира, — чудо! Я помещен Сарданапалом. Жду из Швейцарии Натали со дня на день и с Лизой, которая пока составляет наслаждение всего семейства Фогтов, но как истинно русская любит только одного Сашу, а немцев так себе... Поди ты — с каких пор пробивается и укореняется физиологическое чувство национальности... Ольге завтра минет 10 лет. Они все славные, а Саша вырос действительно и складывается в великолепно благородного человека.

* Буквально: силу вещей (франц.). — *Ред.*

Перед моим окном готическая церковь; польза от нее та, что я знаю всегда, который час, а вред — то, что настраивает на какую-то музыкальную мрачность, на что мне теперь совершенно нет времени, а это настроение тянет к другой деятельности и мешает. Засим обнимаю тебя, моя Полина, и целую на обе щеки и пойду расхаживать ревматизм...

65

Н. В. ШЕЛГУНОВУ

Суббота (27 июля — 3 августа 1861 г.)¹

Ну, милый *², долго я думал и ждал, не поедет ли кто к вам, но не дождался и решил писать просто. С чего начать? Да уж начну с того, что страхну злобу с сердца. Истинно жаль мне, что вас нет в Питере, потому что наши шалят. Вы спрашивали, что такое, что больно было слышать. Да то, что Чер[нышевский] поручил тому господину, который в ** не попал, сказать нам, чтобы мы не завлекали юношество в литературный союз, что из этого ничего не выйдет³. Конечно, никто так не уважает скептицизм, как я. Рассекая мир до математической точки, я дохожу до формулы 0^∞ ; но это не мешает мне знать, что нуль также результат и $= + -$, и собственно есть предел. Что я не в состоянии наполнить бездну или черту, разделяющую логические определения от живого мира, не могу показать, каким образом предел переходит в действительность и чему, какой формуле $= 0^\infty$, из этого не следует, чтоб я в ту минуту, когда надо дело делать, задал бы себе задачу: ну, а если из этого ничего не выйдет? Такой скептицизм равен тунеядству и составляет преступление. А между тем он человек с влиянием на юношество; на что ж это похоже?⁴ Ступайте в Питер, возьмите его за ворот, порастрясите и скажите: стыдно. Вскоре после этого, по случаю какой-то истории Рима, встречаем мы в «Современнике» (уже прежде смекнувши из довольно плохой критики в «Петер[бургских] Ведом[остях]») статью⁵ прямо против нас, т. е. что напрасно, мол, говорить, что в России есть возродительное общинное начало, которого в Европе нет, что общинное начало

* Выскоблено обращение. — *Ред.*

** Выскоблено слово, вероятно: Лондон. — *Ред.*

взор, что Европа не умирает, потому что когда одному человеку 60 лет, то зато другому 20 (как будто историческая смерть есть вымирание людей, а не разложение общественных химических соединений известного порядка!) и что те, кто это говорят, — дураки и лжецы, с намеком, что речь идет об нас, и забывая, что до сих пор сами держались этим знаменем. Зачем это битье по своим да еще действительно с преднамеренной ложью? Плохо дело! . . . ! . . . ! * горе, когда личное самолюбие поднимает голову, завидуя или в отместку за неуважение к воровству какого-нибудь патрона! ⁶ Какая тут общественная деятельность, какое общее дело! Тут идет продажа правды и доблести из-за личных страстишек и видов; продажа *дела* из-за искусственного скептицизма, который даже не скептицизм, а просто сомнение в приложении *себя* к делу, без всякого понимания принципиального скептицизма. Вдобавок в этой статье сказано, что растение не умирает от того, что питательные соки перестают в него из земли с любовью всасываться. Хорош скептицизм! Нет! поезжайте в Питер и скажите, что это стыдно, что так продавать Христа, т. е. правду и дело,—непозволительно. Это то, что христиане называли преступлением против духа. Ну! будет об этом, только помните, что я считаю эти выходы не личной обидой, а *помехой делу*, поэтому и убежден, что вы обязаны щелкнуть дружеским, но военным кулаком по такой дребедени.

Вы видели: что . . . **⁷ приложено, а теперь со стороны потребовали еще издания. Доказательство, что промаха не было. Теперь вот что: о . . . *** людях написать было бы . . . **** дело. . . . ***** язык известнее ⁸. Тройная форма присяги дело очень важное. Раз, присяга по природе или по породе: родившийся в Москве по породе присягнул не продавать Москвы татарам. Другое, присяга по истине: родившийся человеком, по рождению присягнул не продавать того, что считает за истину. Третье, присяга по службе, — дело приказанное, невольное, без внутреннего согласия и которому до такой степени никто не верит, что все крадут.

* Выскоблено два восклицания, не поддающихся расшифровке. — *Ред.*

** Выскоблено; вероятно: «Что нужно народу». — *Ред.*

*** Выскоблено; вероятно: военных. — *Ред.*

**** Выскоблено слово; вероятно: хорошее или нужное. — *Ред.*

***** Выскоблены слова; вероятно: вам военный. — *Ред.*

Долго я думал о . . . подписке *. Я, как величайший приверженник мелких капиталов, думаю, что 50 челов[ек], жертвуя по 5 руб. в месяц, жертвуют в год 3000 руб. На этот капитал много можно сделать. Можно дать трем приказчикам по 500 руб. для учреждения контор на трех самых торговых пунктах, как Нижегород[ская] ярмарка, которая-нибудь из днепровских ярмарок и, смотря по надобности, Ирбит или иной урало-сибирский пункт. Можно на 500 или 1000 руб. ** и 500 или 1000 оставить на разъезды. Заметьте, что это ежегодно и что число акционеров будет расти и что чуть ли не на 2-й год можно уже будет производить не только комиссионерство, а пустить капитал в настоящую торговлю. Для этого капиталы не нужно отправлять за границу; достаточно небольшую разъездную сумму для комиссионеров-запрудчиков. Вы заметьте, что петербургская торговля не требует ежегодных пожертвований, потому что сама компания налицо, что пожертвования требуются только для учреждения ярмарочных контор и выписок материалов из-за границы; петербургская компания всегда может вести свою изолированную торговлю на имеющийся капитал, но что действительное развитие оборотов все свое значение получает от контор и от общности торговых интересов. Надо звать капиталы, существующие около ярмарочных центров ⁹.

Думал я еще о плюсе и минусе, об отрицательном и положительном. Мне кажется, что кроме отрицания, в наше время прожектерство, надо развивать положительную сторону в проектах о будущем устройстве. Я страстно думаю о проекте местных банков; одной маленькой буквы недостает, чтоб поставить формулу совершенно ясно; я ее чувствую, она близка, месяц-два работы, и алгебраическая формула постановится; останется только сделать ее наглядною арифметически. Но есть и другие задачи, не экономические, но требующие также положительной формы. Напр[имер], система рекрутства. Я рассчитываю так, что каждый холостой, с 17 лет, должен выучиться военному ремеслу в продолжение 6 мес., без всякой особой солдатской одежды, кроме дружинных значков; таким образом, он будет одет на свой счет, а содержан на счет волости, где его maestro ***

* Выскоблено; не поддается расшифровке, возможно: «О сборе по подписке денег». — *Ред.*

** Выскоблено; вероятно: печатать. — *Ред.*

*** маэстро, мастер (итал.). — *Ред.*

будет обучать строю и стрельбе в цель. Оружие от государства. А постоянная регулярная армия, 1000 человек на миллион душ, сведет число постоянного войска на 50 или 60 тысяч, откуда будут взяты учителя для дружин и артиллерия; это войско наемное из охотников. Рассчитав, сколько это даст военной силы вообще и как мало будет стоить, очевидно будет превосходство и народность такого устройства против существующего.

Также нужны положительные проекты администрации и судебных учреждений. Теперь составляются при министрстве юстиции многие. Говорят, сенат будет только высшим апелляциям судом, а правительство берет себе только право смягчать приговоры. Государственному совету дадут иную физиономию. Я надеюсь напечатать министерские проекты с разбором¹⁰. Но, кроме того, надо, чтоб, кто может, подумал и о положительной стороне, т. е. о проектах, более идущих к делу. Помещение их в печати, при самом популярном изложении, чрезвычайно важно. Если возможно ввести их в полемику, то вопросы уяснялись бы быстро и язык становился бы с каждым днем доступнее. Поверьте, что мудренность языка лежит в не доскональной ясности мысли. Пока человек ищет, он не может сойти с научного изложения в популярное. Пока я развиваю алгебраическую формулу, я употребляю обычные знаки; когда я ее развил и уяснил себе досконально, я берусь при небольшом таланте рассказать ее на словах понятно каждому, хотя это и длинный перефраз. Но до окончательного развития формулы это невозможно. От этого так мало (и еще меньше удачных) популярных книг: наука-то сама еще не пришла в ясность, она живет своими средствами, специальными приемами и только ими может развиваться, иначе совсем запутается: где же ей выражаться общими приемами, всем неподготовленным понятными?

В * поместили по поводу статьи ** статью о государст[венном банке]. Прелесть! Хоть и видно, что кой-где цензура мешала, но какое благородство тона, определенность и ясность изложения! Просто — я его помянул, как мать сына, с таким удовольствием и любовью¹¹.

Вопрос: я кончил разбор Полож[ений] и думаю, что он весьма полезен. В нынешнем № местные пол[ожения]; оно,

* Выскоблено: «Современнике». — Ред.

** Выскоблено: Шилля. — Ред.

может, и посуше, но небесполезно. В будущем и еще одном № — администрация. Это опять очень интересно. Не напечатать ли все отдельной брошюрой? Мне кажется, что это было бы полезно. Как вам? Дайте сейчас ответ, ибо пока станок не разобран, перепечатание будет стоить ничего ¹².

Ну, засим прощайте. Устал; пожалуй, и вы устали читать. Лучше в другорядь напишу. Отвечайте немедленно для успокоения моей души. «Кол[окол]» посылаю.

⟨Далее рукою Герцена:⟩

⟨Огарев⟩ такую бездну написал, что я из любви к ближнему не буду писать много. Мы никогда бы не догадались, что Черныш[евский] à la Baron Vidil *, ехавши дружески возле, вытянул меня арапником. Это я обязан «Спб. Ведомостям» — они указали. Впрочем, ⟨Огарев⟩ слишком серьезно это принимает. Я тут, как в пресловутом письме Чич[ерина] ¹³, больше всего дивлюсь ненужной запальчивости выражений — ругаться слишком простое средство и не есть патент на особую эстетичность.

Если вы увидите **. кланяйтесь ему от меня; мне очень досадно, что я его не мог навестить.*** — хлопот была бездна.

Читал повесть Печерского (Мельникова) «Гриша». Ну, скажите, что же это за мерзость — ругать раскольников и делать уродливо смешными? Экой такт. А rgoros, рекомендую вам небольшую статейку мою об открытии мощей Тихона.

Будьте здоровы и прощайте.

66

ИЗ ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНУ

2 окт[ября] 1861 г. ¹

Решено — и я доволен и жду вас, и приготовлю вам поесть и Лизе шоколаду и игрушку. Спасибо, Натали, а за Астр[аковых] упрек ².

...Была не была — я к Шнейдеру пустил записку, которая мне возвратится, если Серна ускакала ³. Кажется, опасности нет. А мудрено! я думаю, это мечта; ему нельзя отказаться от возвращения, ибо подвиг закончился бы тем, что человек струсил. А куда бы хотелось, чтоб мечта осуществилась. Сколько работы можно бы пустить в ход, работы практичной, быющей прямо по системе, по порядку вещей. Да мы бы его выучили писать вдвое лучше. У него есть только один недостаток, это отсутствие теоретического

* Наподобие барона Видиля (франц.). — *Ред.*

** Фамилия не поддается расшифровке. — *Ред.*

*** Выскоблено; вероятно: в Париже. — *Ред.*

вопроса далее известного цикла предметов; есть предел, за которым у него вопроса нет. Может, это для практики и лучше. — Вот Ус[ов] дело другое — он идет до тла с совершенно положительным взглядом математика-натуралиста ⁴. Вчера я с ним простился и, несмотря на его холодную наружность, чувствовал, что он нас любит, чувствовал опять ту общественную связь с человеком, которая доходит, возвышается до личной привязанности. Без этого чувства было бы страшно жить. Я его имею и с Ус[овым] и с С[ерно]-С[оловьевичем]. Я их просто люблю. Вечером был Панаев ⁵. Будет и сегодня; завтра едет в Ньюкастль, а там возвращается и, следст[венно], тебя увидит. Надо, чтоб он тебя видел. Над ним требуется работа, и определенно по одному предмету — привязать его к идее обществ. Он бессознательно на ней стоит и бессознательно ее отвергает; противуречие в его натуре чрезвычайно странно: резкая логичность до известного пункта, где он сворачивает в безумное непонимание. А над ним потрудиться стоит, ибо он способен сделаться фанатиком дела. Его обвиняют в излишнем самолюбии, может быть, но и обвинители хромают на ту же ногу и, может, обвиняют потому, что в дорогом ему вопросе экономическом он глубже и логичнее их всех. Мы с ним просидели до 2-го часа над оным вопросом, и я не устал, даже головная боль от ужасной духоты дня прошла. Сегодня немногим лучше; но я держу себя крепко и не позволяю разбаловаться и изнеживаться в нервном страдании. У нас не дождь, а туман снедающий.

Тхор[жевский] уже хлопочет о Прудоне. Чернец[кому] сообщу ⁶. Я Тхорж[евскому] вчера дал чек на 5 фунт[ов]. Из прежних десяти я дал 2 на расходы, да у меня еще около 3 остается. Стало, и этих 5 не потребуется, и твой чек останется нетронутым.

«Колокол» пошлю. Посылаю Тате Ус[ова] с тем, чтоб она сделала снимок и подарила мне. Гиллер пристаёт. Увижу его завтра; он начинает быть для меня интересным ⁷. Славянофила-космополита, слава богу, не видал ⁸. Голиц[ын-ский] адвокат говорит, что он ему подаст счет, от получения денег не отказывается, а сносит их по своему расходу, и страшает, что сделает ему процесс в 2 000 ф[унтов] за то, что Гол[ицын] считает его мошенником.

Сейчас телеграмма от Саши из Глазгова, будет в Лондоне около субботы.

Е. В. САЛИАС

1 мая (1862 г.)¹Orsetthouse, Westbourne terrace.
Paddington

Что же это как я вам долго не отвечаю на ваше доброе письмо, друг мой? Чай вы меня побранили. Да и я себя побранил. Что-то не хотелось писать, был постоянно глуп и ничего путного не думал и не делал, справлял корректуры и разные мелкие тупоумные работы, так что стал внутренне пуст. Голова постоянно точно свинцом налита. Я начинаю стариться; нервная хворость усиливается и томит. Все это очень не кстати, потому что еще дела не мало.

Моя французская брошюра, которая, я думал, выйдет в марте, выйдет только на следующей неделе². Печатают страшно долго и поправлять надоело до смерти. Как выйдет, пришлю вам. В вашем письме меня одно огорчило: вследствие несовершенного согласия с нами, вы говорите, что мы все же соединены во имя *общего врага*. Нет — этого мне мало, друг мой. Если вы мне протянули руку, если я могу смотреть на ваш портрет и на Женни со всей любовью брата, к какой я только способен, то мне надо, чтоб мы шли не во имя общего врага, а во имя общего друга. А мой друг — крестьянство и то начало иного понятия о праве собственности, которое не имеет корня в Европе. Если мы на этом с вами не расходимся, то мы ни в чем не разойдемся...

Нет, решительно не могу писать сегодня о матерьях важных. Тучки бродят, гроза будет, в воздухе электричество, и, следственно, мне физически невыносимо тяжело. Я пишу только потому, что не хочется откладывать дольше. Хочется сказать вам, как я рад буду вас видеть и показать вам Лизу. Я думаю около 20 мая отправить их к морю, по предписанию медика и потому что в Лондоне душно. Сам останусь здесь и буду только навещать их у моря; мне мудрено совсем выехать из Лондона дела ради, а куда бы хорошо было для здоровья и отдыха.

А когда Маша приедет? А где Женни?

Не повредим мы, напечатав, как ссылали маленького Кельсиева?³ Я думаю — нет. Напишите об этом сейчас. Не прижмет ли его пуще губернатор? Страдать, ничего не

сделавши, да еще мелко страдать — так же глупо и несносно, как легко вынести страдание, если оно производит влияние.

«День» мы получаем редко. Об Акс[акове] in ge * Польши Герц[ен] уже писал. Мне жаль — я люблю Аксакова за какую-то своеобразную чистоту убеждения, — а идти приходится врозь. Он вдается в завоевательный панславизм вместо освобождающегося славянства, и собственно руссофилы и лезут в точку зрения незабвенного, заменив абстракт самодержавия абстрактом Руси. Мудрено нам писать, когда никто не имеет права отвечать. Да еще одно: у вас там мелкая литературная дрязга, кажется, стала выше всех общественных интересов. Это досадно, но я принимаю это за мимоходное явление, которое пройдет, как скоро реальное дело начнется посерьезнее.

Напишите, нет ли известий об отмене телесных наказаний. Журналы до 29 апр[еля] говорили об этом с красноречием, а как прошел день торжества, т. е. 17/29 апр[еля] ⁴, то ни единой телеграммы.

Скоро пришлю вам мою визитную карточку, т. е. фотограф[ию], на той неделе, показать вам, что и я не помолодел, и напомнить вам старого друга.

До свиданья же. Я вас жду.

Все мы жмем вам руку.

Когда же вы будете — напишите.

68

Н. В. АЛЬБЕРТИНИ

⟨Лондон, 11 мая 1862 г.⟩¹

Любезный Альбертини!

Перечитывая «Современник» и «Отечественные записки», нельзя не прийти к заключению, что в литературе господствует *дрязга*, вытекающая из раздражительности мелких самолюбий, и что из-за этой дрязги пропадает дело ². Это наводит на мысль, что *эта литература* покончила свое дело так же, как и *это правительство*. И правительство, и литература поставили на ноги вопросы народной жизни, вызвали духов, а совладать с ними, направить их не в силах. Правительство затерялось в мелочи регламентаций и

* В делах (лат.). — *Ред.*

разных личных выгод; литература затерялась в мелочи завистей и личных оскорблений.

Может, и впрямь тут уже нечего делать, нечем помочь и придется оставить больных умирать, как знают. Может быть, число подписчиков на журналы будет уменьшаться по мере того, как число реальных народных деятелей будет увеличиваться. Издатели будут наказаны убытками за то, что личную дрязгу ставили на первый план, вследствие чего утратили понимание дела.

Я думаю, что состояние литературы оправдывает мой скептицизм, мое недоверие к ней, и едва ли вы усомнитесь, что я прав. Но если есть еще искра надежды на выздоровление больных, то решитесь же на усиленную попытку проповедовать в литературе забвение дрязги и союз на общее дело.

Здесь надо различать личности от направлений. Союз с вредными направлениями был бы преступен, союз с благим направлением, при забвении личных распрей, был бы подвигом гражданской доблести.

Каким образом Громека может соединиться с вредным направлением *Каткова*, идущего против реальных экономических начал и бессловного самоуправления во имя узенького доктринаризма? ³ Ведь и защитники Чичерина говорят, что они идут по строгому историческому пути, не замечая, или скрывая, что они идут не по историческому пути, а по пути предательского полицейского доктринаризма. Эдак вашим друзьям может прийти в голову, что ничуть не грешно соединиться и с этим мнимо-историческим направлением, лишь бы это было против *Чернышевского*?

А, по совести, там, где Чернышевский серьезен, разве он не представляет того направления, с которым только вы и можете симпатизировать?

Уговорите ваших друзей забыть обиду и протянуть руку на серьезное действие мнимому врагу, который, в сущности, единомышленник.

Денежно *издатель* от этого только выиграет. Нравственно выиграют *редакторы*, потому что вместо личностей пойдут во имя общего русского дела.

Тот из вас, кто первый протянет руку на союз, тому и честь гражданского подвига.

А если этого не случится, Альбертини, то бог с ней, нехай ее пропадает ваша чиновничье-семинарско-кабацкая литература, и пусть она заменится реальным народным

движением, к которому она оказывается неспособною⁴. Реальное движение создаст свою литературу не кабацкую, а народную.

Ваш *Огарев*

69

Е. В. САЛИАС

Orsetthouse,
Westbourne terrace

Четверг, (19 июня 1862 г.)¹

Пишу сегодня, хотя письмо пойдет только завтра. Приехавши с Isle of Wight *, был завален работой и оттого не отвечал.

Ну, спасибо и тысячу раз спасибо вам, друг мой, и за присланное с Писемск[им], и за троицу, на которую я получил повестку; а больше всего за письмо, которое пришло с поясками и туфлями. Спасибо вам за старую дружбу, которая тепло переходит на детей.

Вот эту-то струну благородной сердечности я и люблю в вас; присоединенная к ней революционная струнка вас спасает в жизни от промахов, в которые впадает глубоко-мысленный доктринаризм, заменивший и то, и другое, т. е. сердце и революционную струнку, книжным построением прусской Philosophie der Geschichte **. Тем не меньше мне было грустно, что вы мою книжку сочли годной для иностранцев³. Подумайте хорошенько и увидите, что она годна только для русских, а иностранцы в ней ничего не поймут на том основании, что: «Du gleichst dem Geist, den du begreifst...» *** (Фауст).

Подумайте хорошенько, и вам не покажется, что все то, что в моей книжке, вам самим очень знакомо. Зачем вы говорите: «ведь я не социалист» и пр. Друг мой, ведь вы никогда серьезно об общественном вопросе не думали; станете думать или нет — и этого не знаю; знаю только, что благородное сердце и революционная струнка вас спасут. О боге я спорить не стану; я проповедую веротерпимость. Я не вижу поэзии в неопределенных самоутешениях, а только слабодушие. Я теоретический вопрос ставлю

* острова Уайт (англ.). — *Ред.*

** Философии истории (нем.). — *Ред.*

*** «С тем равен бываешь, кого постигаешь» (Гете «Фауст», перев. А. Фета). — *Ред.*

очень высоко; он страшно важен, он d'emblée * очерчивает весь кругозор, но я дошел до веротерпимости на пути практическом и на необходимости общественного развития данными средствами, а не просто путем разума. Но лучше об этих вещах не говорить, благо есть почва личной привязанности и одинакового общественного негодования...

Что сказать вам о письме Женни? Я не думаю, чтоб русский Молилари — Горлов практиковал в направлении 3-го отделения, но притеснительные вопросы его так из рук вон глупы, что я полагаю, что Горлов так действовал только потому, что он — Молилари, т. е. тупорожденный³. Но все это скучно. И все же Женни прав: зачем вы его толкали в кандидатуру? Он остался бы хорошим человеком и без казенно-ученого диплома. Что диплом ему не поможет быть мировым посредником, это вы увидите из того, что хорошие мировые посредники гуртом идут в отставку. Мое предсказание сбывается: в этом положении хорошие посредники, подразнив народ возможным приблизительным правосудием, вынуждены будут идти в отставку и оставят народ, настроенный на новый лад, с старым помещицеством и посредниками-взяточниками. Как революционный фермент — оно куда ни шло, но только это тяжело. Стало, и тут Женни нечего искать карьеры. Пусть ему собственное чутье укажет бездипломную дорогу. Велите ему только беречь здоровье, пока жизнь его может быть полезна. От этого я перехожу к вопросу вашего приезда в Лондон. Вы на 4 месяца зимних в Лондоне! Нет, друг мой, этого вы не выдержите. Мне дышать нечем в лондонском воздухе, а вам, да и Женни, зимний сезон здесь будет положительно вреден. Поверьте — лучше приехать в сентябре и прожить до конца октября; обычно это лучшее время. Что вы не приехали теперь — это, может, счастливо, потому что холод, как в марте, дождь и сырая мгла постоянны. В Вентноре был такой холод, что я всех своих перевез в Cowes — северо-западный, но закрытый от ветров берег острова. Как на зло нынешний год, самый ужасный из моего 6-летнего пребывания в Англии. Но судя по средней сложности температуры, осень будет хороша, и мой совет — прожить в Англии осень, а никак не зиму.

В России вот что: пожары и Петербург в осадном положении⁴, т. е. 4 генерала в 4-х частях города имеют право

* сразу (франц.). — Ред.

судить военным судом в 24 часа. Вчера в Ливерпуль пришла телеграмма от английского негоцианта из Петербурга, чтобы остановить его корабли, готовые к отплытию в Россию, потому что дела в России не такие, чтоб рисковать привозом товаров. Курс упал на 1 пенни.

Смутно, тяжело и отрадно это время. Я уверен, что пожары приведут к реакции, заставят высшее сословие порешительнее отказаться от своих прав, чтоб народ не счел их за поджигателей и чтоб иметь возможность сойтись с народом так, чтоб *вместе* требовать Земского собора. Без этого сближения, во имя отречения от сословных прав и общего собора, правительство всегда наплюет на всякие конституционные попытки и адреса, что вам факты доказывают и будут доказывать.

Пояс Лизе отправляю завтра; а троицу на той неделе. Вы не можете поверить, а может быть, напротив вполне можете поверить, как ваше участие к Лизе идет мне до сердечного дна. Жму вам руку. Прощайте.

Хорошо было бы, если б я Кельсиеву не написал из Вентнора о ваших деньгах: Трюбнер *забыл* их послать! Что касается до моих, то *когда вам будет легче* *, — вышлите через какого хотите банкира.

⟨Приписка рукой Герцена:⟩

Позвольте и мне поблагодарить вас за русские гостинцы.

70

Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧУ

⟨Около 8/20 июня 1862 г.⟩¹

Давно не удавалось побеседовать с вами, дорогой друг. В минуту жизни трудную мы как-то разобщены, и коротенькие вести *не достаточно* дают пищи для людей, жаждущих подробностей. Но минута жизни трудная, покачавшись из стороны в сторону, пройдет к осени. Чуть ли даже не так досконально пройдет, что и вовсе заглохнет без следа. Что же останется? Останется общий фон — не минуты, а години трудной. Мне кажется, что уяснять необходимость Земского собора становится делом обязательным. Губернские земские думы, о которых пророчат к тысячелетию, успокоив умы на полгода, дадут новый элемент удобства в выборах

* или: легко.

и опять приведут к необходимости Земского собора. Состоится ли он? будет ли он сам чем-то переходным или действительно организует — как знать! Но я думаю, что из всех последних событий вы убедились, что мое озлобление на литературную дрязгу не было слишком пусто; мое озлобление шло к тому, что я вообще в петербургской суете не вижу исхода. Тут нет живой жизни, нет построения будущего и нет места для коренного движения и преобразования. Опять прихожу к моей теме, шепчу и кричу ее вам в уши, чтоб она неотступно вас преследовала: живая жизнь в провинциях; если у вас нет корня в провинциях — ваша работа не пойдет в рост. Я даже рад, что Петербург не в силах ничего сделать, потому что все, что он ни сделает, будет иметь результат только тот же — отместку провинций. Уясняйте цели² — провинциям, ищите друзей в провинциях. Вы только в провинциях встретите народ, а не мещан-извозчиков, для которых всего менее понятна коренная цель — земской земли.

Мне жаль молодежь, которой я не обвиняю, потому что за молодость обвинять нельзя; это физиолого-патологическое явление, которое быстро проходит. Мне жаль и ваших мещан-извозчиков — они не виноваты.

Рознь вершук с народом* слишком велика, чтобы понять друг друга, и сближение их всего меньше возможно на Невской набережной и Марсовом поле; оно возможно только при реках черноморско-каспийских.

Оставьте мертвым погребать мертвых. Работайте в провинциях.

Крепко обнимаю вас обоих. Вестей побольше — ради бога. N.³ — золотая душа, преданная бескорыстно, преданная наивно до святости.

⟨Далее рукой Герцена:⟩

Кажется, речь о нашем сбежавшем восточном приятеле. Поклонитесь ему — это преблагороднейший человек; скажите ему, что мы помним и любим его.

Прилагаю офиц[иальное] письмо; если оно не так написано, я готов написать и другое. 10% я поставил зря, — уменьшайте и увеличивайте — делайте, как знаете⁴.

Чтоб не забыть — прибавлю еще маленькую просьбу. Если Вам нельзя, любезный друг, самим приезжать с письмами, то пишите их так, чтобы можно было хоть половину разобрать. Мы мучились день целый — и то не все прочли. Вместо воскресных школ я стану-юсь воскресной школой. Да вы не сердитесь.

* Слово вырвано шнуром дела. — *Ред.*

А какова «Совр[еменная] летоп[ись]»? Вот я вам вылупил из хризалиды * Кат[кова] и Леонт[ьева] ⁵.

Если скоро будет оказия, напишите. Знаете ли вы г. Перетца — он, кажется, очень хороший и образованный человек.

Дайте вашу руку. У меня сегодня очень болит голова — и потому написал один вздор. Прощайте.

Мы готовы издавать «Совр[еменник]» здесь с Черныш[евским] или в Женеве — печатать предложение об этом?

Как вы думаете? ⁶

71

Е. В. САЛИАС

(Лондон), 8 июля (1862 г.) ¹

Много прошло времени с тех пор, как я получил ваше письмо из Спа. Я успел побывать и на Isle of Wight ** у семьи, успел воротиться в Лондон и работал во все лопатки. «Колокол» я вам послал. Скоро пошлю другой, где вы найдете статью Герцена, лучшую его статью, которая может послужить вам ответом на ваше письмо к нему ². Слабые вы люди, старый друг мой, фантазирующие человечество по своей фантазии, называющие «неблагодарною землею землю, столько зол взрастившую, столько беззаконий терпевшую, столько крови пролившую» (это из вашего письма ко мне), как будто есть где-нибудь земля, в которой бы история шла иначе, не путем безумий и кровопролитий, а каким-то углаженным шоссе, — не результатом борьбы и столкновений элементов и сил, а какой-то наперед рассчитанной канителью! Вам горько, что стадный плотоядный зверь кровожаден, да и мне горько, только что это факт, против которого мы бессильны; все, что мы можем делать, — это настолько разъяснять вопросы, чтоб взгляд на вещи становился яснее и борьба достигала бы цели определеннее, следственно легче, следственно мягче. Но удастся ли когда-нибудь изменить физиологическое построение породы так, чтоб *понимание* было развито у всех настолько, чтоб можно было *столковаться* о лучшем общественном устройстве, прийти к всеобщему сознательному *contrat social* ***, — этого я не знаю, да и никто не знает. Стало, ожидать, чтоб ход разви-

* хризалида (франц. — chrysalide) — куколка бабочки. — *Ред.*

** острове Уайт. — *Ред.*

*** общественному договору (франц.). — *Ред.*

тия человеческого вообще, и русского в особенности, катился по маслу, было бы несбыточной утопией. Личной задачей остается — не терять сочувствия к страданию и не пугаться перед совершающимися событиями. Что вы будете дальше делать, когда обстоятельства станут все резче и резче ставиться острыми краями друг к другу, — а предотвратить этого нельзя, даже ударившись в чичеринскую централизацию, — что вы станете дальше делать, когда вы пугаетесь пустой прокламации и обычного огня и готовы перейти к обвинительным актам катковых³, которые лезут присоединяться к обвинительным актам 3-го отделения. Стыдитесь, старый друг мой! Имейте храбрость смотреть действительности в глаза, не создавая себе утопии истории в виде подушки, набитой клыками плотоядного зверя, но мягкой, как пуховая.

Не видел я эффекта, произведенного троицей на Лизу. Посылаю вам письмо Натали об этом, которое получил вчера. Надо вам сказать, что я троицу достал только в конце прошлой недели, показал Ольге; Тата подклеила головки и отправили мы троицу в Cowes. Вы говорите о маленьких детях, как о кусках мяса. Позвольте: другая дочь — Елена — имеет такой умный вид, что я не надивлюсь на нее, точно большой человек в маленьком размере. Мальчик поплосше, но добродушен и влюблен в сестру, а та, как следует большому человеку, — сама по себе и не замечает.

Вот и ваша Оля идет замуж. Скажите ей, что я искренно желаю ей счастья. Какой же это Жуков? Знаете ли вы его? Есть ли вероятности жизни сердечно-спокойной?

Кстати к Жуковым, друг мой. О своих деньгах вы не хлопчите, если через три месяца около — отдадите, то мне будет ко времени. Но не удастся ли вам стянуть с Жуковых 2500 руб. ассигн., которые они мне должны. Не говорю о процентах, но за капитал ручался ваш отец, я ради него и дал займы и ради него никогда не протестовал. 10-летняя давность по закону прошла, а по правде тут давность ничего не значит. Если можно — стяните, это мне бы очень кстати пришло.

Ну, прощайте, — на скверном месте письма зовут завтракать. Не хотел бы я останавливаться на денежных отношениях, но голод и время заставляют кончить. Жму вам руку.

Ваш Огарев

Есть ли у вас последний выпуск «Полярной Звезды»? ⁴
Если нет, то я пришлю.

⟨Далее рукой Герцена:⟩

Благодарю вас за ваше письмо, странное дело, что я его получил именно в то время, как писал для «Колокола» на него ответ, — исправнее нельзя и быть, как писать длинный ответ за день до получения. Вы увидите в нем (стат[ья] под заглав[ием] «Молодая Россия и старая Россия» в след[ующем] листе) наше глубокое мнение и откровенное — и о юношеской запальчивости и о эпидемическом страхе.

Мне Клячко говорил о подобном переводе Пиотровского и друг. — о том же переводе вы пишете или нет?⁵ Трибнер не хочет издавать — издавать на свой счет мы не можем. Но сделаем все возможное для облегчения или сбыта. Бакунин далеко не так Грахх Бабеф, как вы думаете, да и если б и так был — на меня ни он, ни кто другой не может иметь влияния в направлении. Ведь мне 50 лет.

Потрудитесь справиться на почте о «Колок[оле]» от 1 июля — там статья «Концы и начала» по поводу «Отцы и дети» и Тур[генева].

72

ДЖ. СТЮАРТУ МИЛЛЮ

⟨Вторая половина июля — август 1862 г.⟩¹

Милостивый государь,

Мне уже давно хотелось послать вам мой «Опыт о современном положении России» ². Должен признаться, до сих пор меня удерживала какая-то робость.

Я думал: а что, если вопрос не представляет для вас достаточного интереса, а что, если реформа в России занимает вас столь же мало, сколь и моя книжечка.

Я написал ее по-французски, но имел в виду свою русскую публику, добрая часть которой еще ищет истину в иностранной прессе. Если же я хотел и хочу, чтобы меня прочитал кто-либо из европейцев, то уж, конечно, прежде всего вы, милостивый государь, потому что я уважаю в вас проницательного мыслителя.

Я только что прочел ваши «Considerations on representative government» *, и вот мной вновь, уже с непреодолимой силой, овладело желание послать вам свою книгу. Невозможно, чтобы факт такой важности, как предстоящая в ближайшее время неминуемая реорганизация огромной страны на основах *обычного* права каждого на землю и выборного

* «Замечания о представительном образе правления» (англ.). — Ред.

selfgovernment *, которое возникнет, как только **, в силу собственной своей несостоятельности, захватническая бюрократическая власть начнет рушиться, — невозможно, повторяю, чтобы подобный факт прошел незамеченным вами. Итак, я позволяю себе послать вам свою книгу не из авторского самолюбия, а по глубокому убеждению, что такой человек, как вы, не должен, *не может* равнодушно пройти мимо *фактов*, социальное значение которых столь велико, что они неизбежно войдут существенными элементами в историю будущих поколений.

Я полагаю, что совершенно согласен с вашими принципами ³, и если в моей книге некоторые частные выводы показались бы вам спорными и сомнительными, то это потому, что поистине никому не дано отрешиться от взглядов, которые личность черпает в своей национальной традиции и в привычках к определенному порядку вещей. И если эти различия во взглядах и не приводят к истинам абсолютным, они, по крайней мере, предохраняют от праздных попыток приложения предвзятых теорий и от неопределенности абстрактных принципов ⁴. Симпатия, которую я питаю к вашему образу мыслей, внушает мне надежду, что моей книге удастся привлечь ваше внимание к развитию моей страны. Однако спешу добавить, что события разворачиваются у нас быстрее, нежели это вообще полагают, и если б мне пришлось готовить английское издание, я был бы вынужден, не изменяя ничего по существу, снабдить книгу обширным добавлением. С тех пор появились новые реформы или, вернее, *должны появиться* (ибо они находятся в стадии официальных проектов). Они ускорят и в то же время замедлят устремления страны к всеобщему selfgovernment'у. Это — судебная реформа и реформа управления сбором и расходованием местных средств. Противоречие, которое я отмечаю, говоря о замедлении и ускорении, приводит не к нулю, а к колебательному движению.

Как отправная точка для общей реорганизации, реформы эти вполне радикальны. Как законы, они представляют собой подражание французскому кодексу, а в отдельных случаях и английскому законодательству, сохраняя, однако, за императорской властью ее львиную долю. Такие реформы удовлетворяют многих равнодушных людей и замедляют

* самоуправления (англ.). — *Ред.*

** Далее зачеркнуто: империя. — *Ред.*

движение. Но в то же время они будят вопросы и делают разрешение проблемы все более и более неизбежным. Народное представительное собрание, избранное на основе всеобщего (двухстепенного, иначе я себе его не мыслю) избирательного права, — вот идея, которая, мне кажется, волнует сейчас всю страну.

Если при чтении книги у вас возникнут какие-нибудь вопросы, явится желание получить объяснение и узнать подробности, вы доставите мне огромное удовольствие, обратившись ко мне.

Примите, милостивый государь, и пр. *

Мой адрес: Л[ондон] О[рсет] Х[ауз] В[естборнская] т[ерраса]. Тут я живу постоянно, вместе с другом моим, г-ном Герценом, труды которого делю.

Ваши «Основания политической экономии» были переведены и комментированы в русском журнале «Современник» г-ном Ч[ернышевским]. «Современник» был запрещен правительством, а ваш комментатор находится сейчас в каземате п[етербург]ской крепости. С одной стороны — реформы, с другой — преследования; наше правительство развивает теорию колебаний, в высокой степени революционную ⁵.

73

ИЗ ПИСЬМА Н. М. САТИНУ

(сентябрь 1862 г.)¹

(Рукой Герцена:)

Любезный Сатин, отъезд твоего племянника дает мне случай пожать твою руку и — не сердись — и спросить тебя: ты сломал или нет жезл над нами, грешными, за нечестивые слова наши? Если нет, как я думаю, — беги Москвы, тебе там тяжело будет ². Помнишь ли ты, как года три тому назад мы с тобой шли по Regenstr[ee]t и ты удивился моему злобному тону о бывших друзьях? Теперь и его нет. Для меня Кетчер, Корш ³ — это догнивающие трупы чего-то близкого; клеветы Чичерина, приятели Павлова ⁴, абсолютисты, они заставляют меня краснеть за былое. Беги Москвы, если не имеешь твердой воли разорваться с ними или дозволить при себе обругивание нас... Пусть благородное сердце твое спасет тебя от этих крикунов, риториков, довольствующихся шумом в кофейной и попойками à propos de bottes **.

* Далее зачеркнуто начало постскриптума: «P. S. Извините недостатки издания; вина лежит на издателе; я постарался исправить от руки наиболее недопустимые печатки». — *Ред.*

** без всякого повода (франц.). — *Ред.*

И тут еще всякая гнида à la Stankewitsch jun. *⁵ и от природы глупорожденный кривец Мельгунов ⁶. Что за скотный двор, в котором Катков боровом, а Леонтьев филологом.

Мы идем нашей дорогой с О., не сбиваясь с нее, идем так же, как шли в 33 году, 43, 53 и как пойдем в 63. Люди становятся меньше нужны — с Грановским умерла Москва, и, может, это счастье для Грановского, что он умер.

Вот это-то было у меня на душе — тебе сказать...

...С письмом моего associé ** совершенно согласен. Такие теоретические размолвки — уже не размолвки, а разрыв, где внутренне глубоко уносишь чувство печали и презрения, а наружу можно выступить только с словом ненависти и проклятия. Тяжело должно быть тебе, друг! Тут уж дело не идет о личностях, где оба могут быть правы или один только, но где примирение возможно; тут приходится отстаивать правду или идти в измену ⁷. Я слишком уверен в тебе, что ты не пойдешь в измену, как бы ни сильна была и сентиментальность сожалений, и действительная привязанность к лицам. Я знаю, как у тебя и то и другое сильно, и потому мне вдвое больнее за тебя, потому что тебе вдвое тяжело.

Но оставим похороны. Отчего ты так редко даешь о себе вести? Отчего никогда ничего не скажешь о родной местности? Напрасно стараюсь воссоздать в воображении далекие события, ваше положение, вашу деятельность — ничего не могу сообразить. Одно бы живое слово, т. е. хотя писаное, но живое, и я бы знал и вздохнул бы свободнее...

Целую детей и стариков, целую вас середних. Помните нас... Жаль, что Натали не успела написать при сем. Впрочем, она может скоро вознаградить другим случаем.

Ну, прощайте! Руки ваши.

74

В. Ф. ЛУГИНИНУ

Ричмонд, 30 октября 1862 г.¹

Вот где меня застало ваше письмо, мой юный друг (в pendant *** , к стар[ому] другу), и мне страшно досадно, что надо торопиться и *писать ventre à terre* ****. Откладывая печатание адреса на 6 недель, я уже вскоре пришел к убеждению, что надо отложить на гораздо дольше

* наподобие Станкевича-младшего (франц.). — *Ред.*

** товарища (франц.). — *Ред.*

*** дополнение (франц.). — *Ред.*

**** во всю прыть (франц.). — *Ред.*

время². Вы знаете, что меня заставило спешить; шансы вполнину склоняются к необходимости воздержания, чему я был глубоко рад, ибо трубная революционная агитация для меня ненавистна; я из нее много не могу сдюбировать*, как человек сдюбрует** град и молнии, но находить прелесть в движениях нерассчитанных, неверных и потому ненужных, для меня противно. Я ушел из Лондона в Ричмонд на одиночество работать и пишу разбор основных положений преобразований судебной части. Пожалуйста, плюньте на мои примечания к докладной записке, — это было поспешно и неудачно, но следующие статьи в «Колоколе» прочтите со вниманием³: я на них основываю вывод необходимости Земского собора. От этого я думаю, что статья в адресе о судебной части теперь мною поставлена, как следует. Из поправок и вставок вы увидите, что может И. С.⁴ удовлетвориться более. Между нами будь сказано, он на меня дуется года 4 из-за пустых причин, и мое участие — ему рекомендация против; поэтому я вам советую, если у него есть экземпляр, выманить его обратно. (Пожалуйста, не подозревайте личности с моей стороны; я этого человека люблю, но он не выше иных маленьких сторонков жизни) и дайте ему забыть адрес. Сам он едва и напишет, а ваша мысль о тверских до такой степени верна, что я почти уверен, что они согласятся, лишь бы не менялись две вещи: способ выборов и требование бессословности (без чего отказ останется без влияния на массы и согласие при другом способе выборов было бы губительно), на остальные перемены я закрываю глаза. Я уверен, что критику Положений тверские оставят, как есть, или изменят редакцию, не меняя содержания. К тому, о ком говорил вам, можно отнестись от нас, а когда адрес оттуда воротится, тогда и И. С. его подпишет, как дело *тамошнее*. У него составились отменные понятия: «Например, уставные грамоты скоро будут подписаны». Брат К.⁵ писал к нему 2 недели назад, тоже и теперь пишет, что он не как понаслышке, а на деле увидел, что крестьяне их знать не хотят и подписываются они без их согласия и т. д. Я не смотрю на правительств[енные] реформы враждебно, после губернских дум им нечего будет реформировать важного, и эти три реформы: крестьянам, судебная и conseil administrative***, никого не удовлетворят. Дело

* переносить (от франц. — *subir*). — *Ред.*

** переносит. — *Ред.*

*** губерские правления (франц.). — *Ред.*

пойдет потише, попрочнее. Я поправок для себя исправить не успел, и потому вы их мне возвратите или пришлите мне копию адреса с оными. Как же я рад, что вы во всем храните инкогнито, потому что осторожность нужна.

Перед вашим отъездом необходимо увидеться. Мы вскоре переедем в Ричмонд; я нашел дом удивительный — и дешево. Спешу идти на почту. Боюсь, что уже поздно. Письма ваши получены.

После слов: «не признав за народом общей всем одинаковой равноправности»: «Освобождением крестьян из крепостной зависимости Вы произвели, государь, спасительный коренной переворот в России; возвратиться вспять крепостному праву отныне невозможно.

Предполагаемым преобразованием судов вы высказали намерение, после которого уже настоящее бессудие держаться не может. Но правительство в[ашего] вел[ичества], несмотря на ваши добрые и благие начинания, оказалось не в силах, государь, постановить ясные и определенные преобразования. Вследствие запутанности «Положения» о крестьянах, не развязавшего окончательных обязательных отношений одного сословия к другому, дворянство остается без вознаграждения за утраченное, без пособий для работы и, смело скажем, без пособий для пропитания, исключая дворянчиновников, получающих жалованье и награды, которые падают на народ тяжелым налогом. Правительство в. в., вместо пособия дворянству, поспешило отнять у него помощь обычного казенного кредита и чрез это лишило дворянство последнего доверия со стороны народа, потому что никто не идет работать по найму к помещикам, которые не в состоянии заплатить за работу, — помещичьи земли остаются необработанными.

Между тем, «Положения» дали возможность урезать крестьянскую землю. Крестьяне не уверены, что они сохранят завтра ту землю, которую обрабатывают сегодня. Устав[ные] грамоты подписываются большею частью без их согласия. Выкуп обременительный и невозможный по способу, принятому «Положением», подвигается относительно целого населения в ничтожных размерах и не успокаивает народа; его положение становится невыносимо; он видит попрежнему, и более прежнего, в каждом помещике своего врага и в распоряжениях вашего правительства — хитрые козни чиновников. Мировые посредники не в состоянии помочь делу; под влиянием сбивчивых предписаний министерства,

они оставляют места, на которых не могут принести пользы, и народ, без того взволнованный подписанием под власть посредников недобросовестных, и окончательно озлобляется против всего, что не принадлежит к народу по платью, по обычаю и по сословным преимуществам. Земля остается невозделанною. Покупатели без денег; купцы не могут сбывать своих товаров и неохотно покупают их у своих производителей. Фабрики останавливаются, города разоряются, ярмарки торгуют в убыток. Все дорого, денег нет, и между тем кредит[ные] билеты постоянно падают в цене. Доверие к государственной состоятельности колеблется, частного кредита не существует.

Государственные займы ложатся новыми налогами на страну, которая перестает производить, и несколько не помогают восстановить денежного курса, потому что звонкой монеты в непродвинутой стране удержать нельзя.

Государственные крестьяне безмолвно ждут себе новой участи, с доверенностью, что правительство, состоящее из чиновников, выскажет благие намерения царя; общее экономическое расстройство не только не позволит им приступить к выкупу своих даровых земель, как предполагало министер[ство] в. в., к выкупу, равно обременительному и несправедливому, но окончательно вызовет их ненависть к устраивающему их чиновничеству.

Предстоящее рекрутство при общем оскудении страны (без всякой угрожающей опасности от внешнего врага) будет тяжелым ударом для народа, который ожидал совершенного преобразования системы рекрутства и не успел еще забыть, сколько денег и людей он пожертвовал на недавнюю и бесплодную войну.

Почти половина крестьянск[ого] и городского населения, теснимая и преследуемая за уклонение от господствующей церкви, при сродной народу веротерпимости, повсеместно вооружает мнение народное против гонений за веру, которым никто не сочувствует, кроме чиновников, ищущих личной корысти.

Уничтожение откупа при сохранении того же обременительного и неимоверного налога на вино не удовлетворит народной потребности и, несколько не ослабляя вредного пьянства, помешает благоразумному употреблению обычных напитков.

Основные положения преобразования судебной части, приняв за правило отделение судебной власти от админи-

стративной, создают, в противоположность своему правилу, такую сильную администрацию над судебной частью в лице министра юстиции (генерал[ьного] прокурора и подведомств[енных] ему прокуроров), что искажают все, что содержит в себе благого, тем более, что в некот[орых] случаях заседатели не участвуют и что ни один закон не воспрещает произвольно заменять обычные суды особыми военно-судными комиссиями. Сверх того, крестьянство и в новом судопроизводстве увидит, что, несмотря на то, что различие подсудности по сословиям отменяется, учреждение судов остается сословным и не удовлетворяет народа.

Предположенные губернские думы всего яснее укажут, какая бездна разделяет народ от правительственных властей.

Предположенная децентрализация военного министр[ерства] поставит Россию в осадное положение и окончательно взволнует ее. Реформы начаты. Возвратиться назад невозможно; а между тем постанова их никого не удовлетворяет. Всеобщее неудовольствие растет, всеобщее разорение подвигается быстрыми шагами. Всеобщая нужда подвергнет опасности самый престол в. в., государь, не спросясь народа и пр. и пр. ...»

В конце, после слов: «все вопросы, которые Земский собор почтет нужным обсудить и решить»: «Уверенный наперед, что он не разойдется, не покончив трудов, на него возложенных избравшими его, и что ни один из членов его не будет подвержен за свою мысль и речь ни аресту, ни преследованию.

Из любви к Отечеству и проч.»

Статью об откупках можно выбросить, если сочтете лишнею, а если оставить, то непременно или прежде или тотчас после статьи рекрутства, но никак не после ст[атьи] раскольников. Я думаю, лучше прежде статьи рекрутства.

ИЗ. Если сочтете лишним, выкиньте, но я думаю, что она имела бы хорошее впечатление на низшее сословие.

ИЗ. «Предположенная децентрал[изация] военного министерства, вводя всюду военное управление, совершенно противуречит преобразованиям, начатым в. в., ставит Россию в осадное положение и окончательно раздражит всех людей в государстве, к какому бы сословию они ни принадлежали».

Я думаю, так лучше. Остальное по-старому ⁶.

М. А. БАКУНИНУ

31 октября (1862 г.)¹

Любезный Бакунин, я твоего письма к графине не послал; у меня не было ее адреса². Теперь он есть, но я рассуждаю: если Л[угинин]³ говорит о ее поездке, то поздно, и, затерявшись, письмо может наделать бед. Если не о ней, то вовсе не поздно, потому что значит она долго не уедет и письмо твое не опоздает. Компрометировать ее я боюсь из-за тысячи причин, а не застань ее письмо, — это было бы *finis* *. Напиши же мне тотчас, — о ней ли говорит Л[угинин] или не о ней. Если не о ней, то я тотчас пошлю. Надеюсь, что ты поймешь мое «*dans le doute abstiens toi*» ** и не поставишь мне в вину. В этом случае мне бы этого не хотелось, потому что, конечно, лично для тебя я готов сделать от души все, что по силам, не только такой пустяк, как посылка письма.

Но теперь о безличном. В безличном я на тебя не то что сердит, Бакунин, а я утрачиваю в тебя мою человеческую веру. Не сердись на меня за откровенность, как сердятся обыденные французы; а просто задумайся искренно и спроси себя по совести, прав я или нет.

Вот факты:

Когда пришел указ о том что 5/1 000 не значит 25 000 рекрут с городов, я вспрыгнул от радости, видя в этом пресечение попытки губительной для блага России, для наших убеждений, для народной свободы, для всего, что нам свято и дорого⁴. Ты же переменялся в лице от дезориентации, в которую это обстоятельство тебя поставило. Ты затем и хочешь вредной попытки, потому что она тебе дает занятие, хотя бы и вредила *делу*. Войди вглубь самого себя — и очистишь. Говорю не в укор, а как мольбу о том, чтоб ты выше себя поставил дело, выше себя свою человеческую чистоту.

Затем вижу твою записку, где ты сердисься на судебную реформу и хочешь писать о ней. Пиши, Бакунин. Но спроси себя искренно, — работал ты когда-нибудь над судебным вопросом, — не то уж что читал и изучал, — а думал ли когда-нибудь серьезно? Вообще государственный вопрос, вопрос общественного учреждения, помимо агита-

* кончено (франц.). — *Ред.*

** при сомнении — воздержись (франц.). — *Ред.*

ции, занимал когда-нибудь серьезно твою мысль? Спроси себя искренно, становясь перед правдой, как христианин перед Христом, — и решай сам.

Для меня наше поведение ясно: правительство делает $2\frac{1}{2}$ *переворота* — 1) освобождение крестьян, 2) судебная реформа, 3) дробь падает на губернские думы. Все три штуки *как учреждение* зыбки, а как переворот ставят безвозвратно новую Россию. Но в этих $2\frac{1}{2}$ реформах правительство истощает свои задачи; дальше оно реформировать не может, а эти реформы только недоконченности. Стало, пока они все не начаты *de facto* *, русский запрос будет таиться и ты его ничем не вызовешь к делу. Как скоро они начнутся в практике, ты не удержишь дела и необходимость выборного законодательного собрания или будет дана по требованию или произведет восстание. Этот конец надо готовить, готовить прочно, терпеливо и безостановочно. Ближе 69 года ты его не приготовишь; он не имеет данных ближе сложиться, а к этому времени, естественно, истощатся правительственные реформы ⁵. Этот путь так ясен, что, не потерявши рассудка, нельзя не видеть его. Доживем ли мы, — это другой вопрос, да я думаю и второстепенный. Что хочется дожить — участвовать, что будешь работать до издыхания, — это все так, это слишком естественно. Представь себе, что я бы влюбился в девушку, которая еще не доросла. Настоящая любовь, человеческая любовь скажет: пусть вырастет и да будет счастлива, с кем бы то ни было; если случится, что меня полюбит, — спасибо судьбе за счастье: а умру я прежде, — лишь бы она была счастлива. Этого преданного отношения к делу требую я. Всякое чувство самолюбивой ревности — я считаю безнравственным преступлением.

Тут была написана вещь, которая оказалась несправедливостью, и потому прошу прощения.

Если ты ищешь себе занятия, хотя бы по дороге погибла надолго русская свобода и рост внутренней организации народа, — я враг тебе.

А покамест, твой друг *Огарев*

Л[угинину] адрес исправленный я отправил, но списать не успел. Он пришлет.

* фактически (лат.). — *Ред.*

Е. В. САЛИАС

Четверг, [февраль 1863 г.]¹

Ну что же это, мой старый друг, вас так недобрые люди притесняют? Да, право, уж лучше поезжайте к *heureux habitans des beaux vallons de l'Helvetie* *. Только ведь там, должно быть, тоже скучно. Но что же делать? В наши годы человек притерпелся к жизни и должен уметь скучать, а вместе с тем создать себе то внутреннее занятие мысли, которое в старину представлялось в форме религии, иным является в форме науки, другим в форме искусства, — и оно-то спасает. Да спасает меня еще убеждение в возможности развития основ русской жизни в сильный строй новой цивилизации. Без этого, конечно, надо бы перестать работать; а с этим убеждением приходится переживать мучительные годы общественной судороги и уклонений от здравого смысла, переживать в терпении, даже не зная, переживешь ли их или они переживут тебя. Но покуда смерть не прихлопнет — надо же взять на себя терпенье и продолжать свою кротовую работу в общественном мире, уходя иногда на отдых в науку или искусство. Хотя и этот отдых то полон неразрешенными запросами, то теми же тяжелыми мотивами общественной жизни, но все же это отдых. Знаете что — пишите-ка опять роман. Кончаю, потому что П. едет². Герц[ену] сегодня будет некогда писать, напишет по почте.

В. С. ПЕЧЕРИНУ

Orsetthouse, Westbourne terrace

29 марта 1863 г.¹

Любезный соотечественник,

Получив ваше письмо от 13 марта², я хотел было тотчас писать к вам; но разные недосуги помешали. Я выжидал минуты спокойной мысли.

* счастливым обитателям прекрасных долин Гельвеции (франц.). — *Гед.*

Наша переписка не должна так кануть в воду, бесследно. Вера, что вы возвращаетесь в народ русский, меня не покидает; ваше письмо не поколебало, а усилило ее.

Я не люблю затаенных мыслей и не верю в успех недосказанных слов; я буду совершенно искренен. Может быть, вследствие искренности скептик и католический священник не станут спорить о вопросах, в которых не переубедят друг друга, но подадут друг другу руку на дело, где между ними нет разномыслия и общий вопрос решается одинаково.

Человеку необходима теория мира; это — факт. Цель религии — теория мира, цель науки — теория мира. Бесчисленность явлений и отношений делают задачу науки бесконечною. Всегда остается неудовлетворенность теорией гипотетической или теорией недоконченной. Достижимое в жизни общественной — только свобода верить и познавать, не стесняемые никаким господством какой-либо отдельной теории. На достижении этой свободы и сопряженных с ней свободных гражданских учреждений мы сойдемся.

Это ясно. Вы с уважением к человеческой свободе вытерпите мой скептицизм; я ни единым грубым прикосновением не дотронусь до вашей веры.

Но где же наше реальное поприще? Где вы «возьмете орифламму в длани»? ³ Где сливаются ваша безумная вера, что путь не кончен, несмотря на ваши 55 лет, и моя безумная вера, что вы возвращаетесь в народ русский?

Взгляните на Польшу. Помимо религии, она выставила некогда мощную, свободную аристократию, которая возвеличила ее и потом сгубила, потому что народ (plebs), униженный ею до рабства и бездомничества, стал равнодушен к национальному вопросу; для раба отечество, не дающее свободы, перестает быть отечеством.

Взгляните на Россию. Она выдвинула могучий царизм и чиновничество — дворянство. Народ не разрушился как польский народ, потому что посреди рабства сохранил свою внутреннюю ткань, которая способна перейти в свободное устройство, как скоро царизм и чиновничество отвалятся.

Если революционная Польша не восстановит народа, она не выиграет дела. А восстановить его она может только отдачею ему земли. И вот вопрос польской свободы становится на один уровень с вопросом русской свободы.

Зачем же они враждуют? Где возможно примирительное соприкосновение?

Смело отвечаю: в Литве.

В Литве народ примкнет к революции, если она отдаст ему землю; а она на это решилась.

В Литве три населения: католическое, униатское и русское старообрядческое. Около Литвы — православные господствующей церкви и долею также старообрядцы.

Католические священники польские не в состоянии примирить племена; они идут из национальной ненависти. Кто же может внести слово примирения католических племен с не католическими — во имя общего восстания, во имя свободы церквей, во имя падения аристократий, чиновничеств и царизма, во имя земли и воли?

Тот, кто не делит врознь племенной любви к русскому народу и любви к племенам католическим, — это католический священник русской крови.

Конечно, тут об обращении русского населения в католицизм так же мало может быть речи, как и об обращении людей религиозных в науку. Это было бы праздной мечтою. Дело идет только о примирении родственных племен во имя плебейской земли и воли и свободы церквей, свободы веры и знания.

Может, и с моей стороны это старчески-младенческий бред? Может, и я — положительный материалист — принадлежу к числу фанатически верующих в свое дело!.. Как бы то ни было — вот вам вся моя мысль до тла.

Вы пишете, что вас смолоду тянуло «на запад»... к солнцу заходящему. Наша переписка доказывает мне, что такое же неодолимое чувство тянет вас теперь на восток... к солнцу восходящему.

На рубеже католицизма и Руси — их примирение в общую свободу.

Там ваше место.

Подумайте — и скажите ⁴.

Глубоко вам преданный *Н. Огарев*

78

М. А. БАКУНИНУ

21 апреля 1863 г. ¹

Primo * — радуюсь, что твоя жена доехала в целости; я, было, начинал пугаться — не случился ли чего. Жму ей руку. — Я пишу наскоро, чтоб сегодня же послать, и тебя

* Во-первых (лат.). — *Ред.*

прошу лучше пиши наскоро *часто*, чем изредка много, потому что оставаться без свежих вестей от вас, от которых даже из газет ничего не узнаешь, нельзя. Пожалуйста, не отправляй Финна в Питер ² — прежде моего следующего письма или присылки Саши, или чего-либо такого очень определенного. Серьезно требую этого, ибо считаю нужным до поездки Финна некоторые нужные вещи сообщить. От сего числа через неделю буду в состоянии сказать, что и как ³. Посуди сам — теперь идет речь об ответе п[етербургско]го п[равительств]ва на европейскую ноту ⁴. Война или не война? Если война, то нам ничего не остается, как переждать ее, ибо вмешаться с этой стороны и самому противно и совершенно кредитоподрываетельно. — Если не война, то немедленно надо приниматься за сношения. А вопрос решится на днях. Ждут даже завтра решения (т. е. ответа петербургского пр[авительства]); но, вероятно, пройдет времени и побольше. — Не война дает совершенно особое основание и для устройства типографии, и для сношений и пр. и пр. — Ergo *, подожди отправкой Финна до следующего нашего письма, а покамест обними Демонт[овича] и пожелай ему скорей выздороветь настолько, чтоб не свалиться с ног, прежде чем что-нибудь полезное сделает. К Нордштр[ему] ⁵ я намереваюсь вскоре писать особо, ибо из твоих писем получил к нему большое уважение.

79

М. А. БАКУНИНУ

8 мая (1863 г.) ¹

Эх, какое у этих господ изобилие сплетни, любезный архангел! А это не к добру. А Европа, кажется, намерена разыграть с Польшей искиариотское *tempo di marcia* **. Все это свелось (как говорилось во время оно) на то, что долею дикий национализм откликнулся и в России и что теперь он в большинстве. Наше дело выдержать твердо знамя до лучшего времени. Если будет война (что становится с каждым днем невероятнее), наше дело не ронять пропаганды и разъяснять вопросы внутреннего преобразо-

* Следственно (лат.). — *Ред.*

** Музыкальный термин: в темпе марша (итал.). — *Ред.*

вания так, чтоб к концу войны они могли иметь влияние своей ясностью и снова поставить на ноги дело организации. Если не будет войны, то нам предстоит то же. Польша при этом погибнет на время, и терпеливая разработка вопросов и организация сил подымет ее иным способом через несколько лет. Во всяком случае, драться с воздухом нелепо и начинать *сoup de main* *, чтоб показать бессилие рук — глупо и преступно. Не отступая ни шагу, выдерживать брожение национализмов и извлечь элементы из самого этого брожения (потому что брожение всегда дает элементы на все), извлечь элементы для организации сил — вот дело огромного терпения, труда и твердости и единственный путь к цели — коренной реорганизации России и прилежащих племен на новых экономических, а следственно, юридических и административных основаниях.

Так как ты уже отправил Финна ² и большей частью дело началось, то — по разным иным соображениям — юниор ³ отправится к вам в 20-х числах сего месяца (20—25). С ним напишу к Нордштрему и к тебе. Но удали его, т. е. удали от него польские сплетни, и исключительно займитесь чухонским делом. — О смерти Пот[ебни] ты, верно, уже знаешь и из «Колокола». Какой она положила на меня глубокий траур — об этом говорить нечего. Из статьи по этому поводу ты узнаешь, что я думаю ⁴. — Если я еще на кого смотрю, как на мученика действительного, — это на Демонтовича; мне кажется, что он между ними только *один*, поэтому и мученик ⁵. Обними его крепко. — Русские газеты из рук вон подлы. Катьков ⁶ унизился ниже подлости. Общественное мнение выражает преданность и готовность отстаивать интегритет империи, на которую никто не нападает. Тут важна привычка к демонстрациям. Вообще Ал[ександр] Никол[аевич] вызывает *die Geister, a bösen in die Erde* ** не спровадить. Но что труд организации сделается не в один день — это ясно как день — не Аксаковский, а сегодняшний ⁷. — За сим жму руку твоей жене и твою огромную руку и еду в Кью искать квартиру.

* Здесь: вмешательство (франц.). — *Ред.*

** духов, а злых в землю. — *Ред.*

А. А. СЛЕПЦОВУ

8 мая (1863 г.)¹

Грустью на меня повеяло ваше письмо, милый А. А.², но фон его так человечен, что я, вдумываясь в него, прихожу к убеждению, что очень скоро опять воскреснете для деятельности. Я вам отвечу коротко, но подробно; начну с меньшего и пойду *crescendo* *.

Во-первых, упорство, которое вы сохранили в нечитании наших изданий, мало того, что оскорбляет нас, но оно нехорошо относительно дела. Если бы вы читали их, вы бы знали, что Г. Кона уже нет в живых. Я требую, чтоб вы (у Амио, что ли) взяли «К (олокол)» и «В(еч)е» и прочли бы в особенности 162 и 161 номера³. Сами увидите, что пренебрежение в этом случае дурной поступок.

Во-вторых, вы формальную честность относительно друзей приняли за искренность, и это ошибка. Вы могли, вы должны были, сдавши поручения, стать искренно. Но теперь — о настоящем деле. Вглядываясь в историю, вы находите, что кровавые перевороты были бесплодны, если мысль не дозрела, а если мысль дозрела, то не нужно было кровавых переворотов. Вглядитесь еще побольше в смысл этих слов, и вы увидите, что и это — абстрактный силлогизм, о котором история не спрашивает, и что вы в истории его оправдания не найдете. Вы найдете, что англ[ийская] рев[олюция] кровавая, увенчалась успехом, французская *idem* ** привела к централизации. Гораздо труднее уже отыскать реформу мирную с дозревшей мыслью. Где? когда? и как? Дело сводится на механику; невтерпеж пришлось, с одной стороны, упорство, с другой, — вот и столкновение, не обращающее внимания на зрелость или незрелость мысли⁴. Теперь, что зрелость мысли, т. е. ее нумерическая сила, необходима для победы, — это без сомнения; что нумерическая сила может быть так велика, что упорство врага исчезнет в мгновение ока, без потери крови, — это возможно, это *desideratum* ***, к этому надо стремиться. Без сомнения, путем пропаганды — раз, и организации сверх того.

* Музыкальный термин, означающий увеличение силы звука (итал.). — *Ред.*

** такая же (лат.). — *Ред.*

*** желаемое (лат.). — *Ред.*

Без организации пропаганда бессильна. Поэтому поймите же всю важность организации, которой исход зависит от случайностей, но которой цель — собрание, создание силы. Вы встретили в своем хозяйстве неудачу: асосье * расхотелись во взгляде на средства и ошибались, потому что они недовольно серьезны. А, может, долею они, долею вы сами ошибались, и диагональ-то выходит — организация хозяйства ⁵. Потому что они ошибались, неужели же бежать или подчинять здравый смысл несерьезности нетерпеливых брожений? Нет, нет и тысячу раз нет. Выждать надо; насиловать они ничего не могут. А выждать — это значит привлечь людей, более серьезных и более сильных, которые естественно-неволью составят преобладающую дирекцию в хозяйстве. Даже если бы нашли одного управляющего, и это было бы хорошо; если это поведет к организации хозяйства, без которой мысль не дозреет вовсе, а упорство разных элементов все же приведет к тому разорению, которого вы боитесь. Отсюда вывожу мой окончательный вывод: из любви к вам, несмотря на то, что вы многим меня, или лучше нас, оскорбляете, из любви к ним, несмотря на то, что они ошибаются, из любви к делу, которое выше всего, — умоляю вас, не уходите прочь ⁶, выждите терпеливо и внесите другие элементы, элементы просто-напросто организации. Вдумайтесь в эту тему, друг мой, и вы увидите, что я прав.

Если болезнь мешает, дело другого рода. Но об этом рассудите *de facto* **. Ваша болезнь — или просто нервное расстройство от чересчурных раздражений или органическая болезнь сердца. Я думаю, нам следует болезни смотреть прямо в глаза. Если это органическая болезнь сердца, то вы поневоле устранились от дела надолго, обратив усиленное внимание на излечение или поправку настолько, чтоб через месяц или два приняться за работу и окончательное уничтожение ортодоксии Кона и другой личности, при нем состоящей. Если это только нервное раздражение, то еще два месяца здравого обсуждения дела и отдыха поставят вас на ноги. Зачем же вам тогда спешить домой? Подождите! Оправьтесь. Отчего вы не ездили к Fleury? Отчего вам теперь к нему не ехать? Что вам торопиться на возвращение без осуществления данного вами обещания? Если личные, семейные интересы, я молчу, но думаю, что надо

* товарищи (франц.). — *Ред.*

** фактически (лат.). — *Ред.*

выздороветь уже для того, чтоб их выносить. Займитесь вашим планом и кстати лечением и отдыхом до осени. Этот путь для меня ясен, как 2×2 . Затем вы спрашиваете, в каких мы отношениях после нашей переписки? Подумайте и спросите свои чувства; я уверен, что они вам скажут то, что я говорю: мы теперь в лучших отношениях, чем когда-либо было, мы на пути к тем отношениям, где люди становятся неразрывны. От этого я уверен, что мы о ваших предположениях и планах не только перепишемся, но поговорим и что вы приедете отдохнуть не на ложе легитимизма (это я сказал в шутку), а в ту среду, где горячее рукопожатие разом выражает и общую мысль и личную дружбу. — Вот мое заключение. — Теперь о каких вы рекомендациях пишете? Это дело на сию минуту скудно; люди в разброде, а в сущности их нет. Но на это вам [Герцен] ответит.

Р. С. — В июне приедет Д. А выходит, что я ответил больше подробно, чем коротко, и все еще не настолько ясно, насколько бы хотелось. Но до другого раза.

Огарев

⟨Приписка А. И. Герцена:⟩

9 мая (1863 г.)

О каких французских адресах или рекомендациях вы говорите? Я, право, забыл. Мишле или кому? — Черкните слово. Что я и О[гарев] совершенно согласны, и писать нечего. Будьте здоровы

А. Герцен

⟨Приписка сына Герцена, А. А. Герцена:⟩

От всей души руку жму и желаю увидеться. Нельзя ли заехать?

А. А. Г.

81

А. А. ГЕРЦЕНУ И ФЕЛИКСУ

11 июня (1863 г.)¹

Письмо твое от шестого мая, саго mio *², получено. Я читал его внимательно. Но впредь — и это не я один, а многие другие просят — этим способом не писать, потому он хуже всякого другого. Разумеется, из Стокгольма в Лондон всякий способ хорош, а преимущественно самый

* дорогой мой (итал.). — *Ред.*

простой; что же касается до других стран, то опыт доказывает, что твой способ хуже всякого другого. На тангенс и котангенс ³ не рассчитывай, а лучше поскорей приезжай, ибо скоро кто-нибудь настоящий приедет и гораздо лучше знать от тебя, что и как, и все устроить — *viva voce* *. На Браун[а] также не рассчитывай, он болен. На обороте найдешь мою записку к Феликсу. «*Opinion Nat[ionale]*» напечатала твою речь ⁴; Бакун[ин]скую, говорит, напечатает в следующий раз, называя ее субстанциальной **. Но ты ему от меня скажи (а длинное письмо ему напишу, когда ты вернешься), что его речь меня глубоко огорчила ⁵. Кто дал ему право говорить о местопребывании Зои Владимировны ⁶ и хвастать ее связями с важными людьми? Это Зое Владимировне будет чрезвычайно неприятно, тем более, что она имеет характер серьезный, сдержанный, расчетливый, выжидательный, а не фейерверкный. О финнах писать будем, но для этого надо, чтоб они доставляли материалы ⁷. Что же еще сказать тебе? Судя по твоим письмам, я тобой очень доволен и крепко обнимаю тебя. На *poste restante* *** спрости письма; к тебе из Кингсланда писано 4. Я нашел там все благополучно. Ну — приезжай же скорее, для домашнего дела твое присутствие становится также очень необходимо.

⟨Рукой А. И. Герцена:⟩

Я почти уверен, что это письмо тебя не застанет, — любезный Саша, — и пишу только потому, что Ага пишет ⁸. Обратили ли у вас внимание на городскую стражу в Москве и Петерб[урге] и на то, что студенты моск[овские] просят составить легион, — все это делается с целью показать усердие, но однажды рама если дана — картина может перемениться. *Somme toute* **** дело расшатывания гнилого зуба идет как по маслу. У Катк[ова] грозили поджечь типографию — и подожгли, но успели потушить.

Вот пока и все. Хорошо, кабы ты послел к сдаче дома — Тейлор опять оказывается плутом — а у нас, кроме Пени, — никого. Пан Тх[оржевский] тоже неспособен.

Кланяйся Баку[нину].

⟨Рукою Н. П. Огарева:⟩

От души благодарю вас, любезный Феликс, за ваши теплые строки и за ваш перевод. Из юношей вашего народа вы были одним из тех, которые при первой встрече возбу-

* изустно (итал.). — *Ред.*

** существенной (от франц.). — *Ред.*

*** на почте, до востребования (франц.). — *Ред.*

**** в итоге (франц.). — *Ред.*

дили во мне самое живое сочувствие. Я надеюсь, что наша взаимная симпатия сохранится, пока я жив, и останется в вашей памяти, когда меня не будет. Крепко жму вам руку.

Ваш *Н. Огарев*

⟨Рукой А. И. Герцена:⟩

И я прибавлю строку и тоже благодарность за то, что вы поминули Потембю и его товарищей⁹. Жму вам руку и прошу дружески поклониться Дем[онтовичу].

Прощайте — будьте здоровы *Ал. Герцен*

82

М. А. БАКУНИНУ

⟨1 сентября 1863 г.⟩¹

А все-таки писать теперь воззвание к крестьянам было бы ридикульно* — потому что это горох в стену, и вредно — потому что убьет с их стороны всякое доверие к нашему брату. Вскоре будет провозглашена в России конституция; через этот фазис надо перейти разумно². Встретить его надо разумно, от этого зависит вся возможность нашего участия в развитии русской мысли и гражданственности. Если я не писал к тебе длинного письма, то это потому, что ужасно внутренне тяжело за него приняться; но я исполню это вскоре. Теперь же тороплюсь сказать несколько слов только о книгопродавческом деле. Предложения S[traube]³ невозможны: 1) приплатить 300 фр[анков] к его поездке (которую он может предпринять только, если в этом видит свой расчет) — безосновательно; 2) дать ему тысяч на пять фр[анков] книг с тем, чтоб заплатить за их провоз обратно, — *idem*** ; 3) большая часть изданий Трюбнера, а он 45% может и уступит, но не наверное, обычно он уступает полгода срока и 33%; спросить теперь нельзя, ибо он в отъезде; 4) дать S[traube] монополь на торговлю в Швеции, Норвегии и Дании — еще куда бы ни шло, но дать монополь на Петербург — дело несбыточное, ибо значит лишит себя права торговли через Пруссию. На днях жду известий о торговле вообще — и тотчас напишу.

* От франц. — *ridicule* — смешно, нелепо. — *Ред.*

** также (лат.). — *Ред.*

Е. В. САЛИАС

⟨Лондон.⟩ 2 октября, вечером ⟨1863 г.⟩¹

Старый милый друг мой, я виноват перед вами смертельно, и видите сами, не с каких-нибудь сердец, а потому, что слишком затормошился. То переезжали, то мой друг уезжал², etc. Голова была не на месте. Таким образом, я не только провинился моим молчанием, а еще тем, что я, кажется, ваше письмо к К[ельсиеву] сжег, среди сотни бумаг³. Но дело в том, что я без оказии его бы и не отправил. Была оказия порядочная: жена его брата⁴, с которым он теперь вместе, ехала к мужу и уже доехала; но с ней я не посылал, а письма не нахожу да и только. Стало, я его сжег. Просто я не послал бы, потому что жду порядочного адреса, а так все что-то неверно. Вот мои провинности. Каюсь и прошу прощенья. Но теперь другая штука — хуже. Я никакого протеста оттуда не получал. Мой друг, уезжая, не передавал мне. Стало, он не был получен. Получил я несколько строк от двоих о том, что было что-то послано, но этого «что-то» не получено. Справьтесь об этом хорошенько.

Спасибо вам за ваши добрые письма. Но не горюйте слишком. Времена переходчивы. Только я не удивлюсь, что мы от подлостей перейдем к странным вещам. Вы знаете, что был пункт, на котором мы расхотелись. Вы верили в высшее сословие; оно оказалось подлым. Но другой вопрос возникает, вопрос настоящий, вопрос экономический. Крестьяне на Украине отказываются от работ и от платежа какого бы то ни было оброка или выкупа, в казну или не в казну, ибо, по их мнению, эта земля их. Куда повернет это настроение — подождем, посмотрим⁵. Вообще нашему брату теперь — и, вероятно, всю зиму — приходится почти сложить руки. Литература и большинство читающих ударились в такую другую сторону, что подобной мерзости не бывало с начала столетия. Продержаться это не может, а ждать приходится. Так как я теперь один, то издание пойдет только раз в месяц. Иначе невозможно. Если приняться за полемику, то можно писать томы, но я думаю, что это бесплодно унизительно. И потому *méthode expectative**,

* метод выжидания (франц.). — *Ред.*

тем более, что рациональная медицина в горячках другой методы не употребляет.

Теперь к вам обращаюсь. Зачем же у меня все-таки не только второй, но и первой повести Женни нет? ⁶ Я ее требую. Зачем он так молод, что думает, будто нам некогда заниматься этим? Едва ли теперь это не лучшее, да я же никогда не принадлежал к исключительностям, которые ничего знать не хотят, кроме общественных вопросов. Для меня все человеческое разом и дорого, и ненавистно. Повесть непременно скажет мне, до какой степени частная, личная жизнь гадка, — ну! я и удовлетворюсь. Я буду видеть в изящном произведении, что есть, — кроме «Моск[овских] вед[омост]ей», существует личная жизнь частных людей, которые тоже гадки; повесть мне скажет, что, кроме казненных, есть еще несчастные, хорошие люди в уголку мира забытом. Ну! я и удовлетворюсь. Увижу, что все идет как следует. Вообразите себе, что все было бы чрезвычайно хорошо — что ж бы мы стали делать? Со скуки умереть пришлось бы. А повесть Женни я потому хочу, что он остался у меня в памяти и сердце — добрый, больной ребенок; я хочу знать, как и во что он вырос.

От К[ельсиева] ⁷ я имею письма, которыми очень доволен. Это натура не унывающая и деятельная. Мне иногда в голову приходит — не перевести ли его сюда. Пожалуй, что мы стары становимся. Надо наследников. Но это между нами, я об этом и ему не пишу; он, кажется, там полезен. Мешать не надо.

Ваше безденежье еще не беда, а только неприятность. Но вот что грустно, что вообще безденежье заедает. И сделал бы что-нибудь путное, да сил нет. Если у вас есть богатые друзья, собирайте для фонда. Теперь, и именно теперь — это ужасно нужно. Без этого может быть много дурного или много хорошего невозможно.

Я тут об одном умоляю: если вы со мной и не согласны, то сделайте против себя — ради меня. Ведь хуже от этого не будет, а может, вы многих спасете и многому можете.

Князь Петр ⁸ вам кланяется, он вас очень любит. Я с ним не ссорюсь и не то, чтоб уж очень сходился. Что это за мелкая натура, боже ты мой! Я стараюсь, чтоб он не был вреден; если его маленькое самолюбьице задето, он способен бессознательно сделать нехорошее. Так, напечатал донос на Краевского, вместо ответа. А в сущности, *le diable*

n'est pas aussi méchant que... que quoi? * Вот уж и не знаю. Просто мне кажется, что черт не черт, а человечек.

Когда ж это мы увидимся? Неужто уж у Маши дети? Эх, как время-то летит! Поцелуйте ее от меня, когда писать станете. Пусть же она старого дядю вспомнит.

Мои ребята процветают и очень милы. Лиза моя фаворитка. Я передал ей ваш поцелуй. Любите ее, когда встретитесь. Мать вас благодарит. А маленькая Леля ужасно умна, мальчик глупее, но выровнится.

Пришлите мне адрес Луг[инина] ⁹. Я боюсь к нему писать, так давно не писал, что не знаю, как бы не ошибиться адресом.

Ну, теперь прощайте, лист идет к концу, а я ко сну. Крепко жму вам руку.

Мне жаль, что он не заехал. Если вернется через ваши края, то непременно вас увидит.

84

М. А. БАКУНИНУ

(12 октября 1863 г.) ¹

Милый Бакунин, долго же я собирался разрешиться письмом. Попробую, — но что ж из этого? Цели, вероятно, я не достигну. Я так убежден, что человек — результат известного числа и порядка функций, что, пока он растет, можно еще вставлять новые функции, которые тоже войдут в его жизнь, — но когда уже он вырос, формула движущих его сил замкнулась, и тут ввести какую-нибудь новую функцию, которая вошла бы в жизнь и, следовательно, изменила бы ее, — дело больше чем сомнительное. Прости мне это теоретическое предисловие; оно долею может извинить мою лень или неохоту, одолевавшую меня писать письмо.

Мне трудно прибавить что-нибудь к письму Г[ерцена] ². Зная Сашу и тебя, я думаю, что вы оба правы, т. е. оба виноваты. Он — детской, ни на чем не основанной, заносчивостью или неприятной манерой; ты — в большей части случаев, в которых стараешься оправдать себя в собственных глазах. Напрасно ты на него (и на нас) нападаешь за несообщение адресов: все адреса, данные, никуда не

* черт не так страшен, как... как что? (франц.). — *Ред.*

годились, по ним никого нельзя было отыскать, а других не было. Таким образом, на сей год погибла одна возможность сношений — не от нас, а от недостаточности адресов. Письмо, находящееся у Кв. ³ и, вероятно, уже давно истребленное, о котором ты так ропщешь, ни больше ни меньше, как письмо, писанное Сашей и возвратившееся за неотысканием людей по данным адресам. Теперь, если ты спросишь, сообщил ли бы я тебе новые адреса, если б таковые оказались, я скажу тебе, что я заколебался бы. Твоя доверчивость к болтунам разных этажей, твоя внутренняя тревога, заставляющая тебя искать аудитории, невольно вовлечет тебя к нарушению тайны, а что потом из этого выйдет в руках другого человека — это уже дело судьбы. Но я все же допытался бы до невинного адреса, с которым мудрено было бы скомпрометировать, и передал бы его тебе. Но у нас никакого нет. Возможность только теперь начинается, но ближе месяца или двух не придет в порядок. Стало, тут все твои обвинения падают сами собою.

Но мне кажется, что все это частные случаи, которым ты придаешь слишком большое значение от той же внутренней тревожности, которая тебя постоянно тормозит. Твои быстрые переходы от любви к людям — к ненависти, мне кажется, также порождение тревожной фантазии, а не серьезная оценка людей. Возьми 1-е письмо о Кв. и последнее; перебери ряд отношений своих к Бул., Цвер., Дем., Лап. и Калин. и пр. ⁴ — везде ты найдешь больше интимности, чем нужно, вследствие твоей природной доброты даже, а потом ты же сам на эту интимность сердисься, иногда справедливо, иногда нет, — но все уже слишком поздно. Доверчивость от доброты души, детская беспечность в жизни и вечная внутренняя тревога по характеру — вот что тебе мешает в жизни и в деле. Вдобавок у тебя плана нет и ты много поддаешься чужому влиянию. Так под влиянием бедного Мартьян[ова] ⁵ ты напечатал свою брошюру, в которой (несмотря на то, что мы уговорили тебя многое вычеркнуть) осталось столько неуясненного царизма, что юношеству она не понравилась (как я узнал недавно). Под влиянием польских агентов, ты зашел в союз слишком далеко, так что тебе сесть на корабль была одна из тех несбходимостей, которые в жизни не подлежат выбору. «Kann ich nicht mehr zurück, weil ich es gewollt» *, говорит Валленштейн;

* Не могу отступить, потому что я этого хотел (нем.). — *Ред.*

да, именно! При этом сильном твоём сближении и «Колокол» не мог удержаться в надлежащем равновесии. Видишь ли теперь по опыту, что все, что было мечтательного, не состоялось. Союз с национ[альным] пр[авительством] был шаток; их мнение то, которое тебе высказал Дем[онтович]. Нам вместе нельзя было идти. Надо было держаться на бессюзной симпатии и долбить все ту же мысль о самобытности провинций! Твой отъезд заставил Пот[ебню] непременно ехать. Я не говорю, чтоб надо было устраняться от смерти, не в том вопрос. А устраняться от общественных ошибок надо. Сам видишь, что из всего этого вышло ослабление, а не усиление нашего влияния. Оно только теперь начинает вновь воскресать и не вдруг дойдет до прежней силы.

Твое хвастовство об общ[естве] З[емля] и В[оля] не принесло ему пользы⁶. Этот обычай нам не расчет. Ведь твоим словам никто не поверил. Выходит только, что люди, которые и присоединились бы, видя что общ[ество] твои[ми] устами говорит небывалые вещи, уклоняются от общества.

Вот почему нам трудно будет ладить. Ты хочешь, чтоб все было сейчас, поскорей и производишь тревогу, а вещи от этого не подвигаются. Не заподозришь же ты меня в консерватизме; но я хочу, чтоб вещи готовились прочно, чтоб каждое слово было сказано во-время; многое, что возможно будет через год, теперь может только возбудить и поддержать реакцию. Я требую взвешивания обстоятельств, спокойствия в деятельности, приготовления путей, людей, словом пропаганды, адекватной времени, пропаганды словом и увеличением общества. Станут обстоятельства иначе, надо и язык изменить. Ошибок мы уже наделали довольно. Пора сознать, что *мы* живем для дела, а не дело для нас. В последнем случае мы бы только производили игру в революцию.

Вот тебе почти все, что я могу сказать. Сверх этого скажу еще вот что: Бакунин, умоляю тебя, смири тревогу, шатание мыслей и действий, смири до обречения себя на приготовительную работу теперь, ибо взрыва ты теперь не вызовешь, а до коренной реформы России без приготовительной работы, долею кротовой, долею литературной — ты не достигнешь. Забудь революционные тенденции *ins Blaue hinaus* *;

* Здесь: без определенной цели (нем.). — *Ред.*

они нигде не удались. Вдумайся в приготовление людей до действительной революции — мирной, или немирной — это уже зависит от силы реакции. Я умоляю тебя, Бакунин. Мы много уже наделали ошибок и зла, ты во главе их. Вдумайся в недавнее прошедшее, и, если ты искренен, ты увидишь, что я прав.

Не сердись на меня, ибо я пишу без злобы *sine ira et studio* *. Пишу по глубокому убеждению в правде и, конечно, не с неприязнью к тебе, а с дружбой давних лет.

Жаль мне, что ты не написал своих мемуаров. *Тогда* они тебе сделали бы состояние. *Теперь* они только помогут жить. И это не худо. Снесись с братьями, не шути деньгами. Я не ради внешней нравственности говорю, а ради того, чтоб враги не бросили камнями, а друзья не покачивали бы головами.

Только хотел закончить это письмо, как пришла весть, что ты на этой неделе приедешь сюда. Лучше я отдам тебе в руки, а то оно прогуляет.

85

Е. В. САЛИАС

24 декабря (1863 г.)¹

Спасибо вам, старый друг, за память о моих именинах, которые совпадали с именинами Николая Павловича. Перед этим торжественным днем был другой — 24 ноября ст. ст., — когда мне стукнуло 50 лет. Но, несмотря на эти годы, я столько разнюсь с вами в постановке вопросов (о чем я уже вам писал), что если у нас явится Пугачев, то я пойду к нему в адъютанты, потому что я сотой доли так не ненавижу польское шляхетство, как ненавижу русское дворянство, которое пошло, подло и неразрывно связано с русским правительством. Зачем вы сюда припутали эмансипацию женщины, разрушение семьи и пр. — этого я совершенно не понимаю. У вас носятся какие-то призраки, мой милый, старый друг. Но это не должно поселять между нами сердечной розни. Давайте дружелюбно спорить, я согласен; только Женни не вводите в понятие аристократической

* без гнева и пристрастия (лат.). — *Ред.*

свободы, которая равна народному рабству, и менять царизм на шляхетство — игра не стоит свеч. Ну, что ж? Сердитесь? Посердитесь и дайте дружески пожать вашу руку ².

(Далее рукой Герцена:)

Вы были так добры ко мне и в вашем приеме, и в ваших письмах, что я прошу вас позволения сказать несколько слов в ответ на последнее письмо к Огар[еву]. Будьте уверены, что мы, шедшие по одной дороге с 1825 года, не пошатнемся. Но сильны мы только тогда, когда вполне откровенны. Молчать мы можем. Но говорить из других побуждений, чем из страсти истины и победы во имя ее, мы не можем. И все опыты подобных уступок оказались неловкими с нашей стороны.

В вашем письме вы меня совершенно оправдали — вы говорите, что вы не делите моих воззрений, потому что вы *никогда* не были со стороны социализма, а я *всегда*, отчего же после этого ждать, чтоб мы смотрели одинаким образом. В 1849 году я проповедовал громко гибель Европы от avortement * социальной революции и с тем же знаменем я поднял заграничную русскую речь.

Вот когда и я поставлю социальное пересоздание ниже политических гетте *пéпаг'ей* **, тогда я отклонюсь от своей мысли.

Далее — я должен вам рекомендовать, больше, просить вас — перечитать наши статьи о провинциях — вы тогда увидите, что у нас и речи не могло быть об отставании их для России.

Теперь, т. е. в декаб[ре] мес[яце], в Лемберге печатается ряд статей, в которых поляки говорят с полной ширью о необходимости признать русинскую народность и автономию русинов. Теперь — остатки народ[ного] правит[ельства] говорят положительно о разделе, т. е. о наделе землей крестьян. Виноваты ли мы, что это говорится в дек[абре] 1863, а не в дек[абре] 1862. Ведь мы этого требовали в октябре 62. Тогда ждали выручки от Европы — теперь, когда все мечты пали, — они начинают говорить то, что мы говорили. Трагический элемент — трагическим, и будьте уверены, что нынешнее лето измучило нас, но ведь и объективной истине надобно отдать долю.

Теперь позвольте мне обратиться к вам с просьбой, даже с двумя.

Вы не пишете — Бак[унии] в Париже или уехал. Если он еще здесь, то потрудитесь передать ему, что Осип Иванов[ич] ³ очень заботится о письмах и даже желает, чтоб он послал по известному ему адресу поскорее и известил бы о том, послано или нет.

2-е. Моя просьба к вам и к нему, и притом секретная, т. е. чтоб не знали, откуда идет вопрос. Нельзя ли узнать — точно ли известный партизан *Шварц* ⁴ содержится в Кронштадте (он уже давно приговорен в каторжную работу), имя его Bronislaw Schwartz. Русское правительство скрывает, что оно с ним делает. И близкие ему люди (положим, женщины) в совершенном отчаянии. Не узнаете ли вы через Ор[лова] ⁵? Вы меня очень одолжите. Не может ли Баку[нии] узнать. Только я попрошу вас сделать это скорее.

* неудачи (франц.). — *Ред.*

** перетасовок (франц.). — *Ред.*

Засим еще раз требую от вас un vote de confiance * и поздравляю не с тем, что новый год пришел, а с тем, что подлый год прошел.

А. Герцен

Скажите Бак[унину], что я на днях получил самое дружеское письмо от Игнатия Хмелинского ⁶ — он ему душевно кланяется. Письмо его печально, но дышит силой.

⟨Далее рукой Огарева:⟩

А от меня спросите его, не получил ли он помимо меня известий от купца Штраубе ⁷ и дошло ли до него мое письмо. Мне нужно знать.

86

Е. В. САЛИАС

31 декабря ст. ст. ⟨1863 г. — 12 января 1864 г.⟩¹

Желаю вам и всем вашим лучшего русского Нового года, чем прошлый. Спасибо вам за ваше благородное письмо, старый друг ². Вот вы, кажется, и ближе подходите, а все же я знаю, что мы в постановке вопросов не сойдемся: вы верите в общечеловеческое благородство и в привычку к старой, феодальной жизни. Я ни в то, ни ⟨в⟩ другое не верю, а верю, что сочетание иных данных даст иной результат. Этот результат, и только он, — мне и дорог.

Но перехожу совсем к другому. Вы хорошо знакомы с кн. Труб[ецким] ³. Вспомните: Мартьянов ⁴, Черн[ышевский], С[ерно]-С[оловьевич] и пр. и пр. — все идет на каторгу. Скажите ему, чтоб он пожертвовал, сколько хочет, для отсылки им. Переслать мы беремся. Мешкать нечего, одни уже ушли, другие не сегодня-завтра уйдут. Собрать собственными средствами пришлось очень немного. А вы знаете, что значат в России деньги для ссыльного. Похлопочите об этом, старый друг. Это уж, наконец, не может претить убеждениям кн[язя] — ни консервативным, ни католическим.

Жду вашего ответа со страхом и верою. Мысль об этих людях меня преследует. Первого из них я коротко знал и глубоко любил.

Жму вам руку.

* вотум доверия (франц.). — *Ред.*

〈Далее рукой Герцена:〉

Приписываю и я строчку в письме «Ага», как его называют дети. Вы видите, что *les vieux de la vieille garde* * не совсем утратили дух. Полагаю, что во 2 листе вы будете довольны, если не письмом к Гарибальди, то «Портретом Муравьева», «3/70» и «Календарем за 1863 год»³. — И мы идем, и Россия идет, страшно идет — многое шемит, давит без сердца, — но идет!

Если вы будете говорить Трубец[кому], то я попрошу вас и от меня сказать слово — да, действительно, надобно помочь жертвам нашего кроткодушника.

С Новым годом нельзя же не поздравить, хоть он и ошибочен.

А что же Шварц? Какого-то Шварца расстреляли.

Будьте здоровы.

Искренно уважающий вас

Ал. Герцен

87

А. И. ГЕРЦЕНУ

〈Вторая половина января — начало февраля 1864 г.〉¹

Вот уж ты не ожидаешь, что я стану писать письмо к тебе. А между тем вопрос меня так страстно занимает, что я пишу, потому что не хочется мешать тебе спать.

Вот в чем дело: Воловский² очень ратует против того воззрения, что некие люди хотят политическую экономию представить отраслью *des mathématiques pures* ** между тем как, по его мнению, есть во всех экономических явлениях нравственный элемент (т. е. настроение, страсти и пр.), который не подлежит математике. Можно выступить [с] скромной оппозицией, что если принять за математику 4 арифметические правила, то, конечно, Воловский прав. Но только что математики в этих границах — дураки. Действительный математик не может не принять общественные понятия, страсти, настроения и пр. за силу, следст[венно], за количественную функцию, которую нельзя опустить в формуле, не навравши.

Я думаю, что можно ловко выступить на защиту математического метода и на указание той роли, которую (высшая) математика должна играть в науке и ее общественных приложениях. Да из этого и развить целое построение, где можно доказать: что нет действительного экономического учреждения, помимо федеративного; что федеративное учреждение равняется социальному; что до сих пор банки

* ветераны старой гвардии (франц.). — *Ред.*

** чистой математики (франц.). — *Ред.*

давали кредит только деятельности торговой и могли основываться и на конкуренции, и на централизации; что поэтому надо было прибегать, помимо банков, к учреждению *crédit foncier, crédit mobilier* * и исказить их централизацией не меньше того, как они исказились бы, если б их предоставить конкуренции; что до сих пор банки — частное предприятие, где выгода акционеров идет в немногие руки; что федеративные банки не могут быть только ради торгового кредита, но ради кредита всем производительным силам; что в федеративных банках вкладчики *все*, а не немногие; что барыши их пойдут на пополнение общих нужд; что отношение меновых знаков к массе произведений может быть определено только на ограниченном районе, рынке, и что федерация районов (рынков) определит количество общего выпуска меновых знаков для большего объема, а не централизация и не конкуренция; что это понимание идет параллельно с тем, что не *souffrage universel* ** и не деспотизм могут регулировать общественную жизнь, а несколько этажные выборы, где является интеграция локальных интересов и интеграционный ход выбора капаситетов *** в управление.

Вот тебе схема. Подумай об этом. Может, ты бы лучше меня написал в этом смысле статью полемическую для задрания спора. А не берешься, так я возьмусь — да не просто ли письмом к Воловскому или к М. Chevalier в «*Journal des Débats*» ****? В последнем случае надо иметь то, что М. Chevalier прежде написал и что задрало Воловского до 500 страниц.

Это чуть ли не лучше «*Temps*», а впрочем, подумай.

Ты мне это письмо после отдай, потому что тут есть нитка.

88

О. С. ГОНЧАРУ

10 марта 1864. 1
28 февраля

Многоуважаемый Осип Семенович!

Извините, что моя небольшая отлучка задержала наш ответ; только воротился и спешу писать к вам.

* поземельный кредит и ссуды под залог движимого имущества (франц.). — *Ред.*

** всеобщее избирательное право (франц.). — *Ред.*

*** сведущих людей (от нем. *die Karazität*). — *Ред.*

**** М. Шевалье в «*Журналь де деба*». — *Ред.*

Рад я был вашему письму ², потому что оно первое после нашего свидания; но прочел его с глубоким прискорбием и совершенно не знаю, что вам сказать. От Василия Ивановича мы не имеем писем чуть ли не с сентября месяца. В декабре мы посылали денег 100 фр. брату его в Тульчу чрез Жуковского ³; в январе — 6 фун. самому Василию Ивановичу в Константинополь чрез Иордана — и тут никакого ответа. Письма наши, сколько мы смекаем, до них не доходили, так что мы и сами перестали писать, не имея и не получая благонадежного адреса. В последнем же письме с 6 ф. Василию Ивановичу вложил я письмо к вам, лисбезнейший Осип Семенович; неужто же оно вам не передано? Я тут ничего не понимаю. В благородство Вас[илия] Ив[ановича] я глубоко верю; боюсь только, не увлекается ли он какими-нибудь новыми мыслями *.

Что касается до вашего прошения царю, не могу сказать, чтобы я был сердечно им доволен. Оно написано с самоуничижением, а не с искренностью; оно дипломатическое, а не праведное. Одним бы тоном повыше, побольше резкого требования, вместо смиренного моления, — и правительство петербургское взглянуло бы на вас, как *на силу*, а тут оно посмотрит свысока ⁴. Почему вы, например, говорите, чтоб царь простил Польше ея *грубость*? Ведь, вы сами не верите, чтоб это была *грубость*. Осип Семенович! поверьте искреннему слову: вам, старообрядцам, надо говорить правду, как есть, чисто и свято, и тогда правительство станет вас бояться и давать льготы настоящие и вслух, а не по секрету; а станете хитрить — вас станут водить за нос.

Вглядитесь-ка пристально в обстоятельства: раздор Москвы с Белокриницей, — раздор страшно вредный для старообрядчества, разве вы думаете, что он так сам по себе вспыхнул? Разве вы думаете, что правительство не подслало к московским сказать, что «что, мол, связываться с Белокриницей, мы вам позволим иметь своего митрополита». Те и пошли на разрыв ⁵. А где же у них теперь официально признанный митрополит? Уж не с Геронтием ли в остроге? ⁶

Ой, не надейтесь на князеви! Говорите с ними языком, который для них страшен, а не языком, при котором они подумывают, как бы лучше из человека сок выжать.

* В черновом тексте письма, сохранившемся в записной книжке, вместо «новыми мыслями» — «новыми планами». — *Ред.*

Впрочем, теперь дело уже не в том, как прошение написано, а дело в том, какой будет ответ, и, полно, будет ли. Я бы советовал — если ответ не тотчас будет — повторить прошение, но в другом тоне, тоном повыше. Если доверяете, я возьмусь написать вам черновое так, что ни слова оскорбительного не будет для правительства, а между тем оно увидит, что вы не шутите, а в самом деле *требуете*. Только, если этого хотите, сообщите *пункты*, на которые поналечь надо.

Без сомнения, нам расходиться из-за того, что так или иначе написано прошение, было бы просто глупо. Людям, которые состарились при едином желании видеть народ русский — верующим свободно каждый по совести, живущим свободно от помещика и чиновника, судящимся по правде и владеющим своею землею, — этим людям расходиться со старообрядчеством из-за так или иначе сказанного слова было бы обоюдно непростительно.

Это мое письмо можете показать Василию Ивановичу, если сочтете нужным. К нему я не пишу, потому что он мне и адреса своего не дает и сам не пишет. Прошу вас, Осип Семенович, понудьте его написать ко мне, получены ли наши письма и деньги, и дать мне порядочный адрес, как к нему писать. Да и свой-то адрес, любезный Осип Семенович, пришлите поаккуратнее, чтоб можно было писать к вам прямо и верно. А обстоятельства все сложней и сложней, пожалуй, что захочется и почаще переписываться, так что я вслед за этим письмом жду и требую от вас немедленного извещения о его получении. До сих пор, мне кажется, все, что я писал в Турцию, или почти все, пропало.

Еще об одном нужно сказать вам. В Дрездене выходит русская газета под заглавием «Европеец». Издатель некто Блюммер ⁷. В 1-м номере вот что сказано: «Я был в Москве и там узнал от свидетелей, что раскольники получили очень много льгот и очень чистосердечно выражают свою преданность правительству. Одну минуту статьи «Веча» довольно сильно подействовали на них, но вскоре выяснилось, откуда все это является, что тот, кто их пишет, не верит в бога, и это произвело сильное раздражение. Решено было всех лондонцев предать проклятию, листки их сжечь и никогда не читать».

Если это подучено правительством, то оно довольно ловко. Не худо бы вам было прислать к нам заявление, что вы об наших убеждениях никогда полицейских справок не навели; что вы знаете только одно, что издатели

«Веча» искренно преданы свободе веры, а, следовательно, и свободе старообрядчества и никогда не считали старообрядчество расколом, как его считают мнимые покровители и само правительство, секретно дающее льготы, которые легко и назад взять, когда страх пройдет; и что, наконец, вы никогда издателей «Веча» проклятию не предавали, а считаете своими верными и преданными союзниками. Если вы под эдаким заявлением соберете несколько подписей (от старообрядцев поповщинского согласия), которые подписи мы в печати поместим только числом, а не именами, т. е. следует, мол, столько-то подписей, а имена будем хранить только для очистки своей совести, но никому не покажем, чтоб вам как-нибудь не повредить, — если бы вы прислали такое заявление, это было бы для общего дела очень не худо. Помните, что пока голос «Общего Веча» будет раздаваться, правительство будет вас побаиваться и прибавлять понемногу льготы, которыми шаг за шаг и надо пользоваться и требовать все больше и больше.

Еще скажу вам, что в следующем «Вече» постараюсь разъяснить новые земские учреждения, которые опять — такая полумера, что вызывает людей к самостоятельности, а самостоятельности им никакой не дает, и все подчиняется казенному чиновничеству и, таким образом, может только додрознить народ до беды.

Засим, многуважаемый Осип Семенович, крепко и дружески вас обнимаю и прошу верить в искренность нашей преданности всякой народной свободе и свободе веры и совести на первом плане, потому что без этой свободы человеку жить нельзя по-человечески, а надо быть рабом или скотом.

Поклон наш вашему сыну. А мои все вам усердно кланяются, и Лиза помнит, как вы ее на руках носили, да и я ей об этом нередко напоминаю. Преданный вам душевно

Н. Огарев.

〈Приписка рукой Герцена:〉

Письмо ваше князю П. В. 〈Долгорукову〉 доставлено. Если какие-нибудь сведения о старообрядческих требованиях, претерпеваемых стеснениях, недостаточности или лживости льгот нужно печатать — присылайте. Похлопочите о предварительном соборе заграничных старообрядцев; это первый шаг; после примкнут и тамошние.

Мне и этот раз, почтеннейший Осип Семенович, приходится написать вам, что я совершенно согласен во всем, что вам пишет Николай Платонович. Не могу я по совести одобрить всех выражений адреса. Хотя и душевно жалею, что это послужило отделением вас от Вас[и-

ляя] Иван[овича]. Люди, преданные общему делу, должны стоять дружно, крепко для того, чтобы быть сильными. Позвольте мне с уважением пожать честную руку вашу и заверить вас еще в нашей искренней готовности делать все, что может быть полезным для всяческой свободы — религиозной и гражданской.

Преданный вам *Алекс. Герцен*

⟨Рукой Огарева:⟩

14 марта. Еще раз приписываю, дорогой мой Осип Семенович; приходилось или послать письмо на-мах — дойдет или не дойдет, или послать через знакомых особой рекомендацией, но тогда отправка будет только 17 марта. Решаюсь на последнее, как ни досадна задержка. Пожалуйста, известите тотчас о получении и не забудьте прислать аккуратный адрес. Теперь же отвечайте мне тем же путем, по которому это письмо получите.

89

Е. В. САЛИАС

28 июня ⟨1864 г.⟩¹

Bryanston House, Bournemouth

Давно я собираюсь к вам писать, мой добрый, старый друг, собираюсь ежедневно и все откладываю; рука не поворачивается, так знаю, что от моего письма вам будет страшно больно. Но делать нечего, надо же. Умер человек, которого вы очень любили, от которого я ждал многого, и которому, конечно, надо было бы еще долго пожить. Умер Ив[ан] Кельсиев². Я чувствую, как вас это известие должно поразить. Я не знал его, а и меня оно поразило так, что вот две недели не могу забыть. Сколько жизни, энергии, готовности на всякую жертву было в этом юноше и достаточно ума, чтоб определить себе деятельность, и все это погибло так внезапно. Он умер нервной горячкой в Тульче. Брат его вылежал в той же болезни и оправился, и только оправился, как занемог Иван, да и не выдержал болезни. Не говорю уже о пробеле в наших рядах, но обрыв такой молодой жизни как-то не ложится в мысль; нельзя с этим помириться. Если хотите написать несколько слов к брату, который страшно поражен этой смертью... А, впрочем, зачем? Ему не в помощь, а себе, пожалуй, в неприятность! Просто сами одни поплачьте, а если что об нем, т. е. какие-нибудь биографические сведения, напишите мне, я их сохраню в печати.

Хотелось бы перейти к чему-нибудь утешительному, да нет ничего утешительного. Терпение, терпение — только и требуется на эту минуту. Станемте терпеть; в будущем я нисколько не отчаиваюсь. Что лучшее будущее придет, вероятно, после меня — что ж с этим делать, но работать для него пока жив не перестану.

Прочтите-ка в «Москов[ских] Вед[омостях]» № 151 статью из Петербурга — вот поэма-то безобразия, где Мих[аил] Никиф[орович] Катков изволил швырнуть собственной грязью в людей 25-го года ³. И ни один кулак еще на него не поднялся!

Утешение мне принес господин, приехавший купаться. Это очень светлая голова, и я его очень люблю ⁴.

Пришлите мне письма Женни, у меня их не было, и мне хочется их прочесть. Обнимите его за меня. Каково-то ему будет мое письмо!

Край здесь красив, как всякий приморский край. Но воздух какой-то давящий. Или я не в духе сегодня. Не знаю право. Прощайте, друг мой, крепко жму вам руку.

Дети большие и малые здоровы. Жаль мне, что фотограф как-то не понял, что можно было устроить свидание. Но *se qui est différé n'est pas perdu* *. Мне хотелось вам показать Тату, которая очень хороший человек; осенью это и уладим. Мы все собираемся перебраться на континент, только не знаю, мы осенью или к весне ⁵. Тате же непременно надо быть зимой в Риме; ее талант в живописи несомненен; мне бы хотелось, чтоб она сохранила себе приют в жизни, т. е. искусство, потому что ведь без приюта-то еще хуже, друг мой! А мне бы хотелось, чтоб ей было хорошо.

Все наши вам шлют привет.

90

О. С. ГОНЧАРУ

4 июля 1864 ¹

Многоуважаемый Осип Семенович,

Ваше письмо нас не мало обрадовало. Давно не писали. Мы думали, не сердитесь ли? Но сердиться было бы несправедливо. Если что было сказано насчет адреса, то говорилось от души и из желания блага.

* Что отложено, не потеряно (французская поговорка). — *Ред.*

Много воды утекло с тех пор, как вы Лизу на руках носили. Русское дворянство тянет к застою, а правительство зазналось. В западных губерниях всякий день казни, а русское общество хлопает в ладоши с радости и злодеям дарит образа. Теперь же *русское* правительство делает договор с немцами, с Пруссией и Австрией, чтобы взаимно отстаивать друг другу границы всякой помощью, даже военной. Как бы это не отозвалось на австрийских поселенцах старообрядцах; правительство, очевидно, надувает старообрядчество. С Белокриницей московских поссорило обещанием московским своего митрополита, которого никогда не допустит. Не только Геронтия ² не освобождают, а еще захватили крестьянина Носова (в Пермской губернии, в Нижнетагильске) ³. При нем нашли архиерейскую ризницу и держат в тюрьме. Пермская губернская газета называет его *австрийским сектатором* и говорит вот что: «В короткое время в нашей губернии является другой лжеархиерей; будем надеяться, что бдительностью и *разумно строгими* мерами прекратится это *недостойное шарлатанство, пользующееся невежественностью народа и выманивающее у него деньги*». Каково! Далее, 8 мая, царь утвердил православные церковные братства. Первый пункт устава такой, что церковные братства состояются из православных лиц для *противодействия* посягательствам на права церкви со стороны иноверцев и раскольников. Для меня ясно, что это значит, — для нового преследования старообрядчества. Осип Семенович! Это немецкое правительство не даст свободы веры, пока *не испугается* силы старообрядчества.

А я все не понимаю и хотелось бы знать, подавали ли вы адрес или нет и был ли ответ? Если не было, значит, *пренебрежение*. Если был, то какой? Усердно просим вас: известите. Важно знать, насколько в ответе есть страха и лжи.

До какого бы то ни было окончания польского дела я не жду ничего хорошего. Вероятно, еще с год продлится безумие людей и высокомерие правительства. В это время всякие адреса будут бесплодны. Но к тому времени, т. е. к концу года, русский люд поочнется. Правительство не разорится и станет помягче и не худо подготовить пути. Так как старообрядческий собор устроить трудно, то не добиться ли вам схода своих с белокриницкими, чтобы на сходе положить:

1) Написать к московским, черниговским, донским и прочим старообрядцам, без различия толков, что правительство их обманывает и что им с заграничными старообрядцами не ссориться надо, а стоять в крепком союзе и требовать прав: а) признания всех старообрядческих согласий, обществ, исповеданий и богослужений *явными* и имеющими право стоять по своей вере, *вне распоряжений синода*, так, как стоят латинское католичество, протестантство и даже магометанство; б) свободного сообщения между старообрядцами в России и заграничными, так чтоб ездить могли беспрепятственно, без всякого иного паспорта, кроме удостоверения от своего общества, и чтоб заграничные могли приписываться к русским обществам с их согласия, а русские — к заграничным.

2) Решить, к какому времени по этим требованиям подать адрес, почтительный, но настойчивый.

Я бы это сообщил другим заграничным старообрядцам, и они бы сделали то же, так что в сущности дело равнялось бы общему собору заграничного старообрядчества, хотя он и не съезжался. Если можно прибавить и русские подписи, тем лучше. А подписи означать числом, так чтобы и преследовать было некого.

Что об этом думаете, напишите откровенно. В чем нужна будет с нашей стороны работа — поверьте, что она будет сделана с глубокой преданностью к вам и к общей свободе веры и совести.

Скажите, правда ли, что тридцать тысяч некрасовцев переселилось в Россию?

Газета, которая нас ругала, оказалась шпионскою и прекратилась ⁴. Это вывел наружу Долгоруков, который теперь в отлучке. Поклон ваш ему передам, когда увижу его. Жена моя и Лиза вам усердно кланяются. Обнимаю вас крепко и жду от вас письма.

Огарев

Приписка Герцена к письму Огарева на отдельном листке:

Глубокоуважаемый Осип Семенович, письмо это писали и обсуждали мы вместе, следовательно, к нему мне прибавить нечего, кроме того, что мы в нем совершенно согласны. Союз с немцами величайшая обида для России. И еще он, т. е. государь, немцами обеспечивает польские владения. С их стороны ждать хорошего невозможно.

Приехал ли к вам офицер? ⁵ Приласкайте его на чужой стороне.

Желаю вам и всему семейству вашему здоровья и дружески кланяюсь.

А. Г.

18 августа <1864 г.> ¹

Завтра едет У[сов] и передаст вам это письмо. Сколько этот человек для меня лично сделал, я вам и выразить не могу; он имел терпенье быть моим учителем, да еще каким учителем! Такого превосходного профессора я нигде бы не нашел. Таким образом, он мою старость вполне утешил с этой стороны, так что даже, если и недолго проживу, то все же многое успею разъяснить себе, чего без его пособия я не был бы в состоянии сделать ².

Но теперь, мой добрый, старый друг, перехожу к другому вопросу. Долго я не решался приступить к нему. Иной раз спрашивал сам себя: да с какого права?.. Но нет! Приступаю к нему по праву всех моих воспоминаний. Я узнал, зачем вы едете в Цюрих. Но скажите, зачем же вы хотите детей в отроческом возрасте оторвать от родины, т. е. от почвы, на которой они волей или неволей должны будут после жить и действовать? Какой будет результат? Только тот, что вы не сделаете их своими в Европе и делаете их чужими в России. Вы сделаете им жизнь в тягость и отнимете у них всякую деятельность. Конечно, какой-нибудь талант к специальной науке или специальному искусству может вынести эту разорванность жизни; но обозначился ли уже у которого-нибудь из них этот специальный талант? Да если он и кажется, то кто ручается за то, чтобы он сохранился в юности, т. е. той поре, когда человек уже определяется, — что он такое? Другое дело послать их за границу в юношеском возрасте, в возрасте университетской деятельности, — тогда они поедут учиться, вовсе не разрываясь с той средой, где волей или неволей должны жить и действовать. Тогда они съезжают *набраться сил, а не сгубить их в разорванном отношении с обеих сторон.*

Вы не верите в будущность России; это ваше мнение. Против и за найдется много доводов; стало, ваше мнение не есть окончательная правда. Какое же право, из-за личного мнения, а может, из-за личной ошибки, какое право имеете вы вталкивать в немогуту и повсюдную чуждость молодые жизни, вашему сердцу близкие? Образовать их везде можно, и в России точно так же, как и здесь, когда есть на это достаточно денег. А в этом случае денег,

кажется, на столько-то хватит. В заключение умоляю вас — одумайтесь и не делайте с детьми из фантазии того, что мы с нашими вынуждены делать из горькой необходимости. Если мне не надо было этого говорить, мой старый друг, простите мне слово, на которое я решился, конечно, не из нелюбви.

Крепко жму вам руку.

Ваш *Огарев*

А у Кельсиева жена и дочь больны; вероятно, тоже в тифе. Писать к нему средств нет — письма не доходят. Это ужасно!

⟨Рукой Герцена:⟩

Я думаю в конце осени быть в Швейцарии и там непременно увижусь с вами, только не в Цюрихе. Этот город мне по многому ненавистен. Радуюсь, что мои «VII лет» вам понравились, если вы были ими тронуты, то будете смеяться от моей «*Samicia rossa*»^{*3}

Душевно преданный

А. Герцен

92

Е. В. САЛИАС

1 октября (1864 г.)¹ Tunstallhouse
Warwickroad Maidahill

Спешу вам сказать несколько слов. Я думаю, адресоваться всего лучше через тетушку Марью Алексеевну или просто прямо. Но только в обоих случаях *крайне осторожно*, ибо ему очень легко повредить, так что польза будет только вред. А ведь не худо бы, если б вы дали случай, выгородив себя, напечатать про клеветы, распускаемые Павл[ом] Вас[ильевичем] и Вас[илием] Петр[овичем]². Как мне грустно становится, что я их любил и что иной раз отыскиваю струнку воспоминаний, и тогда-то, оправившись, хочется хватить прямо, чтоб надписи снять нельзя было. Не можете ли вы, *как можно скорей*, достать брошюру Шедо-Ферроти³ «*Que ferat-on de la Pologne*»^{**}; говорят, она вся разошлась, и книгопродавец не мог достать; достаньте у знакомых и пришлите по почте, хоть на неделю. Нам это *очень нужно*. Спор между Шедо-Ферроти и Катковым! спор, где Шедо-

* «Красная рубашка» (итал.). — *Ред.*

** Зачеркнуто: l'ennemie de la Russie (врагом России) и надписано рукой Герцена (перевод: «Что сделают с Польшей» — франц.). — *Ред.*

Фер[роти] обвиняет Каткова в искажении правительственного направления к добру и в наущении правительства кровожадности! Да прочтите сами и прочтите в «Москов[ских] Вед[омостях]» защиту Каткова — многозначительную, ибо это длинное *decrescendo* *.

Я вам ничего не писал о вашем предыдущем письме. Жаль мне, если обстоятельства так сложились, что лучше где бы то ни было человеческое воспитание, чем аристократическое дома; но будьте осторожны — пожалуй, вы введете молодых людей (или мальчиков) в среду немецко-швейцарского пансиона, где перед их аристократизмом будет гнуться все, начиная с самого воспитательных дел мастера. Что тогда?

Засим, мой добрый, старый друг, прощайте. Погода чудесная, — пойду в псля тоску мыкать. Хотя у меня побольше веры в будущность России, или не веры, а убеждения, и больше терпения, чем у вас, тем не меньше жизнь тяжеловата. Ну! да на то и плечи даны, чтоб ношу таскать. Обнимаю Женни.

〈Рукой Герцена:〉

Второе письмо получили мы — я прошу вас прочесть всю полемичу Шедо-Ф[ерроти] с Катковым.

93

И. П. ВОРОЖЦОВУ

18 января <1865 г.>¹

И. П. В.

Итак, мои хлопоты о вашей встрече, Иван Прокофьевич, кажется, были порожни², и я вам, пожалуй, только попусту помешал продолжать путь. Простите мне это за искреннее желание устроить встречу, которую я считал далеко не бесполезною. В том, что это время для нас идет не так, как нам бы его повернуть хотелось, не мы виноваты. Личная жизнь так пришиблена случайными обстоятельствами, что лишь бы пройти это время, спасая все, что можно спасти..., и опять стать на ноги! Да не об этом я хотел говорить. С тех пор как вы уехали, я почти исключительно занимался чтением русских газет. Все газеты дали мне одинакий результат: дворянство везде неохотно, туго

* Музыкальный термин, означающий уменьшение силы звука (итал.). — *Ред.*

принимается за земские учреждения (даже и судебную реформу ждет то же, т. е. мировые инстанции); оно устраняется. Оно пойдет поддерживать правительство в военной и гражданской администрации, т. е. как чиновничество, а общественным представителем, как бы ни было ограничено это представительство, не будет или будет очень вялое и редкое. Для меня это из газет очевидно; вместе с этим очевидно убеждение, что за общественные должности должны горячо схватиться разночинцы (купцы, семинаристы, университетцы и т. п.), ибо в этом явится путь: развитие понятия выборности, способов явной оппозиции, сближения со всеми слоями общества для всякой оппозиции. Пора, кроме литературного дела, которое вертится в крошечном кружку и наиболее указывает на идеалы, даже не всегда ясно выработанные, пора приняться за практический труд, который близко ли, далеко ли ставит свой идеал, но развивает случающиеся обстоятельства, без развития которых ни шагу нельзя шагнуть. Но вы это сами хорошо понимаете и можете спросить — зачем я это пишу? Затем, чтоб протянуть вам руку сочувствия, которая поддержала бы ваше убеждение, если встретятся люди, даже и хорошие, но смотрящие на дело с иной стороны... может, не с уясненной стороны. Кончу тем, что скажу вам: да, я страшно рад, что встретился с вами: я почувствовал растущую силу практического направления. Жму руку вам и Л. ³

Все, что у меня теснится в мозгу по этой задаче, я скажу вам в мартовск[ом] № в 3-м письме к одному из многих ⁴. Не знаю, этот один согласен со мной или нет, но этот взгляд следует высказать в непродолжительном времени. Ну, прощайте. Кланяйтесь дома.

Ваш Н. О.

Это письмо писал днем позже, чем хотел, ибо вчера был болен, как пес.

94

Из письма Е. В. САЛИАС

6. Rothsay, villas Richmond hill, S. W.

19 января (1865 г.)¹

...Ваше письмо меня кольнуло в чувствительное место. Несмотря на всю мою привычку разрушать собственные идеалы, мне было жаль настроения ваших сестер. Зачем же

это все пошло в такую бесцветную пустоту?.. Но мне не только Душеньки, мне и детей ее жаль, если уже на них теперь отразилась пустота русской дворянской жизни, и отец не мог помочь этому ². Читая русские газеты по обязанности, я так взгляделся в пустоту этой русской дворянской жизни, что меня пробрало глубоким отвращением и ненавистью. Вообразите себе, что со всех мест одно и то же: общественных должностей (земск[их] учрежд[ений] и пр.) дворянство бежит; а посмотрите, как оно лепится к престолу и чиновничеству! Нет! старый друг, жаль, когда в эту пустоту тонут существа, которым было отдано, может, все, что было хорошего в сердце, но мудрено, чтоб их жизнь сложилась иначе, а на остальных придется со злобой рукой махнуть и послать их мысленно к черту, пока они еще *de facto* * к нему не отправились.

Теперь о Женни ³. Зачем же он скучает и не работает? Он способен работать. Скажите ему это от меня. Мне хочется его видеть построившим свой эстетический мир на человечески-общественном основании, и я знаю, что он на это способен, но пока он себя этой задаче не почувствует преданным, ему все будет скучно. Пусть ему будет больно, но не могу я равнодушно смотреть на то, что он скучает; меня это коробит. О «Монжаже» ⁴ еще не пишу, все не довольно силен и свободен от крупной болезни и мелких дел.

Одному мне не тоска, мой старый друг. Если б немножко покрепче был, то бездну бы наработал, а я с работой тороплюсь, потому что все же жизни остается не бог знает сколько, а задачи, которые, не решив для себя, не могу спокойно покончить, еще ужасно длинны. Все же к весне думаю поправиться, окрепнуть и встретиться с вами и поговорить по душе наяву.

Спасибо вам за любовь к Лизе. Лиза выправится. Дайте пройти этому тяжелому времени, где я не в помощь по болезни и все обстоятельства еще не сладились. Натали в состоянии отчаяния после смерти детей, так что я не жду в эти месяцы хорошего влияния на Лизу. Саша был у них — помог; Герцен пробудет дольше, чем думал, — все лучше. А к весне и я подъеду и, для Лизы самый лучший помощник, — Тата. Недавно получил от нее письмо, — что это за мягкое, доброе, светлое созданье! Под влиянием этого доброго, любящего взгляда Лиза должна сделаться сама собой.

* фактически (лат.). — *Ред.*

Ну! за сим прошайте. Пора на почту. И то уже заболтался и не прочел ни одних «Москов[ских] ведомостей», а мне их еще 14 перечесть, да 4 «Соврем[енные] летописи», да 4 «Дня», да 20 «Инвалидов» и все это, чтоб сварганить маленькую смесь (что вовсе не моего ума дело) ⁵. Кстати, в том № «Кол[окола]» будет не моя, а статья NN, и сам не знаю чья, из России, просто прелесть как пробирательна, под заглавием: «Освобождение крестьян и польское восстание» ⁶. Склоняю колени перед этим новым неизвестным; хорошо, кабы побольше подобных.

На какой же вы квартире? Все на той же?

95

ДЖУЗЕППЕ МАДЗИНИ

(Конец февраля — 15 марта 1865 г.) ¹

Дорогой друг!

Уже давно намереваюсь я направить Вам серию писем *, которые составили бы книгу, но был в нерешительности. Я искал плана для изложения некоторых мыслей, которые я испытываю потребность высказать, прежде чем умереть, и мне думалось, что я не найду более подходящей формы, чем форма писем, обращенных к единственному человеку, любимому и уважаемому мной среди тех людей, чьи теоретические убеждения противоположны моим. Ваше «Послание к папе» утвердило меня в моем намерении ².

Конечно, я, по меньшей мере, такой же противник энциклики, как и Вы; но, хотя Вы и признали недостаточность мертвого духа, Вы духа нового все же не признали. Вы сделали то, в чем сами упрекаете других. Вы не только приняли форму за сущность, но более ** того, Вы смешали суть вещей со словами. Вы приняли слова, в которых не отдали себе отчета, за суть, которой не *** определили. Вы приняли людскую испорченность за теорию материа-

* Далее зачеркнуто: «под названием письма к идеалисту». Против этого места на обороте предыдущего листа рукой Герцена написано: «Я не сказал бы: письма к идеалисту, а просто — к Мадзини». — *Ред.*

** Слово «более» переделано из слова «хуже». Против этого места на обороте предыдущего листа рукой Герцена написано: «вместо: «хуже того» — более того». — *Ред.*

*** После слова «не» зачеркнуто: «а, поняли, б, уточнили». — *Ред.*

лизма, а нравственное начало, которое является лишь естественным * условием истинно социальных отношений, за спиритуализм. Вы силились ненавидеть материю, которая всего лишь слово, и поклоняться духу, который всего лишь слово, что привело Вас к высказыванию истин, не вытекающих из Ваших принципов, и принципов, в которых нет истины, потому что в них нет реальности. Что касается меня, то, не испытывая ни любви к материи, ни ненависти к духу, а признавая лишь то, что есть, я с глубокой скорбью вижу, что современный деятель, единственный, кого я люблю и уважаю среди людей политического мира, разрушая старую церковь, силится утвердить на ее месте ** неопределенные идеи, которые *** не смогут заменить ни религии, ни науки, ибо они лишены духа нового времени, т. е. **** сознания реальности.

Во имя этой искренней скорби я прошу у Вас разрешения адресовать и посвятить Вам дружескую полемику и суждения независимого человека.

96

ДЖУЗЕППЕ МАДЗИНИ

(Весна 1865 г.)

Дорогой друг, мой постскрипtum превращается в предисловие. Вы мне выказали столько дружбы во время последнего нашего свидания, что мне более чем когда-либо захотелось Вам посвятить труд, не имеющий ***** еще формы, для которого я только подготовил некоторые материалы, но который тем не менее является заветнейшим делом моей

* Слово «естественным» вписано над зачеркнутыми латинскими словами: «sine qua pop» (непременным условием). Против этого места на обороте предыдущего листа рукой Герцена написано: «естественным условием». — *Ред.*

** Далее зачеркнуто: «нагромождение слов». Над зачеркнутым вписано и в свою очередь зачеркнуто: «нечто». Против этого места на обороте предыдущего листа рукой Герцена написано: «нагромождение». Далее два слова неразборчивы. — *Ред.*

*** Далее зачеркнуто: «а. не будут иметь успеха, б. не заметят преходящую доктрину». — *Ред.*

**** Далее зачеркнуто: «понимания». — *Ред.*

***** Далее зачеркнуто: «еще ни формы, ни ясности». — *Ред.*

жизни *. Я Вам написал по этому поводу письмо, тотчас по прочтении Вашего ** послания к папе. Я его Вам не отправил; я опасался, как бы оно не вызвало охлаждения между нами. Но я искренно прошу у Вас извинения за эту мысль, ибо невозможно, чтобы *Вы* истолковали мое письмо в дурном смысле. Нехорошо с моей стороны было допустить такую нездоровую мысль. Чем больше я Вас узнаю, тем больше чувствую, что мы не можем расходиться в наших (практических) устремлениях; если расхождения и возникают, то не в самих *устремлениях*, но скорее в силу того, что *вещи*, к которым эти устремления приложимы, — различны: положение, вопросы, волнующие наши отечества, их средства — иные. Но в отношении *теории*, в самом серьезном значении этого слова, мы с Вами совершенно противоположны. А теория — соответственно моей натуре — всегда была самой жизненно важной стороной моего существования, и в те немногие годы, которые остается мне еще прожить, она попрежнему будет особенно близкой моему сердцу. Вы, следственно, поймете, что разница наших убеждений в этой области глубоко меня печалит, но не может ни повлиять на согласие *** в наших практических устремлениях, ни **** поколебать симпатию, которую я к Вам питаю. Я решаюсь поэтому послать Вам свое письмо, таким, каким я написал его сразу по прочтении Вашей брошюры, добавив теперь, что, по всей вероятности, я не стану в моем труде полемизировать с Вами; возможно, что я ограничусь догматическим изложением своей теории. Я даже думаю, что более способен к работе такого характера, чем к полемике. Но так как пройдет немало времени, прежде чем мне удастся привести кое-что в порядок, я еще твердо не знаю, какую форму выберу *****. Я верю, что, несмотря на все разногласия, оно только укрепит нашу дружбу.

* Далее зачеркнуто: «или того недолгого срока, который мне осталось жить». — *Ред.*

** Далее зачеркнуто: «ответа на энциклику». — *Ред.*

*** Слово «согласие» вписано над зачеркнутым «единство». — *Ред.*

**** Далее зачеркнуто: «на большую любовь, которую я к Вам питаю». — *Ред.*

***** Ранее читалось: «Итак, я прилагаю к сему мое первое письмо. Я верю, что оно послужит только укреплению нашей симпатии». — *Ред.*

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «Giovantù» *

Женева, Буасьер, 15 мая 1865 г. ¹

Милостивый государь!

Приношу Вам братскую ** благодарность *** за Ваше письмо от 2 мая. Я немедленно же принялся за работу, чтобы выполнить ее возможно быстрее; Ваша мысль была мне очень близка, и я считал своим долгом подать на празднике великого Данта русский голос, как бы слаб он ни был, лишь бы он выразил всю симпатию ****, питаемую нами к Италии, и всю нашу веру в ее будущее ². Посылаю Вам небольшое стихотворение на русском языке и прилагаю к нему французский перевод. Я могу, кроме того, прислать Вам н[есколь]ко печатных экземпляров *****.

Примите, милостивый государь, выражение глубочайшего уважения от всецело преданного Вам Н[иколая] О[гарева].

Суровый Дант не презирал сонета.

*Пушкин*IL GIORNO DI DANTE ³

Италия, земного мира цвет,
Страна надежд великих и преданий,
Твоих морей плескание и свет
И синий трепет горных очертаний
Живут в тиши моих воспоминаний,
Подобно снам роскошных юных лет!
Италия! я шлю тебе привет
В священный день народных ликований!
Но в этот день поэта «вечной муки»
Готовь умы к концу твоих невзгод,
Чтоб вольности услышал твой народ
Заветные торжественные звуки.
И пусть славян многоветвистый род
Свободные тебе протянет руки.

* «Юность» (итал.). — *Ред.*** Слово «братскую» надписано Герценом над зачеркнутым: «бесконечную». — *Ред.**** Далее зачеркнуто Герценом: «за честь, которую Вы мне сделали, обратившись». — *Ред.***** Далее зачеркнуто Герценом: «моей нации, или, вернее, всех тех из русских, кто свободно мыслит». — *Ред.****** Последняя фраза вписана Герценом. Далее Герценом зачеркнуто: «Славянский кружок в Женеве собрался и поручил мне отправить по телеграфу и письменно поздравления комитету по чествованию Данта». — *Ред.*

ИЗ ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНУ

5 мая (1866 г.)¹

...Первое, что мне попало в экономических вопросах, это старание Курно поставить на ноги, яко истину, все существующее посредством объяснения его непрерывными функциями². Тут вводится формализм, который куда бы ни вышел, им можно все подтвердить, что хочется, потому что он направлен с целью и исковеркан; да если б и не был исковеркан, то можно всякое явление представить в его непрерывной нити, нисколько не объяснив его, а только предположив такую-то точку отправления. Мне кажется, что тут есть разом извращение математики и извращение самих явлений. Действительно непрерывную функцию явлений производительности можно искать только в ее физико-химических отношениях, как, напр[имер], отношение почвы к растительности, питания к скотоводству, тех и других органических и неорганических материалов к фабричной производительности; тут одна функция другого в таком же дифференциальном (непрерывном) развитии, как и самая жизнь. Но как скоро мы входим в общественный мир, та же производительность, или промышленность, является нам в законченных группах, годных для обмена, т. е. представляет ряд определенных целых величин и их так или иначе прогрессивных отношений. Я разумею слово прогрессивной в смысле *прогрессии*, а не *прогресса*. *Idem* * в истории ты можешь проследить непрерывную функцию, но как скоро ты берешь известное общественное устройство в данный момент или его, положим, предполагаемую реформу — ты опять приходишь к постановке законченных групп, целых величин и их *sui generis* ** ряда прогрессий, к которому теория бесконечно малых если с другой целью, с другой точки зрения, и приложима, но в данном случае не приложима и не нужна. Явление обменов в мире общественном или промышленном естественно, по своему смыслу и *de facto* ***, представляет ряды переложений и сочетаний законченных, целых величин

* Также (лат.). — *Ред.*

** своего рода (лат.). — *Ред.*

*** фактически (лат.). — *Ред.*

(nombres entiers). На этом останавлиюсь в этой постановке задачи. Математически я тут доработался покамест только до того, что ряд переложений представляет не что иное, как произведение членов нисходящей (как *обычно* пишется) арифметической прогрессии, которой разность $= 1$, а сочетания представляют произведение членов этой прогрессии, разделенное на произведение членов арифметической прогрессии в восходящем порядке, где 1-й член $= 1$; разность равна единице, а число членов $=$ показателю переложений (т. е. по сколько вещей входит в каждое переложение; например, если p переложений по x , то число членов сочетаний $= x$). Из этого сопоставления выводов предвидится много, о которых я теперь еще не в силах говорить, но самое приравнение переложений и сочетаний 2-м арифметическим прогрессиям в обратном порядке, с разностью $= 1$, и разделенным 1-я на 2-ю (разумеется, без всякого повода к остатку) — я готов математически доказать и теперь. Может, оно дело и известное, но я-то только теперь дошел и то с ужасным трудом. Но все это до другого раза. Далее — немного уклоняясь от этих вопросов — Жуковский ³ намедня мне наговорил несколько социальных вопросов (доказывающих мне, что он серьезно занят ими и много работает) — так что я чуть не написал собственно ему целого письма к нему, а теперь оно меня преследует до глубины души. Но как ты думаешь — к нему писать или про себя писать? Пожалуй, я опять не увлекся ли им на этом основании? Скажи твое мнение.

Ну — будет. Оставляю письмо без настоящего конца и отдохну; да пора и идти к тебе.

А. И. ГЕРЦЕНУ

7 февраля (1867 г.) (пятница) ¹

Сегодня начинаю не тезисами ², не ответом, а новостью, вчера полученною: Крузе и кого-то другого (должно быть Платон[ова] или Корфа) ссылают в Оренбург, а гр[афу] Шувалову предложен выбор — ехать в Уфу или убираться за границу. Говорят, он принял последнее. Вот тебе и земские учреждения! Известие идет от аристократических путешественников и совершенно верно. (Писано со слов

пана, который, к сожалению, забыл имя второго ссыльного.)³

Не знаю, война или не война — если тебе виднее, то пусть разрешится на первое, — но я знаю одно, что теперь требование на заграничную прессу поднимется, потому что многого нельзя будет сказать дома, а сказать или видеть в печати будет хотеться⁴. Поэтому, мне кажется, что, отказавшись от сборника, мы сделали большую ошибку и что продолжать ее было бы не только глупо, но дурно. Чем больше будет вселенских происшествий и домашних колебаний, тем больше «Кол[окол]» должен войти в надлежащую роль газеты с политическими статьями и обличительной смесью и тем нужнее станет «Revue» * с научно-социальным направлением⁵.

В образе мыслей нам мудрено разойтись и с оными юношами (я говорю о Мечн[икове] и Ут[ине]), а так как они еще раз явились с предложением и желанием не выходить из-под нашего флага — то чего же еще? Для них является возможность работать, для нас является возможность издавать. И заметь, что «Revue» * не в пику «Колоколу» пойдет, а, напротив того, поставит его как газету, а сама сосредоточит учение, т. е. тут является газета и книга. Я при этой мысли чувствую прибавление силы. С каким же нетерпением я жду твоего ответа и думаю to be or not to be**.

Ай да Мар[ия] К[аспаровна]!⁶ — а я думал, что она уже в Берне, и без того сбирался писать ей мой привет.

А вообрази, что я со времени записочки Нат[али], которую послал тебе, ни строки от Лизы и об Лизе не имею.

Твоя статейка об Акс[акове] набирается; она очень мила и в этом отношении справедлива; но смотри, Герцен, не промахнись — под этой риторикой или, лучше сказать, возле этой риторики идет правильная оппозиция, которую бить не годится⁷.

Что за погода — это черт знает что такое! Постоянная буря — дождь, град и снег. Дивлюсь, как я все же цел и прошел через время припадка без всяких страданий.

12 часов — postman *** — набор твоей статьи об Ак[сакове], куча газет и приглашение *откушать* в воскресенье. Больше ничего. Однако разделение труда вещь не

* «Обозрение» (франц.). — *Ред.*

** «Быть или не быть» (*Шекспир*, Гамлет). — *Ред.*

*** почтальон (англ.). — *Ред.*

беспольная; для меня прочесть за раз такую кучу газет — значит положить себя в лоск так, что я уже все под конец перестану понимать и точно дурману объелся. От этого я на них смотрю с чувством любопытства и страха и боюсь прикоснуться, а посмотреть хочется.

Мне кажется, я вчера пропустил один из моих тезисов. На всякий случай вот он...*

...Прощай. Иду есть.

· Всех вас целую.

А что же Ольгин портрет?

Получил «Былое и думы», т. IV⁸.

Аксаковой «Москве» первое предостережение. Это напечатано в «Вести», которую завтра тебе пошлю. И за что? Будто за вызов вражды между духовн[ым] и граждан[ским] ведомством.

Черн[ецкий] переделал «камни плачут» в «калеки плачут», я опять поставил «камни». Так ли?

100

А. И. ГЕРЦЕНУ

4 марта (1867 г.). Понедельн[ик]¹

Даже еще во сне думал о том, что хотел тебе писать, и как бы чего не забыть.

1) Пришлешь ли ты какую смесь (не забывая свиньи с гусем). В «Кол[околе]» 15 март[а] места три колонны.

2) Объявлять ли о выходе за оным «Кол[околом]» 1 апр[еля] или 15-го (как ты писал)?² У меня к апрелю хоть и 1-му будет готово окончание статьи, которое поллиста займет наверно; да ты что дашь.

3) Теперь, *caro philosopho teoretico* **, объясню тебе, в чем ты ошибаешься в вопросе о «Revue» ***³. Я не могу считать, чтобы я попался в старую ловушку, потому что того, что я тебе предлагал, *мне никто* не предлагал. Напротив того, Меч[ников] хлопочет о добытии денег от кого-то, кто обещал. Дела в таком состоянии, что капиталист *in spe* ****, почти ничего не получая от родителя, меньше

* Часть письма с текстом тезиса вырезана.

** дорогой философ-теоретик (лат.). — *Ред.*

*** «Обзрении» (франц.). — *Ред.*

**** будущий (лат.). — *Ред.*

надеется на получение, чем двое остальных, т. е. Меч[ников] и Жук[овский]. Вообще же они имеют в предмете, чтоб каждый платил за напечатание своей статьи. Мне при этом показалось, что время уходит и, может, когда они найдут деньги — тогда будет поздно, ибо и выставка и все покончится; на этом основании я тебе и предложил дать им займы (из Бах[метевских] денег, хотя и не говоря этого,) 1000 фр[анков] (что, вероятно, было бы достаточно), и если Ут[ин] тебе даст вексель или кому другому за твоим поручительством, то, я думаю, это совершенно равнозначительно. Одно только, что я хочу сказать — когда они были виноваты, тогда можно было взваливать на них грех; но когда во всем предложении виноват только я, делал я его *только тебе*, а не им, то я считаю обязанностью оправдать их перед тобою, что и делаю. Я знаю, что ты меня обвинишь в раздражительности, но и это будет несправедливо, потому что если меня огорчает твоя раздражительность относительно меня, да еще в таком казусе, где ни я, ни казус не заслуживают раздражительности, то мое огорчение слишком выходит естественно, чтоб принять его за пустую раздражительность характера. Мне просто больно, глубоко на сердце больно — и только.

Далее, так как я считаю самое дело вопросом, заслуживающим полного внимания, то мне хочется окончательно рассмотреть его. Да, я думаю, что издание «*Revue*»* поднимет значение «Колокола». Потом, несмотря на уверение твоего соотечественника о неполучении «Кол[окола]» в России, — отсюда, по словам Тх[оржевского], посылается и там получается «Кол[окол]» *sous bande* **. След[ственно], кто хочет выписывать — получает; а так, без заказа, книгопродавцы, действительно, не выписывают. Потом вот что: «*Revue*» *** внесет некоторую систематичность в изложение социологии, а «Колок[ол]» примет совершенно ежедневные вопросы в свое заведование — и я думаю, да и это поднимет оба издания, особенно во время выставки и, след[ственно], огромной миграции русских читателей. Должны мы сами хлопотать не о бессмертии, а о пропаганде, и если мы кому пособим, хоть не на даровых, но на кредитных прогонах — проехаться до бессмертия, лишь бы это

* «Обозрения» (франц.). — *Ред.*

** бандеролью (франц.). — *Ред.*

*** «Обозрение» (франц.). — *Ред.*

было в помощь пропаганде, — я думаю, беда не велика. Ведь и кредит важен для неимущих и тогда, когда приходит кстати. Меня ты дружбы ради вывез на даровых прогонах; я еще раз имею на это претензию, потому что мне кажется, что это мои последние прогоны. Если же те выедут на кредитных прогонах почти в первый раз, то ведь риску тут нет: или издание окупится, или они свое заплатят; или издание окупится частью, а некупленное (т. е. свое) они приплатят, во всяком случае я не предполагаю, чтоб платеж вышел слишком тяжел, ибо *в это время* большая доля не может не окупиться. Потом я и не предлагал тебе тревожить твои ходячие деньги, а только лежащие, которые таким образом, и вернутся в кассу снова. Пожалуйста, отвечай мне на все это без сердюков. Дело в деле, а не в раздражительности.

4) Извини меня также, что я начал писать не на надлежащей странице — совершенно ненарочно, и что пишу некрасиво: насилу пальцы двигаются — такой холод. Впрочем, это едва ли продержится, ибо сегодня биза решительно упала. Я рад твоему свиданию с Гар[ибальди] ⁴ и впечатлению, которое на тебя сделала Венеция. Из газет мне кажется, что он сильно действует на выборы.

5) Не попробовать ли через M-me L[éon] переслать Сат[иным] записку с некоторого рода надлежащим упреком? Я думаю, что это всего бы возможней. — Куплен сбор «Кол[окола] за все годы и все «Былое и думы».

6) За сим я пойду в город и допишу к тебе вечером, а Тате напишу послезавтра. Окончание моей статьи меня сильно занимает. К тебе во Флоренцию писать стало до 8-го?

7) Одно очень прискорбное — это что W ⁵ просил меня, нельзя ли ему за статью назначить гонорарий, ибо он получил из дому такие печальные известия, что он через два месяца останется без копейки. Я ему сказал, что он права не имеет, но что я напишу к тебе, да что ты еще прежде того сам приедешь; теперь он решительно ничего не хочет ни из фонда, ни в гонорарий, а говорит, что ему только через два месяца будет плохо. Его же к тому времени доктора посылают на воды. Что тут сказать — я не знаю.

8) Посылаю кучу газет. Заметь все отмеченное X.

А. И. ГЕРЦЕНУ

7 марта (1867 г.). Четверг ¹

Снег. Вчера затмение плохо можно было видеть минуты две — остальное все исчезло за облаками.

Экая досада — всю бумагу исписал, а хочется к вам писать; насилиу отыскал остаточки, а купить вчера забыл. А как пальцы зябнут — это тоже черт знает что такое, едва можно буквы формировать.

Итак, Астраков умер, позвав меня ². Признаюсь, что это меня кольнуло и болью и удовлетворением. А почему же он умер, а я жив? Где тут юстиция и польза?

Жду от тебя как можно скорее смесей — пообстоятельнее, чем в письме от 3 марта. Ведь я уповаю на твой громадный талант, не надеюсь на свой и боюсь смесей долг[оружовских] ³. Пойми ты это. Ты мой лучший сатирик, да еще вдобавок я согласен с венецианскими масками, что ты знаменитый русский поэт, хотя стихов и не писал; но для меня уже одно «С того берега» поэма.

12 час[ов]. Сейчас получил твое письмо от 4-го и корректуру корреспонденции. С этим совершенно согласен; ведь я поэтому и заставил Черн[ецкого], как можно скорее послать к тебе корректуру и тебе писал, чтоб вымарать хотя бы штуку про княжескую супругу. Я сегодня обедаю у Долг[оружова] один с Тх[оржевским] и потому отстою твои поправки с удовольствием, ибо я совершенно за них ⁴. Если я сам не вычеркивал, то это только потому, что я на твой такт больше полагаюсь, чем на свой.

Продолжаю далее начатое письмо.

С трепетом я жду твоего нового путешествия в Ниццу. Ничего не могу сообразить и только чувствую, что это раздрачительно. Пиши мне скорей по приезде. И на кой черт ты едешь морем — теперь должно быть скверно, ибо все переменчивые бури.

С нетерпением жду твоего ответа на мое предложение о «Пол[ярной] зв[езде]», ибо прежде твоего ответа я не могу ни уговориться, ни начать работать хотя бы с «Non possumus» ⁵.

О чем же вы с Б[акстом] поспорили? ⁶

Мысль о физиологическом основании истории принад-

* «Отказ» (лат.). Название статьи. — *Ред.*

лежит Конту. Я теперь недостаточно помню, как она у него проведена, но пересмотрю. Мое понятие о безнаказанности сводится вот на что (я даже, кажется, этим Долг[орукова] убедил): «Общество имеет право защищать себя, но права наказания за грех и преступление не имеет; поэтому никакого иного наказания не может быть, как эстрадация на новое поселение, ибо тут граница самозащиты». Впрочем, и это не ново — был же у греков острацизм; есть же у нас Сибирь, которую можно совершенно приспособить к этому тезису.

Время — координата движения. *Поступок* для сознательно животной природы — название того, что для бессознательной природы вообще называется событием, происшествием, *фактом*. Неужто можно *факт* рассматривать как *координату* природы, а не просто видеть тут слово, имя, название, способ выражения?

Бедный Тур[генев] — что ж это его кондрашка что ли хватил? Жаль его, а ведь, кажется, уж как смотрел за своим здоровьем! ⁷

Статья моя будет длинновата, но едва ли иначе возможно. Вот и это скорее бы дело «Пол[ярной] зв[езды]», т. е. гевце *, а не газеты.

Из новостей только скажу тебе, что Деларов ходил к Озерову ⁸ объяснять, что женевское общество очень жалеет, что не имеет законного права уничтожить «Кол[окол]» и выгнать нас. Сам Оз[еров] удивился. Не напечатать ли это? Впрочем, можно и в апреле.

Шув[аловские] ⁹ речи также теперь еще нельзя печатать, а после, вероятно, должно.

Твое письмо от 4-го пришло сегодня утром, ergo **, мое письмо, отправившись завтра (т. е. положенное на почту сегодня), придет к тебе в воскресенье утром. Поэтому еще пишу во Флоренцию.

Прощай пока.

102

Н. И. УТИНУ

⟨Конец марта 1867 г.⟩ ¹

Нет, м[илый] У[тин], к сожалению, вы меня не поняли или поняли иначе ². Может, я неясно выразился или

* Журнала (франц.). — *Ред.*

** Следовательно (лат.). — *Ред.*

какой-нибудь один пункт вас (несправедливо) раздражил и вы все истолковали себе превратно.

Ergo *, сызнова — вы увидите, что я буду ужасно терпелив.

Я к вам писал, что лучше *спорные* пункты, из которых я с ⁹/₁₀ не согласен, оставить в стороне, до другого раза, до разговора ³, а *теперь* предлагал заняться *организацией* сборника (что, по-моему, значит Revue **) и заняться поскорее, чтоб первый сборник поспел к выставке ⁴. Поэтому просил вас определить, кто и что будет писать. Тут, следственно, постановилась бы общая задача и вышло бы разделение труда. Но этот отдел нисколько бы не мешал помещению статей, которые с его задачей *нисколько бы не были в противуречии*, но затрагивали бы иные научные и политические вопросы ⁵. А так как такие статьи у нас имеются и польза их несомненна ***, то покамест они печатаются, отдел особой общей задачи общим трудом составил бы и напечатание первого пробного сборника *поспело бы ко времени*. Что же тут может быть для вас обидного, с чем бы вы не могли согласиться?

Название «Полярн[ая] зв[езда]» остается, потому что оно, вероятно, привычнее, и весь вопрос был бы в успехе или неуспехе первого пробного сборника. Если он пойдет в ход, то можно решиться на 4 книжки в год, и продажа дала бы средства. А нет — сами судите, что ведь дело оказалось бы невозможным.

Но мне *теперь* оно кажется возможным — и только опыт докажет, прав ли я.

Что касается до денежного вопроса, то я думал, что вы легко поймете, что Гер[цен] мог ссудить только им *занятыми* деньгами, ибо своих не хватит, и потому не знаю, что вам показалось оскорбительного в векселе *или расписке* (ибо я решительно помню, что писал к вам и об расписке, да еще на два года).

Нет, У[тин], это с вашей стороны не дело, и по старой дружбе я только могу сказать вам, что единственно *хороший* поступок с вашей стороны — это согласие на это мое совершенно безобидное и единственно возможное предложение.

* Следовательно (лат.). — *Ред.*

** Журнала (франц.). — *Ред.*

*** Так, напр[имер], статья чья-то: поп possimus (отказ (лат.)), лекции Шиффа и т. д.

С прежней дружбой и дальнейшим терпением остаюсь ваш.

Р. С. Сверх того, позвольте вам заметить, что я решительно не верю, что вы *сухой наукой* занимаетесь ради своего продовольствия. Во-первых (кроме библиографии и простой грамматики), я не знаю *сухой науки*; а во-вторых, ваши занятия — сколько я знаю — слишком близки к вашим убеждениям, чтоб иметь только побочную цель. Так ли это?

103

А. И. ГЕРЦЕНУ

(февраль — апрель 1867 г.)¹

Сделать из «Колокола» *Revue* * — это меня уже с год заманивает². Но тут спрашивается, не покажет[ся] ли это в глазах публики *une retraite* ** и не уронит ли нашего влияния, между тем как с терпением работая на прусского короля год—может потребности публики перевернутся в другую сторону и выдержка вознаградится большим участием публики. Перемена газетного тона на догматический слишком льстит моим вкусам, чтоб довериться внутреннему влечению без проверки самой строгой критики.

Написать *de Profundis* *** Польше, блестящий и благородный, — дело весьма возможное, но сделаться учителем молодежи — это другое дело. Для этого надо для самого себя иметь ясную и определенную политическую догматику, т. е. ясное понимание оснований, стремлений и цели русской общественности. Я не думаю, чтоб это понимание было у которого-нибудь из нас достаточно уяснено. Я не думаю, чтоб твоя в настоящую минуту *quasi anti-революционная* **** идея была яснее бакунинской революционной. Мадзиниевская идея, может быть, ошибочна, но она определена и потому строит партию. Чернышевский мог некрасиво писать, но у него теория была поставлена в определенных рамках артельной жизни молодого поколения, и потому он имел на него огромное влияние. Ну — если мы дадим, положим, более широкие... *loci topici* *****

* журнал (франц.). — *Ред.*

** отречение (франц.). — *Ред.*

*** заупокойный гимн (лат.). — *Ред.*

**** будто бы антиреволюционная (лат.). — *Ред.*

***** общие места (лат.). — *Ред.*

теоретические, что ж из этого выйдет? Кто будет виноват, если мы никого не увлечем, не проповедуя в сущности ни революции, ни подчинения, ни конституции?

Может, мы придем к более определенному сознанию до 1 июля... но придем ли?

Пойми, что наша догматика должна быть не метафизическая или научно-естествоиспытательная, а политическая, общественная (предлагаю слово *civilisation*, гражданственность, заменить словом общественность) — иначе наша деятельность = 0.

Все это я ставлю не как отрицание, а как вопрос, как сомнение с тем, чтоб мы положили *inter se* * определенные кадры общественной теории и не отрекались бы ради нее ни от какого поступка и ни от какой пропаганды поступков.

Занять между Кавелиным и Бакуниным место локотипистов нисколько не льстит ни моим внутренним стремлениям, ни моим убеждениям тем больше, что на этой дороге есть риск так приблизиться к Кавелину, что и не отличишь. Ведь и сам Кавелин обижается, когда его смешивают с Чичериним, а ведь не отличишь.

Я серьезно спрашиваю, что мы отрицаем и куда мы идем, ибо я перестаю понимать.

104

А. И. ГЕРЦЕНУ

Четверток (25 апреля 1867 г.)¹

Сижу на скамейке в саду и пишу, хотя оно и очень неловко. Бранись, как хочешь, Герцен, но я не могу сладить с моим неуменьем говорить, которое мне страшная помеха в жизни, и потому должен прибегнуть к письму — иначе не смогу. Сегодня же хорошо должно писаться, тепло как летом, даже трава и листья ароматичны и, несмотря на некоторую грозовую тяжесть в воздухе, все-таки хорошо живется и на память приходят стихи:

Когда б оставили меня
На воле — как бы резво я
Пустился в темный лес,

* между собой (лат.). — *Ред.*

Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез... ²

Но не в том дело. С ума все еще не сошел, хотя, вероятно, и сойду (как Мальвида) ³, и потому перейдем к предметам, нас занимающим. Я начну с личных отношений и перейду постепенно к общим вопросам.

Личным делом первой важности, я считаю, что, несмотря на письмо Натали, надо съездить посмотреть эту барышню. Тут может быть спасенье для Лизы и для самой оной барышни. Я это записываю тебе, потому что записанное больше помнится, чем сказанное. Суслову же я не считаю великим талантом, а так неопределенным, но экзальтированным пониманием ⁴.

За сим перехожу к другим, долею общим, но все же личным вопросам, или вопросам личностей. Как ты хочешь, но все же я не могу смотреть на здешнюю несчастную молодежь с твоей ригористической точки зрения ⁵. Я сам в себе не нахожу той чистоты, которая давала бы мне право на ригоризм. Кто же из них делал больше нечистого — хотя бы игранием относительно самого себя и относительно женщины, чем я дельвал в их и не их возрасте? Заметь также, что большая доля из них способна трудиться. Об одном не стану спорить, что у них смысл ограничен. Следовательно, что же нам оставалось делать относительно их — упорно воспитывать, а не отталкивать, не обижаться вздором, а вывести на настоящий путь. Не могу я не считать этого положения за правду, от этого меня твое отношение к ним только глубоко печалит, доводит до неловкости в жизни и до великой внутренней скорби.

Если между ними есть дурные люди, то не все же они дурные люди, и, следовательно, есть люди, которым можно растолковать вещи, но которых нельзя топтать в грязь и прибавлять новый элемент к их гибели. По-моему, это невеликодушно и ложно.

Теперь перейду к совсем общим вопросам. Читал и читал сегодня статью Соловьева ⁶ и чем больше читал, тем больше думаю, что это одно из самых вредных литературных произведений, которое бьет в руку правительству и реакции, ничуть не уясняя какого бы то ни было научного пути, а притязание на это имеет сильное. Старо-воздвиженская философия! Она хочет отделить способность понимания

(разум) от способности чувствования, т. е. разного рода страстей, которые она возводит в теорию нравственности, *сердца* и принципов — как будто может быть принцип вне понимания. Сам не замечая, этот господин доходит до чего ему вовсе не хочется, что в природе есть степени (извини за выражение, но я думаю оно нагляднее: a , a^2 , a^3 , a^n , a^m и так далее), есть *sui generis* * *серии*, но из этого не следует, чтоб именно не нашлось корня, который только повышает в степени, но нисколько не приводит к особым эссенциальным ** основам, вроде принципов нравственности. Вся штука, в каких бы сериях и степенях ни находилась, все же имеет корнем *равновесие* или *стремление к равновесию*, к эквilibрации равно в мире физическом и мире историческом, или общественном.

Отсюда только и можно вывести и физиологически человеческое стремление к гармонии, и необходимость ее; но при неменяемости уклонений все же нельзя вывести общественное право на кару, на жестокость, а только на устранение мешающих личностей и то только тогда, когда общество могло бы сказать, что оно достигло до равновесия, достигло до гармонии. А тогда и мешающие личности, кроме совершенно патологических, требующих медицинской помощи, — немыслимы. К чему же приводит это, что общество во 1-х), должно само найти свое равновесие, а во 2-х), что общество на преступления имеет право смотреть только как на патологические явления, которым нужно искать медицинской помощи — а не виселицы.

Затем довольно. Посердись на это письмо, потом вникни в его правду — и прости.

Завтра, т. е. в пятницу, в 5 час[ов] загляну в *post-safé* *** и в глобус, а если не найду тебя, то прямо отправлюсь к тебе.

105

А. И. ГЕРЦЕНУ

12 сент(ября 1867 г.)¹. Четверг

Плохой же я корреспондент! Два дня не мог собраться написать к тебе и два дня не мог отыскать Тх[оржевского],

* своего рода (лат.). — *Ред.*

** существенным (от фр. *essentiel*). — *Ред.*

*** кафе при почте (франц.). — *Ред.*

чтобы выслать тебе генвскую * газету, которая дает совершенно искаженный отчет о заседаниях конгресса ². Тем не менее перед этим Тхор[жевский] сомневался, чтоб газету пропустили к вам. Но к делу, не теряя слов! Конгресс все-таки не удался. Были речи очень хорошие, но до дела не доходящие. Таким образом, Эдг[ар] Кине очень красноречиво говорил о печали изгнания ³; Гамбуцци ⁴ о разрушении папства; Бак[унин] о разрушении государства ⁵. Какой-то немец ⁶ (Бак[унин] говорит, что он от Маркса и Энгельса) сказал об Шульце Деличе, что это *commis-voeuageur* ** буржуазии; мне кажется, что тут еще нет ничего оскорбительного; но как ты думаешь — кто с бешенством закричал à l'ordre *** и не дал кончить речи оратору? Карл Фогт. Я его после спрашивал — из чего он взбесился? «Нельзя», говорит, «допускать личностей».

Фази с бешенством возражал Гамбуцци, говоря, что отвергать папство — значит нарушать религиозную свободу. Да! ты требуешь анекдотов — вот тебе лучший: перед конгрессом в комитете Фази и Барни чуть не подрались, их разводили; дело было из-за кресла.

На конгрессовке президентом выбран был Гарибальди, два дня был; раз говорил — тоже общие места, на 3-й день уехал. Слухи ходят, будто его швейцарское правительство просило уехать. Не знаю, кто пустил это в ход по городу, но сомневаюсь в истине, ибо накануне сам Гар[ибальди] (у которого я был с т-те Бак[униной]) говорил мне, что он просто не может дольше остаться, потому что некогда. Я даже взял перчатки, чтоб идти с т-те Бак[униной] к Гар[ибальди], и ужасно раскаялся в такой чопорности, встретя там т-те Магио — все такую же *quasi* **** нечесаную. Но я должен сознаться, что мы друг другу обрадовались.

На конгрессе каждая национальность имела своего вице-президента и секретаря. Меня выбрали вице-президентом от русских, а Выруб[ова] секретарем. Меня уговорил Бак[унин] в пику Долг[орукову], который, должно быть, бесится, что остался совсем в стороне. С Выруб[овым] я очень сошелся. Но он, увидя на конгрессе, что действи-

* женевскую (от Genève — Женева). — *Ред.*

** коммивояжер (франц.). — *Ред.*

*** к порядку (франц.). — *Ред.*

**** почти что (лат.). — *Ред.*

тельно религиозного вопроса затронуть нельзя будет, отказался от участия и сегодня уезжает. Ergo *, ты его найдешь в Париже. У него я познакомился и с Озер[овым]. Также сошелся и с Реклю, с которым много говорил, и очень доволен. Цверцяк[евич] играл на конгрессе роль гарсона — с красной лентой на рукаве все ходил взад и вперед около трибуны и подавал воду ораторам. Однако и он вознегодовал на статью Клачки, о которой я ему вчера рассказывал, но которой сам еще не читал, ибо не знаю, где добыть «Revue des 2 Mondes».

Бак[унин] в восторге от двух делегатов английских работников. Действительно, у них вид чрезвычайно благороден. Бак[унин] постоянно жучит Молилари ⁷, встречаясь с ним. И хорошо делает. Что это за подлая рожа — удивительно. Какой глупый протест он подал против употребления слов exploitants и exploités **.

Фогт прочел с трибуны письмо Фанни Левальд ⁸ (m-me Стар), письмо чрезвычайно умное, чрезвычайно милое, особенно в религиозном отношении. Но сам Фогт мне сильно не понравился ⁹.

На утренние, особые, комитетские заседания (в 9 часов) я не ходил. Будет с того, что надо было идти в час, по палящему солнцу, чтоб успеть на конгресс к 2-м часам. Неопределенность конгресса навевала на меня скуку, а майоритет, отчасти искусственный, и разубеждение даже в хороших будто бы людях навевали на меня тоску. Выруб[ов] прав, что ушел. Сам Бак[унин] предложил вопрос: как лучше отретироваться от конгресса и Женевы? На что я ему сказал: по железной дороге — и привел этой глупостью Реклю и Гамбуцци в смех на четверть часа. До ухода из дому эти два дня я занимался письмом Бак[унина] к тебе и возражением на него. Я не могу согласиться в некоторых основаниях. Дурного в письме, впрочем, ничего нет. Оно даже дружелюбно. Но об этом я тебе напишу особо, когда кончу свое возражение. Далее напишу из Женевы.

Далее писать некогда, до завтра. Конгресс кончился мизерабельно.

Наконец, нашел Тх[оржевского], который тебе кланяется, будет писать завтра, перешлет бюллетени, а «J[ournal] de Genève» решительно не пропускается.

* следовательно (лат.). — *Ред.*

** эксплуататоры и эксплуатируемые (франц.). — *Ред.*

А. И. ГЕРЦЕНУ

15-е (февраля 1869 г.). Понедельник ¹

Сейчас получил твое письмо от 11—13-го. Теперь половина 2-го: Тх[оржевский] еще не был. Жду его, чтоб поговорить и написать тебе результат, и жду его, чтоб передать для пересылки тебе (он лучше меня су-бандирует) сейчас поконченные мною (во всем, что хотелось, «Отечественные зап[иски]») январские. Стало, они пойдут к тебе сегодня. Письмо начну к тебе с них. Читайте их внимательно. Это № блестящий. На первом месте выставлю тебе статью, блестящую статью: «Когда благоденствовал русский мужик». Далее заметь статью о Писареве (против которой у меня есть за пазухой что-то, чего я сам еще не могу разобрать). Далее — замечательны статьи Щедрина, но «Признаки времени» мне все же лучше нравятся, чем «История одного города». «Обозрение 1868» — одно из самых, по положению, талантливых и любопытных произведений. Необычайно интересна и полезна статья Максимова «Народные преступления и несчастия», несмотря на то, что он мне кажется все больше и больше тяжелым и растянутым; но эту статью надо прилежно изучить. Библиография хороша ². А затем я не читал ничего, чтоб поскорей отослать вам и потому что, право, если читать две таких книжки в месяц, то скоро придется отказаться от всякой собственной производительности. А, может, оно и лучше?.. Покамест не могу, ибо так и подстегивает к собственной производительности, так что не сладишь довольно скоро с сидящим в мозгах материалом.

Вот уже 2 часа. Тх[оржевского] все еще нет. Отдохну немножко, т. е. похожу по комнате и покурю, ибо с утра и до обеда и с послеобеда час целый — все проводил над чтением «От[ечественных] зап[исок]», так что поприустал немножко.

Сегодня получил письмо от Саши и Терезины. Тутс покамест здоров и больше толстеет, чем что другое. Учится писать с любопытством к делу и охотится учиться по-немецки и по-русски.

^{3/4} третьего. Тх[оржевский] не был. Видно, пупок болит. Ерго, ответ об Черн[ецком] и пр. оставлю до завтра, а

«Отечест[венные] зап[иски]» и эту записку посылаю на почту с М[эри].

Погода солнечная, удивительная. Биза маленькая, почти нечувствительная. Пойду сидеть в сад. Соседка сегодня поет недурно.

Засим прощайте, мои милые. Ничего делать не хочется.

Тате послал начало промемории — 3-го дня.

Молодого челов[ека] за ответом о «Сороке-Воровке» жду не сегодня-завтра ³.

107

А. И. ГЕРЦЕНУ

15 мар(та 1869 г.). Понедельник ¹

Вчера был Щерб[аков] ² и привез твою статью, которую я уже вчера прочел и сегодня перечитывал ³. В ней чрезвычайно много хорошего; но и с ней я не могу (пока) согласиться, как и с неопределенностью Бакунина. Главное, я одно тебе замечу, что вооруженное восстание обусловливается существующим войском, которое до сделки никогда не допустит ⁴. Едва ли ты в этом найдешь что-нибудь ипргак-tisch *. Тут ничего теоретического нет, а история-то с этой дороги сойти не может. Но все же я сегодня писать об этом усиленно не буду, ибо имею сообщить тебе частный запрос Чернецкого, а времени уже немного.

Частный запрос Чернец[кого] в том, что точно ли ты будешь печатать мемуары, взявши дозволение де Лаво, а также и 4-ю часть. Черн[ецкий] говорит, что с мемуарами и «Полярн[ой] звездой» он еще год просуществует, что он ждал от тебя ответа и еще не получал. — Прежде всего, если ты можешь печатать, надо его спросить — как скоро будет напечатано. — Тх[оржевский] говорит, что ты ему писал, что не будешь печатать (ибо это = 12/т[ысячам] фр[анков]) и что он говорил об этом уже прежде с Чернец[ким]. Но Тх[оржевский] и Черн[ецкий] в таких отношениях, что эти отношения скорее мешают мне иметь собственное мнение, а не помогают. Дело в том, что Черн[ецкому] надо через пять недель покончить и потому он жаждет от тебя немедленного ответа. От ассоциаций он, кажется,

* непрактичное (нем.). — *Ред.*

уклоняется, а не то что ищет в них спасения; мне тут многое не нравится, но я не хочу теперь говорить, чтобы ты остался без всякого влияния и решил сам по себе: можно его подержать, давши ему работу, или пусть сейчас распродается (что будет также совсем в убыток)? — Напиши ему, что знаешь, или напиши мне так, чтоб я ему сказал — это *отпi casu* * будет лучше. Но сделай это тотчас, ибо ему в самом деле узлом пришло и ждать нечего.

Вот тебе история! Право, устал даже от писанья ее; вдобавок, руки так гадко болят от *chillblains*'ов **, что просто трудно писать; а охота большая.

Вчера Щерб[аков] был вечером; ужинать не остался (сегодня куда-то едет). Поэтому я ужинал после его ухода весьма вплотную; потом лег спать и видел во сне следующее: «Молитву православного чиновника богородице — на голос «Здравствуй милая хорошая моя»⁵. — Целое утро она меня не отпускала от тетради; я ее кончил, но еще слишком начерно; а потом надо написать голос с аккомпанементом. К отъезду Щербак[ова] надеюсь слажу — а тогда пошлю тебе и посмотрю — что ты ругнешь или только посмеешься.

Сегодня здесь Ант[он] Рубинштейн даст концерт.

Самое печальное известие получил сегодня через Тх[оржевского] от Веньера (который собирается ко мне): Мерч[инский] в Петербурге заболел холерой и лежал в клинике у Ботк[ина]. Но в последнее время стал вставать и курить. — Но каково-то это для него при всех скудных делах?

Ну! теперь до другого раза. Пора на почту. Целую вас всех.

108

А. И. ГЕРЦЕНУ

27 <марта 1869 г.). Вечером¹

Вот тебе и новости: сегодня, после обеда (т. е. перед вечером), был у меня Бакунин, а вечером был Чернецкий.

Что я ни писал прежде, но когда я увидал Бак[унина], я был внутренно так рад, что даже старался как можно меньше показать это². Твою статью он взял прочесть и

* во всех случаях (лат.). — *Ред.*

** обмороженных мест (англ.). — *Ред.*

принесет на днях; я взял честное слово, что сбережет ак² куратно³. Я между тем перечту и мои письма к нему, и когда он на днях придет, сверх того предложу ему вопрос об его идеалах — и после разговора напишу тебе, и будет легче писать тебе ли, мне ли. Теперь, из его слов, я вижу, что очень работает против гревы *⁴, которую считает очень опасною, особенно примыкающую греву каменщиков; типографщики еще отчасти поддержаны иностранными ассоциациями, а каменщики ничем; но и типографщики, кажется, перейдут к меньшинству, и грева лопнет; а каменщики так пострадают сильно, если сделают греву, хотя права на нее имеют еще больше (это даже по словам Чернец[кого]). Ergo **, Бакун[ин] в сущности должен быть ближе к нам, чем сам думает. Но говорить сегодня я и не пробовал, потому что он приходил не на довольно долгое время. Мне кажется, он боялся ко мне прийти — и приходил попробовать — может ли он остаться попрежнему в отношении старичков. Хотя мы так это и не постановили, но что ж я могу иметь против этого? Полемика не должна быть враждой, если она не проистекает из личной вражды.

С Чернецким я тоже не поссорился: он приходил сказать мне, что сам сознает, что сделал ошибку и больше потому, что не понимает хорошо по-французски⁵. По наущению ли Тх[оржевско]го он это сделал или сам по себе — этого не знаю; но во всяком случае, когда человек говорит — я виноват, тут и ссориться нельзя. Тебя он благодарит за письмо, но еще не писал, потому что ждет каких-то здесь объяснений и результатов по своим делишкам (каких не знаю) и ждет их на днях, и тогда тебе напишет — на что решается.

Я пишу тебе сегодня вечером, чтоб успеть еще больше написать завтра. Но теперь скоро 12 часов, и потому иду спать, а то устанешь. Bonne nuit, mes enfants ***.

А Тх[оржевский] не был вечером, и письмо в «Конфедере» до завтра⁶.

28, утр ом

Проснулся в 7 час[ов]. Все кругом бело. Снег валит, как в России. Прелесть! Салев, Юра, крыши, деревья, улицы — все под самым пушистым снегом. Но возвращаюсь к вчерашней истории, а покуда и снег стает.

* забастовки (от франц. — la grève). — *Ред.*

** Следовательно (лат.). — *Ред.*

*** Спокойной ночи, дети мои (франц.). — *Ред.*

Черн[ецкий] приходил вчера также советоваться о вновь предлагаемой ему компании на кооперативных началах: известный процент на капитал, а остальной барыш разделяется между рабочими. Компания выбрала своим предводителем некоего *Перрон*, который пользуется славою человека коммерчески ловкого и который берет на себя руководство заведения и ответственность за капитал в 15 т[ысяч] фр[анков], который предложил Серн[о]-Сол[овьевич], недавно его получивший. Это мне сказывал Черн[ецкий], говоря, что он ожидает более подробного устава, чтоб присоединиться с своими вещами по оценке; но что его больше всего отталкивает то, что это диктатура и что он не может войти в компань, не имея хозяйского голоса. Я ему говорил, что определенный устав узнать следует, но о голосе едва ли ему очень нужно беспокоиться. Что из этого выйдет, не знаю. А Бак[унин] рассказывал мне, что Черн[ецкий] (которого он очень уважает) кобенится, как хозяин, вступить в компанию, между тем как это для него здесь — наилучший исход. Но Бак[унин] от меня утаил, что деньги Сер[но]-Сол[овьевича] (нам-то, саго mio *, какое дело до того, чьи они). Оттенок из круповщины сильно отзывается в этих утайках: Бак[унин] боится, что мне ненавистны деньги Сер[но]-Сол[овьевича]; А Черн[ецкий] — я убежден — в самом деле кобенится из хозяйской посадки, но передо мной он это скроет и найдет другой резон; а между тем, этим наш разговор будет пресечен, а дело останется без результатов.

Скоро жду Тх[оржевского] и тогда dokonчу. Читай Женевск[ие] газеты и «Эгалите». Вопрос стал действительно интересно.

У вас в Вятской губернии, с возвышением податей, распространяется секта немолельщиков; к ней присоединяется много из мужиков, которым объясняют наказание *господне* за неплатеж.

Бак[унин] позаполемизировался с Реклю и «Fraternité» **. Каким путем не знаю. Но знаю, что у меня был прежде пробный № «Fraternité»; я еще и не знал, что в нем участвует Реклю, но он мне показался ужасно туп. Как это опять (после Прудона!) свести социологию на чувствительность сердца? Мне это совершенно непонятно и

* дорогой мой (итал.). — *Ред.*

** «Братством» (франц.). — *Ред.*

противно, ибо из этого ничего <не> сделаешь, доказательство 1869 лет чувствительного празднословия.

Тх[оржевский] обедал; писать к тебе будет во вторник. Мне сегодня с журналами больше некогда. Лизе завтра особо. Со всеми по обычаю христосуешь.

109

А. И. ГЕРЦЕНУ

30 м(арта 1869 г.). Вторник ¹

Хотел, было, писать вчера с вечера, но подумал, что тут разницы мало, и вчера все время отдал «Космосу»², и многое хочется сказать. Тх[оржевский] вчера уехал в деревню к Кашперовскому; вероятно, сейчас придет ко мне обратно — а если что есть нового, я припишу после обеда. Также жду «Конфед[ере]» и пр., где поместится наш ответ. Вчера не было, видно, не поспело. Сегодня посылаю тебе «Москов[ские] вед[омости]», где такие чудеса рассказаны о Чарторижских, что я подумал лучше всего тебе послать, чтоб ты передал кому следует или пропустил без внимания. Там же еще предостережение «Неделе!» Не верю я, саго mio *, чтоб мы могли продержаться в русской печати под какой бы то ни было фирмой³; а заграничная пресса останется необходимостью — то пореже, то почаще, то много, то мало, то совсем молчание, но уничтожать возможности заграничной печати нельзя. Что касается до свободного возвращения в Русь, о котором ты говоришь в каждом письме, чем больше об нем думаю, тем больше нахожу, что мы так поставлены, что худшего наказания для нас найти невозможно⁴. Что касается до Брюсселя⁵, я понимаю, что Мальвида боится климата (который, однако, должен быть не хуже женевского), понимаю также, что Саша едва ли захочет основаться там, если будет искать специальной деятельности; но воспитывать итальянский народ (и в этом я не могу согласиться с Мальвидой) едва ли приведет к чему-нибудь, кроме некоего эффекта и аплодисмента, — а потом и придется куда-нибудь уехать, чтоб иметь действительно полезное, научное влияние. Я верю в красоту, хотя и не флорентинскую, а, напр[имер],

* дорогой мой (итал.). — *Ред.*

романскую — но в эдюкабельность * понимания того и другого племени или итальянского народа — плохо верю. Тх[оржевский] был, принес новые «Отеч[ественные] записки», взял послать тебе «Моск[овские] вед[омости]», но нового ничего, кроме того, что Цверцякевич ⁶ убежал из больницы; Сер[но]-Сол[овьевич] его встретил, приютил в отель, дал знать его дяде; но он и из отеля убежал. А для меня самая важная новость, что мне сейчас мой бандажист принес новые сапоги, по моему плану, — просто прелесть — могу жить и ходить без боли ⁷; только проработал он за ними по-женевски — месяца два и счета не прислал. Возвращаюсь к «Космосу»: полемические статьи о Некрасове и пр., по-моему, превосходны ⁸. Но статьей Антоновича, которую я успел прочесть (о единстве Космоса), я далеко не доволен ⁹. Насколько в 1-м № она хорошо выцежена, настолько во 2-м завралась до огромнейших противоречий, переполненных иностранными выражениями, quasi ** недоступными массе русских читателей. Но теперь $\frac{1}{2}$ третьего, и я все же кончаю. Бак[унин] еще не был; должно быть, сегодня или завтра придет. Тх[оржевский] посмотрит «Bund», я и забыл, что он не получается в книжных лавках. А «Confédéré» придет завтра ¹⁰.

День сегодня чудесный, и я пойду в сад читать. Солнце греет лучше камина. Биза своротила на южный ветер. Что вы все — как здоровы?

Я простужен сильно, но вообще недурно.

110

А. И. ГЕРЦЕНУ

1 апреля (1869 г.). Четверг ¹

Не подумай, чтоб это была шутка; присягаю, что правду:

Сегодня едет или уже уехал к тебе Мечников и везет, вместо Щерб[акова], платье Тате и «Отечест[венные] записки». Какой-то господин там у вас выиграл в рулетку 65 т[ысяч] фр[анков] и выписал его в качестве сісегопе ***

* восприимчивость к воспитанию (от франц. éduicable). — *Ред.*

** почти что (лат.). — *Ред.*

*** чичероне, проводник (итал.). — *Ред.*

для путешествия по Италии. Ergo *, ты его получишь, вероятно, вслед за сим письмом.

Его «Поездка в Испанию» (в «Отечест[венных] записках») очень хороша; если стихотворение (signé Дуров) ** его же — оно превосходно, честь ему и слава.

Грева *** здесь идет мерзко. Мне кажется, что Бак[унин] хорошо работает и теперь дела много, но сделать ничего нельзя. Статью твою он принес. Чувствительно из разговора, что он внутренне сердится, но показать этого не хочет; даже старается показать, что он к нам стоит наиболее ². С «Народным делом» он в разладе, ибо не признает, чтоб «оныя господа могли позировать народными учителями и воспитателями, что таких господ нет, что есть только люди, могущие вести результаты из народной жизни и понимания». Это quasi **** его слова.

Он был у меня 3-го дня; всего переговорить (особенно при моей неспособности и при его непрерывной способности говорить) было невозможно, и осталось до другого раза; вероятно, он на днях придет.

Вчера пришло на твое имя письмо с просьбой напечатать послание к студентам от одного студента, только что удравшего из Петропавл[овской] крепости ³. Послание, может, немножко экзальтировано, но не печатать нельзя; по моему глубокому убеждению, оно во всяком случае поворачивает на воскресение заграничной прессы. Через некоторое время можно будет его напечатать в новом прибавлении к «Колоколу». В печать я отдам сегодня, а подробности лучше сообщу с Тх[оржевским]. Мне так что-то страшно.

Твой доктор — изящен, только печатают они плоховато. Все же я его читал два раза ⁴.

Заметь в «Отечест[венных] записках» Щедрина — «Дикого помещика» — это совершенство. Да заметь статью Костомарова о молоканах. И в остальных вещах много хорошего, но это два перла ⁵.

«Москов[ские] вед[омости]» с своей перебранкой «Вестью» ужасно надоели; один другого гаже; просто взял бы да отшлепал по физиономии.

* следовательно (лат.). — *Ред.*

** подписанное Дуров (франц.). — *Ред.*

*** забастовка (франц. — *la grève*). — *Ред.*

**** почти что (лат.). — *Ред.*

Послѣ обеда. Был Тх[оржевский], которому я поручил отдать студенческое послание в печать. Он сказывал, что в 2 час[а] (а теперь без 10 м[инут] два) придет Утин, который желает снять за $\frac{1}{2}$ цены «Моск[овские] вед[омости]», чтоб я посылал их по прочтении 2 раза в неделю⁶. Издание «Народного дела», кажется, принадлежит ему. Почему же не согласиться? Если что слишком интересно, я всегда могу тебе о том писать; а им это помощь, потому что средств у них все же, кажется, немного. Если они лопнут, то потому только, что никому не интересны, а мешать им пробовать силы не следует.

Сегодняшний «Journal de Genève» ужасен. Грева кончается гнусно. Вероятно, Тх[оржевский] тебе его послал — увидишь сам. Не могу не прийти к заключению, что Черн[ецкий] уронил себя в общем мнении и упек бедного Данича. Да я думаю он и сам это чувствует.

Ужасно оскорбительно!

Однако едва ли кто-нибудь будет нас в этом обвинять — разве скоты. Но, конечно, не Бак[унин], которого я теперь желаю видеть и для подробностей.

«Confédéré» напечатал наше заявление. Но Тх[оржевский] мне не велел его посылать; он у вас не проходит.

Теперь целую вас всех, мои милые, и прощайте.

Боюсь, как бы У[тин] не пришел и тогда только не поспеешь на почту.

111

А. И. ГЕРЦЕНУ

7 апреля (1869 г.). Середа¹

Пишу к тебе несколько строк, мой новорожденный. — Русский юноша приехал — на несколько дней². Вчера я его передал Бак[унину]. — Не думаю, чтоб было что очень широко развитое, но развита энергия и много узнается и увидится нового — в этом я почти уверен; с Тх[оржевским] напишу тебе все категорично. — Бак[унин] издает в Интернационале еще сверх «Егалите» — новый журнал: «Прогре[сс]» и просил вчера, чтоб ты и я подписались (4 фр[анка] в год). Их цель собрать 500 подписчиков, и тогда можно издавать без особой сборки пожертвований и затрат. Я взял на свою ответственность твое согласие, потому что нахожу этот «Прогре[сс]» триумфом Бак[унина]

и работника Гильом[а], который, кажется, главный редактор ³. Издание 2 раза в месяц (с марта). При 1-й оказии тебе пришлю все, что вышло. Бак[унин] к тебе ныне относится очень дружески, но о статье твоей против говорит, что она несправедлива, просит не печатать и хочет отвечать на рукопись ⁴, но просит дать время пройти рабочничьим смутам, ибо в самом деле у него не может быть возможного времени, хотя жена его уехала к умирающей подруге в Италию. — Поэтому у него лишнее место и он юношу взял к себе ночевать; предварял его остеречься знакомства с Эльп[идиным], о котором тут премерзкие факты. — Ба[кунин] также сильно недоволен Ут[иным] и тем, что *их*, вследствие самолюбий, связать нельзя ⁵. Впрочем, это только *inter pos* * до времени. Из слов приезжего, из теперешнего преследования студентов, закрытия Мед[ико]-хир[ургической] академии, преследования «Недели» (которую я сегодня получил) и пр. очевидно, что заграничная печать скоро понадобится — но обо всем в следующий раз. — Получил ли ты странно набранную корректуру? — Я получил вчера деньги от Тх[оржевского] и весьма благодарен. — Тх[оржевский] сегодня пошел опять есть блины к Лизав[ете] Алекс[еевне], которая прислала мне превосходнейшей икры и собирается привести свою Ольгу и варенья. — Ну, теперь пора на почту, боюсь, чтоб кто не помешал. Обнимаю вас всех. — О Шевелеве все хуже слухи; я от него отделяваюсь болезнию. Пожалуй, прими его (если он поедет в Ниццу) осторожно, на короткое время для проверки; или вовсе не пускай. Как хочешь ⁶.

112

А. И. ГЕРЦЕНУ

12 (апреля 1869 г.)¹

Caro mio **, вот тебе копия с моей статейки, писанной по уговору ². Подробности объясню, когда возможно. Она писана по случаю 82 № «Голоса», который прошу сохранить, а если можно — прислать. Копию же я тебе посылаю с запросом или требованием подписать твое имя, мое

* между нами (лат.). — *Ред.*

** Дорогой мой (итал.). — *Ред.*

имя и вытребованное *idem* * мною имя Бак[унина]. Прозваться она здесь и распространяться не будет; но о твоем согласии прошу мнелеграфировать тотчас словом: *oui* **. — Я не думаю, чтоб ты имел что против; она сегодня пошла в печать. Письмо это будет у тебя в среду; мне и телеграм[ма] нужна в среду.

Младшими я больше доволен. Они, пускай, еще диче, но только потому, что мужики; но отнюдь не самолюбивы, видят своих отцов в декабр[иста]х, говорят не много, а работают честнее и решительнее.

Тх[оржевский] едет завтра. Он будет у вас в субботу. Мне ждать некогда. Писать с ним стану еще. А Кас[атки]на говорит, что карманы шарят беспощадно.

От стариков молодым друзьям. — Русские студенты!

Полиция вас бьет, но этого «бдительному, умудренному опытностью» начальству показалось мало: казенная литература принялась вас надувать. Вас хотят уверить, что в Европе нет ни одной живой народной потребности и все застыло. Вас хотят уверить, что вы не вы, а поляки. Вас хотят уверить, что для вас требование права помогать бедным товарищам лишено основания и требование права сходок неестественный *мотив*. Рассмотрим же, как люди неминуемо дружные, все эти казенные уверения, выработанные воровским умом, который выдает себя за здравый. — Случалось не раз нам самим указывать на Европу, которая замирает. Да! Но какая Европа? Европа императорская, Европа папская, Европа королевская, поповская, дворянская, буржуазная, Европа политическая, государственная. — Поднимается, домогается, надеется, верит в свою будущность, соединяется, перерабатывает — Европа экономическая, угнетенная, голодающая, Европа труда, бессловная, безгосударственная. — Кто же это вам говорит, что в Европе нет живых элементов? — Это вам говорит нажившийся, исподлившийся литератор-чиновник. Как будто между вами, юношами, кто-нибудь найдется, кто пойдет вослед такому холопскому голосу? Мы, старики, этому не верим. — Вам говорят, что для вас *немыслимо* помогать бедным товарищам, потому что про то знает умудренное начальство, да монаршая милость во сто тысяч серебром. — Литераторы-чиновники забывают несчастную повесть всякой

* также (лат.). — *Ред.*

** Да (франц.). — *Ред.*

казенной тысячи в России: выжатая из народного труда нагайкою, она ниспадает с великодушного верха под названием монаршей милости и расходится по разным боковым карманам, даже не достигая своего назначения. — Как же у студентов всех учебных заведений не родиться желанию спасти своих бедных товарищей, помогать им общими силами — прямо — помимо верхобокового начальства, а если можно — и помимо денег, выжатых нагайкою из народного труда? — К чему для этого польская интрига, когда для этого достаточно неиспорченное человеческое чувство и неиспорченный человеческий смысл? — Вам говорят, что для вас не нужно сходок? Про то знает то же умудренное начальство, а для вас это неестественный мотив (который может в самом деле казаться неестественным разным генералам Треповым, потому что им, сколько они между собой ни хитрят и ни лицемерят, а встречаться гадко). А вам, студентам, между собой встречаться не то что гадко, а просто необходимо, потому что мало ли о чем перетолковать и по теоретическому и по практическому вопросу. — Неужто у вас потребность сходок — не просто человеческий мотив (русский, прусский, польский, английский, *американский* и пр.)? К чему же тут влияние какой-нибудь Польщизны? — Если бы у вас такие потребности родились не из собственного сознания, а чуждого влияния ради, вы были бы дураки, или были бы подкуплены. Да впрочем в этой казенной клевете все до такой степени глупо, что ее могут наклеветать только какие-нибудь жидовские уста, за рубль серебром перешедшие в православие. — Нельзя к этому не присовокупить несколько слов о Польщизне, чтобы — насколько возможно теперь — отрезать этот вопрос от захвата казенной литературой. Шляхетская Польша и шляхетская Литва сгубили народную Польшу и Литву так, как дворянская, чиновничья, казенная Россия губят народную Русь. Но из этого не следует, чтобы казенная Польша, казенная Литва, казенная Русь были народною Польшею, народною Литвою, народною Русью. Кто станет доказывать такое тожество казенного и народного, влопается в грязь (конечно, не без казенного подарочка) и только. — Подробно о польском и литовском вопросе мы будем говорить в другой раз; так же как в другой раз разберем отношения казенной литературы к студентам.

А теперь к вам, молодые друзья, последнее слово: учить вас мы не станем. Вы, собственно, для себя ничего

не ищите и ничего не хотите помимо народных потребностей и движения народного. Мы это знаем и видим и потому в ваше движение верим.

Вот и все. Пришли мне свое «да» немедленно, друг мой, иначе поздно.

Сегодня еще стану писать, но получишь, ergo, в субботу. Теперь отдохну — устал до смерти. А погода чудесная, но похоже на грозу.

113

А. И. ГЕРЦЕНУ

13 апр(еля 1869 г.). Вторник ¹

В день отъезда пана
Для купанья в море —
Утром, но не рано,
Я пишу о вздоре.

Сегодня у chanteur célèbre * наверху родился сын.

Сегодня я получил твое письмо от 10—11 апр[еля]. Если я тороплюсь, то потому, что почта отходит в известный час, а писать принимаешься всегда незадолго до оногo. Но из этого не следует, что послание студентам было печатано с печатного. Печатано оно с писаного, и деньги получены. Корректуру я тебе и послал вместо писаного.

В чем Б[акунин] расходится — это только разве в том, что подчас лишне волнуется. Сер[но]-Сол[овьевич] разве 15-ю т[ысячами] (в которых Черн[ецкий] сомневается) уже так велик, а то я ничего не знаю, кроме того, что, говорят, он принимает большое участие в рабочих интересах. Но в великой роли он, вероятно, хвастает. А что маленький Черкес? ² Об Э[льпидине] говорят о затратах* по типогр[афии] и о том, что сколько его ни просили не писать в отечество, он все-таки добился до сгубления многих. Это меня Б[акунин] просил не рассказывать. — Вчера с вечера я тебе послал письмо на имя Лизы и жду ответа ³. Видишь, каким образом случается, что длинного письма о многом ином и не подготовишь.

* знаменитого певца (франц.). — *Ред.*

Вчера же вечером я поругался с Шевелевым, который меня полчаса с лишком промучил, так что я долго не мог успокоиться ⁴; думал даже, что буду болен, но при чудеснейшей погоде с рук сошло. А потом был Черн[ецкий], о котором, вероятно, сегодня надо будет писать тебе по почте. Также уж сегодня к вечеру приготовлю сцену моего ругательства с Шев[елевым]. Надо хорошенько припомнить. Это до такой степени было смешно, что я после, когда успокоился, хохотал до упаду (т. е. в кресло, а не в обморок). Во всяком случае теперь просьба; ты этого господина, если б он явился, к себе вовсе не пускай.

Теперь одиннадц[ать] час[ов], а Тх[оржевский] придет в 12-ть, а потом пойдет докончить укладки и поедет. К сожалению, я не могу писать без перерывов, все требуется ногу расходить по комнате (иначе неловко, т. е. больновато) и подумать. Вот и это много мешает. Но, впрочем, саго тiо *, смейся надо мной, если хочешь — это иногда даже весело обоюдно. А часто надо, чтоб было весело. Об этом я поговорю в статье, посвященной Тате ⁵; но теперь переписывать написанное не могу. Много стихов, которые все же треб... *interruptio* **... уют поправок.

Иезуитская школа идет и останавливается перед моим окном. Безобразнейший учитель иезуит ищет между мальчишками, кто не так шел в строю, и требует, чтоб ему дети сделали донос. Дети молчат и хохочут. Такого ослиного голоса, как у иезуита, я давно не слышал. Наконец, ушли.

А почему, впрочем, часто невесело? Да мало ли почему? Напр[имер], какое мне дело до Боке и до В. Гюго? До нелюбви одного и до извращенного самолюбия другого? А вот когда «Бирж[евые] вед[омости]» стараются основать целую гнусную статью на твоём заявлении о желании возвращения и указать, будто ты можешь решиться просить милости — мне больно и я до такой степени взбешен, что желал бы отомстить за тебя, позоря их прямо во всех газетах — если только позволишь ⁶; но мою способность к спокойной веселости и это отнимает. И не худо бы, если б ты мне добыл газеты (кроме «Моск[овских] вед[омостей]», т. е. «Голос», «Бирж[евые] вед[омости]»), «Петер[бургские] вед[омости]» и «*Весть*» 22-й №, где она перепечатала студентские листки целиком и дала повод другим газетам все

* дорогой мой (итал.). — *Ред.*

** перерыв (англ.). — *Ред.*

движение учебн[ых] заведений выдавать за польск[ую] интригу, так что даже «Петер[бургские] вед[омости]» объявили известия и скрытия и искажения фактов в «Голосе», «Моск[овских] вед[омостях]» и пр. вздором — не худо бы, если б ты постарался собрать и прислать мне все это (потому что здесь никак не достанешь), да поскорее, ибо можно сделать очень хорошую вещь. В «Моск[овских] вед[омостях]» вчера в подражание статье «Голоса» (23 марта, № 82) преподлейшая статья, также полная клевет ⁷. Тх[оржевский] у меня позавтракал и пошел ехать. Мы решили так, что письмо пойдет по почте, ибо он будет только в субботу в Ницце; он останавливается в Лионе и в Марселе, он путешествует.

Вот видишь, таким образом дошло до $\frac{3}{4}$ третьего. — Черн[ецкий] хотел мне прислать что-то, чтоб тебе сообщить. Я $\frac{1}{4}$ часа еще подожду, да и пошлю на почту, ибо позже 3-х поздно. А прийдет что позже, я пошлю вечером, и со всей сценой с Ш[евелевым] оно пойдет завтра в 6 час. утра, или подожду до завтра до 3-х же час[ов]. А теперь пока, addio *!

114

А. И. ГЕРЦЕНУ

28 апр(еля 1869 г.). Среда ¹

На сон грядущий

Сколько ни старался послать письмо давеча, нет — не в силах был написать; надо было покончить другие работы. Мне хотелось даже с тобой немножко побраниться; но, получивши твое письмо от воскресенья вечера, никакой охоты к полемике не оказывается. Я слишком чувствую, что все скверно, и слишком тебя люблю. Какая тут к черту полемика!

Татино путешествие и Тх[оржевско]го промахи — довольно забавны; но все остальное вовсе не забавно. А если ты с «Голосами» и пр. получил № «Егалитета», где напечатано, как солдат в Бельгии, преследуя бегущую женщину, спрятавшуюся за дверь, пырнул штыком в дверь, так что проткнул и дверь и женщину (это все по случаю гревы), то едва ли тебе захочется искать приюта в Брюсселе, и остается Генф или Лондон, а все остальное нелепость.

* прощай (итал.). — Ред.

Статью мою покончил я только сегодня². Мне становится жаль, что ты не подписал моей прежней статьи из-за чувства изящной словесности. Тут была нужна скорость. Теперь моя статья имеет лучший тон. Умоляю тебя прислать согласие на подпись, ибо иначе — по моему мнению — это будет просто позор; ибо вместо вызова значит обессилить юношество. Содержание моей статьи следующее: «Пусть себе закрывают академии, или подчиняют их военному министерству (что совершается *de facto* *) — рассылное юношество и по науке и по симпатии должно соединиться с народом. Заметь, что в Архангельской губернии 600 000 (т. е. полгубернии) взбунтовалось с голода. Пришли солдаты, и был карнаж^{**3}. Неужто юношество не должно принимать участия? А это не одно место, а происходит повсюду. Если мы не поднимем словом дух юношества, это будет просто подло. Неужели же ты и тут не дашь подписи?

Я послал сегодня статью набирать, так чтоб 1 мая послать тебе корректуры. А прислал бы ты просто согласие печатать с твоей подписью, было бы гораздо лучше.

Чтоб мой внучек⁴ с тобой встретился — мне необходимо. Нельзя ли сделать это 7 мая в Лионе? Или ты приедешь сюда вместо Брюсселя; но отвечай немедленно, ибо иначе невозможно.

115

А. И. ГЕРЦЕНУ

5 мая (1869 г.). Середа 9 час[ов] утра¹

Итак, вы, вероятно, сегодня выезжаете².

Я жду тебя, когда зефир игривый
Листочки роз в час утра шевелит,
Я жду тебя в час ночи молчаливый,
Когда луна окрестность серебрит.
Я жду тебя (*bis*)^{***}

(Старый романс в воспоминание Марьи Павловны)

Сегодня от тебя письма не было. Два прошедших письма меня глубоко потрясли. Слезы душат, и, действительно,

* на деле (лат.). — *Ред.*

** резня (от франц. *le carnage*). — *Ред.*

*** повторить (лат.). — *Ред.*

чувствуется, что самое реальное было бы околоть ³. — Выскажусь, как можно короче. — Если ты находишь ошибки — можно поправить, можно полемизировать, но на них еще с высокомерием, которое не заменяет убеждения, отзываться нельзя. — Ты видишь какие-то влияния Бак[унина], который мне долею напоминает тему «Шумим, братец, шумим» ⁴, но которого я не стану обвинять, просто из личной несовместимости, в том, чтоб он поступал не так как бельгийская интернациональ (о которой ты говоришь). Здесь он *в этом случае поступал* совершенно так же и останавливал, и скорее боится несвоевременных волнений. В русском вопросе он, может, пошел дальше; я не могу сойтись, но и мешать не стану, ибо вред останавливания, мне кажется, в тысячу раз вреднее чего бы то ни было. Пусть Катков ругнет за ошибку — беда не велика; беда была бы, если б похвалил. Как же вновь примирившийся с тобою кавказский сын ⁵, который будто бы постоянно имеет корреспонденции, не понял из «Голоса» или иных газет — хотя бы одесское происшествие, что газеты врут по-своему, а что юное движение в большинстве живо и что если бы даже вело к несчастиям, все же останавливать грешно и позорно и вреднее, чем все, что может случиться. На кой же черт мы выставили пять голов на «Пол[ярной] звезде», Герцен? — (Я поправил цифру, которая относится до Северо-восточн[ого] края). — Ехать в Архан[гельскую] губернию я скорей готов, чем в какой бы то ни было рай земной; но если на это сил уже не хватает — то я молод[ому] поколению мешать все же не стану. — Мой мужичок ⁶ тебе с первого взгляда, пожалуй, не понравится; мы с ним и сблизилась только весьма постепенно; манеры у него уже совсем мужички. Но ведь выносили же мы бурмистров Плат[она] Богд[ановича], Ив[ана] Ал[ексеевича], Ал[ексея] Ал[ександровича] — почему же не вынести мужика-юношу, который, вероятно, не уцелеет. А останавливать его я, без сомнения, не стану. Посылаю тебе корректуру статьи, которая до твоего приезда или приказания отпечатана не будет; я поправил все, что нужно; но я не могу понять, в чем ты с ней не согласишься, — и печатать хочу не самолюбия ради, а ради того, что в ее правде я убежден и убеждением также не пожертвую. — Бак[унин] подписываться не желает, боясь разойтись в убеждениях. — Мне приходится стоять как-то по середине между элементом шума и элементом консервативного социализма. Как

это тяжело, мой, во всяком случае, страстно любимый брат, — ты себе этого представить не можешь. Вот, кстати, подвернулись на столе стихотворения Рылеева...

Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей... ?

Почта сейчас приносит газеты, позитивную ревью — но прочесть успел только письмо «*Journal des femmes* *», который извиняется, что не может теперь выходить, а только через некоторое время; письмо адресовано *madame Tchorzewski* **. Вот жуирующий пан обрадуется, узнавши, что женат! — А от него вчера было письмо ко мне из Флорен[ции] — жуирует да и только — и слава богу! — До скорого свиданья, Герцен.

116

НЕИЗВЕСТНОМУ

(Женева. Ноябрь 1869 г.) ¹

Я читаю биографию Грановского. Что это за эзели *** должны быть — мои приятели Станкевич и покойный Кудрявцев. Такого унижения при желании возвысить память Гранов[ского] я не думал встретить. Идеалистическая казуистика, казенный слог мемуаров о генерале Кутузове и т. п. Я дочту до конца, потому что многое меня интересует. Но в сущности это дичь невероятная. Зачем же выставять все ошибочки мальчика, чтоб заявить им глубочайшую преданность. Их можно заявлять мерзким состоянием общества — и тогда это перешло бы в историческое наблюдение за ходом дел, и оно могло бы быть интересно.

Вот вам рецензия, мой новый друг. Я немножко разошелся с Грановским в конце 40-х годов, и, может, вследствие не только юношеских, но и теоретических размолвок. Но оскорбить его память я ничем бы не хотел; и выписывать юношеские quasi-метафизические ошибки — нелепо.

* «Женская газета» (франц.). — *Ред.*

** госпоже Тхоржевской. — *Ред.*

*** ослы (нем.). — *Ред.*

Станкевича могла увлечь любовь к брату, а может и недостаток реального смысла. Но все же это прискорбно. Уже если что можно было проводить в этом жизнеописании, то это только физиолого-исторический смысл, а остальное все становится бессмыслицей.

117

А. И. ГЕРЦЕНУ

5 янв(аря 1870 г.). Середа—вечером¹

Хотел писать тебе сегодня до 3-х часов, но не успел по п причинам. Разные известия с разных сторон. Но прежде всего, чтоб не забыть — Тх[оржевский] ждет от тебя письма и думает, что дешевле купить итальян[скую] грамматику и лексикон в Париже, чем купить здесь и переслать; а распаковывать уже запакованные ящики, где ему итал[ьянской] гр[амматики] не помнится, еще труднее. Он ждет от тебя приказа, что переслать, что перевести к Чернец[кому], который во всяком случае остается здесь до мая. — Сам же он, кажется, собирается в Париж, и хотел бы все вещи сбыть с рук. Вот в чем и его дело. Но, вероятно, он ближе 2-х недель или месяца не уедет. Деньги я получил — спасибо. У нас продолжается самый удушливый туман, так что дышать трудно; вот уже 4 дня.

Теперь к делу. Я получил письмо от твоего *² от 20 дек[абря]; а по другим известиям твоему тоже в тюрьме. Что из этого заключить, совершенно не знаю. Всего арестовано до 70 человек в Петербур[ге] да в Москве 10, и в провинции сколько-то. Говорить о твоему никому не нужно. Он если не в тюрьме, то умер — и будет здесь. Хочет видеть тебя и Б[акунина]. А точно ли он свободен — ничего не знаю.

В Женеву будто бы прислано 5 человек р[усских] шпионов и несколько дам. Я до сих пор никого не встречал; но рекомендуют осторожность. — В Париже есть очень хороший человек — Озеров. Отыщи его непременно и тотчас и скажи ему, что я его письмо получил, но раньше двух недель отвечать не буду. Адрес: Rue Bria, 19. — Прими его отечески. Впрочем, я думаю ты его знаешь. —

* от моего мальчика (англ.). — *Ред.*

«Егалите» тебе был послан с «Голосом» — напиши, получил ли.

Как ни скверно положение, но мне работать хочется, и задач так много, что не знаю как и сладить.

Почему ты не хочешь выписывать «Моск[овские] Вед[омости]»? Мне кажется, они чрезвычайно нужны, как своего склада противники. Да я уверен, что надо опять прийти к изданию «Кол[окола]» и съехаться, где и как тебе угодно ³.

Итак, у тебя Жан-Батист, а я послал тебе его письмо. Получил ли?

Больше теперь писать не стану. Устал и спать пора. Прощай! Ужасно жутко на сердце.

Письмо твое Ж[уковскому] послал, но я уже и прежде ему говорил в том же духе. Увижу его в субботу. Боюсь предложить ему заем у Тх[оржевского], может, Тх[оржевский] не захочет дать. Увидим. Но Ж[уковский] писал тебе, потому что не мог поступить иначе; а сам он понимает, что ты в затруднении, и понимает, что из фонда никакой заем невозможен, тем более, что, пожалуй, понадобится скоро для совсем реальных помощей.

118

П. Л. ЛАВРОВУ

Greenwich, 16 мая (1875 г.). Воскресенье
Ashburnham Road, № 35 ¹

Истинное спасибо вам за посещение, Лавров ². Оно мне снова дает надежды на деятельность. Тотчас после вашего посещения, кажется, совладал с поэмкой, которую вам и посылаю ³. Если думаете, что можно напечатать, напечатайте; если думаете, что надо кое-что исправить, скажите. Изданий ваших еще не получал, должно быть, придут завтра. Сегодня ночью мне нездоровилось, но, как обычно после припадка, здоровье свежее и крепче. Оно странно под старость лет, но успокоительно.

Итак, жду с нетерпением ваших изданий, а сам надеюсь быть в Лондоне в конце недели.

Ваш новый старый друг *Огарев*

П. Л. ЛАВРОВУ

Greenwich, 28 мая (1875 г.). Пятница
Ashburnham Road, № 35 ¹

Думал быть у вас на сей неделе, любезный Лавров, но, во-первых, у меня Мэри была больна так, что с трудом могла двигаться; а вчера я был болен обычной болезнью. Мне же вообще *одному ездить* опасно, да и старуху мою больную одну оставить не хотелось. Поневоле поезд[ку] в Лондон отложил до начала июня. Вашим «Вперед» ² я совершенно удовлетворен и, насколько понадобится и хватит сил, приму в нем деятельное участие, а мне необходимо участие в журнале, иначе существование становится тяжело. Недеятельность сбивает с толку.

Скажите, пожалуйста, не знаете ли вы, где находится Благосветлов ³ и в каком он отношении в нашей отчизне?

Преданный вам *Огарев*

Прилагаю еще недавние маленькие стихи ⁴.

P. S. Одно бы еще хотел заметить: если русские мужики читают кое-где «Вперед», нельзя ли почти все иностранные слова, даже слово «эксплуатация», перевести на русский? Иначе оно будет непонятно. Я сколько ни старался, прежде известных книжных средств, не могу ⁵.

П. Л. ЛАВРОВУ

13 июля (1875 г.). Вторник ¹

В Лондон все еще по нездоровью не попаду, почтеннейший Лавров, но писать вам спешу, может, сия вещь еще попадет в ближайший №; я думаю, это было бы полезно. Я оное встретил в сегодняшнем № «Daily Telegraph» *, переписал в свою книжку и перевожу для вас, чтоб уже не было никаких хлопот. Если вам придумается какое примечание или если имеете какие дальнейшие известия — это было бы очень хорошо, но этого так в стороне оставить нельзя. Сами увидите.

* «Дейли Телеграф» (англ.). — *Ред.*

«Daily Telegraph. July 13 Tuesday. Russian socialism. (From our own correspondent) St. Petersburg, July 8» *. «Дознание в русском социальном заговоре прошедшей осени сейчас покончено, и министр юстиции составил свой рапорт. 788 человек обвинены. Мое сообщение было во-время оно показано ложным в официальных телеграммах. Но министр народного просвещения издал теперь циркуляр, предписывающий воздерживать юношество от коммунистических учений и признающий коммунистические заговоры в 37 губерниях. Это обнародование произвело великое впечатление. Правительство открыло революционные пропаганды в Московском полку, в конной гвардии и в саперном батальоне, все в гвардии его величества»².

Вот и вся телеграмма из России в «Daily Telegraph». Боюсь, что уже поздно, но тороплюсь, может, это придет к вам завтра рано утром. Я думаю, подобную вещь из рук выпускать не следует.

Ваш старый *Огарев*

121

П. Л. ЛАВРОВУ

2 авг(уста 1875 г.). Понедельник¹

Много и много благодарю за 14 № «Вперед», любезный Лавров! Известия из России великолепно составлены и горьки. Сегодня читаю в «Daily Telegraph» следующую телеграмму из Рейтера (от 31 июля, из Питера, под заглавием «The russian conspiracy» **): «Следующее решение сегодня прошло в сенате над людьми, сужденными под обвинением в высочайшей измене: два студента и два гражданина (citizens?) приговорены к каторжной работе на сроки от 6 до 10 лет; два солдата к военному заключению на 21 месяц; а два студента на 6 и 10 дней ареста»². — В чем же дело и как достать имена?

А как вам нравится тюремное дело в Италии? Скоро ли же это мы этих господ, хоть бы с мягкосердием французского офицера, примем в штыки?

* «Дейли Телеграф. Июль 13-го, четверг. Русский социализм. (От нашего собственного корреспондента). Ст. Петербург, июля 8-го» (англ.). — *Ред.*

** «Русский заговор» (англ.). — *Ред.*

Сбираю, т. е. готовлю, разную коллекцию писаний для «Вперед». — Здоровье все плохо, и по обычному недугу и по простуде.

Надеюсь все нужные известия получить на сей неделе и на следующей быть в Лондоне, слишком необходимо.

Ваш искренний друг *Огарев*

Я писал к вам недавно.

122

П. Л. ЛАВРОВУ

14 августа (1875 г.)¹

В деле Дьякова² надо обратить внимание на работников и мещан, которые, подпавшись под допросы тайной полиции, развращаются правительством до роли доносчиков и подлецов. Тут уже не то, чтоб толковать о мудрости или немудрости законодательства, а следует толковать о бедственном положении низших классов и предательских мероприятиях правительства.

Н. Огарев

P. S. Хотел сегодня к вам ехать, но нет возможности, отлагаю до понедельника.

Оставшиеся у меня «Ведомости» сегодня же вам посылаю, тороплюсь.

123

П. Л. ЛАВРОВУ

Пятница, 10 сентября (1875 г.)¹

Вот, друг мой Лавров, статейка: «*После чтения «Знания»*»². Если найдете ее полезною — поместите. Если что захотите изменить или откинуть — поступите, как заблагорассудите. Мне самому мудрено что-то, а между тем, кажется, вещь не без пользы.

Ваш старый *Огарев*

П. Л. ЛАВРОВУ13 окт(ября 1875 г.). Середя ¹

Вот уже три дня, дражайший Лавров, собираюсь к вам писать в ответ на ваше субботнее письмо и, наконец, решаюсь. Я перечел предисловие к женевскому изданию Герцена *n* раз, но оно меня все меньше и меньше удовлетворяет ². Может быть, автор оно не заметил, что он умаляет память Герцена для того, чтоб поговорить в общих фразах, даже не всегда ясных. К этому заключению прихожу невольно и с огорчением. Отвечать на предисловие еще не могу, потому что не знаю всей обстановки издания. Но перечту и еще и еще. Надо решиться сказать несколько строк или страниц. Но, что вы называете второй статьей о Герцене, ищу, ищу и не нахожу да и только ³.

Грустно мне ваше мнение об Озерове ⁴. Я думал, что он мог бы поселиться у нас, и даже климат для его расширения сердца был бы лучше юга. Это человек, которого я очень люблю и уважаю. Подумаю еще и на днях стану ему писать.

Дружески жму вам руку.

Ваш *Огарев*

П. Л. ЛАВРОВУ1876. Вторник. 4 января ¹

С новым годом, друг Лавров! № 24 «Вперед» читаю радостно. Он умно создан. Я против него ничего не имею, а все за все. Но личная жизнь приводит к другому концу: свои болезни и много близких умирающих, так что уже не пособишь.

Но возвратимся к «Впереду». Вы упоминаете о Петре Бибикове ². Мне кажется, что я его давно помню, да и вас в оное время. Может, я ошибаюсь, а стараюсь о нем вспомнить с искренней дружбой. Он, кажется, был чистосердечный человек. Хорошо, что вы о нем вспомнили. Просто отрадно.

Что же тут делать, Лавров! Поневоле память как-нибудь собьется: спина расстроена с 17-летнего возраста,

а теперь 62 года, тюрьма и ссылка и падушая болезнь. А заграничное житье, сколько ни сладостно, я все же считаю ссылкой, и, сам не знаю, как и почему, хотелось бы на Русь. В самом деле, я новый социальный элемент вижу там, и только там. Поместите ли во «Вперед» об этом статью? Все, что я теперь при моих силах могу сделать, вышло бы довольно верно. Это уже сами оцените.

Ваш *Огарев*

Р. С. О какой «Думе» говорится в журнале? То ли, что я послал или что другое? ³

126

П. Л. ЛАВРОВУ

26 февр(аля 1876 г.). Суббота ¹

Не могу не написать хоть несколько строк, друг Лавров. Вчера поздно вечером получил 2 № «Работника», 2 № Народных, ² «Слово на великий пяток» — 1 книжку «Правды и кривды». До сих пор всего больше увлекаюсь одним № Народного (первые века христианства) ³. Более еще прочесть не успел (теперь полдень субботний). Но на будущей неделе поделюсь с вами, если вы еще не имеете.

Ваш старый *Огарев*

127

П. Л. ЛАВРОВУ

2 марта (1876 г.). Четверг ¹

Получил и читал «Вперед», друг Лавров и, хотя и поздно вечером, не могу остановиться, чтоб не сказать несколько слов. Все же статьи о родине написаны превосходным русским языком, а передовые совершенно *foreign* *. Уж не собратся ли нам, чтоб определить русский язык по части социологии, а то, право, будет для читателя непонятно? Жду на этот вопрос ответа ².

Ваш *Огарев*

* иностранные (англ.). — *Ред.*

П. Л. ЛАВРОВУПонедельник, 13 марта (1876 г.)¹

Друг Лавров,

Субботний № «Daily Telegraph», где начало прилагаемого происшествия, никак не могу у себя отыскать, кому-то отдал. Сегодняшнюю вырезку вам посылаю и несколько строк к ней².

Ваш друг *Огарев*

«Как-то неприятно взирается на воровство. Но все же все банки и прочее разжились на обкрадывании бедных рабочих посредством их труда и собиранием пошлин. Отчего же кому-нибудь и не украсть у другого? А все это так и останется, пока люди не состроятся в общину».

П. Л. ЛАВРОВУ4 апр(еля) 1876 г.). Вторник¹

В обенх телеграммах, друг Лавров, мне бы не хотелось, чтоб вы пропустили великороссийские путешествия². Я давно ничего не видывал более забавного и менее интересного для публики.

Получил 1 апр[еля] «Revue Historique» * Моно³. Есть ли оно у вас? Может, и найдется что интересное. Только мудрено натянуть на себя сочувствие к истории! Наше дело разрушить современное, а благоговение перед историей помешает будущему. Может, я и ошибаюсь, только кажется, что так.

Первое апреля «Вперед» — читаю и перечитываю.

Ваш старый *Огарев*

* «Историческое обозрение» (франц.). — *Ред.*

П. Л. ЛАВРОВУ

На почту посылаю в четв[ерг].

11 мая (1876 г.)¹

Собирался писать к вам еще в понедельник, друг Лавров, да вот не написалось до середины, все был занят письмами, а левая рука все же не развилась, так что правая, сломанная, мне напоминает запад, а левая, неразвитая, восток. Ни с которой стороны ничего порядочного и не выходит. Получили ли мое письмо и пр., посланное на адрес «Forward» * (помнится) в субботу? На днях получил 14 и 15 № (февраль и март) «Работника». Признаюсь Лавров, все еще сил и терпения не хватает дочесть. Эта подделка под народный язык ни к чему не приведет. Мужик не поймет, начиная с картинки, а пальтошнику надоест. Это между нами. Цели хороши, камня бросать не хочется, но жаль до смерти. Это не в помощь делу.

Записки Тани вам пришлю обратно на днях². От них сердце поюнело. Перечитайте в «Посмертных сочинениях Герцена» статьи о Кетчере и Боткине³. Это так цельно, что тут память ничего не прибавит к характеристике.

В Гринвиче тихо, и этим я доволен. Только на прошлой неделе нам слух и голову утомил церковный звон с двух часов пополудни до одиннадцати вечера. Это с четверга до субботы звонарь звонил для практики на мотив первых 4-х такт[ов] из песни «здравствуй, милая хорошая моя», а в воскресенье звонил уже пореже, но во славу господню.

Левая рука еще чернилами писать не может. Теперь устала. До другого раза, друг Лавров.

Ваш *Огарев*

Телегр[амма] 9 мая: Андра[ши] на съезд с Горчак[овым] и Бисмар[ком]⁴.

П. Л. ЛАВРОВУ

19 мая (1876 г.). Пятница¹

Вот в чем вопрос: не перевести ли из «Forward'a» * какие из русских корреспонденций на английский для

* «Вперед» (англ.). — *Ред.*

поставки в английскую ежедневную или еженедельную газету? Статьи и газету мы бы выбрали, за перевод я бы взялся; кажется, к языку довольно привык? А, ведь, польза для «Вперед» была бы.

Пишу еще левой, но правая поправляется превосходно. Зато Мэри у меня захворала серьезно.

Ваш *Огарев*

132

П. Л. ЛАВРОВУ

Понедельник, 29 мая (1876 г.)¹

Вашу записку, друг Лавров, в пятницу получил. Вчера пересматривал «Reynold». Лучше бы найти ежедневную газету, очень распространенную; главное дело, русские корреспонденции из «Вперед». Многие газеты примут охотно, по вражде к России, и у нас отсюда возникли бы полемики со всякой катковщиной.

Ваш старый Ник.

133

П. Л. ЛАВРОВУ

11 авг(уста 1876 г.). Пятница¹

Из хорошего письма из Питера от 11 июня н. с.

«Дошли ли до вас вести о бывших тут похоронах политических? В следственной тюрьме помер политический арестант Чернышев от чахотки. Ему устроили похороны, за которыми шли 800 человек². Поп струсил и сбежал. Толпа взяла гроб на плечи, снесла на кладбище, похоронили рядом с Добролюбовым, поставили крест с надписью: «борцу за правду и свободу». Конечно, это случилось потому, что полиция прозевала. Но такого ничего и в 60-х годах не было. У нас смелости больше становится...»³

Пригодится ли вам, друг Лавров, сами подумайте и решите.

Что в вашей стороне за пожар был вчера?

Что это за штука из сегодняшних телеграмм «D[aily] Tel[egraph]»?⁴

Ваш *Огарев*

П. Л. ЛАВРОВУВоскресенье, 4 марта (1877 г.)¹

Глаза ужасно болят, друг Лавров, но все же прочел «Новь» Тургенева и хотел ее вам послать; но в письме из Парижа увидал, что мне этот экземпляр надо вернуть, потому что Тургенев его кому-то обещал. Во всяком случае, произведение замечательное, и прочесть его необходимо. Читали ли вы его и можно ли его достать в Лондоне? Во всяком случае, ответьте поскорее².

Ваш *Огарев*

Записку посылаю 5 марта.

ПРИМЕЧАНИЯ

«НАРОДНАЯ ПОЛИТЕХНИЧЕСКАЯ ШКОЛА»

¹ Печатается по белой рукописи, хранящейся в Рукописном отделе Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (в дальнейшем обозначаем сокращенно: ОРГБЛ) в фонде Герцена и Огарева. Шифр: Г. — О. VII. 112.

Черновик начала проекта был обнаружен жандармами при обыске в Старом Акшене в 20-х числах марта 1850 г. и отправлен в III отделение. Обыск был произведен по распоряжению пензенского губернатора А. А. Панчулидзева, стремившегося получить хоть какие-либо доказательства виновности Огарева, после того как последнему удалось при аресте 24 февраля 1850 г. скрыть все свои бумаги. Рукопись ныне хранится в Центральном Государственном историческом архиве в Москве (в дальнейшем ЦГИАМ) ф. 109, III отд., 1 экзп., 1849 г., д. № 67, ч. 1, л. 156-6.

Беловая рукопись была послана Е. Ф. Коршу в июле или августе 1847 г. с письмом, в котором Огарев обращался к Е. Ф. Коршу и Т. Н. Грановскому с просьбой подыскать учителя для проектируемой школы. В первой половине сентября 1847 г. он запрашивал Корша и Грановского: «Жду с нетерпением ответа об учителе. Неужели не удастся устроить школы прежде весны? О, время, время! a vita brevis (жизнь коротка)». (Сборник «Помощь голодающим», М. 1892, стр. 525.)

Проект устройства политехнической школы-фермы для крестьянской молодежи составлял часть намеченного Огаревым в 1845—1846 гг. утопического плана преобразований в принадлежащих ему деревнях. Огарев приступил к выполнению своего плана в начале 1847 г. В план входил ряд экономических проектов: перевод крестьян с барщинного на вольнонаемный труд, организация ферм, оранжерей, строительство небольших промышленных предприятий, а также ряд просветительных мероприятий: организация медицинской помощи — устройство больниц, создание школ-ферм и школ-мастерских для девочек.

Согласно данным, собранным советским исследователем И. Д. Ворониным, часть планов Огарева была осуществлена, хотя и в урезанном виде. Существовала школа-мастерская с общежитием для девочек, долгие годы крестьяне пользовались Старо-Акшенской больницей, построенной Огаревым, старожилы помнят об огромном, на пяти гектарах, плодовом саде. (См. *И. Д. Воронин*, Литературные деятели и литературные места в Мордовии, Саранск 1951, стр. 33—35 и сл.) В целом же проект школы-фермы не был осуществлен Огаревым.

Позднее, в 1857—1858 гг., т. е. вскоре после эмиграции, Огарев осознал утопический характер своих проектов и причины их неудачи. (См. статью «Крестьянская община», настоящее издание, т. I, стр. 156—157 и сл.)

² Метода Жакото, на которую Огарев надеялся опереться при обучении крестьян грамоте, изложена в книге известного французского педагога Жана Жозефа Жакото (1770—1840) «Система всеобщего обучения» («Méthode d'enseignement universel»), переведенной в 30-х годах XIX в. на многие европейские языки. Жакото считал основой умственного развития ученика его самостоятельность.

³ Огарев ошибся в подсчете часов: вместо восьми часов на сон фактически приходится семь часов; на еду и отдых вместо четырех часов — три с половиной.

«ПИСЬМА ДЕРЕВЕНСКОГО ЖИТЕЛЯ»

¹ Печатается по черновику, хранящемуся в ЦГИАМ, ф. 109, д. 1 эксп., 1849 г., № 67, ч. I, особый пакет, л. 156-б. Рукопись Огарева была захвачена жандармами при обыске, произведенном в марте 1850 г. в имении Огарева Старое Акшено. См. выше, примечание I к первой статье. Подлинник на листе большого формата, густо испи-санном со всех четырех сторон. Рукопись черновая, незаконченная. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 530—534.

Точная датировка этого «Письма» крайне затруднительна. Повидимому, оно является началом задуманного Огаревым цикла статей и связано с публикацией писем Герцена из Италии и Франции в «Современнике» осенью 1847 г.

Среди писем Н. П. Огарева к А. И. Герцену за 1846—1849 гг., опубликованных впервые в журнале «Литературное наследство», т. 61, имеется одно, раскрывающее время работы Огарева над данным письмом. Вот что он писал 2 ноября (20 октября ст. ст.) 1847 г.:

«Поместил в газеты две статьи, из коих одну сам от души уважаю... (Речь идет о статьях «Замечания на статью, помещенную в № 98 «Московских ведомостей» и «Замечание на замечание г. Чихачева» — см. настоящее издание, т. I, стр. 90—105. — Я. Ч.). Подвинул немного поэму. Авось ли к новому году кончу. — Письмо мое поместится в XI книжке «Современника». Каково! Письмо от марта — в ноябре! Я бы с тех пор десять написал, если б оно в свое время было напечатано, а теперь с трудом надо наладиться опять на тот же весьма полезный тон. (Речь идет о «Письме из провинции», написанном Огаревым до 15 марта 1847 г. для «Современника», но в нем так и не напечатанном — см. настоящее издание, т. I, стр. 67—89. — Я. Ч.) — *Еще готовлю в «Современник» письма в другом роде, посвященные тебе.* («Литературное наследство», т. 61, М. 1953, стр. 770.) Из подчеркнутых нами строк письма Огарева можно сделать вывод, что «Письма деревенского жителя» готовились Огаревым в конце 1847 г.

² Огарев упоминает здесь героиню повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза», юношу-певца Услава, персонажа произведений В. А. Жуковского (см. «Марьяна роща», 1809 г. и «Жалоба», 1811 г.). Тот же образ чувствительного певца Услава встречается у В. Л. Пушкина (стихотворение «Людмила и Улад», 1819 г.), у П. А. Катенина (стихотворение «Певец», 1814 г.), позднее — у П. А. Вяземского,

Н. М. Языкова. «Урания» — немецкая сентиментальная поэма, написанная Кристофом-Августом Тидге (1752—1841).

³ «...не один же я страдаю. Тою же безвыходностью отзываются и твои письма, друг мой». Огарев имеет в виду заграничные письма А. И. Герцена (начиная с мая 1847 г.), в которых подвергалось критике растлевающее влияние буржуазии на общественно-политическую и культурную жизнь Германии, Франции и Италии. Часть этих писем была тогда же, осенью 1847 г., опубликована в «Современнике» («Письма из Avenue Magigny»), другая часть обращалась в рукописи среди друзей Герцена, в том числе замечательное письмо к М. С. Щепкину, рисующее разложение, вносимое политикой, вкусами и нравами буржуазии в театральное искусство Парижа. (См. «Литературное наследство», т. 61, 1953, стр. 208—212, где это письмо впервые опубликовано.)

⁴ Выдающееся произведение Дидро «Племянник Рамо» было написано в 1762 г., но издано впервые лишь посмертно — в 1821 г. Перевод же Гете, о котором говорит Огарев, появился в 1805 г. и был сделан с рукописи.

⁵ На этом рукопись обрывается.

«ОТРЫВОК ИЗ АВТОБИОГРАФИИ»

¹ Заглавие дано редакцией. Подлинник в записной книжке, хранящейся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VI. 16, тетрадь № 17, л. 2—3 об. Тетрадь для записей была подарена Огареву Герценом. На заглавной странице надпись рукой последнего: «Огареву — для того, чтобы до будущих именин исписать все и притом не прозой. А. Герцен. 6 декабря (нов. ст.) 1856. Пикадили». Отрывок дважды публиковался: впервые — в газете «Русские ведомости» № 271, 24 ноября 1913 г., в столетнюю годовщину со дня рождения Огарева, вторично — в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 357—359. Датируется отрывок декабрем 1856 г.

² Известны неоднократные попытки Огарева написать свою «Исповедь», или автобиографию. Сюда относятся помимо настоящего отрывка: 1) «Тюрьма (Отрывок из моих воспоминаний)», написанный в виде повести в стихах в 1857—1858 гг. См. *Н. П. Огарев*, Избранные произведения, т. 2, 1956, стр. 207—216. 2) «Моя исповедь», обращенная к Герцену и состоящая из двух глав — «Глава 1. До знакомства с тобою»; «Глава 2. От знакомства с тобою», — написана зимой 1860/61 г.; глава 2 отделана и переписана заново осенью или в начале зимы 1862/63 г. См. «Литературное наследство», т. 61, стр. 674—700. 3) «Кавказские воды (Отрывок из моей исповеди)» — единственная из глав «Исповеди», опубликованная самим Огаревым в 1861 г. (См. настоящее издание, т. 1, стр. 396.)

«ЧТО БЫ СДЕЛАЛ ПЕТР ВЕЛИКИЙ?»

¹ Статья написана в первые месяцы 1857 г., не позднее мая. Предназначалась для помещения в готовившемся в марте — апреле первом листе «Колокола», но напечатана не была. Тематикой в этой статье, отчасти посвящено публицистическое «Письмо к издателю» Огарева, вошедшее в 1-й лист «Колокола». (См. настоящее издание, т. 1, стр. 194.)

Впервые статья опубликована по копии С. А. Переселенкова в журнале «Литературное наследство», т. 39—40, М. 1941 г., стр. 317—321. При сличении с подлинником обнаружилось досадное ошибки, вкравшиеся в публикацию и исправляемые в настоящем издании. Нами воспроизводятся пометки и поправки А. И. Герцена, сделанные им на полях рукописи.

Текст установлен по черновому автографу в тетради, содержащей статьи и записи первой половины 1857 г. Тетрадь хранится в ОРГБЛ (ф. Г. — О. VI. 19. № 22, л. 27—34).

² Одновременно с настоящей статьей Огарев писал статью «Движение русского законодательства в 1856 году», где также высказывал свое отношение к различным течениям в исторической мысли. (См. настоящее издание, т. I, стр. 115.) См. также его замечания о Боссиюте и Гегеле в заметках «Пролегомена ад гисторисофиям», впервые публикуемых в настоящем томе, стр. 49.

³ Рукопись не окончена Огаревым. В той же тетради сохранился план статьи. Приводим его полностью:

«1) Обстоятельства и личности. Одинакие личности при разности цивилизаций сохраняют свой характер. 2) Что значит государственная цель и достижение оной. 3) Фигура Петра Великого. 4) Положение вещей при Петре Великом и современное. 5) Крепостное состояние при П[етре] В[еликом] и современное. 6) Как бы шел П[етр] В[еликий] к решению современной задачи крепостного состояния. 7) Эмансипация и образованность. 8) Чиновничество при П[етре] В[еликом] — Перенесение местничества родового в местничество правительственное. 9) Как бы предпринял П[етр] В[еликий] вопрос чиновничества в наше время. Администрация и избирательство. 10) Юридическая Россия при П[етре] В[еликом] и современная. 11) Просвещение при П[етре] В[еликом] и современное. 12) При П[етре] В[еликом] правительство выше нации; при Николае ниже нации. 13) Теперь требуется правительство выше нации. 14) Шаткость и решительность. 15) Что опасно и что нет. 16) Воззвание к правительству».

⟨ЗАПИСКА О ТАЙНОМ ОБЩЕСТВЕ⟩

¹ Рукопись была извлечена из тетради Огарева, хранящейся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VI. 19, л. 1—12. С датой «1860 г.», опубликована под названием «Записка о тайном обществе» в «Литературное наследство» № 39—40, 1941 г., стр. 323—327.

«Записка» написана на бумаге с теми же водяными знаками, что и статьи Огарева «Отчет г. министра внутренних дел за 1855 год» и его неоконченная работа «Что бы сделал Петр Великий?» Названные статьи относятся к самому первому периоду эмиграции Огарева и датируются определенно: статья об отчете министра внутренних дел была напечатана в первом номере «Колокола» 1 июля 1857 г., а написана в начале 1857 г. Статья о Петре I относится к тому же времени. Следовательно, к началу 1857 г. можем мы отнести и «Записку о тайном обществе». Рукопись была опубликована самим Огаревым в измененной редакции в 1870 г. в так называемом Нечаевском «Колоколе» (№ 6, 9 мая, стр. 47—48) под названием «Сплотитесь дружно!» Вся центральная часть рукописи вошла в указанную статью (см. настоящее издание, т. I, стр. 800). Отсеченным оказался лишь длинный перечень вопросов и областей пропаганды, заключающий текст

Огарева. Окончательная редакция опубликованного Огаревым текста в деталях отличается от формулировок «Записки». Авторство имеющихся в оригинале карандашных поправок до сих пор точно не установлено. При публикации этого документа в «Литературном наследстве» они рассматривались как поправки Герцена.

² Последняя строфа стихотворения Гете «Пряха» (Die Spinnerin), которую Огарев цитирует в сильно измененном виде. Приводим текст Гете:

Was ich in dem Kämmerlein
Still und fein gesponnen,
Kommt — wie kann es anders sein? —
Endlich an die Sonnen.

³ «Жером Патюро в поисках за общественным положением» — роман французского писателя Луи Рейбо (Reybaud, 1799—1879), сатирически изображающий идеологические шатания французского интеллигента того времени. Роман вышел в 1843 г. Имеется русский перевод 1898 г.

⟨ЗАМЕТКИ И НАБРОСКИ⟩

¹ Публикуется впервые по автографам, находящимся в ОРГБЛ, Записная тетрадь А (так тетрадь обозначена Огаревым). Архивная нумерация: Г. — О. VI. 21, тетрадь № 27, л. 1—6, 10—11, 12—19, 25—30.

Огарев систематически вносил в записные книжки и тетради заметки и наброски, посвященные разнообразным областям знания. Имеются многочисленные записи Огарева, посвященные теории познания, обоснованию и защите материалистических воззрений на природу, вопросам истории и т. д. Записи эти часто носят разнородные заглавия: «Мысли и заметки», «Теоретические заметки», «Дорожные отметки», «Примечания и материалы», «Materials», «Метафизика и философия» и т. п.

Помимо перечисленных записей, более или менее сосредоточенных, имеется в тех же записных книжках и на разрозненных листках довольно значительное число отдельных заметок, относящихся к самым разным наукам (от математики, физики и физиологии до финансового дела, статистики и политической экономии).

Для настоящего издания отобраны некоторые рукописи из числа этих, как правило черновых, не предназначавшихся для печати, заметок. При этом следует отметить трудность в отношении точной датировки и установления последовательности текстов, так как Огарев, как правило, не датировал сам ни заметок в записных книжках, ни писем, ни стихотворений.

Пользуясь имеющимся в одной из записных книжек, датированной самим Огаревым 1862 годом, указанием Огарева, что им занесен «года четыре назад», т. е. в 1858 г., ряд теоретических заметок в «Тетрадь А», мы можем датировать 1858 годом всю группу заметок, взятых из книжки «А», в том числе следующие четыре, весьма важных автографа:

1) «Теоретические заметки», 2) «Мысли и заметки», 3) Заметка о Канте и 4) «Пролегомена ад гисториософиям».

Для последней заметки имеется проставленная в тетради самим Огаревым дата внесения записи: «20 февраля».

² Дальше, со слов «Мы с антропологической точки зрения...» и до конца II раздела, текст написан Огаревым на обороте страницы и помечен знаком как вставка.

³ Здесь Огарев прервал свои теоретические заметки; он вернулся к ним 4 года спустя (см. ниже, стр. 81).

⁴ *Галль*, Франц Иосиф — австрийский врач-физиолог, создатель антинаучного учения «френологии», согласно которому психические особенности человека якобы непосредственно связаны с наружной формой черепа. *Фурье*, Шарль в своих работах развивал, в частности, учение о человеческих страстях и влечениях (см. «Теория четырех движений и всеобщих судеб»). Согласно этому учению «движение страстей» определяет действия человека и животных, причем человеку свойственны 12 страстей. Фурье считал необходимым создание общества, обеспечивающего полное удовлетворение и развитие человеческих страстей, которые в основе своей являются положительными.

⁵ Огарев имеет в виду статью Генриха Гейне «К истории религии и философии в Германии», вошедшую в состав его французской книги «О Германии». Место, привлекшее внимание Огарева, находится в третьем разделе статьи «От Канта до Гегеля» (по московскому изданию 1940 г. Heinrich Heine, *Ausgewählte Werke*, Herausgegeben von E. F. Knipowitsch, B. IV, S. 102—104).

⁶ Эти же строки Гете приводит Герцен в статье «Дилетантизм в науке» (см. *А. И. Герцен, Собрание сочинений*, т. III, М. 1954, стр. 17). См. также настоящее издание, т. I, стр. 43.

⁷ *Бурдон* — L. P. M. Bourdon, 1779—1854, французский математик, автор ряда учебников. «Основы арифметики» («*Éléments d'arithmétique*») были изданы в 1821 г.

⁸ Запись «Пролегомена ад гисториософиям» (т. е. «Введение в теорию истории») не следует рассматривать как письмо к Герцену. Это лишь краткое перечисление предметов и вопросов, сделанное для того, чтобы не забыть только складывающихся мыслей. Поэтому формулировки, имеющиеся в настоящем документе, нельзя рассматривать как итоговые или хотя бы приближающиеся к таковым.

⁹ Эта запись сделана на обороте страницы и, повидимому, связана с вышеприведенным текстом, но сделана, судя по почерку, позднее.

«ИДЕАЛЫ»

¹ Печатается по автографу, находящемуся в ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 27, л. 1—6 об. Впервые опубликовано в журнале «Литературное наследство», т. 61, М. 1953, стр. 494—500, под заглавием «Цель, методы и организация общества».

При публикации датировано: июнь — июль 1859 г. на основании ряда признаков. Важнейшим из них М. В. Нечкина, которая подготовила документ к публикации в «Литературном наследстве», считает упоминание в конце текста происходящей войны: «Общеславянская конфедерация теперь немыслима; она может уясниться только настоящей войною». Войной, с которой Огарев связывал некоторые перспективы освобождения славянских народов, угнетаемых австро-венгерской монархией, была короткая война Франции и Италии с Австрией, продолжавшаяся с конца апреля до 11 июля 1859 г. Следовательно, заключает М. В. Нечкина, рукопись Огарева должна быть отнесена

к периоду, предшествующему подписанию перемирия, т. е. до 11 июля 1859 г.

Документ является развитием и конкретизацией «Записки о тайном обществе» (см. выше, стр. 31).

Мы принимаем для всего документа заглавие «Идеалы», являющееся фактически заглавием лишь первого раздела. План рукописи очевиден: путем противопоставления «Идеалов» «настоящему положению» Огарев выясняет цель, методы, организацию и первоначальные труды проектируемого общества.

² Ср. перечень областей России, даваемый Огаревым в настоящем документе, с огаревским же проектом районирования, относящимся к 1847 г. (см. настоящее издание, т. I, стр. 90—100), а также с проектом, изложенным Огаревым в статье «На новый год 1861» (настоящее издание, т. I, стр. 383—384).

³ «Общинное освобождение крепостных и казенных крестьян, как общинных землевладельцев», о котором говорит Огарев, не следует смешивать с вопросом о реформе 1861 г. Огарев и до и после реформы 1861 г. подчеркивал, что задача заключается в том, чтобы освободить крестьянское «общинное землевладение» от всех форм стеснения и угнетения. Это Огарев и называл «общинным освобождением».

⁴ Статья Огарева, посвященная вопросу о «реформе чиновничества», была напечатана в «Колоколе» 1 апреля 1858 г. (См. настоящее издание, т. I, стр. 170.)

⁵ Перечисляемые в настоящем разделе области «критики» администрации и правительства, которой должны заниматься члены общества, нашли разнообразное отражение на страницах «Колокола» и других изданий «вольного станка» Герцена. Так, например, критика судопроизводства и «Свода законов» (пункты 2 и 4) дана была в статье Огарева «Опыты разбора свода законов» (1859 г.), вопросы эти также систематически освещались в приложении к «Колоколу» — «Под суд!», начавшем выходить 1 октября 1859 г. Вопросы научной пропаганды (пункт 10) затронуты в его статье 1860 г. «Письма к соотечественнику» (см. настоящее издание, т. I, стр. 373) именно в том плане, в котором рассматривается вопрос и в «Идеалах» — в отношении необходимости подготовки «странствующих учителей», преподавателей, лекторов для сел. Особенно ярко говорит Огарев о необходимости «странствующих учителей» в начале 1862 г. в воззвании, обращенном к студентам. (См. в настоящем томе «Университеты закрывают!», стр. 65.)

«ПРЕДИСЛОВИЕ

К VIII и IX КНИЖКАМ ГОЛОСОВ ИЗ РОССИИ»

Напечатано в 1860 г. в VIII книжке, стр. III—IX, за подписью Н. Огарев. В состав VIII книжки входят: «Проект действительного освобождения крестьян» (стр. 1—134), автором которого был Н. А. Серно-Соловьевич, и «Доклад или так называемое: политическое завещание Ростовцева» (стр. 135—187). Последний был составлен Ростовцевым в начале 1860 г., незадолго до смерти. Ростовцев излагал итоги работ редакционных комиссий, которые он возглавлял. Материалы редакционных комиссий были позднее изданы в 18 томах и в сжатом виде — в 3 томах.

В открывавшейся вступлением «От редакции» IX книжке «Голосов из России» были напечатаны «Соображения по докладам редак-

ционных комиссий», занимающие всю книжку (стр. 1—204), автором этой работы редакция «Голосов из России» сама предположительно назвала А. М. Унковского — губернского предводителя дворянства Тверской губернии, подвергнувшегося в то время преследованиям правительства и находившегося в ссылке.

«ЦЕЛЬ РУССКОГО ДВИЖЕНИЯ»

¹ Печатается по автографу, находящемуся в ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 27, л. 1—2. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 501. При публикации датировано М. В. Нечкиной предположительно 1860 г. В настоящем издании документ датируется началом 1862 г. В пользу изменения даты говорят следующие соображения:

а) Требование уничтожения «всякого крепостного права, помещичьего и казенного на людей и землю», Огаревым было выдвинуто с особенной силой *после* 19 февраля 1861 г., так как он рассматривал временнообязанные отношения помещичьих крестьян, установленные актом 19 февраля, как «новое крепостное право», о государственных крестьянах говорил как о находящихся в крепости у чиновников и различных «начальников».

б) «Колокол» весьма тщательно отмечал все факты (в Тверской, Смоленской и других губерниях) «отказа» дворянских меньшинств от сословных привилегий. Это движение Огарев называл движением к «бессословности» и из номера в номер в феврале — апреле 1862 г. помещал материалы об этом движении, комментируя их в выражениях, текстуально совпадающих с рукописью «Цель русского движения».

в) В мае 1862 г. Огарев в письме, литографированном в Мангейме (см. это письмо в ЦГИАМ, ф. 109, III отд., 1 эксп., 1862 г., № 230, ч. 41), утверждал, что требование *Земской думы* чуждо крестьянству и что из всех требований тверского дворянства можно взять *только* требование отмены всяких сословий и уравнивания крестьян в правах с дворянами.

г) *Впервые* лозунг Земского собора, как лозунг, противопоставленный «надеждам» либералов на октроированную конституцию, встречается в бумагах Огарева в рукописном проекте «Адреса № 1», написанном *19 июня 1862 г.* (см. письмо к В. Ф. Лугинину от 30 октября 1862 г., настоящий том, стр. 469).

д) Статья Огарева «Конституция и Земский собор» была задумана осенью 1862 г. (см. ее план в записной книжке № 9, за 1862 г. в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина).

е) Огарев в рассматриваемом документе говорит о представительстве в Земском соборе без различия сословий, «посланцев ото всех *уездов*». Этот план *поуездных* выборов был разработан Огаревым в 1861 г. и изложен в статье «Что нужно народу?», напечатанной в «Колоколе» 1 июля 1861 г. (см. настоящее издание, т. I, стр. 527—536), без терминов «Земская дума» и «Земский собор». Эти термины Огарев употребил в печати впервые в 1862 г. в статье «Что надо делать народу».

«УНИВЕРСИТЕТЫ ЗАКРЫВАЮТ!»

¹ Воззвание Огарева обращено к студентам столичных и провинциальных университетов, закрытых правительством на более или менее продолжительное время в связи с студенческим движением

осенью и зимой 1861—1862 гг. Впервые было опубликовано за подписью Огарева в особом прибавлении к «Колоколу» «Михайлов и студентское дело», выпущенном в Лондоне 15 января 1862 г. («Прибавление к 119—120 листу «Колокола», стр. 1002). Печатается по тексту «Прибавления», местонахождение рукописи неизвестно.

² «Японским адмиралом» Герцен и Огарев иронически называли министра народного просвещения Е. В. Путятина — бывшего адмирала.

«О ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВАХ И ИХ ОБЪЕДИНЕНИИ»

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 27, л. 7—25а. Опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, стр. 502—511, под заглавием «Заграничные общества». Датировано при публикации периодом времени между мартом 1862 г. (после упоминаемой в тексте высылки из Петербурга проф. Павлова, Платона Васильевича, последовавшей 6—8 марта 1862 г.) и октябрём того же года, когда стала очевидной неизбежность Варшавского восстания (о чем в тексте имеется упоминание).

Основная цель документа: выяснить главные стороны — военную, пропагандистскую и организационную — подготовки, по видимому, к весне 1863 г. вооруженного восстания, которое мыслилось Огаревым в форме военно-народного «похода» со всех периферий разом, т. е. с четырех сторон «четырьмя крылами» на Петербург, Москву, Нижний и Казань.

² «Фрачными» Огарев называет образовавшиеся в столицах кружки смешанного состава, в которых участвовали и разночинно-демократические и дворянско-либеральные элементы; так, об офицерско-студенческих кружках, образовавшихся в Константиновском училище, в Артиллерийской академии и др. военных учебных заведениях, Огарев был осведомлен через А. А. Потембю, а также через С. Сераковского, одного из соратников Чернышевского; многое, по видимому, стало известно Огареву и через Н. В. Шелгунова и Н. Н. Обручева в 1861 г.

³ Некоторые данные о дислокации и численности корпусов русских войск и офицерского состава в особенности Огарев получил от офицера генерального штаба С. Сераковского. После казни последнего Огарев в письме к польскому публицисту Клячко писал:

«Что касается статьи [Каткова — зачеркнуто] в «Московских ведомостях», говорящей о численности русских войск, которую [Катков] газета ставит в 600 000 человек, я не могу спорить, так как у меня нет никаких точных данных. Даже цифры, сообщенные мне покойным Сераковским, недостоверны».

О том же он упомянул в «Колоколе» (1 марта 1864 г., л. 180—181, стр. 1479).

⁴ *Европеус*, Александр Иванович, см. настоящее издание, т. I, стр. 834.

⁵ *Павлов*, Платон Васильевич — профессор, выступивший 2 марта 1862 г. на вечере с речью на тему «Тысячелетие России», после чего был выслан в Ветлугу (а не в Нижний Новгород) и через некоторое время переведен в Кострому. В «Колоколе» 22 марта 1862 г., в л. 126 была напечатана заметка о высылке Павлова «в губернский город

под надзор полиции». Редакция «Колокола», следовательно, до середины марта не была осведомлена о действительном месте ссылки Павлова.

⁶ С известным этнографом и собирателем русских песен П. Н. Рыбниковым, сосланным в Петрозаводск на службу, Огарев поддерживал в 1862 г. сношения через Н. А. Серно-Соловьевича.

⁷ Мерославский, Людвиг — участник польского восстания, 1830 г. Позднее эмигрант. В 1863 г. Мерославский был недолгое время диктатором восставшей Польши.

⁸ Этот текст написан карандашом на обороте предпоследнего листа рукой Герцена и сильно стерт. Возможно и другое чтение первых строк этой записи, а именно: «Общество только в saracisity * унив(ерситетов), семинар(ий) и военн(ых) учил(ниц) и может быть. В орган(изации) и единство все же необходимо — и по существу (?) будет там, где вольны(е) орган(изации) (<...>»

⟨ЗАМЕТКИ И НАБРОСКИ⟩

Теоретические заметки (II)

¹ Печатается впервые, по автографу, находящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VI. 27, записная книжка № 9 (Дневник и черновые стихи 1862 г.), л. 1—7, 77—82. Заметки написаны в два приема: 31 мая и 3 июля 1862 г.

² Здесь Огарев ссылается на «Теоретические заметки», написанные им в 1858 г. (см. настоящий том, стр. 39 и примечания, стр. 560).

В письме от конца июля — начала августа 1861 г. находим следующую аналогичную заметкам рассуждение Огарева: «Рассекая мир до математической точки, я дохожу до формулы 0^∞ ; но это не мешает мне знать, что нуль также результат и $= + \cdot -$, и собственно есть предел ... я не в состоянии наполнить бездну или черту, разделяющую логические определения от живого мира, не могу показать, каким образом предел переходит в действительность и чему, какой формуле $= 0^\infty \dots$ ».

³ Здесь Огарев прервал запись и продолжил ее более месяца спустя — 3 июля 1862 г.

⁴ Тремя-четырьмя годами позднее — в 1865—1866 гг. Огарев вновь вернулся к «Теоретическим заметкам». (См. ниже «Опыт взведения в науку», стр. 151.)

⁵ Печатается впервые по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VI. 27. Записная книжка № 9, л. 113—116. Датируется по положению в записной книжке ноябрем 1862 г.

Заметка посвящена постоянно занимавшему Огарева вопросу: как сделать научные доводы против фидеизма и религии убедительными для всех.

⟨ПРЕДИСЛОВИЕ К ЖУРНАЛУ «ОБЩЕЕ ВЕЧЕ» № 1⟩

¹ Печатается по тексту первого номера прибавления к «Колоколу» «Общее вече», вышедшего 15 июля 1862 г. Журнал редактировался Огаревым и выходил в 1862—1864 гг.; вышли № 1—29. Хотя рукописи «Предисловия» не сохранились, принадлежность его Огареву не вызывает сомнения.

* в объеме.

² В. И. Кельсиев помогал Герцену и Огареву при организации прибавления к «Колоколу» и ездил для этой цели в марте 1862 г. в Россию; если верить его показаниям, позднее данным III отделению, участвовал в составлении только первого номера журнала. (См. «Исповедь» В. И. Кельсиева, «Литературное наследство», т. 41—42, М. 1941, стр. 343.)

«ОБРАЩЕНИЕ К КОМИТЕТУ РУССКИХ ОФИЦЕРОВ В ПОЛЬШЕ»

¹ В I томе настоящего издания в примечании к статье «Надгробное слово» (стр. 849) приведен по французскому переводу А. И. Герцена отрывок из письма Огарева к русским офицерам, подлинник которого считался утраченным. Он был обнаружен в ОРГБЛ (ф. Г.—О. I. 15) и опубликован в «Записках Отдела рукописей» Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, Москва 1952, вып. 13, стр. 157—163, а также в «Литературном наследстве», т. 61, стр. 539—540.

Документ датируется ноябрем 1862 г. Он должен был от имени редакции «Колокола», т. е. Герцена и Огарева, призвать русских офицеров-революционеров принять участие в восстании, неизбежном в Польше, хотя, по мнению Герцена и Огарева, преждевременном. Документ показывает, что Герцен и Огарев в трудной обстановке нашли в себе силу решительно встать на сторону польского революционного движения и тем спасли честь русской демократии.

Подробнее см. в статье «К истории революционного «Комитета русских офицеров» в Польше». («Литературное наследство», т. 61, стр. 534—539.)

² План деятельности офицерских обществ следует сравнить с документами, печатающимися в настоящем томе — «Цель русского движения» и «О тайных обществах и их объединении».

³ Далее на том же листе следует приписка М. А. Бакунина. Она напечатана в издании «Сборник посмертных статей Александра Ивановича Герцена», Женева 1870, стр. 205—206 (см. ее текст также в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 540).

«О РУКОВОДЯЩИХ ОРГАНАХ «ЗЕМЛИ И ВОЛИ» И ПРОГРАММЕ РАБОТ ЕЕ ОКРУЖНЫХ КОМИТЕТОВ»

¹ Печатаемые материалы находятся на отдельных листках из записной книжки Огарева, хранящейся в ОРГБЛ, ф. Г.—О. VI. 22, л. 1—10. Они касаются весьма важного вопроса об организации руководства «Землей и волей» и датируются приблизительно: после лета 1862 г., так как в тексте упоминается журнал «Вече» (т. е. «Общее вече»), который начал выходить 15 июля этого года. По содержанию документа его можно отнести ко второй половине 1862 г., но также и к середине 1863 г. Опубликовано в Полном собрании сочинений и писем А. И. Герцена, под ред. М. К. Лемке, т. XVI, стр. 93—95.

² Особенно важно отметить, что согласно плану Огарева Совет общества должен находиться в Лондоне и состоять из редакции «Ко-

локола», обозначенного буквой «К», а Км., т. е. Комитет, должен находиться в России. Трудно сказать, о петербургском ли комитете или центральном комитете говорит Огарев.

³ На одном из листов той же записной книжки имеется следующий текст Огарева:

«Университетские округа ясны: 1. Петербург. 2. Москва. 3. Казань. 4. Киев. 5. Харьков. 6. Одесса (лицей). 7. Ярославль (лицей). Комитет должен иметь своего человека во всех этих пунктах. Находящийся в Одессе должен получать и продавать заграничные издания» (ОРГБЛ, ф. Г. — О. VI. 28. Записная книжка № 20, л. 1). Ср. с запиской «О тайных обществах и их объединении» (настоящий том, стр. 68).

«ВСЕМУ НАРОДУ РУССКОМУ»

¹ Печатается по тексту воззвания, выпущенного в феврале 1863 г. в Берне. Экземпляр воззвания хранится в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Воспроизведено в Полном собрании сочинений и писем А. И. Герцена, под ред. М. К. Лемке, т. XVI, стр. 256—259. Подготовлено в Лондоне Огаревым в период пребывания там же А. А. Слепцова в качестве представителя Народного Центрального комитета общества «Земля и воля» и А. А. Потемби (главы «Комитета русских офицеров» в Польше). Отправлено Огаревым из Лондона 2 000 экземпляров, частями согласно особой инструкции (см. «Литературное наследство», т. 61, М. 1953, стр. 554—558). Наряду с прокламациями, обращенными к солдатам («Братья солдаты! Одумайтесь — пока время» и «Братья солдаты! Ведут вас бить поляков») и к офицерам («Офицерам всех войск от общества «Земли и воли»), это воззвание, рассчитанное на крестьян, служило основой для пропаганды общества в 1863 г.

«БРАТЬЯ СОЛДАТЫ! ОДУМАЙТЕСЬ — ПОКА ВРЕМЯ»

¹ Печатается по тексту воззвания, выпущенного в Берне и распространенного из Лондона в феврале 1863 г. В инструкции о способах рассылки прокламаций, находящейся в записной книжке Огарева (см. «Литературное наследство», т. 61, стр. 554), указано 1500 экземпляров только для организации «Земли и Воли» в Польше. Воспроизведено в Полном собрании сочинений и писем А. И. Герцена, под ред. М. К. Лемке, т. XVI, стр. 38—40.

В письме Герцена к Огареву от 4 февраля говорится о замысле Огарева написать воззвание к солдатам следующее: «Писать ли к солдатам? — мудреный вопрос... Род этот опасен и должен быть страшно силен и поэтичен, чтоб пройти». Получив десять дней спустя от Огарева проект воззвания, Герцен отвечал: «В твоём адресе к солдатам следует прибавить вариант для находящихся в Польше». (См. А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XVI, стр. 36 и 68). Огарев выполнил совет Герцена — одновременно с печатаемым воззванием в конце февраля или в начале марта (до 8-го) было выпущено также воззвание «Братья солдаты! Ведут вас бить поляков».

² Огарев имеет в виду поход русских войск, отправленных по приказу Николая I в Венгрию в 1849 г. с целью подавить там революцию.

³ Здесь говорится о подавлении вооруженной силой восстаний, вспыхивавших в Польше в 1830 г. и в позднейшие годы вплоть до Варшавского восстания в январе 1863 г.

«БРАТЬЯ СОЛДАТЫ! ВЕДУТ ВАС БИТЬ ПОЛЯКОВ»

¹ Вариант воззвания «Братья солдаты! Одумайтесь...», предназначенный для солдат, расквартированных в Царстве польском и западных губерниях. Печатается по тексту воззвания, выпущенного в Берне. Датируется февралем 1863 г. Воспроизведено в «Литературном наследстве», т. 41—42, 1941, стр. 91—92.

² В ночь с 14 на 15 января н. ст. 1863 г. по всей Польше был произведен специальный рекрутский набор — не по жребию, а по заранее составленным спискам. Цель этого набора, организованного маркизом Велепольским, заключалась в изъятии революционной части городской молодежи. Маркиз Велепольский откровенно называл список призываемых — «проскрипционным».

³ Руководители польского восстания, несмотря на обещание, данное Герцену и Огареву в сентябре 1862 г. (см. «Колокол», 1 октября, л. 146, письмо польского Центрального народного комитета), боясь испугать шляхту, не включили в число лозунгов восстания главного пункта — земля крестьянам. Огарев же считал обещание польских делегатов незыблемым и потому трактовал в воззвании польское национально-освободительное движение как антипанское, крестьянское (см. в настоящем томе «Три вопроса», стр. 113).

⁴ «Союз с прусскими немцами» — подписанное в Петербурге 27 января (8 февраля) 1863 г. соглашение — так называемая конвенция Альвенслебена, — согласно которому Пруссия обязалась помогать царскому правительству в преследовании польских повстанцев. Для этой цели царским войскам, между прочим, разрешалось переходить русско-прусскую границу.

«ОФИЦЕРАМ ВСЕХ ВОЙСК ОТ ОБЩЕСТВА «ЗЕМЛИ И ВОЛИ»»

¹ Воззвание отпечатано Вольной типографией и выпущено в Лондоне и Берне в 1863 г., в феврале или начале марта. Составлено Н. П. Огаревым совместно с А. А. Слепцовым и А. А. Потемной. Воспроизведено в Полном собрании сочинений и писем А. И. Герцена, под ред. М. К. Лемке, т. XVI, стр. 40—41. В записной книжке Огарева за 1863 г., хранящейся в ЦГАЛИ (ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 43, л. 69—70 об.), имеется инструкция о порядке рассылки прокламаций (крестьянских, солдатских и офицерских) в Польшу и Россию (см. «Литературное наследство», т. 61, 1953, стр. 554—556). Прокламации должны были служить для пропаганды, прежде всего военным организациям «Земли и воли», в особенности «Комитету русских офицеров» в Польше. О связях А. А. Потемни с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым см. в т. I настоящего издания статью «Надгробное слово», а в настоя-

щем томе текст «Обращения к Комитету русских офицеров в Польше»; см. также письмо Н. П. Огарева к А. А. Слепцову от 8 мая 1863 г. (настоящий том, стр. 481).

М. К. Лемке сообщает со слов опрошенного им А. А. Слепцова, что последний вывез несколько сот экземпляров воззвания из Лондона в Париж, направил их на юг (т. е. в Тульчу к В. И. Кельсиеву). В Петербурге прокламация появилась к осени — через Швецию и Норвегию. (См. *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XVI, стр. 37—38.)

«СЛОВО ПРАВДЫ»

¹ Печатается по тексту журнала «Общее вече» № 13 от 15 марта 1863 г. Статья подписана: Н. Огарев.

² Ср. это место с 1—4-м абзацами воззвания «Всему народу русскому...» Огарев сокращенно воспроизвел строки воззвания. (См. настоящий том, стр. 95.)

«ТРИ ВОПРОСА»

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 436, записная книжка 1863 г., л. 74 об. — 83. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 518—522.

Датируется точно, как по положению в записной книжке, так и по данным переписки Герцена с Огаревым, 20-ми числами апреля 1863 г. Juhio — сын А. И. Герцена Александр Александрович Герцен, принятый А. А. Слепцовым в общество «Земля и воля» и отправившийся 16 мая 1863 г. в Стокгольм для выполнения ряда поручений общества. Настоящий документ представляет собой характеристику трех наиболее существенных для того периода вопросов: организации доставки изданий Лондонской и Бериской типографий в Петербург из Стокгольма через Финляндию; установления контакта с финской организацией и, наконец, выяснения перспектив крестьянского революционного движения в Литве в связи с отправившимся из Лондона в Польшу на корабле «Ward Jackson» и застрявшим в пути польским легионом.

Герцен, получив текст Огарева, писал ему 29 апреля 1863 г.: «Насчет финского письма скажу, во-1-х, что оно длинно... во-2-х, следовало бы прежде знать, какого мнения V. Czartoryski. Я бы долею содержание написал для Саши, а квинтэсс[енцию] Квантену (финский деятель. — Я. Ч.). Ехать Саша, пожалуй, может... в понедельник или вторник...» Из приведенного отрывка ясно, что вопросы о контакте революционных организаций России, Польши и Финляндии стояли на очереди и что А. А. Герцен должен был отправиться в Стокгольм именно по этим вопросам. А. И. Герцен в связи с этим же сообщил дочери 2 мая 1863 г.: «Саша едет не сражаться (т. е. не для присоединения к польскому легиону. — Я. Ч.), а по делам книжным и дипломатическим; он, видишь, будет у нас Меттернихом финляндским». (См. *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XVI, стр. 233—234 и 243.)

² Сношения были установлены с стоковымским книгопродавцом Штраубе, а через него — с Норвегией, отсюда — с поморами Архангельской губернии. (См. ЦГИАМ, ф. 109, III отд., 1 экз., 1863 г., д. № 97, ч. 101 «О возмутительных воззваниях».)

³ Корабль «Ward Jackson» был задержан в шведском порту Мальме в конце марта 1863 г. Английский капитан изменил договору и сбежал. Польские волонтеры некоторое время искали другой возможности добраться с оружием до берегов Литвы. Новая попытка высадиться, также неудачная, была предпринята в июне 1863 г.

«ЧТО-ТО БУДЕТ?»

¹ Печатается по тексту журнала «Общее вече» № 15, 1 мая 1863 г., стр. 73—75. Статья подписана: Н. Огарев.

² Угроза вмешательства западноевропейских держав в польско-русскую проблему особенно раздвигалась в марте — мае 1863 г. деятелями польской аристократической (белой) партии, находившимися в Париже и связанными с французским правительством. Английское правительство и правительство Наполеона III резко угрожали России. Ноты Англии и Франции были представлены русскому правительству 17 апреля 1863 г. 19 апреля была представлена австрийская нота. Эту дипломатическую кампанию и имеет в виду Огарев.

³ Эта фраза вызвала следующее замечание Герцена: «В памфлете, — пишет Герцен, подчеркивая у Огарева слово крестьянский, — это ничего, в проповеди глубоко искреннее чувство тебе не позволило бы это сказать. Отрезать от народа всю часть не-крестьянскую — демагогия». (См. А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XVI, стр. 232—233.)

«О ВОССТАНОВЛЕНИИ СВЯЗИ С ОБЩЕСТВОМ «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ»»

¹ Печатается по автографам в записной книжке, хранящейся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VI. 30, записная книжка № 8, л. 21 об. — 29 и л. 7—12. Впервые опубликовано в «Записках Отдела рукописей» Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, вып. 12, М. 1951, стр. 163—165 и 162—163.

Записи сделаны около 15 сентября 1863 г. незадолго до поездки Герцена на континент из Лондона, поездки, предпринятой отчасти с целью встретиться в Париже, Флоренции и Женеве с рядом революционных эмигрантов и выяснить действительное положение дел в обществе «Земля и воля». Из-за свирепствовавшей в России реакции связи редакции «Колокола» с корреспондентами, с читателями лондонских изданий, с центром и организациями общества «Земля и воля» к осени 1863 г. прекратились. Огарев и Герцен наметили ряд мер, которые необходимо было обсудить с членами комитета, находившимися за границей. По многим вопросам, затронутым в записи, идет речь в письмах Герцена к Огареву, напечатанных в полном Собрании сочинений и писем А. И. Герцена под ред. М. К. Лемке, т. XVI, стр. 514—517, 537—541.

² Б. — Владимир Игнатьевич Бакст, один из наиболее активных эмигрантов, деятельно сотрудничавший с «Землей и волей» и

с Герценом и Огаревым. Находился в Гейдельберге и Берне, руководил Бернской типографией, которую Огарев называет в записи Швейцарской.

³ Петербург или Москву.

⁴ К. — Виктор Иванович Касаткин, один из видных «землеольцев» шестидесятых годов, эмигрант, находившийся в раздоре с В. И. Бакстом. Об их примирении настойчиво хлопотал Огарев, что отразилось в записи. Герцен говорил с обоими о ликвидации разногласий, о чем сообщил Огареву. (См. А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XVI, стр. 540.)

⁵ Станция или агентство должно было быть организовано, в частности, в Белокринице (Галиция) — местопребывании крупной старообрядческой колонии с митрополитом Кириллом во главе. Отсюда предполагалось распространение книг, брошюр и пр., изданных В. И. Кельсиевым в Лондонской типографии, а также «Общего веча». Здесь действовал упоминаемый в той же записи Филарет Захарович, находившийся в сношениях с В. И. Кельсиевым и Огаревым. (См. А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. XVI, 468—469.)

⁶ В Лондоне действовал сам Огарев, в Швейцарии — Бакст и Касаткин, в Константинополе — Кельсиев, в Стокгольме — А. А. Герцен и Бакунин.

⁷ Слияние Лондонской и Бернской типографий или координация их работы не состоялась. См. об этом в статье Б. П. Козьмина «Герцен, Огарев и «молодая эмиграция». «Литературное наследство», т. 41—42, стр. 8—14.

⁸ Речь идет о несостоявшемся издании «Русская потаенная литература XIX столетия», ч. II — прозаические произведения (первая часть — поэзия — вышла в 1861 г.).

⁹ Французская книжка Огарева — его известный очерк «*Essai sur la situation russe*» («Опыт о современном положении России»), вышедший в 1862 г. Предполагалось издание его на русском языке в переводе Н. И. Жуковского, но издание по неизвестным причинам не состоялось. Упомянутый Н. И. Жуковский — эмигрант с лета 1862 г., замешанный по делу типографии П. Д. Баллода. В первое время эмиграции организовывал транспортировку изданий Вольных типографий в Россию. Впоследствии был близок к Бакунину.

¹⁰ Аффильции — филиалы. Речь идет, повидимому, о различных группах находившихся за границей русских, оказывавших содействие «Земле и воле», но не состоявших членами общества.

¹¹ Вторая запись, сделанная в то же время, трактует вопрос о восстановлении утраченной связи с В. И. Кельсиевым (находившимся в Константинополе — Тульче) через Геную (см. об этом в «Записках Отдела рукописей» Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, вып. 12, М. 1951, стр. 154—155).

〈ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПИСЬМА К СТАРООБРЯДЦАМ〉

¹ Печатается по тексту журнала «Общее вече», № 22, 23, 24, 26 и 27, 1 ноября 1863 г. — 15 февраля 1864 г., стр. 102—104, 107—108, 111—112, 117—120, 122—123. На 124 стр. — рисунок парового плуга, прилагаемый к четвертому письму. Все письма подписаны: Н. Огарев. Рукописи не сохранились за исключением двух листков в ОРГБЛ (ф. Г. — О. VI. 30, зап. книжка № 8, л. 41—42). Дати-

руются: первое письмо — октябрём 1863 г., второе — ноябрём 1863 г., третье — концом декабря 1863 г., четвертое — февралём 1864 г.

² Французская книга Огарева «Essai sur la situation russe» вышла в свет 8 мая 1862 г. в Лондоне. См. о ней в письмах Герцена (Полное собрание сочинений и писем, т. XV, стр. 128, 137, 140—141 и др.).

³ Огарев воспроизводит здесь в качестве «примерной» для всей Европы схему развития сословий в Англии, как она дана в имевшей широкую известность книге Огюстена Тьерри «История завоевания Англии норманнами» (1825).

⁴ Утопический проект распространения в России «найма машин» в аренду крестьянскими общинами на началах кредита был разработан Огаревым впервые ещё весной 1862 г.

Затем Огаревым было спроектировано (2 июня 1862 г.) «Общество заемщиков для снабжения России наемными земледельческими машинами» (другое название: «Общество земледельческих снарядов»). Каждый комплект машин для найма — «прибор-машина» — состоял из паровика, парового плуга с аппаратами, 2 молотилен, 3 мельниц и 5 жатво-сенокосных конных машин. Стоимость комплекта — около 10 тыс. руб. «Если взять, — заканчивал свой черновой расчет Огарев, — пространство Оренбургской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Ставропольской, Таврической губерний и земли Войска Донского, что составляет 1 953 160 кв. миль, то потребуется около 3 миллионов приборов машин для обработки одной трети этого пространства, или миллион машин для обработки $\frac{1}{3}$ пространства... возьмите какие хотите сокращенные размеры, все же предприятие громадно».

Далее Огарев проектировал выпуск обществом акций «на капитал для покупки машин» и заключал: «Можно начать с очень малого, с одного прибора машин и идти к огромнейшим размерам» (ОРГБЛ, Г. — О. VI. 27, записная книжка № 9, л. 8—12 и 126).

После того, как в конце 1863 г. движение крестьян ослабело, Огарев решил обнародовать свой проект в урезанном виде — в масштабах «одного селения на Дону».

⁵ Огарев ошибся в подсчете, следует: 728 и соответственно на душу 7 р. 28 к., а на тягло 14 р. 56 к. и денежная прибыль на душу не 8 р. 28 к., а 7 р. 28 к. в год.

⁶ Проект областных сельских банков также был разработан Огаревым в 1860—1861 гг. (см. письмо Огарева от 27 июля — 3 августа 1861 г., настоящий том). Самый проект сохранился в рукописи, не опубликован (см. ОРГБЛ, ф. Г. — О. VI. 25 и 26, тетрадь № 5 и записная книжка № 4).

⁷ Статьей «Братское слово к учителям семинарий» открывается № 27 «Общего веча». Анонимный автор характеризует бедственное и униженное положение семинарских учителей, говорит об их близости и связи с народом и призывает их взяться за «опасное, но честное дело. Спасайте отечество», — пишет автор. — «Сближайтесь с молодежью и особенно с университетской. Людей *сочувствующих* отыскать легко, они сами нас ищут». В статье говорится также о необходимости сбиться с расколом, который трактуется автором как «выражение русской народности».

⁸ «Современная летопись» выходила в качестве воскресного приложения к «Московским ведомостям». В № 33, 37 и 44 за 1863 г. были опубликованы статьи: «Гражданские думы старообрядца-беспоповца», «Еще несколько слов к «гражданским думам старообрядца-беспоповца»»

и «Продолжение «гражданских дум старообрядца-бесполовца». Автор статей — Федор Ермилов, член московской общины бесполовцев-«преображенцев». Написанные напыщенным языком, статьи изобилуют выражениями верноподданнических чувств и красного патриотизма и полны грубой брани и клеветы по адресу Герцена и Огарева. Цитированные Огаревым слова противников Ермилова приведены в начале 3-й статьи.

«ПРИМЕЧАНИЕ К ЭПИГРАФУ УТИНСКОЙ СТАТЬИ»

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VI. 32, записная книжка № 2, лл. 49—51. Впервые опубликовано в «Записках Отдела рукописей» Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, вып. 12, стр. 166—167, М. 1951 (см. также стр. 155—156).

Эпиграф, о котором идет речь, знаменитые строки из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». «Говори же всем: вот что в будущем, будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести...» Строки эти служили эпиграфом к статье «Николай Гаврилович Чернышевский», напечатанной за подписью «Z» в «Колоколе» 15 сентября 1864 г., л. 189. Статья, как это ясно из заглавия примечания, принадлежит Н. И. Утину. По каким причинам примечание Огарева осталось ненапечатанным, неизвестно.

² Огарев повторил здесь высказывание Герцена. По поводу продолжавшихся в 1864 г. пожаров Герцен писал: «Пожаров больше, чем в 1862 году; были даже явные поджоги. Отчего же нет того вопля о политических зажигательствах, которым началась эпоха реакции и террора?» («Колокол», л. 188, заметка «Война, чума, пожар» — см. А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. XVII, стр. 328.)

«ЗАМЕТКИ И НАБРОСКИ»

¹ Печатается впервые по автографам, находящимся в ОРГБЛ. Первая рукопись — «Опыт введения в науку» (Г. — О. VI. 29, записная книжка № 13. 2, л. 1—24) относится, по всей вероятности, к 1866 г. и является продолжением многолетней работы Огарева над основами философской теории. (См. выше, «Теоретические заметки I» 1858 г. и «Теоретические заметки II» 1862 г.) В переписке Огарева за 1865—1866 гг. как с Герценом, так и с другими лицами несколько раз упоминается о разработке им философских вопросов, особенно вопросов теории познания. Огарев чувствовал глубокую потребность подытожить свои теоретические искания. (См. настоящее издание, т. II, стр. 509 письмо к Дж. Мадзини от весны 1865 г.) В сохранившейся части бумаг Огарева такой итоговый труд отсутствует. Сохранились и дошли до нас лишь разрозненные заметки и наброски, подготовительные к этому труду рукописи. Причем можно усмотреть прямую связь между этими набросками и рукописью «Опыт введения в науку». (См. ф. Г. — О. VI. 29, записная книжка № 13. 2, л. 29—30, 31 и Г. — О. VI. 35, записная книжка № 13. 3, л. 1—6.)

² Начало повторяет заметки 1858 г. (См. выше, стр. 39.)

⁸ Примечания к Cournot имеют в виду книгу французского математика А. Курно «De l'origine et des limites de la correspondance entre l'algèbre et la géométrie» («О происхождении и границах соответствия между алгеброй и геометрией»), изданную в Париже в 1847 г.

Датировать точно время работы Огарева над этой книгой невозможно. В 1865 г. он интересовался работами Курно по политической экономии и критически о них отзывался в письме к Герцену. В 1869 г. во втором ответе на статью Герцена «Между старичками» он процитировал названную выше книгу. Следовательно, примечания были написаны Огаревым во второй половине 60-х годов.

«ПО ПОВОДУ ЧТЕНИЯ СЕЧЕНОВА И САШИ»

¹ Печатается впервые по черновой рукописи, находящейся в ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 44, записная книжка, л. 65—77.

Время внесения этих заметок в записную книжку определяется приблизительно: в течение или после 1866 г., когда вышло в свет второе издание книги «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова. Чтение работ А. А. Герцена Огаревым может относиться только к 1867 и последующим годам, когда А. А. Герцен опубликовал на немецком, итальянском и английском языках ряд работ по физиологии центральной нервной системы и физиологии воли: 1) «Über die Hämungs — Mechanismen der Reflexitätigkeit». Untersuchung, Giesen 1867; 2) «On the moderating centres of the reflex funktion of the spinal cord». Arch. of Medic., IV, 1867, p. 301; 3) «Studio fisiologico sulla volontà», Milano 1867; 4) «Fisiologia del sistema nervoso», Firenze 1867; 5) «Vita e nutrizione», «Scienza del Popolo». 1867. (1) «О механизмах торможения деятельности рефлексов». Исследование, Гисен 1867; 2) «О сдерживающих центрах в рефлекторной деятельности спинного мозга», Медицинский архив, IV, 1867, стр. 301; 3) «Физиологическое исследование воли», Милан 1867; 4) «Физиология нервной системы», Флоренция 1867; 5) «Жизнь и питание», «Наука для народа», 1867.)

Повидимому, из перечисленных работ А. А. Герцена внимание Огарева особенно привлекли работы о физиологии воли и физиологии нервной системы. Об этом можно судить по тому, что в середине того же 1867 г. Огарев рекомендовал вниманию А. И. и А. А. Герцена французский журнал «La pensée nouvelle» («Новая мысль»), в котором в январе 1869 г. и появился экстракт работы А. А. Герцена по физиологии воли под названием «Что порождает иллюзию свободы воли» («La pensée nouvelle» № 36, Paris 1869).

«ТЕЗИСЫ О LIBRE ARBITRE (СВОБОДЕ ВОЛИ)»

¹ Печатается впервые по черновому автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 44, записная книжка, л. 57 об., 59.

Тезисы датируются точно — 5 февраля 1867 г. — по данным, содержащимся в переписке А. И. Герцена и Н. П. Огарева. В конце января и 3 февраля 1867 г. Герцен сообщил Огареву, что у профессора Флорентийского университета Морица Шиффа с Жозефом Доманже происходит дискуссия по вопросу о принципе свободы воли. Дискуссия развивалась в связи с работами М. Шиффа и А. А. Герцена по физиологии нервной системы.

В связи с происходящей дискуссией А. И. Герцен сообщил Огареву, что «второй коллоквиум Шиффа (начало февраля) не был так удовлетворен, как первый, и я начинаю думать, что спор опять-таки *номинальный*». Далее Герцен цитирует положение, фигурировавшее во время дискуссии: «Ответственность за поступки объективная, а не субъективная» (М. Шифф), и приводит свои соображения о границах, отделяющих «физиологическую необходимость» от общественно-исторической. Эти соображения Герцен завершил советом Огареву: «Попробуй написать, чего нет, — тезисы другого тона с некоторым развитием». (См. *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XIX, стр. 195, 202.)

Огарев, получив предложение Герцена, отвечал 6 февраля: «...твой запрос о тезисах насчет *libre arbitre* меня взорвал, как электрическая искра, и я уже ничего не мог делать окромя. Поэтому я вчера написал их по-русски в своей книжке, сегодня переработал по-французски и посылаю тебе». («Литературное наследство», т. 39—40, стр. 429.)

Переработанного французского текста в нашем распоряжении нет. Герцен вырезал его из письма Огарева и отправил во Флоренцию сыну; дальнейшее местонахождение переработанного текста остается неизвестным.

О тезисах Герцен писал Огареву 13 февраля 1867 г.: «Тезисы твои хороши, и я их всем прочел и читаю, но вполне они меня не удовлетворили». Далее Герцен сообщает свои возражения, весьма меткие, заключаая: «Я не возражаю на главную тему, а ишу ясного понимания». (См. *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XIX, стр. 210; см. также стр. 219.)

Такова история возникновения печатаемого текста.

² По поводу этого тезиса Герцен заметил Огареву: «Я совершенно не понял, что ты хотел сказать тем, что в организме нет особого органа воли. Центр[альный] орган всех высших физиологических явлений — мозг. Где же отдельный орган памяти, изящного или красоты?.. не понимаю». (Там же, стр. 210).

³ «Отметку о крике больных» Герцен считает «вовсе не идущую к делу». (См. там же.)

⁴ Слово «безответственность» здесь следует понимать в смысле «дестерминированность». Следует также иметь в виду, что печатаемый текст имеет черновой характер и что он на следующий день был Огаревым уточнен.

⁵ К сказанному необходимо прибавить следующее: Герцен намеревался напечатать дискуссию о *libre arbitre* в полной записи А. А. Герцена и д-ра Левье со своими и Шиффа поправками (см. там же, стр. 206). Позднее, в июле или августе 1868 г., Герцен написал свое известное «Письмо к сыну. (О свободе воли)», посвященное той же проблеме. (См. *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XXI, стр. 1—9.)

«СТАРОВОЗДВИЖЕНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ»

¹ Печатается по черновым рукописям, хранящимся в ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 38, л. 35—36; ед. хр. 29, л. 41—49; ед. хр. 44, л. 106—108. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 544—547. Рукописи статьи «Старовоздвиженская философия» хранятся в разрозненном виде по разным единицам

хранения. Черновой их характер явствует, между прочим, из того, что цитаты из статьи реакционера Н. И. Соловьева, против которой статья Огарева направлена, не вставлены в текст, а только намечены, иногда весьма неясно; например, одна цитата намечена в виде строки точек, взятой в кавычки, другая обозначена только первыми словами и т. д. Все эти пропуски восстановлены по журнальному тексту статьи Н. И. Соловьева («Всемирный труд» № 1, Спб. январь 1867 г.) и приведены в угловых скобках. В угловых же скобках указаны страницы журнального текста.

Время работы Огарева над статьей определяется по переписке Герцена и Огарева. Огарев начал работу около 25 апреля 1867 г. и ее не закончил. Вместо развернутой полемической статьи он написал 23—24 июля 1867 г. на ту же тему короткую заметку для «Смеси» последнего, «прибавочного» листа «Колокола» от 1 августа 1867 г. (см. ее под названием «Благо есть место» в т. I настоящего издания, стр. 760).

² Статья «Принципы жизни» принадлежала реакционному критику Н. И. Соловьеву, систематически выступавшему против Чернышевского и Писарева. Статья возмутила Огарева; в письме к Герцену от 25 апреля 1867 г. (см. настоящий том, стр. 523) он назвал идеалистические «туманы» Н. И. Соловьева старовоздвиженской философией и это заглавие дал задуманной им статье.

³ Цитируемый текст см. в журнале «Всемирный труд» № 1, 1867 г., стр. 141.

⁴ Там же.

⁵ Цитируемый текст см. в журнале «Всемирный труд» № 1, 1867 г., стр. 142. Обе фразы в круглых скобках вставлены Огаревым.

⁶ Там же.

⁷ Текст обрывается на середине фразы. Можно, следовательно, предполагать, что было продолжение. Разыскать его не удалось. Однако сохранившаяся часть статьи позволяет судить о главной мысли, положенной в основу статьи. Огарев намеревался выступить в защиту Писарева, что он и сделал в заметке «Благо есть место» (см. настоящее издание, т. I, стр. 760 и сл.). Имя Писарева Огарев, чтобы не навлечь на него преследований, избегает упоминать с похвалой, но мысли Писарева имеются в виду во многих местах статьи. В частности, из ее контекста становится понятным, о каких цитатах из статьи Писарева говорил Огарев в заметке «Благо есть место» («...выписки из статей г. Писарева, в которых нет ни малейшей бессмыслицы...», см. т. I, стр. 762). Эти выписки находятся на стр. 149—150 журнального текста статьи Соловьева и представляют собой отчасти изложение, отчасти цитирование начала статьи Писарева «Исторические идеи Огюста Конта».

«НАРОДНЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ УЧИЛИЩА»

¹ Печатается впервые по белой рукописи, хранящейся в ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 38, л. 10—16. Там же, л. 1—9, хранится черновая рукопись. Время работы Огарева над проектом и программой земледельческих школ определяется приблизительно по следующим признакам. В черновой рукописи упоминается участие, постигшая книгу, выпущенную И. А. Худяковым, «Самоучитель для начинающих обучаться грамоте». Этот «Самоучитель», изданный в 1865 г. Е. П. (т. е. Евгением Печаткиным) в Петербурге, был запрещен и конфискован. Герцен и Огарев познакомились с И. А. Худяковым в том же 1865 г.

Герцен в 1866 г. оценивал «Самоучитель» как «превосходно составленный учебник». (См. А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XVIII, стр. 336.) Все это указывает на то, что рукопись Огарева написана после 1866 г., когда автор «Самоучителя» был привлечен по делу Каракозова и осужден вместе с другими участниками кружка Н. А. Ишутина.

Данных для более точной датировки в нашем распоряжении нет.

Проект Огарева, в котором изложены идеи, близкие к тем, которые были высказаны им в 1847 г. в рукописи «Народная политехническая школа», несомненно, предназначался для России. Лицо, которое обсуждало с Огаревым различные стороны проекта и сделало ряд замечаний на полях черновой рукописи, остается неизвестным. Повидимому это был деятель, хорошо знакомый с фактическим положением революционной и пропагандистской работы в России, о чем свидетельствует ряд приведенных в тексте замечаний относительно полной невозможности осуществления проектируемого Огаревым плана преподавания (политической экономии и др.).

«О ПРОПАГАНДИСТСКИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КОММУНАХ»

¹ Печатается по рукописи, хранящейся в ЦГАЛИ, ф. 2197, ед. хр. 38, л. 37—39. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, стр. 572.

² Весьма вероятно, что этот план организации в России пропагандистских коммун со школами для крестьянских детей при них, обнаруженный в бумагах Огарева, связан с проектом народных земледельческих училищ. Как можно предполагать, самая программа «Народных земледельческих училищ» была разработана в развитие четвертого пункта общего проекта. Возможно также, что еще одна рукопись Огарева — «Арифметика», излагающая начала десятичного счисления (см. ее в ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 29), имеет отношение к разработке программы земледельческих училищ.

«С УТРА ДО НОЧИ»

¹ Печатается по рукописи, хранящейся в ОРГБЛ, Г.—О. VII. 1. Впервые опубликовано в журнале «Литературная мысль» № 1. Пгр. 1922, стр. 229—240, с пропусками и опечатками. При публикации ошибочно датировано 1873 г. Действительное время работы Огарева над этим текстом раскрывается письмами Огарева к Герцену, впервые ставшими доступными исследователям в 1941 г.

21 января 1869 г. Огарев писал Герцену: «...принялся писать мои мемуары для Таты». Эти «мемуары» и есть «С утра до ночи», посвященные дочери Герцена Наталье Александровне. В дальнейшем, в письме от 6 февраля, вновь встречаемся с упоминаниями этой вещи («Пишу татину статью, бываю часто недоволен, но она меня увлекает...»), а в письме от 9 февраля Огарев сообщает: «Татину статью я буду ей посылать... по листу (почтовому); она выйдет длинная». (См. «Литературное наследство», т. 39—40, стр. 506, 514.) Огарев писал статью в течение февраля 1869 г., может быть, и часть марта, но, повидимому, не окончил. В рукопись вставлен более ранний автограф: «Значение меня и ценности».

² Известное изречение это приписывается Талейрану, ответившему испанскому посланнику Искиэрдо (по рассказу Барера в его мемуарах, т. 4, стр. 447): «La parole a été donnée à l'homme pour deguïser sa pensêe» («Слово дано человеку для того, чтобы скрывать свою мысль»).

³ Тит Левиафанский, прозектор и адъюнкт-профессор — персонаж произведения Герцена «Aphorismata. По поводу психиатрической теории д-ра Крупова». (А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XXI, 215.)

⁴ Ср. с автохарактеристикой Огарева в «Юморе»:

Происхождением я татарин,
Во время оно окрестясь,
Мой прадед вышел русский барин.
С тех пор уж было много нас;

.....
Дворянство наше все почти —
Татар крестившихся потомки...

(«Юмор», ч. II, гл. 7.)

Род Огаревых ведет начало от выходца из Золотой Орды, служившего Александру Невскому, — мурзы по прозвищу Огар, получившего имя Пантелеймона.

⁵ Огарев говорит о плохो подготовленном издании стихотворений Лермонтова, выпущенном Глазуновым в 1856 г. Замечательную характеристику поэзии Лермонтова Огарев дал в статье — предисловии к сборнику «Русская потаенная литература XIX столетия». (См. настоящее издание, т. I, стр. 449—454.)

⁶ Книга немецкого историка, знатока античности А. Бёкка (August Böckh, 1785—1867) вышла в 1817 г. в двух томах под заглавием «Die Staatshaushaltung der Athener».

«НАША ПОВЕСТЬ»

¹ Выступление Огарева в связи со студенческим движением 1869 г. в России. Подпись: «Издатели Колокола». Воззвание написано в 20-х числах апреля, закончено 29 апреля, опечатано после 10 мая н. с. 1869 г. Печатается по экземпляру ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 33. Воспроизведено в «Литературном наследстве», т. 41—42, М. 1941, стр. 121—127.

² Поэма Огарева «Юмор», третья, последняя часть которой была написана через 26 лет (в 1867 г.) после первой части. Третья часть была напечатана в «Полярной звезде», кн. 8, вышедшей в Женеве в 1868 г. Дополнительные строфы к третьей части опубликованы в «Литературном наследстве», т. 61, стр. 644—645.

³ Воскресные школы, широко распространявшиеся начиная с 1859 г., были закрыты царским правительством повсеместно весной и летом 1862 г.

⁴ Огарев говорит об усилившемся с назначением Д. А. Толстого министром просвещения (после выстрела 4 апреля 1866 г.) насильственном внедрении «классического образования», древних языков и пр. в программы гимназий и прогимназий.

⁵ Имеется в виду строгое наблюдение за студентами со стороны инспекции. Правила подчинения студентов инспекции были введены 26 мая 1867 г.

⁶ Под «стипендиатами» Огарев разумеет студентов, получивших юбилейные стипендии, пожертвованные Александром II Петербургскому университету в 1869 г. (100 стипендий по 300 р.).

⁷ Основные требования студентов в начале волнений. Они были сформулированы в известной прокламации от 20 марта 1869 г. «К обществу», написанной П. Н. Ткачевым.

⁸ Огарев говорит здесь о Медико-хирургической академии в Петербурге; в ней был введен режим военно-учебных заведений. В середине марта 1869 г. академия была временно закрыта.

⁹ Трудно сказать, о какой помощи студентам со стороны извозчиков говорит здесь Огарев: весной ли 1862 г. в Петербурге во время пожаров, когда полиция натравливала толпу на студентов, или в 1869 г. в том же Петербурге? Какой-то эпизод о беседах или встречах с извозчиками упоминается в письме Огарева от 20 июня 1862 г. к Н. А. Серно-Соловьевичу.

¹⁰ Переселенческое движение 1868 и 1869 гг. было вызвано голодом, охватившим ряд губерний в России вследствие неурожая 1868 г. (см. об этом в статье Огарева «Голод и новый год», настоящее издание, т. I, стр. 763 и далее).

⟨ОТВЕТЫ НА СТАТЬЮ ГЕРЦЕНА «МЕЖДУ СТАРИЧКАМИ»
(ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ ПИСЕМ «К СТАРОМУ ТОВАРИЩУ»)
И НА БРОШЮРУ БАКУНИНА
«ПОСТАНОВКА РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОПРОСА»⟩

¹ Текст воспроизводится по черновым рукописям, хранящимся в ОРГБЛ, ф. Г.—О. VI. 40, 41, 42 с дополнением отрывка рукописи, находящегося в ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 13. Опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, 1953, стр. 193—204.

Три ответа Огарева Герцену (в первый и третий Огарев включил полемику против Бакунина) написаны в мае — июне 1869 г. Первый ответ мы датируем: 10—17 мая, т. е. периодом первого в 1869 г. пребывания Герцена в Женеве. Ответ Огарева не мог быть написан ранее 10 мая, так как около этой даты вышла брошюра Бакунина «Постановка революционного вопроса», о которой идет речь в конце ответа Огарева. (См. «Русская подпольная и зарубежная печать», I, вып. 1, М. 1935, стр. 172.) 17 мая Герцен дней на десять покинул Женеву. На рукописи первого ответа Огарева имеются собственноручные пометки Герцена. Мы полагаем, что они сделаны до отъезда Герцена, т. е. до 17 мая, и датируем первый ответ: 10—17 мая.

Второй ответ «Старому другу» начинается упоминанием эпитафии из Бентама, вставленного Герценом в текст «Между старичками», как это выяснено В. А. Путинцевым (см. «Литературное наследство», т. 61, М. 1953, стр. 181—182), в Женеве после 10 мая. Мы полагаем, что «Второй ответ» был написан Огаревым после 17 мая, во время десятидневного отъезда Герцена из Женевы. Он был либо подготовлен Огаревым к вторичному приезду Герцена, т. е. к 26 мая, либо закончен вскоре после его приезда, т. е. в конце мая. Наконец, «Третья статья» Огарева, являющаяся ответом на «Третье письмо» Герцена, могла быть написана Огаревым только после возвращения Герцена в Женеву, 26—27 мая, и до окончательного отъезда Герцена из Женевы, около 28 июня, в Брюссель, т. е. в июне 1869 г.

² От рукописи своего первого ответа Огарев отрезал полтора листка и передал их Герцену. Герцен включил текст, содержащийся на отрезанных листках, в виде двух цитат в окончательный текст «Письма третьего» «К старому товарищу». Сопоставив цитаты, приведенные Герценом, с остатками текста в сохранившейся части рукописи Огарева, мы убедились, что отрезанные листы содержали начало первого ответа, и смогли восстановить почти полный его текст.

³ Получив в середине марта 1869 г. от Герцена рукопись «Между старичками», Огарев тотчас написал Герцену: «Главное, я одно тебе замечу, что вооруженное восстание обуславливается существующим войском, которое до сделки никогда не допустит. Едва ли ты в этом найдешь что-нибудь unpraktisch (непрактическое. — Я. Ч.). Тут ничего теоретического нет, а история-то с этой дороги сойти не может» («Литературное наследство», т. 39—40, стр. 534). Герцен, получив письмо Огарева, отвечал: «Ты прав насчет замечания о войске, мешающем сделке — но где же сила против войска? Опять в пропаганде, учении и экономическом устройстве коммунного труда». (А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XXI, стр. 328.)

⁴ Брошюра Бакунина «Постановка революционного вопроса» была отпечатана в типографии Чернецкого около 10 мая. В ней Бакунин сводил революцию к разнообразным формам «разбоя». Брошюра возмутила Герцена и вызвала его страстное негодование. Он пришел к мысли о необходимости немедленно выступить против нее и вскрыть тот вред, который приносила развитию революционного движения в России бакунинская демагогия.

Огарев принял интенсивное участие в обсуждении проблем, поставленных Герценом. Плодом этого участия и явились три его ответа на статью «Между старичками».

На следующий день после приезда, тотчас же ознакомившись с брошюрой Бакунина, Герцен писал (11 мая), что с Огаревым «все недоразумения окончились в полчаса. С Бак[униным] будет труднее, — он совсем закусил удила, и я привезу его новую статью, которая наделает страшных бед. Я буду протестовать и снимаю всякую солидарность». (А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XXI, стр. 377.)

⁵ В ходе дружеской дискуссии с Огаревым Герцен уточнял отдельные формулировки своих писем «К старому товарищу». Приведем один пример изменений, внесенных Герценом в окончательную редакцию писем в результате их обсуждения с Огаревым.

Во «Втором ответе» Огарева приводится цитата из статьи Герцена: «Следует ли толчками возмущать творческую тишину внутренней работы, инкубации, непрерывной, неуловимой?» Приведя цитату, Огарев замечает: «Я не вижу в историческом ходе рода людского этой непрерывной, неуловимой инкубации. История шла гораздо больше борьбой и прыжками, чем творческой тишиной внутренней работы». Герцен, прочитав возражения Огарева, подчеркнул в рукописи слово «бесперывной» и написал против этого места: «Я не говорил о бесперывности, а говорю о теперешней минуте». Несмотря на кажущееся отклонение аргумента Огарева, Герцен в окончательный текст «Письма первого» процитированные Огаревым слова не включил. Он так сформулировал эту мысль в окончательном тексте: «Следует ли толчками возмущать с целью ускорения внутреннюю работу, которая очевидна? Сомнения

нет, что акушер должен ускорять, облегчать, устранять препятствия...» и т. д. (См. «Литературное наследство», т. 61, 1953, стр. 159.)

⁴ Наиболее интересной для анализа хода обсуждения Герценом и Огаревым статьи «Между старичками» является «Третья статья» Огарева, где Огарев отвечает на неизвестную рукопись Герцена («Третье письмо», служившее непосредственным продолжением двух январских писем «Между старичками»). «Третья статья» Огарева дает возможность судить о содержании тезисов, защищавшихся Герценом, так как в «Третьей статье» Огарев по пунктам отвечает на тезисы Герцена. Сохранившийся клочок упомянутого «Третьего письма» Герцена подтверждает сказанное. Находящийся на этом клочке тезис Герцена обозначен им цифрой (2). В ответе Огарева его выражение помечено точно так же: (2), что позволяет рассматривать и другие возражения Огарева, помеченные также цифрами от (1) до (7), как соответствующие семи тезисам Герцена.

Приводим тезис Герцена, на который Огарев отвечает во втором пункте «Третьего письма» (ОРГБЛ, ф. Г.—О. II. 11. См. «Описание рукописей А. И. Герцена», М. 1950, № 81 и 97. Ср. Полное собрание сочинений и писем А. И. Герцена, под ред. М. К. Лемке, т. XXI, стр. 451 и 593. М. К. Лемке ошибочно принял настоящий отрывок за реплику Герцена на первый ответ Огарева и присоединил его к тексту действительной реплики Герцена, находящейся на рукописи Огарева):

«(2) Взяв у меня выраж[ение] «экономический промах» (полный текст отрывка, откуда взято это выражение, Огарев приводил в начале гл. 2 первого письма. См. стр. 209—210. — Я. Ч.), ты его относишь к современному политическому построению — словно оно по ошибке было сословным (а я думаю, что сословность — это расчленение — выход из безразличия в органическое единство). Все исторически выработавшееся обстоятельствами, толчками и переворотами — *Natigproduct*. Называть продукты истории — хотя бы они и устарели, политическими промахами — то же, что считать лягушку зоологическим промахом.

Ты говоришь, что если теория паров предшествовала железным дорогам — то что пары были до теории. Стало, ты полагаешь, что современный государственный быт был политический — *без экономических оснований*? Это противно тому, что ты сказал, и самой действительности: если б не было не развитых, дурно-развитых, изуродованных экономических отношений — то не было бы и желаний выпутаться из них и дойти до разумных...»

На слове «разумных» кончается полulist и обрывается текст; на обороте листа остаток какого-то другого текста, возможно находящегося в связи с приведенным: «...нии. А то является полнейший хаос и деспотизм. Все возможные и существующие свободы — в пренебрежении, национальные движенья отринуты. Бельгийские и женевские работники глядят с улыбки на завоевание Франции».

В окончательной редакции писем «К Старому товарищу» Герцен изменил формулировку мысли об «экономических промахах», совершившихся всеми прежними революциями. Там говорится о «промахах» как о выражении, с одной стороны, незрелости экономической мысли различных революционеров предшествующего периода, с другой — как экономической необоснованности и неподготовленности всевозможных революционных «попыток», «вызовов на революцию» и т. д. Приводим текст соответствующего места «Первого письма»: «Ни одной строящей, органической мысли мы не находим в их (т. е. — мелко-

буржуазных революционеров 1848 г. плюс Бакунин. — Я. Ч.) завете, а экономические промахи не косвенно, как политические, а прямо и глубже ведут к разорению, к застою, к голодной смерти.

См. об этом также «Литературное наследство», т. 61, стр. 151—204.

«МУЖИЧКАМ»

¹ Печатается по экземпляру листовки, находящемуся в ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 63, л. 54. Впервые воспроизведено в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 587 и 590. Принадлежность Огареву установлена по сопоставлению с другими его агитационными выступлениями, относящимися к 1869—1870 гг. Листовка примыкает к ним по стилю, словарю и содержанию. Датируется на следующем основании: листовка впервые была зарегистрирована в III отделении 14 августа 1869 г. при перлюстрации заграничных писем. (ЦГИАМ, ф. 109, 3-ья эксп., 1869 г., № 110, ч. 2, л. 165.) Поскольку перлюстрация и регистрация женевских листовок происходили обычно спустя семь-десять дней после их напечатания, следует считать, что писал Огарев свою листовку в конце июля — начале августа 1869 г.

«ВСТРЕЧА

(Посвящено духовенству)»

¹ Печатается по рукописи Огарева, сверенной с корректурным оттиском, исправленным автором. И автограф, и гранки находятся в ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 31. Печатный экземпляр листовки хранится в ЦГИАМ. Воспроизведено в «Литературном наследстве», т. 61, 1953, стр. 590—592. Листовка Огарева была выпущена в Женеве для нужд агитационной кампании 1869—1870 гг.; 8 октября 1869 г. зарегистрирована в III отделении при перлюстрации пакетов с воззваниями (ЦГИАМ, ф. 109, 3 эксп., № 110, ч. 3, л. 80). Огарев, следовательно, работал над листовкой в 20-х числах сентября.

Ср. листовку с воззваниями «К духовенству» («Литературное наследство», т. 61, стр. 593) и «Сельскому духовенству». («Литературное наследство», т. 41—42, стр. 142—144.)

«НАПУТСТВИЕ

(Научите немудрых!)

¹ Печатается по экземпляру листовки, найденному в «пражской коллекции» Герцена — Огарева, ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 63. Воспроизведено в «Литературном наследстве», т. 61, стр. 592—593.

Принадлежность Огареву устанавливается двумя признаками: тема прозаического текста занесена в записную книжку Огарева в следующем виде: «...научите немудрых. Это, впрочем, не значит учить подлецов, которых никогда и ничему не научишь. А научите немудрых и за это жизнь положите». (ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 44, л. 43 об. Карандашная запись 1866 г.) Второй признак — принадлежность Огареву стихотворения «Напутствие», напечатанного на обороте того же

листка в несколько измененной по сравнению с ранее известной редакции. Время написания устанавливается на основании следующих соображений: листовка, отпечатанная в Женевской типографии, была разослана по России в конвертах вместе со стихотворением-листовкой «Студент», подписанной именем Огарева, 6 октября 1869 г. была задержана на почте и зарегистрирована в III отделении. (См. ЦГИАМ, ф. 109, д. 3 эксп., 1869 г., № 110, ч. 3, л. 76.)

Следовательно, Огарев работал над листовкой в конце сентября 1869 г.

«ЧТО Ж БРАТЦЫ!»

¹ Печатается по тексту прокламации, выпущенной Женевской типографией в конце 1869 г. Впервые задержана в транспорте нелегальных изданий 11 января 1870 г., на границе. Находилась в пачке с надписью «Военные, для солдат». Впервые перепечатана в публикации Е. Н. Кушевой «Революционные прокламации Женевской типографии 1869—1870 гг.». («Литературное наследство», т. 41—42, стр. 139—140.)

² Ср. с брошюрой «В память людям 14 декабря 1825» (см. настоящее издание, т. I, стр. 782), с листовками 1863 г. «Братья солдаты! Одумайтесь — пока время», «Братья солдаты! Ведут вас бить поляков» (настоящий том, стр. 100—105), с воззванием 1861 г. «Что надо делать войску» (см. настоящее издание, т. I, стр. 548) и, наконец, с листовкой-стихотворением 1870 г. «Размышления русского унтер-офицера перед походом» («Стихотворения и поэмы», т. I, 1937, стр. 257).

«ОТ ДЕДУШКИ ВНУЧКУ»

¹ Печатается по черновому автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VI. 39. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 41—42, М. 1941, стр. 65—66. Печатаемый текст является вероятнее всего не письмом в строгом смысле слова, а наброском статьи в форме письма.

Обращено, повидимому, к С. Г. Нечаеву, которого Огарев неоднократно называл в переписке «внучком».

² О том, что восстание в России необходимо должно начаться на востоке и юго-востоке страны, Огарев пишет также в третьем ответе на статью Герцена «Между старичками». (См. в настоящем томе, стр. 224.)

«БУДУЩНОСТЬ

(Посвящается памяти А. Герцена)

¹ Листовка, выпущенная Огаревым около 16 апреля 1870 г. Содержание листовки тесно связано со статьей Огарева «Памяти Герцена», одновременно (16 апреля) опубликованной в «Колоколе». (См. настоящее издание, т. I, стр. 797.) Текст печатается по экземпляру, хранящемуся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Листовка подписана: Н. Огарев. Автограф «Будущности» хранится в ЦГАЛИ.

² Эпиграф — двустроичие Огарева, находящееся в автографе в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VII. 3, записная книжка № 37, л. 3.

³ Выдержка из предисловия Герцена к листу I «Колокола» от 1 июля 1857 г. является в свою очередь повторением начала предисловия к «Полярной Звезде» (кн. 1, 1855 г.).

⁴ Речь идет о статье «Памяти Герцена».

⁵ Речь идет о Петре Алексеевиче Мартыанове. (См. настоящее издание, т. I, стр. 846.)

⁶ Возможно, что в шестом и седьмом пунктах Огарев уступил настойчивым требованиям Бакунина и Нечаева, выступавшим против всякой государственности, против централизованного государства и регулярной армии.

«ИМПЕРИЯ»

¹ Печатается по автографу, сохранившемуся в «пражской коллекции» Герцена — Огарева (ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 38, л. 27—31). Представляет собой начало передовой статьи, напечатанной без подписи в последнем номере «Колокола» за 1870 г. (№ 6 от 9 мая, на этом номере издание прекратилось). Статья является, таким образом, последним, известным нам публицистическим выступлением Огарева в русской печати. Время написания статьи — вторая половина апреля 1870 г., когда готовились 5 и 6 номера «Колокола» (см. публикацию «К истории «нечаевского» «Колокола», «Литературное наследство», т. 61, стр. 550—553).

² Статья не окончена. В «Колоколе» напечатано: продолжение следует. Однако продолжения в бумагах Огарева разыскать не удалось. Принадлежность статьи Огареву ранее не была известна и установлена благодаря найденному автографу.

«ПРОГРАММЫ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ЖУРНАЛА»

¹ Программы печатаются по черновым автографам, сохранившимся в записных книжках ОРГБЛ, ф. Г. — О. VII. 3, записная книжка № 37, л. 21 об., 21, 20 об., 20, 19 об., 19 («Община или русская община»); ОРГБЛ, ф. Г. — О. VII. 4, записная книжка № 10, л. 28 об., 27 об., 26 об., 27 («Русский Восток») и ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 38, л. 51 («Восток»). Опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, стр. 575—576.

Программы датируются довольно точно началом (1—10) июля 1870 г. на основании донесений агента III отделения Романа («издателя Н. В. Постникова»), который оказался участником совещаний относительно нового журнала (см. об этом подробнее «Литературное наследство», т. 61, стр. 576—578).

Программы имеют большой интерес, свидетельствуя, что Огарев даже в период, наиболее тяжелый для него, — после неудачи агитационной кампании 1869—1870 гг., после смерти Герцена — проектировал продолжение революционной пропаганды.

² Это обращение расшифровывается нами следующим образом: буквы Р. Ц. означают «Революционный Центр», «Общество взаимного труда и помощи» — тайное общество, идею организации которого вокруг революционного центра, который по сообщениям Нечаева якобы существовал в России, Огарев развивал в статье «Сплотитесь дружно!» См. настоящее издание, т. I, стр. 802.)

«ЗНАНИЕ И РЕВОЛЮЦИЯ» (Письмо к Озерову)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VII. 8, тетрадь № 32.2, л. 13—16. Впервые опубликовано в отрывках в сборнике «Звенья», т. VI, М. — Л. «Academia», 1936, стр. 395—396; в «Литературном наследстве», т. 39—40, стр. 613—614, затем в исправленном и полном виде в «Записках Отдела рукописей» Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, М. 1951, стр. 169—170.

² Письмо обращено к эмигранту Владимиру Михайловичу Озерову (псевдоним Шаховской). Озеров был рекомендован Герцену и Огареву известным выдающимся революционером Ярославом Домбровским. Озеров избрал Огарева «судьей» в споре, который возник в это время (весной 1874 г.) среди русской революционной эмиграции между «бакунистами» и «лавристами» по вопросу о пропаганде революционных и социалистических идей. Поводом к спору послужила статья П. Л. Лаврова, озаглавленная «Знание и революция», в которой автор требовал от каждого, вступающего в революционное движение, предварительного усвоения научных знаний. Аналогичное требование провозглашалось в программе журнала «Вперед!» (№ 1, 1873 г.). С резкой критикой положений Лаврова выступил П. Н. Ткачев, выпустивший в Лондоне в апреле 1873 г. брошюру «Задачи революционной пропаганды в России (письмо к редактору журнала «Вперед!»)». Огарев, сперва адресуя свои возражения П. Н. Ткачеву (что видно из зачеркнутых мест письма), по ходу изложения стал отвечать обоим, т. е. и Лаврову и Ткачеву, и после этого, переадресовав письмо, вписал в заглавие слова: «письмо к Озерову».

Огарев придавал громадное значение вопросу о языке пропаганды (см. также заметку «После чтения «Знания»», настоящий том, стр. 248). Огарев продолжал полемику о языке пропаганды с П. Л. Лавровым и в личной с ним переписке (см. напр. письма Огарева к Лаврову, настоящий том, стр. 547, 551, 553. Ответные письма Лаврова опубликованы в т. 62 «Литературного наследства»).

«ОТНОШЕНИЯ РАБОТНИКА И ХОЗЯИНА»

¹ Печатается по копии С. А. Переселенкова, сверенной с частью автографа, хранящегося в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VII. 12, тетрадь № 32. 1, л. 24. Набросок послылся П. Л. Лаврову одновременно с письмом, датированным 3 сентября 1875 г., чем определяется приблизительно время работы Огарева над этой темой. (См. «Звенья», т. VI, стр. 389—390.)

Заметка предназначалась для «Вперед!», но в газете помещена не была. Впервые опубликовано в «Звеньях», т. VI, стр. 390—392.

«ПОСЛЕ ЧТЕНИЯ «ЗНАНИЯ»

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VII. 11, тетрадь 25, л. 47—49. Впервые опубликовано в «Звеньях», т. VI, 1936, стр. 392—393. Заметка была послана Огаревым П. Л. Лаврову при письме от 10 сентября 1875 г. (См. настоящий том, стр. 549.)

² «Знание» — научный журнал, выходивший в Петербурге в 1870—1877 гг. Статьи Карла Преля «Борьба за существование в

небесном пространстве» и Р. А. Проктора «Прошедшее и будущее нашей земли» были опубликованы в журнале «Знание» № 1—3 за 1875 г.

³ О споре по вопросу о языке пропаганды см. примечание 2 к статье «Знание и революция».

⁴ Лавров в письме от 12 сентября 1875 г. писал Огареву: «Постараюсь поместить статеюку в одном из ближайших номеров». (См. «Литературное наследство», т. 62, 1955, стр. 290.) Однако статья Огарева в газете «Вперед!» помещена не была.

⟨«ПОСЛЕДНЯЯ ЗАПИСЬ»⟩

¹ Печатается по автографу, находящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VII. 12, тетрадь № 32.2, л. 12—13. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, стр. 354—355. Запись сделана за шесть дней до предсмертного заболевания Огарева и является, насколько известно, последним его автографом.

РАЗДЕЛ II ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА

К письму № 1
(см. стр. 253)

¹ Печатается по автографу, находящемуся в деле III отделения «О лицах, певших в Москве пасквильные стихи» (ЦГИАМ, ф. 109, III отд., 1 эксп., 1834 г., № 239, приложение № 84, л. 141—142). Датируется 1832 г. на основании упоминания в тексте о трехмесячном отсутствии Огарева из Москвы. Трехмесячным отпуском Огарев пользовался только в 1832 г.

Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 706—709.

² Речь идет о книге: Damiron, Essai sur l'histoire de la Philosophie en France au dix-neuvième siècle, Paris 1828. (Дамирон, Очерк истории философии во Франции в девятнадцатом веке, Париж 1828.)

³ Книга Ахилла Мюрата, сына маршала наполеоновской армии, «Lettres sur les Etats-Unis à un de mes amis d'Europe» («Письма о Соединенных Штатах к одному из моих друзей в Европе») вышла в 1830 г.

⁴ Книга Фенимора Купера «Впечатления об американцах, собранные путешествовавшим холостяком» вышла в 2 томах в 1828 г. на английском языке, в Филадельфии. В том же и следующем годах переиздана также на английском языке в Англии и Германии.

⁵ Огарев поздравляет Герцена с окончанием двух его работ: 1) частью перевода, частью изложения книги французского философа-эклектика В. Кузена «Rapport sur l'état de l'instruction publique dans quelques pays de l'Allemagne». Paris 1832. («О состоянии народного просвещения в некоторых немецких государствах», Париж 1832.); 2) перевод какой-то книги или статьи немецкого философа-гегельянца Людвига Михелета. Обе работы Герцена света не увидели. Первая из них в виде отпечатанных листов была захвачена жандармами при аресте Герцена в июле 1834 г. и фигурировала при следствии. Позднее эти печатные листы из следственного дела исчезли и остаются неизвестными.

⁶ *Пассеки* — Вадим Пассек, его семья.

⁷ *Диомид* — Д. В. Пассек, брат Вадима, близкий к кружку Герцена — Огарева.

⁸ *Миша* — М. П. Носков, до своего отъезда в Петербург, в 1832 г., — один из ближайших к Герцену и Огареву участников кружка.

⁹ *Евгений* — Е. В. Пассек, старший из братьев Пассеков.

¹⁰ Книга Лерминье, упоминаемая Огаревым, вышла в 1831 г.

¹¹ *Карл Иванович Зоненберг* — воспитатель Огарева.

¹² *Степан Булатов* — крепостной приказчик отца Огарева.

¹³ *Николай Михайлович Сатин* — один из ближайших друзей Огарева, член кружка Герцена — Огарева.

К письму № 2

(см. стр. 257)

¹ Печатается по автографу, находящемуся в ЦГИАМ, ф. 109, III отд., 1 эксп., 1834 г., № 239, приложение № 87, л. 8—9. Датируется на том же основании, что и первое, 1832 г. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 710—712.

² Речь идет о столкновении Герцена с выдающимся профессором Московского университета Михаилом Григорьевичем Павловым. См. о столкновении с Павловым в письме Герцена к Т. П. Пассек от июня или июля 1833 г. (*А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. I, стр. 109—110.)

³ Имеется в виду Дмитрий Павлович Голохвастов, назначенный в ноябре 1831 г. помощником попечителя Московского университета. (См. *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XIII, стр. 174—176.)

⁴ *Гарвей Бирк* — герой весьма популярного в то время романа Ф. Купера «Шпион».

⁵ Речь идет о Петре Александровиче Иовском, адъюнкт-профессоре по кафедре права в Московском университете.

⁶ Вероятно, парафраза строки Гете из посвящения к «Фаусту» — «Ihr habt euch wieder, schwankende Gestalten» («Вы снова здесь, изменчивые тени». Перевод Б. Л. Пастернака).

⁷ *Т. П.* — Татьяна Петровна Кучина, вышедшая замуж за В. В. Пассека.

⁸ *А. Н. Савич* — член кружка Герцена, впоследствии крупный русский ученый-астроном.

К письму № 3

(см. стр. 260)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VIII. 3. Впервые напечатано в журнале «Русская мысль», 1888, кн. VII, стр. 4—6 с существенным искажением текста. В исправленном виде перепечатано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 713—714. Датируется на основании указания Герцена на то, что это письмо написано в 1833 г. (См. *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XII, стр. 70.)

² Герцен в «Былом и думах» (глава «Ник и Воробьевы горы»), привел часть настоящего письма (от слов «Выехал я...» до слов «...а на душе темно, темно»). См. *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XII, стр. 75.

³ Речь идет о неизвестном произведении Огарева.

⁴ Оратория московского композитора Франца Ксавера Гебеля на слова Огарева упоминается во многих письмах последнего. В юношеских бумагах Огарева, захваченных полицией в 1834 г., сохранился неопубликованный стихотворный текст на немецком языке, озаглавленный «Die Weltgeister» («Мировые духи», черновой автограф Огарева). Весьма вероятно, что это вариант той же оратории, только иначе озаглавленной. В 1840 г. Огарев вновь готовил либретто для Гебеля.

⁵ «Тоска по отчизне» — неизвестное ни в печати, ни в рукописи стихотворение Огарева.

⁶ Последняя фраза приведена Герценом в «Былом и думах» в качестве эпиграфа к главе «Ник и Воробьевы горы». (См. *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. XII, стр. 70.)

К письму № 4

(см. стр. 262)

¹ Печатается по архивной копии, хранящейся в ЦГИАМ, ф. 109, III отд., 1 эксп., 1834 г., № 239, приложение № 84, л. 305—306, сверенной с подлинником, хранящимся в Московском областном архиве. Впервые опубликовано в журнале «Голос минувшего» № 1—4, 1919 г., стр. 68—69. Датируется 1833 г., так как является ответом на письмо Герцена от 24 июня 1833 г. (См. Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. XXII, стр. 3—5.)

² Имеется в виду член кружка Герцена — Огарева Алексей Козьмич Лахтин. См. о нем в воспоминаниях Огарева «Кавказские воды», настоящее издание, т. I, стр. 398—399.

³ Огарев крайне отрицательно относился к чиновничье-помещичьей среде, окружавшей его в доме отца, и тяготился необходимостью общаться с этими людьми. В этот период — около 23 июля — Огарев писал:

И люди на людей здесь не похожи:
Какие отвратительные рожи

.....
О боже, боже! сжался надо мною, —
Мученье жить мне с этою толпою, —
А пуще сжался ты над ней самой
И над ее уродливой душой.

(*Н. П. Огарев*, Стихотворения и поэмы, 1938, т. II, стр. 348)

⁴ Строки из стихотворения Рылеева «Стансы» к Александру Бестужеву (1824—1825). Цитата неточная.

⁵ Неожиданная смерть дочери Гебеля, причиной которой, по видимому, было самоубийство. Студента Почеку, который был близок к покойной, обвиняли в том, что он дал ей яд. Происшествие это крайне взволновало всех членов кружка Герцена — Огарева.

⁶ *Ив. Оболенский* — студент, друг Почеки, защищал и оправдывал его поведение.

⁷ О чем идет речь, неизвестно.

⁸ Герцен сдал последний университетский экзамен 22 июня 1833 г., а 30 июня был утвержден кандидатом отделения физико-математических наук.

⁹ Книга французского историка Жюль Мишле «Histoire romaine: République» («Римская история: Республика») вышла в Париже в 1831 г.

«Крестовые походы» — семитомный труд французского историка Жозеф-Франсуа Мишо, опубликованный в 1812—1822 гг. в Париже под заглавием «Histoire des croisades».

¹⁰ Отвечая на это письмо, Герцен писал 19 июля 1833 г.: «Ты прав, Saint Simonisme имеет право нас занять. Мы чувствуем (я тебе писал это года два тому назад и писал оригинально), что мир ждет обновления, что революция 89 года ломала — и только, но надобно создать новое, *палингенезическое* время, надобно другие основания положить обществам Европы; более права, более нравственности, более просвещения. Вот опыт — это S. Sim[on]. Я не говорю о нынешнем упадке его, таковым я называю его религиозную форму (P. Enfantin etc.). Мистицизм увлекает всегда юную идею. Возьмем чистое основание христианства. Как оно изящно и высоко; посмотри же на последователей — мистицизм темный и мрачный». (См. А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. I, стр. 117.) Огарев дал развернутую критику мистических элементов сенсимонизма в «Частных письмах об общем вопросе», посвятив этой критике целиком письмо № 4. (См. настоящее издание, т. I, стр. 719 и сл.)

¹¹ План чтения исторической и философской литературы, предложенный Огаревым, встретил возражения Герцена: «Рецепт твой для чтения мне несистематичен, и потому дозвольте не совсем ему следовать» (А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. I, стр. 118).

¹² Об отношении Огарева к Кузену и его философии «эклетицизма» см. ниже, в письме № 6 и в примечании 5 к нему.

¹³ Неточно цитированные строки из стихотворения Гете «Знаток и энтузиаст»

«Ach Herre Gott, ach Herre Gott,
Erbarm' dich doch des Herren!»
«Ах боже мой, ах боже мой,
Будь сударю судьей».

(Перевод Н. Вильмонта)

К письму № 5
(см. стр. 264)

¹ Печатается по автографам, находящимся в двух разных хранилищах: первая часть, датированная 29 июля 1833 г., находится в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VIII. 5, л. 1—2; вторая часть, датированная 30 июля, — в ЦГИАМ, ф. 109, III отд., 1 эксп., 1834 г., д. № 239, приложение № 84, л. 137—138. Первая часть как самостоятельное письмо была опубликована в журнале «Русская мысль», кн. VII, 1888, стр. 8—10. Письмо полностью впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, стр. 715—717. Датируется 1833 г., так как является ответом на письмо Герцена от 19 июля 1833 г. (См. А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. I, стр. 117—118.)

¹ Письмо А. К. Лахтина к Огареву от 28 июля 1833 г., посвященное вопросам философии истории, не опубликовано, хранится в ЦГИАМ.

² Следственная комиссия усмотрела в этом отзыве Огарева о знаменитой драме Ф. Шиллера свидетельство о наличии царевубийственных замыслов в кружке. Письмо в отчеркнутой части было предъявлено Огареву, Герцену и другим арестованным с требованием объяснений подсудимых по этому вопросу.

³ Письма Огарева А. К. Лахтину и В. В. Пассеку по вопросам философии истории неизвестны.

К письму № 6

(см. стр. 267)

¹ Печатается по тексту, сообщенному М. К. Лемке в статье «Очерки жизни и деятельности Герцена, Огарева и их друзей», журнал «Мир Божий» № 1, 1906 г., стр. 62—63. Местонахождение подлинника в настоящее время неизвестно. Датируется по письму Герцена от 1—2 августа 1833 г.

² *Чертково* — деревня в Пензенской губ., принадлежавшая П. Б. Огареву.

³ Письмо от 1—2 августа 1833 г. См. А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. I, стр. 120—122.

⁴ Строки из первой части поэмы Рыльева «Войнаровский».

⁵ Огарев в 1832 г. переводил предисловие Кузена к «Истории философии» Теннемана и даже напечатал свой перевод в «Телескопе» (1832 г., № 20). В 1833 г. он уже резко осуждает Кузена за его эклектизм.

⁶ Речь идет о плане чтения, предложенном Герцену профессором Ф. Л. Морошкиным. Этот план изложен в письме Герцена от 1 августа 1833 г. (См. А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. I, стр. 121.)

К письму № 7

(см. стр. 268)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ЦГИАМ, ф. 109, III отд., I эксп., 1834 г., № 239, приложение № 84, л. 135—136. На письме имеется почтовый штемпель: «29 августа 1833. Пенза». Письмо начато 26 августа и окончено 28-го. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, стр. 717—718.

² См. примечание 13, к письму № 4.

³ Как показал Огарев при допросе в Следственной комиссии, речь здесь идет о полученном им известии об учреждении над ним секретного надзора (за сношения с сунгуровцем Я. Костенецким).

⁴ Строки письма от слов «Что все труды мои...» до слов «...он утопал в наслаждениях» подчеркнуты карандашом следователя.

К письму № 8

(см. стр. 270)

¹ Печатается впервые по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. М. 5185. 17, № 7. Датируется по совокупности данных, приблизительно летом 1835 г. В статье П. В. Анненкова цитировано. (См. «П. В. Анненков и его друзья», Спб. 1892, стр. 39—40.)

² Имеется в виду «История французской революции» Адольфа Тьера.

³ Герцену.

⁴ Лахтину.

⁵ Н. И. Сазонов.

⁶ О каких «Вадимовых условиях» (Вадим — В. В. Пассек) говорит Огарев, неясно.

⁷ *Моисей* (в дальнейших письмах «Moses») — сын екатеринославского помещика Моисей Моисеевич Иваненко, малоизвестный член студенческого кружка Герцена — Огарева. Позднее служил в Одессе, в канцелярии генерал-губернатора. В 1835 г. переехал в Москву.

⁸ *Киньдьяков* (правильное начертание Киндяков), Николай Михайлович, р. 1813 г., товарищ Огарева по университету, окончил в 1834 г. словесное отделение.

⁹ *Топорнин* Алексей Никанорович — студент, привлекался по делу Сунгурова, был освобожден, понеся незначительное взыскание. Умер в тридцатых годах.

К письму № 9

(см. стр. 272)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г.—О. VIII. 7. Впервые опубликовано в журнале «Русская мысль», 1888, кн. IX, стр. 3—5 с неверным отношением к 1836 г. Является первым письмом Огарева к Герцену из ссылки.

² Это письмо Герцена неизвестно.

³ Речь идет об отзыве Федора Лукича Морошкина об Н. П. Огареве (см. этот отзыв: *Т. П. Пассек*, Воспоминания, т. 1, стр. 265).

⁴ Слова «едешь ты или нет» означают, что у ссыльных были, вероятно, какие-то планы эмиграции. Ср. с подобным выражением в письме от февраля — марта 1837 г., опубликованном в журнале «Русская мысль», кн. IX, 1888, стр. 5—6.

⁵ Повидимому, Н. И. Сазонов.

⁶ «Moses» — прозвище Моисея Моисеевича Иваненко — см. примечание 7 к письму № 8.

⁷ «Хромоногий» — Николай Михайлович Сатин, прихрамывавший от тяжелой формы ревматизма, обострившегося во время содержания под арестом.

⁸ *Alexis* — Лахтин, А. К.

⁹ *Зонберг* — Карл Иванович Зонненберг уехал к Герцену в Вятку,

К письму № 10

(см. стр. 274)

¹ Печатается впервые по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. М. 5185. 17, № 1. Выдержки из письма приведены П. В. Анненковым. (См. «П. В. Анненков и его друзья», Спб. 1892, стр. 50.)

² Письма Кетчера этого периода к Огареву не сохранились.

³ В Симбирске Сатин навлек на себя различные преследования. Симбирский жандарм доносил в III отделение, что Сатин бегает в карточных клубах, сошелся с «неблагонадежными» людьми и распространяет карикатуры на «высших лиц» в губернии.

⁴ О ком идет речь, установить не удалось. Повидимому, это же лицо Огарев обозначил ниже инициалом «К».

⁵ См. примечание 4.

⁶ Оставшись на свободе в Москве, член кружка Н. Х. Кетчер принял участие в журналах «Телескоп» и «Московский наблюдатель» (последний был основан именно в 1835 г.). Разгром кружка Герцена—Огарева последовал как раз после запрещения представленного ими плана журнала (см. первый набросок плана в Полном собрании сочинений и писем А. И. Герцена, под ред. М. К. Лемке, т. 1, стр. 135, 137). Огарев в настоящем письме восстанавливает и развивает идею создания журнала и продолжает разработку его плана.

⁷ Огарев называл в качестве возможного редактора поэта А. Тимофеева, пользовавшегося довольно значительной популярностью. Позднее после появления статьи Белинского, ему посвященной, он быстро ее утратил.

⁸ Этот инициал может быть расшифрован и как Сатин и как Соколовский. Лемке указывает, что в деле Сатина нет никаких следов ответа, подобного тому, о котором пишет Огарев; не следует ли предположить, что речь идет о Вл. И. Соколовском?

⁹ *Путешественник* — Н. И. Сазонов, уехавший за границу.

¹⁰ И. — Иваненко Моисей Моисеевич — см. примечание 7 к письму № 8.

К письму № 11

(см. стр. 277)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г.—О. VIII. 8. Выдержки приведены у П. В. Анненкова («П. В. Анненков и его друзья», Спб. 1892, стр. 58). Впервые полностью опубликовано в «Записках отдела рукописей» Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, 1951, в. 12, М. 1951, стр. 179—186. При публикации датировано: «Осень 1836 г.». В качестве адресата письма в введении к публикации указаны «А. И. Герцен и московские друзья». Это несомненная ошибка. Слова «Эскандер! Где ты? что ты? ты не прислал бы издалека такого убийственного послания...» не есть обращение к Искандеру-Герцену, как полагает публикатор, а риторический прием, укор друзьям именем Герцена, который не поступил бы так, как поступили они. Письмо адресовано Н. Х. Кетчеру и другим московским друзьям. Сохранилось оно не в бумагах Герцена, а в бумагах Кетчера.

Дата письма определяется приблизительно — конец 1836 г. (может быть, и начало 1837 г.).

² Весь цикл из четырех стихотворений, открывающих письмо, рисует столкновение Огарева с друзьями. Они обвинили Огарева после его женитьбы в измене ради эгоистического счастья делу, которому должна быть посвящена их жизнь. «Она», упоминаемая в стихах, М. Л. Огарева, которая, как представлялось Огареву, войдет в круг друзей, разделяя их лучшие стремления.

³ «Убийственное послание» друзей не сохранилось. Оно, вероятно, было уничтожено Огаревым вместе с другими письмами друзей в конце 1840 или начале 1841 г. из опасения, что бумаги попадут в руки жандармов.

⁴ «Отрывки заключений» не дошли до нас.

⁵ Сатин, возвращаясь в Симбирск с Кавказских минеральных вод, куда он был отпущен с мая до октября 1836 г., заехал по пути к Огареву.

⁶ «Третий лист» в данной рукописи начинается словами «Наконец получил! Благодарю друг...» и не носит заголовка «Взгляд и нечто», которым Огарев обозначал нередко переход от текущих тем переписки к общим вопросам. Некоторыми исследователями (Н. Г. Таракановым, М. Я. Поляковым и др.) высказывалось предположение, что «Третий лист» не является частью данного документа и должен рассматриваться как самостоятельное письмо. Не располагая пока необходимыми данными для решения этого вопроса, оставляем текст в том виде, в каком он хранится и в каком он был опубликован ОРГБЛ (см. ниже, примечание 10).

⁷ О ком идет речь, неизвестно.

⁸ Пензенский врач, повидимому, действительно вскоре уехавший. В дальнейшей переписке Огарева имя его не встречается.

⁹ Вскрывая какой-то намек, не понятый друзьями в одном из предыдущих писем, Огарев разъясняет, что его постоянные заявления об отсутствии людей, способных разделить политические стремления и идеи его и его друзей, относятся не только к пензенской среде, а вообще к дворянскому обществу.

¹⁰ Начало текста, находящегося на «Третьем листе».

¹¹ Спор о роли аристократии в русском революционном движении велся в кружке между Н. И. Сазоновым, Н. Х. Кетчером и Н. П. Огаревым зимой 1836—1837 гг.

¹² Огарев касался вопроса о роли выходцев из среды аристократии в движении декабристов, а также в освободительном движении последующего периода и в более ранних и в более поздних письмах. Так, он писал о значении третьего сословия в письме к Н. Х. Кетчеру летом 1835 г. (см. выше стр. 270), а в письме к нему же от 26 апреля 1837 г. писал, что в вопросе об аристократии переменял свое мнение и переходит «на сторону путешественника», т. е. Н. И. Сазонова. Сазонов же пропагандировал союз между дворянством и третьим сословием в целях борьбы с самодержавием.

¹³ В. В. Пассек задумал издание исторического журнала и собирал материал для него в 1836 г. Он в это время совершал отход к консервативным взглядам. Друзья от Пассека отвернулись.

К письму № 12

(см. стр. 286)

¹ Печатается впервые по автографу, находящемуся в ОРГБЛ, ф. М. 5185. 17, № 4. Датируется 1837 г., 26 апреля — по упоминанию в тексте дня женитьбы: «сегодня ровно год моей женитьбе».

² *Анфантен* (в начертании Огарева — *Енфантен*) — père suprême (верховный отец) общины сенсимонистов.

³ Ср. с письмом № 11, где Огарев подробно аргументирует свое отрицательное отношение к аристократии. Путешественник — Н. И. Сазонов.

⁴ Летом 1837 г. Огарев отправился в Рязанскую губ., в село Верхний Белоомут, где провел около двух месяцев.

⁵ Вероятно, речь идет о М. Д. Ховриной.

⁶ Две тетради из трех, излагающих философскую «систему» Огарева, были посланы Кетчеру; рукописи эти до нас не дошли, за исключением отрывков.

К письму № 13

(см. стр. 287)

¹ Печатается впервые по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. М. 5185. 17, № 3. Выдержки приведены П. В. Анненковым (см. «Анненков и его друзья», Спб. 1892, стр. 45). Датируется по двум признакам времени: 1) по упоминанию поездки Сатина на Кавказ для лечения ног — разрешение на эту поездку было дано 31 марта 1837 г., 2) «А я в июле приеду в Рязанскую губ.», Огарев имеет в виду полученное 5 марта 1837 г. дозволение отлучаться из Пензы в принадлежащие ему в других губерниях имения (см. ЦГИАМ, ф. 109, III отд., I эксп., 1834 г., № 239, ч. 8, л. 6). Поездка Огарева в рязанское имение Верхний Белоомут действительно состоялась в 1837 г.

² Николай Михайлович Сатин.

К письму № 14

(см. стр. 289)

¹ Печатается впервые по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. М. 5185. 17, № 10. П. В. Анненковым цитируется (см. «П. В. Анненков и его друзья», Спб. 1892, стр. 42, 58, 73—74). Надпись вверху листа «Тебе» сделана для различения и означает, что одновременно посылалось другое письмо, адресованное «Ему», т. е. Герцену. Огарев из осторожности не написал фамилии Кетчера, так как через его посредство посылалось письмо к ссыльному другу. Датируется по следующим признакам. Упоминание об отпуске на волю семей Ракитиных и Карташевых, крестьян села Верхний Белоомут, должно относиться к 1837 г., так как летом этого года Огарев впервые получил возможность в годы ссылки посетить это село и подготовить отпуск многих крепостных на волю еще при жизни отца, о чем упоминается в самом тексте письма.

² Тирада, которую имеет в виду Огарев, заключает первый абзац письма.

³ *Жозеф Дежерандо* — французский философ-эклектик. В двадцатых годах XIX в. в русских журналах были переведены некоторые его статьи. (См., например, «Сын отечества», ч. 104 (1825 г.) и 117 (1828 г.)

⁴ О планах экономической и индустриальной деятельности Огарев пишет и в письме к Герцену от октября 1837 г., опубликованном в журнале «Русская мысль», кн. IX, 1888 г., стр. 7—10. Планы эти возникли у Огарева в связи с согласием отца и разрешением отлучаться из места ссылки для управления «имениями в разных губерниях», которое было дано III отделением в марте 1837 г.

⁵ К Герцену — см. это письмо в журнале «Русская мысль», 1888, кн. IX, стр. 7—10.

⁶ Полное название книги Маттея: «*Histoire des doctrines morales et politiques des trois derniers siècles*», Paris 1836—1837, в трех томах. Вторая из названных книг принадлежит Арману Каррелю — французскому журналисту, участнику июльского восстания, республиканцу. Название книги, о которой идет речь, «История контрреволюции в Англии».

⁷ Повидимому, до Огарева дошли неверные сведения — Фелисите Ламеннэ, порвавший с католицизмом и сбросивший рясу после своей книги «*Paroles d'un croyant*» («Слова верующего»), осужденной папой, в лоно католицизма более не возвращался.

⁸ *Ракитин Петр Иванович и Карташев Фаддей Семенович* — бело-омутовские крестьяне, освобождения которых от крепостной зависимости вместе с семьями Огарев добился в 1837 г.

⁹ *Николай Алексеевич Полевой* — с января 1838 г. приступил к редактированию журнала «Сын отечества». Осенью 1837 г. В. Г. Белинский также обдумывал возможность переезда в Петербург, чтобы сотрудничать с Полевым. (См. В. Г. Белинский, Письма, Спб. 1914, т. 1, стр. 154.)

¹⁰ «Mourga» — роман Жорж Санд, напечатанный в 1837 г. в журнале «Revue des deux Mondes».

К письму № 15

(см. стр. 292)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г.—О. VIII. Впервые опубликовано в журнале «Русская мысль», 1888, кн. IX, стр. 10—12. Датируется концом апреля 1838 г. на основании следующего: с одной стороны упоминается предстоящая поездка на Кавказ, которая состоялась в мае 1838 г.; письмо написано до 9 мая 1838 г. — дня женитьбы Герцена на Н. А. Захарьиной — Огарев называет Наталью Александровну «будущей сестрой»; с другой стороны, о разрешении Огареву поездки к Минеральным Водам III отделение сообщило в Пензу 16 апреля 1838 г.

² «Некий сатрап» — пензенский губернатор А. А. Панчулидзе. Действительно, в 1837—1838 г. Панчулидзе усиленно хлопотал об Огареве перед III отделением. 12 января 1837 г. он ходатайствовал перед Бенкендорфом о производстве Огарева за выслугу лет в следующий чин; 23 февраля 1838 г. хлопотал об отпуске на Кавказ на четыре месяца; 2 марта — новое ходатайство о снятии надзора и разрешении Огареву «жить и служить там, где он пожелает». Все эти ходатайства вызывали всеподданнейшие доклады Бенкендорфа и были удовлетворены, за исключением последнего. (См. д. III отд., 1 экз., 1834 г., № 239, ч. 8, л. 1—17.)

³ Строфа из стихотворения Шиллера «Sehnsucht» («Желание»), перевод В. А. Жуковского.

⁴ Изложение «системы» Герцена до нас не дошло.

К письму № 16

(см. стр. 294)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г.—О. VIII. 12. Впервые опубликовано в журнале «Русская мысль», 1888, кн. IX, стр. 12—16. Датировать точно не представляется возможным. По связи с письмом № 15 должно быть отнесено к 1838 г. Уверенное упоминание предстоящего вскоре свиданья («скоро увидимся»), фактически состоявшегося 15 марта 1839 г. во Владимире, позволяет отнести дату также к началу 1839 г. На подлиннике имеется помета А. И. Герцена: «1838», почему мы и датируем письмо: «конец 1838 г.».

² «Система» Герцена, как указывалось уже, до нас не дошла. Интересно предложение напечатать «систему» за пределами николаевской России. Повидимому, это первое упоминание в переписке друзей о возможном отъезде из России ради деятельности во имя освобождения родины.

⁸ Далее в письме следует выписка на немецком языке из «Лекций по эстетике» Гегеля:

«И точно так же монархи нашего времени больше уже не представляют собою, подобно героям мифической эпохи, некоей *конкретной* в себе вершины целого, а являются лишь более или менее абстрактным центром внутри уже самостоятельно развитых и установленных законом и конституцией учреждений». (Гегель, Соч., т. XII, 1938, стр. 197.)

К письму № 17

(см. стр. 299)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в отделе Рукописей Института русской литературы Академии наук СССР, Ленинград. (В дальнейшем именуется «ИЛИ (Пушкинский Дом)», в фонде Л. Б. Модзалевского, ПД, ф. 187, № 147. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 853—855.

² N — Н. Х. Кетчер.

³ Огарев ошибся в подсчете. Очевидно, переписывая с черновика, он пропустил какие-то данные. Действительная сумма — 1 073 000 руб. асс., а не 872 000, как она записана Огаревым.

⁴ Задача, поставленная перед собою Огаревым, состояла в следующем. Крестьян Верхнего Белоомута, как села, располагающего богатейшими угодьями, отпустить на волю за выкуп. Выкупные деньги обратить на устройство других имений с переводом крестьян на вольнонаемный труд. Для этой цели Огарев хотел выстроить в деревнях различные фабрики и организовать производства.

⁵ Поэма эта до нас не дошла. Некоторыми исследователями высказывается, однако, предположение, что речь идет здесь о поэме «Царица моря» (имеющей подзаголовок «Литовское предание»).

К письму № 18

(см. стр. 301)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г.—О. VIII. 24. Впервые опубликовано в журнале «Русская мысль», 1888, кн. XI, стр. 9—10. На письме позднейшие пометки, повидимому Герцена, «1840», «1839». Датируется 6 ноября 1839 г. Оказия, о которой Огарев упоминает в начале письма, — Сатин. (В конце письма Огарев говорит: «Пора послать письмо Ritter'у», т. е. Сатину). Н. М. Сатин приехал во Владимир 7 ноября. (См. А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. II, стр. 340), чем и определяется дата письма.

² *Иоганнис* — московский музыкант, дирижер Московского театра, принимал постоянное участие в музыкальных вечерах, устраивавшихся у Огарева.

³ Перечисленные лица — близкие друзья Огарева в тот период — Н. М. Сатин (Ritter), Н. Х. Кетчер (барон), М. Н. Катков, В. П. Боткин, И. П. Галахов.

⁴ 23 ноября — день именин А. И. Герцена.

⁵ 24 ноября — день рождения Н. П. Огарева.

⁶ Дочь А. А. Панчулидзева и Больвиллер — приятельницы М. Л. Огаревой.

⁷ Строфа из «Пуншевой песни» Шиллера.

К письму № 19

(см. стр. 303)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г.—О. VIII. 25. Впервые опубликовано в журнале «Русская мысль» 1888, кн. XI, стр. 11. Датируется точно, так как написано после праздника 24 ноября 1839 г., когда Огареву исполнилось 26 лет.

² Помимо упоминавшихся ранее, здесь среди друзей Огарева названы Клыков — художник-любитель и А. Ф. Богданов — деятель театра. Оба сблизилась с Огаревым зимой 1839/40 г.

К письму № 20

(см. стр. 304)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г.—О. VIII. 29. Впервые опубликовано в журнале «Русская мысль», 1889, кн. I, стр. 5—9. На подлиннике пометка Герцена: «1840». Датируется по упоминанию Менцеля, к которому было привлечено внимание статьей Белинского «Менцель, критик Гете», напечатанной в февральской книжке «Отечественных записок» за 1840 г.

² Письмо Герцена до нас не дошло.

³ Под автобиографией Огарев подразумевает рукопись Герцена «О себе», из которой до нас дошли лишь отрывки.

⁴ Труды Леопольда Ранке (немецкого историка) Огарев предполагал выписать еще в ноябре 1839 г., но отказался от этой мысли. (См. выше, письмо № 18).

⁵ «Поэмка» — поэма «Юмор», над первой и второй частью которой Огарев работал в 1840 и 1841 гг.

⁶ Герцен выехал из Владимира с семьей для переезда в Петербург около 25 марта 1840 г.

⁷ В 1838 г. В. В. Пассек издал книгу первую «Очерки России», написанную в консервативном духе. К ней относится иронический отзыв Огарева.

⁸ Федор Лукич Морошкин.

⁹ Мария Ивановна Сухово-Кобылина.

¹⁰ Евдокия Васильевна Сухово-Кобылина, которой впоследствии, в 1842—1844 гг., Огарев посвятил книгу стихов «Buch der Liebe». Часть стихов опубликована впервые только в 1953 г. (См. «Литературное наследство», т. 61, стр. 604 и далее.)

¹¹ «Вильям Пенн» Герцена — драматическая поэма в стихах.

¹² Иван Павлович Галахов — см. о нем в «Былом и думах» Герцена, т. III, 1932, стр. 375.

К письму № 21

(см. стр. 308)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г.—О. VIII. 36. Опубликовано в журнале «Русская мысль», 1889, кн. IV, стр. 8—12. Полностью публикуется впервые. На подлиннике помета Герцена «1840??». По непосредственной связи с письмом от 20 октября 1840 г. настоящий текст датируется тем же 1840 г.

² Речь идет о двухтомной работе немецкого историка Густава Штенцеля (1792—1854), вышедшей в Лейпциге в 1827—1828 гг. Ее точное название «Die Geschichte Deutschlands unter den Fränkischen Kaisern» («История Германии при франкских королях»).

³ Шутка насчет «четырех читателей», которые остались у «Современника» (журнал редактировался после смерти Пушкина П. А. Плетневым), имела реальное основание. Журнал сделался вялым, серым и скучным и, действительно, потерял читателей. Александр Сергеевич Ширяев, названный последним в перечне Огарева, — крупный московский книгопродавец.

К письму № 22

(см. стр. 314)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г.—О. VIII. 39. Впервые опубликовано в журнале «Русская мысль», 1889, кн. IV, стр. 15—16. На подлиннике пометка А. И. Герцена «Март 1841». Датируется точно, 1 марта 1841 г., по ответу Герцена на настоящее письмо. (См. *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. II, стр. 426.)

² В начале 1841 г. Герцен подвергся новым преследованиям в связи с попавшим в перлюстрацию письмом его к отцу. Царское правительство снова выслало Герцена, на этот раз в Новгород. Волнения в связи с этими событиями вызвали заболевание Натальи Александровны. Между 11 и 20 февраля 1841 г. родился и умер сын Герцена Иван, которого Огарев называет своим крестником. Обо всем этом и говорит Огарев в настоящем письме.

³ На слова одобрения и дружбы Герцен отвечал: «Получил твое письмо с Болг[овским]. — Благодарю. — Ты имеешь власть надо мною. И эта честь принадлежит немногим, а еще меньшим — честь полного сознания с моей стороны, что я им подвластен... Великое дело в нашей жизни — наша дружба и необходимо, без нее мы не совсем мы» (*А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. II, стр. 426.)

⁴ Инициал «Б», по ответу Герцена, расшифровывается: Болговский.

К письму № 23

(см. стр. 315)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г.—О. VIII. 42. Впервые опубликовано в журнале «Русская мысль», 1889, кн. XI, стр. 3—5. После текста письма пометка А. И. Герцена: «С Гал[аховым] 2 сент[ября] 1841, Новг[ород]». Из сопоставления пометки с текстом письма выясняется, что Огарев, отправляя с И. П. Галаховым письма к Герцену, не знал, находится ли еще Герцен в Петербурге или выслан в Новгород. Мы заключаем поэтому (и по содержанию письма), что это первое письмо Огарева к Герцену из-за границы.

² Огареву сначала был выдан заграничный паспорт лишь на шесть месяцев.

³ Буржуазный государственный деятель Англии Джон Рассел, член Палаты общин, глава партии вигов, в 1839—1841 гг. возглавлял Министерство колоний.

¹ Огарев в 1836—1844 г. написал громадное количество писем к М. Л. Огаревой; многие из этих писем представляют значительный интерес, раскрывая внутренний мир их автора и рисуя развитие его теоретической мысли. В настоящем издании даются отрывки из этих писем.

² Автограф этого письма хранится в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VIII. 268. Впервые опубликовано в журнале «Вестник Европы», 1907, кн. X. — Датируется приблизительно.

³ Речь идет о книге «Сущность христианства» («Das Wesen des Christentums») Людвига Фейербаха, изданной в Лейпциге в 1841 г.

⁴ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VIII. 270. Впервые опубликовано в журнале «Вестник Европы», 1907, кн. X. Дается часть письма, помеченная «Четверг. Утро».

⁵ Речь идет о песне Гете «An Liebchen» («Das letzte Rot vom Himmel wich...»), впервые напечатанной в 1841 г. в лейпцигской газете, отсюда ее и переписал Огарев и переслал жене в одном из предыдущих писем.

⁶ Автограф этого письма хранится в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VIII. 276. Впервые опубликовано в журнале «Вестник Европы», 1907, кн. X.

⁷ Отрывки из письма от 14, 25 и 27 декабря печатаются по автографам, хранящимся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VIII. 281, 285 и 286. Впервые напечатаны в журнале «Вестник Европы», 1907, кн. XI.

⁸ *Нейман* — профессор Венского университета; *Ян Дворжечек* (Дворачек — по начертанию Огарева) — выдающийся чешский славист.

⁹ *Итальянский купец* — попутчик Огарева до Вены.

¹⁰ На следующих страницах письма — мелкие бытовые вопросы и стихотворения Огарева «Дорога» и «Кабак».

К письму № 30

(см. стр. 327)

¹ Адресат письма был неизвестен. Подлинник не сохранился. Известна лишь копия, снятая М. Л. Огаревой с печатаемой части письма. Копия хранится в ЦГАЛИ, ф. 359, ед. хр. 75. В описи ошибочно обозначено как письмо к И. П. Галахову и неверно отнесено к 1842 г. Впервые опубликовано в качестве письма к неизвестному в журнале «Русская мысль», 1911, кн. I, стр. 149—151. В настоящем издании печатается по копии М. Л. Огаревой. Адресат письма — Н. М. Сатин. 22 декабря 1841 г. Огарев сообщал в письме к М. Л. Огаревой: «Насчет шеллинговых лекций я завтра напишу Сатину. Прочтешь у него», а 27 декабря писал ей же: «Я все еще не написал к Сатину, сейчас стану писать» (см. «Образы прошлого», М. 1912, стр. 453 и 458). Отсюда видно, что письмо от 27 декабря ст. ст. 1841 г. о Шеллинге, печатаемое нами, обращено к Н. М. Сатину.

² Шеллинг был призван в Берлин прусским королем Вильгельмом IV в 1840 г. для противодействия влиянию левогегельянских идей!

К письму № 31

(см. стр. 329)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VIII. 43. Впервые опубликовано в журнале «Русская мысль», 1889, кн. XI, стр. 5—8. На подлиннике пометка А. И. Герцена: «1 июня 1842 г. Новг[ород]». Из пометки этой следует, что Огарев, приехавший, как известно, к Герцену в Новгород 31 мая 1842 г., видимо, не доверил настоящего письма почте, а вручил лично Герцену на другой день после своего приезда. (О приезде Огарева см. «Дневник» Герцена за 1842 г., записи от 10—11 июня 1842 г., Собрание сочинений, т. II, 1954, стр. 213—214.)

² *Перечел г. Малинов* — т. е. «Патриархальные нравы города Малинова» — часть повести Герцена «Еще из записок одного молодого человека», опубликованной в «Отечественных записках» за 1841 г. Под названием города Малинова описана Вятка.

³ *Трензинский* — в названном выше произведении Герцена — образ человека, в котором «преобладает скептицизм... скептицизм жизни, убитой обстоятельствами, беспредельно грустный взгляд на вещи человека, которого грудь покрыта ранами незаслуженными, человека, оскорбленного в благороднейших чувствах, и между тем человека, полного силы...» (А. И. Герцен, Собрание сочинений, т. I, Изд. Акад. наук СССР, М. 1954, стр. 315.)

К письму № 32

(см. стр. 332)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VIII. 305. Впервые опубликовано в журнале «Вестник Европы», 1907, кн. XII, стр. 463. Датируется 1842 г. по биографическим данным. Огарев посетил впервые Дюссельдорф во время своего вторичного приезда за границу — в 1842 г.

² *Зон* (Sohn) Карл Фердинанд, немецкий художник, оказавший значительное влияние на образование дюссельдорфской школы живописи и имевший много учеников. Приобрел в тридцатых годах XIX в. славу отличного портретиста.

³ Евдокию Васильевну Сухово-Кобылину.

К письму № 33

(см. стр. 334)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VIII. 51. Впервые опубликовано в журнале «Русская мысль», 1890, кн. IX, стр. 5—13. Получение этого письма отмечено Герценом в дневнике. (См. А. И. Герцен, Собрание сочинений, т. II, М. 1954, стр. 358.)

² Речь идет о забытом ныне профессоре Берлинского университета философе-гегельянце и поэте Карле Вердере, авторе «Логики» (1841). Он был хорошо знаком со многими русскими деятелями, являвшимися его слушателями, — Н. В. Станкевичем, Т. Н. Грановским, И. С. Тургеневым и др.

³ Зять Грановского — Федор Богданович Мюльгаузен вскоре (в конце сентября 1847 г.) возвратился в Москву. Через него Вердер передал Грановскому укор в том, что москвичи забыли своего профессора. Грановский ответил Вердеру очень теплым письмом. (См. «Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, Спб. 1897, стр. 440.)

⁴ О Галахове см. примечание 12 к письму № 20.

⁵ Шутка — 9 мая 1844 г. исполнилось шесть лет со дня свадьбы Герцена. Зимой 1843/44 г. Кетчер прожил в Петербурге.

⁶ Речь идет о курсе публичных лекций по истории, читанном Грановским в университете (в 1843—1844 гг.) с большим успехом.

⁷ Т. е. споры с группирующимися вокруг журнала «Москвитянин» славянофилами — Погодиным, Шевыревым и др.

⁸ В. П. Боткиным.

⁹ Об известном немецком критике Варнгагене фон Энзе см. ниже, в письме № 37.

¹⁰ Бетина — Элизабет фон Арним — немецкая писательница.

¹¹ «Поэзию мысли», философскую поэзию.

¹² Рюккерт — немецкий поэт.

К письму № 34

(см. стр. 340)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VIII. 54. Впервые опубликовано в журнале «Русская мысль», 1891, кн. VI, стр. 1—8. Датируется 1844 г.

² Письмо Герцена не сохранилось.

³ Статья Герцена «О публичных чтениях г-на Грановского. Письмо второе» была напечатана в журнале «Москвитянин» (июль 1844, кн. VII).

⁴ Речь идет о книге «Hegels Leben» («Жизнь Гегеля») немецкого историка философии и литературы, правого гегельянца Карла Розенкранца, вышедшей в Берлине в 1844 г. В те же дни, что и Огарев, читал эту книгу Герцен и 30 августа — 3 сентября 1844 г. занес в дневник подробную запись, ей посвященную. (См. А. И. Герцен, Собрание сочинений, т. II, М. 1954, стр. 376—379.)

⁵ См. отзыв о ней в предыдущем письме.

⁶ Речь идет о статье Герцена «Дилетантизм в науке».

⁷ В приписке к письму Н. М. Сатин писал: «За статью твою спасибо, но делаю тебе тот же упрек: язык ее чересчур фигурен, и в этой статье ты имел неудачу перещеголять предыдущие; удержи немного коней своих».

К письму № 35

(см. стр. 345)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VIII. 56. Впервые опубликовано в журнале «Русская мысль», 1891 г., кн. VI, стр. 14—22; кн. VII, стр. 19—21. Часть письма от 31 декабря опущена. По поводу этого письма Огарева А. И. Герцен в своем дневнике сделал следующую запись: «В самый Новый год длинное письмо Огарева — он развивается и притом как-то одинаково со мной, с нами. Впрочем, сверх близости души, одна атмосфера современной мысли обнимает нас». (См. А. И. Герцен, Собрание сочинений, т. II, изд. АН СССР, 1954, стр. 400.)

² *Николай Григорьевич Фролов* — близкий друг Грановского, занимавшийся естествознанием и философией. Огарев подружился с ним еще в 1843 г. в Бани-ди-Лукка, куда приехал специально для встречи с Фроловым. После возвращения в Россию Н. Г. Фролов основал и редактировал с 1852 г. журнал «Магазин земледения и путешествий».

³ В ответном письме Огареву от 1 (13) января 1845 г. Герцен писал: «Все, что ты пишешь о негации, так понятно и близко мне, так много и много раз в разговорах теми или иными словами выражалось, что я не новое, а близко родное встретил в том, что ты пишешь». (См. *А. И. Герцен*, Избранные философские произведения, т. I, Госполитиздат, 1948, стр. 326.)

⁴ В вышеуказанном письме А. И. Герцен писал: «И ты совершенно прав, что естествоведение оттого и кобенится, что логика хочет задавить своим всеобщим элементом частно-вольную природу. Напрасно сознательная мысль хочет стать перед природой, как prius. Это логическая перестановка, логика результата. «Логика хвастается тем, что она a priori выводит природу и историю. Но природа и история тем велики, что они не нуждаются в этом; еще более — они сами выводят логику a posteriori», — сказал я в новой статье» (*А. И. Герцен*, Избранные философские произведения, т. I, 1948, стр. 327).

⁵ О Вердере см. примечание 2 к письму № 33.

⁶ См. об этом замечание в письме Герцена (*А. И. Герцен*, Избранные философские произведения, т. I, 1948, стр. 327).

⁷ А. И. Герцен в своем письме Огареву от 1(13) января 1845 г. писал: «Все, что ты пишешь в последнем письме, по-моему, чрезвычайно дельно и дельнее писанного в прошлом» (*А. И. Герцен*, Избранные философские произведения, т. I, 1948, стр. 326).

⁸ О «Философии природы» Гегеля.

⁹ О пространстве, времени и движении см. у Гегеля «Философия природы», отдел первый, глава I, Соцэкгиз, 1934.

¹⁰ Речь идет о братьях Огарева по отцу — Григории и Петре Немвродовых.

¹¹ *Алексей Алексеевич Тучков* — прогрессивно настроенный дворянин, участник движения декабристов, отец второй жены Огарева.

¹² Речь идет о журнале, который предполагал издавать Грановский, Герцен и другие члены московского кружка под названием «Московское обозрение», журнал не был разрешен правительством.

К письму № 36

(см. стр. 356)

¹ Печатается по подлиннику, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VIII. 57. Впервые опубликовано в «Русской мысли», 1891 г., кн. VII, стр. 26—36. В письме имеется приписка Сатина.

² К Грановскому. В своей приписке к письму Герцена Огареву от 1/13 января 1845 г. Грановский писал о своих личных скорбях, о том, что он находит утешение от них посредством Jenseits (потустороннего), посредством мистицизма. (См. *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. III, стр. 438.) Данное письмо Огарева свидетельствует о начавшемся расхождении по философским вопросам между Герценом и Огаревым с одной стороны и Грановским — с другой, которое привело к «теоретическому разрыву» в 1846 г.

³ Замечание Огарева по поводу философии позитивизма Огюста Конта см. в письме Н. Х. Кетчеру от 17/5 марта — 4 апреля 1845 г. (настоящий том, стр. 375).

⁴ Письмо Герцена Огареву 1/13 января 1845 г.

⁵ См. Гегель «Философия природы», отдел второй, § 313, § 326—329, Соцэкгиз, 1934.

⁶ О свете см. Гегель, Философия природы, отд. II, гл. I, § 275—278, Соцэкгиз, 1934.

⁷ Об изучении Огаревым естественных наук в этот период см. письмо Н. Х. Кетчеру 15 февраля 1845 г. (настоящий том, стр. 372).

⁸ Галахов — один из друзей Герцена и Огарева.

⁹ В этом месте Огаревым поставлен знак*, объяснение которого дано им в конце письма.

¹⁰ О журнале см. примечание 12 к письму № 35.

¹¹ Речь идет о статье Бакунина в «La Réforme». См. о ней запись в дневнике Герцена от 2 марта 1845 г., А. И. Герцен, Собр. соч., т. II, М. 1954, стр. 409—410.

К письму № 37 (см. стр. 368)

¹ Автограф настоящего письма разрознился — текст, написанный 13—14 февраля 1845 г., находится в Отделе рукописей Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом) в Ленинграде; текст же, написанный 15—16 февраля, — в Отделе рукописей Библиотеки имени В. И. Ленина (ф. Г. — О. VIII. 28). История опубликования этого текста такова: сперва была напечатана в журнале «Русская мысль» (1889, [кн. 1, стр. 4,5] часть письма, датированная 15, 16 февраля, с неправильной годовой датой «1840?», затем в журнале «Каторга и ссылка» (№ 9, 1933 г., стр. 123—126) — все письмо полностью.

В настоящем издании текст печатается частью по автографу, частью по фотоконии.

Письмо датируется точно — 1845 г. Годовая дата устанавливается на следующем основании: упоминаемый в письме отъезд Сатина из Берлина в Париж состоялся 12 февраля 1845 г.

² Все последующее относится к критике Огаревым «Философии природы» Гегеля, его «Органики», составляющей третью часть «Философии природы» (первые две: «Механика» и «Физика»).

³ Отношение Огарева к Илье Васильевичу Селиванову, пензенскому соседу Огарева и А. А. Тучкова, литератору (впоследствии автору известных «Воспоминаний» и «Провинциальных очерков»), несколько раз менялось (см. например, эпиграмму Огарева на Селиванова, «Стихотворения и поэмы», т. II, Л. 1935, стр. 361—362).

⁴ Эта эпиграмма неизвестна.

⁵ Никаких других данных о печатании Герценом биографии Н. В. Станкевича в 1845 г. нет в литературе.

⁶ «Письма о химии» одного из немецких ученых-химиков — Юстуса Либиха вышли в 1844 г. Либих разрабатывал проблемы химии в приложении к физиологии растений и животных. В истории науки агрохимия Либиха занимает весьма существенное место. Как раз в «Письмах о химии» им была дана сводка работ в данной области.

К письму № 38

(см. стр. 372)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. М. 5185, 18, № 4. Впервые опубликовано (неполностью) в статье П. В. Анненкова «Идеалисты тридцатых годов», как письма 1844 г. (См. «П. В. Анненков и его друзья», Спб. 1892, стр. 103—104.)

Датируется точно 1845 г. по переписке Огарева и Н. М. Сатина с членами «Московского кружка».

² Призыв Огарева «идти в пролетарии» повторяется в других письмах того же периода (см. № 37). Огарев обратился ко многим друзьям с предложениями соединиться вместе, образовать колонию или коммуну, поселившись в деревне и живя одной жизнью с народом. Сохранился и опубликован отрицательный ответ одного из лиц (Н. И. Сазонова) на эти предложения Огарева. (См. «Звенья», т. VI, стр. 347—353.)

К письму № 39

(см. стр. 375)

¹ Отрывки из письма печатаются впервые по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. М. 5185. 18, № 6. Датируется по содержанию.

² Письмо Кетчера, являвшееся ответом на обращение Огарева в его письме от 15 февраля 1845 г. (см. выше, письмо № 38), до нас не дошло.

³ *Ritter* — Н. М. Сатин — находился в это время в Париже, одновременно с Н. Г. Фроловым и В. П. Боткиным.

⁴ Герцен по поводу нападок на занятия естественными науками также несколько раз писал Кетчеру, см. например, в письме от 10 октября 1844 г. (см. А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. III, стр. 415) и особенно в письме от 3 марта 1845 г. (там же, стр. 463).

⁵ В недошедшем до нас письме Кетчера была приписка В. Г. Белинского и М. А. Языкова.

К письму № 40

(см. стр. 377)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г.—О. VIII. 62. Впервые опубликовано в журнале «Русская мысль», кн. VIII, 1891 г., стр. 21—24.

² Речь идет о «Письмах об изучении природы», которые публиковались в 1845 г. в «Отечественных записках». Первое и второе письмо опубликованы в IV кн. «Отечественных записок», третье — в кн. VII, четвертое — в кн. VIII, пятое и шестое — в кн. XI.

³ В. П. Боткин переехал из Испании в г. Танжер, на североафриканском побережье.

⁴ Речь идет об одном из «Писем об изучении природы».

⁵ Роман А. И. Герцена «Кто виноват?». Первая часть была опубликована в «Отечественных записках» № 12 за 1845 г.

К письму № 41

(см. стр. 381)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 95, л. 58—59. Впервые опубликовано в журнале «Литературное наследство», т. 61, М. 1953, стр. 729—732.

² Отец Огарева, Платон Богданович, умер 2 ноября 1838 г.

³ Письма Герцена, упоминаемые Огаревым, неизвестны.

⁴ *Сухово-Кобылин, Александр Васильевич* — известный драматург, брат Е. В. Сухово-Кобылиной и Е. В. Салнас.

⁵ Письмо Н. А. Герцен, на которое отвечает Огарев, не сохранилось.

⁶ Речь идет о вере Герцена в общину. Заслуживают особого внимания строки об отношении Огарева к крестьянской общине. Вплоть до середины 1850-х годов критическое отношение к крестьянской общине, как к форме землевладения (которую Огарев в 1847 г. определил как «равенство рабства»), было характерным для его воззрений. После начала публицистической деятельности за границей (с 1856 г.) Огарев как и Герцен рассматривает крестьянскую общину как важную форму крестьянского самоуправления и самозащиты крестьян от вмешательства помещиков и чиновников в их жизнь. Отсюда развитие так называемой теории «русского социализма» Герцена и Огарева.

⁷ «Норма» — опера Беллини, «Лючия ди Ламермур» — опера Доницетти, «Жидовка» — опера Галеви.

⁸ Речь идет о романе Жорж Санд «Лукреция Флориани».

⁹ Имеется в виду Ю. Ф. Самарин, к которому Герцен в середине сороковых годов присматривался с большим дружеским интересом, ценя его выдающийся ум и способности. В последующие годы Самарин становится типичным представителем национализма и монархизма.

К письму № 42

(см. стр. 386)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 95, л. 37—38. Опубликовано в журнале «Литературное наследство», т. 61, М. 1953, стр. 747—749.

² Эти письма не дошли до нас.

³ Стихотворных «мужицких рассказов» Огарева разыскать не удалось.

⁴ Т. е. у В. П. Боткина.

⁵ О каком своем стихотворении говорит Огарев, установить не удалось.

⁶ *Герман Мюллер-Стрюбинг* — литератор и искусствовед, принимавший активное участие в революционном движении сороковых годов в Германии. Мюллер был близок ко многим русским деятелям — И. С. Тургеневу, Огареву, Герцену и др. Среди бумаг Огарева хранится большое неопубликованное письмо к нему Мюллера-Стрюбинга (от 2 июля 1847 г.), рисующее предреволюционный Берлин. (См. «Описание рукописей Н. П. Огарева», М. 1952, стр. 194, № 605.)

⁷ Герцен познакомился с Георгом Гервегом по рекомендательному письму Огарева. Последний сблизился с Гервегом еще в начале

40-х годов и высоко ценил его как поэта. (См. об этом в «Былом и думах» Герцена.)

⁸ *Джеймс Фази* — швейцарский политический деятель. В тот период, когда Огарев встречался с Фази, он был известен как активный и крупный участник революционной борьбы. (См. о нем в «Былом и думах» Герцена.)

К письму № 43

(см. стр. 388)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 95, л. 35—36. Опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, стр. 750—753.

² *Франсуа Лонже* (Longet) — французский физиолог. Огарев имеет в виду его книгу «Traité d'anatomie et de physiologie du système nerveux de l'homme et des animaux vertébrés» («Курс анатомии и физиологии человека и позвоночных животных»), вышедшую в 1842 г.

³ Видный материалист XVIII в. — Пьер Жан Кабанис. Огарев намеревается прочесть его «Rapports du physique et du morale de l'homme» («Отношения между физической и нравственной природой человека»).

⁴ Этого письма нет в нашем распоряжении. Первое сохранившееся письмо Огарева к Грановскому за 1847 г. датировано 17 января (см. настоящий том, письмо № 62).

⁵ В. П. Боткин усиленно распространял обвинения против Некрасова, в руки которого переходил с 1847 г. «Современник», в якобы несправедливом отношении к Белинскому. Очевидно, это обвинение дошло и до Огарева. Исследование этого вопроса доказывает, что Некрасов действовал в интересах Белинского, что подтвердил позже (в феврале 1847 г.) и сам Белинский (см. об этом в «Литературном наследстве», т. 56, М. 1950, стр. 186—187).

К письму № 44

(см. стр. 391)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VII. 225. Опубликовано в сборнике «Звенья», т. 1, М. — Л. 1932, стр. 112—117. Годовая дата 1847 г. устанавливается по упоминанию проводов и отъезда Герцена за границу. Часть письма опущена.

² А. А. Тучков при рекрутских наборах защищал сколько мог интересы крепостных крестьян, за что неоднократно подвергался преследованиям и местной и центральной администрации. (См. о допросе А. А. Тучкова в 1850 г. в III отделении в воспоминаниях Н. А. Тучковой-Огаревой, «Русские пропилеи», т. 4, М. 1917, стр. 107.)

³ Огарев смягчает здесь действительность. В минуту откровенности он писал Герцену, что считает разногласия с Грановским и другими столь глубокими, что не видит возможности их устранения и в будущем. (См. выше, письмо № 43.)

⁴ **Заключительные стихи хора** («Chorus mysticus») из 2-й части «Фауста» Гете. В переводе Огарева этот хор звучит так:

Все преходящее —
Только сравнение;
Недостижимому
Здесь выполнение;

Невыразимое
Здесь совершается,
А вечно женственным
Душа пленяется.

(См. *Н. П. Огарев*, Стихотворения и поэмы, т. II, 1938, стр. 367.)

⁵ В «Московских ведомостях» были напечатаны отрывки из статьи академика К. М. Бэра об этнографических исследованиях, под заглавием «Честность русских промышленников на Новой Земле». (См. «Московские ведомости», № 157, 1846 г.) Статья описывает быт промысловых артелей. Она заинтересовала Огарева положительной характеристикой ново-земельских артелей, восторгом Бэра перед честностью и бескорыстием членов артелей.

⁶ Статья К. Д. Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России», напечатанная в «Современнике», т. 1, 1847.

⁷ Повидимому, речь идет о цикле «Монологи», напечатанном в «Современнике» в 1847 г.

⁸ Четверостишие составлено следующим образом: 1-й стих взят из VI главы «Евгения Онегина» — начало четвертой строфы; три остальных — из стихотворения Шиллера «Spruch des Confucius» («Изречение Конфуция»), с заменой слов в последней строке, как указано Огаревым (вместо слова «пропасть» слово «свобода»).

К письму № 45

(см. стр. 396)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VIII. 226. Впервые опубликовано в сборнике «Звенья», т. 1, стр. 119—124.

² Письмо Грановского неизвестно. О взаимоотношениях Грановского с Герценом и Огаревым в последующий период см. публикации писем Грановского («Звенья», т. VI, М. 1936, стр. 355—364 и «Литературное наследство», т. 62, М. 1955).

³ Переделанная строка из «Фауста» (1-я часть) Гете; в подлиннике: «Aus dieser Erde quellen meine Freuden», т. е. «Из этой земли бьют источники моих радостей».

К письму № 46

(см. стр. 401)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 95, л. 33. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 753—756. Датируется 1847 г.

² Повидимому, речь идет о помещике А. Д. Желтухине, с 1845 или 1846 г. соседе А. А. Тучкова и Огарева. (См. Н. А. Тучкова-Огарева «Воспоминания», М. 1929, стр. 54—56.) Впоследствии А. Д. Желтухин — издатель весьма консервативного «Журнала землевладельцев» (1858—1860 гг.).

³ Огарев работал весной 1847 г. над повестью в стихах «Деревня», которую он и имеет в виду, говоря о «романе в стихах». В истории поэтического творчества Огарева указанная им связь «Деревни»

с «Первой пиимой», т. е. «Юмором», имеет весьма существенное значение, так как показывает утверждение критического реализма в качестве основного начала его поэзии.

⁴ Речь идет о пензенском помещике, соседе Огарева Бахметьеве, собравшемся приобрести часть Старого Акшена.

⁵ Все перечисленные Огаревым письма до нас не дошли.

⁶ Точное название картины французского художника Леопольда Робера: «Жатва в Понтийских болотах».

⁷ В это время В. Г. Белинский сурово критиковал «гамлетовское» направление, к которому он относил и «Монологи» Огарева. Поэтому он решительно возражал против помещения цикла «Монологи» в «Современнике». Однако по настоянию Некрасова и Панаева они все же были напечатаны в журнале (в т. 3). Огарев ошибочно связывал «олимпийский гнев» Белинского с стихотворением «Отъезд». Это стихотворение Огарева было напечатано в кн. 2 «Современника» и, насколько известно, возражений Белинского не вызывало.

⁸ А. С. Комаров — о нем и его ошибках в «Смеси» «Современника» см. в переписке Белинского («Письма», т. III, Спб. 1914, стр. 171).

⁹ Статья В. Г. Белинского о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя была изуродована цензурой.

¹⁰ Второе издание «Мертвых душ», вышедшее в 1846 г., было снабжено предисловием Гоголя, написанным в духе «Выбранных мест из переписки с друзьями».

¹¹ Перевод «Дон Жуана» Байрона на немецкий язык был выполнен Отто Гильдемейстером, журналистом и критиком.

¹² Огарев имеет в виду свои письма от 17 января и 14 февраля 1847 г. (см. их в настоящем томе) и ответ Грановского, который дошел до нас только в отрывках (см. «Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, Спб. 1897, стр. 448—449).

¹³ Ritter — Н. М. Сатин — занял в споре Герцена и Огарева с Грановским позицию, близкую к последнему. Письмо Огарева к Сатину в печати неизвестно.

¹⁴ Николая Ивановича Сазонова. О встречах Герцена с ним в Париже см. «Былое и думы», т. III, 1932, стр. 7—21, а также 255 и сл.

¹⁵ Адольф Рейхель — композитор, близкий друг Бакунина, Георг Гервег — немецкий поэт, участник революционного движения в Германии.

¹⁶ Григорий Иванович Ключарев — поверенный Герцена в Москве.

¹⁷ Иван Павлович Галахов.

К письму № 47

(см. стр. 405)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 95, л. 31—32. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 762—764.

² Хозяйственные занятия Огарева, о которых пишет он в настоящем письме, так же, как и в предыдущих и следующих письмах к Грановскому, Герцену и Коршу, являлись частью той деятельности Огарева по переустройству жизни своих крепостных крестьян, которой он пытался заниматься после возвращения из-за границы в 1846 г., вплоть до эмиграции в 1856 г.

³ Приезд Грановского к Огареву, несмотря на множество раз повторенное приглашение, не состоялся.

⁴ Речь идет о произведении Зигизмунда Тальберга, выдающегося пианиста.

К письму № 48

(см. стр. 408)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 95, л. 29—30, 41. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 764—769. Датируется 1847 г.

² Об экономических проектах Огарева Герцен в ответном письме, 3 августа 1847 г., замечал: «Насчет твоих экономических теорий я не стану говорить, потому что я плохо знаю предмет; в них мне всего более нравится яркое доказательство твоей живой и реальной природы. Быть своевременным, уместным, взять именно ту сторону среды, в которой возможен труд, и сделать этот труд существенным — в этом весь характер практического человека». (*А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. II, стр. 47.)

³ Относительно огаревского определения Бельтова Герцен писал в цитированном выше письме: «...ты совершенно прав, нападая на Бельтова; ошибка в том, что цель не Бельтов, а необходимость подобного воздействия не на из рук вон сильного человека, но на пре-красного и способного человека». (Там же.)

⁴ Статья «Письмо из провинции», написанная в марте 1847 г. и тогда же посланная в «Современник», была сперва отложена, а потом и вовсе отклонена.

⁵ Поэма — «Деревня».

К письму № 49

(см. стр. 414)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VIII. 241. Впервые опубликовано с цензурными и иными пропусками в сборнике «Помощь голодающим», М. 1892, стр. 521—523. Почтовая помета: «Саранск 29 июня». Годовая дата устанавливается по штемпелю получения: «1847 июля 3».

² Адресат письма, Евгений Федорович Корш, принадлежал вместе с Грановским к числу ближайших друзей Герцена и Огарева вплоть до 1846—1847 гг. После разрыва в 1846 г. отношения между Герценом и Огаревым с одной стороны и Е. Ф. Коршем — с другой внешне восстановились. Будучи редактором «Московских ведомостей», Корш печатал статьи Огарева (см. настоящее издание, т. I статьи «Замечания на статью, помещенную в № 98 «Московских ведомостей» под заглавием: «Опыт статистического распределения Российской империи» и «Замечание на замечание г. Чихачева»). Находился Корш в переписке и с Герценом. К концу сороковых годов, однако, эти связи ослабли, а к середине пятидесятих Корш уже оказался среди либералов — противников Герцена и Огарева.

³ Попытки «насадить» в деревне промышленность, организовать различные фабрики, ввести вольнонаемный труд вместо барщинного составляли содержание планов Огарева в 1846—1848 гг.

⁴ Статья, о которой говорит Огарев, — хроника майской книжки «Журнала Министерства государственных имуществ» (№ 5, 1847 г.). Часть этой статьи была перепечатана в «Московских ведомостях», в указанном Огаревым номере. На эту заметку ополчился помещик-крепостник А. И. Чихачев в «Землевладельческой газете» № 59. Огарев исполнил свое намерение и напечатал в виде «Замечания на замечание г. Чихачева» свое дополнение к статье журнала.

⁵ Речь идет об отъезде А. А. Тучкова за границу.

⁶ См. письмо № 48 в настоящем томе.

⁷ Об ответе Герцена на критику образа Бельтова см. примечание 3 к предыдущему письму.

⁸ Цитируются стансы «К Томасу Муру» Байрона.

⁹ Огарев говорит о поэме «Деревня», так и оставшейся неоконченной.

¹⁰ И. А. Даугубский — естествоиспытатель, профессор Московского университета, автор книги «Изображения растений, преимущественно российских, употребляемых в лекарства и пр.» (М. 1828).

К письму № 50

(см. стр. 417)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. 2197, оп.1, ед. хр. 95. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве» № 61, М. 1953, стр. 777—779.

² Огарев отвечает на письмо Герцена от 17 октября 1848 г. из Парижа. Письмо Герцена было проникнуто чувством огромной горечи от поражения революции 1848 г. «Такую тоску, — писал Герцен, — выносил человек только один раз, в падающем Риме... когда все величие исчезло, а безнадежная гибель стала во весь рост». (Письмо Герцена см. А. И. Герцен, Новые материалы. Труды Публичной Библиотеки им. В. И. Ленина, М. 1927, стр. 62—64.)

³ Теорию исторического процесса Джамбаттиста Вико, рассматривающего историю как повторяющийся круговорот, Огарев подвергал критике. См. в настоящем томе «Прологомينا ад гисториософиям».

⁴ Речь идет о книге Прудона «Система экономических противоречий, или Философия нищеты».

⁵ Наталья Александровна Герцен и Наталья Алексеевна Тучкова, вскоре ставшая женой Огарева.

⁶ Наталья Аполлоновна — мать Н. А. Тучковой.

⁷ Н. А. Герцен, очень привязавшаяся к Наташе Тучковой, называла ее Консуэлой — утешительницей — по одноименному роману Жорж Санд.

⁸ Статьи Грановского: «Историческая литература во Франции и Германии в 1847 году» в кн. I и «История Генриха VIII и отпадение Англии от римского католицизма» в кн. XI «Современника» за 1848 г.

К письму № 51

(см. стр. 420)

¹ Отрывки из письма печатаются по автографу на французском языке, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. № 359, Н. П. Огарев, ед. хр. 250, л. 26—27. Письмо печатается в переводе, впервые опубликовано

ликованном в сборнике «Русские пропилеи», т. 4, М. 1917, стр. 63—68 и вновь сверенном с французским оригиналом.

² Роман «Три страны света» Н. А. Некрасова и А. Я. Панаевой (писавшей под псевдонимом Н. Станицкий, а не Студницкий, как значится у Огарева) был напечатан в «Современнике» в 1848 г.

³ Огарев писал тому же адресату 21 декабря 1848 г.: «... вот что меня занимает: свести проблему жизни к простейшим началам и, вооружившись этим материализмом, окончательно развенчать всякую мистику. Мысль эта меня волнует, когда я о ней думаю, — волнует ненавистью к историческому миру и любовью к действительности» («Русские пропилеи», т. 4, М. 1917, стр. 40).

К письму № 52

(см. стр. 422)

¹ Отрывки из письма печатаются по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. № 359, ед. хр. 250, л. 22 об. — 23. Впервые опубликовано в сборнике «Русские пропилеи», т. 4, М. 1917, стр. 68—76.

² В собрании сочинений и писем М. К. Лемке датирует декабрем 1848 г. краткую записку к Огареву, по настроению совпадающую с тем, о чем пишет Огарев, но едва ли в письме Огарева идет речь именно об этой записке. (См. А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. V, стр. 250—251.)

³ Этих строк, выписанных Огаревым из письма Герцена, в записке Герцена, упомянутой в примечании 2, нет; следовательно, можно утверждать, что помимо напечатанной Лемке записки существовало еще одно письмо от декабря 1848 г.

К письму № 53

(см. стр. 424)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 95, л. 25. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 782.

² Письмо Герцена не сохранилось.

³ Поездка Огарева в Петербург была связана с надеждой легализовать его брак с Н. А. Тучковой. Огарев приехал в Петербург 20 февраля 1849 г.

⁴ О И. В. Селиванове см. выше, примечание 3 к письму № 37.

⁵ *Николай Иванович* — Сазонов.

К письму № 54

(см. стр. 426)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 95, л. 10—11. Опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 784—785. Датируется приблизительно — по содержанию.

² Речь идет о книге немецкого физиолога Фридриха Густава Генле (Henle), профессора Гейдельбергского университета.

К письму № 55

(см. стр. 426)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 95, л. 27—28. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 788—789.

² Это первое письмо к Герцену из Крыма, куда Огаревы приехали в июне 1849 г. после неудачи, постигшей их в Одессе, — уехать морем за границу не удалось. В Петербурге и других городах производились в это время аресты, связанные с делом Петрашевского. Огаревы остались на время в местечке Учъ-Чум, недалеко от Ялты.

³ Имеется в виду новое обострение отношений с «московским кружком» — Грановским и другими, отрицательно относившимися к Н. А. Тучковой и осуждавшими Огарева.

⁴ Речь идет о разгуле реакции в Европе.

⁵ А. Ф. Богданов — режиссер одесского театра, хороший знакомый Огарева, часто бывавший у него в Москве.

⁶ Татьяна Алексеевна и Сергей Иванович Астраковы — близкие друзья Огарева. С. И. Астраков — один из самых близких друзей Огарева, которого он, по собственному выражению, «любит наиболее братски». Астраков по образованию физик и математик, преподавал математику в Московском кадетском корпусе. Это был талантливый русский изобретатель, не имевший возможности добиться реализации своих изобретений. Умер в 1867 г. См. ниже, письмо Огарева № 101, а также примечание 2 к этому письму.

К письму № 56

(см. стр. 428)

¹ Печатается по тексту «Полярной звезды», издаваемой Е. А. Салиасом (№ 2, 1881 г., стр. 22—24). Местонахождение автографа не установлено. Дата письма определяется следующими данными: в Учъ-Чуме, местечке в двух километрах от Ялты, Огарев жил летом 1849 г.; уехал он на юг в начале июня 1849 г. Огарев упоминает в письме о двух месяцах, прошедших со времени отъезда. «Что же я сделал в эти два месяца...». Письмо, следовательно, датируется: начало августа 1849 г.

² Кешка — прозвище Е. Ф. Корша.

³ Т. А. — Татьяна Алексеевна Астракова, вдова Н. И. Астракова.

⁴ С. И. и Т. А. Астраковы были единственными участниками «московского кружка», которые провожали Н. А. Огарева, уезжавшего с Натальей Алексеевной Тучковой в Одессу, с целью подготовить нелегальный отъезд из России.

К письму № 57

(см. стр. 431)

¹ Печатается по фотокопии. Впервые опубликовано в сборнике «Звенья», т. VI, М. 1936, стр. 371—376. Фотокопия хранится в ЦГАЛИ, ф. Н. П. Огарева, № 359, ед. хр. 82. Адресаты письма — Михаил Николаевич Островский, брат великого русского драматурга, и Виктор Никитич Кашперов — известный русский композитор. В быт-

ность Огарева в Симбирске, в начале пятидесятых годов, эти молодые люди с ним сблизились. Дружеские отношения Огарева с В. Н. Кашперовым продолжались и в последующие годы.

Датируется 1852 г. на основании того, что в тексте Огарев рассказывает о возникновении дела по поводу духовного завещания Г. А. Римского-Корсакова — дело это возникло именно в апреле 1852 г.

² Речь идет об Александре Дмитриевиче Улыбышеве, музыкальном критике, в свое время близком к декабристскому обществу «Зеленая лампа». Крупная работа Улыбышева — трехтомная «Новая биография Моцарта» (1843, на французском языке). Работы Улыбышева широко обсуждались в русской музыкальной прессе пятидесятых годов.

³ Огарев имеет здесь в виду IX том первого издания сочинений Пушкина (редактированного В. А. Жуковским), появившийся в 1841 г. Неоконченное стихотворение «Странник», о котором говорит Огарев, напечатано здесь на стр. 183—186 под заглавием «Отрывок». О взгляде Огарева на тему странничества у Пушкина см. в его Предисловии к сборнику «Русская потаенная литература XIX столетия» (настоящее издание, т. I, стр. 449).

⁴ Широкою известность получил сборник Н. Ф. Щербины «Греческие стихотворения» (1849). Огарев хорошо почувствовал натянутость и фальшь подражаний и стилизаций Щербины. Впоследствии Щербина занимал реакционные позиции.

⁵ Григорий Александрович Римский-Корсаков был членом «Союза благоденствия». В 1820 г., после восстания в Семеновском полку, вышел в отставку. В Москве сблизился с А. С. Пушкиным и П. А. Вяземским. Умер в 1852 г. Упомянутые Огаревым в рассказе о завещании лица, клеветавшие на А. А. Тучкова, — это губернатор А. А. Панчулидзе и полковник корпуса жандармов Родивановский.

К письму № 58

(см. стр. 435)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г.—О. VIII. 223. Впервые опубликовано в журнале «Русская мысль», 1902, кн. XI, стр. 149—152. Датируется приблизительно 1857 г. Написано на бумаге того сорта, которым Огарев пользовался в первое время жизни в Лондоне, т. е. в 1856—1857 гг.

² Печатаемый текст в сущности не является письмом. Официальное обращение и шуточная подпись условны. Рукопись Огарева представляет собой своеобразный конспект для продолжения спора по затронутым вопросам. К сожалению, мы не можем сказать, ни когда обсуждались вопросы о значении социального воспитания, ни кто, кроме Герцена и Огарева, в нем участвовал. Можем лишь высказать предположение, что среди споривших была и Н. А. Тучкова-Огарева.

³ *Фис Платонов*, т. е. Платонов-сын.

К письму № 59

(см. стр. 439)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ИЛИ (Пушкинский дом), в архиве Л. Н. Майкова, ПД, ф. 166, № 1538. Впервые опубликовано в сборнике «Звенья», т. III—IV, 1934, стр. 395—396. Дати-

руется на основании указания Герцена в приписке к этому письму: «Письмо это писано с неделю тому назад О[гаревым]...» Приписка датирована: 17 июня 1858 г.; следовательно, письмо Огарева написано около 10 июня 1858 г.

² П. В. Анненков (обращение «Милая Полина» — шутивно) в это время, как и большинство либеральных деятелей, стремился поддерживать сношения с Герценом. В мае 1858 г. он посетил Лондон, видался с Герценом и Огаревым.

³ Осцилляции — колебания. Огарев говорит о колебаниях правительственного курса. Середина 1858 г. была ознаменована новыми реакционными стеснениями печати, возросшим сопротивлением крепостников идее реформы, трусливыми маневрами околоправительственных либералов.

⁴ В. Н. Кашперов просил Огарева написать либретто для оперы. По либретто Огарева была создана им опера «Цыгане».

⁵ Ответ Анненкова неизвестен.

К письму № 60

(см. стр. 441)

¹ Печатается отрывок из письма по тексту, опубликованному в сборнике «Звенья», т. III—IV, 1934, стр. 404—405. Датруется по приписке Герцена, проставившего дату «30 июля» 1858 г.

² В августе 1858 г. в Лондоне появилось издание «Стихотворения Н. Огарева» — наиболее полное из всех прижизненных изданий стихотворений и поэм Огарева.

³ В *азиатском комитете* — у Е. П. Ковалевского, который возглавлял азиатский департамент, собирались члены «Общества для пособия трудящимся литераторам и ученым». Анненков был среди учредителей Общества.

⁴ Центральным комитетом Огарев называет секретный комитет по крестьянскому делу. Уничтожающей критике проектов комитета Огарев посвятил статьи «Нет больше освобождения крестьян!», «Нет более спасения от чиновничества!» и стихотворение «Современное» — все это было анонимно напечатано в «Колоколе» (15 августа 1858 г., л. 21).

К письму № 61

(см. стр. 441)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ИЛИ (Пушкинский дом, в архиве Л. Н. Майкова, ПД, ф. 166, № 1538. Впервые опубликовано в сборнике «Звенья», т. III—IV, 1934, стр. 413—414. Датруется по почтовому штемпелю 24 августа 1860 г. В письме имеется приписка А. И. Герцена.

² Н. П. Огарев постоянно, особенно с начала 1857 г., пропагандировал мысль о необходимости создания тайных обществ широкого состава — «групп или клубов», в которых вырабатывалось бы общественное мнение и кристаллизовалась бы политическая программа.

Тургенев действительно принимал активное участие в разработке проекта «Общества для распространения грамотности и первоначального образования». Проект, как рассказывает Анненков в «Литературных воспоминаниях», не осуществился. (См. указанную книгу, Спб. 1909, стр. 529—531.)

⁶ Огарев заканчивал в это время обширную статью «По поводу правил Муравьева-вешателя», напечатанную в «Колоколе», 1 сентября 1860 г., л. 80.

К письму № 62

(см. стр. 443)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VIII. 77. Впервые опубликовано в сборнике «Русские пропилеи», т. 4, М. 1917, стр. 230—231.

² Речь идет о том, чтобы просить Н. А. Тучкову возвратиться в Лондон. Поехав в мае 1860 г. с годовалой дочерью Лизой на свидание с Сатиными, прибывшими для этой цели в Европу, Н. Тучкова отказалась возвратиться в Лондон и поселилась в Берне, в Швейцарии. Тучкова возвратилась в Лондон в конце 1860 г.

³ Речь идет о статье Н. А. Серно-Соловьевича «Разбор трудов комиссии для устройства земских банков», напечатанной в книге VII (июльской) «Современника» за 1860 г. См. записку Н. Г. Чернышевского, посланную Добролюбову и содержащую упоминание об этой статье. (Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. XIV, М. 1949, стр. 396.)

⁴ *Виктор Иванович Касаткин* — активный участник революционного движения, член «Земли и Воли», до эмиграции состоял в руководстве Московской организации. В 1860 г. он находился за границей еще легально, не в качестве эмигранта. Как опытный библиограф и собиратель рукописей, Касаткин помогал Огареву при составлении 1-й части издания «Русская потаенная литература XIX столетия». Издание это вышло в свет в Лондоне в октябре 1861 г. Разнообразные общие интересы, главным образом по выпуску революционно-пропагандистских изданий, объединяли Касаткина с Герценом и Огаревым в 1860 и последующих годах.

К письму № 63

(см. стр. 445)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. Герцена, № 129, оп. 1, ед. хр. 96. Впервые опубликовано в сборнике «Русские пропилеи», т. 4, М. 1917, стр. 240—247.

² Статья Огарева «Труды комиссии для устройства земских банков» напечатана в «Колоколе», 15 сентября 1860 г., л. 81.

³ Письмо Серно-Соловьевича неизвестно.

К письму № 64

(см. стр. 449)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ИЛИ (Пушкинский дом), фонд Л. Н. Майкова, ПД, ф. 166, № 1538. Впервые опубликовано в сборнике «Звенья», т. III—IV, М. 1934, стр. 418—419. Датируется по письму Герцена, к которому настоящий текст является припиской.

² Принципалом Огарев шутливо называл Герцена. Письмо Герцена заканчивалось следующими словами: «Да еще очень бы хотелось знать, как принята статья о Варшавском свидании — *Die drei Reiter — die geiten*» (три всадника, которые скачут). (См. статью

Герцена в Полном собрании сочинений, под ред. М. К. Лемке, т. X, стр. 452.)

³ А. *Запасник* — русский буржуазный экономист. Его магистерская диссертация — «О погашении государственных долгов». В Лондоне, находясь в служебной командировке, познакомился с Герценом и Огаревым.

⁴ «Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II» вышли в Берлине в 3 томах. Материалы были собраны и подготовлены к печати Д. П. Хрущовым — товарищем министра государственных имуществ. (См. «Русская подпольная и зарубежная печать», вып. 1, М. 1935, стр. 134.) По положению своему Д. П. Хрущов имел доступ к значительной части документов, относившихся к истории выработки крестьянской «реформы».

⁵ «Химик» — двоюродный брат А. И. Герцена Алексей Александрович Яковлев. Анненков навестил его в Петербурге и описал это посещение в недодошедшем до нас письме к Герцену.

К письму № 65

(см. стр. 451)

¹ Печатается по автографу, находящемуся в следственном деле Н. Г. Чернышевского в архиве особого присутствия правительствующего сената (ф. 112, д. № 37, л. 72—74). Впервые опубликовано не полностью М. К. Лемке в журнале «Былое», № 3, Спб. 1906 г., стр. 105—106 и в отдельном издании его работы «Политические процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского», Спб. 1907, стр. 209—211 — как *письмо к неизвестному*. Затем М. К. Лемке указал на Н. Н. Обручева, профессора Академии генерального штаба, как на адресат письма. (См. об этом в Полном собрании сочинений и писем А. И. Герцена, под ред. М. К. Лемке, т. XI, стр. 214.)

В настоящее время на основании новонайденного письма Н. Н. Обручева от 8 сентября 1861 г. к Огареву устанавливается, что Н. Н. Обручев не был адресатом письма Огарева и Герцена (см. об этом статью «Был ли Н. Н. Обручев адресатом письма, взятого при аресте Чернышевского?» в «Литературном наследстве», т. 62, М. 1955, стр. 420). Там же высказывается и обосновывается предположение, что адресатом письма является Н. В. Шелгунов.

² В подлиннике все имена, в том числе и обращение, тщательно выскоблены. Предпринятая с помощью специальных лабораторных методов попытка прочесть эти места успехом не увенчалась.

³ Лицо, которому Чернышевский поручил передать Герцену и Огареву, чтоб они «не завлекали юношество в литературный союз», вероятно Н. А. Серно-Соловьевич, выехавший за границу в июле 1861 г., но в Лондон не попавший. Чернышевский на допросах показал, что это поручение он сделал М. И. Михайлову. Но это имя он назвал потому, что в это время Михайлов уже был осужден и отправлен в ссылку. Повредить ему показание Чернышевского не могло. Некоторые исследователи предполагали, что лицом этим является Н. В. Шелгунов, поскольку Шелгунов приехал в Лондон позже Михайлова и к нему может относиться выражение Огарева: «Чернышевский поручил тому господину, который в Лондон не попал...».

Шелгунов, однако, в Лондоне был, и к нему выражение Огарева относиться не могло.

⁴ По всей видимости, Чернышевский, желая сохранить необходимую конспирацию в деле создания тайной революционной организации и подготовки революционного восстания в России, предупреждал Герцена и Огарева о нецелесообразности открыто призывать русскую молодежь вступать в «литературные союзы», «общества» и т. п., что могло навлечь на группы и кружки революционной молодежи подозрения правительства. Огарев ошибочно усмотрел в этом прозорливом предупреждении Чернышевского выражение «скептицизма».

⁶ Статья «О причинах падения Рима» Н. Г. Чернышевского появилась в 5-й книжке «Современника» за 1861 г. В «С.-Петербургских ведомостях» 1 июля 1861 г. был напечатан резко враждебный Чернышевскому фельетон Н. Воскобойникова, в котором он брал под лицемерную «защиту» от нападения критика «Современника» «лучших людей русского общества». Не называя Герцена и Огарева по имени, Воскобойников давал читателю понять, что речь идет именно о них. Статью Чернышевского Герцен и Огарев прочитали около 23—24 июля 1861 г. Тем самым настоящее письмо датируется концом июля или самым началом августа. На письме взамен даты стоит слово «суббота», приходившаяся на 27 июля и 3 августа 1861 г.

⁶ Намек на Н. А. Некрасова, которого Герцен и Огарев несправедливо считали виновником присвоения денег М. Л. Огаревой.

⁷ Имеется в виду воззвание «Что нужно народу?», напечатанное 1 июля 1861 г. в «Колоколе» и приложенное к нему отдельным оттиском. Действительно, оно было еще раз переиздано. М. К. Лемке утверждает, что воззвание было отпечатано в нескольких десятках тысяч экземпляров и в большом количестве ввезено в Россию.

⁸ Речь идет о воззвании к солдатам. Здесь вытертые места читаются примерно следующим образом: «О военных людях написать было бы нужное (или необходимое, или хорошее) дело. Вам военный язык известнее». Возможно, что Огарев имел в виду в качестве подходящего автора для создания прокламации к солдатам не Шелгунова, а Н. Н. Обручева. Тогда вытертые слова должны быть прочтаны иначе: «Обручеву этот язык известнее». О «тройной форме присяги» Огарев говорил также в прокламации «Что надо сделать войску?», написанной самим Огаревым и напечатанной в «Колоколе», 8 ноября 1861 г., л. 111. (См. настоящее издание, т. I, стр. 552.)

⁹ В этом абзаце речь идет о сборе средств среди членов тайного общества, образовавшегося в Петербурге и наметившего организацию многих комитетов в провинции. Расшифровка этого абзаца показывает, что в Петербурге уже существовала организация («Петербургская компания... налицо»).

¹⁰ Разбор этих проектов Огарев систематически печатал в «Колоколе».

¹¹ Этот абзац расшифрован нами следующим образом: «В июньской кн. «Современника» поместили по поводу статьи Шилля статью о государственном банке. Прелесть!» — Речь идет о статье Н. А. Серно-Соловьевича «Размышления по поводу статьи г. Шилля о государственном или земском заемном банке», напечатанной в 6-й книге «Современника» за 1861 г.

¹² Речь идет об обширной статье Огарева «Разбор нового крепостного права», напечатанной в «Колоколе» в листах от 15 июня — 1 сен-

тября и действительно выпущенной отдельным изданием в октябре 1861 г. Разбор «местных положений» был напечатан 15 июля и 1 августа.

¹³ В приписке Герцена в этом месте имеется в виду письмо Б. Н. Чичерина, направленное против Герцена и напечатанное в «Колоколе» 1 декабря 1858 г. в сопровождении статьи Герцена «Обвинительный акт».

К письму № 66

(см. стр. 455)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г.—О. VIII. 92. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», № 39—40, 1941 г., стр. 395—397.

² Первые строки обращены к Н. А. Тучковой.

³ Серна — Н. А. Серно-Соловьевич, находившийся в Берлине и печатавший в изд. Шнейдера свою брошюру «Окончательное решение крестьянского вопроса», которую решил подписать полным своим именем. Следовало ожидать, что после возвращения в Россию Серно-Соловьевич подвергнется в связи с опубликованием брошюры преследованию. Огарев и Герцен решили предложить Серно-Соловьевичу остаться за границей и действовать совместно. Об этом свидетельствуют слова письма: «Сколько работы можно бы пустить в ход, работы практичной, бьющей прямо по системе, по порядку вещей».

Из отзывов Огарева о Серно-Соловьевиче приведем следующий, находящийся в письме к Герцену от 31 августа 1860 г., не входящем в настоящее издание: «С[ерно]-Сол[овьевич] ему (сыну Герцена, А. А. Герцену. — *Ред.*) кланяется. От него письмо, которого не посылаю, потому что сам отвечаю на него; он издает брошюру на французском языке о русском участии в восточном вопросе, которая по основаниям выйдет очень хороша. Да! Это деятель, а может и организатор».

⁴ Речь идет, повидимому, о С. А. Усове, инженере, физике и математике, впоследствии (с 1867 г.) профессоре Артиллерийской академии. Помимо связи теоретической, о которой говорится в письме, Огарев брал у Усова уроки математики. См. о нем в работе Б. П. Козьмина «Герцен, Огарев и «молодая эмиграция», «Литературное наследство», т. 41—42, 1941, стр. 21—22.

⁵ В. А. Панаев — инженер-строитель железных дорог. Автор «Проекта освобождения крестьян», напечатанного Герценом и Огаревым в V кн. «Голосов из России» и в сокращенном виде приложенного к «Колоколу», л. 44. Об этом проекте см. статью Огарева в «Колоколе», л. 45.

⁶ Станислав Тхоржевский и Людвиг Чернецкий — сотрудники Герцена и Огарева по типографии и издательству.

⁷ Гиллер — представитель Польского революционного комитета в Лондоне.

⁸ Славянофил-космополит — повидимому, князь Юрий Николаевич Голицын, талантливый музыкант, дирижер, выступавший в Лондоне с концертами организованного им из крепостных хора. (См. о нем в «Былом и думах» Герцена.)

К письму № 67

(см. стр. 457)

¹ Печатается по фотокопии, хранящейся в ЦГАЛИ, ф. Огарева, № 359, ед. хр. 85. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, стр. 807. Датируется 1862 г. по времени выхода в свет французской брошюры Огарева.

² Огарев имел в виду свою книгу «Опыт о современном положении России. Письма к англичанину» на французском языке.

³ Речь идет о выдающемся молодом революционере Иване Ивановиче Кельсиеве, активном участнике студенческого движения в Москве. Кельсиев находился в ссылке в г. Верхотурье, Пермской губернии. Огарев перепечатал заметку «Студент И. И. Кельсиев и шайка разбойников бюрократов» из журнала «Правдивый» (№ 3) — см. «Колокол», л. 134.

⁴ Ожидалось, что 17 (29) апреля 1862 г., т. е. ко дню рождения Александра II, будет утвержден проект отмены телесных наказаний, представленный Н. А. Орловым в конце 1861 г. царю. Но отмены не произошло. Выдержки из записки Н. А. Орлова приведены в «Колоколе», 22 апреля 1862 г., л. 130.

К письму № 68

(см. стр. 458)

¹ Печатается по копии, хранящейся в ЦГАЛИ, ф. Огарева, № 359, ед. хр. 70. Адресовано Николаю Викентьевичу Альбертини, сотруднику «Отечественных записок» в 50-х и 60-х годах (до перехода журнала в руки Некрасова). Письмо впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 891.

² Огарев справедливо обвинил сотрудников «Отечественных записок» в том, что они занимаются «литературной дрязгой». Нападки и выступления различных либеральных публицистов как в «Отечественных записках», так и в других журналах против «Современника» во многих случаях действительно имели характер литературной дрязги. Образцы этой «полемики» были собраны и развенчаны в знаменитых статьях Чернышевского «Полемические красоты». Однако Огарев обвинял и «Современник» в способствовании тем же дрязгам. Эта ошибка Огарева объясняется тем, что он, как и Герцен, отрицательно относился к Некрасову и Панаеву. Глубокая сущность идейной борьбы Чернышевского и «Современника» вообще против либеральной идеологии в легальной печати была недооценена Огаревым. Так как полемика «Отечественных записок» против «Современника» изобиловала грязными намеками и дрязгами, Огарев считал необходимым обратиться по этому вопросу к одному из активных сотрудников «Отечественных записок» — Альбертини, находившемуся в Гейдельберге, поскольку он в это время был близок к революционной русской эмиграции. Огарев, разумеется, неправильно оценивал Альбертини, но в тот период еще невозможно было оценить его правильно.

³ С. С. Громека — бывший жандармский офицер, занявшийся журналистикой и являвшийся, как и Н. В. Альбертини, постоянным сотрудником «Отечественных записок». Громека корреспондировал

в «Колокол» и находился в течение 1861 г. в переписке с Герценом. Огарев совершенно точно определил его будущее, говоря: «Эдак вашим друзьям может прийти в голову, что ничуть не грешно соединиться и с этим мнимо-историческим направлением, лишь бы это было против *Чернышевского*». Речь шла о реакционном направлении Каткова, которое, говоря словами Огарева, шло по пути предательского полицейского доктринаризма. Громека сделался впоследствии седлецким губернатором и яростным проводником политики угнетения Польши после подавления восстания 1863 г.

⁴ О том, что дело в литературе кончено и что пришла пора действия (т. е. революционного действия), Огарев говорит в письме к Серно-Соловьевичу, а в печати в заключение «Предисловия» к сборнику «Русская потаенная литература» (см. в настоящем томе, письмо № 70; см. также т. I, стр. 466—467).

К письму № 69
(см. стр. 460)

¹ Печатается по фотокопии, хранящейся в ЦГАЛИ, ф. Огарева, № 359, ед. хр. 85. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 810—811. Датируется на следующем основании: А. Ф. Писемский, приезд которого упоминается в письме, явился в Лондон 19 июня 1862 г., которое приходилось на четверг.

² Это мнение Салиас относилось к французской брошюре Огарева. См. о ней примечание 2 к письму № 67.

³ *И. Я. Горлов* — профессор политической экономии Петербургского университета, последователь вульгарной школы, защитник буржуазного строя такой же, каким был Густав Молинари — бельгийский экономист. Оба клеветали на социализм.

⁴ Речь идет о пожарах в Петербурге, происходивших с 8 по 29 мая 1862 г. Этими пожарами правительство воспользовалось для того, чтобы натравить массу народа на студенческую молодежь и провести ряд реакционных мероприятий: аресты Чернышевского, Н. А. Серно-Соловьевича, Писарева и др., приостановка журналов «Современник» и «Русское слово», закрытие всех воскресных школ, закрытие всех обществ за исключением коммерческих, запрещение публичных лекций и т. д. Огарев безусловно ошибался, когда надеялся, что пожары заставят высшее сословие «порешительнее отказаться от своих прав» и вместе с народом требовать Земского собора.

К письму № 70
(см. стр. 462)

¹ Печатается по автографу, находящемуся в следственном деле Н. А. Серно-Соловьевича, ЦГИАМ, ф. 112, 1862 г., д. № 50, л. 8—9. Впервые опубликовано М. К. Лемке в статье о процессе 32-х в журнале «Былое», 1906 г., кн. 9—12. Здесь, однако, М. К. Лемке по ошибке приписал все письмо Герцену (Герцену фактически принадлежит только приписка).

В исправленном виде письмо напечатано в книге М. К. Лемке «Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», Спб. 1908,

стр. 21—22. Датируется в связи с отъездом П. А. Ветошника из Лондона, с которым письмо было послано в Петербург.

² В этом месте подлинник письма прошит шнуром дела и слово здесь прочитано быть не может; однако кандидату исторических наук А. Е. Кошовенко удалось при подготовке своей работы «А. И. Герцен в период революционной ситуации 1859—1861 гг.», обратившись к выпискам из этого письма, находившимся в следственном деле, установить, что фраза читается так: «*поясните же цели провинциям, ищите друзей в провинциях*» и ниже «*Рознь верхушек с народом*» (см. диссертацию).

³ N — Михаил Лазаревич Налбандян — выдающийся революционный демократ Армении.

⁴ Письмо см. в Полном собрании сочинений и писем А. И. Герцена, под ред. М. К. Лемке, т. XV, стр. 218.

⁵ Герцен имеет в виду свою статью против Каткова и Леонтьева «Дурные оружия». (См. Полное собрание сочинений А. И. Герцена, под ред. М. К. Лемке, т. XV, стр. 226.)

⁶ Герцен допустил здесь большую неосторожность; попав в руки царского правительства, письмо Герцена явилось одной из улик связей Чернышевского с Герценом. Чернышевскому лишь после серьезной и напряженной борьбы удалось заставить сенат отказаться от этого пункта обвинения.

К письму № 71

(см. стр. 464)

¹ Печатается по фотокопии, хранящейся в ЦГАЛИ, ф. Огарева, № 359, ед. хр. 85. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 812—813. Датировано 1862 г.

² Речь идет о статье Герцена «Молодая и старая Россия», помещенной в «Колоколе» 15 июля 1862 г. в листе 139. Статья посвящена прокламации «Молодая Россия».

³ Речь идет о статьях Каткова, клеветавшего на Герцена и Огарева в «Русском вестнике» и в прилагаемой к нему «Современной летописи». В этих статьях Герцен и Огарев были обвинены в том, что они являются «поджигателями», вдохновителями пожаров.

⁴ В 1862 г. вышла последняя книжка «Полярной звезды» 2-й выпуск 7-й книжки. Еще одна — 8-я книжка вышла через 6 лет, в начале 1869 г.

⁵ Об изданных на французском языке извлечениях из записок Руфина Пиотровского и об издании «Записок» по-русски см. «Литературное наследство», т. 61, М. 1953, стр. 814.

К письму № 72

(см. стр. 466)

¹ Печатается по черновому автографу на французском языке, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. Огарева, № 359, ед. хр. 78, частью в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VI. 27. Зап. кн. № 9. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 895—898.

² Речь идет о неоднократно упоминавшейся выше французской брошюре Огарева 1862 г. Письмо является препроводительным при посылке брошюры.

³ Огарев заявляет о своем согласии с критикой парламентаризма, содержащейся в упомянутой Огаревым книге Милля «Замечания о представительном образе правления».

⁴ Огарев вовсе не был солидарен с экономическими и философскими взглядами Милля. Он преувеличивал глубину и прогрессивность критики Миллем политической системы буржуазного государства.

⁵ Джон Стюарт Милль ответил 7 ноября 1862 г. на письмо Огарева письмом, опубликованным в собрании его переписки («The letters of John Stuart Mill», London, New-York, Bombay and Calcutta 1910, vol. I, pp. 266—267. «Письма Джона Стюарта Милля», Лондон, Нью-Йорк, Бомбей и Калькутта 1910, т. 1, стр. 266—267).

Публикуем письмо в переводе с французского:

St. Veran, 7 ноября 1862.

Милостивый государь,

Искренне благодарю Вас за Ваше письмо и за присланную книгу. Я не только далек от равнодушия к огромной моральной, политической и социальной революции, которая быстрыми шагами приближается в России, но рассматриваю ее как одно из наиболее важных явлений века, уже столь богатого великими событиями. Я с живейшим интересом наблюдаю все ее перипетии, хотя испытываю трудности при оценке их значения иначе, как с общей точки зрения. Вы можете, следовательно, судить о пользе, которую я могу извлечь из Вашего очерка для того, чтобы сделать более точными мои представления и придать больше определенности моим надеждам.

Что касается ваших выводов, некоторые из которых, Вы полагаете, могут показаться мне спорными, то я бы должен был обладать большим сомнением, чтобы решительно судить, как должны быть применены общие принципы социальной науки к положению вещей, столь далекому от всех положений, хорошо мне известных. Но во мне нет доктринерского отвращения к общинному управлению землей. И я недалеко от того, чтобы вместе с Вами считать, что социальная реорганизация России не должна нарушить идущее из глубины веков и столь укоренившееся в народных обычаях устройство. Если признать это, то большинство ваших выводов естественно отсюда вытекает. Как бы то ни было, мне кажется, что нельзя не согласиться с основной мыслью вашей книги, т. е. с тем, что чиновничество составляет действительную язву России и что всякое преобразование останется безуспешным, если не освободит из-под его несносного ига людей и вещи и не отдаст равно общие и частные интересы на решение самих заинтересованных. Это, по моему убеждению, важнее самой благоустроенной системы представительства, хотя в России, кажется, и то и другое должны идти рука об руку и друг для друга необходимы.

К письму № 73

(см. стр. 468)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г.—О. V. 407. Впервые опубликовано в журнале «Русская мысль», 1902, кн. XI, стр. 165. Принадлежащая Герцену часть письма воспроизведена в Полном собрании сочинений, под ред. М. К. Лемке, т. XV,

стр. 473. Здесь письмо датировано «сентябрь 1862». Принимаем эту дату.

² Герцен имеет в виду свои выступления против московских либералов, в частности статью «Москва нам не сочувствует» («Колокол», 1 июня 1862 г., л. 135). Кетчер, Корш и некоторые другие упомянутые Герценом лица принадлежали к кругу его друзей и друзей Грановского в 40-х годах. Окончательная, открытая измена либералов заключалась в том, что они примкнули к реакции и, в частности, приняли участие в травле Герцена и Огарева, поднятой М. Н. Катковым и подхваченной Б. Н. Чичериным.

³ Н. Х. Кетчер и Е. Ф. Корш в 1862 г. способствовали изданию книги Б. Н. Чичерина со статьей против Герцена во главе ее. Книга называлась «Некоторые современные вопросы», изд. К. Солдатенкова, М. 1862.

⁴ Н. Ф. Павлов — издатель и редактор рептильной газеты «Наше время», выступавшей против демократического лагеря.

⁵ Станкевич Александр Владимирович — младший брат Н. В. Станкевича, впоследствии издатель переписки Грановского и составитель биографического очерка о нем. (См. «Грановский и его переписка», 2 т., Спб. 1897.)

⁶ Н. А. Мельгунов во второй половине пятидесятых годов корреспондировал в «Колоколе», находился в деятельной переписке с Герценом и Огаревым (см. его письма «А. И. Герцену и Н. П. Огареву», опубликованные в «Литературном наследстве», т. 62, М. 1955, стр. 308). В шестидесятых годах он оказался в числе противников Герцена и Огарева.

⁷ Огарев рассматривает поведение всех перечисленных Герценом деятелей как политическую измену. Сатин, насколько мы знаем, внял советам своих друзей. Его имя не встречается среди имен участников всевозможных кампаний против лагеря революционной демократии.

Огарев в эпиграмме так охарактеризовал реакцию 1862 г.:

Что за год бесчеловечий!
Жатва сгибла в гное слов,
И взошли от корня Гречей
Все Чичерин и Катков.

К письму № 74

(см. стр. 805)

¹ Печатается по копии, снятой перлюстратором. Копия хранится в ЦГИАМ, ф. № 95, 1862 г., д. № 63, л. 30—33. Впервые опубликовано в Полном собрании сочинений и писем А. И. Герцена, т. XV, стр. 489—493.

Адресат письма, Владимир Федорович Лугинин, участник политической борьбы шестидесятых годов, принадлежавший к либеральному направлению. Через его посредство Герцен и Огарев пытались привлечь наиболее видных представителей либеральных помещиков, например И. С. Тургенева, тверских дворян и др., к участию подачи Александру II адреса с требованием созыва Земского собора.

² Исходя из программы тайного общества «Земля и Воля», Герцен и Огарев намеревались организовать обращение к Александру II

с адресом, в котором указывалось на неудовлетворительность реформы 1861 г. и выдвигалось требование созвать для решения вопроса об общественном и политическом устройстве России Земский собор. В соответствии с тактикой общества «Земля и Воля» Герцен и Огарев считали, что отказ царского правительства от созыва Земского собора явится для народа наглядным доказательством необходимости добиваться в России подлинной свободы путем вооруженного восстания. Однако в связи с арестами в 1862 г. членов Петербургской организации и изменением планов общества «Земля и Воля» печатание адресов было приостановлено, а затем Герцен и Огарев и вовсе отказались от агитации с помощью адресов. (См. литографированные письма Огарева, хранящиеся в ЦГИАМ, ф. 109, III отд. 1 эксп., 1862, д. № 230, ч. 41.)

² Примечания к докладу Государственного совета о преобразовании судебной части, составленные Огаревым, были анонимно напечатаны в «Колоколе», 22 октября и 1 ноября 1862 г., л. 148 и 149. Именно о них Огарев говорит как о неудачной работе. Статью же, рекомендуемую вниманию Лугинина, Огарев начал печатать в л. 150 от 15 ноября 1862 г. под заглавием «Разбор основных положений преобразования судебной части» и окончил в листе 154 от 15 января 1863 г.

⁴ И. С. Тургенев писал 8 октября 1862 г. В. Ф. Лугинину с просьбой сообщить его замечания в Лондон, т. е. Герцену и Огареву: «Главное наше несогласие с О[гаревым] и Г[ерценом]... состоит именно в том, что они, презирая и чуть не топча в грязь образованный класс в России, предполагают революционные или реформаторские начала в *народе*; на деле это совсем наоборот. Революция в истинном и живом значении этого слова — я бы мог прибавить: в самом широком значении этого слова — существует *только* в меньшинстве образованного класса, — и этого достаточно для ее торжества, если мы только самих себя истреблять не будем». («Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», Женева 1892, стр. 153.)

⁵ Если буква «К» обозначает Кельсиева, то речь идет о младшем брате В. И. Кельсиева — молодом революционере, студенте Иване Ивановиче Кельсиеве.

⁶ Поправки были предложены Огаревым с целью добиться согласия И. С. Тургенева и других лиц, с которыми советовался Лугинин, подписать смягченную редакцию адреса, но это ни к чему не привело. Тургенев фактически отказался под различными предлогами от участия в агитационной кампании, которую он на словах поддерживал. Для Огарева и Герцена это было доказательством справедливости и необходимости принятого ими решения разорвать окончательно с либералами, а в их числе и с И. С. Тургеневым. Однако русская революционная группа, организовавшаяся в Гейдельберге, успела налитографировать проект адреса № 1 еще до того, как Огарев вообще приостановил печатанье адресов.

К письму № 75

(см. стр. 474)

¹ Печатается по тексту, опубликованному М. П. Драгомановым в издании: «Письма М. А. Бакунина к Ал. Ив. Герцену и Н. П. Огареву», Женева 1896, стр. 87—89.

² Речь идет о посылке через графиню Е. В. Салиас письма Бакунина в Россию.

³ Имеется в виду Владимир Федорович Лугинин. См. о нем примечание 1 к письму № 74.

⁴ Имеется в виду рекрутский набор, объявленный в Польше с целью изъять революционные элементы (5 рекрут с тысячи мужчин в городах), что грозило полным разгромом революционной организации. В конце октября 1862 г. было разъяснено, что набор производится не только в городах, и опасность стала меньше. Польский революционный комитет все же постановил начать восстание в дни набора. Восстание, действительно, началось в ночь с 22 на 23 января 1863 г., через неделю после начала набора. Герцен и Огарев, считая восстание в Польше преждевременным, стремились добиться его отсрочки до того времени, пока не будет возможно совместное и одновременное выступление польской и русской революционных организаций. Бакунин же поддерживал предложение руководителей польского движения о немедленном восстании.

⁵ Важнейшая часть настоящего письма Огарева посвящена изложению его взгляда на задачи революционного движения в ближайшие годы. Ср. с его определением тех же задач в рукописи «Три вопроса» (в настоящем томе, стр. 113—118). Как явствует из настоящего письма, Огарев не разделял анархистских взглядов Бакунина и не поддерживал его авантюристической тактики. Следует, однако, отметить, что в 1863 г. и Герцен и Огарев под давлением Бакунина совершили несколько шагов, ошибочных и не соответствовавших их постоянным принципам (например, поддержка авантюристической «экспедиции полковника Лапинского» и пр.). См. об этом в «Былое и думы», глава «Бакунин и польское дело».

К письму № 76

(см. стр. 476)

¹ Печатается по фотокопии, хранящейся в ЦГАЛИ, ф. Огарева, № 359, ед. хр. 85. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 819.

² Как указал Б. П. Козьмин при публикации настоящего письма, буквой П., вероятно, обозначен Провансов, т. е. заграничный представитель «Земли и Воли» — А. А. Слепцов.

К письму № 77

(см. стр. 476)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ИЛИ (Пушкинский дом) в Ленинграде в фонде М. И. Семевского, ф. 274, оп. 3, № 77. Впервые опубликовано в сборнике «Звенья», т. VI, М. 1936, стр. 381—383.

² В письме от 13 марта 1863 г. В. С. Печерин, порвавший в 1861 г. с католическим орденом редемптористов, в котором он был послушником и монахом с 1840 г., писал Огареву, между прочим, следующее: «...не лишайте меня права называться русским и сочувствовать и по силам содействовать людем «Земли и Воли». «Земля и Воля» в моих глазах высокий идеал общегосударственного устройства». (См. «Звенья»,

т. VI, 1936, стр. 384, примечания.) Эти слова и дали повод Огареву обратиться к Печерину с предложением принять участие в совместной борьбе землевольцев и польских повстанцев в Литве и в Польше.

³ Орифламма (от *or flamme* — золотое пламя) — боевая хоругвь французских королей из красного шелка на золоченом древке. «Возьмешь мою ты орифламму в длани» — слова Жанны д'Арк из трагедии Шиллера «Орлеанская дева», означающие, что Жанна д'Арк будет идти впереди войска.

⁴ Ответ В. С. Печерина, письмо от 6 апреля 1863 г., см. «Звенья», т. VI, стр. 383—385. Печерин писал здесь, между прочим: «От всей души я готов подписать Вашу программу». Он, однако, не видит возможности ее практического применения: «Как, где и когда, — спрашивает Печерин. — Ведь мы еще не в России, мы отделены от все китайской стеной... Мне кажется, вы продаете шкуру медведя, а медведь-то еще жив и здоров — смотрите, как он ломает кости поляков». («Звенья», т. VI, стр. 384.)

К письму № 78

(см. стр. 478)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г.—О. IV. 4. Является припиской к письму Герцена, датированному 21 апреля 1863 г. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 41—42, М. 1941, стр. 69—70. Письмо адресовано в Стокгольм, где Бакунин находился после неудачи экспедиции польского повстанческого отряда на корабле «Ward Jackson» (известной под названием «экспедиции Лапинского»).

² *Финн* — Э. Ф. Квантен — студент, участник первых совместных действий «Земли и Воли» и финской организации.

³ В двадцатых числах апреля Огарев писал подробную инструкцию для Бакунина и отправлявшегося в Стокгольм сына Герцена — Саши, т. е. Александра Александровича. Эту инструкцию см. в настоящем томе «Три вопроса», стр. 113.

⁴ Европейская нота — ноты относительно положения в Польше, с которыми три державы — Англия, Франция и Австрия обратились к царскому правительству в апреле 1863 г. Вопросу о действиях революционной организации в случае войны посвящено письмо Огарева от 8 мая.

⁵ *Нордстрем* — деятель финского освободительного движения, через посредство которого обсуждался вопрос о координации действий финнов и землевольцев (см. об этом в рукописи Огарева «Три вопроса»).

К письму № 79

(см. стр. 479)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г.—О. IV. 6. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 41—42, 1941, стр. 72—73. Там же смотри приписку Герцена.

² *Финн* — см. примечание 2 к предыдущему письму.

³ *Юниор* — т. е. младший — А. А. Герцен, отправился из Лондона в Стокгольм 16 мая 1863 г. (См. А. И. Герцен, Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 263.)

⁴ Имеется в виду статья Огарева «Надгробное слово», посвященная памяти А. А. Потемби. (См. настоящее издание, т. I, стр. 647.)

⁵ *Иосиф Демонтович* — принадлежал к демократическому крылу польского национального освободительного движения. Заграничный представитель Варшавского Центрального комитета. Комиссар повстанческой «экспедиции Лапинского».

⁶ Катковским называл М. Н. Каткова П. В. Долгоруков. Огареву это понравилось, и он неоднократно именует так Каткова.

⁷ Шутка: «День» — название славянофильской газеты, издаваемой И. С. Аксаковым.

К письму № 80

(см. стр. 481)

¹ Печатается по перлюстрационной копии, находящейся в ЦГИАМ, ф. № 95 1862 г., д. № 63, л. 126—127. Перлюстрационная копия малограмотна и изобилует ошибками. Исправления внесены нами только в очевидных случаях. Впервые опубликовано М. К. Лемке в комментариях к сочинениям Герцена. (См. Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 90—92.)

² Обращено к Александру Александровичу Слепцову (Провансов), приехавшему в Лондон в качестве члена Центрального народного комитета общества «Земля и Воля» в самом начале февраля 1863 г. для ведения переговоров с Герценом и Огаревым. Отсюда в марте 1863 г. он переехал в Париж.

³ Кого обозначил Огарев фамилией «Г. Кон» (если перлюстратор правильно прочел ее), не установлено до настоящего времени.

⁴ Из этого рассуждения Огарева очевидно, насколько неправы были исследователи, полагавшие, что Огарев был противником вооруженной революционной борьбы, и истолковывавшие его взгляды как реформистские и либеральные.

⁵ А. А. Слепцов принадлежал к так называемой «организации пропагандистов», составлявшей лишь часть тайного общества «Земля и Воля». Другую его часть составляла так называемая «народная организация вооруженных борцов». Об этом расчленении рассказал Н. И. Утин в статье «Пропаганда и организация», напечатанной в 1868 г. в журнале «Народное дело» № 2 и 3, Женева, стр. 34. Обе части расходились в некоторых важных вопросах, например в вопросе о сроке восстания, о том, какую задачу считать первоочередной — подготовку организации к восстанию или задачу общей и длительной пропаганды. К сожалению, мы лишены возможности вскрыть во всей полноте, что разумеет Огарев под «организацией хозяйства» или под выражением: найти «одного управляющего», — для этого нет необходимых данных, поскольку архив общества был уничтожен. Но нет сомнения, что между различными частями общества имелись более или менее значительные трения и разногласия.

⁶ Очевидно, А. А. Слепцов предполагал отойти от общества, не разделяя курса на вооруженное восстание, которого придерживалось общество весной 1863 г. (См. об отходе А. А. Слептова в письмах Н. И. Утина к Огареву, опубликованных в «Литературном наследстве», т. 62, М. 1955.)

К письму № 81

(см. стр. 483)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г.—О. VIII. 2. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 41—42, М. 1941, стр. 74—75. Феликс, молодой польский деятель, участник «экспедиции Лапинского», секретарь Демонтовича.

² Письмо А. А. Герцена в печати неизвестно.

³ Тангенс и котангенс — шифры для переписки.

⁴ Огарев говорит о речи А. А. Герцена на банкете в Стокгольме.

⁵ Речь М. А. Бакунина вызвала неудовольствие Герцена и Огарева. Она опубликована в издании «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», Женева 1896, стр. 134—143. (См. ниже письмо № 84 и примечание 2 к нему.)

⁶ Зоя Владимировна — «Земля и Воля».

⁷ Ответ на предложение осветить финский вопрос в «Колоколе». Помимо мелких заметок в эти месяцы в «Колоколе» (15 ноября 1863 г., л. 173) напечатана статья «Голос из Финляндии» за подписью: Финляндец.

⁸ Ага — прозвище Огарева, которое укоренилось в семье Герцена.

⁹ В речи Феликса на обеде в Стокгольме был добрым словом помянут А. А. Потемкин. Речь была напечатана в газете «Opinion Nationale».

К письму № 82

(см. стр. 485)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г.—О. IV. 8. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 41—42, М. 1941, стр. 79—80. Является припиской к письму Герцена от 1 сентября 1863 г.

² Надежды на предстоящее введение конституции в России отмечались также и в письме Герцена: «Конституция, говорят, — писал он, — явится скоро для всей России...».

³ *Штраубе* — книгопродавец в Стокгольме. Бакунин рекомендовал его Герцену и Огареву в качестве человека, сочувствующего делу революционной пропаганды, «честного, серьезного и педантически осторожного». Бакунин пытался организовать через Штраубе регулярную доставку изданий Вольной типографии в Петербург.

К письму № 83

(см. стр. 486)

¹ Печатается по фотокопии, хранящейся в ЦГАЛИ, ф. Огарева, № 359, ед. хр. 85. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 820—821.

² Речь идет об отъезде Герцена 15 сентября 1863 г. на континент. Эта поездка, предпринятая с целью свидания с дочерьми, жившими во Флоренции, была Герценом использована для восстановления утраченных связей со многими деятелями «Земли и Воли», эмигрантами, находившимися в Париже, Женеве, Флоренции, Генуе, Неаполе и других городах.

³ Речь идет о письме Е. В. Салиас к И. И. Кельсиеву, находившемуся после бегства из Московского дома заключения у своего брата в Тульче. Как выяснилось впоследствии, Огарев письма этого не сжигал.

⁴ Жена В. И. Кельсиева — Варвара Тимофеевна.

⁵ В связи с указом 30 июля 1863 г. об отмене обязательных отношений между крестьянами и помещиками украинских губерний с тем, чтобы наделы выкупались немедленно, возникли крестьянские волнения. Крестьяне отказывались от взноса платежей. В некоторых местностях дело дошло до вмешательства войск; многие крестьяне были арестованы.

⁶ Огарев имеет в виду повести Евгения Салиаса «Ксаня чудная» и «Тьма».

⁷ Т. е. от И. И. Кельсиева.

⁸ П. В. Долгоруков. Он напечатал в издаваемом им «Листке» заметку о том, что «редактор «Голоса» Краевский состоит на жалованье у петербургского правительства».

⁹ О В. Ф. Лугинине см. примечание 1 к письму № 74.

К письму № 84

(см. стр. 488)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г.—О. VII. 1. Подлинник не датирован. Впервые было напечатано с датой 12 октября 1863 г. в издании «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», под ред. и с прим. Н. П. Драгоманова, Женева 1896, стр. 147—150. Как указал Драгоманов, он напечатал текст по копии Н. А. Тучковой и на основании этой копии датировал письмо. Однако копия дефектная, избыливающая описками и ошибками чтения.

² Письмо Герцена с возражениями Бакунину напечатано в Полном собрании сочинений и писем А. И. Герцена под ред. М. К. Лемке, т. XVI, стр. 490—493. О конфликте между Бакуниным и А. А. Герценом см. также в переписке Герцена, т. XVI, стр. 538—539.

³ Э. Ф. Квантена.

⁴ Огарев имеет в виду отношения Бакунина с польскими деятелями Булевским, Цверцкевичем, Демонтовичем, Лапинским.

⁵ *Мартьянов П. А.* — крестьянин. Жертва своей наивной веры в «земского царя», Мартьянов обнародовал свое письмо к Александру II в «Колоколе» (8 мая 1862 г., л. 132) и выпустил брошюру «Народ и государство», отпечатанную в Вольной типографии (1862). И после этого, несмотря на предупреждение Герцена и Огарева, решился возвратиться в Россию, не веря, что его за правду будут преследовать. Он был на границе арестован и осужден на каторжные работы, затем на поселение. Умер в 1865 г. в тюремной больнице в Иркутске. Брошюра, о которой говорит Огарев, была написана Бакуниным в 1862 г. и выпущена под названием «Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель» в Лондоне.

⁶ Об этом же хвастовстве Огарев писал А. А. Герцену 11 июня 1863 г. (см. выше, письмо № 81).

К письму № 85

(см. стр. 491)

¹ Печатается по фотокопии, хранящейся в ЦГАЛИ, ф. Огарева, № 359, ед. хр. 85. Впервые напечатано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 824—825.

² Печатаемое письмо, как в части, написанной Огаревым, так и в части, написанной Герценом, касается весьма глубоких расхождений и разногласий Герцена и Огарева с Е. В. Салиас, которая принадлежала к числу растерявшихся дворянских либеральных интеллигентов. В основе разногласий были нападки Салиас на позицию Герцена и Огарева в вопросе о польском движении, на борьбу Герцена и Огарева за демократически-крестьянскую программу польского восстания.

³ *Осип Иванович* — Джузеппе Мадзини.

⁴ *Бронислав Шварц* (или Шварце) — сын польского повстанца, эмигрировавшего во Францию после восстания 1830 г. Б. Шварц родился и вырос во Франции. Участвуя в польском восстании 1863 г., был взят русскими войсками в плен и заключен в Шлиссельбургскую крепость, где провел 7 лет. Более подробные данные о Шварце и библиографию см. в примечаниях Б. П. Козьмина при публикации настоящего письма в «Литературном наследстве».

⁵ Речь идет о Н. А. Орлове — одном из инициаторов борьбы за отмену телесных наказаний в войсках и во флоте.

⁶ *Игнатий Хмелинский* — польский революционер, эмигрант.

⁷ О Е. Штраубе — см. примечание 3 к письму № 82.

К письму № 86

(см. стр. 493)

¹ Печатается по фотокопии, хранящейся в ЦГАЛИ, ф. Огарева, № 359, ед. хр. 85. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 827—828.

² Это письмо Е. В. Салиас напечатано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 826.

³ Речь идет о кн. Николае Ивановиче Трубецком, переселившемся из России во Францию. Трубецкой принадлежал к кругу фрондирующей знати, находившейся в оппозиции к царскому правительству.

⁴ О П. А. Мартьянове Огарев всегда вспоминал с глубокой болью и сожалением. См. письмо № 84 и примечание 5 к нему.

⁵ Статьи Герцена, упоминаемые в приписке, напечатаны в «Колоколе», 15 января 1864 г., л. 177.

К письму № 87

(см. стр. 494)

¹ Печатается впервые по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. Герцена, № 129, ед. хр. 96. Датируется на основании упоминания полемики Л. Воловского с несколькими иностранными и русскими публицистами и экономистами по вопросу о состоянии русских финансов. Poleмика эта происходила в январе — марте 1864 г. Огарев

выступил в «Колоколе» с обширной статьей «Финансовые споры», печатавшейся с 15 февраля по 1 мая 1864 г. Поскольку Огарев говорит лишь о предстоящем выступлении на эту тему, письмо следует датировать: «вторая половина января — начало февраля 1864 г.».

² Л. Воловский — французский буржуазный экономист, книгу которого «Questions des Banques» («Вопросы банков», Париж 1864) Огарев внимательно изучал. 15 января 1864 г. Л. Воловский выступил на страницах журнала «Revue des deux Mondes» со статьей «Les finances de la Russie» («Русские финансы»). Ему отвечали и за рубежом и в России многие экономисты. Эти споры и осветил Огарев в названной выше статье. (Имеется отдельное издание работы Огарева «Финансовые споры», Лондон 1864, стр. 1—72.)

³ Мишель Шевалье — французский публицист и экономист, начавший свою деятельность статьями в сен-симонистских журналах «Organisateur» и «Globe», активный деятель сен-симонистской школы, автор известной, вышедшей после Меньшимонанского процесса, книжки, своего рода завещания сен-симонизма — «Очерк поэтической геологии» (1832). В дальнейшем выступал со многими публицистико-экономическими книгами. В шестидесятых годах — сотрудник буржуазных газет и журналов, апологет «прогрессивного» капитализма, постоянно сотрудничал в «Journal des Débats».

К письму № 88

(см. стр. 495)

¹ Печатается по копии, хранящейся в ЦГИАМ, ф. 109, III отдел. 1 эксп., 1864 г., д. № 8, ч. 4, л. 19—25. Черновой автограф находится в записной книжке Огарева (ОРГБЛ, ф. Г.—О. VI. 31. Зап. кн. № 7, л. 37 об. — 26 об.). Впервые опубликовано в комментариях к Полному собранию сочинений и писем А. И. Герцена под ред. М. К. Лемке, т. XVII, стр. 132—135.

² Письма О. С. Гончара к Герцену и Огареву хранятся в «Пражской коллекции» и опубликованы в «Литературном наследстве» (т. 62, стр. 72—78, в том числе и упоминаемое Огаревым. Гончар — влиятельный старообрядец, «атаман некрасовцев», выселившихся от преследований царского правительства в Турцию. Гончар приезжал в августе 1863 г. в Лондон для свидания и переговоров с Герценом и Огаревым. Портрет Гончара нарисован Герценом в «Былом и думах». (См. А. И. Герцен, Былое и думы, 1946, стр. 737—738.) Герцен упоминает и «адресы», которые подавали старообрядцы «поповщинского согласия» Александру II. «Он (Гончар) и от нас уехал, качая головой; написал потом два-три письма, в которых, между прочим, жаловался на Кельсиева, и подал, вопреки нашего мнения, адрес государю». (Там же, стр. 738.) Вот об этом-то адресе и идет речь в письме Огарева.

³ Какой-то Жуковский, польский эмигрант, был в Тульче почтовым чиновником. Через него и осуществлялась связь с В. И. Кельсиевым.

⁴ Никакого более «резкого» адреса некрасовцы не подавали.

⁵ Имеется в виду борьба между двумя центрами старообрядчества — Белокриницей и Москвой по вопросу о том, кому из них возглавлять все «поповщинское согласие».

⁶ Один из руководителей старообрядчества — Геронтий Леонов (или Ливанов) был арестован и содержался в Шлиссельбургской крепости.

⁷ Издателя «Европейца» Л. Блюмера П. В. Долгоруков вскоре после выхода 1-го номера этого журнала объявил в статье, напечатанной в «Листке» (№ 19), «агентом русской тайной полиции». До настоящего времени вопрос о Л. Блюмере не вполне ясен.

К письму № 89

(см. стр. 499)

¹ Печатается по фотокопии, хранящейся в ЦГАЛИ, ф. Огарева, № 359, ед. хр. 85. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 832—833.

² Иван Иванович Кельсиев умер на двадцать третьем году жизни от тифа 9 июня 1864 г. Брат его, Василий Кельсиев, рассказал об обстоятельствах этой смерти в своей «Исповеди». (См. «Литературное наследство», т. 41—42, М. 1941, стр. 380—381. Письма И. И. Кельсиева к Огареву и Герцену опубликованы в «Литературном наследстве», т. 62, М. 1955, стр. 229—253.)

³ В этом номере «Московских ведомостей» петербургский корреспондент (подпись «Х») клеветал на русских революционеров, обвиняя их в сговоре с врагами России, в государственной измене и т. д., в том, что декабристы (Пестель и С. И. Муравьев-Апостол) вели с польскими революционерами «преступные» переговоры.

⁴ Огарев говорит об С. А. Усове.

⁵ Переезд типографии и редакции «Колокола» из Лондона в Женева завершился около 12 апреля 1865 г.

К письму № 90

(см. стр. 500)

¹ Печатается по копии, хранящейся в ЦГИАМ, ф. 109, III отд., 1 эксп., 1864 г., д. № 8, ч. 4, л. 30—32. Впервые опубликовано в комментариях к Полному собранию сочинений и писем А. И. Герцена под ред. М. К. Лемке, т. XVI, стр. 280—282.

² О Геронтии Леонове (или Ливанове) см. примечание 6 к письму № 88.

³ Крестьянин-старообрядец Носов был арестован в декабре 1863 г. Дело Носова излагалось в «Пермских губернских ведомостях».

⁴ Речь идет о «Европейце», см. письмо № 88.

⁵ *Михаил Васильев* — см. о нем в «Исповеди» В. И. Кельсиева, «Литературное наследство», т. 41—42, 1941, стр. 382 и сл.

К письму № 91

(см. стр. 503)

¹ Печатается по фотокопии, хранящейся в ЦГАЛИ, ф. Огарева, № 359, ед. хр. 85. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 835—836.

² Как указывалось выше, Огарев брал у С. А. Усова уроки математики. Об этом постоянном интересе Огарева к математическим

дисциплинам см. в переписке Герцена, а об уроках у Усова, например, в письме от 15 августа 1864 г. к А. А. Герцену (*А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XVII, стр. 333*).

³ Статьи Герцена «VII лет» (т. е. семилетие со дня основания «Колокола») и «*Camicia Rossa*» — о Гарибальди, вошедшая в «Былое и думы».

К письму № 92

(см. стр. 504)

¹ Печатается по фотокопии, хранящейся в ЦГАЛИ, ф. Огарева, № 359, ед. хр. 85. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 836—838.

² *Павел Васильевич и Василий Петрович* — Анненков и Боткин; о каких их выступлениях идет речь, не установлено.

³ *Шедо-Ферроти* — реакционный публицист, агент русского правительства барон Ф. И. Фиркс. Брошюра посвящена польскому вопросу и защищала политику «уступок» Польше. Эту политику поддержал, в частности, министр народного просвещения А. В. Головнин, вдохновитель и покровитель этого выступления Фиркса. Нападение Каткова на брошюру см. в «Московских ведомостях» (№ 195 и 196, 1864 г.). См. также *А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. XVII, стр. 347—351* — выступление Герцена по поводу этой полемики и комментариев М. К. Лемке (там же, стр. 351—362).

К письму № 93

(см. стр. 505)

¹ Печатается по подлиннику, который находится в ЦГИАМ в деле высочайше учрежденной Следственной комиссии, ф. 95, 1866, № 302, ч. IV, л. 2. Впервые опубликовано в журнале «Красный архив» № 1 (38) 1930 г., в сообщении Б. Козьмина, стр. 172—173.

Адресат письма — купец, владевший спичечной фабрикой в г. Слободском, Вятской губернии. Будучи за границей, познакомился с Огаревым, Н. И. Утиным и др. Предполагалось его участие в транспортировке изданий Вольной типографии в Россию.

² Вероятно, речь идет о встрече с Герценом, которая не состоялась.

³ И. П. Ворожцов на допросе давал уклончивые ответы; в частности, на вопрос, кто такой Л., он попытался заявить, что речь идет о Лапре — переводчике, ездившем с ним за границу, что мало правдоподобно. (См. «Красный архив» № 1 (38), 1930 г., стр. 172 и 173.)

⁴ Речь идет о «Письме третьем» в «Письмах к «Одному из многих»». (См. настоящее издание, т. I, стр. 676—687.)

К письму № 94

(см. стр. 506)

¹ Печатается отрывок по фотокопии, хранящейся в ЦГАЛИ, ф. Огарева, № 359, ед. хр. 85. Впервые полностью опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 841—842.

² Речь идет о детях Евдокии Васильевны Сухово-Кобылиной, в замужестве Петрово-Соловово. Е. В. Салиас решила отдать детей в швейцарский пансион. Огарев советовал не делать этого, чтобы не оторвать детей от родины.

³ Женни — сын Е. В. Салиас — Е. А. Салиас.

⁴ «Монжажа» — повесть Е. А. Салиаса, напечатанная в «Отечественных Записках», 1864, кн. 8.

⁵ «Смесь» листа 194 «Колокола» от 1 февраля 1865 г. была составлена Огаревым по газетам.

⁶ Статья «Освобождение крестьян в России и польское восстание», с подзаголовком «Из Москвы» и подписью «В—ъ» напечатана в «Колоколе», л. 194 и 195, 1 февраля и 1 марта 1865 г.

К письмам № 95—96

(см. стр. 508—509)

¹ Печатается перевод чернового французского автографа, находящегося в записной книжке Огарева. Автограф хранится в ОРГБЛ, ф. Г.—О. VI. 34. Записная книжка № 11, л. 21—26. Оба наброска впервые опубликованы в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 902—905.

² Письмо направлено против идеалистических высказываний Мадзини в его брошюре, полемизирующей с энцикликой папы Пия IX. Брошюра появилась на нескольких языках в конце 1864 и начале 1865 гг. Огарев задумал брошюру, обращенную к Мадзини под заглавием «Письма к идеалисту». По совету Герцена он остановился на заглавии «Письма к Мадзини». Была ли закончена Огаревым рукопись «Письма к Мадзини», неизвестно. (См. об этом вступительную заметку Н. Захарьина к публикации письма в указанном томе «Литературного наследства».)

К письму № 97

(см. стр. 511)

¹ Печатается по автографу (черновому, с поправками рукой Герцена), находящемуся в ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 134. Перевод Л. Ланского. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 906—907.

² Письмо написано в связи с исполнявшимся летом 1865 г. 600-летием со дня рождения Данте.

³ Это стихотворение на русском языке и прозаический перевод его на французский язык были приложены к письму.

К письму № 98

(см. стр. 512)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г.—О. VIII. 106. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 422—424. Датировка по признакам времени в данном случае невозможна. Годовая дата устанавливается условно по сходству мотивов и тона письма, совпадающего с письмами 1866 г. Первая часть письма опущена ввиду того, что в ней обсуждаются только бытовые вопросы, не имеющие общественного значения.

² В феврале 1865 г. Огарев просил Герцена достать ему некоторые работы Антуана Курно, французского математика и экономиста, пропагандировавшего математический метод в политической экономии. Огарев писал: «...привези мне Курно — приложение математики к политич[еской] экономии. Этого мне нельзя не знать; он мог не понять где фокус (foyer) всего дела в полит[ической] экономии, рассматриваемой с этого штандпункта, но попытку эту *видеть я хочу* и чем скорей, тем лучше. В приложении алгебры к геом[етрии] Курно один из самых симпатичных умов, как редко француз бывает». («Литературное наследство», т. 39—40, М. 1941, стр. 402.) См. в настоящем томе «Примечания к Курно» (к математической его работе), стр. 162.

³ *Н. И. Жуковский* — эмигрант, участник движения 60-х годов. Поддерживал тесные связи с Герценом и Огаревым, а также с Бакуниным.

К письму № 99

(см. стр. 513)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г.—О. VIII. 113. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, стр. 429—430. Из письма вырезано несколько строк. (См. об этом ниже, примечание 2.)

² Речь идет о тезисах Огарева к дискуссии о принципе «libre arbitre» («свобода воли»), происходившей во Флоренции. Герцен, получив эти тезисы от Огарева, вырезал их текст из письма и послал сыну во Флоренцию. См. в настоящем томе, стр. 170—171, где тезисы приведены полностью по тексту, находившемуся в «записной книжке» Огарева. См. также «Литературное наследство», т. 39—40, стр. 428.

³ Огарев говорит о преследовании петербургских земских учреждений, следовавшем после заседания Петербургского земского собрания от 10 января 1867 г., на котором по предложению А. П. Шувалова было решено ходатайствовать перед правительством, чтобы некоторые вопросы обсуждались «совокупными силами и одновременным трудом центральной администрации и земства». На это ходатайство правительство ответило закрытием петербургских земских учреждений и репрессиями (см. об этом эпизоде в статье В. И. Ленина «Гонители земства и аннибалы либерализма», Соч., т. 5, стр. 33).

⁴ Герцен писал Огареву о предстоящей войне: «Если не в нынешнем, то в будущем году весной... будет война». (*А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. XIX, стр. 202.)

⁵ Огарев выступал решительным сторонником совместного с молодой эмиграцией издания нового журнала. В число сотрудников журнала он считал возможным привлечь Л. И. Мечникова и Н. И. Утина. Герцен относился с недоверием к литературным способностям и желанию работать «молодых» и потому встречал все подобные проекты скептически.

⁶ Возглас Огарева относится к М. К. Рейхель, с удивительной сноровкой и ловкостью сносившейся с Россией.

⁷ Огарев пишет о коротенькой заметке Герцена, предназначенной для «Колокола» (см. об этом в письме Герцена от 3 февраля, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XIX, стр. 203). На опасения Огарева Герцен отвечал: «Аксакова не жалеи,

в нем надобно добиться до совести, двойство его безобразно (там же, стр. 210).

⁸ Упоминается последний, IV том «Былого и дум», вышедший в Женеве в начале 1867 г.

К письму № 100

(см. стр. 515)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г.—О. VIII. 116. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, стр. 434—435. Датируется на основе письма Герцена от 27—28 февраля 1867 г., содержавшего извещение о смерти старого друга Огарева и Герцена С. И. Астракова (см. т. XIX, стр. 227).

² В 1867 г. до марта «Колокол» выходил раз в месяц. С 1 марта—вновь каждые две недели; но через 4 месяца — 1 июля 1867 г. Герцен и Огарев приостановили издание «Колокола» сперва временно, а затем навсегда.

³ Об издании журнала см. примечание 5 к письму № 99. Дальнейший спор об издании журнала и о целесообразности продолжать издание «Колокола» см. в письме № 103.

⁴ О свидании Герцена с Гарибальди см. в его письмах от 26 и 27 февраля 1867 г. (Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XIX, стр. 224—226.)

⁵ Речь идет об авторе статьи «Белый террор» Н. Вормсе.

К письму № 101

(см. стр. 518)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г.—О. VIII. 117. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 436—438.

² О смерти С. И. Астракова Огарев писал 3 марта Герцену: «Первое, что меня поражает, — это смерть С. И. — Как долго мы были близки и как давно не переписывались! Как, чем он умер? Что Т[атьяна] Ал[ексеевна]? — Был он сердит на меня или что? Ведь никто ничего не скажет. Грустно прошла его жизнь; он на всех смотрел с сомнением и негодованием... Да и действительно верить было мудрено, встречаясь постоянно с pseudo-социализмом и настоящим консерватизмом (под вуальчиком). Но что его согнало в раннюю могилу — бедность, скорбь или особого рода болезнь? Напиши мне, если что знаешь». (См. «Литературное наследство», т. 39—40, М. 1941, стр. 433.)

³ П. В. Долгоруков одно время вместе с Огаревым выпускал «Колокол». Огарев к Долгорукову относился отрицательно и с трудом выносил это сотрудничество.

⁴ Поправки относились к статье Долгорукова «Письмо из Петербурга».

⁵ Автор статьи «Non possumus» — Т. Комаров, выступавший в 1868 г. в русском прибавлении к французскому «Колоколу» за подписью Чаплия. Статья предназначалась для «Полярной звезды», но ни там, ни в каком-либо другом органе, насколько нам известно, опубликована не была. Рукопись статьи хранится в «Пражской коллекции» в ЦГАЛИ.

⁶ Бакст, Владимир Игнатьевич — «голова» так называемой «Гейдельбергской читальни». Близкий сотрудник Герцена и Огарева. В 1862—1863 гг. стоял во главе типографии в Берне, выпустившей значительную часть прокламаций этого времени.

⁷ Речь идет о слухах по поводу будто бы тяжелого заболевания Тургенева. Слухи оказались ложными.

⁸ Озеров, Владимир Михайлович — эмигрант. Других данных о попытках женевских властей не допускать дальнейшего издания «Колокола» в Женеве в нашем распоряжении нет.

⁹ Речи А. П. Шувалова. (См. выше, примечание 3 к письму № 99.)

К письму № 102

(см. стр. 519)

¹ Печатается по черновому автографу, находящемуся в записной книжке Огарева. Хранится в ОРГБЛ, ф. Г.—О. VI. 37. Записная книжка № 38. 1 л. 4—5. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 41—42, М. 1941, стр. 64—65.

² Письмо Утина от 22 марта 1867 г., на которое отвечает Огарев, см. в «Литературном наследстве», т. 62, М. 1955, стр. 686.

³ Все письмо посвящено обсуждению возможности совместного издания сборников с последующим превращением их в журнал. Переговоры об этом издании Огарев вел не только с Утиным, но и с Н. И. Жуковским и Л. И. Мечниковым. Н. И. Утин ставил вопрос об обязательном предварительном обсуждении политической программы издания прежде, чем приступить к изданию, утверждая, что девять десятых вопросов вызывают расхождения. Огарев подчеркивает, что он не согласен с таким определением и считает, что спорные пункты можно пока оставить в стороне.

⁴ Имеется в виду Парижская Всемирная выставка 1867 г.

⁵ О том, какое громадное значение Огарев придавал выработке теоретической основы будущего издания, см. письмо № 103.

К письму № 103

(см. стр. 521)

¹ Печатается по тексту (карандашом без помарок), находящемуся в записной книжке Огарева, ОРГБЛ, ф. Г.—О. VI. 32, л. 1, 2 и обороты листов 56—59. Впервые опубликовано в «Записках отдела рукописей», вып. 12, М. 1951, стр. 167—168. Точной датировке не поддается. Годовая дата устанавливается по упоминанию «1 июля» — мы полагаем, что Огарев имеет в виду 1 июля 1867 г. — срок, назначенный для прекращения издания «Колокола». Поскольку разгар обсуждения вопроса об издании «Revue» падает на февраль — март и даже апрель 1867 г., к этому времени и должно быть отнесено настоящее письмо — скорей к концу этого периода, чем к началу.

² Эти слова Огарева свидетельствуют о том, что вопрос о замене «Колокола» изданием журнала обсуждался еще в 1866 г. Действительно, 15 июня 1866 г. в л. 222 «Колокола» в заметке «От издателей» предлагалось основать большое *Revue*. (См. А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XVIII, стр. 429—430.)

К письму № 104

(см. стр. 522)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VII. 101. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 413—414, с предположительной датой «Осень 1865 г.». Правильная дата устанавливается по сопоставлению с письмами Герцена от 20 и 25 апреля 1867 г. к Н. А. Огаревой.

² Из стихотворения Пушкина «Не дай мне бог сойти с ума» (1833 г.).

³ *Мальвида Мейзенбург* — немецкая писательница, воспитательница дочери Герцена Ольги.

⁴ *Суслова Аполлинария Прокофьевна*. Об ее встречах с семьей Герцена см. в Полном собрании сочинений и писем А. И. Герцена под ред. М. К. Лемке, т. XVIII, стр. 39—40, 147.

⁵ Огарев постоянно заступался за представителей «молодой эмиграции», защищал их от жестокой критики Герцена. Вообще в отношениях с «молодой эмиграцией» Огарев неизменно придерживался принципа максимально возможного с ней сотрудничества.

⁶ Речь идет о статье реакционного критика Н. И. Соловьева «Принципы жизни». См. в настоящем томе полемическую статью Огарева против Соловьева «Старовоздвиженская философия»; см. также в настоящем издании, т. I, статью «Благо есть место».

К письму № 105

(см. стр. 524)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VII. 141. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 470—472.

² В Женеве 9 сентября 1867 г. открылся международный конгресс «Лиги мира и свободы», в котором участвовали представители различных политических направлений: демократы, либералы, анархисты и др. Герцен отрицательно относился к этому конгрессу и не поехал на него. В числе русской делегации были Огарев, Бакунин, Вырубов и др. Огарев был избран одним из заместителей председателя конгресса; председателем был избран Гарибальди.

³ Речь идет о французском историке Эдгаре Кине (также авторе ряда работ по вопросам философии). Отзыв Огарева о книге Кине «Революция» см. в статье «Частные письма об общем вопросе» (настоящее издание, т. I, стр. 702—703).

⁴ *Карло Гамбуцци* — гарибальдиец, примыкал к Бакунину.

⁵ Речи М. А. Бакунина и Г. Н. Вырубова на конгрессе были опубликованы во французском издании «Колокола» в начале 1868 г.

⁶ *Боркгейм, Сигизмунд-Людвиг* — немецкий демократ, участник революции 1848 г. в Германии, позже эмигрант. Маркс и Энгельс отзывались о речи Боркгейма иронически. (См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. XXIII, 1932, стр. 450.)

⁷ *Молинали* — бельгийский экономист, представитель вульгарной политической экономии, апологет буржуазного строя.

⁸ *Фанни Левальд* — немецкая писательница.

⁹ Другие, упоминаемые в настоящем письме лица — участники конгресса: *Шульце-Делич* — немецкий экономист и политический деятель, пропагандировал идеи кооперации, мелкобуржуазный ре-

формист; *Карл Фогт* — немецкий естествоиспытатель, вульгарный материалист; *Джемс Фази* — швейцарский политический деятель; *Г. Н. Вырубов* — либерал, философ-позитивист; *Цверцякевич* — польский эмигрант; *Элизе Реклю* — известный географ, теоретик анархизма; *Барни* — французский политический деятель.

К письму № 106

(см. стр. 527)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VIII. 180. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 518—519.

² Статьи в первом номере «Отечественных записок», обратившие на себя внимание Огарева: А. Скабичевского «Дмитрий Иванович Писарев. (Его критическая деятельность в связи с характером его умственного развития)»; очерки из обоих циклов М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Признаки времени» и «История одного города»; статья С. В. Максимова «Народные преступления и несчастья», начало которой напечатано в кн. 1, а продолжение — в кн. 2—5 и 8—10 за 1869 г.; анонимные статьи: «Когда благоденствовал русский мужик и когда начались его бедствия?», принадлежавшая Г. З. Елисееву, и «Обозрение 1868 года», написанное Л. И. Розановым.

³ По вопросу об издании в России беллетристических произведений Герцена приезжали в Женеву в это время Н. Врангель и П. Бламберг. Об одном из них и идет здесь речь.

К письму № 107

(см. стр. 528)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VIII. 189. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 534.

² *Алексей Яковлевич Щербаков* — участник революционного движения шестидесятых годов, эмигрант.

³ Первое упоминание статьи Герцена «Между старичками», направленной против Бакунина, в дальнейшем получившей название писем «К старому товарищу». Об обсуждении этих вопросов между Герценом и Огаревым см. в настоящем томе «Письма к старому другу» и примечания к ним.

⁴ Герцен признал справедливым возражение Огарева (см. его письмо от 17 марта 1869 г. — Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XXI, стр. 328).

⁵ Эту сатирическую молитву см. в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 536.

К письму № 108

(см. стр. 529)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VIII. 194. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 541—543.

² В предшествующем письме, датированном 26 марта 1869 г., Огарев писал: «О бак[унинских] идеалах напишу завтра. Но ты, впрочем, не верь всякому вздору, который об нем говорят. Буржуазия, конечно, отчасти испугана, но это не резон обвинять интернациональное движение, (которое кончается ничем). Не подумай, чтоб я это говорил по какой-нибудь инсинуации — я никого не видал. Это заключение, которое я вывожу из враждебного рабочему движению Женевского журнала» (т. е. газеты «Journal de Genève»).

³ Огарев по просьбе Герцена передал М. А. Бакунину статью «Между старичками» для прочтения.

⁴ Грева — известная забастовка женевских рабочих в течение первых месяцев 1869 г. (24 марта 1869 г. стачка стала всеобщей), которую Маркс и Энгельс считали большой победой рабочего класса, хотя реальные уступки рабочим требованиям, вырванные забастовкой у хозяев, и были невелики. В проведении забастовки принимал участие А. А. Серно-Соловьевич, как член Женевской секции I Интернационала.

⁵ Л. Чернецкий, как «хозяин» типографии, к возмущению Герцена и Огарева, голосовал вместе с другими хозяевами, хотя весь персонал его типографии состоял из него самого и одного наборщика (Данича).

⁶ Письмо Герцена в «Конфедере» и другие газеты с протестом против клеветнического слуха о том, что Герцен, его семья и Огарев обратились к правительству «с повинной» и просьбой разрешить возвратиться на родину.

К письму № 109

(см. стр. 532)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VIII. 195. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 543—544.

² «Космос» — научно-популярный журнал, издававшийся только в течение 1869 г. при участии М. А. Антоновича и других сотрудников «Современника». Номера этого журнала прислал Огареву Герцен. (См. Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XXI, стр. 329.)

³ В «Неделе» в 1869 г. под псевдонимом И. Нионский Герцен напечатал в ряде номеров свою статью «Скуки ради». Огарев пользовался каждым случаем, чтобы доказывать Герцену необходимость возобновления «Колокола».

⁴ Газета «Биржевые ведомости» сообщила, что Герцен, якобы, просит у царского правительства разрешения возвратиться в Россию. В письме в редакцию «Биржевых ведомостей» Герцен, опровергая это сообщение, писал, что «никаких шагов, чтобы возвратиться в Россию не предпринимал, несмотря на то, что возвращение на родину для меня, как для всякого человека, находящегося в моем положении, было бы одним из счастливейших событий в жизни» (А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. XXI, стр. 333—334).

⁵ Герцен и Огарев обсуждали возможность переезда в Брюссель. Однако брюссельская полиция отнеслась к Герцену при посещении Брюсселя столь неприязненно, что этот план был оставлен.

⁶ *Иосиф Цверцьякевич* — представитель Центрального польского комитета в Лондоне в период подготовки и начала восстания 1863 г.; позже переехал в Женеву, где он тяжело душевно заболел.

⁷ Огарев в феврале 1868 г. сломал ногу и до конца жизни передвигался с трудом.

⁸ Речь идет о статьях (анонимных), напечатанных в №№ 4 и 8 «Космоса». Статьи принадлежали Антоновичу, впоследствии признавшему ошибочность своих выступлений против великого поэта.

⁹ В «Космосе» в № 1 и 2 была напечатана статья М. А. Антоновича «Единство физического и нравственного космоса».

¹⁰ Огарев упоминает газеты, в которых печатался протест Герцена и Огарева (см. примечание 6 к письму № 108).

К письму № 110

(см. стр. 533)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VIII. 196. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 545—546.

² Речь идет о статье «Между старичками».

³ Первое упоминание С. Г. Нечаева в переписке Герцена и Огарева. Речь идет о его прокламации «Студентам университета, Академии и Тех[нологического] института в Петербурге», датированной 17 марта 1869 г. Эту прокламацию Нечаев написал до знакомства с Огаревым и Бакуниным. Получив рукопись прокламации, Огарев тотчас отправил ее в набор, чтобы познакомить Герцена с нею уже в корректуре и получить его согласие на выпуск в свет (см. следующее письмо). Нечаев писал в прокламации для придания себе веса, что бежал из Петропавловской крепости, чего в действительности не было.

⁴ Речь идет о части рукописи Герцена «Доктор, умирающий и мертвые», полностью напечатанной посмертно, в 1870 г. («Сборник посмертных статей А. И. Герцена»).

⁵ «Дикий помещик» М. Е. Салтыкова-Щедрина и статья Н. И. Костомарова «Воспоминание о молоканах» напечатаны в кн. III «Отечественных записок», за 1869 г.

⁶ Речь идет о предложении Н. И. Утина кооперироваться при выпуске газет.

К письму № 111

(см. стр. 535)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VIII. 198. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 546—548.

² Русский юноша — С. Г. Нечаев.

³ *Джеймс Гильом* — деятель Интернационала, бакунист, автор ряда работ по истории рабочего движения, написанных с бакунистской точки зрения.

⁴ Ответ Бакунина на рукопись Герцена «Между старичками» неизвестен.

⁵ Как уже отмечалось нами, Огарев связывал со всеми возникающими вопросами общественно-политического движения вопрос о возобновлении «заграничной прессы», в первую очередь «Колокола».

⁶ В 1869 г. среди эмигрантов в Женеве распространилось ошибочное мнение о том, что Н. А. Шевелев связан с III отделением. Н. А. Шевелев был (в 1865—1868 гг.) инициатором и автором нескольких изданий Женевской вольной типографии. Подвергался неоднократным арестам; содержался в крепости, в 1876 г. был сослан в Сибирь, где и умер.

Среди рукописей Огарева, хранящихся в ОРГБЛ, имеются черновые, неопубликованные сцены из эмигрантской жизни, рисующие разрыв Огарева с Шевелевым.

К письму № 112

(см. стр. 536)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VIII. 199. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 548—549.

² Огарев называет «статейкой, написанной по уговору», свою прокламацию, — текст которой приводится в письме, — написанную от имени старой эмиграции; однако Герцен в своей подписи отказал. Бакунин также отказал в подписи, решив выступить отдельно. Герцен, отказавшись поставить на прокламации свое имя, посоветовал Огареву выпустить прокламацию вовсе без подписи, что Огарев и исполнил. Все это произошло между 12 и 17 апреля 1869 г. Весьма продолжительное время, до 1923 г., прокламация приписывалась Бакунину.

К письму № 113

(см. стр. 539)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VIII. 200. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 550—551.

² Речь идет о тяжело заболевшем мальчике — сыне А. А. Черкесова.

³ Ответ Герцена на предыдущее письмо Огарева (от 12 апреля, см. выше, письмо № 112) напечатан в Полном собрании сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XXI, стр. 365. Здесь Герцен разъясняет причины своего отказа подписать воззвание к студентам.

⁴ Огарев записал эту сцену под заглавием «Странное прощанье» (рукопись см. ОРГБЛ, ф. Г. — О. VI. 38 в записной книжке № 13. I, л. 3—14).

⁵ Статья, посвященная Тате, т. е. Н. А. Герцен, — «С утра до ночи», см. настоящий том, стр. 184.

⁶ Подробности о статьях, напечатанных в «Биржевых ведомостях», см. в Полном собрании сочинений и писем А. И. Герцена, под ред. М. К. Лемке, т. XXI, стр. 356, 358, 359, 364, 366.

⁷ Огарев самым тщательным образом следил за развитием студенческого движения. Все перечисленные им газеты содержали материалы, использованные Огаревым при составлении воззваний (например, «Наша повесть», «Напутствие» и др.).

К письму № 114

(см. стр. 541)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VIII. 204. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 554—555.

² Речь идет о втором воззвании Огарева к студентам — «Наша повесть». Как и первое, оно не встретило поддержки Герцена. «Это не те звуки, — писал, перечитав еще раз первое воззвание, Герцен, — которыми юный «Колокол» потрясал молодежь». (Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XXI, стр. 370.) Получив же воззвание «Наша повесть», он в более мягкой форме, но столь же решительно осудил и этот опыт Огарева (см. там же, стр. 374—375).

³ Преувеличенные сообщения о волнениях крестьян в Архангельской губернии распространял среди эмигрантов С. Г. Нечаев.

⁴ «Мой внучек» — очевидно С. Г. Нечаев.

К письму № 115

(см. стр. 542)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VIII. 206. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 555—556.

² Герцен должен был около 8—10 мая приехать в Женеву для свидания с Огаревым.

³ Речь идет о впечатлении, которое произвела резкая критика Герценом обоих воззваний Огарева (см. примечание 2 к предшествующему письму).

⁴ Огарев сравнивает Бакунина с Репетиловым из комедии «Горе от ума» Грибоедова.

⁵ Повидимому, речь идет о Н. Я. Николадзе.

⁶ «Мой мужичок» — С. Г. Нечаев.

⁷ Строки из «Стансов» Рылеева.

К письму № 116

(см. стр. 544)

¹ Печатается по карандашному наброску, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 80. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 61, М. 1953, стр. 909.

Адресат неизвестен. Время написания определяется приблизительно на основании того, что в ноябре 1869 г. и в письмах Герцена, и в письмах Огарева, и в письмах Бакунина отмечается чтение этой книги и содержатся отзывы о ней.

К письму № 117

(см. стр. 545)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VIII. 221. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 572—573. Это последнее письмо Огарева к Герцену. (Сохранилась еще одна записка от 15 января чисто делового содержания.)

² Му бой — Нечаев.

³ Герцен отвечал: «Насчет «Колокола» еще не знаю... Для возобновления «Колокола» нужна программа, даже для нас. На таком двойстве воззрений, которое мы имеем о главном вопросе, нельзя создать журнала. Читать нас никто не хочет. Сделаем опыт издать «Полярную звезду». (См. А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XXI, стр. 549.)

К письму № 118
(см. стр. 546)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. Лаврова № 198, ед. хр. 335, л. 48. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 576.

² Личное знакомство Огарева с Петром Лавровичем Лавровым состоялось в Лондоне в 1875 г., но переписка началась ранее. Намекаясь начать в Цюрихе издание «Вперед!», Лавров 1 февраля 1873 г. обратился к жившему тогда в Женеве Огареву. Он писал: «Ваш совет, как друга и товарища Александра Ивановича, для нас дорог, и я надеюсь, что вы не откажете нам в вашем содействии». («Литературное наследство», т. 62, М. 1955, стр. 285—286.) Ответ Огарева неизвестен, но в издании «Вперед!» 1873—1874 гг. он участия не принимал.

Огарев уехал в Англию в сентябре 1874 г. Лавров с группой сотрудников еще ранее перенес в Лондон издание «Вперед!». Но Огарев и Лавров встретились не сразу. Спустя полгода, 28 апреля 1875 г., В. М. Озеров, сообщая Огареву адрес редакции «Вперед!», писал: «...Я слышал, что Лавров (издатель) давно хотел иметь твой адрес». («Литературное наследство», т. 62, М. 1955, стр. 453.) Встреча Огарева с Лавровым произошла в мае 1875 г., повидимому, за несколько дней до данного письма.

³ «Поэмка», о которой пишет Огарев, — стихотворение «Свидание». (Н. П. Огарев, Стихотворения и поэмы, т. I, М. 1938, стр. 271 и 415.) Лавров напечатал стихотворение в № 10 газеты «Вперед!» от 1 июня (20 мая) 1875 г. со следующим примечанием: «Это стихотворение прислано нам Николаем Платоновичем Огаревым. С удовольствием помещаем в нашей газете строки друга и товарища Герцена, одного из основателей первой «Вольной русской типографии». (Черновик стихотворения хранится в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VII. 11, тетрадь 25.)

К письму № 119
(см. стр. 547)

¹ Публикуется по автографу, хранящемуся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. Лаврова № 198, ед. хр. 335, л. 58. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 577—578.

² Под названием «Вперед!» Лавров издавал «непериодические обозрения». Всего вышло 5 томов: 1-й и 2-й в Цюрихе в 1873 и 1874 гг.; 3-й, 4-й и 5-й — в Лондоне в 1874, 1876 и 1877 гг. Кроме того, под тем же названием «Вперед!», Лавров издавал двухнедельную газету, первый номер которой вышел в Лондоне в январе 1875 г. Всего за 1875 и 1876 гг. вышло 48 номеров.

³ *Благосветлов, Григорий Евлампиевич* (1824—1880), радикальный журналист, в 1875 г. редактировал журнал «Дело».

⁴ О каких стихах идет речь, установить не удалось.

⁵ Смысл этой фразы не поддается расшифровке.

К письму № 120

(см. стр. 547)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. Лаврова № 198, ед. хр. 335, л. 78—79. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 580—582.

² Заметка в «Дейли телеграф» сообщала о циркуляре министра просвещения графа Толстого от 24 мая 1875 г. В нем предписывалась борьба с революционной пропагандой, охватившей, по словам циркуляра, молодежь в 37 губерниях. Появление циркуляра было вызвано ростом революционно-пропагандистского движения, известного под названием «хождение в народ». В 1874 г. оно достигло особенно больших размеров — было арестовано около 1000 пропагандистов.

К письму № 121

(см. стр. 548)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. Лаврова № 198, ед. хр. 335, л. 85. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 582—583.

² Сообщение в «Дейли телеграф» относилось к делу Дьякова, политическому процессу, состоявшемуся в Петербурге в июле 1875 г. Осуждены были: студент В. М. Дьяков — к каторге на 10 лет; рабочие В. Г. Герасимов и Д. А. Александров — к каторге на 9 лет; студент А. И. Сирыков — к каторге на 6 лет; солдаты Т. Е. Зайцев и Ю. Янсон — к 21 месяцу заключения в военно-строительные роты; два студента военно-медицинской академии — к 10 и 6 дням заключения. Все они обвинялись в пропаганде среди рабочих-текстильщиков и солдат гвардейского Московского полка.

На запрос Огарева Лавров ответил подробно письмами от 4 и 5 августа 1875 г. (См. «Литературное наследство», т. 62, М. 1955, стр. 287—289.)

К письму № 122

(см. стр. 549)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. Лаврова № 198, ед. хр. 335, л. 98. Черновик письма хранится в ОРГБЛ, ф. Г. — О. VIII. 11, тетрадь № 25. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 583—584 и 364.

² См. примечание 2 к предыдущему письму.

К письму № 123

(см. стр. 549)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. Лаврова № 198, ед. хр.

335, л. 108. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 584.

² Статью «После чтения «Знания»» см. настоящий том, стр. 248 и примечания к ней, стр. 585.

К письму № 124

(см. стр. 550)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. Лаврова № 198, ед. хр. 335, л. 118. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 585.

² В 1875 г. вышел первый том посмертного собрания сочинений А. И. Герцена, так называемого женевского издания. Предисловие к собранию (анонимное) было написано Г. Н. Вырубовым, который попытался изобразить деятельность и взгляды Герцена в либеральном духе.

³ В № 18 «Вперед!» Лавров выступил со статьей «Александр Иванович Герцен», где полемизировал с Вырубовым. № 19 «Вперед!» со второй статьей Лаврова вышел с запозданием, и 13 октября Огаревым еще не был получен. Лавров очень интересовался мнением Огарева о статьях и в двух письмах — от 9 и 14 октября — настойчиво просил высказаться о них. («Литературное наследство», т. 62, М. 1955, стр. 290—291.)

⁴ В письме от 8 октября 1875 г. Огарев запросил у Лаврова: «...найдется ли ему (Озерову. — Я. Ч.) работа в Лондоне?». («Литературное наследство», т. 39—40, М. 1941, стр. 585.) Лавров в письме от 9 октября ответил отрицательно, ссылаясь не только на отсутствие работы, но и на свои принципиальные расхождения с Озеровым, который был близок к Бакунину.

К письму № 125

(см. стр. 550)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. Лаврова № 198, ед. хр. 335, л. 3. Впервые опубликовано по черновику ОРГБЛ (ф. Г. — О. VII, 11, тетрадь № 25) в сборнике «Звенья», т. VI, М.—Л. 1936, стр. 393—394, а затем по беловому автографу в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 586—588.

² Передовая № 24 газеты «Вперед!», озаглавленная «Минувший год», сообщила о смерти Петра Алексеевича Бибикова (1832—1875), радикального литератора 60-х годов, сотрудника «Искры» и писаревского «Русского слова».

³ В том же № 24 «Вперед!», в разделе «Извещения корреспондентам», был помещен ответ Х. У. З.: «Стихотворение «Дума» и корреспонденция о технологическом институте получены. Стихотворение Огарева «Дума» неизвестно.

К письму № 126

(см. стр. 551)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. Лаврова № 198, ед. хр.

335, л. 17. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 589.

² «Работник» — ежемесячная газета женевской группы народников-бакунистов, выходила в 1875—1876 гг. «Народные книжки» выпускались типографией «Вперед» в Лондоне и типографией «Работник» в Женеве. Газеты и брошюры, о которых упоминает в письме Огарев, были ему присланы Лавровым, о чем последний сообщал в письме от 28 февраля 1876 г. («Литературное наследство», т. 62, М. 1955, стр. 292.)

³ Брошюра С. М. Кравчинского «О правде и кривде» была издана в 1875 г. в Женеве. Из конспиративных соображений брошюра имела обложку со следующим текстом: «Слово на Великий пяток пресвященного Тихона Задонского, епископа Воронежского. Издание пятое. Отпечатано в типографии Духовной Академии 1875. Одобрено духовной цензурой. Киев, бесплатно, 1875».

«Первые века христианства. Чтение для народа» — ложное название брошюры А. И. Иванчина-Писарева «Внушителя словили».

К письму № 127

(см. стр. 551)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. Лаврова № 198, ед. хр. 335, л. 21. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 589—590.

² Лавров ответил в письме от 3 марта 1876 г.: «Ваши замечания относительно языка передовых, может быть, и верны, но большинство молодежи, читающей журнал, знакомо с социологическими терминами по иностранным источникам или чрез них, а потому поймут; при *сочинении* русских терминов пришлось бы много пояснять, и то еще могли бы быть недоразумения». («Литературное наследство», т. 62, М. 1955, стр. 292.)

К письму № 128

(см. стр. 552)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. Лаврова № 198, ед. хр. 335, л. 27, 29. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 590. Черновик заметки, приложенный к письму, хранится в ОРГБЛ (ф. Г.—О. VII. 11, тетрадь 25) и был отдельно опубликован в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 362.

² К письму была приложена вырезка из «Дейли телеграф» от 11 марта 1876 г. о банковских спекуляциях. Ни заметка Огарева, ни вырезка не были использованы в газете «Вперед!».

К письму № 129

(см. стр. 552)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. Лаврова № 198, ед. хр. 335, л. 36. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 592.

² О каких телеграммах идет речь, неизвестно.

³ «Revue Historique» — исторический журнал, начавший выходить в Париже в 1876 г. под редакцией Габриэля Моно (мужа дочери Герцена Ольги). После смерти Герцена Моно продолжал переписываться с Огаревым.

К письму № 130
(см. стр. 553)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. Лаврова № 198, ед. хр. 335, л. 46. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 592—593.

² Записки Т. П. Пассек печатались в «Русской старине», начиная с 1872 г.

³ Огарев имеет в виду главы из четвертой части «Былого и дум» Герцена: «Н. Х. Кетчер (1842—1847)» и «Эпизод из 1844 г.», впервые опубликованные в «Сборнике посмертных статей» Герцена, изданном в Женеве в 1870 г.

⁴ Министр иностранных дел России Горчаков, канцлер Австро-Венгрии Андраши и германский канцлер Бисмарк встретились в Берлине в связи с так называемым Балканским вопросом — восстаниями в славянских странах против турецкого владычества. 13 мая 1876 г. ими был принят «Берлинский меморандум». Огарев интересовался этим вопросом (см. его письма к Лаврову в сборнике «Звенья», т. VI, М. 1936, стр. 389 и 394 и в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 594).

К письму № 131
(см. стр. 553)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. Лаврова № 198, ед. хр. 335, л. 54. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 594.

К письму № 132
(см. стр. 554)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. Лаврова № 198, ед. хр. 335, л. 60. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 594. К письму было приложено четверостишие «Я в королеве видел не злодейку...». Стихотворение не опубликовано.

К письму № 133
(см. стр. 554)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. Лаврова № 198, ед. хр. 335, л. 91. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 395—396.

² Павел Феоктистович Чернышев (1854—1876) — студент Медико-хирургической академии. Был арестован в 1874 г. за пропаганду среди крестьян. Похороны состоялись 30 марта 1876 г.

³ Выдержка из письма Ф. И. Родичева к Огареву от 31 мая (12 июня) 1876 г. («Литературное наследство», т. 62, М. 1955, стр. 511—512). Письмо попало в руки Огарева с запозданием. В газете «Вперед!» в майских и первом июньском номерах (№ 32, 33 и 34) печатались заметки и корреспонденции о смерти и похоронах Чернышева, в том числе посвященное его памяти стихотворение «Замучен тяжелой неволей...»

⁴ К письму была приложена вырезка из «Дейли телеграф» от 11 августа 1876 г.

К письму № 134
(см. стр. 555)

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. Лаврова № 198, ед. хр. 335, л. 146. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», т. 39—40, М. 1941, стр. 597.

В начале письма Огарев привел первые шесть строк стихотворения «На Гринвич облако нашло». (См. *Н. П. Огарев*, Стихотворения и поэмы, М. 1938, т. II, стр. 411 и 460.)

² Лавров ответил Огареву письмом от 5 марта 1877 г., где ссылается на свой (напечатанный анонимно) отзыв о романе Тургенева, помещенный в журнале «*Athenaeum*» от 17 февраля 1877 г. («Литературное наследство», т. 62, М. 1955, стр. 296.)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Аксаков Иван Сергеевич* (1823—1886), публицист и поэт, видный слагянофил — I 463 || 842, 848; II 458, 480, 514, 515 || 627, 635, 636.
- Аксаков Константин Сергеевич* (1817—1860), публицист, историк и писатель, видный славянофил — I 461 || 807, 842; II 383.
- Александр I* (1777—1825), император — I 181, 204—212, 214—216, 222, 223, 232, 234, 240, 243, 266, 270, 348, 428—429, 440, 561, 567, 663, 788, 789, 791 || 817, 820, 822, 824, 826, 838, 845, 846.
- Александр II* (1818—1881), император — I 106, 107, 116, 118, 125, 131, 132, 135, 136, 160, 169, 207, 214, 216, 269—271, 273, 288, 289, 306—308, 349, 353, 364, 365, 372, 378, 470, 478, 479, 488, 504, 524—527, 529, 530, 532—536, 540, 544, 548—550, 552—554, 556, 557, 560—567, 570—575, 578—581, 587, 606, 627, 637, 644, 659, 662—664, 667, 672, 681, 766, 799 || 810—812, 814, 816, 819, 826, 828, 833, 834, 843, 846, 851, 853, 858; II 60, 61, 66, 96—98, 101, 105, 109—111, 119—124, 133, 230—232, 235, 236, 240, 471, 473, 480, 494, 496, 502 || 619, 623, 629, 631.
- Александра Федоровна* (1798—1860), императрица, жена Николая I — I 132, 209, 239, 240, 245, 252.
- Александров Дниомид Александрович* (1849—1925), рабочий, осужденный по процессу 1875 г. за революционную пропаганду — II 548 || 645.
- Алексей Михайлович* (1629—1676), царь — I 256, 570, 633.
- Алексей*, схимник, приближенный Александра I — I 210.
- Алиша*, слуга Н. П. Огарева — II 299.
- Альбертини Николай Викентьевич* (1826—1890), либеральный публицист — I || 847; II 458—460 || 619.
- Андраши Дьюла* (1823—1890), министр иностр. дел Австро-Венгрии в 1871—1879 гг. — II 553 || 648.
- Андреев 2-й Андрей Николаевич* (ум. 1831), декабрист, член Северного общества — I 265.
- Анна Ивановна (Иоанновна)* (1693—1740), императрица — I 254, 570.
- Анна Мекленбургская (Леопольдовна)* (1718—1746), «правительница» России с 1740 по 1741 г. — I 257.

- Анненков* Павел Васильевич (1812—1887), литературный критик — II 439—443, 449—451, 504 || 590, 592, 604, 614, 616, 633.
- Антон*, принц Брауншвейг-Вольфенбительский (1714—1774) — I 257.
- Антонович* Максим Алексеевич (1835—1918), философ-материалист, литературный критик — II 533 || 640, 641.
- Анфантен (Енфантен)* Бартеlemi Проспер (1796—1864), франц. социалист-утопист, ближайший последователь Сен-Симона — I 397, 721, 724, 732 || 835, 856; II 286 || 589, 593.
- Апраксин*, Антон Степанович (1817—1899), генерал, возглавлял подавление крестьянского восстания в с. Бездне — I 468 || 843.
- Апраксин* Степан Федорович (1792—1862), генерал, военный деятель — I 241 || 824.
- Аракчеев* Алексей Андреевич (1769—1834), граф, временщик при Павле I и Александре I — I 207, 211, 215, 216, 223, 228, 255 || 820, 821, 822.
- Арбузов* Антон Петрович (ум. 1843), декабрист — I 790.
- Аристотель* (384—322 до н. э.) — I 707; II 50, 215, 364.
- Аристофан* (ок. 446—385 до н. э.), древнегреческий комедиограф — I 300.
- Армфельдт* Александр Густавович (1794—1875), статс-секретарь Великого княжества финляндского — I 628.
- Арним* Беттина (Элизабет), урожд. Брентано (1785—1859), нем. писательница — II 336, 337, 343, 370 || 601.
- Арним* Гизела (в замужестве Гримм) (1827—1889), нем. писательница, дочь Беттины фон Арним — II 343, 370.
- Архимед* (ок. 287—212 до н. э.) — II 364.
- Астраков* Сергей Иванович (1816—1867), преподаватель математики, друг Герцена и Огарева — II 428—431, 455, 518 || 612, 636.
- Астракова* Татьяна Алексеевна (1814—1892), писательница, близкий друг Герцена и Огарева — II 428, 429, 455 || 612, 636.
- Афанасий*, епископ Ростовский — I 259.

Б

- Бабеф* Гракх (наст. имя Франсуа Ноэль) (1760—1797), франц. революционер, коммунист-утопист — I 597, 675, 701—703, 705—719, 725—727 || 848, 854, 855, 856; II 218, 466.
- Байрон* Джордж Ноэль Гордон (1788—1824) — I 298, 426, 430, 431, 440, 451; II 19, 20, 189, 276, 337, 404, 416 || 608, 610.
- Бакст* Владимир Игнатъевич, видный деятель студенческого движения 1860-х годов в России и в эмиграции — II 125, 127, 518 || 570, 571, 637.
- Бакунин* Михаил Александрович (1814—1876) — II 114, 208, 209, 213, 214, 219, 311, 325, 326, 474, 475, 478—480, 484, 485, 492, 493, 521, 522, 525, 526, 528—531, 533—537, 539, 543, 545 || 566, 571, 579, 580, 582, 584, 603, 608, 625, 626, 628, 629, 635, 638—643, 646.
- Бакунин*, офицер — I 251.
- Балестрера*, итальянский купец — II 324, 326.
- Бальзак* Оноре де (1799—1850) — II 268.
- Баранович* Михаил Степанович, офицер генерального штаба, автор работ по статистике России — I 745.
- Барни* Жюль (1818—1878), франц. философ и полит. деятель — II 525 || 639.

- Бахметев** Павел Александрович, предоставивший Герцену и Огареву деньги («Бахметевский фонд») на революционную деятельность — II 516.
- Бахметьев**, пензенский помещик — II 402 || 608.
- Безобразов** Николай Александрович (1816—1867), публицист — I 362 || 833, 834.
- Бекн** Август (1785—1867), нем. историк — II 196 || 578.
- Белинский** Виссарион Григорьевич (1811—1848) — I 419, 435, 446, 460, 798 || 806, 807; II 312, 336, 377, 391, 403, 404 || 595, 597, 604, 606, 608.
- Беллини** Винченцо (1801—1835), итал. композитор — II 384 || 605.
- Белоусов**, фельдшер при Николае I — I 215.
- Бенкендорф** Александр Христофорович (1783—1844), граф, шеф жандармов — I 204, 252, 784 || 825, 826; II || 595.
- Бентам** Иеремия (1748—1832), англ. буржуазный социолог, теоретик утилитаризма — I 181 || 817; II 214 || 579.
- Беранже** Пьер Жан (1780—1857), выдающийся франц. поэт-песенник — I 426 || 838.
- Бернс** (Барнс) Роберт (1759—1796), великий шотландский народный поэт — I 426 || 838.
- Бертран де Женев** Луи (1731—1812), швейц. математик — II 162.
- Бестужев** Александр Александрович (лит. псевдоним Марлинский) (1797—1837), писатель, декабрист — I 244, 245, 265, 789, 791 || 825, 832, 833, 840; II || 588.
- Бестужев** Михаил Александрович (1800—1871), декабрист — I 124, 266, 787, 790—792 || 825.
- Бестужев** Николай Александрович (1791—1855), декабрист, писатель, морской офицер — I 787—791 || 860.
- Бестужев-Рюмин** Михаил Павлович (1803—1826), декабрист, один из казенных руководителей восстания 14 декабря 1825 г. — I 229, 267, 573, 785, 794, 795 || 823.
- Бетховен** Людвиг ван (1770—1827) — I 296, 300 || 836; II 384.
- Бибиков** Петр Алексеевич (1832—1875), переводчик и публицист — II 550 || 646.
- Бирон** Эрнст Иоганн (1690—1772), временщик — I 216, 570 || 834.
- Бисмарк** Отто (1815—1898), государственный деятель Пруссии и Германии — II 553 || 648.
- Благосветлов** Григорий Евлампиевич (1824—1880), публицист-демократ — II 547 || 645.
- Бланк** Григорий Борисович (1811—1889), реакционный публицист — I 362 || 833, 834.
- Блохина**, приятельница М. Л. Огаревой — II 282.
- Блудов** Дмитрий Николаевич (1785—1864), автор официального доклада по делу декабристов, министр внутр. дел и юстиции — I 217, 218, 220, 225, 226, 229, 251, 261, 404 || 821, 823.
- Блюммер** Леонид Петрович (1840—1888), публицист — II 497 || 632.
- Богданов** Александр Федорович (ум. 1877), режиссер одесского театра — II 304, 428, 431 || 597, 612.
- Богданович**, ротный командир Измайловского полка в 1825 г. — I 249.
- Бодо** Антуан (ум. ок. 1850), член Конвента, монтаньяр — I 702 || 854.
- Боке**, Жан Батист, участник революции 1848 г., учитель детей А. И. Герцена — II 540, 546.
- Болговский**, знакомый Герцена — II 315 || 598.
- Болл** Джон (ум. 1381), англ. народный проповедник, участ-

- ник восстания Уота Тайлера — I 700 || 854.
- Больвиллер*, приятельница М. Л. Огаревой — II 302 || 596.
- Бомарше* Пьер Огюстен Карон (1732—1799) — I 663 || 851.
- Бомонт* Карл, англ. торговый служащий — II 245.
- Бональд* Луи Габриель Амбруаз (1753—1840), франц. реакционный полит. деятель и публицист — I 728 || 856.
- Боннет (Боннэ)* Шарль (1720—1793), швейц. биолог и натурфилософ — II 359—360.
- Боратынский* Евгений Абрамович (1800—1844), поэт — I 439 || 839.
- Борисовы* Андрей (1798—1854) и Петр (1800—1854) Ивановичи, декабристы — I 785.
- Боркгейм* Сигизмунд Людвиг (1825—1885), нем. публицист — II 525 || 638.
- Боссюэт (Боссюэ)* Жан Бенинь (1627—1704), франц. писатель, идеолог католической реакции — II 24, 50 || 559.
- Боткин* Василий Петрович (1811—1869), критик и публицист — I 197 || 818; II 302, 304, 311, 336, 346, 348, 354, 359, 366, 375, 377, 379, 387, 444, 504, 553 || 596, 601, 604—606, 633.
- Боткин* Сергей Петрович (1832—1889), знаменитый врач — II 529.
- Бозьдьве (Буальдьве)* Андриен Франсуа (1775—1834), франц. композитор — I 426 || 838.
- Браге* Тихо (1546—1601), датск. астроном — II 208.
- Браун*, польский полит. деятель — II 484.
- Брок* Петр Федорович (1805—1875), министр финансов — I 123—126 || 812.
- Брук* Джемс (1803—1868), англ. колонизатор — I 197 || 818.
- Брут* Марк Юний (85—42 до н. э.), один из руководителей заговора против Цезаря — I 416.
- Брянчинов* — II 316, 320.
- Булатов* Иван Михайлович, крепостной дядька Н. П. Огарева — II 318.
- Булатов* Степан Михайлович, крепостной приказчик П. Б. Огарева — II 256 || 587.
- Булгарин* Фаддей Венедиктович (1789—1859), реакционный писатель и критик — I 435, 441.
- Булевский* Людвиг, польский эмигрант — II 489 || 629.
- Булье* (1739—1800), франц. генерал, соратник Вашингтона — I 725.
- Буонаротти* Филипп (1761—1837), франц. революционер, историк бабувизма — I 702, 703, 708, 713, 719 || 855.
- Бурдон* Луи Пьер Мари (1779—1854), франц. математик — II 48 || 561.
- Бурцов* Иван Григорьевич (1794—1829), декабрист — I 784.
- Бусе*, полковник лейб-егерского батальона — I 792.
- Бутков* Владимир Петрович (1820—1881), приближенный Александра II — I 468, 469, 525, 685 || 842—843.
- Бухер* Лотар (1817—1892), нем. чиновник и публицист — I 149.
- Бухгольц* — II 320.
- Бэкон* Френсис (1561—1626), великий англ. философ-материалист — I 201.
- Бэр* Карл Максимович (1792—1876), крупный русский ученый-натуралист — II 394 || 607.
- Бэрри* Кэнон, англ. полит. деятель — II 246.
- Бюргер* Готфрид Август (1747—1794), нем. поэт — I 424 || 837.

В

- Вадковский* Федор Федорович (1800—1844), декабрист — I 408, 784 || 823.
- Валуев* Петр Александрович (1814—1890), министр внутр.

- дел — I 468, 556, 557, 560, 679 || 842, 843, 845, 847.
- Варнаген фон Энзе* Карл Август (1785—1858), нем. критик — II 336, 369 || 601.
- Васильев* Михаил Семенович, офицер - эмигрант — II 502 || 632.
- Вашингтон* Джордж (1732—1799), первый президент США — I 228, 725.
- Венгер* (Веньери, Веннери), эмигрант — II 529.
- Вердер* Карл (1806—1893), нем. философ-гегельянец и поэт — II 334, 336, 337, 343, 349, 369 || 600—602.
- Видиль*, барон, «герой» судебного процесса в Лондоне в 1861 г. — II 455.
- Виклиф* Джон (1320—1384), англ. деятель религиозной реформации — I 700 || 854.
- Вико* Джамбаттиста (1668—1744), итал. философ и социолог — II 50, 51, 418 || 610.
- Вильгельм I* (1797—1888), император Германии — I 211 || 820.
- Вильсон* Георг, англ. рабочий — II 245.
- Виртембергский* Александр (1771—1833), герцог — I 245, 791.
- Виртембергский* Евгений, принц — I 248.
- Витт* Иван Осипович (1781—1840), генерал, организатор военных поселений на юге России — I 235 || 824.
- Власьев*, капитан охраны Шлиссельбургской крепости при Екатерине II — I 257, 258.
- Воинов* Александр Львович (ок. 1770—1832), генерал-майор, член верховного суда над декабристами — I 241, 246 || 824.
- Волков* Александр Александрович (1778—1833), генерал, начальник моск. округа жандармов — II 434.
- Волкова* Софья Александровна, рожд. Римская-Корсакова (1787—1868), жена А. А. Волкова — II 434.
- Волконский* Петр Михайлович (1776—1852), начальник главного штаба Николая I — I 214, 239 || 820.
- Волконский* Сергей Григорьевич (1788—1865), декабрист — I 228.
- Воловский* Луи Раймонд (1810—1876), франц. экономист — II 494, 495 || 630, 631.
- Вольней* Константен Франсуа (1757—1820), франц. востоковед — I 424 || 838.
- Вольтер* (Аруэ) Франсуа Мари (1694—1778) — I 423, 673; II 18.
- Вормс* Николай Александрович (W) (1845—1870), поэт, участник революционно-демократического движения 1860-х годов — II 517 || 636.
- Ворожцов* Иван Прокофьевич, купец — II 505, 507 || 633.
- Воронцов* Михаил Семенович (1782—1856), генерал-фельдмаршал, наместник Бессарабии и Кавказа — I 404.
- Вырубов* Григорий Николаевич (1843—1913), русский публицист, эмигрант — II 215, 525, 526 || 638, 639, 646.
- Вяземский* Петр Андреевич (1792—1878), поэт, критик и журналист — I 444 || 825; II || 613.

Г

- Гакстгаузен* Август (1792—1866), прусский чиновник и экономист — I 161, 330 || 816.
- Галахов* Иван Павлович (1809—1849), член кружка Герцена — Огарева в 1840-х годах — II 302, 308, 316, 326, 335, 366, 387, 405, 407 || 596—599, 601, 603, 608.
- Галеви* Жак Франсуа Фроманталь (1799—1862), франц. композитор — II 384 || 605.
- Галилей* Галилео (1564—1642) — I 416; II 188, 208.

- Галль Франц Иосиф** (1758—1828), австр. врач и анатом — I 195 || 818; II 45 || 561.
- Гамбуцци Карло** (1837—1899), итал. адвокат, гарибальдиец, впоследствии бакунист — II 525, 526 || 638.
- Ганеман Самуэль** (1755—1843), нем. врач, основатель го-
меопатии — II 283.
- Гарибальди Джузеппе** (1807—1882), вождь национально-освободительного движения в Италии — II 494, 517, 525 || 633, 636.
- Гверчино (Гверчини, наст. имя Франческо Барбьери)** (1591—1666), итал. художник — II 322.
- Гвидо** — см. *Рени*.
- Губель Франц Ксавер** (1787—1843), композитор и пианист — II 261, 262, 302 || 588.
- Гегель Георг Вилгельм Фридрих** (1770—1831) — I 200; II 24, 50, 244, 302, 304—307, 312, 316, 321, 328, 329, 341—343, 346, 349—352, 360—363, 368—371, 431 || 559, 561, 596, 601—603.
- Гедимин (Гедиминас)**, вел. князь Литовский (1316—1341) — I 622.
- Гейне Генрих** (1797—1856) — II 46, 191, 233 || 561.
- Генле Фридрих Густав** (1809—1885), нем. врач-анатом и физиолог — II 426 || 611.
- Геннади Григорий Николаевич** (1826—1880), известный библиограф — I 414 || 837.
- Герасимов Василий Герасимович** (1825—1892), рабочий, осужденный в процессе 1875 г. за рев. пропаганду — II 548 || 645.
- Гервег Георг** (1817—1875), нем. поэт — II 387, 404, 407 || 605—606, 608.
- Гердер Иоганн Готфрид** (1744—1803), нем. философ и теоретик литературы — II 263.
- Герон** (вероятно I в.), древнегреческий инженер и ученый — II 364.
- Геронтий** — см. *Ливанов*.
- Геруа Александр Клавдиевич** (1784—1852), инженер-генерал — I 792.
- Герцен Александр Александрович** (Саша, «Юниор») (1839—1906), сын А. И. Герцена. — II 118, 165, 197, 221, 304, 308, 313, 317, 335, 355, 367, 388, 390, 405, 428, 441, 444, 450, 456, 479, 480, 483—485, 488, 489, 507, 527, 532 || 569, 571, 574, 575, 618, 626, 628, 629.
- Герцен Александр Иванович** (Исканлер) (1812—1870) — I 194—202, 647, 669, 688, 797—799 || 806, 809, 810, 812, 815—819, 821, 822, 824—831, 834—837, 841, 843, 844, 846—850, 852—854, 857—861; II 16—18, 21—23, 25, 26, 49—53, 74, 77, 80, 92, 93, 126, 197, 208—224, 235—237, 244, 253—274, 276, 281, 289, 290, 292—299, 301—317, 329—332, 334—372, 376—391, 396, 401—413, 416—420, 422—428, 435—439, 442—449, 455, 456, 458, 462—464, 466, 468, 469, 476, 483—486, 488, 492—495, 498, 499, 502, 504, 505, 507—509, 511—546, 550, 553 || 558—562, 564—571, 573—581, 583, 584, 586—591, 594—598, 600—644, 646, 648.
- Герцен Наталья Александровна** (Натали), рожд. Захарьина (1817—1852), жена А. И. Герцена — II 292, 294, 302—304, 308, 313, 314, 317, 335, 355, 356, 367, 372, 381—384, 388, 390, 402, 404, 408, 411—413, 418, 419, 424—425, 428, 507 || 595, 598, 610.
- Герцен Наталья Александровна** (Тата) (1844—1936), старшая дочь А. И. Герцена — II 184, 188, 195, 356, 423, 428, 441, 443, 456, 465, 500, 517, 528, 533, 540, 541 || 577, 642.
- Гете Иоганн Вольфганг** (1749—1832) — I 300, 416, 426, 427,

- 801 || 861; II 18, 19, 32, 46, 257, 263, 269, 274, 307, 318, 323, 344, 394, 397, 404, 460 || 558, 560, 561, 587, 589, 599, 606—607.
- Гизела* — см. *Арним*.
- Гиллер* Агатон, в 1861 г. представитель польского революционного комитета в Лондоне, впоследствии редактор польской газеты «Ойчизна» — II 456 || 618.
- Гильдемейстер* Отто (1823—1900), нем. критик, журналист и переводчик — II 404 || 608.
- Гильом* Джемс (1844—1917), швейцарский анархист, один из руководителей бакунистского Альянса — II 536 || 641.
- Глазунов* Иван Ильич (1826—1889), книгоиздатель и книготорговец — II 192 || 578.
- Глинка* Федор Николаевич (1786—1880), поэт и публицист — I 439 || 839.
- Гоголь* Николай Васильевич (1809—1852) — I 126, 298, 300, 419, 456, 461—463; II 404 || 608.
- Голицын* Александр Михайлович (1718—1783), генерал-фельдмаршал — I 259.
- Голицын* Александр Николаевич (1773—1844), министр просвещения и духовных дел в 1816—1824 гг. — I 211, 212, 237 || 820.
- Голицын* Александр Федорович (1796—1864), чиновник III отделения, член комиссии, судившей Герцена и Огарева в 1835 г. — I 398 || 835.
- Голицын* Сергей Михайлович (1774—1859), председатель комиссии, судившей Герцена и Огарева в 1835 г. — I 398 || 835.
- Голицын* Юрий Николаевич (1823—1872), музыкант, дирижер — II 456 || 618.
- Головин* Иван Гаврилович (1816—1880-е годы), журналист — II 443.
- Голохвастов* Дмитрий Павлович (1796—1849), помощник попечителя, а затем попечитель Моск. учебного округа, двоюродный брат А. И. Герцена — II 257, 340 || 587.
- Гольбах* Поль Анри (1723—1789) — I 200.
- Гольбейн* (старший) Ганс (ок. 1470—1524), нем. художник — I 292 || 828.
- Гомер* — I 424 || 829; II 215.
- Гончар* (*Гончаров*) Осип Семенович (ок. 1793—1880), глава старообрядцев-некрасовцев — II 495—499, 500—502 || 631.
- Горлов* Иван Яковлевич (1814—1890), экономист, проф. петербургского ун-та — II 461 || 620.
- Горчаков* Александр Михайлович (1798—1883), министр иностр. дел в 1856—1882 гг. — II 61, 553 || 648.
- Гофман*, статс-секретарь при Александре II — I 116 || 811.
- Гофман*, Эрнст Теодор Амадей (1776—1822), нем. писатель, реакционный романтик — I 299 || 829; II 268, 295, 385, 431.
- Гофман*, швейцарский полит. деятель, член кантонального правительства — II 127.
- Грановский* Тимофей Николаевич (1813—1855), историк и общественный деятель, профессор Московского ун-та — I || 807, 824; II 312—313, 334—339, 341, 346, 356, 357, 368, 369, 381, 382, 385—388, 391—401, 404, 407, 415, 417, 419, 429, 469, 544, 545 || 556, 600—602, 606—610, 612, 623.
- Гретри* Андре Эрнест Модест (1741—1813), франц. композитор — I 426 || 838.
- Греч* Николай Иванович (1787—1867), реакционный журналист и беллетрист — I 787 || 859; II 623.
- Грибовский* Петр Михайлович, симбирский приятель Н. П. Огарева — II 435.

Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829) — I 126, 127, 293, 442—444 || 812, 825, 829; II 184, 543 || 643.

Громека Степан Степанович (1823—1877), журналист — II 459 || 619—620.

Гурко (*Друцкой-Соколинский*), автор одного из проектов адресов царю — I 561—562 || 845.

Гурне Винцент (1712—1759), франц. экономист — I 674.

Гурьев Александр Дмитриевич (1786—1865), сенатор — I 294 || 829, 846.

Гурьев Николай Дмитриевич (ум. 1849), дипломат, посол в Гааге, Риме и Неаполе — II 316.

Густав III (1746—1892), шведский король — I 627.

Гюго, Виктор (1802—1885) — II 540.

Д

Диадиани, полковник Эриванского полка — I 118 || 811.

Д'Аламбер Жан Лерон (1717—1783), франц. математик и философ — I 725; II 214.

Дамирон Жан Филиберт (1794—1862), франц. философ — II 253 || 586.

Данич Юлиан, участник польского восстания 1863 г., наборщик в Лондонской и Жевневской типографиях Герцена — II 535 || 640.

Данте Алигьери (1265—1321) — I 299, 437, 449 || 829; II 511 || 634.

Дарте Огюстен Александр (1769—1797), деятель франц. буржуазной революции конца XVIII в., участник «заговора равных» — I 708.

Дашкова Екатерина Романовна (1743—1810), княгиня, госуд. деятельница — I 243.

Двигубский Иван Алексеевич (1771—1839), естествоиспытатель, проф. и ректор Московск. ун-та — II 417 || 610.

Дворачек (*Дворжачек*) Ян (1808—1865), чешский юрист и славист II 325, 326 || 599.

Де Боу Джемс Дэнвуди Браунсон (1820—1867), америк. проф. экономики, статистик и журналист — I 163, 164, 166, 168.

Дежерандо Жозеф Мари (1772—1842), франц. полит. деятель, писатель по вопросам философии и морали — II 290 || 594.

Декарт Рене (1596—1650) — II 84, 153.

Делаво (*Деляво*) А. — переводчик на франц. язык сочинений А. И. Герцена — II 528.

Деларов, русский эмигрант — II 519.

Дельвиг Антон Антонович (1798—1831), поэт, друг А. С. Пушкина — I 439.

Де Местр Жозеф (1753—1821), франц. реакционный философ и дипломат — I 410, 728 || 856.

Демонтович Иосиф, деятель польского национально-освободительного движения — II 479, 480, 485, 489, 490 || 627—629.

Демосфен (384—322 до н. э.), древнегреческий оратор и политич. деятель — I 204, 238 || 819.

Державин Гаврила Романович (1743—1816) — I 423.

Джотто (1266—1337), великий итал. живописец — I 292 || 828.

Диар, слуга Сен-Симона — I 729.

Дибич Иван Иванович (1785—1831), фельдмаршал — I 237, 238, 240 || 824, 825.

Дидро (*Дидерот*) Дени (1713—1784) — II 18 || 558.

Добролюбов Николай Александрович (1836—1861) — I 465 || 829, 842; II 554 || 615.

Долгоруков (*Долгорукий*) Петр Владимирович (1816—1868), писатель и журналист, деятель русской эмиграции — II 443, 487, 498, 502, 518,

519, 525 || 627, 629, 632, 636.
Доменикино (Доменико Цампьеро) (1581—1641), итал. живописец — I 292; II 322.
Доницетти Гаэтано (1797—1848), итал. композитор — II 384 || 605.
Дриберг Фридрих, нем. физик и химик — II 364.
Дружинин Александр Васильевич (1824—1864), критик и беллетрист — I 301 || 818, 829 — 830.

Дурново Николай Дмитриевич — полковник, флигель-адъютант Николая I — I 247 || 825.

Дуров — см. *Мечников* Л. И.

Дьяков Вячеслав Михайлович (1854—1880), студент, осужденный по процессу 1875 г. за революционную пропаганду среди рабочих — II 548, 549 || 645.

Дюко Жан Франсуа (1765—1793), полит. деятель франц. буржуазной революции конца XVIII в. — I 703 || 855.

Дюма (отец) Александр (1803—1870), франц. писатель — I 443 || 840.

Дюнойе (*Дюнуайе*) Шарль (1786—1862), франц. вульгарный экономист и полит. деятель — I 723.

Дюпен Андре Мари (1783—1865), франц. полит. деятель, орлеанист — I 236 || 824.

Дюпон Жак Франсуа (1800—1873), франц. адвокат, публицист и полит. деятель — I 673, 675 || 852.

Е

Европеус Александр Иванович (1826—1885), общественный деятель, петрашевец — I 369 || 834; II 74 || 564.

Екатерина I (1684—1727), императрица — I 570.

Екатерина II (1729—1796), императрица — I 216, 222, 240, 243, 254, 257—260, 349, 423, 428, 570, 591 || 816, 820.

Елизавета Петровна (1709—1761), императрица — I 216, 257, 259.

Елисеев Григорий Захарович (1821—1891), публицист — II 527 || 639.

Ермилов Федор, моск. старообрядец — II 149 || 573.

Ермолов Алексей Петрович (1772—1861), генерал, крупный военный деятель — I 403.

Ж

Жакото Жан Жозеф (1770—1840), франц. педагог — II 12 || 557.

Жан-Батист см. *Боке* Ж.-Б.

Желтухин Алексей Дмитриевич (1820—1865), пензенский помещик, консервативный публицист — II 401, 413, 417 || 607.

Жорж Санд (псевдоним Авроры Дюдеван) (1804—1876), франц. писательница — II 19, 292, 384, 385 || 595, 605, 610.

Жуков К. Н., помещик — II 465.

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852), поэт и историк — I 424, 444 || 837; II 313, 333 || 557, 595, 613.

Жуковский Николай Иванович (1842—1895), деятель женевской эмиграции 1860—1870 гг. — II 126, 127, 513, 516, 546 || 571, 635, 637.

Жуковский, польский эмигрант в Тульче — II 496 || 631.

З

Зайцев Трофим Ермолаевич (род. 1846 или 1851), солдат, осужденный по процессу 1875 г. за революционную пропаганду — II 548 || 645.

Запасник Александр, русский бурж. экономист, жил некоторое время во Франции — II 449, 450 || 616.

- Зеленый** Александр Алексеевич (1819—1880), реакционный гос. деятель — I 592 || 848.
- Зон** Карл Фердинанд (1805—1867), нем. художник — II 333 || 600.
- Зонненберг** Карл Иванович (ум. после 1862), губернёр Н. П. Огарева — II 256, 274 || 587.

И

- Иван IV** (1530—1584), царь — I 249, 256, 424, 603.
- Иван Антонович** (Иван VI) (1740—1764), император — I 219, 257, 258.
- Иваненко** Моисей Моисеевич, участник моск. студенческого кружка Герцена—Огарева — II 272, 274, 277, 344 || 591, 592.
- Иванов** Александр Андреевич (1806—1858), известный художник — I 292—304 || 828, 829.
- Иванов** Прохор, архидиакон — I 251.
- Иванчин—Писарев** Александр Иванович (1849—1916), журналист, пропагандист-народник 1870-х годов — II 551 || 647.
- Ивашковский** Семен Мартынович (ум. 1850), автор греческих и латинских словарей — II 344.
- Игнатъев** Павел Николаевич (1797—1879), петербургский генерал-губернатор в 1860-х годах — I 128, 129 || 813.
- Иоанн Безземельный**, английский король в 1199—1216 гг. — I 613.
- Иовский** Петр Александрович, адъютант Моск. ун-та по кафедре права в 1830-х гг. — II 257 || 587.
- Иоганнис** Андриан, музыкант, дирижер Моск. театра — II 302, 304 || 596.
- Иордан** Владислав, польский эмигрант-аристократ, живший в Турции — II 496.

Искандер, псевдоним А. И. Герцена (см.).

К

- Кабанис** Пьер Жан Жорж (1757—1808), франц. философ и врач — II 390 || 606.
- Кабе** (*Кабэ*) Этьен (1788—1856), франц. социалист-утопист — I 693.
- Кавелин** Константин Дмитриевич (1818—1885) историк и публицист, либерал — I 194—202, 249 || 818, 836, 843, 850, 851; II 394, 522 || 607.
- Кант** Иммануил (1724—1804) — II 46, 343 || 560, 561.
- Капнист** Василий Васильевич (1757—1823), драматург и поэт — I 423.
- Каразин** Василий Назарович (1773—1842), реакционный публицист, экономист и историк — I 567 || 845, 846, 858.
- Карамзин** Николай Михайлович (1766—1826) — I 215, 249, 424, 444 || 820; II 16 || 557.
- Карель** Арман (1810—1836), франц. публицист, один из основателей газеты «Националь» — II 291 || 594.
- Карлейль** Томас (1795—1881), англ. историк и философ — I 197, 198 || 818.
- Карташев** Фаддей Семенович, крестьянин села Белоомут, Рязанской губ. — II 291 || 594, 595.
- Касаткин** Виктор Иванович (1831—1867), литератор, деятель эмиграции — II 125, 445 || 571, 615.
- Катков** Михаил Никифорович (1818—1887), реакционный публицист — I 659, 680, 758, 768, 787 || 847; II 149, 302, 304, 443, 459, 464, 465, 469, 480, 484, 500, 504, 505, 543, 554 || 596, 620, 621, 623, 627, 633.
- Каховский** Петр Григорьевич (1797—1826), один из каз-

- ненных руководителей восстания 14 декабря 1825 г. — I 267, 573, 791, 794, 795 || 825, 826, 860.
- Кашперов* Владимир Никитич (1827—1894), композитор — II 431—435, 440 || 612—614.
- Квантэн* Э.-Ф. студент, деятель финского национально-освободительного движения — II 113—114, 479, 480, 489 || 569, 626, 629.
- Кельсиев* Василий Иванович (1835—1872), деятель русской эмиграции в 1860-х годах — II 87, 127, 128, 462, 470, 486, 487, 496—499, 504 || 566, 569, 571, 624, 629, 631, 632.
- Кельсиев* Иван Иванович (1841—1864), участник студенческого революционно-демократического движения 1860-х годов II 457, 470, 486, 499 || 619, 624, 629, 632.
- Кене* (*Кенэ*) Франсуа (1694—1774), франц. медик и экономист — I 674.
- Кеппен* Петр Иванович (1793—1864), географ и статистик — I 275 || 827.
- Кетчер* Николай Христофорович («барон») (ок. 1806—1886), врач, переводчик, член кружка Герцена-Огарева, впоследствии либерал — II 270—272, 274—292, 294, 299, 300, 302, 304, 306, 307, 313, 315, 335, 372—379, 387, 468, 553 || 591—594, 596, 601, 603, 604, 623, 648.
- Кизер* Дитрих Георг (1779—1862), нем. врач-психиатр — I 397 || 835; II 272.
- Киндяков* (*Киндьяков*) Николай, товарищ Огарева по Моск. ун-ту — II 272 || 591.
- Кине* Эдгар (1803—1875), франц. историк и полит. деятель — I 702, 703 || 854; II 525 || 638.
- Киреевский* Иван Васильевич (1806—1856), один из основоположников славянофильства — II 397.
- Кирияков* — II 368.
- Кислев* Павел Дмитриевич (1788—1872), гос. деятель, министр гос. имуществ — I 155, 175, 176, 339 || 813, 816, 817.
- Клеймихель* Петр Андреевич (1793—1869), приближенный Николая I — I 216 || 821, 837.
- Клыков*, знакомый Н. П. Огарева — II 304, 366 || 597.
- Ключарев* Григорий Иванович, чиновник, поверенный Герцена в Москве — II 404, 408 || 608.
- Клюшников* Иван Петрович (1811—1895), поэт, участник кружка Станкевича — II 311.
- Клячко* (*Клачко*) Юлиан (1827—1906), публицист, польский эмигрант — II 466, 526 || 564.
- Княжнин* Яков Борисович (1742—1791), писатель и драматург — I 423.
- Кобден* Ричард (1804—1865), англ. полит. деятель — I 94 || 808.
- Кожевников* Андрей Львович (1802—1867), декабрист — I 243, 792 || 825.
- Козлов* Иван Иванович (1779—1840), поэт — I 439.
- Кокорев* Василий Александрович (1817—1889), откупщик — I 286, 309—311 || 827, 831.
- Колокольцев* Александр Дмитриевич, помещик, двоюродный брат Н. П. Огарева — I 400.
- Колумб* Христофор (1451—1506) — I 459.
- Кольцов* Алексей Васильевич (1809—1842), поэт — I 419, 426, 454, 455, 461, 462 || 841.
- Колюпанов* Нил Петрович (1827—1894), публицист-экономист — I 771 || 858.
- Комаров* Александр Сергеевич, инженер, некоторое время сотрудничал в «Современнике» — II 404 || 608.
- Комаров* Николай, осведомитель в деле декабристов — I 235—236 || 824.

- Комаров* Т. («Чаплия»), корреспондент «Колокола» — II 518 || 636.
- Кон* Г. — II 481, 482 || 627.
- Кондорсе* Жан Антуан (1743—1794), франц. просветитель, деятель франц. буржуазной революции конца XVIII в. — II 50, 51.
- Коновницын* Петр Петрович (1802—1830), декабрист — I 247, 267 || 825.
- Константин Николаевич* (1827—1892), вел. князь, брат Александра II — I 273, 291, 378, 468, 469 || 828, 842, 848, 850.
- Константин Павлович* (1779—1831) цесаревич, старший брат Николая I, наместник Польши — I 208—215, 236, 238, 241, 242, 251, 252, 254, 255, 264, 788—791.
- Конт* Огюст (1798—1857), франц. философ, основатель позитивизма — I 695—697, 722, 723 || 854; II 51, 215, 216, 359, 377, 519 || 576, 603.
- Коперник* Николай (1473—1543) — II 216.
- Корнелиус* Петер (1783—1867), нем. художник — I 303 || 830.
- Корф* Модест Андреевич (1800—1872), приближенный Николая I — I 203—270, 617 || 819, 830, 836, 839.
- Корф* Павел Леопольдович (1836—1913), петербургский земский деятель, публицист — II 513.
- Корш* Евгений Федорович (1810—1897), журналист, участник московского кружка Герцена — Огарева 1840-х годов, впоследствии либерал — I || 808; II 382, 385, 387, 394, 414—417, 429, 468 || 556, 608, 609, 612, 623.
- Корш* Мария Федоровна (1809—1883), близкий друг Огарева и Герцена — II 384, 386, 402, 404, 408, 416.
- Кост* Жан Виктор (1807—1873), франц. естествоиспытатель — II 363.
- Костомаров* Николай Иванович (1817—1885), историк и этнограф — 534 || 641.
- Косяков* Дмитрий, полицмейстер в Павловске — I 245, 246.
- Кочубей* Виктор Павлович (1768—1834), дипломат, гос. деятель — I 206 || 820, 846.
- Кошанский* Николай Федорович (1781—1831), проф. латинской и русской словесности в Царскомсельском лицее — I 126, 127, 132 || 813.
- Кравчинский* Сергей Михайлович (псевдоним Степняк) (1851—1895), народник 1870-х годов, романист и публицист — II 551 || 647.
- Краевский* Андрей Александрович (1810—1889), издатель «Отечественных записок» — II 487 || 629.
- Кропотов* Дмитрий Андреевич (ум. 1875), реакционный писатель — I 787 || 859.
- Крузе* Николай Федорович (1823—1901), публицист, цензор в 1855—1859 гг., председатель земской управы — I 308 || 830; II 513.
- Крузеништольпе* Магнус Якоб (1795—1865), шведский историк, романист и публицист — I 220, 243 || 821.
- Крыжановский* (Крижановский) Северин, участник польского национально-освободительного движения — I 785.
- Крылов* Иван Андреевич (1769—1844), великий русский писатель-баснописец — I 127 || 813.
- Кудрявцев* Петр Николаевич (1816—1858), проф. Моск. ун-та, биограф Грановского — II 404, 544.
- Кузен* Виктор (1792—1867), франц. философ — II 255, 263, 267 || 586, 589, 590.
- Кукольник* Нестор Васильевич (1809—1868), реакц. писатель и драматург — I 435, 449.
- Купер* Фенимор (1789—1851),

америк. писатель — II 255
|| 586, 587.

Курно Антуан Огюстен (1801—1877), франц. математик — I 697 || 854; II 162—164, 214, 512 || 574, 635.

Кутузов, офицер — I 795.

Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797—1846), поэт, декабрист — I 439, 793.

Л

Лавров Иван Васильевич (1803—1869), публицист, писавший по аграрным вопросам — I 67 || 806.

Лавров Петр Лаврович (1823—1900) — II 546—555 || 585, 586, 644—649.

Лагарп Фредерик Цезарь (1754—1838), швейц. либеральный деятель, воспитатель Александра II — I 429 || 820, 838.

Ламенне Фелисите Робер (1782—1854), франц. публицист и полит. деятель — I 728 || 856; II 253, 291 || 594.

Лангевич Мариан (р. 1827), участник польского восстания 1863 г. I 649 || 850.

Ланн Жан (герцог Монтебелло) (1769—1809), маршал Франции, сподвижник Наполеона I — II 339.

Ланской Сергей Степанович (1787—1862), гос. деятель, министр внутренних дел (1855—1861) — I 175, 271 || 812, 817, 826, 834, 842.

Лапинский Теофил (1827—1886), польский полковник, участник восстания 1863 г. — II 489 || 625—629.

Лассаль Фердинанд (1825—1864) мелкобуржуазный социалист, деятель германского рабочего движения — II 244.

Лактин Алексей Козьмич (1808—1838) университетский товарищ Огарева — I 396, 398—400 || 835, 837; II 262, 264—266, 271, 274, 276 || 588, 590, 591.

Левальд Фанни (1806—1871), нем. писательница — II 526 || 638.

Левашов Василий Васильевич (1783—1848), член следственной комиссии по делу декабристов — I 227, 228, 255, 784, 794 || 823.

Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646—1716), нем. философ-идеалист — II 84.

Ленг (*Лэинг*) Сэмюэл (1780—1868), англ. публицист — I 140, 150.

Леон (*Лев*) X (1475—1521), римский папа с 1513 — I 673.

Леон, знакомая Герцена и Огарева — II 517.

Леонтьев, Павел Михайлович (1822—1874), реакционный публицист, редактор «Московских ведомостей» — I 758, 787; II 464 || 621.

Лерминье Жан Луи Эжен (1803—1859), франц. юрист и публицист — II 256 || 587.

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — I 295, 396, 405, 406, 419, 449—455, 457, 458, 462, 464, 650 || 829, 835, 836, 841, 850; II 192—194 || 578.

Лессий, генерал-фельдмаршал при Елизавете — I 259.

Лжедимитрий I (ум. 1606) — I 254.

Либих Юстус (1803—1873), выдающийся нем. химик — II 353, 372 || 603.

Ливанов Геронтий, деятель старообрядчества — II 496, 501 || 632.

Липранди Иван Петрович (1790—1880), полицейский агент и провокатор — I 399.

Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович (1758—1838), министр юстиции, участник суда над декабристами — I 213, 260 || 820.

Локк Джон (1632—1704), англ. философ — материалист — II 255.

Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) — I 423.

- Лонже* Франсуа Ахилл (1811—1871), франц. физиолог — II 388 || 606.
- Лопухин* Петр Васильевич (1753—1827), председатель верховного суда над декабристами — I 260.
- Лугинин* Владимир Федорович (1834—1911), участник студенческих кружков, впоследствии проф. химии Моск. ун-та — I || 844; II 469—475, 488 || 563, 623—625, 629.
- Луи* — *Наполеон* — см. *Наполеон III*.
- Луи Филипп* (1773—1850), франц. король — I 236; II 355.
- Лукашевич* Василий Лукич (ок. 1783—1866) масон, был привлечен по делу декабристов — I 225 || 822—823.
- Лунин* Михаил Сергеевич (1787—1845), декабрист — I 266, 267, 404, 795 || 826.
- Львов* Николай Михайлович (1821—1872), писатель — комеднограф — I 301 || 830.
- Людвик XIV* (1638—1715), франц. король — I 597, 672.
- Людвик XV* (1710—1774), франц. король — I 672.
- Людвик XVI* (1754—1793), франц. король — I 428, 672.
- Людвик-Наполеон* — см. *Наполеон III*.
- Людвик-Филипп* — см. *Луи-Филипп*.
- Лютер* Мартин (1483—1546) — I 729.
- М**
- Мадзини* Джузеппе («Осип Иванович») (1805—1872), выдающийся деятель итальянского национально-освободительного движения — II 217, 492, 508—510, 521 || 573, 630, 634.
- Мажанди* Франсуа (1783—1855), франц. физиолог — I 410 || 837.
- Мазепа* Иван Станович (1644—1709), гетман Украины с 1687 г. — I 257.
- Мазуркевич* Антон, участник польского революционного движения 1848 г. — I 133.
- Майборода* Аркадий Иванович (ок. 1800—1844), капитан Вятского полка, выдавший П. И. Пестеля — I 227, 235, 790 || 821, 823.
- Майков* Василий Иванович (1728—1778), поэт — I 440 || 840.
- Макиавелли* Никколо ди Бернардо (1469—1527), итал. полит. деятель — II 216.
- Максимов* Сергей Васильевич (1831—1901), писатель и публицист — II 527 || 639.
- Мальцев (Мальцов)* Сергей Иванович, помещик — I 469 || 843.
- Маржерен*, франц. сен-симонист — I 719 || 856.
- Марйо*, жена итальянского революционного деятеля Альберта Марйо — II 525.
- Мария Павловна* (1786—1859), вел. княгиня — I 240.
- Мария Федоровна* (1759—1828), императрица, жена Павла I — I 211, 214, 239, 245, 252, 766.
- Маркс* Карл (1818—1883) — II 525 || 638, 640.
- Марраст* Арман (1801—1852), франц. бурж. полит. деятель, один из лидеров правых республиканцев — I 673, 675 || 852.
- Мартьянов* Петр Алексеевич (1835—1865), крепостной крестьянин, сблизившийся с Герценом и Огаревым — I 570—572, 575, 577, 637—638, 764 || 846, 858; II 236, 489, 493 || 584, 629, 630.
- Маршев* Иван Иванович, побочный брат Н. П. Огарева — II 289, 292.
- Маттер* Жак (1791—1864), франц. писатель — философ — II 291 || 594.
- Медем* Павел Иванович (1800—1854), дипломат, русский посланник в Вене — II 316.

- Мейер (Майер) Николай* Васильевич (1806—1846), врач — I 403, 409—413 || 836; II 325.
- Мейзенбург* Мальвида Амалия (1816—1903), нем. писательница, друг семьи Герцена — II 523, 532 || 638.
- Мейснер*, врач в Карлсбаде (Карловы Вары) — II 322.
- Мельгунов* Николай Александрович (1804—1867), писатель, музыкальный критик и публицист, либерал — I || 807, 819, 851; II 469 || 623.
- Мельников-Печерский* Павел Иванович (1819—1883), писатель — II 455.
- Менцель* Вольфганг (1798—1873), нем. критик и историк — II 18, 308 || 597.
- Меншиков* Александр Данилович (1673—1729), ближайший сподвижник Петра I — I 561; II 29.
- Мерославский* Людвиг (1814—1878), деятель польского национально-освободительного движения — II 78 || 565.
- Мерчинский*, польский эмигрант — II 219, 529.
- Меттерних* Клеменс Лотар Венцель (1773—1859), австрийский гос. деятель — I 223 || 822.
- Мечников* Лев Ильич (псевдоним С. Дуров) (1838—1888), участник революционно-демократического движения — II 514—516, 533, 534 || 635, 637.
- Микеланджело* Буонарроти (1475—1564) — I 299.
- Милль* Джон Стюарт (1806—1873), известный англ. социолог и экономист — I 141, 145, 283, 338, 362, 612 || 848; II 466—468 || 622.
- Милорадович* Михаил Андреевич (1771—1825), петербургский генерал-губернатор — I 212, 213, 237, 238, 240, 241, 246—247, 267 || 820, 825, 826.
- Милютин* Дмитрий Алексеевич (1816—1912), генерал-фельдмаршал, военный министр в 1861 — 1881 гг. — I 782 || 859.
- Минин (Сухорук)* Козьма (ум. 1616), организатор и руководитель народного ополчения 1611—1612 гг. — I 561.
- Мирабо* Оноре Габриель Рикетти (1749—1791), деятель франц. буржуазной революции конца XVIII в. — I 423, 510.
- Мирсс* Жюль (1809—1871), франц. финансовый делец — I 501 || 843.
- Мирович* Василий Яковлевич (1740—1764), подпоручик, казненный Екатериной II — I 257—259.
- Михаил Павлович* (1798—1849), вел. князь — I 205, 214, 215, 238, 239, 241, 248, 793.
- Михаил Федорович* (1596—1645), царь — I 569, 604, 631—633.
- Михелет* Карл Людвиг (1801—1893), нем. философ-гегельянец — II 255 || 586.
- Мицкевич* Адам (1798—1855), великий польский поэт — I 351.
- Мишле* Жюль (1798—1874), франц. историк — II 263, 483 || 589.
- Мишо* Жозеф Франсуа (1767—1839), франц. публицист и историк — II 263 || 589.
- Моат* Джемс, англ. чиновник — II 245.
- Молinari* Густав (1819—1912), бельгийский буржуазный экономист — I 443 || 840; II 461, 526 || 638.
- Моллер* Александр Федорович (1796—1862), полковник, был близок к декабристам — I 790—791.
- Моммзен* Теодор (1817—1903), известный нем. историк — I 698.
- Моно* Габриэль (1844—1912), франц. историк — II 552 || 648.
- Монтелло*, герцог — см. Ланн Ж.
- Монтескье* Шарль Луи (1689—1755), франц. просветитель — II 255.

Мордвиов Николай Семенович (1754—1845), экономист — I 789.

Морошкин Федор Лукич (1804—1857), проф. Моск. ун-та по кафедре права — II 267, 272 || 590, 591, 597.

Моцарт Вольфганг Амадей (1756—1791) — I 299—300; II 431.

Мур Томас (1779—1852), англ. поэт, романтик — II 416 || 610.

Муравьев Александр Николаевич (1792—1863), декабрист, член Союза Благоденствия — I 221, 265, 783, 784 || 821, 822.

Муравьев Михаил Николаевич («Вешатель») (1796—1866), реакционный гос. деятель — I 220, 221, 290, 324, 364, 365, 592, 659, 668, 780 || 821, 822, 828, 848, 851, 852; II 494 || 615.

Муравьев Никита Михайлович (1796—1843), видный деятель движения декабристов — I 218, 225, 229, 231, 264, 265, 783 || 821—823, 839.

Муравьев Николай Николаевич (1768—1840), генерал-майор, отец А. Н. и М. Н. Муравьевых — I 221, 222 || 822.

Муравьев-Апостол Матвей Иванович (1793—1886), один из руководящих деятелей декабристского движения — I 225, 783 || 822.

Муравьев-Апостол Сергей Иванович (1796—1826), один из казенных руководителей восстания 14 декабря 1825 г. — I 225, 230, 253, 264, 267, 573, 783, 784, 787, 794, 795 || 822, 823; II || 632.

Муханов Павел Александрович (1798—1871), стоял во главе гражданского управления Царства Польского — II 61.

Мысловский П. Н., протонерей Казанского собора в Петербурге — I 788, 794, 795.

Мюллер-Стробиц Герман (ок. 1810—1893), нем. литератор

и искусствовед, участник революционного движения в 1840-х годах — II 387, 388, 403 || 605.

Мюльгаузен Федор Богданович, брат Е. Б. Грановской — II 334 || 601.

Мюрат Ахилл (1801—1841), сын наполеоновского маршала, жил в США — II 254 || 586.

Мясоедов, помещик Симбирской губернии — I 562.

Н

Надеждин Николай Иванович (1804—1856), критик, журналист и этнограф — II 341.

Назимов Михаил Александрович (1801—1888), декабрист — II 265 || 836.

Налбандян Михаил (Микаэл) Лазаревич (Н.) (1829—1866), выдающийся армянский революционер-демократ — I || 842; II 463 || 621.

Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — I 222, 228—230, 266, 418, 428, 527, 675, 728 || 817, 841, 845; II 222, 233.

Наполеон III (Луи-Наполеон Бонапарт) (1808—1873), франц. император — I 236, 418 || 837, 843; II 50 || 570.

Нейдгардт Александр Иванович (1784—1875), генерал, начальник штаба гвардейского корпуса — I 241 || 824.

Нейман, проф. Венского ун-та, славист — II 325—327 || 599.

Некрасов Николай Алексеевич (1821—1878) I 462—464 || 842; II 391, 395, 422, 452, 533 || 606, 611, 617, 619.

Немродовы Григорий и Петр, братья по отцу Н. П. Огарева — II 354, 366 || 602.

Нечаев Сергей Геннадиевич (1847—1882) революционер-заговорщик — I || 861; II 219, 233, 535, 535, 545 || 559, 582—584, 641, 643, 644.

Николадзе Нико Яковлевич (1843—1928), грузинский ре-

волюционный демократ — I || 853; II 543 || 643.

Николай Николай Павлович (1818—1869), советник русского посольства в Лондоне — I 133.

Николай I (1796—1855), император — I 107, 115, 117, 133, 185, 195, 201, 203—205, 208—217, 220, 225, 229, 231, 234—242, 244—256, 259—261, 263, 265—269, 348, 349, 360, 399, 420, 422, 435, 441, 444, 447—449, 452, 453, 456, 462, 464, 550, 573, 591, 618, 633—634, 663, 672, 752, 755, 784, 788, 790—794 || 814, 820, 821, 823—826, 837, 840, 841; II 240, 285, 491 || 568.

Никон (1605—1681), московский патриарх — II 25.

Новалис (псевдоним Фридриха фон Гарденберга) (1772—1801), нем. писатель, реакц. романтик — II 343, 432.

Новиков Николай Иванович (1744—1818), выдающийся просветитель, писатель-сатирик, журналист — I 423.

Нордстрем (*Нордиштрем*) деятель финского национально-освободительного движения — II 479, 480 || 626.

Норов Василий Сергеевич (1793—1853), декабрист — I 266.

Носков Михаил, участник студенческого кружка Герцена — Огарева — II 256, 259 || 587.

Носов крестьянин Пермской губернии — II 501 || 632.

Ньютон Исаак (1642—1727) — I 416; II 84, 153, 450.

О

Оболенский Евгений Петрович (1796—1865), декабрист — I 784, 788, 789 || 822, 839.

Оболенский Иван Афанасьевич (1805—1849), участник студенческого кружка Герцена — Огарева — II 262 || 588.

Обручев Николай Николаевич (1830—1904), участник революционно-демократического движения 1860-х годов — I || 843, 844, 859; II || 564, 616, 617.

Огарев Илья Богданович, сенатор, дядя Н. П. Огарева — I 400—401.

Огарев Платон Богданович (ум. 1838), отец Н. П. Огарева — I 396, 413; II 256, 270, 272—274, 283, 285—286, 292, 294, 301, 382, 543 || 590, 594, 605.

Огарева Елизавета Ивановна, (рожд. Баскакова) (1784—1815), мать Н. П. Огарева — II 318.

Огарева Марья Львовна (рожд. Рославлева) (ум. 1853), первая жена Н. П. Огарева — I 396, 398, 399, 401, 411—413 || 835; II 277—283, 285—287, 289, 292, 299—301, 303, 308, 313, 315, 317—327, 332—334, 354, 418, 420, 426 || 592, 596, 599, 617.

Огарева Наталья Алексеевна (рожд. Тучкова) (1829—1913), вторая жена Н. П. Огарева — II 418—424, 426, 427, 441, 444, 450, 455, 465, 469, 488, 502, 507, 514, 523 || 610—613, 615, 618, 629, 638.

Одоевский Александр Иванович (1802—1839), декабрист-поэт — I 403—409, 411—413, 444 || 822, 836, 840.

Озеров Владимир Михайлович (1838—1915), участник революционно-демократического движения 1860-х гг. — II 243, 519, 526, 545, 550 || 585, 537, 644, 646.

Окен Лоренц (1779—1851), нем. натурфилософ — I 397 || 835; II 293.

Онслоу Георг (Джордж) (1784—1852), франц. композитор — I 426 || 838.

Орлов Алексей Григорьевич (1737—1807), участник дворцового переворота 1762 г. — I 243.

- Орлов** Алексей Федорович (1786—1861), шеф жандармов I 246, 249, 252, 290 || 825, 828.
- Орлов** Николай Алексеевич (1827—1885), русский посол в Бельгии (1859—1869) — II 492 || 619.
- Островский** Александр Николаевич (1823—1886), известный драматург — I 301, 463, 760 || 830, 857.
- Островский** Михаил Николаевич (1827—1901), брат предыдущего, симбирский чиновник, приятель Н. П. Огарева — I || 840; II 431—435 || 612.
- Оуэн** Роберт (1771—1858), великий англ. социалист-утопист — I 416, 713, 719, 720, 730; II 211.
- П**
- Павел I** (1754—1801), император — I 206, 216, 219, 220, 234, 240, 243, 291, 428, 429, 642 || 820, 822, 828.
- Павлов** Михаил Григорьевич (1793—1840), проф. физики Моск. ун-та — II 257, 293 || 587.
- Павлов** Николай Филиппович (1805—1864), писатель и журналист — I || 851; II 468 || 623.
- Павлов** Платон Васильевич (1823—1875), проф. истории в Киевском и Петербургском ун-тах — II 75 || 564—565.
- Пален** Петр Алексеевич (1745—1826), петерб. военный губернатор, участник убийства Павла I — I 243.
- Пален** Федор Петрович (1780—1863), дипломат, посланник в Мюнхене — II 316.
- Пальмерстон** Генри Джон Темпл (1784—1865), англ. гос. деятель, лидер вигов — I 197, 510 || 818, 833.
- Панаев** Валерьян Александрович (1824—1899) инженер путей сообщения, публицист — I 309, 310 || 831; II 456 || 618.
- Панаев** Иван Иванович (1812—1862), писатель и журналист — II 377, 391, 394, 395 || 619
- Панаева** Авдотья Яковлевна (псевдоним — Н. Станицкий) (1819—1893), писательница — II 422 || 611.
- Панин** Виктор Никитич (1801—1874), министр юстиции — I 120, 121, 290, 364, 365, 525 || 812, 828.
- Панов** Николай Алексеевич (1803—1850), декабрист — I 250, 792 || 826.
- Панчулидзе** Александр Алексеевич (1789—1867), пензенский губернатор, дядя М. Л. Огаревой — I 396, 400, 401 || 835; II 292, 294, 434 || 556, 595, 613.
- Панчулидзе** Алексей Давыдович, саратовский губернатор — I 401 || 835.
- Панчулидзева**, дочь А. А. Панчулидзева — II 302 || 596.
- Парни** Эварист Дезире де Форж (1753—1814), франц. поэт — I 440, 441.
- Пассек** Вадим Васильевич (1808—1842), писатель, историк и этнограф, друг юности Огарева и Герцена — II 256, 258, 259, 264—266, 272, 286, 292, 308, 312 || 586, 587, 590, 591, 593, 597.
- Пассек** Диомид Васильевич (1807—1845), генерал-майор, брат В. В. Пассека — II 256, 259 || 587.
- Пассек** Евгений Васильевич (1804—1842), чиновник министерства внутренних дел, брат В. В. Пассека — II 256 || 587.
- Пассек** Людмила Васильевна, сестра В. В. Пассека — II 256, 264, 292.
- Пассек** Татьяна Петровна (рожд. Кучина) (1810—1889), писательница, жена В. В. Пассека, II 256, 259, 353 || 587, 591.
- Пейн** Томас — см. *Пэн* Томас.

- Перетц* Иосиф Николаевич, один из посетителей Герцена, впоследствии агент III отд. — II 464.
- Перрон* Шарль, швейц. издатель — II 531.
- Пестель* Павел Иванович (1793—1826), один из казенных руководителей восстания 14 декабря 1825 г. — I 216, 224—231, 267, 349, 404, 439, 444, 538, 573, 783—788, 790, 794, 795 || 821, 823, 839, 840, 859; II || 632.
- Петерсон*, врач в Пензе — II 283 || 593.
- Петр I* (1672—1725), император — I 138, 153, 171, 175, 215, 216, 220, 257, 348, 349, 357, 359, 379, 434, 521, 561, 569—570, 591, 633, 642, 643 || 831; II 24—30, 216 || 558, 559.
- Петр III* (1728—1762), император — I 216, 219, 243, 254, 561, 570, 573; II 123.
- Петрарка* Франческо (1304—1374), известный итал. поэт — I 416.
- Петрашевский* (Буташевич) Михаил Васильевич (1821—1866), I 421, 465, 653 || 837; II 612.
- Петров* Антон (1824—1861), крестьянин Казанской губ., руководитель Бездненского восстания I 556.
- Печерин* Владимир Сергеевич (1807—1885), проф. греческой филологии Моск. ун-та, затем эмигрант — I 456, 457 || 841; II 476—478 || 625, 626.
- Пий IX* (1792—1878), пап римский с 1846 г. — II 508, 510 || 634.
- Пиотровский* Руфин, участник польского восстания 1830 г. — II 466 || 621.
- Писарев* Дмитрий Иванович (1840—1868), — I 762 || 857; II 527 || 576, 616, 620, 639, 646.
- Писемский* Алексей Феофилактович (1821—1881), писатель — I || 830; II 460 || 620.
- Платон* (427—347 до н. э.) — I 707.
- Платонов* А. Н., петерб. земский деятель — II 513.
- Плетнев* Петр Александрович (1792—1865), критик, журналист и поэт — I 444; II 313 || 598.
- Погодин* Михаил Петрович (1800—1875), реакц. писатель и журналист — II 321 || 601.
- Погосский* Александр Фомич (1816—1874), журналист, издатель журнала «Солдатская беседа» — II 180.
- Поджио* Александр Викторович (1798—1873), декабрист — I 227, 228 || 823.
- Пожарский* Дмитрий Михайлович (ок. 1578 — ок. 1642), выдающийся русский полководец и полит. деятель — I 561.
- Полевой* Николай Алексеевич (1796—1846), журналист, писатель и историк — I 435; II 291 || 595.
- Полежаев* Александр Иванович (1804—1838), поэт — I 441, 447—449 || 841.
- Политковский* Александр Гаврилович, крупный чиновник — I 170.
- Потанов* Александр Львович (1818—1886), управляющий III отделением — II 66.
- Потсбня* Андрей Афанасьевич (1838—1863), русский офицер, участник польского восстания 1863 г. — I 647—657 || 843—850; II 480, 485, 490 || 564, 567, 568, 627, 628.
- Прель*, Карл — нем. писатель по философии и спиритизму — II 248 || 585.
- Провансов* — см. Слепцов А. А.
- Проктор* — II 248 || 586.
- Прудон* Пьер Жозеф (1809—1865), франц. экономист и социолог, один из основоположников анархизма — I 196, 362, 714, 720, 747 || 855; II 456, 531 || 610.

- Пугачев* Емельян Иванович (ок. 1742—1775) — I 254, 257—259, 573, 633, 739 || 810; II 222, 233, 491.
- Пулятин* Ефимий Васильевич (1803—1883), в 1861 г. министр просвещения — II 65, 67 || 564.
- Пушкин* Александр Сергеевич (1799—1837) — I 136, 184, 259, 294, 300, 350, 401, 404, 414, 425—428, 430—432, 434—436, 438—446, 448, 449, 452, 455, 466 || 814, 822, 825, 832, 833, 835, 837—841; II 184, 194, 395, 433, 511, 522—523 || 598, 607, 613, 638.
- Пушкин* Иван Иванович (1798—1859), декабрист, друг А. С. Пушкина — I 430, 790, 791.
- Пэн* Томас (1737—1809), америк. полит. деятель, революционный демократ, просветитель — I 693 || 854.

Р

- Радищев* Александр Николаевич (1749—1802) — I 423, 428, 663, 796.
- Равский* Николай Николаевич (1801—1843), генерал, друг Пушкина — I 413.
- Разин* Степан Тимофеевич (ум. 1671) — I 312, 573, 633 || 841; II 189, 233.
- Разумовский* Кирилл Григорьевич (1728—1803), последний гетман Украины (1750—1764) — I 259.
- Ракитин* Петр Иванович, крестьянин села Белоомут Рязанской губ. — II 291 || 594, 595.
- Ранке* Леопольд (1795—1886), нем. историк — II 302, 307 || 597.
- Распайль* Франсуа Венсан (1794—1878), франц. естествоиспытатель и революционный деятель — I 410 || 836—837.
- Раумер* Фридрих (1781—1873), нем. реакционн. историк — II 356.
- Рафаэль* Санти (1483—1520) — I 292; II 317, 322, 323.
- Ращинский* Афанасий (1788—1874), прусский граф, собиратель картин — II 403.
- Рад* Николай Андреевич (1792—1855), генерал, участвовавший в подавлении польского восстания 1830—1831 гг. — I 196 || 818.
- Рабук* Джон Артур (1801—1879), англ. полит. деятель — I 355 || 833.
- Реден* Фридрих Вильгельм (1804—1857), нем. статистик и географ — I 96, 97 || 808.
- Редерн*, франц. граф — I 729.
- Рейбо* (*Ребо*) Мари Рош, Луи (1799—1879), франц. писатель и экономист — II 33 || 560.
- Рейналь* Гильом (1713—1796), франц. историк, деятель просвещения — I 424 || 837.
- Рейтерн* Михаил Христофорович (1820—1890), министр финансов в 1862—1878 гг. — I 672, 742 || 852.
- Рейхель* Адольф (1820—1896), нем. композитор и писатель, муж М. К. Рейхель — II 404, 412 || 608.
- Рейхель* Мария Каспаровна (рожд. Эрн) (1823—1916), друг семьи Герцена — II 514 || 635.
- Реклю* Жан Жак Элизе (1830—1905), франц. географ и социолог, теоретик анархизма — II 526, 531 || 639.
- Рембрандт* Хармен ван Рейн (1606—1669) — I 299.
- Рени* Гвидо (1575—1642), итал. художник — II 322.
- Ретчер* (*Ретшер*) Генрих Теодор (1803—1871), нем. теоретик эстетики — I 437 || 839.
- Ридуэтт де Санси* — франц. граф — I 131.
- Римский-Корсаков* Григорий Александрович (ум. 1852), сосед Огарева по Пензенской губ. — II 434 || 613.
- Риттер* — см. *Сатин Н. М.*

- Робер** Луи Леопольд (1794—1835), франц. художник — II 403 || 608.
- Робеспьер** Максимилиан (1758—1794) — I 675, 701, 703, 704 || 854, 855.
- Родивановский**, жандармский полковник в Пензе — II 434 || 613.
- Родичев** Федор Измаилович (р. 1856) — в 1870-х гг. близкий к студенческому революционному кругу, впоследствии один из лидеров партии кадетов — II 554 || 649.
- Розанов** Леоптий Иванович, публицист — 527 || 639.
- Розен** Андрей Евгеньевич (1800—1884) декабрист — I 791—792 || 836, 859.
- Розенкранц** Иоганн Карл Фридрих (1805—1879), нем. философ, ученик Гегеля — II 341—342 || 601.
- Романова** Ксения Ивановна, мать царя Михаила Федоровича — I 631, 632.
- Ромье** Огюст (1800—1855), франц. писатель, I 669 || 852.
- Россель** (Рассел) Джон (1792—1878), англ. гос. деятель — II 315 || 598.
- Ростовцев** Яков Иванович (1803—1860), гос. деятель — I 235—238, 306, 331, 345, 520, 664 || 824, 830, 832; II 60—62.
- Ротшильд**, банкирский дом — I 310; II 189, 420.
- Рубинштейн** Антон Григорьевич (1829—1894), выдающийся пианист и композитор — II 529.
- Руссо** Жан Жак (1712—1778), I 675; II 18, 22, 23, 255.
- Рыбников** Павел Николаевич (1831—1885), фольклорист, в университетские годы участник студенческого движения — II 76 || 565.
- Рылеев** Кондратий Федорович (1795—1826), один из казенных руководителей восстания 14 декабря 1825 г., поэт — I 225, 228, 230, 234, 237, 244, 267, 270, 347, 348, 350, 351, 435—439, 444, 447, 573, 787—791, 794, 795 || 822, 825, 832, 833, 836, 839, 841, 859, 860; II 267, 544 || 588, 590, 643.
- Рюкерт** Фридрих (1788—1866), нем. поэт, романтик — II 337 || 601.
- Рюрик**, полупоупендарный варяжский князь, пришедший в 862 г. в Новгород — I 138, 622.

С

- Савич** Алексей Николаевич (1810—1883), астроном, член студенческого кружка Герцена — Огарева — II 259 || 587.
- Сазонов** Николай Иванович (путешественник) (1815—1862), публицист и писатель, участник студенческого кружка Герцена — Огарева 1840-х годов — II 271, 274, 287, 370, 376, 379, 387, 404, 407, 412, 426 || 591—593, 604, 608, 611.
- Салиас де Турнемир** Евгений Андреевич (Женни) (1840—1908) — писатель-беллетрист — II 457, 461, 487, 491, 500, 505, 507 || 612, 629, 634.
- Салиас де Турнемир** Елизавета Васильевна (рожд. Сухово-Кобылина) (1815—1892), писательница (псевдоним Евгения Тур) — I || 810; II 457, 458, 460—462, 464—466, 474, 476, 486—488, 491—494, 499, 500, 503—508 || 605, 620, 625, 629, 630, 634.
- Салиас де Турнемир** Мария Андреевна (в замуж. Гурко) — II 457, 488.
- Салтыков** (Салтыков-Щедрин) Михаил Евграфович (1826—1889) — II 527, 534 || 639, 641.
- Самарин** Юрий Федорович (1819—1876), публицист, видный

- славянофил — I 332 || 809, 831; II 385 || 605.
- Сатин** Николай Михайлович («Риттер») (1814—1873), поэт и переводчик, друг Огарева — I 396, 397, 402, 403, 411—413; II 256, 261, 263, 274, 282, 288, 302—304, 313, 327—329, 333, 336, 337, 339, 343—345, 358, 363, 366, 368, 369, 374—376, 381, 382, 384, 387, 404, 468, 469, 517 || 587, 591, 592, 594, 596, 599, 601, 602, 604, 608, 615, 623.
- Северин** Дмитрий Петрович (1792—1865), дипломат, товарищ Пушкина по «Арзамасу» — I 449 || 841.
- Селиванов** Илья Васильевич (1810—1882), писатель-мемуарист, пензенский помещик, сосед Н. П. Огарева — II 369, 374, 425—426 || 603, 611.
- Семенов** Степан Михайлович (1789—1852), декабрист — I 784.
- Сен-Мартен** Луи Клод (1743—1803), франц. писатель-мистик — I 410 || 836.
- Сен-Симон** Анри Клод (1760—1825), выдающийся франц. мыслитель, социалист-утопист — I 708, 719—729, 731, 732 || 835, 856; II 50, 51, 211, 263, 267 || 589.
- Сен-Симон** Виктор, племянник А. К. Сен-Симона — I 724, 729.
- Серафим** (С. В. Глаголевский) (1763—1843), петербургский митрополит — I 251.
- Серно-Соловьевич** Александр Александрович (1838—1869), выдающийся деятель революционно-демократического движения 60-х годов — II 531, 533, 539 || 640.
- Серно-Соловьевич** Николай Александрович (1834—1866), выдающийся деятель революционно-демократического движения — I || 842—844, 851; II 60—62, 444, 449, 455, 456, 462—464, 493 || 562, 565, 579, 615—618, 620.
- Сетерленд** Мэри, подруга Огарева в последний период его жизни — II 528, 547, 554.
- Сеченов** Иван Михайлович (1829—1905), великий естествоиспытатель, основоположник русск. физиологической школы — II 165, 168—169 || 574.
- Сийес** Эмманюэль Жозеф (1748—1836), деятель франц. буржуазной революции конца XVIII в., аббат — I 671, 675 || 852.
- Силуэт** Этьенн (1709—1767), министр финансов при Людовике XV — I 672 || 852.
- Сипягин**, знакомый Герцена — II 274.
- Сиряков** (Серяков) А. И. (1855 — после 1896), студент, осужденный по процессу 1875 г. за пропаганду среди рабочих и крестьян II 548 || 645.
- Сисмонди** Жан Шарль Леонор Симон де (1773—1842), швейц. буржуазный экономист и историк — I 142 || 815.
- Скабический** Александр Михайлович (1838—1910), лит. критик — II 527 || 639.
- Скалдин** (псевдоним Ф. П. Еленева) (1828—1902), публицист, просветитель — I 771, 780 || 858.
- Скарятин** Владимир Дмитриевич, реакционный журналист 1860—70-х гг. — I 680 || 853.
- Слепцов** Александр Александрович (1835—1906), участник революционно-демократического движения 1860-х гг. — I || 842, 843; II 476, 481—483 || 567—569, 625, 627.
- Смит** Адам (1723—1790) англ. экономист — II 255.
- Соболевский** Сергей Александрович (1803—1870), литератор, друг Пушкина — I 417 || 837.
- Сократ** (469—399 до н. э.) — II 344.
- Соловьев** Николай Иванович (1831—1874), реакционный

- журналист и критик — I 760—762 || 857; II 172—177, 523 || 576, 638.
- Соловьев Яков Александрович* (1820—1876), статистик — I 331, 332.
- Сперанский Михаил Михайлович* (1772—1839), госуд. и полит. деятель при Александре I — I 215, 240, 561, 617, 656, 789 || 820.
- Спиноза Бенедикт* (1632—1677), выдающийся голланд. философ-материалист — II 155, 257, 267, 294, 349.
- Станкевич Александр Владимирович* (р. 1821), брат и биограф Н. В. Станкевича — II 469, 544, 545 || 623.
- Станкевич Николай Владимирович* (1813—1840), философ-идеалист, руководитель моск. кружка 1830-х гг. — I 455 || 841; II 311, 370, 545 || 600, 603, 623.
- Стракерс и Лов*, англ. угольно-промышленная фирма — II 137.
- Студницкий (Станицкий)* — см. Панаева А. Я.
- Стюрлер Александр Николаевич*, генерал — I 658 || 850—851.
- Суворов Александр Васильевич* (1730—1800) — II 237.
- Суслова Аполлинария Прокофьевна* (в замуж. Розанова) (1840—1917), писательница и переводчица — II 523 || 638.
- Сутгоф Александр Николаевич* (1801—1872), декабрист — I 250, 790, 792 || 825, 826.
- Сухово-Кобылин Александр Васильевич* (1817—1903), выдающийся драматург, брат Е. В. Салиас де Турнемир — II 382 || 605.
- Сухово-Кобылин Василий Александрович*, генерал, помещик, отец Е. В. Салиас де Турнемир — II 465.
- Сухово-Кобылина Евдокия Васильевна* (в замуж. Петрово-Соловово) (1819—1896), сест-
- ра Е. В. Салиас де Турнемир — II 308, 333, 506, 507 || 597, 600, 605, 634.
- Сухово-Кобылина Мария Ивановна* (рожд. Шепелева) (1789—1862), мать Е. В. Салиас де Турнемир — II 308 || 597.

Т

- Талейран Шарль Морис* (1754—1838), франц. полит. деятель и дипломат — I 296; II 184, 216 || 578.
- Тальберг Зигизмунд* (1812—1871), известный польский пианист и композитор — II 408 || 609.
- Татищев Александр Иванович* (1763—1833), военный деятель — I 219—220 || 821.
- Тацит Корнелий* (ок. 55 — ок. 120), древнеримский историк — I 298.
- Тейлор Питер*, владелец дома в Лондоне — II 484.
- Тенгоборский Людвиг Валерианович* (1793—1857), буржуазный экономист — I 160—161, 164, 275, 330, 338, 498 || 816.
- Тидге Кристоф Август* (1752—1841), нем. поэт — II 16 || 558.
- Тимофеев Алексей Васильевич* (1812—1883), поэт — II 276 || 592.
- Тициан Вечеллио ди Кадоре* (1477—1576), великий итальянский художник — I 292.
- Ткачев Петр Никитич* (1844—1886), публицист и критик, идеолог народничества — II 243 || 579, 585.
- Токарев Александр Андреевич* (ум. 1821), чиновник, член Союза Благоденствия — I 784.
- Токвиль Алексис* (1805—1859), франц. бурж. историк и полит. деятель — I 150, 673 || 816.
- Толстой Яков Николаевич* (1791—1867), член Союза Благоденствия, впоследствии агент III отделения за границей — I 784.

Толь (Толль) Карл Федорович (1777—1842), генерал-адъютант Александра I, участник подавления декабрьского восстания и польского восстания 1830—1831 г. — I 214, 251, 793.

Топильский М. — чиновник министерства юстиции — I 121 || 812.

Топорнин Алексей Никанорович (р. ок. 1812) судился по «делу Сунгурова» 1830-х гг. — II 272 || 591.

Трубецкой Николай Иванович (1807—1874), эмигрант, стоявший в оппозиции к царскому правительству — II 493, 494 || 630.

Трубецкой Сергей Петрович (1790—1860), декабрист — I 224, 226, 253, 783, 789—792 || 822.

Трюбнер Николай (1817—1884), англ. библиограф и издатель. Издавал и распространял издания А. И. Герцена — II 113, 126, 128, 135, 462, 466, 485.

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — I 463 || 850; II 404, 442, 466, 470, 519 || 600, 605, 614, 623, 624, 637, 649.

Тургенев Николай Иванович (1789—1871), декабрист, экономист — I 217, 218, 231, 261, 305, 322, 324 || 821, 827, 830—832.

Тучков Алексей Алексеевич (1800 — ок. 1879); декабрист, пензенский помещик, отец Н. А. Тучковой-Огаревой — II 340, 354, 369, 381, 384, 385, 392, 396, 401, 402, 405, 407, 408, 413, 415, 417—419, 425, 427, 434, 469 || 602, 603, 606, 607, 610, 613.

Тучкова Н. А. — см. *Огарева Н. А.*

Тучкова Наталья Аполлоновна (1802—1894), жена А. А. Тучкова — II 384, 385, 419, 469.

Тхоржевский Станислав, ближайший эмигрант, ближайший технический помощник в из-

дательских делах Герцена и Огарева — II 456, 484, 516, 518, 524—537, 540, 541, 544—546 || 618.

Тьер Адольф (1797—1877), франц. полит. деятель и историк — II 223, 270, 316 || 591.

Тьерри Огюстен (1795—1856), франц. бурж. историк — I 722 || 856; II || 572.

Тюрго Анн Роберт Жак (1727—1781), франц. полит. деятель и экономист — I 144 || 815.

Тютчев Алексей Иванович (1800—1856), декабрист — I 264.

У

Ульбышев Александр Дмитриевич (1794—1858), музыкальный критик и историк музыки — II 432 || 613.

Улятовский Аркадий, участник польского восстания 1830—1831 гг. — I 117 || 811.

Унковский Алексей Михайлович (1828—1893), тверской помещик, обществ. деятель — I 309, 310, 369, 562 || 831, 834, 845; II || 563.

Усов Степан Александрович (1825—1890), физик и математик, с 1867 г. проф. Артиллерийской академии — II 456, 500, 503 || 618, 632, 633.

Утин Николай Исаакович (1840 или 1841—1883), участник студенческого движения 1860-х гг. и т. н. «Молодой эмиграции» — I || 851—853; II 150, 514, 516, 519, 521, 535, 536 || 573, 627, 633, 635, 637, 641.

Ф

Фази Джемс (1796—1878), швейц. полит. деятель — II 388, 525 || 606, 639.

Фейербах Людвиг (1804—1872) — II 317, 323 || 599.

Феликс, участник польского вос-

стания 1863 г. — II 483—485 || 628.

Фет (*Шеншин*) Афанасий Афанасьевич (1820—1892), поэт — I 457.

Филарет (*В. М. Дроздов*) (1782—1867), московский митрополит с 1826 г. — I 211, 214 || 820.

Филарет Захарович, архидьякон при старообрядческом митрополите в Белокринице — II 127 || 571.

Фильд Джон (1782—1837), англ. пианист, композитор и педагог, с 1802 г. жил в России — I 83.

Финн, см. *Квантен*.

Фиркс Ф. И. — см. *Шедо-Ферроти*.

Фихте Иоганн Готтлиб (1762—1814), нем. философ-идеалист — II 150, 257, 267.

Флери — II 482.

Фогт Карл (1817—1895), нем. естествоиспытатель, вульгарный материалист — II 525, 526 || 639.

Фома Кемпийский (1379—1471), средневековый богослов — I 407 || 836.

Фонвизин Денис Иванович (1745—1792) — I 319, 423.

Фуллер Джон (1817—1898), англ. инженер — II 142.

Франсуа, слуга в семье А. И. Герцена в 1850-х гг. — II 441.

Франц Иосиф (1830—1916), австр. император с 1848 г. — II 100, 449.

Франциск I (1494—1547), франц. король с 1515 г. — I 673.

Френкель и Гомберг, нем. банкиры — I 310.

Фридрих II (1712—1786), прусский король — I 359.

Фридрих Вильгельм IV (1795—1861), прусский король — II 328, 337, 343, 599.

Фролов Николай Григорьевич (1812—1855), друг Огарева, журналист — II 347, 359, 370, 375, 387, 405, 407 || 602, 604.

Фурнель Анри (1799—1876), франц. горный инженер, сенсимонист — I 719 || 856.

Фурье Шарль (1772—1837), великий франц. социалист-утопист — I 430, 708, 720; II 11, 45, 211, 218, 266, 321 || 561.

Х

Химик — см. *Яколев А. А.*

Хмелинский Игнатий (ум. 1863), польский революционный деятель, участник восстания 1863 г. — II 493 || 630.

Ховрина Марья Дмитриевна (1801—1877), знакомая Огарева — II 287 || 593.

Ходкевич Александр (1776—1838), польск. публицист, препод. химии в виленском ун-те — II 293.

Хомяков Алексей Степанович (1804—1860), поэт-славянофил — I 445, 459 || 840, 842.

Хромов Алексей, крестьянин Саратовской губ. — I 658 || 850.

Хрущов Дмитрий Петрович (1816—1864), товарищ министра государственных имуществ — II 450 || 616.

Ц

Цверцякевич Иосиф, участник польского национально-освободительного движения — II 489, 526, 533 || 629, 639, 641.

Цебриков Николай Романович (ум. 1866), декабрист — I 267.

Цезарь Кай Юлий (100—44 до н. э.) — II 413.

Цокер и К^о, англ. судостроительная фирма — II 245.

Ч

Чаадаев Петр Яковлевич (между 1793 и 1796—1856) — I 403, 404, 407, 408, 434, 458 || 836.

Чарторижские (Чарторыйские) Адам (1770—1861) и Владислав, возглавлялы аристократическое крыло польской эмиграции — II 532.

- Чекин**, поручик в Шлиссельбургской крепости в 1764 г. — I 257, 258.
- Черкасов** Александр Иванович (ум. 1788), президент медицинской коллегии при Екатерине II — I 259.
- Черкасский** Владимир Александрович (1824—1878), тульский помещик, публицист-славянофил — I 309, 322 || 831.
- Черкесов** Александр Александрович (1839—1908), участник революционного движения 1860-х гг. — II 539 || 642.
- Чернецкий** Людвиг (ум. 1872), польский эмигрант, заведывал типографией Герцена в Лондоне и Женеве — II 456, 515, 518, 527, 531, 535, 539—541, 545 || 618, 640.
- Чернышев** Александр Иванович (1786—1857), князь, приближенный Николая I, член следственной комиссии и верховного суда по делу декабристов — I 784, 795 || 823.
- Чернышев** Павел Феофистович (1854—1876), студент, участник революционного движения 1870-х гг. — II 554 || 649.
- Чернышевский** Николай Гаврилович (1828—1889) — I || 807, 815, 816, 834, 847, 857; II 150, 451, 455, 459, 464, 468, 493, 521 || 564, 573, 576, 615—617, 619—621.
- Чесноков** Лука, солдат — I 241.
- Чихачев** А. И., помещик, автор экономических статей — I 101—105 || 808, 809; II || 610.
- Чичерин** Борис Николаевич (1828—1904), реакц. писатель и публицист — I 194—202 || 815, 818, 836, 843, 847; II 455, 459, 465, 468, 522 || 618, 623.
- Ш**
- Шатобриан** Франсуа Рене (1768—1848), франц. писатель, реакц. романтик — I 728 || 856.
- Шаховской** Федор Петрович (1796—1829), декабрист — I 784.
- Шварц** Федор Ефимович (ум. 1859), полковник, командир Семеновского полка в 1819—1822 гг. — I 228, 255 || 838.
- Шварц** Бронислав (ум. 1904), участник польского восстания 1863 г. — II 492, 494 || 630.
- Шевалье** Мишель (1806—1879), франц. экономист и публицист — II 495 || 631.
- Шевелев** Николай Александрович (ок. 1828 — ок. 1885), эмигрант — II 536, 540, 541 || 642.
- Шевченко** Тарас Григорьевич (1814—1861) — I 466.
- Шевырев** Степан Петрович (1806—1864), реакц. публицист и критик — I 86, 87 || 807; II || 601.
- Шедо-Ферроти** (псевдоним барона Федора Ивановича Фиркса) (1812—1872), реакционный публицист — II 504, 505 || 633.
- Шекспир** Вильям (1564—1616) — I 299, 300, 303, 415, 426, 437 || 829, 837, 839; II 217, 307, 327.
- Шелгунов** Николай Васильевич (1824—1891), публицист, революционный демократ — II 451—455 || 616, 617.
- Шеллинг** Фридрих Вильгельм (1775—1854) — I 397, 410 || 835; II 257, 263, 267, 293, 328, 329, 423 || 599.
- Шервуд** Иван Васильевич (1798—1867), провокатор, выдавший декабристов — I 235, 790.
- Шереметевы**, крупнейшие русские помещики — I 283.
- Шиллер** Иоганн Фридрих (1759—1805) — I 426, 427; II 18, 19, 22, 23, 189, 266, 274, 293, 302—303, 337, 344, 395, 448 || 590, 595, 596, 607, 626.
- Шиль** Иосиф Николаевич, экономист — II, 454 || 617.

Ширяев Александр Сергеевич (ум. 1841), крупный книгоиздатель и книготорговец — II 313 || 598.

Шишков Александр Семенович (1754—1841), реакц. госуд. деятель и писатель — I 213, 214, 424 || 820.

Шницлер Иоганн Генрих (1802—1871), нем. историк и статистик, в 1823—1828 гг. жил в России — I 247—249.

Штейн Генрих Фридрих Карл (1757—1831), нем. госуд. деятель — I 428 || 832, 838.

Штенцель Густав Адольф Гарольд (1792—1854), нем. историк — II 313 || 598.

Штраленберг Филипп Иоганн (1676—1747), шведский офицер, в 1709—1722 гг. находился в плену в России — I 631, 632.

Штраубе Е., шведский книготорговец — II, 485, 493 || 570, 628, 630.

Шуберт Франц Петер (1797—1828), великий австр. композитор — II 433.

Шувалов Андрей Павлович (1816—1876), петербургский губернский предводитель дворянства — I || 857; II 513, 519 || 635, 637.

Шульце-Делич Герман (1808—1883), нем. бурж. экономист и полит. деятель — II 525 || 638.

Щ

Щедрин — см. *Салтыков-Щедрин*.

Щепин-Ростовский Дмитрий Александрович (1798—1859), декабрист — I 245, 791 || 825.

Щербаков Алексей Яковлевич (р. 1842), участник «казанского заговора», в 1860-х гг. учился и работал в Швейцарии — II 528, 529, 533 || 639.

Щербина Николай Федорович (1821—1869), поэт и фольклорист — II 433 || 613.

Э

Эллидин Михаил Константинович (1835—1908), эмигрант, владелец типографии в Женеве и Цюрихе — II 536, 539.

Эмерсон Ралф Уолдо (1803—1882), амер. писатель и философ-идеалист — I 140.

Энгельс Фридрих (1820—1895) — I || 824; II 525 || 638, 640.

Энгельсон Владимир Аристович (1821—1857), революционный деятель, эмигрант с 1850 г. — I 199, 200 || 818.

Эрдман Иоганн Эдуард (1805—1892), немецкий философ, правый гегельянец — II 302, 304.

Эскандер — см. *Герцен А. И. Эсхил* (525—456 до н. э.), древнегреческий поэт-трагик — II 436.

Ю

Ювенал Децим Юний (род. в 60-х гг. — ум. после 127), древнеримский поэт-сатирик — I 430.

Юм Давид (1711—1776), англ. философ — I 200.

Юниор — см. *Герцен А. А.*

Юшневский Александр Петрович (1786—1844), декабрист — I 231, 784, 787 || 823.

Я

Яблоновский Антон Станиславович (1793—1855), участник польского национально-освободительного движения — I 785 || 859.

Языков Михаил Александрович (1811—1885), приятель В. Г. Белинского, содержал совместно с Н. Н. Тютчевым «комиссионную контору» — II 377, 424, 426 || 604.

Яковлев Алексей Александрович («химик»), (1795—1868), двоюродный брат А. И. Герцена — II 450, 543 || 616.

Яковлев Иван Алексеевич (1767—1846), отец А. И. Герцена — II 543.

Якубович Александр Иванович (1792—1845), декабрист — I 243, 246, 247, 254, 792, 793 || 824.

Якушкин Иван Дмитриевич

(1796—1857), декабрист — I 235, 265, 266, 783, 793—795 || 826.

Янсон Юлий (р. 1851), солдат московского полка, осужденный по процессу 1875 г. за пропаганду среди солдат — II 548 || 645.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

РАЗДЕЛ I

ВОЗЗВАНИЯ, НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

〈Народная политехническая школа〉	7
Письма деревенского жителя	16
〈Отрывок из автобиографии〉	21
Что бы сделал Петр Великий?	24
〈Записка о тайном обществе〉	31
〈Заметки и наброски〉	39
1. Теоретические заметки (I)	—
2. Мысли и заметки	42
3. 〈Заметка о Канте〉	46
4. Прологомна ад гисторисофиам	49
Идеалы	54
Предисловие к VIII и IX книжкам «Голосов из России»	60
〈Цель русского движения〉	63
Университеты закрывают!	65
〈О тайных обществах и их объединении〉	68
〈Заметки и наброски〉	81
Теоретические заметки (II)	—
Религия и наука	86
〈Предисловие к журналу «Общее вече» № 1〉	87
〈Обращение к Комитету русских офицеров в Польше〉	89
〈О руководящих органах «Земли и Воли» и программе работ ее окружных комитетов〉	91
Всему народу русскому, крестьянскому	95

⟨Братья солдаты! Одумайтесь — пока время⟩	100
⟨Братья солдаты! Ведут вас бить поляков⟩	104
Офицерам всех войск от общества «Земли и Воли»	106
Слово правды	108
Три вопроса	113
Что-то будет?	119
⟨О восстановлении связи с обществом «Земля и Воля»⟩	125
⟨Политические письма к старообрядцам⟩	129
Первое письмо к иноку	—
Второе письмо к иноку	133
Третье письмо к иноку	139
Четвертое письмо к иноку	148
Примечание к эпиграфу утинской статьи	150
⟨Заметки и наброски⟩	151
1. Опыт введения в науку	—
2. Примечания и материалы	161
3. Примечание к Соцпот	162
По поводу чтения Сеченова и Саши	165
⟨Тезисы о «libre arbitre» (свободе воли)⟩.	170
Старовоздвиженская философия	172
Народные земледельческие училища	178
⟨О пропагандистских земледельческих коммунах⟩	182
С утра до ночи	184
Наша повесть	200
⟨Ответы на статью Герцена «Между старичками» (первая редак- ция писем «К старому товарищу») и на брошюру Баку- нина «Постановка революционного вопроса⟩	208
⟨Первый ответ. 10—17 мая 1869 г.⟩	—
⟨Второй ответ. Конец мая 1869 г.⟩	214
⟨Третий ответ. Июнь 1869 г.⟩	220
Мужичкам	225
Встреча	226
Напутствие	228
⟨Что ж, братцы!⟩.	230
От дедушки внуку	233
Будущность	235
Империя	238
⟨Программы несостоявшегося журнала⟩	241
Знание и революция	243
⟨Отношения работника и хозяина⟩	245
После чтения «Знания»	248
⟨Последняя запись⟩	250

РАЗДЕЛ II

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА

1. А. И. Герцену (3 сентября 1832 г.)	253
2. А. И. Герцену (9 сентября 1832 г.)	257
3. А. И. Герцену (7 июня 1833 г.)	260
4. А. И. Герцену (10 июля 1833 г.)	262
5. А. И. Герцену (29—30 июля 1833 г.)	264
6. А. И. Герцену (1833 г.)	267
7. А. И. Герцену (26 августа 1833 г.)	268
8. Н. Х. Кетчеру (лето 1835 г.)	270
9. А. И. Герцену (29 августа 1835 г.)	272
10. Н. Х. Кетчеру (27 декабря 1835 г.)	274
11. Н. Х. Кетчеру и московским друзьям (конец 1836 г.)	277
12. Н. Х. Кетчеру (26 апреля 1837 г.)	286
13. Н. Х. Кетчеру (весна 1837 г.)	287
14. Н. Х. Кетчеру (октябрь 1837 г.)	289
15. А. И. Герцену (конец апреля 1838 г.)	292
16. А. И. Герцену (конец 1838 г.)	294
17. М. Л. Огаревой (11 апреля 1839 г.)	299
18. А. И. Герцену (6 ноября 1839 г.)	301
19. А. И. Герцену (25 ноября 1839 г.)	303
20. А. И. Герцену (20 февраля — 6 марта 1840 г.)	304
21. А. И. Герцену (7—8 ноября 1840 г.)	308
22. А. И. Герцену (1 марта 1841 г.)	314
23. А. И. Герцену (7 июля 1841 г.)	315
24—29. М. Л. Огаревой (июль — декабрь 1841 г.)	317
30. Н. М. Сатину (27 декабря 1841 г.)	327
31. А. И. Герцену (11 апреля ст. ст. 1842 г.)	329
32. М. Л. Огаревой (5 сентября 1842 г.)	332
33. А. И. Герцену и Т. Н. Грановскому (11—13 июня 1844 г.)	334
34. А. И. Герцену (25/13 сентября 1844 г.)	340
35. Из письма А. И. Герцену (29/17 декабря 1844 г.)	345
36. А. И. Герцену (2 февраля н. ст. 1845 г.)	356
37. А. И. Герцену (13—15 февраля 1845 г.)	368
38. Н. Х. Кетчеру (15 февраля 1845 г.)	372
39. Н. Х. Кетчеру (17/5 марта — 4 апреля 1845 г.)	375
40. А. И. Герцену (27 января 1846 г.)	377

41. А. И. и Н. А. Герцен (18 ноября 1846 г.)	381
42. А. И. Герцену (3 января 1847 г.)	386
43. А. И. Герцену (7 января 1847 г.)	388
44. Т. Н. Грановскому (17 января 1847 г.)	391
45. Т. Н. Грановскому (14 февраля 1847 г.)	396
46. А. И. Герцену (13 марта 1847 г.)	401
47. А. И. Герцену (7/19 июня 1847 г.)	405
48. А. И. Герцену (8/26 июня 1847 г.)	408
49. Е. Ф. Коршу (28 июня 1847 г.)	414
50. А. И. Герцену (4/16 декабря 1848 г.)	417
51. Н. А. Тучковой (1—2 января 1849 г.)	420
52. Н. А. Тучковой (3—6 января 1849 г.)	422
53. А. И. Герцену (3 февраля 1849 г.)	424
54. А. И. Герцену (февраль — март 1849 г.)	426
55. А. И. Герцену (5/17 июля 1849 г.)	—
56. С. И. Астракову (начало августа 1849 г.)	428
57. М. Н. Островскому и В. Н. Кашперову (18 апреля 1852 г.)	431
58. А. И. Герцену (1857 г.)	435
59. П. В. Анненкову (10 июня 1858 г.)	439
60. П. В. Анненкову (29 или 30 июля 1858 г.)	441
61. П. В. Анненкову (24 августа 1860 г.)	—
62. А. И. Герцену (29 августа 1860 г.)	443
63. А. И. Герцену (19 сентября 1860 г.)	445
64. П. В. Анненкову (20 ноября 1860 г.)	449
65. Н. В. Шелгунову (27 июля — 3 августа 1861 г.)	451
66. А. И. Герцену (2 октября 1861 г.)	455
67. Е. В. Салиас (1 мая 1862 г.)	457
68. Н. В. Альбертини (11 мая 1862 г.)	458
69. Е. В. Салиас (19 июня 1862 г.)	460
70. Н. А. Серно-Соловьевичу (около 8/20 июня 1862 г.)	462
71. Е. В. Салиас (8 июля 1862 г.)	464
72. Дж. Стюарту Миллю (вторая половина июля — август 1862 г.)	466
73. Н. М. Сатину (сентябрь 1862 г.)	468
74. В. Ф. Лугинину (30 октября 1862 г.)	469
75. М. А. Бакунину (31 октября 1862 г.)	474
76. Е. В. Салиас (февраль 1863 г.)	476
77. В. С. Печерину (29 марта 1863 г.)	—
78. М. А. Бакунину (21 апреля 1863 г.)	478
79. М. А. Бакунину (8 мая 1863 г.)	479
80. А. А. Слепшову (8 мая 1863 г.)	481
81. А. А. Герцену и Феликсу (11 июня 1863 г.)	483

82. М. А. Бакунину (1 сентября 1863 г.)	485
83. Е. В. Салиас (2 октября 1863 г.)	486
84. М. А. Бакунину (12 октября 1863 г.)	488
85. Е. В. Салиас (24 декабря 1863 г.)	491
86. Е. В. Салиас (31 декабря ст. ст. 1863 г. — 12 января 1864 г.)	493
87. А. И. Герцену (вторая половина января — начало февраля 1864 г.)	494
88. О. С. Гончару (10 марта 1864 г.)	495
89. Е. В. Салиас (28 июня 1864 г.)	499
90. О. С. Гончару (4 июля 1864 г.)	500
91. Е. В. Салиас (18 августа 1864 г.)	503
92. Е. В. Салиас (1 октября 1864 г.)	504
93. И. П. Ворожцову (18 января 1865 г.)	505
94. Е. В. Салиас (19 января 1865 г.)	506
95. Дж. Мадзини (конец февраля — 15 марта 1865 г.)	508
96. Дж. Мадзини (весна 1865 г.)	509
97. Редактору газеты «Giovanti» (15 мая 1865 г.)	511
98. А. И. Герцену (5 мая 1866 г.)	512
99. А. И. Герцену (7 февраля 1867 г.)	513
100. А. И. Герцену (4 марта 1867 г.)	515
101. А. И. Герцену (7 марта 1867 г.)	518
102. Н. И. Утину (конец марта 1867 г.)	519
103. А. И. Герцену (февраль — апрель 1867 г.)	521
104. А. И. Герцену (25 апреля 1867 г.)	522
105. А. И. Герцену (12 сентября 1867 г.)	524
106. А. И. Герцену (15 февраля 1869 г.)	527
107. А. И. Герцену (15 марта 1869 г.)	528
108. А. И. Герцену (27 марта 1869 г.)	529
109. А. И. Герцену (30 марта 1869 г.)	532
110. А. И. Герцену (1 апреля 1869 г.)	533
111. А. И. Герцену (7 апреля 1869 г.)	535
112. А. И. Герцену (12 апреля 1869 г.)	536
113. А. И. Герцену (13 апреля 1869 г.)	539
114. А. И. Герцену (28 апреля 1869 г.)	541
115. А. И. Герцену (5 мая 1869 г.)	542
116. Неизвестному (ноябрь 1869 г.)	544
117. А. И. Герцену (5 января 1870 г.)	545
118. П. Л. Лаврову (16 мая 1875 г.)	546
119. П. Л. Лаврову (28 мая 1875 г.)	547
120. П. Л. Лаврову (13 июля 1875 г.)	—
121. П. Л. Лаврову (2 августа 1875 г.)	548
122. П. Л. Лаврову (14 августа 1875 г.)	549
123. П. Л. Лаврову (10 сентября 1875 г.)	—

124. П. Л. Лаврову (13 октября 1875 г.)	550
125. П. Л. Лаврову (4 января 1876 г.)	—
126. П. Л. Лаврову (26 февраля 1876 г.)	551
127. П. Л. Лаврову (2 марта 1876 г.)	—
128. П. Л. Лаврову (13 марта 1876 г.)	552
129. П. Л. Лаврову (4 апреля 1876 г.)	—
130. П. Л. Лаврову (11 мая 1876 г.)	553
131. П. Л. Лаврову (19 мая 1876 г.)	—
132. П. Л. Лаврову (29 мая 1876 г.)	554
133. П. Л. Лаврову (11 августа 1876 г.)	—
134. П. Л. Лаврову (4 марта 1877 г.)	555
Примечания	556
Указатель имен	650

Огарев Николай Платонович
Избранные социально-политические
и философские произведения

том II

Редактор *Г. Курбатова*

Оформление художника *Н. Седельникова*

Технический редактор *А. Данилина*

Ответственный корректор *О. Панкова*

Сдано в набор 28 января 1956 г. Подписано в печать
18/IX 1956 г. Формат 84 × 108^{1/32}. Физ. печ. л. 21^{3/8}.
Условн. печ. л. 35,055. Учетно-изд. л. 35,92. Тираж 40 тыс.
экз. Заказ № 825. Цена 10 руб.

Государственное издательство политической литературы,
Москва, В-71, Б. Калужская, 15.

Министерство культуры СССР. Главное управление
полиграфической промышленности. 2-я типография
«Печатный Двор» имени А. М. Горького. Ленинград,
Гатчинская, 26.